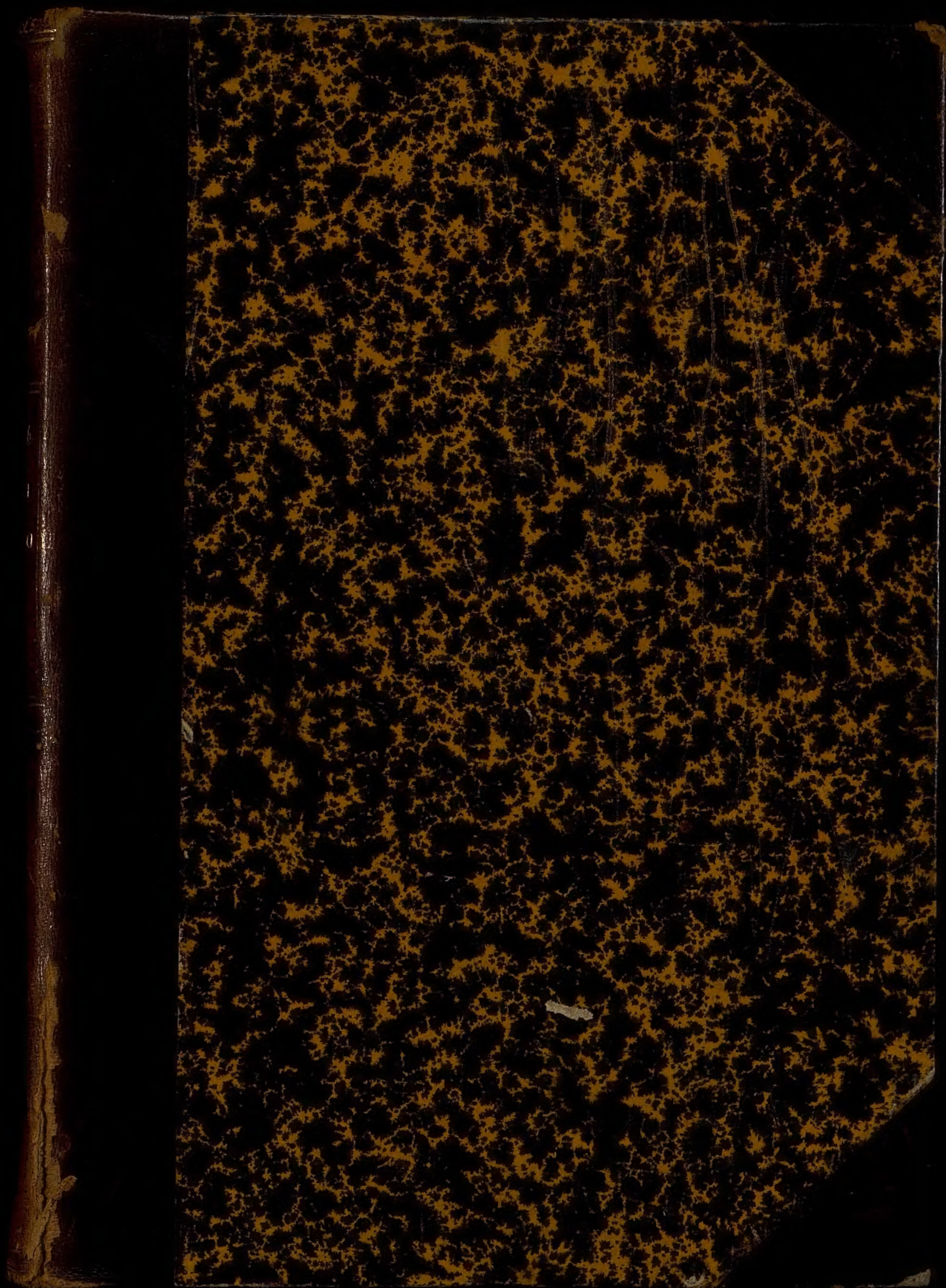


ИСТОРІЯ

РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

М. И. Сухомлинова.

ВЫПУСКЪ ВОСЬМОЙ И ПОСЛѢДНІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1887.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1887 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. С. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Словарь россійской академіи, расположенный по словопроизводному порядку .... 1—180

Источники и пособія при составленіи словаря россійской академіи .... 4— 24

Примѣры изъ сочиненій Ломоносова .... 24— 37

Примѣры изъ сочиненій другихъ писателей .... 37— 44

Пословицы и поговорки .... 44— 52

Аналогическія таблицы .... 54— 62

Различіе между церковно-славянскимъ языкомъ и русскимъ, указываемое словаремъ россійской академіи .... 76— 86

Просторѣчіе, по терминологіи академическаго словаря .... 86— 93

Слова, названныя въ словарѣ простонародными .... 94— 98

Слова старинныя .... 99—104

Слова областныя .... 105—111

Слова техническія .... 111—122

Русскія названія растеній и животныхъ .... 122—125

Слова иностранныя .... 126—132

Филологическіе пріемы и понятія .... 140—148

Словари, предшествовавшіе словарю россійской академіи ... 154—162

Отношеніе словаря россійской академіи къ словарю французской академіи .... 162—172

Отзывы Добровскаго и другихъ ученыхъ о словарѣ россійской академіи .... 172—180

Словарь россійской академіи, расположенный по азбучному порядку .... 181—195

Грамматика россійской академіи .... 195—205

СТРАН.

Научно-литературныя предпріятія россійской академіи..... 205—223
Задачи, предлагаемыя россійскою академіею для соисканія наградъ .... 223—230
Книги, изданныя россійскою академіею.................. 230—233
Повременныя изданія россійской академіи .... 233—241
Критическіе разборы произведеній, представляемыхъ на судъ россійской академіи:
Драматическій опытъ Ободовскаго: «Великій князь Александръ Тверской».. 241—244
Собраніе идиллій Панаева.............................. 244—247
Виргиліевы Георгики, переводъ Раича .... 247—263
Стихотворенія Павла Межакова .... 263—269
Піитика, составленная Пенинскимъ...................... 269—274
Руководство къ изученію русской словесности, соч. Георгіевскаго .... 275—289
Корнесловъ русскаго языка, составленный Шимкевичемъ.... 290—293
Болгарская грамматика, составленная Венелинымъ .... 293—307
Филолого-критическое объясненіе гунскихъ именъ, Венелина. 307—310
Черты академической жизни............................. 310—337
Отношеніе литературы къ россійской академіи .... 337—360
Преобразованіе Россійской академіи во Второе отдѣленіе академіи наукъ.. 360—365
Значеніе россійской академіи .... 365—374
Примѣчанія и приложенія .... 375—493
Проектъ устава россійской академіи, составленный вскорѣ по ея учрежденіи....................................... 424—434
Проектъ устава россійской академіи, составленный въ началѣ царствованія императора Александра I .... 434—447
Уставъ россійской академіи, составленный Шишковымъ и утвержденный въ 1818 году .... 447—475
Письма Коллара и Копитара.............................. 477—481
Проектъ Уварова о соединеніи россійской академіи съ академіею наукъ .... 489—492

ИСТОРІЯ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

Историческое значеніе учено-литературнаго общества опредѣляется его дѣятельностью, свойствомъ и достоинствомъ его трудовъ, вносящихъ болѣе или менѣе важныя данныя въ литературу и науку. Счастливый выборъ задачъ и умѣлое ихъ исполненіе служатъ доказательствомъ, что общество существовало не даромъ, что имъ внесенъ цѣнный вкладъ въ умственную жизнь своего времени.

Для учено-литературнаго общества, возникающаго съ цѣлію разработки отечественнаго языка, главнѣйшимъ предметомъ представляется составленіе словаря. Такое именно требованіе предъявляемо было академіямъ, учрежденнымъ съ подобною цѣлію въ различныхъ странахъ Европы. Такая же задача выпала и на долю россійской академіи.

При самомъ учрежденіи своемъ россійская академія поставила своею главною задачею составленіе словаря отечественнаго языка, и довела свое дѣло до конца, не отступая ни передъ какими препятствіями и затрудненіями. Словарь, изданный академіею, составлялъ въ свое время ея гордость и славу; позднѣйшія поколѣнія ученыхъ и писателей отзываются о немъ также съ большимъ уваженіемъ, находя, что академія вѣрно поняла свое призваніе и принесла существенную пользу тогдашней нашей литературѣ.

Важное значеніе перваго, и по времени и по достоинству, труда россійской академіи налагаетъ на насъ обязанность разсмотрѣть его съ возможною подробностью и точностью.

Въ торжественномъ собраніи россійской академіи, въ день ея открытія, 21 октября 1783 года, заявлено было, что академія *прежде всего* должна «сочинить россійскую грамматику, *россійскій словарь*, риторику и правила стихотворенія»[1]). Самою неотложною изъ этихъ четырехъ работъ признано составленіе словаря, къ которому немедленно и приступили. Въ первомъ, послѣ торжественнаго, собраніи академіи образованъ былъ изъ ея членовъ отдѣлъ, или «отрядъ» для установленія правилъ и порядка къ сочиненію *россійскаго толковаго словаря*, т. е. заключающаго въ себѣ *истолкованіе* словъ россійскаго языка[2]). Въ слѣдовавшемъ за тѣмъ собраніи читано уже было «начертаніе», или планъ словаря, и вмѣстѣ съ обсужденіемъ плана, началось и его выполненіе[3]).

Общій ходъ работъ по словопроизводному словарю состоялъ въ слѣдующемъ. Академики, изъявившіе желаніе участвовать въ трудѣ, приняли на себя собираніе матеріаловъ, по буквамъ: одинъ собиралъ слова, начинающіяся на *А*, другой — на *Б*, третій — на *Г*, и т. д., на всѣ буквы азбуки. Слова выбирались частію изъ прежнихъ словарныхъ опытовъ, печатныхъ и рукописныхъ, частію изъ книгъ церковныхъ и изъ произведеній русскихъ писателей. Всѣ собранныя слова напечатаны были, въ азбучномъ порядкѣ, въ видѣ таблицъ, названныхъ *аналогическими*, и розданы членамъ академіи для провѣрки, замѣчаній и дополненій. Сверхъ словъ, общеупотребительныхъ въ языкѣ книжномъ, въ таблицы вносились слова древнія и старинныя, областныя, техническія и т. п. Такимъ путемъ накопился матеріалъ весьма обширный, дотолѣ небывалый. Чтобы разобраться въ этомъ, поразительномъ для того времени, изобиліи, составлены были въ средѣ академиковъ три отдѣла, или потогдашнему

«отряда»: *объяснительный*, *грамматикальный* и *издательный*. Объяснительный отрядъ долженъ былъ дѣлать точныя опредѣленія словамъ и объяснять ихъ значеніе посредствомъ примѣровъ и сослововъ (синонимовъ). Грамматикальный отрядъ дѣлалъ грамматическія замѣчанія въ той мѣрѣ, въ какой нужны онѣ были для словаря, и отдѣлялъ: слова, употребительныя въ «чистомъ языкѣ», отъ словъ «низкихъ»; слова областныя отъ словъ, употребляемыхъ въ столицахъ; слова коренныя, или первообразныя отъ словъ производныхъ и т. п. Издательный отрядъ заботился о соблюденіи порядка, чистоты и исправности при изданіи; провѣрялъ матеріалы, доставляемые изъ двухъ первыхъ отдѣловъ [4]). Объясненіе терминовъ техническихъ, употребляемыхъ въ различныхъ отрасляхъ знаній, приняли на себя люди науки, каждый по своей спеціальности. Все, что̀ добыто было совокупными трудами многихъ лицъ, вновь пересматривалось въ отдѣлѣ, замѣнившимъ собою всѣ прежніе отдѣлы, и составленномъ изъ первостепенныхъ, по понятіямъ того времени, знатоковъ своего дѣла. Работы велись съ замѣчательною настойчивостью и постоянствомъ, продолжаясь втеченіе одиннадцати лѣтъ — лучшихъ въ академической жизни вообще. Памятникомъ этихъ хорошихъ временъ служатъ шесть частей словопроизводнаго словаря, постепенно выходившихъ въ свѣтъ съ 1789 по 1794 годъ.

Чтобы составить вѣрное понятіе о достоинствахъ и недостаткахъ академическаго словаря и опредѣлить его значеніе для своего времени, необходимо подвергнуть тщательному разбору какъ самое содержаніе словаря, т. е. свойство и выборъ матеріаловъ, послужившихъ основою труда, такъ и способъ ихъ обработки. При этомъ возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ между собою. Какими началами руководствовалась академія при составленіи словаря? Откуда почерпались матеріалы? На чемъ основывался ихъ выборъ и распредѣленіе? Какого рода объясненія и толкованія признавались наиболѣе соотвѣтствующими предположенной цѣли? и т. д. Разнообразіе предме-

товъ, подлежащихъ изслѣдованію, сводится къ слѣдующимъ отдѣламъ:

Источники и пособія при составленіи словаря.

Объясненіе смысла и значенія словъ.

Слова русскія, церковно-славянскія, областныя, техническія, иностранныя, и т. д.

Научные взгляды; понятія филологическія и литературныя, и т. д.

I.

При составленіи словаря россійской академіи главными, но отнюдь не единственными, источниками служили: сборники словъ, уцѣлѣвшіе отъ прежняго времени; произведенія «образцовыхъ» отечественныхъ писателей и памятники церковно-славянскаго языка.

Мысль о составленіи словаря русскаго языка давно уже занимала нашихъ ученыхъ и писателей, и отъ времени до времени дѣлались попытки привести ее въ исполненіе. Доказательствомъ служатъ сборники словъ, печатные и рукописные, составленные разными лицами и бывшіе въ рукахъ членовъ россійской академіи. Любопытныя, но къ сожалѣнію весьма краткія, указанія на рукописныя пособія сдѣланы двумя изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ академіи, ближайшими свидѣтелями ея первыхъ начинаній и дальнѣйшей судьбы.

Академикъ Лепехинъ, непремѣнный секретарь россійской академіи, говоритъ: «Утвердивъ нужныя къ составленію словаря правила, академія пеклася о сисканіи потребныхъ къ тому пособій, и за первый поставила себѣ предметъ собрать всѣ извѣстныя слова по буквенному чину, употребя къ сему *основаніемъ* не токмо тисненію доселѣ преданныя, но и *многія рукописныя оныхъ собранія*»[5]). Ни тѣхъ, ни другихъ, т. е. ни печатныхъ, ни рукописныхъ собраній словъ Лепехинъ не называетъ.

По свидѣтельству кн. Дашковой, академія старалась «о собраніи всѣхъ словъ, какъ славенскихъ, такъ и россійскихъ», и

для этого «употреблены не токмо всѣ печатные краткіе словари, но и *нѣкоторые письменные»* [6]).

Говоря о *печатныхъ* словаряхъ, предшествовавшихъ словарю россійской академіи, составители его имѣли въ виду, безъ сомнѣнія, слѣдующіе труды:

«Лексисъ» Лаврентія Зизанія. 1596.

«Лексиконъ славенороссійскій» Памвы Берынды. 1627.

«Россійскій Целларіусъ». 1771.

«Церковный словарь» протоіерея Петра Алексѣева. 1773. и др.

Что же касается *рукописныхъ* словарей, то о нихъ сохранилось болѣе опредѣленное извѣстіе. Дашкова говоритъ, что членамъ россійской академіи розданы были собранія словъ, очевидно рукописныя, *Тауберта* и *Кондратовича* съ тѣмъ, чтобы оттуда извлекаемы были матеріалы для академическаго словаря. Вотъ подлинныя слова кн. Дашковой: Les lettres furent distribuées aux membres, et le président proposa, qu'à mésure que les membres auront tiré des *Collections de Taubert et Кондратовичъ*, qui leur furent distribuées par alphabet, les materiaux, et qu'ils les enverront au secrétaire, celui-là en faira imprimer un certain nombre d'exemplaires pour l'inspection de chaque membre: à fin qu'à son loisir il puisse ajouter ou rayer tel mot qu'il voudra, et qu'ensuite le comité grammairien et celui qui doit chercher l'etymologie et faire l'analyse des mots rédigerait le tout [7]).

Таубертъ (1717—1771), принимавшій участіе въ занятіяхъ «Россійскаго собранія», учрежденнаго при академіи наукъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, трудился надъ составленіемъ «весьма пространнаго россійскаго лексикона съ толкованіемъ на трехъ другихъ языкахъ» и трудился, какъ самъ говоритъ, «изъ собственной своей охоты, а не по указу». Сотрудниками Тауберта были академическіе переводчики: Лебедевъ, В. Тепловъ и Фрейгангъ [8]). Въ словарѣ Новикова говорится о Таубертѣ: «Подъ его смотрѣніемъ трудилися въ сочиненіи полнаго россійскаго словаря, котораго и было собрано со всякимъ раче-

ніемъ и исправностію по литеру *Р*, но оный въ свѣтъ еще не изданъ» [9]).

Составленіе словарей было своего рода страстью Кондратовича. Онъ даже желалъ получить въ академіи наукъ мѣсто профессора «къ собиранію лексиконовъ латино-россійскаго и россійско-латинскаго языковъ». Но какъ подобной каѳедры не существовало, то ему пришлось ограничиться мѣстомъ академическаго переводчика, которое онъ и получилъ по распоряженію сената. Разсмотрѣть словари Кондратовича академія поручила Ломоносову. Ломоносовъ находилъ, что первообразныхъ словъ собрано Кондратовичемъ немало, но производныхъ и особенно сложныхъ недостаточно; притомъ многіе производныя помѣщены не подъ своими коренными, и «нарочитое число весьма новыхъ и неупотребительныхъ производныхъ словъ»; латинскій переводъ во многихъ мѣстахъ неисправенъ. Дальнѣйшія работы по словарю происходили подъ наблюденіемъ Ломоносова, который считалъ Кондратовича своимъ помощникомъ въ этомъ дѣлѣ. Въ отчетѣ о своихъ занятіяхъ, въ 1749 году, Ломоносовъ говоритъ: «Въ сочиненіи *россійскаго лексикона*, при вспоможеніи Кондратовича, до письмени *П* съ производными, безъ сложныхъ» и т. д. Шумахеръ также приписываетъ этотъ трудъ двумъ лицамъ: «*Ломоносовъ съ Кондратовичемъ лексиконъ*, гдѣ производныя слова стоятъ подъ первообразными, *дѣлаютъ*» [10]). Словарь Кондратовича оказалъ большую услугу Шлецеру, у котораго хватило терпѣнія переписать весь словарь, чтобы придать ему болѣе удобную внѣшнюю форму. Отыскивая пособій для изученія русскаго языка, Шлецеръ, по его собственному выраженію, былъ обрадованъ рукописью, послужившею для него руководствомъ и подспорьемъ на цѣлые десятки лѣтъ. «Эта рукопись, in folio, — говоритъ Шлецеръ — заключала въ себѣ 781 листъ, была настоящій русскій Cellarius, въ которомъ всѣ слова были поставлены подъ своими, конечно, *часто очень неправильными* корнями, съ латинскимъ значеніемъ; онъ былъ *чрезвычайно полонъ* даже въ отношеніи къ естественно-историческимъ и дру-

гимъ техническимъ выраженіямъ. Авторъ его былъ Кондратовичъ. Какъ я обрадовался этой находкѣ! Но нестерпимо разгонистый почеркъ, а вслѣдствіе того затруднительное употребленіе рукописи — кипа бумаги въ аршинъ высоты — отравило мою радость. Въ отчаяніи я началъ переписывать in 4° слово въ слово это произведеніе — корни большимъ шрифтомъ, а производныя и составныя меньшимъ и болѣе сжатымъ. Передъ *Р* и *Т* мнѣ было страшно: въ оригиналѣ первая занимала 32, а вторая 98 листовъ». Переписывать словарь Кондратовича Шлецеръ началъ въ январѣ 1762 года и окончилъ въ іюлѣ 1764 года. «Теперь — замѣчаетъ Шлецеръ — у меня былъ очень удобный лексиконъ, съ широкими полями, на которыя впродолженіе тридцати шести лѣтъ постоянно заносились этимологическія замѣчанія, исправленія, дополненія, сравненія» и т. п.[11]).

Что сталось съ рукописными словарями Тауберта и Кондратовича, объ этомъ не имѣется точныхъ, положительныхъ свѣдѣній. Пріемъ, употребленный россійскою академіею при пользованіи этими словарями, не могъ содѣйствовать ихъ сохраненію въ цѣлости. По словамъ Дашковой, они были распредѣлены между членами академіи по буквамъ, слѣдовательно листы расшиты и розданы по рукамъ. Въ печати извѣстенъ другой словарный трудъ Кондратовича, вышедшій подъ такимъ названіемъ: *Дикціонеръ*, или *Реченіаръ*, по алфавиту россійскихъ словъ, о разныхъ произращеніяхъ, то есть древахъ, травахъ, цвѣтахъ, сѣменахъ огородныхъ и полевыхъ, кореньяхъ и о прочихъ быліяхъ и минералахъ, собранный и сочиненный императорской академіи наукъ коллежскимъ асессоромъ К. Кондратовичемъ. Въ Санктпетербургѣ, въ типографіи морскаго шляхетнаго корпуса, 1780. Латинскія названія напечатаны не только латинскими, но и русскими буквами, по обычаю еще семнадцатаго столѣтія. *Бабка*, тр. въ Украйнѣ — herba nervalis, heutopleuros etc.; герба нервалисъ, гевтоплевросъ, арноглосса, гелефуросъ ортиксъ. *Подъ-груздень* — фунгусъ албусъ линоръ; педункуло крассо и т. д.

По свидѣтельству Ломоносова, «бывшимъ при академіи наукъ *Россійскимъ собраніемъ*, споможеніемъ *Андрея Богданова*, собрано и по альфавиту расположено болѣе 60,000 россійскихъ чистыхъ реченій, которыхъ много уже протолковано и переведено на другіе языки» [12]).

Въ россійскую академію были доставлены рукописныя собранія словъ переводчика Ботвинкина и протоіерея Левшина.

Въ собраніи 18 ноября 1783 года было заявлено, что «*протоіерей Левшинъ* прислалъ *письменное собраніе иностранныхъ словъ, введенныхъ въ языкъ россійскій*» [13]).

Въ декабрѣ 1783 года членомъ россійской академіи Петромъ Васильевичемъ Бакунинымъ «доставленъ для употребленія академіи *рукописный словарь переводчика Ботвинкина*, съ тѣмъ, чтобы оный паки, когда востребуется, былъ возвращенъ» [14]).

Въ академической библіотекѣ, въ числѣ рукописей бывшей россійской академіи, уцѣлѣлъ одинъ изъ сборниковъ словъ, имѣющій нѣкоторую связь съ словаремъ россійской академіи [15]). Сборникъ этотъ сохранился не вполнѣ; онъ прерывается на буквѣ *Т*; первое слово: *Баба*, послѣднее *Тружаюсчійся*. Имена стоятъ въ разныхъ падежахъ, глаголы въ разныхъ временахъ и наклоненіяхъ и т. п., какъ напримѣръ: *Бываетъ. Бывало. Бяше. Вамъ. Вама. Возми. Обнимати* и т. д. Слова: *Предсимъ, Предсими* находятся между словами: *Председатель* и *Предсловіе*. Вмѣсто *щ* постоянно *сч*; буква *ѣ* почти вовсе не употребляется; ее замѣняетъ буква *е*. Неопредѣленное наклоненіе почти всегда оканчивается на *ти*: *Пити, Плевати, Безделничати* и т. д. Только изрѣдка встрѣчаются формы: *Бездушничать, Благочинствовать*. Въ немногихъ случаяхъ окончанія *ти* и *ть* указаны какъ отличіе славянскаго отъ русскаго. Въ иныхъ словахъ допускается двоякое правописаніе, причемъ дѣлаются большія уступки произношенію: *Гдѣ* и *Где-либо. Калачь* и *Колачь. Колдунъ* и *Калдунъ. Корабль* и *Карабль. Ребина* и *Рябина. Духовне* и *Духовно. Крушка* и *Кружка. Падушка. Абезьяна* и т. д.

Опредѣленія словъ въ такомъ родѣ:

Беседа — Разговоръ.
Благоденствіе — Добрые дни.
Беда — Напасть.
Бедство — Беда.
Бездождіе — Засуха.
Безменъ — Три ѳунта.
Белка — Векша.
Бояракъ — Яръ, Ровъ.
Бумажникъ — { Бумагу дѣлающій. Тюфякъ.
Быль — Былое.
Вада — Свада.
Васнь — Вражда, Ссора.
Ваяніе — Образосечество.
Ваятель — Резчикъ.
Вотчимъ — Отчимъ.
Емецъ — Брачь.
Емки — Счипцы.
Гай — Росча.
Глотъ — Обидитель.
Глумъ — Издевка.
Грусть — Печаль.
Дедъ — Праотецъ, Чортъ.
Детотвореніе — Сожитіе.
Жеровика — Клюква.
Жиленье — Скупость.
Жито — Неправо зовутъ *Хлебъ*.
Заедки — Закуски.
Каторга — Вечная работа.
Каша — Десятокъ іли малое соωбсчество людей.
Кудри накладные — Перукъ.
Кукишь — Перстъ.
Купало — Идолъ былъ.
Купалница — Іуніи 23 чл.
Лазня — Баня, мылня.
Лешей — Лесной чортъ.
Лωханъ — Умывалшая и Передача.
Людоедъ — Мироедъ.
Казакъ — Батракъ, Наймитъ.
Мерлогъ — Берлогъ.
Наречіе — Месторѣчіе.
Наречіе — Отменность языка.
Насмертникъ—Смерти близкій.
Немецъ — Немчинъ и Германинъ.
Нуда — Короста.
Обиходъ — Обозъ, Возы, Пожитки.
Озепъ — Урокъ.
Окрестность — Обстоятельство.
Опекунъ — Чадохранитель.
Плица (пт.) — Спица.
Плюна — Слюна, Слина.
Подложница — Наложница.
Познаніе — Сожитіе.
Полдни — Югъ, Средина дня.
Помело — Комета, Метла.
Посадникъ — Земской голова, Бурмистръ.
Понеделокъ — Понеделникъ.
Поступка — Уступка.
Похожденіе — Жизнь и дела.
Прасолъ — Переторговшикъ.
Прилавокъ — Коникъ.
Прека — Распря.

Прибаска — Присловица.
Приглядъ — Урокъ, Озепъ.
Приповесть — Присловица, Прикладъ.
Разговоръ — Отсоветованіе.
Разказъ — Повеленіе.
Припадокъ — Случай, Счастіе.
Разкоша — Роскошь.
Разлика — Разность.
Разпочинъ — Зачинъ.
Реснота — Истина, Подлинность, Правота.
Русь — Россія.
Рускій — Русакъ, Россіанинъ.
Ругодевъ — Нарва.
Мягкій — Человѣкъ слабоумный.
Раба — Робкій.
Свѣтлозеленое — Прозелень.
Пышный — Богатый, Гордый.
Присный — Верный, Сусчій, Несумненный.
Припадошный — Счасливый, Знатный.
Опришный — Ненадежный.
Лысый — Плешивый. Въ чести поврежденный.
Избылое — Лишнее.
Жаркій — Рудожелтый.
Безсловесный — Непротивный.
Ваяти — Вырезывати.
Глумити — Утити.
Жилитиса — Скупитися.
Кутати — Печь закрывати.
Кучитися — Просити, Молити, Докучати.
Лживити — Порочити.
Обабити — Оженити.
Обвыти — Оплакати.
Обезглазети — Ослепнути.
Ожилити — Населити.
Помкнути — Птицу поимати.
Портити — Чаровати.
Постой — Остановись.
Похерено — Почерпено.
Приполубити — Прикрыти.
Рабети — Робети.
Разбухонети — Разтолстети, Разботети.
Разпарити — Пару разделити.
Рубашитися — Дружитися.
Дуже — Силно.
Дуже — Дуже хороше.
Лагодно — Вкусно, Пріятно.
Мозолью — Трудомъ.
Опришно — Особно.
Плазомъ — Плашмя.
Плашмя — Плазомъ, Пластомъ.
Пожиточно — Богато.
Подлинно — Долговато.
Пробель — Беловато.
Пригорко — Горковато.
Прискучно — Скушно.
Притужно — Тяжко.
Ни — *Междоречіе* отрицателное.
Обы — Дай Боже чтобъ.
На моемъ сталось — По (мо)ему мненію.

На мере поставилъ — Опредѣлилъ.

На нитке — Опасный; Конецъ близкій.

Разпутіе — { Разстани, Разсоха, Раздоры, Разпутица, Разруха, Раздорожица.

Жила — { Кровавая, Біюсчая, Водная, Становая, Рудокопная.

Наказати — { Мечемъ, Плетью, Ограбленіемъ имепія или чести, заключеніемъ, изгнаніемъ, бранью.

Въ числѣ словъ, оставленныхъ безъ объясненія, находятся слѣдующія:

Бездомица. Безхлебица.
Братъ названый. Братъ посаженый.
Братаничъ. Братина.
Брязгъ. Вертепина. Вспалчивость.
Грунь. Домосидъ. Измора.
Истома. Зыбель (на воде). *Напаръя.*
Неверка. Нешточка. Новоженя.
Послованіе. Раздума, Раздумье.
Размысліе. Разсловіе.
Разсудъ и *Разсудокъ.*
Сколозубъ. Собина.
Обруселый. Обрусевшій. Обрусети.
Временшичати. Мятежити.
Обыркатися. Отбоярити.
Привносити. Пригрунити.
Сколозубити. Собити.
Прибочь. Приземисто и т. д.

Въ словарь включены и слова, относящіяся къ міру животныхъ: *Блеетъ* (овца). *Бодется* (быкъ). *Ржетъ* (конь). *Кудахчетъ* (курица). *Граетъ* (воронъ).

При многихъ словахъ встрѣчаются отмѣтки: *славянское*, при многихъ другихъ —*русское*. Если собрать всѣ эти указанія и расположить ихъ въ систематическомъ порядкѣ, то получается тотъ выводъ, что при выборѣ чертъ, отличающихъ русскій языкъ отъ церковнославянскаго, служили основаніемъ: различіе въ словахъ, различіе въ формахъ, или въ словообразованіи, и различіе въ звукахъ, причемъ особенно ярко обозначалось полногласіе.

Славянск.	Русск.
Бездна	Пропасть.
Бездождіе	Засуха.
Битва	Драка.
Бичь	Кнутъ.
Благодетель	Добротство.
Благодетель	Милостивецъ.
Благость	Доброта.
Бразда	Науздникъ.
Бракъ	Свадба.
Бредня	Вранье.
Брозда	Удила.
Бисеръ многоценный	Жемчугъ.
Бронь	Ружье.
Бронникъ	Оружейникъ.
Буйство	Глупость.
Вапъ	Краска.
Валахъ	Кладеный.
Вено	Приданое.
Вертоградъ	Садъ.
Винница, Пивница	Погребъ.
Власеница	Равно.
Возглавіе	Падушка.
Воня	Запахъ.
Вопленіе, Вопль	Кричаніе, Крикъ.
Вранъ ношный	Сова.
Врачеваніе	Леченіе.
Врачь	Докторъ.
Всадникъ	Ездецъ.
Выя	Шея.
Второбрачный	Двоеженецъ.
Гананіе	Загадка.

Славянск.	Русск.
Главотяжь	Повяска.
Глаголъ	Речь.
Глиста	Червь.
Гробокопатель	Могилникъ.
Дебрь, Боръ	Лесъ.
Діаволъ	Бесъ.
Долгота	Длина.
Достояніе	Наследіе.
Единолѣтный	Годовикъ.
Ездецъ	Верховый.
Жеговица	Огневица.
Желвь	Черепаха.
Жупелъ	Сера горячая.
Здо	Кровля *).
Злакъ	Зелень.
Зданіе	Строеніе.
Зракъ	Видъ.
Святщенникъ	Попъ.
Извержіе	Выкидышъ.
Извиненіе	Выговорка.
Изменникъ	Переметчикъ.
Іисусъ	Спаситель.
Иманіе	Бранье.
Имянованіе	Названіе.
Кавтанъ	Однорядка, Зипунъ.
Клевретъ	Товарисчь.
Коливо	Кутія.
Колыбель	Зыбка.
Косноязычный	Заика.
Котора	Распря.
Крадца	Воръ.

*) Приписано: «Сіе слово *Здо* единою токмо во Псалтири положено».

Славянск. — Русск.	Славянск. — Русск.
Кратъ — Разъ.	Очи — Глаза.
Кровь — Руда.	Очко — Глазокъ.
Кропленіе — Брызганіе.	Пепелъ — Зола.
Крупа — Заспа.	Песъ — Собака.
Крупица — Кроха.	Печаль — Кручина.
Куреніе — Копоть.	Плевелы — Костерь (тр.).
Куря — Цыпленокъ.	Плесне — Ноги.
Ланита — Счека.	Погляданіе — Посматриваніе.
Лежнякъ — Поворникъ.	Предстательство — Заступа.
Ложе — Кравать.	Пресмыканіе — Ползаніе.
Ложесна — Матерникъ.	Реченіе — Говоря.
Лясча — Сочевица.	Рокошь — Бунтъ.
Мзда — Заплата.	Рукоделіе — Ремесло.
Мрежица — Сетка.	Рукоделя — Ремесленникъ.
Мыто — Пошлина.	Сластолюбіе — Лакомство.
Наветъ — Наговоръ, Наносъ, Клевета.	Соглядатель, Спіонъ — Лазутчикъ.
Надзиратель — Надсмотрщикъ.	Сребролюбіе — Любоименіе.
Недро — Пазуха.	Супруга — Жена.
Неприкосновенный—Недотыка.	Червленость — Краска.
Носчеденствіе — Сутки.	Шуйца — Левая рука.
Обсчество — Ватага.	Юзникъ — Колодникъ.
Обраченіе, Бракъ — Ожененіе.	Бесноватый — Усилный.
Одежда — Риза, Платье.	Благъ — Добръ.
Одеяніе — Платье.	Единоутробный — Родный, Двоинишный.
Око — Глазъ.	Жестоковыйный — Упрямый.
Ометъ — Обшивка, Опушка.	Многоценный — Дорогій.
Оплотъ — Заборъ, Плетень.	Юный — Молодый.
Осязаніе — Счупаніе.	Дмясчійся — Сердящійся.
Отокъ — Воденая болезнь.	Путьшествующій — Подорожный.
Отрицатель — Отговорсчикъ.	Вторый — Другій.
Отрокъ — Малой, Служитель.	
Оцетъ — Уксусъ.	

Славянск.	Русск.

Алкати — Голодати.
Бросити — Кипути.
Заушити — По счекѣ ударити.
Излагати — Выкладывати, Толковати, Издавати.
Изменити — Перекинутися.
Которатися — Сердитися.
Кропити — Бризгати.
Надзирати — Надсматривати.
Обресчи — Охранити, Посулити.
Одолети — Осилети.
Отвергати — Отбрасывати.
Охуждати — Охуливати.
Скрытно сказати — Глушити.
Разглаголствовати, Беседовати. { Разговаривати.
На се, на сіе — На ето.
Сему, О семъ — Етому, О етомъ.
Который, Иже — Кой.
Кое, коего — Которое, котораго.
Которое, Еже — Кое.
Иже — Который.
Еликій — Каковый.
Елиціи — Которые.
Елико — Колико.
Вотсче — Напрасно.
До толе — До техъ местъ.
Отселе — Отсюда, Отъ сего часа, Отныне.
Вскую — Для чего, почто.
Надесно — Направо.
Любо — Или.
Обаче — Однакожь.

Славянск.	Русск.

Дсчерь — Дочь.
Тезоимянитство — Имянины.
Иноверный — Чюжеверецъ.
Иноплеменникъ — Иноземецъ.

Вратарь — Воротникъ.
Гибель — Погибель.
Голубица — Голубка.
Добыча — Добычь.
Жена — Женщина.
Знахарь — Знатокъ.
Избираніе — Выбираніе.
Избіеніе — Побитіе.
Извозникъ — Извозчикъ.
Изгнаніе — Изгоня.
Иканіе — Икота.
Камыкъ — Камень.
Кормитель — Кормилецъ.
Крабица — Коробка.
Кроеніе — Кранье.
Краденіе — Кража, Хисченіе.
Лганіе, Лжа — Ложь.
Леность — Лень.
Знатность — Знать.
Лествица — Лесница.
Ломленіе — Ломаніе.
Матерь — Мать.
Мерило — Мера.
Меритель — Мершикъ.
Мышцы — Мышки.
Мятва — Мята.
Обвиватель — Обвивалшикъ.

Славянск.	Русск.
Оконце	Окошечко.
Останокъ	Остатокъ.
Отреби	Отруби.
Оцененіе	Оценка.
Пеніе	Петье.
Песнословецъ	Песелникъ.
Петелъ	Петухъ.
Писатель	Писецъ.
Плаватель	Плавалщикъ.
Пламень	Полыме.
Плясаніе	Пляска.
Подглавіе	Изголовье.
Подпись	Подписка.
Превωдникъ	Переводчикъ.
Пришествіе	Приходъ.
Раздаяніе	Раздача.
Разлучитель	Разлучникъ.
Размета	Разметка.
Разнь	Разница.
Разсыланіе	Разсылка.
Рождество	Родины.
Лисшій	Лишній.
Двадесятъ	Дватцать.
Двадесятый	Дватцатый.
Осмьдесятъ	Восемдесятъ.
Первіи	Первые.
Есеняти	Осеновати.
Запрети	Запереть.
Избити	Побити.
Извести	Вывести вонъ.
Изкупити	Выкупити.
Отвлачити	Отволочи.
Охудети	Изхудати.

Славянск.	Русск.
Пети, Мыти	Петь, Мыть.
Превлекати	Переволачивати.
Раздвояти	Раздвоивати.
Размерити	Размерять.
Разтерти	Разтереть.
Разтолчи	Разтолочь.
Гладити	Гладко делати.
Насиліе учинити	Изнасилничати.
Болотно	Болотисто.
Пенисто	Пенно.
Доколе	Покуль.
Двоекратно	Два разъ, Дважды.
Единаче	Однаково.
Зде	Здеся.
Издалече	Издалека.
Инуде	Инуды.
Легце	Легко.
Лучше	Лутче.
Наипервее	Наперво.
Напредъ	Напередъ, Впередъ, Прежде.
Неже	Нежели.
Никако	Никакъ.
Отай	Тайно, Тайкомъ.
Оттуду	Оттуда, Оттуды.

Мене	Меня.
Ня	Ихъ.
Они, Оніи, Онемъ	Оне, Оные, Онымъ.

Славянск. — **Русск.**

За ся — За себя.

Самемъ — Самимъ.

Всіи — Все.

О дву — О двухъ.

Ими — Возми.

Ими мя — Имей меня.

Имамъ, Имамы — Имею, Имеемъ.

Лакоть — Локоть.

Равенъ, Равно — Ровенъ, Ровно.

Разъ — Розъ.

Разбегъ Розбегъ.

Разіскъ — Розыскъ.

Размахъ — Розмахъ.

Разпускъ — Розпускъ.

Растъ, Раслый — Ростъ, Рослый.

Дважды — Двожды.

Ребра — Ріо̂бра.

Клестъ (пт.) — Кліо̂стъ.

Ременный — Реміо̂нный.

Свое — Своіо̂.

Езеро, Езерный — Озеро, Озерный.

Есень — Осень.

Еленина — Оленина.

Единъ, Единакій — Одинъ, Одинакій.

Наедине — Наодине.

Лице (образъ) — Лицо.

Коленіе — Колоніе.

Заимшикъ — Заемшикъ.

Отчинникъ — Вотченникъ.

Славянск. — **Русск.**

Подворіе — Подворье.

Разхлажденіе — Расхоложенье.

Месяцъ, Месячина — Месецъ, Месечина.

Разсяданіе — Разседаніе.

Растяніе — Растаеніе.

Іерей — Ерей.

Іеросалимъ — Ерусалимъ.

Іωрданъ — Ердань.

Ведети — Ведати.

Ныюсчій — Ноюсчій.

Знамя — Знаме.

Индіа — Индея.

Ср. Индискій — Индейскій.

Саждати — Сажати.

Провождати — Провожати.

Надежда — Надежа.

Насажденный — Насаженный.

Охлаждати — Охоложати.

Дождливо — Дожливо.

Дрожди — Дрозжи.

Дождевикъ — Дозжевикъ.

Дождь — Досчь.

Колачникъ — Колашникъ.

Свесча — Свеча.

Помосчь — Помочь.

Носчь — Ночь.

Обсчій — Обчій.

Обладати — Овладати.

За него — За нево.

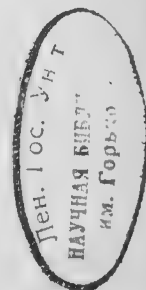
Славянск. Русск.

Ангелъ — Анъелъ.
Охрестити — Окрестити.
Оцепъ — Очепъ.
Оцепити — Очепити.
Отчимъ — Вотчимъ.
Отчина — Вотчина.
Острый — Вострый.
Осмый — Восмый.
Даяти — Давати.
Звукъ — Зукъ.
Седмь — Семь.
Болярииъ — Бояринъ.
О немъ — Объ немъ.
Бервно — Бревно.
Просфора — Просвира.

Глава — Голова.
Главня — Головня.
Длато — Долото.
Блато — Болото.
Клада — Колода.
Кладязь — Колодезь.
Млатъ — Молотъ.
Разхлажденіе — Расхоложенье.
Млеко — Молоко.
Плененный — Полоненный.
Златый — Золотый.
Златити — Золотити.
Озлатити — Озолотити.
Обезглавити — Обезголовити.
Отвлачити — Отволочи.
Охладити — Охолодити.
Охлаждати — Охоложати.

Славянск. Русск.

Длань — Ладонь.
Врата — Ворота.
Градъ — Городъ.
Брада — Борода.
Брадавка — Бородавка.
Бразда (и Брозда) — Борозда.
Врабій — Воробей.
Вражба — Ворожба.
Крава — Корова.
Краста — Короста.
Крастель (пт.) — Коростель.
Прагъ — Порогъ.
Мравій — Муравей.
Мразъ — Морозъ.
Краткій — Короткій.
Вратити — Воротити.
Ократити — Окоротити.
Кратити — Коротити.
Оградити — Огородити.
Разгнути — Розогнути.
Драго — Дорого.
Брегъ — Берегъ.
Превозъ — Перевозъ.
Превωдъ — Переводъ.
Прелазъ — Перелазъ.
Преправа — Переправа.
Препонка — Перепонка.
Преплетъ — Переплетъ.
Преспелый — Переспелый.
Древенети — Деревенети.
Преплести — Переплести.
Пресаждати — Пересаждати.
Причтъ — Причетъ.



Изъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ тѣмъ или другимъ путемъ, внесены въ словарь заимствованныя изъ языковъ: греческаго, латинскаго, еврейскаго, сирскаго, нѣмецкаго, французскаго, татарскаго и сарматскаго:

Греческ.

Діаконъ — Сослужитель, Помосчникъ.

Епархіа — Началство.

Епискупъ — Надзиратель.

Литургія — Святослуженіе.

Литургисати — Освясчати.

Міръ — Мазь.

Монастырь — Домъ уединенія, обитель, обиталисче.

Монахъ—Уединенный старецъ, чернецъ, инокъ.

Іерархъ — Свесченноначалникъ.

Патріархъ — Отцевъ начало.

Саккосъ — Мешокъ, одежда архіерейская.

Сандаліа — Башмаки.

Монархъ — Единовластитель.

Монархія — Единоначаліе.

Исторія — Повесть.

Историкъ — Деписатель.

Поэта — Стихотворецъ.

Поэтика — Стихотворство.

Просодія — Гласоудареніе.

Прологъ — Предсказаніе, Предречіе.

Лексиконъ — Алфавитъ, Букварь.

Риторъ — Ветивственникъ.

Риторика — Речеточство, Ветивство.

Регламентъ — Уставъ.

Реестръ — р. Роспись.

Бастіонъ — Разкатъ.

Рецептъ —Роспись лекарственная, Восприятіе.

Окулистъ — Глазь лечитель.

Еврейск.

Сатана — Отступникъ, Противникъ, Изменникъ.

Сирск.

Рака — Пустый, Безделникъ, никъ, Непотребникъ.

Нѣмецк.

Рота — Слово немецкое, ротта, соймисче, купа, собраніе, ватага.

Реша — Государство.

Болверкъ — Разкатъ.

Франц.

Перукъ — Кудри накладные.

Татарск.

Сайданъ — Лукъ съ приборомъ.

Сайгакъ — Сарна.

Сарна — Сайга.

Сарматск.

Вотъ — На; сл. *Се.*
Варъ — Кипетокъ.
Варега — Вязеница.
Сарай — Домъ, строеніе; р. Поветь.
Рака — первое вино из хлеба.
Зепь — Карманъ.
Камышъ — Тростникъ.
Костыль — Посохъ.

II.

Составители словаря черпали свои матеріалы изъ весьма значительнаго количества книгъ, заимствуя оттуда какъ слова, вносимыя въ словарь, такъ и поясняющіе ихъ примѣры. Приводя примѣры изъ книгъ, въ иныхъ случаяхъ дѣлали точныя ссылки, въ другихъ находили это излишнимъ. Первоначально слова вносились въ аналогическія таблицы безъ всякихъ ссылокъ; затѣмъ признано нужнымъ дѣлать хотя краткія указанія на источники; наконецъ допущено различіе, въ отношеніи къ ссылкамъ, между книгами духовнаго и свѣтскаго содержанія. При разсмотрѣніи аналогическихъ таблицъ выражено было желаніе, чтобы по крайней мѣрѣ при рѣдкихъ словахъ помѣщались указанія на книгу и мѣсто, откуда эти слова заимствованы[16]). Впослѣдствіи одинъ изъ членовъ россійской академіи сдѣлалъ предложеніе, чтобы примѣры, приводимые изъ новѣйшихъ русскихъ писателей, сопровождались такими же точными ссылками, какъ и мѣста, заимствуемыя изъ св. писанія. Предложеніе это было отклонено академическимъ собраніемъ по слѣдующей причинѣ: «Въ ссылкахъ, дѣлаемыхъ на св. писаніе, замѣчаніе главъ, стиховъ и проч. неотмѣнно нужно потому наипаче, что въ нихъ содержатся важныя изреченія, правила закона и вѣры, и что они, по малому ихъ въ общемъ обращеніи употребленію, немногимъ свѣдомы, и если въ объясненіи ихъ какая-либо можетъ оставаться темность, оная прочтеніемъ приведеннаго примѣра въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ отъята быть можетъ. Напротивъ того, примѣры, взымаемые изъ новѣйшихъ писателей, содержатъ въ себѣ слова и рѣчи, по всегдашнему употреб-

2*

ленію языка, всѣмъ извѣстныя, и показуютъ токмо случаи, въ каковыхъ они наипаче употребительны»[17]).

Обильнымъ источникомъ служили книги св. писанія; страницы академическаго словаря наполнены примѣрами изъ библейскихъ книгъ, новаго и ветхаго завѣта. Извлеченіями изъ библіи и церковныхъ книгъ занимались не одни только лица духовныя, которыхъ было такъ много въ академической средѣ, но и другіе члены россійской академіи. Одинъ изъ нихъ, извѣстный литераторъ своего времени, Веревкинъ, писалъ кн. Дашковой: «Отваживаюсь поднести опытъ выбора нарочитыхъ славенскихъ словъ изъ священнаго писанія. Не благоугодно ли вамъ будетъ наслать ко мнѣ повелѣнія продолжать сего рода трудъ для новосозданной вами, къ истинной славѣ и пользѣ отечества, россійской академіи. При каждомъ бы словѣ означилъ я, откуда точно оное взято, изъ какой главы, стиха и строки, и какъ стоитъ въ библіяхъ латинской, французской и нѣмецкой»[18]).

Много словъ заимствовано изъ твореній отцовъ церкви и другихъ книгъ, употребляемыхъ въ богослуженіи и въ церковномъ обиходѣ. Здѣсь должны быть названы: Бесѣды и Литургія Іоанна Златоуста.— Книги Григорія назіанзина.— Шестодневъ Василія Великаго.— Дамаскина: О вѣрѣ.— Минея праздничная.— Тріодь постная.— Тріодь цвѣтная.— Ирмологъ и Октоихъ.—Маргаритъ.—Канонъ Пасхи.—Акаѳистъ Богородицѣ.— Соборникъ.— Прологъ.— Кормчая.— Номоканонъ.— Требникъ и т. д.

Довольно видное мѣсто въ ряду источниковъ, которыми пользовались при составленіи словаря, занимаютъ и памятники древней русской литературы и языка, преимущественно лѣтописи. Ссылки относятся къ слѣдующимъ изданіямъ:

— Лѣтопись Несторова, съ продолжателями, по кенигсбергскому списку, до 1206 года. Библіотека россійская историческая и т. д. При императорской академіи наукъ. 1767 года.

— Царственная книга, т. е. лѣтописецъ царствованія царя Іоанна Васильевича. Напечатанъ съ писменнаго, который сы-

сканъ въ Москвѣ въ Патріаршей библіотекѣ. Въ С.-Петербургѣ, при академіи наукъ. 1769 года. (Издатель — князь Щербатовъ, избранный впослѣдствіи въ члены россійской академіи).

— Царственный лѣтописецъ, содержащій россійскую исторію отъ начала царствованія великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха до покоренія Новагорода. Спб.; при академіи наукъ. 1772 года. (Издатель, князь Щербатовъ, говоритъ: «Несумнительно есть, что онъ съ древнѣйшихъ лѣтописцовъ былъ списыванъ, и тщаніе письма показуетъ, что конечно въ немъ по крайней мѣрѣ большихъ описокъ не учинено»).

— Древняго лѣтописца часть первая, содержащая въ себѣ повѣсть произшествій, бывшихъ въ Россіи при владѣніи четырнадцати великихъ князей, съ 1254 до 1379 года... изданная по высочайшему повелѣнію покровительницы и защитницы мусъ. Въ С.-Петербургѣ, при имп. акад*и*міи (sic) наукъ. 1774 года.

— Древняго лѣтописца часть вторая, содержащая въ себѣ повѣсть произшествій съ 1379 до 1424 года. Спб., при имп. акад*и*міи наукъ. 1775 года.

— Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ россійскую исторію отъ 852 до 1598 годъ. Печатанъ въ московской типографіи. 1781 года. (Извѣстенъ подъ названіемъ *Архангелогородскаго*, потому что рукопись принадлежала архангелогородскому архіерейскому дому).

— Лѣтописецъ новгородскій, начинающійся отъ 1017 году и кончащійся 1352 годомъ. Печатанъ въ московской типографіи. 1781 года.

Новгородскій лѣтописецъ изданъ особенно тщательно, благодаря просвѣщенному взгляду архіепископа Платона (Левшина), недопустившаго измѣненій рукописнаго текста. Издатели поставлены были въ затрудненіе по слѣдующему поводу: «Сей лѣтописецъ писанъ самымъ древнимъ и къ чтенію труднымъ письмомъ, а сверхъ того еще въ немъ вмѣсто литеръ *о*, *и*, *е*, вездѣ ставится литера *ъ*; вмѣсто *і* — *ь*; вмѣсто *ч* — *ц*; предлоги *къ* и *въ*, на вопросъ *гдѣ*, опускаются. Вмѣсто винительнаго па-

дежа полагается именительный, напримѣръ вмѣсто: *торговище, померче, людіе, Володимеровича, къ Новуграду, въ Антоновѣ монастырѣ, сына своего*, пишется: *търговище, помърче, людье, Володимерица, Новугороду, Антоновѣ монастырѣ, сынъ свой*, и проч. Всѣ сіи нарѣчія безъ перемѣны ли оставить или съ придачею къ нимъ выброшенныхъ гласныхъ изъ средины литеръ? Архіепископъ Платонъ отвѣчалъ: «Печатать какъ есть, а внизу нотами дѣлать имъ изъясненіе» [19]). Поясненія эти, весьма краткія, въ такомъ родѣ: «Микифора *сцьскаго*» — кажется, что сіе слово значитъ *тысяцкаго* (стр. 57);—«И ради быхомъ *небози*»— кажется, что сіе слово положено вмѣсто *убози* (стр. 115); — «Нападоша дъждеве и поимаша вси *рли*» — кажется, ошибкою написано вмѣсто *ржи* (стр. 139); — «Меѳодій *патомьскый*» — Меѳодій былъ епископъ *патарскій* (стр. 99). Въ предувѣдомленіи говорится: «Въ самомъ текстѣ никакой перемѣны и поправленія противъ подлинника не учинено... Иныя, отъ употребленія въ тогдашнее время новгородцами особливыхъ нарѣчій получившія темность, мѣста оставлены на судъ читателя безъ всякаго объясненія» и т. д.

При словахъ древнихъ и старинныхъ приводятся также примѣры изъ «Духовной» Владимира Мономаха, изъ Русской лѣтописи по воскресенскому списку, изъ Сказанія объ осадѣ Троицко-Сергіевой лавры, изъ Синопсиса, изъ Русской Правды, Судебника и Уложенія и изъ нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ.

О степени точности при воспроизведеніи мѣстъ, заимствуемыхъ изъ источниковъ болѣе или менѣе древнихъ, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ:

Подлинникъ.	Словарь.
Аще ввадится волкъ *во* овцы [20]).	Аще ввадится волкъ *на* овцы (I, 459).
Иде мѵро отъ иконы по 12 дней, найде 4 вощяниц*и*, яко въ сткляниц*ю*.	Иде мѵро отъ иконы по дванадесять дней, *и* найде четыре вощ*а*ниц*ы*, яко въ сткляниц*у* (I, 866).

Яко творяхуть е перевѣтъ *дръ*жаще къ Святославу.	Яко творяхуть е, перевѣтъ *дер*жаще къ Святославу (I, 1041).
Князь *О*лександръ Вожанъ и Ч*ю*дцю перевѣтни*кы* извѣша.	Князь *А*лександръ Вожанъ и Ч*у*дцю перевѣтник*и* извѣша (I, 135).
Повелѣ вметати въ погребъ, а иныхъ въ гридниц*ю*, и ту ся издхоша въ множ*ь*ствѣ.	Повелѣ вметати въ погребъ, а иныхъ въ гридниц*у*, и ту ся издхоша въ множ*е*ствѣ (II, 349).
Вси мужи и гост*ь*бницы *изъ*мавъ я, вся посла и, сковавъ, по своимъ городомъ, а товары ихъ раздая.	Вси мужи и гост*е*бницы *изъи*мавъ я, вся посла и сковавъ по своимъ городомъ, а товары ихъ раздая (II, 276).
Бысть голодъ и *цересъ* зиму, ржи осмина по полугривнѣ.	Бысть голодъ, и *черезъ* зиму ржи осмина по полугривнѣ (II, 348).
Загородци не всташа ни по сихъ ни по сихъ, *нъ* зряху перезора.	Загородци не всташа ни по сихъ (не вступилися), ни по сихъ, *но* зряху перезора (III, 143).
И ставъ вѣчемъ у свят*ѣи* Со-ф*ѣ*и [21]).	И ставъ вѣчемъ у Свят*ой* Софіи (I, 670).
Ста ополчився на Черномъ Болоньи, оба полъ имѣя мѣсто неподвижно болоние.	Ста ополчився предъ градомъ на черномъ болоньѣ, оба поля имѣя мѣсто болонье неподвижно.
И зажгоша болонье около *града* [22]).	Болонье около *города* зажгоша (I, 271).
Володим*е*ръ же прии*дѣ в* товары, и посла береньдичи по товар*о*мъ.	Володим*и*ръ же пріид*е въ* тавары и посла Берендачи по товарамъ (VI, 5).
И зая Мъстиславъ *много товара* изяславли дружины, злата	И зая Мстиславъ *на много товаровъ* Изяславли дружины,

и сребра и челядь и конь и скота[23]).	злата и сребра и челяд*и* и конь и скота (VI, 5).
А осыпалу быть на мисѣ *на* золотой[24]).	А осыпалу быть на мисѣ золотой (V, 1011) и т. д.

Многія выписки сдѣланы дословно, безъ всякихъ измѣненій.

Пособіями при объясненіи словъ служили разнаго рода книги, а также и нѣкоторыя статьи, помѣщенныя въ повременныхъ изданіяхъ прошлаго столѣтія. Члены россійской академіи выбирали слова и примѣры изъ Трудолюбивой пчелы, изъ Трудовъ вольнаго россійскаго собранія, изъ Собесѣдника и т. д. На страницахъ академическаго словаря встрѣчаются ссылки на слѣдующія книги:

— Описаніе земли Камчатки, сочиненное Степаномъ Крашенинниковымъ, академіи наукъ профессоромъ. 1755.

— Путешествіе Палласа.

— Путешествіе Гмелина.

— Историческое описаніе россійской коммерціи, при всѣхъ портахъ и границахъ, отъ древнихъ временъ до нынѣ настоящаго... сочиненное Михайломъ Чулковымъ. 1781.

— Извѣстіе о дворянехъ россійскихъ. 1790. (Сочиненіе Ф. Миллера, изданіе Рахманинова).

— Совершенный егерь, или знаніе о всѣхъ принадлежностяхъ къ ружейной и псовой охотѣ, и т. д.[25]).

III.

Первое мѣсто въ ряду русскихъ книгъ, послужившихъ источниками для словаря, занимаютъ произведенія отечественныхъ писателей и во главѣ ихъ *Ломоносова*. Члены россійской академіи, подобно всѣмъ своимъ современникамъ, цѣнили необыкновенно высоко литературную дѣятельность Ломоносова и его заслуги для науки и для Россіи. Восхищаясь его произведеніями, признавали его первымъ судьею и лучшимъ образцемъ въ вопросахъ о языкѣ и слогѣ. Вѣрнѣйшій признакъ здраваго лите-

ратурнаго вкуса видѣли въ томъ, что сочиненія Ломоносова имѣютъ большой успѣхъ, что они «нравятся»: съ паденіемъ вкуса падаетъ и сочувствіе къ произведеніямъ Ломоносова. Въ самый годъ основанія россійской академіи появилась статья, доставленная однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей того времени, въ которой говорится: «Великіе умы сами собою и нечувствительно къ величественному побуждаются. Для чего видимъ мы его такъ много въ Корнеліи и Ломоносовѣ? Неотмѣнно для того, что они сами были одарены великимъ духомъ... Можно ли требовать отъ всякаго души Гомеровой или Ломоносовой... Нѣтъ ничего величественнѣе, я осмѣлюсь сказать, ни въ древнихъ, ни въ новыхъ творцахъ сей поражающей и прямо лирической картины, къ каковымъ пріучилъ насъ Ломоносовъ:

Не мракъ ли въ облакахъ развился
Или открылся гробъ Петровъ?
Онъ взоромъ смутенъ пробудился
И произноситъ гласъ таковъ:
Я мертвъ терплю несносну рану, и проч.

О тѣнь великая, спокойся!
Мы помнимъ тьмы твоихъ заслугъ,
Безмолвна въ вѣчности устройся,
Твой трудъ межъ нами живъ вокругъ, и проч.

Но послѣдующая строфа, кажется мнѣ, не поддерживаетъ довольно восхищенія, которое произвели въ насъ три предыдущія. Я безутѣшенъ буду, ежели сочтутъ, что я хотѣлъ судить Ломоносова. Напротивъ того, я хотѣлъ бы умножить славу его, ежели можно, для соблюденія всегда здраваго вкуса въ Россіи, внутренно убѣжденъ, что вѣрнѣйшимъ знакомъ развращенія онаго будетъ то, ежели не станетъ нравиться Ломоносовъ... Иногда самая необъятность и неопредѣленность картины составляетъ ея величество. Здѣсь-то находятъ свое мѣсто множество прелестныхъ картинъ, которыя безпрестанно другъ другу по-

слѣдуютъ въ его неподражаемыхъ одахъ. Но мы здѣсь включимъ только слѣдующій примѣръ изъ его же похвальнаго слова Петру Великому: «Часто размышлялъ я, каковъ тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море: дхнетъ духъ его и потекутъ воды; прикоснется горамъ — и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ; божества постигнуть не могутъ: обыкновенно представляютъ его въ человѣческомъ видѣ. И такъ, ежели человѣка Богу подобному, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю». Плиній-младшій, который поводъ подалъ къ сему величественному воображенію въ своемъ Панегирикѣ, гл. IV, не умѣлъ облечь его симъ блистаніемъ, въ которомъ видимъ его у Ломоносова, затѣмъ, что онъ искалъ только остроумныхъ мыслей, и сію тотчасъ оставилъ, какъ исчерпнулъ блескъ оной» и т. д.[26]).

Мысль составителей словаря постоянно обращалась къ Ломоносову. Вліяніе его обнаруживается повсюду: и въ выборѣ словъ и примѣровъ, и въ способѣ ихъ объясненія, и въ указаніи особенностей слога, и во взглядѣ на литературный языкъ вообще. Въ основу положено знаменитое разсужденіе Ломоносова: «О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ». Въ языкѣ церковно-славянскомъ, родственномъ русскому, Ломоносовъ видитъ объединяющее начало, при помощи котораго сливаются въ одно цѣлое различныя отрасли русскаго языка. Благодаря этому началу, время и мѣсто не произвели въ русскомъ языкѣ тѣхъ рѣзкихъ отличій, той розни, которая бросается въ глаза въ другихъ европейскихъ языкахъ. По мнѣнію Ломоносова, греческій языкъ оказалъ сильное и весьма благотворное вліяніе на образованіе языка славянскаго, обогативъ его «множествомъ реченій и выраженій разума».

Ломоносовъ говоритъ: «Сіе богатство больше всего пріобрѣтено, когда церковныя книги переведены съ греческаго языка на славенскій для славословія Божія. Отмѣнная *красота, изобиліе, важность и сила* еллинскаго слова коль высоко почи-

тается, о томъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосѳеновъ и другихъ въ еллинскомъ языкѣ героевъ, *витійствовали великіе христіанскія церкви учители и творцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими богословскими догматами и пареніемъ усерднаго пѣнія къ Богу*... Сія польза наша, что мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ, хотя велика; однако еще находимъ другія выгоды, каковыхъ лишены многіе языки. И сіе вопервыхъ по мѣсту. *Народъ россійскій, по великому пространству обитающій, не взирая на дальное разстояніе, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ-другу языкомъ* въ городахъ и въ селахъ. Подтверждается вышеупомянутое наше преимущество живущими за Дунаемъ народами славенскаго поколѣнія, которые греческаго исповѣданія держатся. Ибо *хотя раздѣлены отъ насъ иноплеменными языками, однако для употребленія славенскихъ книгъ церковныхъ говорятъ языкомъ, россіянамъ довольно вразумительнымъ*. По времени жъ разсуждая, видимъ, что россійскій языкъ отъ владѣнія Владимирова до нынѣшняго вѣку, больше семи сотъ лѣтъ, не столько отмѣнился, чтобы стараго разумѣть не можно было, — не такъ, какъ многіе народы, не учась, не разумѣютъ языка, которымъ предки ихъ за четыреста лѣтъ писали, ради великой его перемѣны, случившейся черезъ то время» [27]).

Въ предисловіи къ словарю россійской академіи: «Славенскій языкъ, отъ временъ просвѣщенія славянъ словомъ евангельскія истины, совсѣмъ иной получилъ видъ и образованіе. Ибо греки, принесшіе къ славенскимъ племенамъ христіанскій законъ, тщилися о распространеніи онаго преложеніемъ книгъ священныхъ и церковныхъ на языкъ славенскій; они явили неподражаемыхъ творцовъ во всѣхъ родахъ краснорѣчія; они *витійствовали и въ твореніяхъ церковныхъ. Великіе изъ нихъ христіанскія церкви учители возвышали древнее свое краснорѣчіе богословскими ученіями и пареніемъ усерднаго къ Богу пѣнія.*

Отъ преложенія оныхъ на славенскій языкъ пріобрѣлъ сей *обиліе, важность, силу*, краткость въ изображеніи мыслей, удобность къ сложенію словъ, и другія *красоты* языка греческаго. Грекороссійская церковь, во всѣхъ племенахъ славенскихъ единымъ языкомъ славословя имя Божіе, главною и истинною донесь пребыла виною, что мы, преимущественно предъ многими европейскими народами, цѣлость славенскаго языка неизмѣнну сохранили, и не токмо книги, писанныя за многія столѣтія, удобно разумѣемъ, но и *другія славенскія нарѣчія, употребляемыя во странахъ, иноплеменными языками отъ насъ отдѣленныхъ, довольно для насъ вразумительны*. Языкъ россійскій, имѣя незыблемымъ основаніемъ языкъ славенскій, посредствомъ книгъ священныхъ и церковныхъ, сохранилъ то же преимущество, и *народъ россійскій, не взирая на дальнее разстояніе мѣстъ, имъ обитаемыхъ, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ-другу языкомъ»* [28]).

Убѣдительнымъ доказательствомъ предпочтенія Ломоносова всѣмъ другимъ писателямъ служитъ самое количество примѣровъ, помѣщенныхъ въ академическомъ словарѣ. При объясненіи различныхъ словъ приведено примѣровъ: изъ Ломоносова—883; изъ Сумарокова—30; изъ Петрова—13; изъ Хераскова—11, и т. д.

Выписки дѣлались преимущественно изъ стихотвореній: изъ 438 примѣровъ, въ первыхъ двухъ частяхъ словаря, 404 взято изъ стихотвореній Ломоносова и только 34 изъ его прозаическихъ сочиненій.

Изъ Ломоносова приводятся примѣры и на слова обыкновенныя, бывшія тогда въ общемъ употребленіи, и на слова съ большими или меньшими особенностями въ значеніи, зависѣвшими главнымъ образомъ отъ условій и требованій слога. Одни изъ приведенныхъ словъ до сихъ поръ сохраняютъ свое прежнее значеніе; другія пріобрѣли новый оттѣнокъ смысла; иныя употребляются теперь въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, съ другими приставками и окончаніями, и т. п.

Бабочка (I, 69) — Насѣкомое о четырехъ крылахъ, кои покрыты весьма нѣжною чешуйкою, разными цвѣтами испещренною:

Ужъ *бабочка* зыблется лугомъ,
Устремившись за пестренькимъ другомъ.

Облако (I, 775—776) — Собраніе сгустившихся и поднявшихся на воздухъ паровъ, которые обыкновенно превращаются въ дождь или снѣгъ:

Уже великими крылами
Парящая подъ *облаками*
Въ предѣлы слава странъ звучитъ.

Поборникъ (I. 294) — Защитникъ, заступникъ, покровитель, помощникъ:

Поборникъ мнѣ и Богъ мой буди
Противъ стремящихся враговъ.

Бѣгъ (I, 415) — 1) Обращеніе въ бѣгство:

Тогда, увидѣвъ *бѣгъ* своихъ,
Луна стыдилась сраму ихъ.
2) Быстрое шествіе:
Въ самой срединѣ океана
Онъ быстрый простираетъ *бѣгъ*.

Борей (I, 284) — Названіе, заимствованное отъ греческаго и означающее вѣтръ, вѣющій отъ сѣвера:

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми *Борей* крылами
Твои взвѣваетъ знамена.

Невѣроятный (I, 1012) — Неимовѣрный; превосходящій, превышающій вѣроятія:

Что сего чуднѣе, что *невѣроятнѣе* могло воспослѣдовать?

Край (III, 897) — Конецъ; окончаніе:

Всякъ дѣлу своему со тщаніемъ внимай.
Опасности сея Богъ скоро пошлетъ *край.*

Красный (III, 902—903) — Употребляется иногда къ означенію дѣлъ, страстей, произведеній изящныхъ, превосходныхъ, похвальныхъ, удобныхъ и способныхъ къ чему:

Царей и царствъ отрада,
Возлюбленная тишина....
Коль ты полезна и *красна.*

Относительно къ сочиненіямъ — краснорѣчивый, витіеватый; употребляется только въ стихотворствѣ:

Прости, что рабъ твой къ громкой славѣ
Придать дерзнулъ *некрасный* стихъ.

Вечерній (I, 671—672) — Вечеру свойственный, въ вечеръ бывающій. Западный, полунощный:

Но что страны *вечерни* тмятся,
И дождь кровавыхъ каплей льютъ.

Знатный (III, 93—94) — Отмѣнный, отличный, знаменитый; великій:

Тебя поставилъ въ знакъ завѣта
Надъ *знатнѣйшею* частью свѣта.

Видный, примѣтный:

Въ шерсти овечей *знатенъ* волкъ.

Бурный (I, 390) — Съ бурею совокупленный. Сильный, скорый:

Тамъ кони *бурными* ногами
Взвиваютъ къ небу прахъ густой.

Горькія слезы (II, 243)—Плачъ, слезы, производящія отъ великаго прискорбія, отъ великой печали, неутѣшимое сѣтованіе:

За *горьки слезы* и за страхъ,
За грозно время и плачевно,
Да будетъ радость повседневно.

Горькая казнь (II, 244)—Казнь мучительная, со многими муками соединенная, и смертію сопровождаемая:

Вы *горьку казнь* себѣ измѣной заслужили.

Отвѣдываю (I, 983)—Дѣлаю чему опытъ, попытку; покушаюсь, стремлюсь, пытаюсь узнать что:

Отвѣдай ты своей съ нимъ силы.

Живо (II, 1128)—Явно, очевидно, какъ бы наяву:

Обращаются предъ нами *живо* ея сладчайшія уста, повелѣвающія насъ возставить.

Иногда тоже значитъ, что обстоятельно, точно:

Сіе приводитъ на память исторія и стихотворство, которое прошедшія дѣянія *живо* описуя, какъ настоящія представляетъ.

Проповѣдатель (I, 991)—Хвалитель, величатель; превозносящій, прославляющій другаго похвалами:

Геройскихъ подвиговъ хранитель
И *проповѣдатель* Парнассъ.

Привѣтство (I, 1043)—Поздравленіе, изъявленіе сорадованія въ разсужденіи успѣха или счастія въ чемъ:

Отвсюду слышенъ гласъ желаній и *привѣтствъ*.

Державство (II, 610)—Владычество; правленіе владычествующаго; дѣйствіе верховной власти:

Богиня, коей власть владычествъ всѣхъ превыше,
Державство кроткое весны прекрасной тише.

Коварникъ (III, 677) — Кто поступаетъ въ разсужденіи другаго коварно, лицемѣрно, лукаво:

Сталъ тѣсенъ къ злобѣ путь *коварникамъ* въ судахъ;
Свобода съ тишиной и въ селахъ и въ градахъ.

Безмрачный (IV, 300) — Непричастный мрака:

Небесъ *безмрачныхъ* образъ ясный.

Слова, выраженія и образы, употребленные Ломоносовымъ, признавались неотъемлемымъ достояніемъ литературнаго языка, и вслѣдствіе этого вносились въ словарь въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ встрѣчаются у Ломоносова.

Кругъ свѣта (III, 1005 — 1006) — Употребляется въ стихотвореніи и значитъ тоже, что шаръ земной:

Во всемъ пространномъ *свѣта кругъ.*

Преклонный вѣкъ (III, 629) — Старость:

И силу воспріявши нову (лира),
Въ *преклонный вѣкъ* мой возлетай,
Младыя лѣта превышай.

Высокія мысли (IV, 363) — Надменныя, тщеславныя:

Высоки мысли разрушатся
И гордость ихъ и власть минетъ.

Вздохнуть изъ глубины (II, 95) — Съ крайнимъ о чемъ сожалѣніемъ, прискорбіемъ, сокрушеніемъ, съ великою чувствительностію:

Монархъ, узрѣвъ въ пути, коль злобенъ рокъ несытый,
Вздохнулъ изъ глубины. . . .

Подать отраду (II, 503) — Утѣшить, облегчить нищетою, бѣдностію, несчастіемъ удрученнаго:

Она предстательствомъ *отраду*
Потщится бѣднымъ *подавать.*

Пріяти миръ (II, 987) — Согласиться на миръ, примириться:

И *миръ пріявъ* облобызаетъ.

Пріяти пищу (II, 987) — Употреблять пищу:

Видя его тую жъ *пріемлющаго пищу.*

Объять окомъ (II, 971) — Постигнуть взоромъ:

Когда на холмѣ кто высокомъ
Сѣдя, вокругъ *объемлетъ окомъ.*

Имѣть главу преклоненну (III, 628—629) — Быть погружену въ печаль:

Тогда Вандалы побѣжденны
Главы имѣли преклоненны, — и т. д.

Примѣры и сопоставленія, находящіеся въ словарѣ, представляютъ цѣлый рядъ данныхъ, имѣющихъ несомнѣнное значеніе для характеристики языка и слога Ломоносова. Взаимное отношеніе двухъ неизбѣжныхъ началъ — славянскаго и русскаго обнаруживается само собою изъ массы наглядныхъ примѣровъ, приводимыхъ изъ различныхъ источниковъ. Въ языкѣ Ломоносова, при множествѣ славянизмовъ, являются и черты древняго русскаго языка, и живые слѣды народнаго говора, и т. д.

Дуга (II, 785) — Радуга:

— *Дугу* мою полагаю во облацѣ, и будетъ въ знаменіе завѣта между мною и землею (Быт. IX, 13).

Утѣшилъ я въ печали Ноя,
Когда потопомъ міръ казнилъ;
Дугу поставилъ въ знакъ покоя,
И тою съ нимъ завѣтъ чинилъ.

Глубина (II, 94) — Въ витійственномъ слогѣ берется иногда за самое море:

— Во *глубинѣ* постла иногда Фараонитское все воинство.... *Глубины* открылъ есть дно, и сушею своя влечетъ. (Ирмол. Гласъ 2. Пѣснь 1).

На сушу гонитъ *глубину*,
И съ моремъ дождь и градъ мѣшаетъ.

Небесные круги (III, 1006).—Въ витійственномъ слогѣ называется превыспренность, или небеса:

— Съ *небесныхъ круговъ* слетѣвъ (Акаѳ. Богород.).

И преклонивъ *небесны круги*,
Благослови супруговъ сихъ.

Довольный (I, 836)—Имѣющій столько способности, сколько къ отправленію извѣстнаго дѣла потребно:

— И яже слышалъ еси отъ мене многими свидѣтели, сія предаждь вѣрнымъ человѣкомъ, иже *довольни* будутъ и иныхъ научити. (2 Тимоѳ. II, 2).

Уже младаго Михаила
Была къ тому *довольна* сила
Упадшую Москву поднять.

Блюду (I, 234)—Стрегу, храню, берегу, содержу въ цѣлости:

— *Блюдите* себе, да не погубите яже дѣлаете добрая. (2 Посл. Іоан. I, 8).

Вотще твой хитрый былъ совѣтъ:
Россію самъ Господь *блюдетъ*.

Блюдуся (I, 234)—Хранюся, берегуся, стерегуся; воздерживаюсь, опасаюсь:

— *Блюдитеся* отъ творящихъ распри и раздоры. (Римл. XVI, 17).

Союзы разрушать *блюдитесь*,
Храните искренно пріязнь.

Наединѣ (II, 939—940)—Одинъ на одинъ, безъ присутствія другихъ, безъ свидѣтелей:

— Приступиша къ нему ученицы *наединѣ* (Матѳ. XXIV, 3).

— Отшедъ *наединѣ*, вопрошаше его (Дѣян. XXIII, 19).

— Произнесу же ко мнѣ *наединѣ* слово на ложи моемъ (Іов. VII, 13).

Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и *наединѣ*.

Увязуюся вѣнцемъ (I, 1129)—Вѣнцемъ украшаюся, вѣнчаюся:

— Мнози мучители сѣдоша на земли, нечаемый же *увязеся вѣнцемъ* (Сирах. XI, 5).

Елисаветъ, *вѣнцемъ* и славой *увязенна*.

Грызти устнѣ (II, 389)—Не могши отмстить въ настоящее гнѣва время, изъявлять досаду, кусая губы:

— *Грызый устнѣ* свои, опредѣляетъ вся злая (Притч. XVI, 30).

Пусть злобна зависть ядъ свой льетъ,
Пусть свой *языкъ*, ярясь, *грызетъ*.

Единство (II, 940—941)—Единодушіе, согласіе; тожество:

— Въ любви и *единствѣ* пребывая съ великимъ княземъ Юрьемъ Суздальскимъ (Ник. лѣт. II, 94).

— Взаимнымъ любви союзомъ сопрягается ихъ *единство* вѣры.

Единство оныхъ силъ доказано стократно:
Мы лѣта нынѣ ждемъ пріятнаго обратно.

Безнавѣтный (I, 1036)—Безопасный, безбѣдственный, чуждый навѣтовъ:

— Святую церковь въ Руси *безнавѣтну* и безмятежну соблюдетъ (Царств. Лѣт. 243).

Въ холодной сей странѣ отъ бурь покровъ даютъ
Безмолвно бдѣніе и *безнавѣтенъ* трудъ.

Презорство (III, 148) — Презрѣніе, пренебреженіе:

— Кто не вознегодуетъ о гордомъ *презорствѣ* (Ѳеоф. Прокоп.).

Не дай врагамъ возвеселиться
Неправедной враждой своей,
Не дай *презорствомъ* возгордиться
И помизаніемъ очей.

Забобоны (III, 2) — Бредни, сказки, по большей части основанныя на суевѣріи и недостойныя вниманія умнаго человѣка:

— Сей ли путь спасенія, яко помраченъ *забобонами*, не знаешь, что ты долженъ еси Богу, государю, отечеству? (Ѳеоф. Прокоп.).

Ты жилъ по тѣмъ законамъ,
Которые писалъ;
Смѣялся *забобонамъ*.

Лыва (III, 1342—1343) — Густой, частый, на болотѣ выросшій лѣсъ:

Изъ *лывъ* густыхъ выходитъ волкъ.

Жаль (II, 1038) — Тоже, что *жалость*:

О коль велико въ немъ движеніе сердечно,
Геройство, рвеніе, досада, гнѣвъ и *жаль*.

Затѣя (III, 20) — (*простон.*) Затѣйливый человѣкъ, затѣйщикъ; во множ. числѣ — выдумки, вымыслы:

Всѣхъ пріятностей *затѣи*
Въ подбородокъ умѣсти.

Сказуюся (III, 382—383) — Въ *просторѣчіи* берется вмѣсто: подаю голосъ, откликаюсь или голосомъ своимъ даю узнать, кто я таковъ:

Тутъ поздно бѣдный волкъ примѣтилъ,
Что черезчуръ перемудрилъ,
Въ полахъ и въ рукавахъ связался
И волчьимъ голосомъ *сказался*.

Изъ общаго числа примѣровъ, взятыхъ изъ произведеній нашей литературы прошлаго столѣтія, болѣе $^9/_{10}$ приходится на долю Ломоносова и менѣе $^1/_{10}$ на всѣхъ другихъ писателей. Даже такому крупному представителю недавней эпохи, какъ Сумароковъ, отведено слишкомъ мало мѣста. Удивленный такимъ незаслуженнымъ равнодушіемъ, кн. Щербатовъ спрашивалъ: изъ чего же сдѣланы наши сердца, если надъ ними не производятъ «чувствія» творенія Сумарокова? [29]). Хотя академія и признала необходимымъ отдать «справедливость и другимъ писателямъ россійскимъ, а наипаче Александру Петровичу Сумарокову» и поручила сдѣлать выборъ изъ «твореній сего знаменитаго писателя» [30]), но все-таки въ словарѣ академіи приведено изъ сочиненій Сумарокова примѣровъ въ тридцать разъ менѣе, нежели изъ Ломоносова. Вопреки мнѣнію кн. Щербатова, сочлены его не рѣшались поставить Сумарокова на одну высоту съ Ломоносовымъ. Такой взглядъ надолго утвердился у насъ, что можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующаго отзыва въ первомъ опытѣ исторіи русской литературы: «Слогъ новый, образованный Карамзинымъ, но очищенный отъ пятенъ, которыми хотѣли его украсить подражатели сего прозаика, сдѣлался господствующимъ образцемъ въ русскомъ языкѣ: обороты славянскіе, *выраженія Сумарокова, слова дикія* и составленныя по прихоти удаляются, какъ уродливые вымыслы Тредьяковскаго и его братіи удалились отъ пламенника, которымъ, въ половинѣ XVIII столѣтія, Ломоносовъ освѣтилъ темную дотолѣ храмину нашей словесности» [31]).

Для поясненія словъ, которыя отмѣчаемъ курсивомъ, приведены въ словарѣ россійской академіи слѣдующіе примѣры изъ произведеній русскихъ писателей:

СУМАРОКОВЪ.

— *Признаніе* вины къ прощенію успѣхъ:
Кто плачетъ о грѣхѣ, тотъ чувствуетъ свой грѣхъ (III, 98).
— Безсмертный тварей обладатель,
Правитель неба и земли,
Всея вселенныя *Создатель* (III, 70).
— Не *вѣнценосецъ* я въ великолѣпномъ градѣ. (I. 1001).
— Я буду дѣлать то̀, что *долгъ* повелѣваетъ. (II. 717).
— За *дерзость* будешь тамъ ты мучиться во вѣки. (II. 631).
Онъ палъ къ намъ въ руки, мы *желѣзо* извлекли:
Багряныя струи стремительно текли. (II. 1100).
— О вы, которые стремитесь на Парнасъ,
Нестройнаго *гудка* имѣя грубый гласъ. (II. 422).
— Неваженъ черни шумъ...
Ихъ *лай* разноситъ вѣтръ, исчезнетъ онъ. (III. 1145).
— Коль истины святой начальники не внемлютъ,
И, *беззаконниковъ* не наказуя, дремлютъ;
На что законъ?
Иль только для того, чтобъ былъ написанъ онъ? (III. 12—13).
— Во гнѣвѣ человѣкъ лютѣйшій самый *звѣрь*. (III. 35).
— *Роптанье* на тебя злочестные сугубятъ. (V. 162).
— *Танцовщикъ* ты — богатъ, профессоръ ты — убогъ:
Конечно, голова въ почтеньи менше ногъ. (VI. 25).
— Великій человѣкъ, великій господинъ,
Какъ кто ни говори, есть *титулъ* не одинъ.
Великій господинъ — кто чинъ большой имѣетъ,
Великій человѣкъ — кто много разумѣетъ:
Великій господинъ Локъ не былъ въ весь свой вѣкъ,
Ни конь Калигуловъ — великій человѣкъ. (VI. 129).
— *И лжеучители* разсѣяли *развратъ*. (I. 912. — VI. 469).
— Яко *дерзостный* орелъ,
Выше облакъ возлетѣлъ. (II. 631 — 632).
— Премѣны счастія суть свойства *здѣшня* свѣта. (III. 47).

— Слѣпой въ сраженіе вступилъ со *зрячимъ*. (III. 133).
— Пораженъ *презѣльною* тоскою. (III. 173).
— Что сей лѣсъ тѣсенъ былъ, нечистъ,
И вѣдали они, что онъ и не *зайчистъ*. (III. 22).
— Великій государь! смущается народъ,
И всѣ *волнуются*, какъ бурей токи водъ. (I. 766).
— Намъ мнится все добро, что *зримъ* въ себѣ самихъ. (III. 131).
— Онъ правду паче всѣхъ подвластныхъ наблюдаетъ,
И всѣ свои на ней уставы *созидаетъ*. (III. 69).
— Намѣрилася черепаха,
Изъ царства русскаго, *зѣвать*:
Въ пути себѣ не видя страха,
Въ Парижѣ хочетъ побывать. (III. 170).
— *Покорствуете* ли предписанной судьбѣ. (III. 850).
— *Изобличающа* мя совѣсть умолкаетъ. (III. 1201).
— Не возвращаются *назадъ* къ истокамъ воды,
Ни къ намъ прошедшіе младые наши годы. (III. 7).
— Жена была остра, и съ мужемъ *зубъ за зубъ*. (III. 161).
— Когда питье мы шумно
За здравіе излишно *пьемъ*,
Какую дѣлаемъ другому пользу тѣмъ?
Въ томъ суетно ему здоровья ожидаемъ:
Свое лишь только повреждаемъ. (III. 43).

Простонародн.

— *Зубатъ* и я, да я жь еще рога имѣю,
Ногъ столькожь и у пса, коль я считать умѣю. (III. 164—165).
— *Здорово*, братъ! сказалъ оселъ когда-то льву. (III. 46).

ПЕТРОВЪ.

— Межъ тѣмъ на горизонтѣ заря восходитъ,
И смертныхъ бдѣнія и тьмы *заботъ* возводитъ. (III. 3).
— *Законъ*, любовь который пишетъ,

Сердецъ удобенъ быть царемъ;
Законъ, одна гдѣ строгость дышетъ—
Несносенъ смертному яремъ. (III. 9).
— Въ *зарю* побѣдъ одѣясь нову,
Красуйтесь вои и вожди;
Какъ львы почійте послѣ лову—
Корысти многи вамъ впреди. (III. 17).
— Шагами радости въ пещерѣ путь измѣря,
Взираетъ съ жадностью народъ на *полузвѣря*. (III. 37).
— Объемлетъ *зрѣніемъ* всю моря широту. (III. 132).
— Коль добры кони тѣ и каковыхъ *признаковъ*? (III. 102).
— Отъ низпадущихъ стрѣлъ скрываясь подъ щитами,
Десными за *зубцы* хватаются руками. (III. 163).
— Коль скоро *звонкія* услышатъ гласъ трубы. (III. 26).
— Сынъ роскоши и нѣгъ, одѣянъ въ свѣтлый санъ—
Ничто, какъ во *златомъ* окладѣ истуканъ. (III. 78).
— Кровавый тамъ раздоръ, не внемля смысла гласу,
Свирѣпствуетъ, главу трясущій *зміевласу*. (III. 90).
— Въ пещерѣ здѣсь Церберъ, стражъ
Грозныхъ въ Тартаръ вратъ,
Лежитъ и полнитъ весь *тризѣвнымъ* лаемъ адъ. (III. 171).
— Повѣдать ли, народъ какъ мучимъ былъ и рванъ,
И како *звѣрствовалъ* піющій кровь тиранъ. (III. 37).
— Стоялъ и *озиралъ* насъ быстрыми глазами. (III. 143).

ХЕРАСКОВЪ.

— Доспѣхи воинства подобятся *зарницѣ*. (III. 18).
— Не злато расточать, не *зданіямъ* дивиться,
Пріидутъ къ ней цари, но царствовать учиться. (III. 67).
— Лѣнивою ногой къ намъ счастіе приходитъ;
На крыльяхъ *зло* летитъ и горести наводитъ. (III. 82—83).
— Какимъ превратностямъ подверженъ *здѣшній* свѣтъ!

Въ немъ блага твердаго, въ немъ вѣрной славы нѣтъ. (III. 47—48).

— Тамъ паству тучную луга являютъ *злачны*. (III. 76).

— Тамъ дебри видимы, пещеры, лѣсъ густой;
Ни пашни тучныя, ни жатвы нѣтъ *златой*. (III. 78).

— Молва *звучащую* трубу въ рукахъ имѣетъ. (III. 30).

— Уже небесное горящее свѣтило
Ордынскія поля и горы *озлатило*. (III. 79).

— Межъ вѣтвій *зрѣлися* лазурны небеса. (III. 131).

— Куда его копье и мечъ ни устремится,
Вездѣ копье и мечъ перуномъ становится. (III. 48).

— Примѣръ *Призыванія*:
О ты, летающій превыше свѣтлыхъ звѣздъ,
Стихотворенья духъ! приди отъ горнихъ мѣстъ. (III. 122).

КОСТРОВЪ.

— Но прежде, какъ узрю тебя влекому въ плѣнъ,
Да буду глыбами *земными* покровенъ. (III. 56).

— Я *духомъ зрю* грядуще оно время. (III. 131).

ЕКАТЕРИНА.

— Исторія есть слово греческое; оно значитъ *дни* или дѣянія. (Записк. Росс. Ист. I. 1). II. 887.

— *Законъ*, или уложеніе древнее руское, довольно древность письма въ Руссіи доказываетъ. (Зап. кас. Росс. Ист.). III. 10.

— Болѣе мудрости и смысла замыкается въ *созиданіи*, нежели въ разрушеніи (Зап. кас. Росс. Ист.). III. 70.

— *Земля* наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ: пріидите владѣти нами (Зап. кас. Росс. Ист.). III. 53—54.

— Великая княгиня Ольга жила въ Кіевѣ и управляла дѣла *земскія*. (Зап. касат. Истор. Росс.). III. 57.

ѲЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ.

— Сей ли путь спасенія, яко помраченъ *забобонами*, не знаешь, что ты долженъ еси Богу, государю, отечеству? (III. 2).
— Егда самымъ твоимъ *лицезрѣніемъ* увеселяемся, ощущаемъ въ себѣ радостное нѣкое движеніе. (III. 132).
— Въ его лицѣ, аки въ *зерцалѣ*, самого тебе видѣли мы. (III. 135).
— Симъ дѣломъ *прознаменова* Господь, яко апостольская ловитва не имѣла держатися при Іудеи. (III. 108).
— Се очима *зриши*, егоже умомъ твоимъ разсмотрѣвалъ еси. (III. 130).

КНЯЖНИНЪ.

— *Грущу* отечества драгова отчужденный. (Трагед. Росславъ). II. 386.

КН. ДАШКОВА.

— *Природа* въ свѣтъ тебя стараясь произвесть,
Дары свои на тя едину *истощила*,
Чтобы на верхъ тебя величества возвесть,
И награждая всѣмъ, она насъ наградила. (V. 48 — 49. и VI. 225 — 226).
— Кто любитъ *таканье* и слушаетъ льстеца,
Тотъ хуже всякаго бываетъ подлеца. (Собесѣд. ч. I, стр. 21). VI. 19.
— Лишь скажетъ кто изъ баръ: ученіе есть вредно,
Невѣжество одно полезно и безбѣдно;
Тутъ всѣ поклонятся — и умный, и дуракъ,
И скажутъ не стыдясь: конечно, сударь, *такъ* (Собес. ч. I.). VI. 18.

К. Д.

— Чтобъ въ томъ увѣриться, что *жизнь* полна бѣдами,
Что внутренней борьбы конца страшимся сами. (Перевод. изъ Лукіана). II, 1122.

— Мы купно съ ней счастливы будемъ,
Льстецы свой ядъ прочь отвратятъ,
И тотъ уставъ навѣкъ забудемъ,
Что лесть одну монархи чтятъ. (Стихи къ Ея Величеству).
III, 1178.

ПРЕОСВ. ПЛАТОНЪ.

Прежде конца никого ублажать и никого *окаяти* не должно (На Лазарево воскресеніе). III. 487.

Н. ПОПОВСКІЙ.

. . . . . . Пусть я *брусу* въ томъ подобенъ,
Желѣзо что остритъ, самъ рѣзать неспособенъ (Письм. о стих.). I. 354.

М. ПОПОВЪ.

Всякъ *житьемъ* своимъ *скучаетъ*,
И судьбинѣ докучаетъ:
Для чего я не богатъ? (Досуги). III. 1103. — и II. 1145.

ИЗЪ СОБЕСѢДНИКА.

— Парижская жь *дрянца* получше русской *дряни*
Достойна налагать на дамъ россійскихъ дани. (Т. XI. стр. 25).
II. 778.

ИВ. ИВ. ШУВАЛОВЪ.

Московскій здѣсь Парнассъ изобразилъ *витію*. (I. 1032).

БЕЗЪ ОЗНАЧЕНІЯ АВТОРОВЪ:

— О *вѣстникъ* счастья вожделѣнный
Для насъ и будущихъ родовъ! (I. 1072).
— Мѣста, мѣста дражайшія,

Свидѣтели утѣхъ моихъ. (I. 690).
— *Красоткой* всѣ меня зовутъ:
Мнѣ надобно подумать тутъ. (III. 908).
— Сыну глупому не помощь богатства,
Аще не купитъ мудрости *изрядства*. (V. 286).
— Доколѣ дряхлость обращаться.
Не *возбранитъ* моимъ устамъ. (I. 321).
— *Бѣжитъ* въ свой путь съ весельемъ многимъ.
По холмамъ грознымъ исполинъ. (I. 412).
— Всѣ цвѣты твои *повяли*,
И пріятности пропали. (I. 1138).
— Что всуе добрыхъ мнѣ, сказалъ, сыновъ *губить*? (II. 418).
— *Лишь* только занялась заря,
И солнце вверхъ взошло, горя. (III. 1228).

IV.

Собирая матеріалы изъ различныхъ источниковъ, составители словаря обращались и къ произведеніемъ устной словесности — къ пословицамъ и поговоркамъ. Само собою разумѣется, что во взглядѣ на этого рода источники и въ способѣ ими пользоваться выразились, въ большей или меньшей степени, тогдашнія литературныя понятія вообще. Въ словарѣ россійской академіи находимъ слѣдующія опредѣленія:

— *Пословица* — Краткое и по большей части иносказательное изреченіе, содержащее въ себѣ *нравоученіе*: «Пословицы содержатъ въ себѣ изрядное *наставленіе*» (V, 541).

— *Поговорка* — Такъ называется извѣстный образъ вѣщанія, заключающаго въ себѣ *острый* и *нравоучительный* смыслъ, напримѣръ: «Дай Богъ память» (II, 152).

— *Присловица* — Поговорка, въ краткихъ словахъ заключающаяся, напримѣръ: «Ни дать, ни взять» (V, 543).

Различіе между этими терминами не выдержано съ строгою

послѣдовательностью. Иногда одинъ и тотъ же примѣръ приводится то подъ названіемъ *пословицы*, то подъ названіемъ *поговорки*.

Въ первоначальномъ начертаніи, или планѣ, словаря предположено было исключить всѣ *длинныя* пословицы и присловицы. Болтинъ возразилъ на это, что краткость не есть достоинство, и что пословицы, коротки ли они или длинны, надо вносить въ словарь, за исключеніемъ только тѣхъ, которыя заключаютъ въ себѣ что-либо неблагопристойное, или «не имѣютъ устроенія въ слогѣ, для пословицъ потребнаго», или наконецъ вовсе не имѣютъ никакого смысла [32]). Выслушавъ мнѣніе Болтина, академическое собраніе постановило: «Пословицы тѣ токмо должны имѣть въ словарѣ мѣсто, коихъ знаменованію можно дать ясную и довольную причину; тѣ же, коимъ довольной причины привести не можно, предоставить особливому пословицъ собранію» [33]). Въ концѣ концовъ академія порѣшила такимъ образомъ: «Никакой по истинѣ языкъ не можетъ равняться обиліемъ пословицъ, присловицъ и поговорокъ съ языкомъ россійскимъ; но какъ многія изъ нихъ *низки*, а нѣкоторыя и *неблагопристойны*, то академія приняла *больше* такія, которыя *кратки*, заключаютъ въ себѣ *острый смыслъ* или *ясное нравоученіе*» [34]).

Приводимъ пословицы, поговорки и т. п., съ тѣми названіями и въ томъ видѣ, какъ находятся они въ словарѣ россійской академіи. Слова, при которыхъ они помѣщены, печатаемъ курсивомъ:

Пословицы.

Богъ далъ, *Богъ* и взялъ (*взято изъ Священ. писанія*). I. 248.
Богу молись, а самъ не плошись. I. 249.
Воля и добру жену портитъ. I. 823.
Бѣда глупости сосѣдъ. I. 429.
Кто въ *грѣхѣ*, тотъ и въ отвѣтѣ. } II. 395.
Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. } II. 395.
На *грѣхъ* мастера нѣтъ. II. 395—396.

Сказано на *глумъ*, а ты бери себѣ на умъ. II. 96.
Отъ *навалу* люди разживаются. I. 473. (Безъ объясненія).
Болѣзнь входитъ пудами, а выходитъ золотниками. I. 280.
Невидаль корову купилъ, будетъ ли на лѣто трава. I. 676.

Дурака учить, что мертваго лѣчить.
Дураку законъ не писанъ.
Дураку и въ алтарѣ не спускаютъ. } II. 799.

Не купи дому, купи *сосѣда*. V. 1042.
Конь о четырехъ ступняхъ, да и тотъ спотыкается. III. 783.

Волку зима за обычай.
Сколько *волка* ни корми, а онъ къ лѣсу глядитъ. } I. 811—812.

Одна паршивая *овца* все стадо перепаршивитъ. IV. 611.
Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки. III. 880.
Воронъ ворону глаза не выклюнетъ. I. 854.
Два *чиренка* — тотъ же утенокъ. IV. 777.
Артель атаманомъ крѣпка. I. 48.

Глазами пива не выпьешь.
Глаза да мѣра, то прямая вѣра. } II. 67—68.

Глазъ видитъ, да зубъ неймеТъ. II. 68 и III. 161.
Даровому коню въ *зубы* не смотрятъ. III. 161.

По которой *водѣ* плыть, ту и воду пить.
Не плюй въ колодезь: случится *водицы* испить.
Тихая *вода* берега подмываетъ.
Обожжешься на молокѣ, станешь и на *воду* дуть. } I. 793.

Куй *желѣзо* пока горячо. II. 1101.
Гора съ *горою* не сойдется, а человѣкъ съ человѣкомъ столкнется. II. 231.
Не копай надъ другомъ *ямы*: самъ въ нее скорѣе попадешь. VI. 1045.
Два медвѣдя въ одной *берлогѣ* не уживутся. I. 133.
Дорога *борозда* къ агону. I. 313.

Не измѣря *броду* сунуться въ воду. I. 330.
Отъ *берегу* отсталъ, а къ другому не присталъ. I. 126.
Соловья *баснями* не кормятъ. I. 114.
Славны *бубны* за горами. I. 366.
Смотри по *берду*, не будетъ ли близіонъ. I. 122.
Взявшись за *гужъ*, не говори, что не дюжъ. II. 424.
Попалъ какъ сомъ въ *вéршу*. I. 658.
И я въ полѣ не *обсѣвокъ*. V. 1075.
Или *корень* вонъ, или полонъ дворъ. III. 816.
Своя *ноша* не тянетъ. IV. 488.
Рубашка ближе къ тѣлу. V. 192.
По *одежкѣ* протягай ножки. II. 862.
Смиренье молодцу *ожерелье*. II. 1111.
Браги частыя, а руки одинакія. I. 310.
Послѣ ужина *горчица*. II. 259.
Первый блинъ, да и тотъ *комомъ*. III. 765
На языкѣ медокъ, а на сердцѣ *ледокъ*. III. 1159.
Клинъ клиномъ выбивать. III. 612.
Легко около *костра* щепы брать. III. 865.
Не боги *горшки* обжигаютъ, — тѣ же люди. II. 259—260.
Горшокъ котлу упрекаетъ, а оба черны. II. 260.
Для *глухаго* двухъ обѣденъ не поютъ. II. 90.
Сытый *голоднаго* не разумѣетъ. II. 186.
Бережливаго коня и звѣрь въ полѣ не бьетъ. I. 124.
Видимый рокъ какъ ножемъ въ бокъ. I. 677.
Бодливой коровѣ не даетъ Богъ рогъ. I. 265.
Блудливъ какъ кошка, а трусливъ какъ заяцъ. I. 230.
Гдѣ *волчій* ротъ, гдѣ лисій хвостъ. I. 812.
Подъ *лежачъ* камень и вода не идетъ. III. 1163.
Живетъ, только небо коптитъ. } II. 1143.
Живетъ, какъ бы день къ вечеру. }
Звали на честь, а посадили на печь. III. 113.
Говори на волка, *говори* и по волкѣ. II. 142.
Береги денежку на черный день. I. 123.

Тише *ѣдешь*, далѣ будешь. VI. 975.

Ожжешься на молочкѣ, будешь дуть и на воду. (Ср. I, 793: Обожжешься на молокѣ, станешь и на воду дуть). II. 1072.

Повадился кувшинъ по воду ходить, на томъ ему и голову положить. I. 461.

Тѣ же щи *переваривать*. I. 503.

Свои собаки *грызутся*, чужая не приставай. II. 390.

Чужую кровлю *кроетъ*, а своя каплетъ. III. 981.

Отольются волку коровьи слезы. III. 1238.

Ни шатко, ни *валко*. I. 466.

Спорь до слезъ, *а объ закладъ не бейся*. I. 176.

Пословицы простонародныя.

Голова—что шабала, а ума ни на нитку. II, 179.

Не рада баба *повою*, рада покою. I, 739.

Не ставь сѣни *булдыремъ*. I, 380.

Присловицы.

Благому благо. I, 213.

Гдѣ *гнѣвъ*, тутъ и милость. II, 134.

Безъ *причины* вѣка не изживешь. VI, 770.

Въ *глазахъ* деревня сгорѣла. II, 67.

Какъ *варомъ* поварило. I, 494.

Что городъ, то норовъ; что деревня, то *обычай*. I, 940.

Дальные *проводы* — лишнія слезы. I, 556.

Барышъ съ накладомъ на одняхъ саняхъ ѣздятъ. I, 107.

Въ *мутной* водѣ хорошо рыбу ловить. IV, 331.

Даровому коню въ зубы не смотрятъ. II, 336.

На смирнаго Богъ нанесетъ, а рѣзвый самъ *набѣжитъ* (безъ объясн.). I, 421.

Говори, да назадъ оглядывайся. II, 142.

Ни дать, ни *взять*. I, 134.

Ни вздумать, ни *взгадать*. II. 5.

Переводы переводить. I, 546.

Присловица въ просторѣч. употр.: Онъ и водою не *помутитъ*. IV, 335.

Родъ присловицы: Сѣро, да *збойливо*. I, 190.

Поговорки.

Рыбакъ рыбака далеко въ плесѣ видитъ. V, 232.

Безъ *притчи* вѣка не изживешь (=посл.: Безъ *причины* вѣка не изживешь. VI, 770). II, 1154.

Зовъ — дѣло велико. III, 114.

Ждетъ, какъ *воронъ* крови. I, 855.

Блудливъ какъ кошка, а трусливъ какъ *заяцъ* (=посл. I, 230) III, 21.

Береги денежку на черный *день*. II, 578.

У него послѣдняя копейка *ребромъ* скачетъ. V, 106.

Всякая *погудка* за хлѣбомъ хороша. II, 424.

На *суслѣ* пива не узнаешь. V, 973.

Про одни *дрожжи* не говорятъ трожди. II, 758.

Не ударь себя лицомъ въ *грязь*. II, 410.

Тотъ тужи, у кого ременные *гужи*. II, 424.

Живой живое и мыслитъ, или думаетъ. II, 1127.

У *голоднаго* хлѣбъ на умѣ. II, 186.

Сытый, голоднаго не разумѣетъ (=посл. II, 186) V, 1020.

У него языкъ *дологъ*. II, 708.

Стерпится — слюбится. VI, 107.

Хоть ѣсть нечего, да *жить* весело. II, 1144.

Рука, нога не *отвалится*, когда работать будешь (безъ объясн.) I, 474.

Масть къ масти *подбирается*. I, 152.

Не *клади* пальца ему въ ротъ. III, 554.

Быть такъ, коли *помѣтилъ* дьякъ. IV, 433.

Говоритъ какъ книга, или: какъ по книгѣ. II, 142.

Какъ на огнѣ *горитъ*. II, 262.

Что въ ротъ, то и *глотъ*. II, 87.
Мягко стелетъ, да *жестко* спать. II, 1113.
Ни *шатко*, ни валко (=посл. I, 466) VI, 858.
Тяпъ — ляпъ, да и клѣтка. VI, 404.
Изъ *дивъ диво*. II, 663.
Бобыль бобылемъ. I, 244.
Съ *боку* припека. I, 267.
Всею *варею*, или: Со всей *вари*. I, 496.
Не *мытьемъ*, такъ катаньемъ. IV, 282.
Ни думано, ни *гадано*. II, 4.
Ни *дать*, ни *взять*. II, 478.
Вожу кого за носъ. I, 521.
Жить вмѣстѣ и умереть вмѣстѣ. II, 1143.
Сказать не за *глаза*, въ *глаза*. II, 65.
Пригнать въ тупикъ, что некуда ступить. II, 222.
Взять съ *бою*. I, 181.
Согнуть кого въ дугу. II, 129.
Обуть кого изъ сапоговъ въ лапти. I, 736.
Обѣщать *золотыя* горы. III, 81.
Первую пѣсенку *зардѣвшись* спѣть. V, 105.
Попалъ на *зубы*. III, 162.
Какъ на *положенное*. III, 1277.
Простонародн.: У нихъ *дымъ* коромысломъ. II, 847.
Какъ на лѣсъ *взглянетъ*, такъ лѣсъ вянетъ. II, 101.
Родъ простонар. поговорк.: Какъ рукою *сняло*. II, 1006.
Древн.: Не *думалъ*, не гадалъ. II, 789.—«Не думали есмя на брата своего Луку, что его убити; ни засылали есмя на него». (Древн. Лѣтоп. I, 170).

Поговорки въ просторѣчіи употребляемыя.

Не *житье* а масленица. II, 1145.
Каковъ въ колыбельку, таковъ и въ *могилку*. IV, 203.
Время *переходчиво*. III, 261.

Перевернуть что на свой салтыкъ. I, 649.

Поговорка въ просторѣч.: Этотъ товаръ ходитъ въ *сапогахъ*. V, 339.

Приговорка: Какъ ни *зови*, только хлѣбомъ корми. III, 112.

Изреченіе: *Зеленъ* виноградъ, не сладокъ, младъ умъ не крѣпокъ. III, 49.

Образъ вѣщанія, въ простор. употр.: *Булавка въ головѣ*. I, 379.

Пословицы, поговорки и т. п., приводимыя въ словарѣ, сопровождаются обыкновенно толкованіемъ ихъ смысла, какъ напримѣръ:

— *Богу молись, а самъ не плошись* — Пословица, изъявляющая, что всякъ, моля Бога о помощи, къ служенію, къ званію своему всѣми силами прилежать долженъ (I, 249).

— Пословица: *Бѣда глупости сосѣдъ*, т. е. несчастія приключаются болѣе отъ нашего неразумія, нерадѣнія, оплошности (I, 429).

— Пословица: *Видимый рокъ, какъ ножемъ въ бокъ*, означающая: Кто вдается въ очевидную опасность, тотъ неминуемо подвергнетъ себя напасти, погибели (I. 677).

— Пословица: *Отольются волку коровьи слезы* — За притѣсненіе безсильнаго, невиннаго, когда-нибудь послѣдуетъ сильному воздаяніе (III, 1238).

— Пословица: *Тихая вода берега подмываетъ* значитъ: Тихій и скромный человѣкъ по наружности опаснѣе того, который скоръ и откровененъ (I, 793).

— Пословица: *Не ставь наши сѣни булдыремъ* — Не почитай меня, не думай обо мнѣ, хуже другихъ (I, 380).

— Присловица: *Переводы переводить*, значащая смучать выносными изъ дому въ домъ рѣчами, вѣстями, переговорами (I, 546).

— Присловица: *Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость* — Кто, гнѣваяся, пріемлетъ извиненія, того гнѣвъ неопасенъ, отъ того можно надѣяться милости (II, 134).

— *Сѣро, да збойливо* — Родъ присловицы, относительныя къ черни, которою означается, что и въ сѣромъ зипунѣ, то есть въ подломъ платьѣ, бываютъ иногда хитрые и пронырливые люди; и для того не должно по простотѣ платья судить о умѣ (I, 190).

— Поговорка: *Всею варею* или *Со всей вари*, употребляемая къ означенію, когда кто ударится, упадетъ всѣмъ тѣломъ (I, 496—497).

— Поговорка: *Стерпится — слюбится*: Кто одно или другое какое прискорбіе, отъ другихъ причиненное, терпѣливно переноситъ, тотъ послѣ не имѣетъ причины въ томъ раскаиваться (VI, 107).

— *Тотъ тужи, у кого ременные гужи* — Поговорка, означающая: Богатый заботься, чтобъ не потерять имѣнія, а бѣдному потерять нечего (II, 424).

— *Булавка въ головѣ* — Образъ вѣщанія, въ просторѣчіи и въ смыслѣ переносномъ употребляемаго о человѣкѣ нѣсколько пьяномъ: «Онъ весьма здорливъ, какъ скоро есть у него *булавка въ головѣ*» (I, 379), и т. д.

V.

Независимо отъ выбора словъ и выраженій изъ различныхъ источниковъ: изъ книгъ церковныхъ, изъ произведеній нашихъ писателей и т. п., въ словарѣ находится множество примѣровъ изъ языка разговорнаго, т. е. такого, какимъ говорили въ концѣ восемнадцато столѣтія, преимущественно въ образованномъ обществѣ того времени. Очевидно, что подобнаго рода примѣры большею частію придумывались въ академическихъ собраніяхъ, въ которыхъ разсматривались всѣ матеріалы для составленія словаря:

— Во множественномъ числѣ *Бумаги* означаютъ всякія письменныя дѣла: «Я не могу отыскать вашего письма; не знаю, куда оное въ *бумагахъ* засунулося. Какое множество у васъ *бумагъ*» (I, 382).

— *Коса* — Орудіе, изъ широкой желѣзной острой пластины состоящее, къ концу остроконечное, нѣсколько загнутое, на древко насажденное; употребляемое для подрѣзыванія травы, овса и проч.: «Острая *коса*. Точить *косу*. Косить траву *косою*. Въ древности употребляли на браняхъ колесницы, вооруженныя *косами*. Стихотворцы и живописцы представляютъ время и смерть съ *косою*» (III, 856—857).

— *Переимчивость* — Даръ, способность понимать, перенимать: «*Переимчивость* ученика доказываетъ его остроту» (II, 978).

— *Воженье* — Рѣзвость, непомѣрное игранье, шалость съ шумомъ: «Что за *воженье* у васъ? Перестаньте шалить» (I, 568).

— *Пробѣгиваю* (простонародн.) — Прогуливаю, пролытываю, лишаюсь чего по причинѣ гулянья, отсутствія, бѣганья: «Товарищи твои получили свою награду, а ты-то пробѣгалъ» (I, 426).

— *Изволочиться* — Относительно къ дѣламъ любовнымъ, значитъ худѣть, лишиться силъ, здоровья: «Молодой человѣкъ совсѣмъ *изволочился*» (I, 774).

— *Ворожусь*—Требую у ворожеи въ какомъ-нибудь обстоятельствѣ помощи, или разрѣшенія въ какомъ-либо сумнѣніи: «Сколько ни *ворожился*, однако ни малаго успѣха не получилъ» (I, 874).

— *Отдаю*—Препоручаю, предаю: «Я все *отдаю* на вашу волю, на ваше благоразсмотрѣніе. Я сіе *отдаю* на судъ честныхъ людей» (II, 498).

— *Прихожу во что* — Употребляется иногда для означенія перемѣны состоянія лица или вещи: «Дѣла его *пришли* въ худое состояніе. Науки временемъ и постепенно *приходили* въ совершенство. *Прити* въ разслабленіе, въ сердце, въ гнѣвъ, въ бѣшенство, въ ярость. Отъ вѣсти сей *пришли* всѣ въ изумленіе, въ удивленіе» (III, 262), и т. д.

VI.

Слова и выраженія, собранныя въ огромномъ количествѣ, представляли сырой матеріалъ, которому необходимо было дать стройный видъ и надлежащую обработку. Для достиженія цѣли составители словаря употребили пріемъ, которому придавали особенное значеніе, ожидая отъ него большой пользы для дальнѣйшихъ работъ. Рѣшено было напечатать, въ азбучномъ порядкѣ, списокъ всѣхъ словъ, извлеченныхъ изъ различныхъ источниковъ, и разослать его членамъ академіи, чтобы каждый изъ нихъ могъ дѣлать свои замѣчанія и дополненія. Въ рукописяхъ россійской академіи, списокъ этотъ называется *аналогическою росписью словъ* [35]), или *аналогическою таблицею* [36]), или же *аналогическимъ словаремъ по буквамъ* [37]).

Аналогическія таблицы словъ, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ, съ многочисленными дополненіями и примѣчаніями, послужили основою для словаря россійской академіи. По свидѣтельству академика Лепехина, говорившаго отъ лица всѣхъ своихъ сочленовъ, россійская академія «пеклась о скорѣйшемъ окончаніи *перваго основанія къ словарю своему, т. е. таблицы аналогической*.... Таковое словъ собраніе можно почесть сокровищемъ отечественнаго языка нашего. Изъ сего источника академія почерпаетъ все, нужное къ совершенію предпріятаго ею труда» и т. д. [38]).

Аналогическія таблицы печатались въ самомъ ограниченномъ количествѣ — по числу членовъ академіи, по два экземпляра для каждаго. А такъ какъ членовъ академіи, на основаніи устава, не могло быть болѣе шестидесяти, то и таблицъ требовалось не болѣе ста двадцати экземпляровъ. Вѣроятно, вслѣдствіе этого они скоро сдѣлались библіографическою рѣдкостью. Едва прошло нѣсколько лѣтъ со времени появленія ихъ въ печати и уже возникаетъ сомнѣніе въ возможности отыскать ихъ и воспользоваться ими для новаго труда. Въ октябрѣ 1787 года непремѣнный секретарь академіи «имѣлъ *удовольствіе* раздать присут-

ствовавшимъ членамъ конецъ *аналогической печатной росписи словъ*, по чину азбучному расположенной»[38]), а въ августѣ 1794 года состоялось опредѣленіе выдать нѣкоторымъ академикамъ «по одному экземпляру словаря словопроизводнаго и, *буде отыщется*, по одному экземпляру *таблицы аналогической* для употребленія при сочиненіи аналогическаго словаря»[39]).

Въ составленной Анастасевичемъ росписи книгъ библіотеки Смирдина указаны «*Аналогическія таблицы славено-россійскаго словаря*; издано академіею наукъ. 5 частей. Въ т. академіи наукъ. 1781 г. (4). 50 р.»[40]). Но всѣ разысканія о книгѣ съ подобнымъ заглавіемъ оказываются напрасными. О ней не упоминается и въ замѣчательномъ библіографическомъ трудѣ Бакмейстера Russische Bibliothek. Книги или книгъ съ приведеннымъ заглавіемъ нѣтъ ни въ императорской публичной библіотекѣ, ни въ библіотекѣ академіи наукъ, куда поступили книги и рукописи россійской академіи. Приходится допустить, что указаніе Анастасевича несовсѣмъ точно; изданіе *россійской академіи* приписано *академіи наукъ*, и годъ изданія означенъ невѣрно: въ 1781 году россійской академіи еще не существовало, и аналогическія таблицы выходили постепенно съ 1784 по 1787 годъ. Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что они составляютъ величайшую библіографическую рѣдкость. По счастію, одинъ изъ экземпляровъ аналогической росписи—первообраза словаря россійской академіи сохранился въ Москвѣ, въ Румянцовскомъ музеѣ[41]).

Румянцовскій экземпляръ состоитъ изъ пяти частей, въ четвертую долю большаго листа, т. е. такого же формата, какъ и словарь россійской академіи. На корешкѣ надпись: *Analiticae tabulae russae*. На первой части вовсе нѣтъ заглавія; всѣ остальныя части озаглавлены *Аналогическими таблицами*: *Аналогическія таблицы Часть II; Аналогическія таблицы Часть III*, и т. д. На внутренней сторонѣ нижней обертки первой части написано: «Предварительный, или пріуготовительный Россійскій словарь, съ коего составляемъ былъ Словарь императорской россійской академіи, заключающій въ себѣ самое полное собраніе

словъ, каковаго доселѣ еще не было, и могущій служить руководствомъ къ сочиненію словарей съ иностранными языками». Изданіе это есть безспорно то самое, о которомъ говорится въ архивныхъ источникахъ, какъ объ основѣ и первообразѣ словаря россійской академіи. Очевиднымъ доказательствомъ служитъ одинаковое число страницъ, занятыхъ одними и тѣми же буквами. Въ собраніи академіи, въ ноябрѣ 1786 года, заявлено было, что уже отпечатанныя «три части таблицы аналогической, кончащіяся съ буквою *П*, составляютъ 1769 четвертныхъ страницъ, въ два столбца» [42]). Въ Румянцовскомъ экземплярѣ: въ первой части 871 страниц.; во второй—422; въ третьей, заключающей въ себѣ букву *П*—476; итого—1769 четвертныхъ страницъ.

Въ аналогическихъ таблицахъ слова помѣщены въ такомъ видѣ и въ такомъ порядкѣ:

— *Одолимый, ая, ое.* — *Одолѣваемый, ая, ое.* — *Одолѣваю, ешь, вать, лѣть.* — *Одолѣніе, нія,* ср. — *Одолѣнъ, нный, ая, ое.* — *Одолѣтель, ля,* м. — *Одолѣтельный, ая, ое.* — *Одраніе, нія.* ср. — *Одранный, ая, ое.* — *Одро́вый, ая, ое.* — *Одръ, дра,* м. сл. — *Одръ — на чемъ мертвыхъ выносятъ.* — *Одряхлѣваю, ешь, вать, хлѣть.* — *Одряхлѣлый, ая, ое,* и т. д.

Большая часть словъ напечатана безъ всякихъ объясненій:

— *Обморо́къ* (приписано: évanouïssement). — *Досту́покъ.* — *По́трость.* — *Потро́хъ.* — *Отгада.* — *Недомовитка.* — *Нѣмтырь.*

— *Запрометчивъ.* — *Оковидно.* — *Очевидно.* —

— *Отдосуживаюсь.* — *Иностранствую.* — *Лаза́ю, ешь, зать.* — *Нѣмую.*

— *Туфель, фля,* м. — *Фершелъ.* — *Ярмонка.* — *Типогравчикъ, Типогравчичій,* и т. д.

— *Кто бъ ни былъ.* — *Хны, хны.*

Въ словарь, т. е. въ аналогическія таблицы, внесены и собственныя имена:

— *Аввакумъ.* — *Аверкій.* — *Андреянъ* (простонародн.), и т. д.

Опредѣленія словъ въ такомъ родѣ:

— *Огромъ* — Великолѣпность. — *Дыха́вица* — Немощь. — *Припоказъ* — см. Примѣръ.

— *Простыня* — см. Большой простакъ (приписано: nigaud).

— *Чпагъ* — Кишеня, мѣшокъ, лядунка, карманъ.

— *Шлыкъ* — Бабы деревенскія носятъ подъ кокошникомъ.

— *Че́резъ* — Денежный мѣшокъ, который вмѣсто пояса носятъ.

— *Нащока* — На худомъ мѣстѣ у сапога или башмака пришитый лоскутъ кожи.

— *Вязка* — Наддача на купленный товаръ сверхъ настоящей цѣны или подряда.

— *Единовреме́нникъ* — Современникъ, въ одно время жившій или живущій.

— *Изоби́да* — Кто кому обиду, утѣсненіе наноситъ.

— *Исто́чница* — Говорится про ту женщину, коя въ чемъ-нибудь отмѣнно искусна.

— *Исплечка* — Говорится о лошадяхъ, когда она какимъ-нибудь образомъ повредитъ себѣ плечо.

— *Кладь* — Лѣкарственный составъ для лошадей.

— *Каме́ли* — Суда, на коихъ корабли чрезъ мели проводятъ.

— *Распе́рстица* — Когда пальцы такъ болятъ, что ихъ ни развесть, ни вмѣстѣ соединить неможно.

— *Неостарокъ* — Не слишкомъ старъ. — *Непамятокъ* — Слабъ памятью. — *Укромный* — Въ *укромное* мѣсто положить что̀.

— *Натручаю* — Печали прибавляю.

— *Позыбляюсь* — Пошатываюсь.

— *Обросня́юсь* — До гола обриться.

— *Перебиваю* (приведено тринадцать значеній этого глагола):

— Разламываю что́.

— Чрезъ лишекъ бью.

— Битьемъ кого одолѣваю.

— Мягкимъ дѣлаю.

— Битьемъ разравниваю.

— Гвоздь съ одного мѣста на другое переколачиваю.

— Перехватываю у кого какое дѣло.

— Съ мѣста на мѣсто что перекладываю.
— Замѣшиваю листы въ книгѣ.
— Подшучиваю.
— Мѣшаю кому говорить.
— На рынкѣ какою мелочью торгую.
— Языкъ порчу частымъ чтеніемъ или частою рѣчью.
— *На*—нарѣч., при подачѣ чево кому въ руки употребляемое: *на, на вотъ, на возми.*
— *На*—предлогъ. На вопросъ *куда* принимаетъ падежъ винительный: *возми себѣ на дорогу.* Тотъ же предлогъ на вопросъ *гдѣ* принимаетъ сказательный падежъ: *попался мнѣ на дорогѣ.*

— *Тютю*—Голосъ изъ подзакрытія, употребляемый въ игрѣ дѣтей.

— *Тюкъ, тукъ*—Изображеніе какого-нибудь некрѣпкаго стука, какъ то: въ часахъ боя и т. д.

Указаны слова, употребляемыя въ разнаго рода ремеслахъ и занятіяхъ и въ различныхъ слояхъ населенія:

— *Липка*—слово, у сапожниковъ употребляемое.
— *Мостница*—слово, употребляемое у гончаровъ.
— *Наждакъ*—слово, у гранильщиковъ употребляемое.
— *Тоги*—реченіе приказное: *Перечни въ счетѣ.*
— *Жилецъ*—Называется у купцовъ товаръ, который нескоро съ рукъ сходитъ.
— *Животъ* — Въ крестьянскомъ быту разумѣется чрезъ *животъ* скотина, и т. д.

Слова русскія, т. е. употребляемыя въ русскомъ литературномъ языкѣ, отличаются, съ одной стороны, отъ словъ славянскихъ, съ другой—отъ словъ простыхъ или простонародныхъ.

Къ славянскимъ словамъ отнесены:

— *Ложе.*—*Лоній* или *Лонисъ*, нар.
— *Невѣстникъ*—Брачный чертогъ.
— *Простыня*—Отпущеніе грѣховъ (приписано: absolution).
— *Млеко*—зри *Молоко.*—*Провижду*—Провижу, и т. д.

При многихъ словахъ отмѣчено: *прост.*, при другихъ — *простон.*, *простонар.* Простыми или простонародными словами названы:

— *Лафа́* (прост.). — *Лѣнтягузка, Лѣнтягузъ* (прост.). — *Молодежъ* (прост.). — *Болтовня* (прост.). — *Забулдыга* (прост.). — *Кобеня* (прост.). — *Забубенный* (прост.).

— *Лабжусь, зиться, ваться* (прост.). — *Насудобливаю, Насупиваю, Насутуливаюсь* (прост.). — *Насандаливаюсь, Насусливаюсь, Натрескиваюсь* (прост.). — *Всхламащиваюсь* (прост.). — *Забулдыжу* (прост.). — *Кобенюсь* (прост.). — *Прилабживаю* (прост.). — *Прима́юсь* (прост.). — *Хобочу* (прост.). — *Шмякаю* (прост.). — *Лѣтось* (прост.). — *Набе́крень* (прост.).

— *Обда́ло* (прост.) — Обманщикъ. — *Околесица* (прост.) — Враки. — *Оплеуха* (прост.) — Заушина.

— *Навозная куча* (прост.) — Рохля, неповоротливый.

— *Набалахрыщиваюсь* (прост.) — Въ праздности живу. — *Набарабошиваю* (прост.) — Безпокойство дѣлаю. — *Нахлобучиваю* (прост.) — Ударъ дать кому въ голову.

— *Наголяхъ* (прост.) — При скудости. — *Накарачкахъ* (прост.) — На рукахъ и на ногахъ.

— *Алырникъ*, *Алыря* (простонародн.). — *Чудала́й* (простонародн.). — *Шебала*, *Шебалда* (простонародн.). — *Шевелюнъ* (простонародн.) приписано trémousseur). — *Штукарь* (простонародн.). — *Болтушка* — имя общее, но простонар. — *Басокъ*, *ска*, *ско*, *ій*, *ая*, *ое* (простонародн.).

— *Алырничаю*, *Алырю* (простонародн.). — *Барабошу*, *Побаробошить* (простонародн.).

— *Чушь* (простонародн.) — Нелѣпость, всякій вздоръ.

— *Раздолье* — Поле, равнина, а въ *простонародномъ* употребленіи значитъ *довольство*, и т. д.

Иногда приводятся и поговорки:

— *Ча́ло* (народн.) — Одно чадо, да и то чало (поговорк.).

— *Ша́тко* — Ни шатко, ни валко, ни на сторону (поговорк.), и т. п.

При нѣкоторыхъ словахъ указаны источники, изъ которыхъ они заимствованы; въ числѣ источниковъ встрѣчаются и памятники древняго русскаго языка:

— *Ладунка* (нѣм.)—Уставъ царя Іоанна Васильевича.

— *Поско́тина*—Выгонъ (Путешествіе Лепехина).

— *Поганяй*—Орудіе рыболовное (Путешествіе Гмелина).

— *Черноборецъ* (старин.)—Изъ черни взятый въ службу (Арх. Лѣт. 9, 2).

— *Недовычный*—Несовершенно изученный (Макс. Грек. Предисл. грам. л. 6).

— *Небоширокій*—На подобіе неба простертый (Треб. гл. 107).

— *Сступаюся*—Въ сраженіе, въ бой вступаю (Новогор. Лѣт. 101).

— *Сугоняю, су́гнать*—Достичь (Арх. Лѣт. 115).

— *Стоять у грамоты*—Свидѣтельствовать (Судебн. цар. Ив. Васил.).

— *Твердь уготовить*—Окопаться валомъ (Новогор. Лѣт. 45), и т. д.

Указаны слова малоупотребляемыя, вышедшія изъ употребленія, и т. п.

— *Рушуся* (малоупотр.)—*Рушится* мой покой.

— *Тишу́* (неупотреб.)—Тишину возставляю.

— *Торгаюсь* (вышедшее изъ употребл.); отъ него сложенныя: *Восторгаюсь*, и проч.

При словахъ иностранныхъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ, большею частью обозначено, изъ какого языка они заимствованы. Нѣкоторыя изъ иностранныхъ словъ замѣнены русскими или по крайней мѣрѣ обнаруживается стремленіе къ подобной замѣнѣ:

— *Метафора*—зри: *Образность.*—*Мѣсячникъ*—см. *Лунатикъ.*—*Аналогія* (греч.)—см. *Сходство.*—*Антимонія*—зр. *Сурьма.*—*Короллярій*—зри: *Слѣдствіе.*—*Черножелчіе*—*Меланхолія.*—*Литеральный* (лат.)—зри: *Словословный.*

— *Епиграмма*—Надпись, стихами сдѣланная; остроумная мысль, стихами изображенная.

— *Демонстрація*—Доказательство, Доводъ, Улика.

— *Дышкантъ*—Голосъ тонкій и высокій въ пѣніи.

— *Егерь* (нѣм.)—Стрѣлокъ въ войскѣ и въ охотѣ.

— *Дафни* (гр.)—Ягодки, Волчье лыко.

— *Палетра*—У живописцевъ та дощечка, на которую они тертыя краски кладутъ и держатъ при работѣ.

— *Екваторъ* (лат.)—Равноденственникъ; кругъ, раздѣляющій землю на двѣ равныя части, на сѣверную и на южную. Плоскость земнаго екватора, до неба протянутая, означитъ екваторъ на небѣ. Равноденственникомъ называется потому, что когда солнце вступитъ на оный, то по всему шару земному день бываетъ равенъ ночи, и т. д.

Латинскія слова: *Лабораторія*, *Левъ*, *Легіонъ*, и др.

Нѣмецкія: *Лампада*, *Латный*, *Згрубленіе*, *Згрубляю*.

Татарскія: *Лагунъ*, *Магарычъ*, *Набалдашникъ*, *Камышъ*, и т. д.

Встрѣчаются объясненія, относящіяся къ русскимъ древностямъ и къ славянской миѳологіи:

— *Десятинная церковь*, построенная княземъ Владиміромъ въ Кіевѣ весьма великолѣпно, и названная такъ потому, что здатель отъ всѣхъ своихъ доходовъ опредѣлилъ въ нее давать десятую часть.

— *Тинъ*—Старинная монета русская, которая послѣ *рублемъ* проименована.

— *Обозная голова*, т. е. генералъ-квартирмейстеръ.

— *Ладо*—Древнее славенское божество.

— *Дидо*, или *Дидъ*—Сынъ Ладинъ; у слав. въ язычествѣ былъ богомъ отвращенія любовной страсти, или богомъ цѣломудрія.

— *Дажбогъ*, или *Дашуба*—У слав. въ язычествѣ былъ богъ, богатства и всякихъ благъ податель; имѣлъ храмъ въ Кіевѣ.

— *Догóда*—У слав. въ языч. былъ богъ, производитель тихаго и пріятнаго вѣтра и ясной погоды.

— *Домовые*—У слав. въ языч. почитались домашними божками, и т. д.

VII.

Аналогическія таблицы были важнымъ подспорьемъ для предпринятаго академіею обширнаго труда. Многое въ нихъ измѣнено, иное выпущено, другое совершенно передѣлано, и т. д. Замѣтки и дополненія, появлявшіяся на листахъ аналогическихъ таблицъ, послужили новымъ и богатымъ матеріаломъ для словаря въ его окончательномъ видѣ. Матеріалъ этотъ въ свою очередь подвергался пересмотру въ собраніяхъ академіи и ея различныхъ отдѣловъ, или «отрядовъ».

Такимъ образомъ словарь россійской академіи, на который заранѣе смотрѣли какъ на сокровищницу отечественнаго языка, является «общимъ академіи трудомъ», не только по названію, но и въ дѣйствительности. Это обстоятельство надо имѣть въ виду при сужденіи какъ о достоинствахъ, такъ и о недостаткахъ словаря. Изъ шестидесяти членовъ россійской академіи, въ составленіи словаря участвовало сорокъ семь. Наиболѣе замѣчательные представители литературы и науки внесли самые важные вклады и существенно содѣйствовали успѣху и достоинству предпріятія. Нѣкоторые изъ членовъ ограничились общими соображеніями и замѣчаніями, иногда случайными, не принимая на себя обработки тѣхъ или другихъ подробностей. Да и между тружениками встрѣчались лица мало подготовленныя, такъ что сдѣланное ими приходилось передѣлывать, вслѣдствіе чего работа поневолѣ затягивалась. Не смотря на это и на другія неблагопріятныя обстоятельства, словарь оконченъ былъ гораздо скорѣе, нежели можно было ожидать. Появленіе его было безспорно однимъ изъ самыхъ счастливыхъ событій въ академической жизни.

Особенно дѣятельное и въ высшей степени полезное участіе

въ составленіи словаря принимали Фонвизинъ, Болтинъ, Лепехинъ и еще нѣсколько ученыхъ и писателей того времени. Фонвизину и Болтину принадлежитъ заслуга вѣрной постановки вопроса — яснаго указанія основныхъ началъ, которыми должно руководствоваться при разработкѣ частныхъ вопросовъ. Не ограничиваясь указаніемъ вѣрнаго пути, Фонвизинъ и Болтинъ сами слѣдовали по намѣченному ими пути, и сообщили для словаря много данныхъ, имѣющихъ первостепенное значеніе.

Выборомъ словъ изъ различныхъ источниковъ и вообще собраніемъ матеріаловъ для словаря занимались: Державинъ, Фонвизинъ, Княжнинъ, Богдановичъ, митрополитъ Гавріилъ, Лепехинъ, Козодавлевъ, княгиня Дашкова, графъ Строгановъ, Ив. Ив. Шуваловъ и др. Опредѣленіе словъ, относящихся къ различнымъ отраслямъ знанія, приняли на себя люди науки, принадлежавшіе къ числу лучшихъ въ то время знатоковъ своего дѣла. Слова изъ области математики и астрономіи объясняли астрономы-математики Румовскій и Иноходцевъ; слова, относящіяся къ естественной исторіи — натуралистъ Лепехинъ; названія болѣзней — докторъ медицины Озерецковскій и т. д. [43]). При чтеніи одного изъ листовъ словаря признали нужнымъ яснѣе опредѣлить слова: *Известь*, *Икосъ*, *Икота*; объясненіе ихъ приняли на себя трое изъ присутствовавшихъ въ этомъ собраніи членовъ академіи: химикъ Соколовъ опредѣлилъ слово *Известь*; протоіерей Красовскій — слово *Икосъ*; врачъ Протасовъ — слово *Икота*. Болтинъ сообщилъ академіи великое число словъ славянскихъ, выбранныхъ изъ многихъ книгъ — «плодъ долговременныхъ трудовъ своихъ». Мусинъ-Пушкинъ объяснялъ значеніе словъ, встрѣчающихся въ памятникахъ древняго русскаго языка, и т. д. [45].

Наиболѣе заботъ по изданію словаря выпало на долю Лепехина, непремѣннаго секретаря россійской академіи. Онъ былъ и однимъ изъ главныхъ вкладчиковъ въ сокровищницу словаря и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ каждаго отдѣла, образуемаго въ средѣ академіи съ цѣлью ускоренія и усовершенствова-

нія работъ по словарю. Но при всей своей готовности потрудиться на общую пользу, Лепехинъ не могъ справиться одинъ и долженъ былъ прибѣгать къ содѣйствію своихъ ближайшихъ товарищей—сочленовъ по академіи наукъ и по россійской академіи. Вмѣстѣ съ Лепехинымъ членами *издательнаго комитета* были академики: Румовскій, Озерецковскій, Иноходцевъ [46]).

Участіе кн. Дашковой было и весьма полезно и весьма разумно. Ея мнѣнія отличались дѣльностью; нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ о внесеніи въ словарь академіи словъ древнихъ и старинныхъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Зная волю Екатерины, нетерпѣливо ожидавшей перваго труда основанной ею академіи, Дашкова употребляла всѣ усилія, чтобы словарь былъ оконченъ какъ можно скорѣе. При выходѣ четвертой части словаря заявлено было, что «усердной дѣятельности княгини Ек. Ром. Дашковой обязана академія, что часть сія *въ краткое время* приведена была къ окончанію». Подобное же заявленіе сдѣлано при изданіи шестой и послѣдней части: «Княгиня Е. Р. Дашкова была главнѣйшею виновницею, что академія *въ одинъ почти годъ* издать могла *двѣ части* трудовъ своихъ» [47]). Для успѣшнаго хода дѣла требовались значительныя матеріальныя средства, и Дашкова выразила готовность принять на себя всѣ расходы по изданію. Обращаясь къ своимъ сочленамъ, она сказала: «Издержки, наносимыя изданіемъ нашего словаря, я своимъ иждивеніемъ съ радостью выполнить намѣрена, чтобъ хотя онымъ усердіемъ сдѣлаться достойною довѣренности моей государыни и той (довѣренности), которую вы, государи мои, втеченіе трехъ лѣтъ мнѣ оказывать изволили» [48]).

О поспѣшности, съ которою велись работы по словарю, можно судить по слѣдующимъ, числовымъ, даннымъ:

Въ академическомъ собраніи 13 января 1784 г. разсматривались первые листы аналогическихъ таблицъ и опредѣлено отдать въ печать, подъ смотрѣніемъ Лепехина, букву *А*. Къ 25 ноября того же года отпечатано было пять буквъ, занимающихъ 520 четвертныхъ страницъ. 2 октября 1787 года розданы были

членамъ академіи вышедшіе изъ печати послѣдніе листы аналогическихъ таблицъ. Несравненно медленнѣе шли работы по Словарю французской академіи. Разсмотрѣніе одной буквы *А* продолжалось съ 7 февраля по 17 октября 1639 года. Французская академія составляла свой словарь втеченіе почти шестидесяти лѣтъ [49]); на составленіе же словаря россійской академіи употреблено только десять лѣтъ и девять мѣсяцевъ.

23 августа 1785 года розданы были академикамъ, для просмотра, замѣчаній и дополненій, два первые, пробные листа словопроизводнаго словаря.

25 ноября 1786 года представлено академическому собранію *Предисловіе* къ словарю. Заявивъ, что къ изданію словаря «сдѣланъ уже довольный приступъ», Лепехинъ говоритъ: «Порядокъ же трудовъ академіи изъясняетъ *Предисловіе*, которое на разсмотрѣніе и утвержденіе высокопочтенному собранію предложить честь имѣю». Въ собраніяхъ 3 и 10 марта 1789 года положено *вновь* разсмотрѣть *Предисловіе* и отпечатать его въ десяти экземплярахъ для сообщенія тѣмъ изъ членовъ академіи, которые наиболѣе участвовали «въ сочиненіи, разсматриваніи и утвержденіи знаменованія словъ, рѣчей и реченій» приготовляемой къ выходу въ свѣтъ первой части словаря. Въ собраніяхъ 12 и 19 мая того же года разсматривались замѣчанія, сдѣланныя членами академіи на предисловіе къ словарю [50]).

10 февраля 1789 года академія окончила разсмотрѣніе первой части словаря, со всѣми, сдѣланными въ ней по разному поводу замѣчаніями. Первая часть академическаго словаря издана въ 1789 году.

3 марта 1789 года началось, а 23 ноября 1790 года окончилось разсмотрѣніе, въ академическихъ собраніяхъ, второй части словаря. Издана въ 1790 г.

7 декабря 1790 года началось, а 27 марта 1792 года окончилось разсмотрѣніе третьей части. Издана въ 1792 г.

23 апрѣля 1792 года началось, а 9 апрѣля 1793 года окончилось разсмотрѣніе четвертой части. Издана въ 1793 г.

14 мая 1793 года началось, а 11 марта 1794 года окончилось разсмотрѣніе пятой части. Издана въ 1794 г.

18 марта 1794 года началось, а 5 августа того же года окончилось разсмотрѣніе шестой и послѣдней части. Издана въ 1794 г.

5 августа 1794 года «собраніе занималось слушаніемъ примѣчаній на окончательные листы послѣдней части словаря, и тѣмъ достигло конца въ предпріятомъ трудѣ, продолжавшемся до сего времени отъ начала установленія академіи. Причемъ академіи секретарь, отъ лица собранія, принесъ въ краткихъ словахъ благодарность предсѣдателю своему, ея сіятельству княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой, за всѣ ея попеченія о благосостояніи академіи и о успѣхѣ оконченнаго труда»[51]).

Вопросъ о названіи словаря, составляемаго академіею, былъ втеченіе нѣкотораго времени спорнымъ, и выяснялся постепенно, по мѣрѣ того, какъ опредѣлялось самое содержаніе словаря. Члены россійской академіи, участвовавшіе въ предпринятомъ ею трудѣ, называли его: *Россійскій словарь*; *Словарь славенороссійскій*; *Россійскій толковый словарь*; *Толковый славенороссійскій словарь*; *Толковый словарь языка славенороссійскаго*[52]). Но такъ какъ въ словарѣ помѣщались не только славянскія и русскія слова, но и латинскія, греческія, персидскія, татарскія и пр., то одинъ изъ членовъ предлагалъ дать такое названіе: *Собраніе словъ славенскихъ, славенороссійскихъ, россійскихъ книгъ и въ Россіи россіанами употребляемыхъ*[53]). Нѣкоторые изъ членовъ академіи называли словарь *Рѣчеnникомъ* преимущественно потому, что «въ немъ не одни слова, но цѣлыя *рѣчи*, пословицы, присловицы и проч., съ ихъ объясненіями содержатся». Но большинство членовъ было другаго мнѣнія, находя, что «*Рѣченникъ* — новое и неупотребительное названіе; *Слово* же, откуда *Словарь* происходитъ, въ обширномъ знаменованіи взятое, означаетъ всѣ виды вѣщанія». Обсудивъ предлагаемыя для словаря наименованія, «собраніе рѣшительно утвердило, чтобы назвать его просто *Словаремъ россійской академіи*»[54]). Выборъ такого названія объясняется

слѣдующимъ образомъ: «Академія опредѣлила сперва назвать словарь свой *Толковымъ словаремъ языка славенороссійскаго*; но слѣдствіе разсужденія ея доказало, что сіе названіе не соотвѣтствуетъ содержанію онаго, ибо многія обстоятельства ввели въ языкъ нашъ слова чужеземныя, ни славенскому, ни россійскому языку несвойственныя, изъ коихъ многія такого рода академія отмѣнить или замѣнить другими права имѣть не можетъ. И такъ, для предваренія несоотвѣтственности сей названію словаря, за лучшее судили назвать его просто *Словаремъ россійскія академіи*»[55]).

Быть можетъ, академія наша имѣла въ виду и то, что Французская академія назвала свой трудъ *Словаремъ Французской академіи*—Le dictionnaire de l'académie française. Названіе самой академіи — «*Россійская* академія» напоминаетъ Académie *Française*. Французская академія также не вдругъ придумала себѣ офиціальное имя. Ее называли и *Академіею краснорѣчія* и другими именами: *Académie de l'éloquence*, *Académie des beaux-esprits*, и т. п.; предлагали даже назвать Académie *Éminente* въ честь ея протектора, кардинала Ришелье, имѣвшаго, по своему сану, титулъ *Éminence*—*Высокопреосвященство*[56]).

Въ печатномъ изданіи прилагательное *россійской* поставлено послѣ своего существительнаго: *Словарь академіи россійской*, а не *Словарь россійской академіи*. Такое измѣненіе произошло, вѣроятно, по причинѣ, подобной тѣмъ, по которымъ Карамзинъ назвалъ трудъ свой Исторіею *государства россійскаго* (а не *россійскаго государства*), и сама академія писала и печатала: «Всякому, *въ лѣтописяхъ искусившемуся* (а не *искусившемуся въ лѣтописяхъ*) извѣстно; «*Благо своихъ подданныхъ назидающая* (а не *назидающая благо*) и т. п.[57]).

VIII.

Словарь россійской академіи принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ трудовъ, появившихся у насъ въ концѣ восемнадцатаго столѣтія. Будучи разсматриваемъ въ своемъ полномъ

составѣ, словарь представляетъ обширное поле для наблюденій. Въ шести томахъ словаря находится, такъ сказать, весь наличный матеріалъ тогдашняго литературнаго языка и разсѣяно множество данныхъ, знакомящихъ съ тогдашними понятіями о языкѣ и слогѣ, о происхожденіи и значеніи словъ, объ отношеніи книжнаго языка къ разговорному, о словахъ иностранныхъ, усвоенныхъ русскимъ языкомъ, и т. д.

Общее число словъ, помѣщенныхъ въ словарѣ россійской академіи, простирается до сорока трехъ тысячъ[58]). Многія изъ этихъ словъ представляютъ большія или меньшія особенности по своему значенію или по своей формѣ, сравнительно съ языкомъ современнымъ. Иныя слова получили новый смыслъ или новый оттѣнокъ смысла; другія вышли вовсе изъ употребленія и т. п. Жизнь языка сама собою сказывается въ этомъ вѣчномъ движеніи: слова измѣняются и по внутреннему смыслу и по внѣшнему виду, и старое незамѣтно и постепенно сливается съ новымъ[59]). Изъ богатаго запаса, собраннаго въ словарѣ россійской академіи, приведемъ нѣсколько примѣровъ—словъ и выраженій, въ которыхъ замѣтна какая-либо особенность въ томъ или другомъ отношеніи:

— *Хорошство*—Пригожство, изящество (VI, 575): «Въ вещи, даромъ доставшейся, *хорошество* не разсматривается» (II, 466).

— *Разнодумье*—Разность, несогласіе въ мысляхъ (II, 795).

— *Чистодушіе*—Безпорочность; чистая, непорочная душа (VI, 787).

— *Твердодушіе*—Твердость, постоянство, непоколебимость (II, 834).

— *Время*—Жребій, удача, участь, счастіе: «Когда будешь *во времени*, и насъ помяни (I, 922).

— *Вольность*—Свобода, независимость: «Часто жертвуемъ *вольностію* прихотямъ своимъ (I, 825).

— *Меледа*—Медленіе, непроворство, неповоротливость; вещь, работа, которую нескоро къ концу привести можно (IV, 77).

— *Душевредникъ*—Вѣроломецъ, нарушитель обязательства въ порученномъ отъ кого дѣлѣ; тотъ, который противъ совѣсти поступаетъ: «Сей стряпчій—настоящій *душевредникъ*» (I, 918).

— *Предводитель*—Наставникъ: «Въ юности моей былъ мнѣ всегдашнимъ *предводителемъ*» (I, 550).

— *Могутникъ*—Сильный человѣкъ, силачъ (IV, 205).

— *Госпожинки*—Такъ называется постъ, состоящій изъ двухъ недѣль, предъ днемъ успенія Богородицы (II, 274).

— *Крыжъ*—Знакъ крестика, каковые для замѣтокъ ставятся: «Ставить при сумнительныхъ словахъ *крыжи*, *крыжики*» (III, 1025).

— *Кутъ*—Уголъ въ избѣ. Самый конецъ залива: «*Кутъ* Онежской губы» (III, 1097).

— *Просу́дъ*—Погрѣшность, проступокъ, ошибка въ судопроизводствѣ, въ рѣшеніи дѣла: «*Просудъ* неумышленный, безъ хитрости; *просудъ* съ намѣреніемъ» (V, 959).

— *Бомба*—Родъ шерстяной ткани, похожія на камлотъ, которая различествуетъ отъ сего только тѣмъ, что бываетъ нѣсколько толще и имѣетъ на себѣ наведенныя струи или волны, подобно объяри (I, 283).

— *Понитокъ*—Истканіе, у коего основа нитяная, а утокъ шерстяной: «Крестьяне въ лѣтнее время носятъ *понитки*» (IV, 533).

— *Рукомесло*—Ремесло: «*Рукомесло* столярное, слесарное, башмачное» (V, 207—208).

— *Растъ*—Время, пора поспѣванія чего: «Теперь самый *растъ* хлѣбу, плодамъ» (V, 74).

— *Сполье*—Смежность полей (IV, 958).

— *Паужина* и *Паужинокъ*—Полдничанье; употребленіе пищи до ужина (VI, 419).

— *До́сталь*—Послѣдки, остатокъ чего: «Купить *досталь* яблоковъ; *досталь* дешевле продается (V, 795).

— *Не́дособоль*—Недошлый соболь; соболь, непустившій еще, послѣ линянія, своей оси (V, 633).

— *Промысина*—Полое мѣсто между плывущими по рѣкѣ льдинами; иначе *Проталина* (III, 1345).

— *Уразъ*—Ушибъ: «Пластырь, примочка отъ *уразу*» (V, 61).

— *Черевикъ*—Женскій башмакъ на высокихъ каблукахъ, съ небольшими клюшами и запятками (VI, 696).

— *Хла́мость* и *Хламъ*—Всякій соръ; ломъ, отъ деревяннаго строенія оставшійся: «Убрать откуда *хламъ, хламость*» (VI, 548).

— *Взрачный*—Видный, рослый; по росту и осанкѣ своей человѣкъ примѣтный: «*Взраченъ* собою» (III, 138).

— *Броскій*—Кидкій, далеко бросающій, или бросать могущій; скорый: «У него рука *броска*; *бросокъ* на услуги» (I, 345).

— *Бѣглый*—Острый, проницательный: «*Бѣглый* умъ; *бѣглая голова*» (I, 413).

— *Подлый*—Относительно къ роду, низкаго происхожденія; худородный: «Онъ произошелъ отъ *подлыхъ* родителей» (IV, 944).

— *Заводный*—Достаточный, нескудный, всѣмъ снабженный (I, 535).

— *Уловчивый*—Употребляющій уловки, или умѣющій употреблять уловки (III, 1256).

— *При́пьянъ*—Нѣсколько пьянъ, немного хмеленъ (IV, 1246).

— *При́глухъ* (во образѣ существительнаго употребляемое)—Нѣсколько глухъ (II, 93).

— *Приблѣ́дый*—Блѣдноватый, нѣсколько блѣдный (I, 233).

— *Нравный*—Любъ: «*Нравно* ли вамъ это» (IV, 559).

— *Веществую*—Употребляется къ означенію людей, лишенныхъ почти разума и чувствія, и значитъ: Существую, только что бытіе имѣю: «Онъ не живетъ, но токмо *веществуетъ*» (I, 674).

— *Бездушничаю*—Безсовѣстно поступаю (II, 828).

— *Временю*—Ожидаю удобнаго времени, случая (I, 924).

— *Важу*—Въ почтеніи нахожусь, за велико почитаюсь: «Онъ много *важитъ* въ обществѣ (I, 454).

— *Удумать* — Усовѣтовать, положеніе сдѣлать: «Собравшись, *удумали*, чтобы» .... (II, 795).

— *Зазнать* — Начать знать: «Я *зазналъ* его ребенкомъ» (III, 95).

— *Обезживотить* — Привесть кого въ усталость тяжестію не подъ силу: привесть въ изнеможеніе побоями: «Эта ноша меня *обезживотила*; если не перестанешь мотать, велю *обезживотить*» (II, 1132).

— *Голожу* — Причиняю голодъ; заставляю нужду терпѣть въ пропитаніи: «*Оголодить* городъ пресѣченіемъ привоза съѣстныхъ припасовъ» (II, 186).

— *Закла́дуюсь* — Бьюсь объ закладъ въ чемъ (III, 567).

— *Надлежу* — Отношуся, причисляюся къ кому; во владѣніи чьемъ нахожуся; приличествую кому: «Вопросъ сей *надлежитъ* до философіи; сіе дѣло *надлежитъ* до такого суда» (III, 1166).

— *Кладу* — Думаю, почитаю: «*Клади* такъ, что вещь сія пропала; онъ *кладетъ*, что отъ подряда сего столько рублей барыша ему придетъ» (III, 554).

— *Пролгалось* — Прошелъ, пронесся ложный слухъ: «*Пролгалось*, будто бы....» (III, 1149—1150).

— *Не догадался* — Не видалъ, не примѣтилъ: «Я и *не догадался*, какъ ты пришелъ; *не догадался* ли ты моей книги» (II, 7).

— *Замыкаю* — Заключаю, содержу въ себѣ что̀: «Рѣчь сія *замыкаетъ* въ себѣ тайну» (IV, 160).

— *Мележу*, *Меледить* — Медлю, медлить (IV, 77).

— *Обмогаюсь* — Выздоравливаю, оправляюсь отъ болѣзни: «Больной *обмогается*» (IV, 212).

— *Выжимаю* — Разными нападками принуждаю кого оставить мѣсто, должность: «Ему при этомъ мѣстѣ было очень хорошо, но завистники *выжали* его оттуда» (II, 1172).

— *Унаро́дить* — Населить достаточно какое пространное мѣсто или область жителями: «*Ународить* степныя мѣста» (V, 45).

— *Просылаю* — Принуждаю кого куда итти; съ трудомъ

склоняю кого сходить куда: «Насилу его *прослалъ* къ вамъ» (VI, 907).

— *Отваливаюсь* — Подъ вымышленными видами отбываю отъ чего: «*Отваливаться* отъ должности, отъ службы» (I, 488).

— *Лѣтую*; *пролѣтывать* — Пробываю, препровождаю въ какомъ мѣстѣ лѣто; на лѣто остаюсь гдѣ: «Мы *лѣтовали* на промыслѣ, а осенью домой возвратилися» (III, 1367).

— *Свѣжую* — Убивъ, заколовъ скотину, снимаю съ нея кожу и вынимаю потроха (V, 373).

— *Чезну* — Относительно къ тѣлу: Отъ болѣзни изнуряюся. Говоря о вещахъ: Пропадаю отъ долгаго лежанья; отъ разрушающей причины тлѣю, расторгаюся въ составѣ: «Ледъ *чезнетъ*» (VI, 685).

— *Хичу* — Починиваю, поправляю повредившіяся, обветшавшія части въ строеніи какомъ (VI, 531).

— *Чкаю* — Уязвляю кого словами: «Онъ при всѣхъ его *чкать* не переставалъ» (VI, 797).

— *Пылко* — Объемля вдругъ предметы своимъ понятіемъ (IV, 1232).

— *Радиво* — Попечительно, рачительно (V, 27).

— *Меледно* — Медлительно, нескоро (IV, 77).

— *Погнѣздно* — Попарно, по два вдругъ: «Бабки ставятъ на конѣ *погнѣздно*; каменщики становятся на стѣну *погнѣздно*» (II, 138).

— *Погрудно* — Покучно, кучами, по кучамъ: «*Погрудно* раскладывать деньги, рыбу» (II, 375).

— *По сердцамъ* — По злобѣ, по злости (V, 425).

— *Въ гоны* — Въ запуски: «Бѣгаться *въ гоны*» (II, 206).

— *Не въ проносъ* — Съ тѣмъ, чтобы никому не сказывать (IV, 514).

— *Самъ-другъ* — Подгулявши; навеселѣ: «Словцо сіе онъ сказалъ, будучи *самъ-другъ*» (II, 766).

— *Обыденно, Обыденкою, Обыденками* — Однимъ днемъ: «*Обыденкою* съѣздить куда; *обыденкою* возвратился» (II, 584).

— *Подъ шумкомъ*—Нѣсколько пьянъ, хмельноватъ (VI, 923).

— *Гизъ*—Встарину было произношеніе скорохода, идущаго предъ повозкою вельможи, который, махая на обѣ стороны палкою, кричалъ *гизъ*, вмѣсто: посторонись, дай дорогу (II, 40).

— *Глаза безстыдные, завистные, ненасытные*—Человѣкъ безстыдный, завистливый, ненасытный (II, 63).

— *Живой огонь*—Огонь, добытый посредствомъ тренія изъ дерева (II, 1126).

— *Грубая жизнь*—Жизнь, соединенная со многими трудами, отягощеніями, изнуреніями: «*Грубая жизнь* крестьянская» (II, 370).

— *Въ пыхахъ, Въ попыхахъ*—Надменъ въ счастіи: «Онъ нынѣ въ пыхахъ, въ попыхахъ» (IV, 1241).

— *Замшекъ*—Остатокъ отъ чего-нибудь (III, 1225).

— *Изражаю*—Выражаю: «*Изражать* свои мысли» (V, 56).

— *Изваживаюсь*—Привыкаю; привычку, склонность къ чему получаю: «*Извадился* праздно шататься» (I, 459).

— *Извыкаю*—Пріучаюсь; охоту къ чему получаю: «Онъ такъ *извыкъ* молоть пустое, что и отстать отъ того не можетъ» (I, 937).

— *Приличаю*—Доказываю на кого въ какомъ-либо преступленіи: «*Приличить* кого въ кражѣ, во мздоимствѣ, въ измѣнѣ» (III, 1205).

— *Въ доходѣ*—Въ концѣ: «Первый, второй часъ *въ доходѣ*» (III, 238).

— *Теча* и *Течь*—Проницаніе воды или влажности какой сквозь какой сосудъ или кровлю по причинѣ скважинъ: «*Течь* въ суднѣ, въ кровлѣ» (VI, 77).

— *Размѣна* и *Размѣнъ*—Мѣна одной вещи на другую (IV, 398).

— *Промѣнъ* и *Промѣна*—Мѣна однихъ вещей на другія (IV, 397).

Подобно двоякой формѣ одного и того же слова—*Теча* и *Течь*, *Размѣнъ* и *Размѣна* и др., въ словарѣ россійской академіи вмѣ-

стѣ съ словами: *Извыкъ, Изражаю, Залишекъ, Прилuчаю, Въ доходъ*, и т. д., находятся и слова: *Привыкъ, Выражаю, Излишекъ, Обличаю, Въ исходъ*, и т. д.

— *Шкатула* (умал. *Шкатулка*)—Дощатый или бумажный ящикъ съ выпуклою или возвышенною крышечкою (VI, 892).

— *Манишa* (умал. *Манишка*)—Короткая, по поясъ и токмо спереди, безъ рукавовъ, рубаха (IV, 30).

— *Оттѣнь*—Различiе едва примѣтное: «Въ словахъ бываютъ *оттѣни*, которыхъ объяснить неудобно» (VI, 362).

Слова *Оттѣнокъ*, соотвѣтствующаго, по своему значенiю, слову *Оттѣнь*, въ словарѣ нѣтъ.

— *Совѣстно*—Вѣрно, справедливо, безъ нарушенiя совѣсти: «Во всѣхъ ввѣряемыхъ ему дѣлахъ поступаетъ *совѣстно*» (I, 978).

— *Не по что*—Не зачѣмъ: «*Не по что* итти туда» (VI, 809).

— *Съ позволенiемъ*—Образъ вѣщанiя, изъ учтивости въ дружескихъ обращенiяхъ употребляемаго, и предшествующаго каковому-либо слову, не весьма благопристойному: «*Съ позволенiемъ сказать*, я слышалъ, что...» (I, 844), и т. д.

— *Показываю*, говоря о наукахъ, значитъ: Преподаю, толкую, учу: «*Показывать* грамматику, философiю, математику». (III. 373,2).

— *Принять слово, остуду* — Получить выговоръ, стыдъ. (II, 997).

— *Гнуть горбъ*—Прилежно работать, трудиться. (II. 119).

— *Снять голову* — Пристыдить. (II. 1006).

— *Потерять голову*—Лишиться жизни: «*Потерялъ голову* на чужой сторонѣ». (VI. 109).

— *Съ ногъ кого срѣзать* — Остыдить кого. (IV. 546).

— *Срѣзать съ ногъ*—Нечаянною печальною вѣстiю или какимъ обиднымъ словомъ привожу кого въ крайнее замѣшательство, въ стыдъ: «Симъ словомъ, сею вѣстiю *срѣзалъ* онъ его *съ ногъ*». (V. 258).

— *Мозжитъ голову, кость*—Чувствуется боль въ головѣ или кости, какъ бы отъ ударенiя. (IV. 218).

— *Обносить голову*—Голову кружитъ; чувствуемо бываетъ головы закруженіе. (IV. 502).

— *Мучу кому на кого*—Наговариваю, ябедничаю. (IV. 331).

— *Руки не доходятъ*—Недосугъ, нѣтъ времени что сдѣлать. (V. 203).

— *Стоятъ кони, коровы, овцы, дѣти*—Водятся, плодятся. } V. 773.

— *Не стоятъ кони, коровы*—Мрутъ, нѣтъ воду конямъ, коровамъ. } V. 773.

— *У него долги руки*—Говорится: 1) О такомъ, кто привыкъ красть, кто приворовываетъ, захватываетъ себѣ не принадлежащее, все къ себѣ прибираетъ; 2) О драчливомъ, забіячливомъ. (V. 205).

— *Какъ вы находитесь?*—Родъ вопросительнаго привѣтствія, каковое знакомые, встрѣтившись, другъ другу дѣлаютъ. (III. 245).

— *Бирюкъ бирюкомъ*—Въ преносномъ смыслѣ означаетъ угрюмаго человѣка. Отсюду: *Смотрѣть, глядѣть бирюкомъ*—Глядѣть, смотрѣть угрюмо, исподлобья. (I. 170).

— *Сидьма сидѣть*—Не вставая, сидѣть за какимъ дѣломъ. (V. 1026).

— *Войлокъ войлокомъ*—Уподобительно говорится о волосахъ, когда они склокотятся, сваляются: «Волосы у него стали *войлокъ войлокомъ*». (I. 486).

— *Рубъ рубомъ*—Говорится относительно къ толстой ткани. (V. 191).

— *Уголь углемъ*—Говорится о чемъ-нибудь весьма черномъ. (VI. 410).

— *Сажа сажею*—Говорится для означенія чего-нибудь весьма зачерненнаго: «Рубаха *сажа сажею*, т. е. весьма черна». (V. 304).

Не названы пословицами или поговорками:

— *Умъ хорошо, а два лучше того*—Совѣтъ одного полезенъ, а двоихъ еще полезнѣе. (VI. 431).

— *Голодъ въ міръ гонитъ*—Недостатокъ въ хлѣбѣ, въ пропитаніи побуждаетъ искать у другихъ помощи. (II. 185).

— *Отъ дождя въ воду* — Говорится о такомъ человѣкѣ, который для избѣжанія отъ одной опасности подвергается другой, еще большей. (II. 704).

— *Не смогая съ корову, да дойникъ объ уголъ*—Говорится въ такомъ случаѣ, когда кто, не въ силахъ будучи прямо мстить нанесшему обиду, надъ подчиненнымъ или надъ принадлежащимъ ему отмстить старается. (II. 735).

— *Туда и дорога*—Образъ вѣщанія, употребляемаго въ такомъ случаѣ, когда мы безъ сожалѣнія говоримъ о случающейся кому опасности или о какой потерѣ. (II. 731).

— *Мой грѣхъ до меня дошелъ*—Образъ вѣщанія, употребляемаго преступниками, когда они, или совѣстію, или судомъ обличенные, признаются въ своемъ злодѣяніи. (II. 395).

IX.

Составители словаря признавали тѣсную, неразрывную связь русскаго языка съ церковнославянскимъ. По тогдашнимъ филологическимъ понятіямъ, языки русскій и церковнославянскій весьма часто представлялись не столько двумя отдѣльными другъ отъ друга языками, сколько двумя способами выраженія, принадлежащими одному и тому же языку. Подобно своимъ предшественникамъ семнадцатаго столѣтія, полагавшимъ, что говорить надо порусски, а писать пославянски, многіе изъ нашихъ литераторовъ восемнадцатаго вѣка согласны были съ мнѣніемъ, что языки славянскій и русскій «почти одинаковы, и все различіе заключается въ разныхъ нарѣчіяхъ» [60]).

Въ словарѣ россійской академіи *русскій* языкъ называется то *россійскимъ*, то *славенороссійскимъ*: «Языкъ *россійскій* имѣетъ незыблемымъ основаніемъ языкъ славенскій.... *Славенороссійскій* языкъ большею частію состоитъ изъ славенскаго, или, яснѣе сказать, основу свою на немъ имѣетъ».

Преобладаніемъ одного изъ двухъ существенныхъ началъ—*славянскаго* или *русскаго* опредѣлялось различіе слога, которое играло такую важную роль въ тогдашней теоріи краснорѣчія. Отсюда выраженія: *славенскій слогъ, славенское употребленіе.* Славянскій языкъ назывался иногда *книжнымъ.* Удачное соединеніе славянскаго начала съ русскимъ считалось тогда однимъ изъ необходимыхъ условій красоты, или изящества слога.

Для показанія различія слоговъ, въ словарѣ приведены примѣры «*славенороссійскіе*, т. е. изъ книгъ церковныхъ и лучшихъ писателей свѣтскихъ, чрезъ что̀ означается употребленіе ихъ въ *высокомъ* и *красномъ* слогѣ».

— *Подвигаюсь*—Въ простомъ употребленіи говорится: *подвинулся, подвинуться*, и пр. Въ *высокомъ* и *славенскомъ слогѣ* глаголъ сей имѣетъ: *подвигнулся*, или *подвигся, подвигнуться*, и пр. (II, 550).

— *Искренній*—Въ общемъ языка употребленіи значитъ: чистосердечный, нелицемѣрный, праводушный. Въ *славенскомъ употребленіи*, вообще означаетъ ближняго, присңаго, и особенно друга, пріятеля (III, 314—315).

— *Строусъ*—*по книжному* же *Струѳіонъ*: «Будутъ селища *струѳіономъ*». Исаіи. XXXIV, 13 (V, 885 и 908—909).

По убѣжденію членовъ россійской академіи, отъ соединенія русскаго языка съ славянскимъ «зависитъ обиліе, важность, сила и красота языка, нынѣ употребляемаго....[61] . Красота нынѣшняго языка, а наипаче въ писаніяхъ, состоитъ изъ языка россійскаго съ искуснымъ употребленіемъ въ ономъ реченій и выраженій славенскихъ»[62]).

Иногда славянскія формы называются, въ словарѣ россійской академіи, *славенскимъ правописаніемъ* или *правописаніемъ церковныхъ книгъ*:

— *Февраль*—по славенскому правописанію *Февруарій* (VI, 482).

— *Музыка*—по правописанію же книгъ церковныхъ *Мусикіа* (IV, 325).

При всей близости одного языка къ другому, между ними замѣчалось и различіе, которое и указано въ словарѣ россійской академіи.

«Славенороссійскій языкъ великое множество содержитъ словъ собственно русскихъ, по свойству коихъ нѣкоторыя, изъ славянскаго языка почерпнутыя, иное окончаніе, иное образованіе, а другія и новый смыслъ получили..... Неоспоримая есть истина, что языкъ *россійскій* болѣе измѣнился и измѣняется предъ языкомъ *славенскимъ*» и т. п. [63]).

При разработкѣ матеріаловъ, собранныхъ для словаря, главное вниманіе было обращено на объясненіе «словъ, рѣчей, реченій и разнаго образа вѣщаній, съ утвержденіемъ точнаго ихъ знаменованія и употребленія *какъ въ языкѣ славенскомъ, такъ и россійскомъ*» [64]).

— *Ближній*—Въ *славенскомъ* и *русскомъ* языкѣ означаетъ иногда друга, пріятеля, сотоварища, благодѣтеля, сродника, свойственника (I, 226).

— *Свѣдущій*—Въ *славенскомъ языкѣ*: Вмѣстѣ съ кѣмъ о чемъ знающій, вѣдущій. Въ *россійскомъ языкѣ* усѣченно употребляется и значитъ: Знающъ, искусенъ въ чемъ; многое или великое знаніе о чемъ имѣющій (I, 975—976).

Съ названіемъ *славянскій* соединялось понятіе книжнаго языка, высокаго слога; съ названіемъ *русскій*— понятіе простаго, обыкновеннаго, общеупотребительнаго, разговорнаго языка. Поэтому и въ словарѣ чисто-русскія выраженія и слова обозначаются такимъ образомъ: *просто; просторѣчіе; простое употребленіе; общее употребленіе; общее языка употребленіе; нынѣшнее языка употребленіе; обыкновенное языка употребленіе; обыкновенное употребленіе; обыкновенный языкъ; обыкновенный разговоръ; общая рѣчь; обыкновенный россійскій языкъ.*

Сопоставленіе многочисленныхъ данныхъ, разсѣянныхъ по всему словарю, указываетъ тѣ признаки, на основаніи которыхъ отличали русскій языкъ отъ церковнославянскаго. Принятое сло-

варемъ различіе между этими двумя языками, заключается въ слѣдующемъ:

Одни и тѣже понятія выражаются различными словами.

Одни и тѣже слова имѣютъ различное или, по крайней мѣрѣ, несовершенно одинаковое значеніе.

Слова одного корня принимаютъ неодинаковыя приставки и вообще различаются по своему образованію, а также по склоненію и спряженію.

Слова, сходныя по значенію, различаются по звукамъ, соотвѣтствующимъ одинъ другому съ строгою послѣдовательностію въ обоихъ языкахъ.

Въ звуковомъ отношеніи одну изъ существенныхъ особенностей русскаго языка составляетъ его полногласіе, которымъ онъ и отличается отъ церковнославянскаго.

Слова, одинаковыя, въ обоихъ языкахъ, и по корню и по значенію, иногда различаются между собою или по роду, или по ударенію, или по сочетанію съ другими словами.

— *Огневица* (слав.)—*Горячка* (IV, 614).

— *Бреніе* (слав.)—Глина, или смѣсь сухой земли съ влажностію, или *Грязь* (I, 336—337).

— *Деревня*—Пославенски: *Весь* (II, 601).

— *Ротъ*—Послав.: *Уста* (V, 168).

— *Якорь*—Послав.: *Котва* (VI, 1044).

— *Человѣкъ*—Говорится въ славенскомъ: *Человѣки*, но въ общемъ языка употребленіи: *Люди* (VI, 689).

— *Трактиръ*—Пославенски: *Гостинница*: «Приведе его въ *гостинницу*» Лук. X, 34 (VI, 236; II, 277).

— *Забавляю*—Веселю, тѣшу кого. Въ славенскомъ же языкѣ значитъ: Удерживаю кого; замедленіе кому дѣлаю (I, 70).

— *Трегубый*—Въ обыкновенномъ языка употребленіи: Имѣ-

ющій раздѣленную или разсѣченную одну губу. Въ славенскомъ: Троякій, тройственный, втрое большій (II, 414).

— *Всяко* — Въ славенскомъ значитъ: Непремѣнно, точно такъ: «*Всяко* подобаетъ народу снитися». Дѣян. XXI, 22. Въ просторѣчіи: Разнообразно, неодинаково, и такъ и сякъ: «*Всяко* въ жизни случиться можетъ» (I, 666).

— *Повоевать* — Въ славенскомъ языкѣ означаетъ: Поплѣнить, опустошить, разорить войною: «Помозите ми, да *повоюемъ* Гаваона» (Іис. Нав. X, 4). Въ общемъ же языка употребленіи значитъ: Иногда долгое, а иногда короткое время быть въ военныхъ дѣйствіяхъ: «Онъ въ жизни своей довольно *повоевалъ*. Нѣсколько дней *повоевали*, и возвратилися» (I, 810).

— *Квасъ* — Въ славенскомъ значитъ тоже, что *закваса*, умал. *закваска*: «Малъ *квасъ* все смѣшеніе киситъ» (Гал. V, 9). Въ обыкновенномъ россійскомъ языкѣ *Квасъ* значитъ: Напитокъ кислый, приготовляемый изъ ржаной муки, съ частію солода смѣшанной, и т. д. (III, 495).

— *Село* — Въ нынѣшнемъ употребленіи: Селеніе, изъ крестьянъ состоящее, отъ деревни отличающееся тѣмъ, что имѣетъ церковь. Въ славенскомъ значитъ: 1) Деревня; селеніе, неогражденное стѣнами, и изъ земледѣльцевъ состоящее: «Возвѣстиша во градѣ и въ *селѣхъ*». Лук. VIII, 34. 2) Поле, пашенная земля: «Сѣявшу доброе сѣмя на *селѣ* своемъ». Матѳ. XIII, 24 (V, 410).

— *Скороходъ* — Пославенски же: *Скороходецъ* (III, 221).

— *Пѣтухъ* — Послав.: *Пѣтелъ* (IV, 1256).

— *Ягода* — Пославенски: *Ягодица* (VI, 1031).

— *Язва* — Послав.: *Язя* (VI, 1034).

— *Мститель* — Пославенск.: *Местникъ* (IV, 348).

— *Птенецъ* — Послав.: *Птичищъ*, или *Птищъ* (IV, 1169).

— *Шитье* — Пославенски: *Швеніе* (VI, 928).

— *Паръ* — Пославенски: *Пара* (IV, 717).

— *Оселъ*—Пославенски: *Осля* (IV, 646).

— *Скважина*—Пославенски: *Скважня* (V, 475).

— *Сиротскій*—Пославенски: *Сиротній* (V, 458).

— *Смотрю*—Пославенски же: *Смотряю* (V, 598).

— *Вопервыхъ*, *Сперва*—Славенск.: *Первѣе* (IV, 763).

— *Рыбарь*—Просто же: *Рыбакъ* (V, 232).

— *Художъ*—Славенск., а въ обыкновенномъ употребленіи языка: *Художникъ* (VI, 599—600).

— *Ягня*—Славенск.; просто же: *Ягненокъ* (VI, 1031).

— *Убійство*—Славенск.; просто же: *Убивство* (I, 210).

— *Яремъ*—Славенск.; просто же: *Ярмо* (VI, 1047).

— *Слово*—Во множественномъ пославенски: *Словеса*; просто же: *Слова* (V, 533).

— *Рабій*—Славенск.; просто же: *Рабскій* (V, 1).

— *Жву*—Славенск.; въ обыкновенномъ же языка употребленіи: *Жую* (II, 1055).

— *Проповѣдаю* или *Проповѣдую*—Славенск.; просто же: *Проповѣдываю* (I, 990).

— *Поглядаю*—Славенск.; въ общемъ языка употребленіи: *Поглядываю* (II, 106).

— *Придержуся*—Славенск.; просто же: *Придерживаюсь* (II, 623).

— *Презимѣти*—Славенск.; просто же: *Перезимовать* (III, 74).

— *Предпріемлю*—Славенск.; просто же: *Предпринимаю* (II, 999).

— *Имамъ*, *Имаши*, *Имѣхъ*, *Имѣти*—Славенск.; въ общемъ же языка употребленіи: *Имѣю*, *Имѣешь*, *Имѣлъ*, *Имѣть* (III, 291).

— *Обращаю*, *Обращаеши*, *Обратихъ*, *Обращати*—Славенск.; просто же: *Обращаю*, *Обращаешь*, *Обратилъ*, *Обращать* (I, 895).

— *Купую*, *Купихъ*, *Купити*—Славенск.; въ общемъ же языка употребленіи: *Купилъ*, *Купить*, а въ настоящемъ времени не употребляется (III, 1071).

— *Срѣтаю*, *Срѣтохъ*, *Срящу*—Славенск.; въ общемъ же языка употребленіи: *Встрѣчаю*, *Встрѣтилъ*, *Встрѣчу* (V, 266).

— *Ницъ* или *Ницы* — Славенск.; просто же: *Никомъ* или *Ничкомъ* (IV, 534).

— *Взнакъ* — Славенск.; просто же: *Навзничь* (IV, 534).

— *Лакоть* — Славенск.; просто же: *Локоть* (III, 1135).

— *Плесна* — Славенск.; просто же: *Плюсна* (IV, 879).

— *Колія* — Славенск.; просто же: *Колея́* (III, 709).

— *Кій* — Славенск.; въ обыкновенномъ же языка употребленіи: *Кой* (III, 550).

— *Копіе* — Славенск.; просто же *Копье* (III, 801).

— *Судія* — Славенск.; просто же: *Судья* (V, 952).

— *Бію* — Пославенски; въ обыкновенномъ же разговорѣ сокращенно употребляемый: *Бью* (I, 172).

— *Вію* — Славенск.; въ общемъ же языка употребленіи: *Вью* (I, 727).

— *Корносый* — Славенск.; просто же: *Курносый* (III, 833).

— *Како* — Славенск.; просто же: *Какъ* (III, 393).

— *Божественно* — Россійск.; *Божественнѣ* — Славянск. (I, 254).

— *Благовременно* — Въ славенскомъ же языкѣ: *Благовременнѣ* (I, 926).

— *Гордо* — Пославенски: *Гордѣ* (II, 239).

— *Горделиво* — Славенск.: *Горделивѣ* (II, 241).

— *Великодушно* — Въ славенскомъ: *Великодушнѣ* (II, 830).

— *Конечно* — Славенск.: *Конечнѣ* (III, 769).

— *Прилично* — Славенск.: *Приличнѣ* (III, 1206).

— *Мудро* — Славенск.: *Мудрѣ* (IV, 314).

— *Смысленно* — Славенск.: *Смысленнѣ* (IV, 374).

— *Неизмѣнно* — Славенск.: *Неизмѣннѣ* (IV, 389).

— *Обра́зно* — Слав.: *Образнѣ* — Уподобительно, Подразумѣвательно (IV, 589).

— *Самохотно* — Пославенски: *Самохотнѣ* (VI, 578).

— *Духовнѣ* — Славенск.; въ общемъ же языка употребленіи: *Духовно* (II, 808).

— *Откровеннѣ* — Славенск.; просто же: *Откровенно* (III, 991).

— *Студъ* — Славенск.; въ обыкновенномъ же употребленіи языка: *Стыдъ* (V, 922).

— *Студный* — Славенск.; просто же: *Стыдный* (V, 922).

— *Сквозь* — Пославенски же: *Сквозѣ* (V, 474).

— *Ныю* — Славенск.; просто же· *Ною* (IV, 573).

— *Мою* — Пославенски: *Мыю* (IV, 282).

— *Поѣдаю* — Пославенски: *Поядаю* (VI, 999).

— *Женитва* — Славенск.; просто же: *Женитьба* (II, 1107).

— *Постигаю* — Пославенски: *Постизаю* (V, 734).

— *Остатокъ* — Славенск.: *Останокъ* (V, 798).

— *Шлю* — Пославенски: *Слю* (VI, 897).

— *Отпускъ* — Пославенски: *Отпустъ* (IV, 1190).

— *Мышца* — Славенск.; просто же: *Мышка* (IV, 376).

— *Изсякаю* — Пославенски: *Изсяцаю* (V, 1083).

— *Кротко* — Пославенски: *Кротцѣ* (III, 970).

— *Издалече* и *Издалеча* — Славенск.; просто же *Издалека* (II, 460).

— *Цѣпь* — Пославенски: *Чепь*: «И возложиши тресны и *чепи* златы». Исход. XXVIII, 24 (VI, 653—654).

— *Пригорщи* — Славенск.; просто же: *Пригоршни* (II,257).

— *Мята* — Пославенски же: *Мятва* (IV, 454).

— *Оса* — Пославенски: *Осва* (IV, 645).

— *Свéрло* — Пославенски: *Свердло* — Родъ напарья, бурава и т. д.; у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ жало, коимъ они провертываютъ кору произрастеній, для положенія туда своихъ яицъ (V, 352).

— *Седмь* — Славенск.; просто же: *Семь* (V, 404).

— *Снискиваю* — Употребл. въ высокомъ слогѣ; въ общемъ же языка употребленіи: *Сыскиваю* (III, 339).

— *Езеро* — Славенск.; просто же: *Озеро* (II, 949).

— *Елень* — Славенск.; просто же: *Олень* (II, 952).

— *Единый* — Славенск.; въ обыкновенномъ же языка употребленіи: *Одинъ* (II, 937).

— *Единако* и *Единаково* — Славенск.; просто же: *Одинаково* (II, 941).

— *Невѣжда* — Славенск.; просто же: *Невѣжа* (I, 974).

— *Чуждый* — Славенск.; просто же: *Чужій* (VI, 831).

— *Вижду* — Славенск.; просто же: *Вижу* (I, 675).

— *Бужду* — Славенск.; въ общемъ же употребленіи: *Бужу* (I, 369).

— *Ненавижду* — Славенск.; въ общемъ же употребленіи: *Ненавижу* (I, 686).

— *Врежду* — Славенск.; въ обыкновенномъ же языка употребленіи: *Врежу* (I, 915).

— *Гла́жду* — Пославенски; въ общемъ же языка употребленіи: *Глажу* (II, 55).

— *Прихожду* — Славенск.; просто же: *Прихожу* (III, 261).

— *Обиждаю* — Славенск.; просто же: *Обижаю* (IV, 585).

— *Суждую* — Славенск.; просто же: *Сужу* (V, 946).

— *Сѣжду* — Славенск.; просто же: *Сижу* (V, 1025).

— *Щажду* — Славенск.; просто же: *Щажу* (VI, 939).

— *Провожаю* — Пославенски же: *Провождаю* (I, 554).

— *Развожу* — Пославенски: *Развожду* (I, 560).

— *Ночь* — Пославенски: *Нощь* (IV, 555).

— *Печь* — Пославенски же: *Пещь* (IV, 749).

— *Плечо* — Пославенски: *Плеща* (IV, 890).

— *Но́чвы* — Пославенски же: *Но́щвы* — лотокъ отлогій (IV, 555).

— *Мощь* — Славенск.; просто же: *Мочь* (IV, 206).

— *Свѣща* — Славенск.; просто же: *Свѣча* (V, 382).

— *Хощу* — Славенск.; просто же: *Хочу* (VI, 577).

— *Жещи* — Славенск.; просто же: *Жечь* (II, 1059).

— *Власъ*—Славенск.; въ общемъ же языка употребленіи: *Волосъ* (I, 760).

— *Власяница*—Славенск.; просто же называется: *Волосяница* (I, 761).

— *Длань*—Славенск.; въ общемъ же языка употребленіи: *Долонь, Ладонь* (II, 681).

— *Класъ*—Славенск.; просто же: *Колосъ* (III, 591).

— *Кладязь*—Славенск.; въ общемъ же языка употребленіи: *Колодезь* (III, 558).

— *Млатъ*—Славенск.; просто же *Молотъ* (IV, 169).

— *Хладъ*—Славенск.; просто же: *Холодъ* (VI, 542).

— *Младый*—Славенск.; просто же: *Молодый* (IV, 164–165).

— *Плавый*—Славенск.; просто же: *Полóвый* — Изжелта бѣлый (IV, 858).

— *Голосъ*—Употребл. въ общей рѣчи; пославенски: *Гласъ* (II, 187).

— *Солома*—Пославенски: *Слама* (V, 643).

— *Увлекаю*—Славенск.; просто же: *Уволокаю* (I, 788).

— *Градъ*—Славенск.; просто же: *Городъ* (II, 295).

— *Брада*—Славенск.; въ общемъ же употребленіи: *Борода* (I, 310).

— *Бразда*—Славенск.; въ общемъ же языка употребленіи: *Борозда* (I, 312).

— *Крава*—Славенск.; просто: *Корова* (III, 891).

— *Краста*—Славенск.; просто же: *Короста* (III, 920).

— *Мразъ*—Славенск.; просто же: *Морозъ* (IV, 292).

— *Скомрахъ*—Славенск.; просто же: *Скоморохъ* (V, 485).

— *Стражъ*—Славенск.; просто же: *Сторожъ* (V, 866).

— *Краткій*—Славенск.; въ обыкновенномъ же языка употребленіи: *Короткій* (III, 922).

— *Мравій*—Славенск.; просто же: *Муравей* (IV, 290).

— *Порогъ*—Пославенски: *Прагъ* (IV, 998).

— *Порохъ*—Пославенски: *Прахъ* (IV, 999).

— *Сковорода*—Пославенски же: *Сковрада* (V,483).

— *Сторонній* — Славенск.: *Странній* (V, 849).

— *Чреда* — Славенск.; просто же: *Череда* (VI, 802).

— *Черпъ* — Славенск.; просто же: *Черепъ* (VI, 804).

— *Предній* — Славенск.; просто же: *Передній* (IV, 1076).

— *Пре* (предлогъ нераздѣлимый), *Предъ* — Славенск.; просто же: *Пере*, *Передъ* (IV, 1074).

— *Жребій* — Славенск.; *Жеребей* — Употребл. въ обыкновенномъ языкѣ (II, 1184).

— *Серебро* — Пославенск: *Сребро* (V, 431).

— *Дска* — Славенск.; просто же: *Доска* (II, 780).

— *Гортань* — Въ славенскомъ языкѣ есть рода мужескаго (II, 258).

— *Высоко* — Славенск.; просто же: *Высоко́* (I, 950).

— *Приваливаю* — Перекатывая что тяжелое придвигаю *къ чему*: «*Привалить* камень *къ дверямъ; привалить* бревно *къ забору*». Въ славенскомъ же языкѣ иногда сочиняется глаголъ сей съ предлогомъ *надъ*: «И *привали* камень *надъ двери* гроба» Марк. XV, 46 (I, 477), и т. д.

X.

Называя русскій языкъ *простымъ* по сравненію съ церковнославянскимъ, составители словаря допускали различныя степени этой простоты, опредѣляемыя большею или меньшею близостью къ живой, разговорной рѣчи. Отъ словъ и выраженій, общепринятыхъ въ языкѣ литературномъ, отдѣлены слова и выраженія, употребляемыя въ *просторѣчіи*, а также и тѣ, которыя названы *простонародными*.

По терминологіи словаря, вообще нестрого выдержанной, *просторѣчіе* соотвѣтствуетъ *разговорному* употребленію, въ противоположность съ *письменнымъ*, или *книжнымъ*.

Въ академическомъ собраніи, при чтеніи замѣчаній, достав-

ленныхъ разными лицами, замѣчено было, что «въ нѣкоторыхъ глаголахъ прошедшее время имѣетъ двоякій выговоръ, т. е. въ *письмѣ* употребляемый и *въ просторѣчіи*; напримѣръ, пишется: *брелъ* (отъ *бреду*), а говорится: *брёлъ*». Поэтому «положено въ собраніи: въ таковыхъ глаголахъ ставить оба прошедшія времена, тѣмъ наипаче, что сія сложная буква академіею принята» [65]).

Словарь академіи неоднократно указываетъ различіе написанія и выговора одного и тогоже слова, и это различіе служитъ однимъ изъ признаковъ для опредѣленія *просторѣчія*:

— *Жерновъ* — Въ просторѣчіи говорятъ и *Жорновъ* (II, 1111).

— *Жестко* — Въ просторѣчіи же: *Жостко* (II, 1113).

— *Объемъ* — Просто же: *Объёмъ* (II, 971).

— *Отъемное* — Просто же: *Отъёмное* (II, 975).

— *Божій* — Въ просторѣчіи: *Божей* (I, 254).

— *Ершъ* — Просто же: *Ю̂ршъ* (II, 1016).

— *Оспа* — Въ просторѣчіи: *Воспа* (I, 867).

— *Покидаю* — Въ просторѣчіи: *Опокидаю* (III, 521).

— *Тщедушіе* — Просто же: *Щедушіе* (II, 834).

— *Уразина* — Большая палка, дубина; въ просторѣчіи: *Арясина* (V, 61).

— *Клиросъ* — Въ просторѣчіи: *Крылосъ* (III, 613).

Одни и тѣже слова не всегда имѣютъ совершенно тоже значеніе въ языкѣ книжномъ и въ просторѣчіи:

— *Бубенъ* — Военное музикійское орудіе, на подобіе литавръ и т. д. Въ просторѣчіи: Человѣкъ убогій, ничего неимѣющій: «Голъ, какъ *бубенъ*; *бубенъ бубномъ*» (I, 366).

Глазастый — Большіе глаза имѣющій. — Въ просторѣчіи: Острое зрѣніе имѣющій, или тотъ, кто далеко и много видитъ (II, 68).

— *Погадать* — Нѣсколько времени провести въ гаданіи: «*Погадать* въ карты». Въ просторѣчіи: Пораздумать, Поразсудить, Поразмыслить: «Какъ подумаешь да *погадаешь*, такъ дѣло-то и плохо» (II, 11).

Отъ *просторѣчія* отличается *простонародное* употребленіе:

— *Варганю* — Въ *просторѣчіи* употребляется въ третьемъ лицѣ и значитъ: Кипитъ съ шумомъ: «Вода въ котлѣ *заваргапила*». Въ *простонародномъ* употребленіи значитъ: Неискусно на какомъ орудіи играю» (I, 493).

— *Отбиваю* — Въ *просторѣчіи* берется иногда вмѣсто *увѣчу*: «*Отбить* руки и ноги». *Простонародн.*: Отлучаю, Отдаляю, Отчуждаю: «*Отбить* купца; онъ умѣлъ *отбить* отъ меня многихъ моихъ знакомыхъ» (I, 197).

— *Наваливаюсь* — Въ *просторѣчіи*: Нападаю, притѣсняю кого». «На него всѣмъ міромъ *навалилися*». *Простонародн.*: Во множествѣ, кучею, толпою вхожу: «Въ избу *навалились* мужики» (I, 472).

Но въ иныхъ случаяхъ *просторѣчіе* какъ бы сливается съ *простонароднымъ*:

— *Навязаться кому на шею* — Въ просторѣчіи: Насильно къ кому пристать, прицѣпиться (I, 1115).

— *Навязать кому что́ на шею* — Образъ вѣщанія простонароднаго: Насильно отдать, препоручить кого въ чье смотрѣніе или попеченіе: «Едакова урода навязали на мою шею» (I, 1115).

— *Разбодряюсь* — Въ просторѣчіи: Начинаю бодриться; весьма бодрюсь; хорохурусь (I, 263—264).

— *Прибодряюсь* — Простонародн.: Бодрость оказываю; являю видъ, беру осанку бодраго; показываю себя неробкимъ, смѣлымъ (I, 263).

Въ словарѣ россійской академіи названы *просторѣчіемъ* слѣдующія слова и выраженія:

— *Балы* — Въ просторѣчіи: Пустословіе, веселый вздоръ; обольщеніе пустыми словами: «Точить *балы*; *балы* подпущать» (I, 91).

— *Богачъ* — Въ просторѣчіи: Богатый человѣкъ (I, 245).

— *Бытъ* — Въ просторѣчіи: Состояніе, родъ жизни; потребное къ состоянію: «Онъ въ *быту* своемъ доволенъ; въ домашнемъ *быту* все пригодится» (I, 397).

— *Бытье́* — Въ просторѣчіи: Все, кому принадлежащее: «Вотъ все мое житье, *бытье*, богачество» (I, 398).

— *Перевертышъ* — Въ просторѣчіи: Ударъ, данный съ такою силою, что ударяемый долженъ перевернуться: «Онъ добраго ему далъ *перевертыша*» (I, 650).

— *Вѣха́* — Въ просторѣчіи: Великорослый, тонкій и нескладный человѣкъ: «Экая *вѣха!*» (I, 1055).

— *Гайтанъ* — Въ просторѣчіи: Снурокъ небольшой мѣры для завязыванія чего (II, 16).

— *Загво́зда* — Въ просторѣчіи: Сильный ударъ: «Далъ ему добрую *загвоздку*» (II, 30).

— *Глазунъ* — Въ просторѣчіи: Волокита, зѣвака (II, 69).

— *Огласка* — Въ просторѣчіи: Извѣщаніе многимъ о дѣлѣ, которое таилась, крылось (II, 78).

— *Глотъ* — Въ просторѣчіи: Обидчикъ, притѣснитель, который нагло что̀ себѣ присвояетъ (II, 87).

— *Негодъ* — Въ просторѣчіи: Несчастіе, неудача; неурожай (II, 165).

— *Година* — Въ просторѣчіи: Судьба: «Несчастная *година*» (II, 166).

— *Головоломъ* — Въ просторѣчіи говорится о тѣхъ предметахъ, которые требуютъ великаго, крайняго вниманія: «Сія наука — прямой *головоломъ*» (II, 181).

— *Удача* — Въ просторѣчіи, въ отношеніи къ лицу, тоже, что *удалой*: «Онъ — великій *удача*» (II, 521).

— *Сдоръ* или *Вздоръ* — Распря, ссора; несогласіе безъ достаточной причины; нескладица; рѣчь, незаключающая въ себѣ никакого смысла (II, 655).

— *Домовище* — Въ просторѣчіи означаетъ тоже, что *гробъ* (II, 727).

— *Горожанинъ* — Въ просторѣчіи такъ зовется житель всякаго города вообще; особенно, житель города Архангельска или Архангельскаго намѣстничества (II, 303).

— *Раздумье* — Въ просторѣчіи: Сумнѣніе, колебаніе въ мы-

сляхъ вразсужденіи какого предпріятія: «Его *раздумье* взяло» (II, 794).

— *Крѣпышъ* — Въ просторѣчіи называется: Скупой, крѣпкій сложеніемъ человѣкъ (III, 1035).

— *Отлика* — Въ просторѣчіи: Отмѣна: «Между ими нѣтъ ни малой *отлики*» (III, 1204).

— *Лядъ* — Въ просторѣчіи: Несчастіе, неудача: «На все *лядъ* пришелъ» (III, 1385).

— *Пай* — Въ просторѣчіи иногда берется за счастіе, за удачу: «Ему нѣтъ ни въ чемъ *паю*» (IV, 695).

— *Рубачъ* — Въ просторѣчіи называется тотъ, кто склоненъ, искусенъ драться на шпагахъ (V, 179).

— *Скряга* — Въ просторѣчіи называется до подлости скупой человѣкъ; чрезвычайный скупяга (V, 501).

— *Талантъ* — Въ просторѣчіи значитъ: Дарованіе, природная къ чему способность (VI, 22 — 23).

— *Причина* — Въ просторѣчіи иногда означаетъ непріятное или вредное приключеніе: «Со мною эдакой причины не бывало, какъ нынѣ случилося» (VI, 769 — 770).

— *Чудородье* — Въ просторѣчіи означаетъ человѣка странныхъ свойствъ, или глупаго (VI, 829).

— *Мать сыра земля* — Въ просторѣчіи такъ называютъ землю, говоря: «Пошолъ въ *мать сырую землю*», т. е. умеръ (III, 54).

— *Набитой братъ* — Въ просторѣчіи: Равный званіемъ, состояніемъ (I, 194).

— *Даръ Божій* — Въ просторѣчіи называется хлѣбъ (II, 465).

— *Батюшкинъ сынокъ* — Въ просторѣчіи говорится для означенія богатаго отца сына, имѣющаго предстателей (V, 1004).

— *Близокъ* — Въ просторѣчіи иногда значитъ знаемый, имѣющій доступъ, довѣренность; и въ семъ случаѣ употребляется какъ существительное съ предлогомъ *къ*: «*Близокъ* къ государю» (I, 225).

— *Бытный* — Въ просторѣчіи, въ отношеніи къ лицу: Нѣчто

значущій, составляющій: «Ты говоришь какъ *бытной* человѣкъ» (I, 397).

— *Вытный* — Въ просторѣчіи: Годный, полезный, корыстный: «Будто *вытной* человѣкъ о себѣ думаетъ» (I, 960).

— *Бѣлехонекъ* — Въ просторѣчіи наипаче употребляемое къ означенію посѣдѣвшихъ старыхъ людей или вымытыхъ замаранныхъ вещей: «Въ короткое время сдѣлался какъ лунь *бѣлехонекъ*» (I, 440).

— *Густъ* — Въ просторѣчіи значитъ: Достаточенъ, богатъ: «Онъ *густъ*, для него убытокъ сей нечувствителенъ» (II, 440).

— *Мастероватъ* — Въ просторѣчіи: Довольно искусный (IV, 54).

— *Наблошняюсь* — Въ просторѣчіи: Навыкаю, перенимаю; проворнымъ, ухватливымъ дѣлаюся: «Живучи по людямъ, довольно *наблошнился*» (I, 229).

— *Взвариваю* — Въ просторѣчіи: Прытко иду, шибко бѣгу, весьма скоро ѣду, мчусь: «Какъ онъ на гору *взвариваетъ*» (I, 497).

— *Загрезить* — Въ просторѣчіи: Начать врать, болтать; завести рѣчь о чемъ-нибудь пустомъ (II, 340).

— *Благодарствую* — Въ россійскомъ языкѣ, въ просторѣчіи, глаголъ сей употребляется въ первомъ токмо лицѣ настоящаго времени, и по большей части говорится въ отвѣтъ тому, кто привѣтствуетъ кого, чихнувшаго, словомъ: *Здравствуй* или *Здравствуйте* (II, 470).

— *Подобрѣть, Раздобрѣть* — Въ просторѣчіи: Растолстѣть, Похорошѣть (II, 702).

— *Отбездѣловать* — Въ просторѣчіи: Отъ небрежнаго употребленія испортить, или въ худое состояніе привести, какъ-то: измарать, изорвать, изтаскать что̀ и проч.: «*Отбездѣловать* кафтанъ, книгу» (II, 911).

— *Живлюсь* — Въ просторѣчіи значитъ: Корыстуюсь; пріобрѣтаю, праведно или неправедно, богатство: «Онъ много *живится* отъ подрядовъ» (II, 1136).

— *Ку́кшу*—Въ просторѣчіи: Тру рукою глаза, когда они свербятъ или навертываются слезы (III, 1059).

— *Ку́чусь*—Въ просторѣчіи: Прошу убѣдительно (III, 1102).

— *Соблю*—Въ просторѣчіи: Берегу для себя или кого другаго что̀: «Онъ *собитъ* все дѣтямъ (V, 398).

— *Со всячиною*—Въ просторѣчіи говорится о людяхъ нравныхъ, своеобычливыхъ и неискреннихъ: «Осторожно съ нимъ обходись, онъ человѣкъ *со всячиною*» (I,667).

— *Гладью* или *Гладцою*—Въ просторѣчіи значитъ: Ласково, употребя ласку: «*Гладцою* лучше можно у него выспросить; невсегда съ пристрасткою, иногда *съ гладцою*» (II, 58).

— *Въ голяхъ* или *На голяхъ*—Употребл. въ просторѣчіи: Въ бѣдномъ состояніи, при недостаткѣ чего-нибудь: «Я слышалъ, что ты проигрался, и теперь *въ голяхъ*; ему *на голяхъ* и то̀ годится» (II, 195).

— *Ономедни*, *Ономеднись*, *Ономеднясь*—Въ просторѣчіи: За нѣсколько дней предъ симъ (II, 584).

— *Наперекоръ*—Въ просторѣчіи: Вопреки, напротивъ: «Дѣлать что̀ кому *наперекоръ*» (III, 1307).

— *Вмахъ* или *Смаху*—Въ просторѣчіи значитъ: Скоро, тотчасъ: «Подожди меня, я *смаху*, *вмахъ*, сбѣгаю» (IV, 66).

— *Собираюсь съ душою*, *или съ духомъ*—Въ просторѣчіи: Отдыхаю, отдохновеніе получаю послѣ скораго бѣжанья, послѣ удара, или отъ страха: «Онъ уже успѣлъ *собраться съ духомъ*, и опять побѣжалъ» (I, 161).

— *Мозолью нажить*—Говорится въ просторѣчіи, и значитъ: «Нажить тяжкимъ трудомъ» (IV, 221).

— *Прижать къ ногтю*—Въ просторѣчіи: Притаить, присвоить себѣ принадлежащее другому (IV, 548—549).

— *Навѣсить что кому на носъ*—Въ просторѣчіи: Весьма ясно намекнуть кому о чемъ (IV, 583).

— *Сбить кого съ пахве́й*—Въ просторѣчіи: Привесть въ замѣшательство, въ разстройку (IV, 738).

— *Отъ душки кусочекъ*—Образъ вѣщанія, въ просторѣчіи

употребляемаго для изъявленія, что отдаетъ лучшее, не жалѣетъ (II, 825—826).

— *Одна грудь завѣдаетъ*—Говорится въ просторѣчіи, т. е. Я самъ только могу чувствовать, сколько мнѣ сіе прискорбно, тягостно (II, 376).

Сверхъ *просторѣчія* въ собственномъ смыслѣ, словарь россійской академіи допускаетъ различные виды такъ называемой *простой рѣчи*, какъ напримѣръ: *низкое просторѣчіе*, *низкій слогъ*, *низкое слово*, *простое употребленіе*, *простое нарѣчіе*, и т. п. Низкій слогъ находили даже въ памятникахъ древняго русскаго языка.

— *Кадыкъ*—Говорится въ низкомъ просторѣчіи о весьма строптивыхъ, о неуступчивыхъ: «У него великъ, широкъ *кадыкъ*» (III, 355—356).

— *Приказная строка*—Говорится въ низкомъ просторѣчіи, и значитъ тоже, что ябедникъ, крючкотворецъ (III, 378).

— *Уходить*—Въ низкомъ просторѣчіи, относительно къ вещамъ, значитъ *Промотать*: «Ему ничего нельзя дать, онъ тотчасъ *уходитъ*» (III, 280).

— *Кручина*—Печаль, грусть, безпокойствіе душевное. Реченіе сіе употребляется въ просторѣчіи и въ низкомъ слогѣ (III, 1021).

— *Хапаю*—Глаголъ, въ низкомъ слогѣ употребляемый и значащій: Хватаю, беру, употребляя усиліе: «*Хапающе* многихъ христіянъ въ плѣнъ». Царствен. кн. 153. (VI, 501—502).

— *Хабаръ*—Слово низкое, означающее прибыль, прибытокъ, барышъ (VI, 499).

— *Угаръ*—Въ простомъ употребленіи означаетъ: Удалецъ, забіяка (II, 271).

— *Собираюсь съ умомъ, съ мыслями*—Въ простомъ нарѣчіи значитъ: Разсуждаю, размышляю, думаю (I, 161).

XI.

Въ академическомъ словарѣ помѣщено довольно значительное количество словъ и выраженій, названныхъ *простонародными.* Нѣкоторыя изъ нихъ встрѣчаются и въ языкѣ литературномъ, у Ломоносова, у Сумарокова и у другихъ писателей. Говоря вообще, образованіе письменнаго языка совершается постепенно, и вліяніе живой, устной рѣчи обнаруживается все сильнѣе и сильнѣе. Тò, что̀ считалось низкимъ и простонароднымъ, дѣлается достояніемъ образованнѣйшей части общества и вполнѣ усвоивается литературою. Въ словарѣ россійской академіи найдется нѣсколько указаній, любопытныхъ въ этомъ отношеніи. Такъ слово *Тала́нтъ*, въ смыслѣ дарованія, отнесено къ *просторѣчію*, а слова: *Верховье* (рѣкп), *Крыша, Быль, Былое*, и др., названы *простонародными*, и т. п. Изрѣдка употребляется названіе *народный* совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ и *простонародный.*

— *Бахарь*—Простонародн.: Сказыватель сказокъ, небылицъ; разсказчикъ (I, 116).

— *Збойникъ* и *Збойчакъ*—Простонародн.: Лукавецъ, хитрецъ, выдумщикъ, вымышленникъ; человѣкъ, употребляющій различныя хитрости, умыслы (I, 190).

— *Братовщина*—Простонародн., въ шуточномъ смыслѣ употребляем.: Имѣніе, оставшееся послѣ братьевъ: «Онъ еще *братовщиной* дышетъ» (I, 325).

— *Буторъ*—Простонародное: означающее всякій домашній бытъ или пожитки (I, 393).

— *Быль*—Простонародн.: Что̀ было дѣйствительно; истинная о чемъ повѣсть: «*Быль* что̀ смола, а небыль что̀ вода» (I, 396).

— *За́бытъ*—Простонародн.: Дреманіе; легкій, некрѣпкій сонъ (I, 400).

— *Бѣдокуръ*—Простонародн.: Причиняющій бѣды другимъ, или неостерегающійся отъ бѣдъ (I, 430).

— *Бѣсовщина*—Простонародн.: Неистовство, нелѣпость, чрезмѣрная рѣзвость (I, 450).

— *Навалъ*—Простонародн.: Принужденіе, убѣжденіе взять какую вещь (I, 473).

— *Вахлакъ*—Простонародн.: Шишка, напухлое мѣсто или какой наростъ на тѣлѣ у животнаго (I, 512).

— *Верховье*—Простонародн.: Начало, вершина рѣки (I, 628).

— *Видальщина*—Простонародн.: Бывальщина; то̀, что̀ видали; что̀ уже не вдиковину (I, 676).

— *Вто́ра*—Простонародн.: Причина, «Эка *втора*» (I, 934).

— *Повычка*—Простонародн.: Повадка; сдѣланная привычка (I, 943).

— *Вяха*—Простонародн.: Сильный ударъ: «Дать *вяху*» (I, 1139).

— *Гомоюнъ*—Простонародн.: Безпрестанно въ движеніи находящійся (II, 200).

— *Догадъ*—Простонародн.: Смышленый, догадливый (II, 7).

— *Гомзу́ля*—Простонародн.: Говоря о хлѣбѣ, значитъ: большой ломоть, срѣзокъ, укрухъ; говоря о деньгахъ: нарочитое количество оныхъ скопленное (II, 198).

— *Горлопятина*—Простонародн.: Такъ называются самые кислые и вяжущіе овощи, какъ-то яблоки и пр. (II, 252).

— *Гуня*—Простонародн.: Рубище; ветхая, изодранная одежда (II, 434).

— *Додо́ръ*—Простонародное, прочихъ падежей неимѣющее, употребляемое къ означенію, когда, по причинѣ тѣсноты или многолюдства, пройти куда трудно или неможно: «На рынкѣ, въ банѣ *додору* нѣтъ» (II, 640).

— *Полудурье*—Простонародное, употребляемое къ означенію человѣка, несовсѣмъ умнаго (II, 801).

— *Нѣтъ*—Простонародн.: Небытіе при должности: «Записанъ въ *нѣты*» (II, 1025).

— *Зажига*—Простонародн.: Зачинщикъ, заводчикъ, виновникъ какого раздора (II, 1067—1068).

— *Кока* — Въ простонародномъ: Яйцо куриное (III, 697).

— *Лылы́* — Простонародн., несклоняем.: Обманъ: «Онъ проводитъ его все *на лылахъ*» (III, 1343).

— *Трелюдъ* — Простонародн.: Шутникъ, забавникъ (III, 1381).

— *Фаля* — Простонародн.: Непро́ворный, безтолковый, непредусмотрительный человѣкъ (VI, 481).

— *Шишимора* — Простонародн.: Мошенникъ, хитрымъ воровствомъ промышляющій (VI, 891).

— *Лихая болесть* — Простонародн.: Падучая болѣзнь, Черная немочь (I, 280).

— *Живая грамота* — Говорится въ простонародіи въ такомъ случаѣ, когда кто твердо изустно пересказываетъ о какомъ-либо произшествіи или что̀-нибудь, порученное отъ кого (II, 1126—1127).

— *Колотырный* — Простонародное, прилагаемое: къ такимъ, которые разными низкими и постыдными для человѣка средствами стараются о пріумноженіи своего имущества; къ такимъ, кои дѣлаютъ смутки, переносятъ рѣчи и проч.; къ такимъ, кои сказываютъ что̀ шутливое для препровожденія времени съ насмѣшками для другихъ (III, 723—724).

— *Щирый* — Простонародн.: Нарядный, статный; имѣющій всѣ свойственные отличительные знаки: «*Щирый* французъ, нѣмецъ» (VI, 966).

— *Барабошу* — Простонародн.: Трогаю что-нибудь, шевелю; неугомоненъ бываю (I, 97).

— *Выбаживаюсь* — Простонародн.: Единожды произношу клятву, божбу (I, 257).

— *Валандаюсь* — Простонародн.: Непроворно, нерасторопно что̀ дѣлаю; задерживаюсь какимъ препятствіемъ: «Увязши въ грязи, долго *валандалися*» (I, 463).

— *Винтую* — Простонародн.: Различными движеніями проворство, удальство, смѣльство свое показываю (I, 709).

— *Гузаю*—Простонародн.: Медлю, мѣшкаю, нерасторопно что дѣлаю (II, 425).

— *Дворянюсь*—Простонародн.: Говорится о человѣкѣ, который ни за что самъ приняться не хочетъ (II, 568).

— *Дрочу*—Простонародн.: Нѣжу кого: «*Дрочить* дитя, ребенка» (II, 763).

— *Отдуваюсь*—Простонародн.: Оттерпливаюсь, выдерживаю что трудное или непріятное: «Отъ пристрастнаго разспроса *отдулся*» (II, 842).

— *Изнимаю*—Простонародн.: Пронимаю, одолѣваю: «Бѣдность его *изняла*» (II, 967).

— *Кропчу* или *Кропочу*—Простонародн.: Брюжжу, ворчу III, 970).

— *Кучу* — Простонародн. Относительно къ вѣтреной погодѣ значитъ: верчу, кружу: «Вѣтеръ *кутитъ*». Относительно къ человѣку: Производу смутками между другими ссору (III, 1102).

— *Трелюжусь* надъ кѣмъ — Простонародн.: Слишкомъ шучу, насмѣхаюся (III, 1381).

— *Лыта́ю* — Простонародн.: Много хожу повсюду праздно, безъ дѣла (III, 1344).

— *Ребрюсь*, *Изребриться* — Простонародн.: Избочениться, стать или пройти бокомъ (V, 107).

— *Тазаю* — Простонарод.: Журю, выговариваю, браню (VI, 8).

— *Щечу* — Простонародн.: Урывкою, украдкою понемногу таскаю (VI, 958).

— *Власно* — Простонародн.: Точь въ точь; ни дать ни взять; волосъ къ волосу (I, 761).

— *Изневѣсть* — Простонародн.: Невдогадъ, невзначай, нечаянно, внезапу, вдругъ (I, 982).

— *Думно*—Простонародн.: Сумнительно: «Ему *думно*, что»... (II, 791).

— *Конче* — Въ простонародномъ: Неотмѣнно, непремѣнно (III, 768).

— *Бишь*, или *Бьшь* — Частица простонародная, прилагаемая къ концу слова въ случаѣ недоумѣнія, и ничего сама по себѣ незначащая: «Какъ *бишь* его зовутъ?» (I, 452).

— *Дѣвчина* — Тоже, что дѣвица. Простонародное низкое; употребляется по большой части въ пѣсняхъ (II, 855).

— *Богатина* — Низкое: Богатый человѣкъ (I, 244).

— *Батракъ* — Народн.: Наемникъ; крестьянинъ, работающій у другого изъ договорной платы (I, 110).

— *Бекрень* — Народное, употребляемое токмо во образѣ нарѣчія *Набекрень* (I, 121).

— *Восцá* — Въ общемъ родѣ простымъ народомъ употребляемое, означаетъ непосѣда, рѣзваго, который на одномъ мѣстѣ сидѣть не можетъ (I, 867).

— *Барка* — Въ простонародномъ слогѣ употребляется вмѣсто множества: «У него *барка* денегъ» (I, 102).

— *Бóры* — Въ разговорахъ простонародныхъ называются, по уподобленію, морщины, или рубцы, на лицѣ болѣзнію произведенныя (I, 134).

— *Братанъ* — Въ простонародномъ употребленіи означаетъ брата (I, 324).

— *Рубаха рубахою* — Говорится въ простонародномъ употребленіи о безковарномъ, весьма простосердечномъ (V, 192).

— *Гнуть калышки* — Въ простонародномъ употребленіи означаетъ: Врать вздоръ чепуху; небывальщину молоть съ тѣмъ, чтобы другіе смѣялись (II, 119).

— *У тебя, у него горло широко* — Говорится въ простонародномъ употребленіи, т. е. Неуступчивъ (VI, 889).

— *То и дѣло* — Образъ простонароднаго вѣщанія: «Онъ *то и дѣло* бѣгаетъ, шалитъ, рѣзвится» (II, 908).

— *Перебиваю лавочку у кого* — Образъ вѣщанія простонароднаго: Перебиваю у кого какой доходъ, или обращаю на себя благосклонность, оказываемую другому (I, 199).

XII.

Членами россійской академіи, принимавшими непосредственное участіе въ составленіи и изданіи словаря, а также и тѣми, которые жили внѣ Петербурга, собрано много словъ старинныхъ, областныхъ, техническихъ, иностранныхъ, и т. д. Изъ словъ старинныхъ удержаны въ словарѣ только тѣ, которыя способствуютъ пониманію древняго быта или же заключаютъ въ себѣ корень словъ, доселѣ употребляемыхъ въ языкѣ.

Подъ названіемъ *старинныхъ* помѣщены слова, извлеченныя изъ различныхъ источниковъ: изъ лѣтописи Нестора, изъ Новгородской лѣтописи, изъ Никоновскаго сборника, изъ Русской Правды, Судебника и Уложенія, изъ Синопсиса, изъ Ратнаго устава, и др.

— *Роля*, или *Ролья* — старин. Пашня: «Хочемъ погубити смерды, и *ролю* имъ отъяти». Нест. Лѣт. 168 (V, 171).

— *Свесть* — старин. Свояченица: «За Мстислава Ясыню изъ Владимира, *свесть* Всеволоду». Нест. лѣт. I. 271. «Прося за себя *свѣсти* его, спрѣчь своякини его. Др. Лѣт. I, 197» (V, 355).

— *Гридница* и *Гридня* — старин. Чертогъ, покой въ княжескомъ дворцѣ, опредѣленный для пріему вельможей; называлась такъ же судебная храмина: «Устави па дворѣ въ *гридницѣ* пиръ творити». Нестор. лѣт. 89. «Бояромъ его повелѣ итти въ столовую *гридню*». Арханг. Лѣт. 170. «Повелѣ вметати въ погребъ, а иныхъ въ *гридницу*». Новг. Лѣт. 87 (II, 348 — 349).

— *Корзно*; въ множ. *Корозная* — старин. Епанча, или верхняя одежда: «Володимеръ вскочи съ коня, и покры и *корзномъ*». Несторъ. I. 204. «Святополкъ нача даяти овѣмъ *корозная*, а другимъ куны». Никон. Лѣт. I, 222 (III, 820).

— *Вѣдомецъ* — старин. Знатокъ, искусившійся въ тѣхъ дѣлахъ, каковыя ему поручаются: «И на то устроенныхъ тамо *вѣдомцовъ*, да видятся со стражи татарскими, и подадятъ скоро вѣсть». Др. Лѣт. ч. II, стр. 33 (I, 972).

— *Проігрѣхъ* — старин. Прошибка, промашка: «Стрѣляху безъ *проігрѣха*». Др. Л. II, 77 (II, 399).

— *Украй* — старин. Предѣлъ, граница: «Вѣсть пріиде, что новогородцы на *украѣ* земли». Др. Лѣт. I, 206 (III, 899).

— *Мишанъ* — старин. Родъ судна, но какое оно было строеніемъ и величиною, неизвѣстно: «Суды ихъ вся изсѣкоша, и паузки, и кербаты, и ладьи, и *мишаны*». Др. Лѣт. I, 246 (IV, 157).

— *Перевѣтъ* — старин. Измѣна, содружество тайное съ непріятелемъ: «Творяхуть е *перевѣтъ* держаще къ Святославу». Новг. Лѣт. 36 I, 1041).

— *Коркота* — старин. Корча, spasmus: «Бысть на нихъ на пути *коркота*, начало имъ корчити руки и ноги». Арх. Лѣт. 100 (III, 853).

— *Вѣдунъ* — старин. Угадчикъ, прорицатель: «Явишася въ Новѣградѣ волхвы, *вѣдуны*». Никон. Лѣт. II, 357 (I, 969).

— *Обжа* — старин. Участокъ земли, сколько одинъ человѣкъ на одной лошади взорать можетъ: «*Обжа* одинъ человѣкъ на одной лошади оретъ; а кто на трехъ лошадяхъ и самъ третей оретъ, ино то соха». Никон. Лѣт. VI, 97 (IV, 584).

— *Накра* — старин. Бубны: «Начаша въ сурны играти, и въ варганы, и въ *накры* бити». Никон. Лѣт. V, 234. «Въ сурны играти и въ *накры* и въ политавры». Сказан. объ осадѣ Троицк. монастыр. 122 (IV, 470).

— *Отзиміе* — старин. По долговременной оттепели, зимою или весною, случающійся морозъ: «Тоя же весны бысть *отзиміе*, и паде снѣгъ великъ, и паки сойде». Царств. Лѣт. стр. 240. «*Отзиміе* было велико». Др. Лѣт. I, 266 (III, 74).

— *Олекъ* — старин. Подрѣзанный улей: «Оже будутъ пчелы не лажоны, то десять кунъ; будетъ ли *олекъ*, то пять кунъ». Русск. Пр.; нов. изд. стр. 72 (IV, 628).

— *Ухожье* — старин. Мѣсто, гдѣ борти или пчельники для пчелъ ставятъ, а у соболиныхъ промышленниковъ на соболей пасти: «Такія бортныя *ухожья* давати въ помѣстья». Улож. гл. XVI, ст. 35 (III, 281).

— *Молка*—старин. Оговоръ, огласка: «Которые воры, тати и разбойники учнутъ говорити, затѣвая воровствомъ какую татиную и разбойную *молку* на иныхъ людей для своей корысти». Улож. XXI, 33, 35 и 40 (IV, 235).

— *Кузнь*—старин. Золото или серебро кованое, въ сосудахъ или уборахъ состоящее: «Все злато и сребро, и священные сосуды, и ключи полатныя, идѣже *кузнь* церковная, сокровища вся, отъятъ». Никон. Лѣт. 225. «Со святыхъ иконъ *кузнь* одраша». Др. Лѣт. II, 80 (III, 1112).

— *Шидяный*—Прил. старинное, употребляемое для обозначенія нѣкоего исткáнія: «Овіи же камчаты, другіи же *шидяны*». Др. Лѣт. II, 138 (VI, 884).

— *Лучу*—старин. Сніскиваю, пріобрѣтаю: «А сподобльшися вѣкъ онъ *лучити*». Никон. Лѣт. II, 185 (III, 1334).

— *Мотчаю*—старин. Медлю, мѣшкаю: «Князь великій послалъ къ нимъ, чтобы не *мотчая* пошли къ Новугороду». Царств. Лѣт. 417 (IV, 272),

— *Обѣручь*—старин. несклоняем. Изъ обѣихъ рукъ, обѣими руками: «Удари Амарбея по плечу *обѣручь*». Царств. Лѣт. 331 (V, 214).

— *Неотвелика*—старин. Не много, нѣсколько: «И томъ хочу еще *неотвелика* объявити». Ратный уставъ. Ч. I, 84 (I, 587) и т. д.[66]).

Не при всѣхъ словахъ, названныхъ *старинными*, есть точныя ссылки на источники; иногда словарь ограничивается замѣчаніемъ, что слово *старинное*, не указывая, откуда оно заимствовано:

— *Бáхматъ*—Названіе старинное, означающее великорослую лошадь: «Старинные наши бояра на *бахматахъ* ко двору ѣзжали» (I, 111).

— *Вечь*—старин. Башня или колокольня (I, 669).

— *Вúца*—старин. Прутъ извитый, закрученный, употребляемый для сшиванія досокъ у водоходныхъ судовъ и связыванія плотовъ (I, 729).

— *Адамашка*—Старинное названіе одноцвѣтной, травчатой, шелковой ткани (I, 9).

— *Глѣнь*—старин. Сокъ, влажность, изъ какого-либо вещества выжатая (II, 99).

— *Го́рволь*—старин. Пузырь водяной (II, 238).

— *Гу́за*—старин. Морщина (II, 425).

— *Де́лва*—старин. Кадка, бочка (II, 575).

— *Друзкъ*—старин. Сухль, хворостъ, посохлыя деревья (II, 774).

— *Знакомецъ*—Встарину у насъ назывались тѣ маломощные и мелкіе дворяне, кои у знатныхъ искали себѣ покровительства, и бывали у нихъ какъ домашніе люди; собесѣдовали имъ, принимали и угощали ихъ гостей, и разными непостыдными способами услуживали благодѣтелямъ своимъ. Сіи же въ возмездіе и по мѣрѣ ихъ услугъ награждали ихъ опредѣленіемъ къ мѣсту и одобреніемъ государю: «Отецъ его жилъ во *знакомцахъ* у такого-то боярина» (III, 103).

— *Безмолвникъ*—старин. Пустынникъ; живущій уединенно (IV, 235).

Картома́ или *Кортома*—старин. Откупъ, наемъ и деревень: иначе *аренда* (III, 455).

— *Комя́га*—старин. Родъ лодки однодеревки (III, 766).

— *Вабій*—старин. Зять, дочернинъ мужъ (I, 452).

— *Крухъ*—старин. Глыба, комъ снѣгу, земли или другого чего (III, 1021).

— *Ку́фа*—старин. Бочка большая (III, 1101).

— *Мамуль*—Старинное названіе дикой кошки (IV, 28).

— *Морхъ*—старин. Бархатъ (IV, 261).

— *Нуръ*—старин. Земля (IV, 568).

— *Обра́за*—старин. Срамъ, студъ, поношеніе (IV, 587).

— *Перепелы*—старин. Родъ головнаго убора, извѣстнаго подъ другимъ названіемъ *Трясульки* (IV, 766).

— *Пира*—старин. Рожь или ржаная мука (IV, 815).

— *Голѣемый* или *Гольмый* — старин. Великій, преимущественный (II, 198).

— *Рѣти* — старин. Течь, тещи (V, 263).

— *Верстать помѣстьемъ* — рѣченіе старинное. Въ прежнія времена, когда военнослужащимъ не было производимо денежное жалованье, служили помѣщики сами, и приводили на службу воиновъ по числу имѣющихся во владѣніи ихъ крестьянъ и пространства земли. Отличившіеся же на войнѣ награждаемы были отъ государей помѣстьями, и тѣмъ самымъ пріобрѣтали право благородства (I, 620), и т. д.

Въ словарѣ отмѣчались слова: старинныя, вышедшія изъ употребленія; старинныя, до сихъ поръ употребляемыя; обветшалыя; обветшалыя древнія; мало или рѣдко употребляемыя и вовсе неупотребительныя.

— *Бавлю* — старинное, вышедшее изъ употребленія; отъ него: *бавлюся* — занимаюсь чѣмъ; замѣшкиваюсь, и др. (I, 69).

— *Позорую* — старин., вышедш. изъ употребленія. Смотрю на что̀ на улицѣ, или на выставленное для общаго зрѣнія, или на что̀ необыкновенное: «Выволокоша въ неводѣ дѣтищъ, его же, сходящися, *позоровахомъ* дивящася». Никон. Лѣт. I, 153. «Смотряще съ *позорующими* царя». Прол. Март. 14 (III, 146—147).

— *Дѣвуля* — старин. Нынѣ употребляется для означенія мужчины, ничего мужественнаго въ себѣ неимѣющаго (II, 855).

— *Котора* — обветшал. Распря, ссора, раздоръ: «Быстъ *котора* зла въ людяхъ». Новг. Лѣт. 31 (III, 877).

— *Кресъ* — Обветшалое, вышедшее изъ употребленія, означавшее въ глубокой древности *Жизнь, явленность*: «Ему на *кресу* не бывать», т. е. ему не спасти жизни; ему на яву не бывать (III, 944).

— *Разгонка* — малоупотреб. Продолженіе дѣйствія разгоняющаго (II, 226).

— *Виха̀ю* — малоупотреб. Шатаю, двигаю, сдвигаю (I, 718).

— *Догадываю* — малоупотреб. Надоумливаю: «Кто *догадалъ* тебя сіе сдѣлать?» (II, 6).

— *Голодѣю* — малоупотреб. Говорится, когда запасы оскудѣваютъ или когда бываетъ недородъ въ какомъ мѣстѣ (II, 186).

— *Стигу́* — малоупотреб. Догоняю, стараюсь догнать кого: «Сопротивный *стижетъ* его». Ратн. уст. I, 119 (V, 732).

— *Грозность* — рѣдкоупотреб. Строгость, суровость, свирѣпость: «На лицѣ его *грозность* написана; *грозностію* взора страхъ наводитъ» (II, 355).

— *Гривистый* — рѣдкоупотреб. Хорошую гриву имѣющій: «*Гривистая* лошадь» (II, 345).

— *Преодолимый* — рѣдкоупотреб. Котораго преодолѣть, осилѣть, побѣдить можно (II, 724).

— *Гадательствую* — рѣдкоупотреб. Упражняюся въ искусствѣ гадательномъ; говорю темно, загадками (II, 5).

— *Гомонъ* — вышедшее изъ употребленія. Мятежъ, молва, шумъ (II, 199).

— *Головство* — вышедшее изъ употребленія. Старшинство, властелинство, начальство. Древн. Вивл. VII, 377 (II, 182).

— *Далю* — вышедш. изъ употребленія. Прочь отъ себя устраняю: «Иныя стекла приближаютъ, другія *далятъ* предметы» (II, 461).

— *Далюся* — вышедш. изъ употребленія. Вдаль отхожу, прочь отступаю (II, 461).

— *Котораюся* — въ нынѣшнемъ языкѣ неупотребительн. Ссорюся; имѣю распрю, раздоръ: «Почто всуе и туне кровь свою проливаемъ, *которающеся* и біющеся». Никон. Лѣт. II, 351. «Стефанъ Твердиславичъ и Иванъ Тимоѳеевичъ *разкоторастася* съ Водовикомъ посадникомъ». Царств. Лѣт. 119 (III, 878) и т. д.

XIII.

Первоначально, при составленіи общаго плана словаря, предложено было держаться исключительно московскаго нарѣчія и не давать въ словарѣ мѣста словамъ «провинціальнымъ и неизвѣстнымъ въ столицахъ». Противъ этого предложенія возсталъ Болтинъ, утверждая, что областныя слова составляютъ неотъемлемую принадлежность языка, а слѣдовательно и словаря, и что въ московскомъ нарѣчіи есть не мало изуродованнаго и непригожаго. Вмѣсто *зарево*, *встрѣтился*, *на рѣку́*, москвичи говорятъ: *жарево*, *встрѣлся*, *на́ рѣку*. По мнѣнію Болтина, областныя слова должны быть вносимы въ словарь, потому что одни изъ нихъ служатъ къ обогащенію языка; другія, по своимъ корнямъ, весьма важны для словопроизводства; третьи наконецъ пригодны для литературы въ томъ отношеніи, что могутъ быть влагаемы въ уста поселянъ, выводимыхъ «въ сочиненіяхъ издѣвочнаго рода», и т. п. [67]). Согласно съ мнѣніемъ Болтина, академическое собраніе положило помѣстить въ словарѣ «областныя слова *всѣ безъ изъятія*, каковыя токмо до свѣдѣнія академіи дойтить могутъ, и каковыхъ въ столицахъ не находится». Вскорѣ за тѣмъ, при новомъ пересмотрѣ замѣчаній на планъ словаря, академія опредѣлила вносить въ словарь не всѣ безъ исключенія областныя слова, а только тѣ изъ нихъ, которыми «изображаются вещи, орудія и проч., въ столицахъ неизвѣстныя; также и тѣ, которыя могутъ послужить къ обогащенію и обилію языка, или же изяществомъ своимъ превосходятъ слова, въ столицахъ употребляемыя». Обогощать языкъ они могли «своею ясностію, силою и краткостію»; притомъ же могли послужить и къ замѣнѣ словъ иностранныхъ [68]).

При объясненіи того или другаго изъ областныхъ словъ указывается большею частью и мѣстность, гдѣ оно употребляется, какъ напримѣръ:

Малороссія.

— *Гуторъ* — малоросс. Разговоръ, шутка (II, 446).

— *Гребля* — Въ Малороссіи: Насыпная плотина (II, 326).

— *Куричья слѣпота* — Въ Малороссіи такъ называютъ траву Chelidonium majus (III, 1083).

— *Головица* — малоросс. Родъ браги, которая при гнаніи сивухи или горячаго вина снимается (II, 181).

— *Горѣлка* — Въ Малороссіи такъ называется хлѣбное, простое вино (II, 262).

— *Галушка* — Малороссійское, уменьшительное отъ польскаго слова *галка*, означающаго всякое шаровидное небольшое тѣло, и т. д. Иначе у насъ называются *клецки* (II, 19—20).

Сибирь.

— *Дворянинъ* — Въ Сибири такъ называется чинъ казацкій, равняющійся съ десятникомъ въ прочихъ казацкихъ войскахъ: «Козакъ, *дворянинъ*, сынъ боярскій» (II, 566—567).

— *Маралъ* — Названіе сибирское оленя (IV, 39).

— *Крестóвикъ* — Въ Сибири такъ называются молодые песцы четырехмѣсячные, у коихъ на спинѣ и поперегъ между крыльцами бываютъ черноватыя полосы; также и *Крестоватики* (III, 938).

— *Аклей* — Утка, въ Сибири такъ называемая; въ полночныхъ же странахъ именуется *Малая чернеть* (I, 16).

— *Арáнцы* — Въ Сибири называются высокія каменныя горы (I, 43).

— *Бѣлякъ* — Въ Сибири симъ названіемъ означается излишній сверхъ ясака поборъ. Камчатск. истор. (I, 448—449),

— *Кóча* или *Кочъ* — Большое водоходное, въ Сибири и на *Сѣверномъ океанѣ* употребляемое судно, съ одною мачтою и съ палубою. Камч. истор. I, 6 (III, 884).

— *Ботунъ* — Весьма вкусный, на высочайшихъ Алтайскихъ

горахъ растущій, лукъ. Впрочемъ въ Сибири и *Уфимскомъ намѣстничествѣ* всякій дикорастущій лукъ или чеснокъ *ботуномъ* называютъ (I, 300).

Камчатка.

— *Бродильщикъ* — Прокладчикъ дорогъ для проходу ловцамъ соболинымъ на Камчаткѣ (I, 329).

— *Покрученикъ* — Наемники на соболиныхъ или рыболовныхъ промыслахъ, которыхъ хозяева снабжаютъ на дорогу запасомъ, платьемъ и всѣмъ, къ промыслу принадлежащимъ. По возвращеніи ихъ съ промыслу берутъ у нихъ треть добычи, а остальныя двѣ трети имъ оставляются, причемъ покрученики должны возвратить хозяевамъ всѣ, къ промыслу надлежащіе, припасы, кромѣ съѣстнаго. Камч. истор. I, 238 и 257 (III, 1020).

— *Кошлакъ* — Молодой камчатскій бобръ. Камч. истор. I, 287 (III, 889).

— *А́ру* — Названіе камчатское птицы, къ роду гагаръ принадлежащей, водящейся около каменистыхъ острововъ въ сѣверномъ холодномъ поясѣ. Въ *Колѣ* называютъ ее *Гагаркою* (I, 53).

— *Ипа́тка* — Морская птица; водится въ сѣверныхъ моряхъ.... *Ипатками* называютъ ихъ въ Камчаткѣ; въ *Колѣ* же извѣстны онѣ подъ именемъ *Тупиковъ* (III, 310—311).

— *Шикша* — Водяница, кустикъ на подобіе вереска, въ самыхъ холодныхъ сѣверныхъ странахъ растущій, приносящій черныя ягоды, употребляемыя какъ противуцынготное лѣкарство. Въ Камчаткѣ называютъ его *Шикшею*, и, кромѣ лѣкарственнаго употребленія, красятъ ягодами въ вишневую краску, и подчерниваютъ плохой пушной товаръ (I, 803).

— *Кухлянка* — Верхняя одежда или шуба, сшитая изъ кожъ оленьихъ, вдлину пониже нѣсколько колѣнъ, съ широкими рукавами, и назади съ кулемъ. Камч. ист. II, 43 (III, 1058).

— *Нарты* — Сани, въ Камчаткѣ употребляемыя. Камч. истор. I, 243 (IV, 473).

— *Па́дласы* — Путла у лыжъ, въ которыя становятся ногами. Камч. истор. I, 244 (IV, 676).

Охотскъ.

— *Мычагатка* — Морская птица, къ роду тупиковъ принадлежащая. Въ Охотскѣ называется *Ипаткою*; водится около Камчатки (IV, 356—357).

Байкалъ.

— *Ко́тзи* — несклон. Рыболовная ловушка, на Байкалѣ въ весеннее время при пловатыхъ берегахъ употребляемая (III, 876).

Уралъ.

— *Багоръ* — У козаковъ уральскихъ и на Волжскихъ учугахъ, желѣзный кусокъ съ зазубриною, прикрѣпленный къ длинному шесту, употребляемый для вытаскиванія осетровъ и бѣлугъ (I, 75).

— *Багоръ соро́мный* — Такъ называютъ уральскіе козаки тѣ рыболовные багры, коихъ древко подлиннѣе трехъ или пяти саженъ. Названіе сіе происходитъ отъ слова *Сорма*, означающаго неглубокое въ рѣкѣ мѣсто (I, 75).

— *Багоръ яровой* — У козаковъ уральскихъ называется рыболовный багоръ, насаждаемый на древко длиною отъ семи до десяти саженъ, коимъ багрятъ рыбу въ ярахъ, т. е. глубокихъ мѣстахъ (I, 75).

— *Багрови́ще* — Вообще шестъ или древко, на которое насаживаютъ багоръ; въ особенности же называется запасной шестъ у козаковъ уральскихъ, навязываемый на багоръ яровой для багренья на самыхъ глубокихъ мѣстахъ (I, 75—76).

Бѣлое море.

— *Юрá* — Реченіе, извѣстное на Бѣломъ морѣ, въ сельдяномъ промыслу, и означающее стадо сельдей (VI, 1014).

— *Плýтива* — У рыбныхъ промышленниковъ на Бѣломъ морѣ называются поплавки, дѣлаемые изъ еловаго дерева, привѣшиваемые на тетивахъ къ заметнымъ и стоячимъ неводамъ (IV, 916).

Архангельскъ.

— *Побережникъ* — Слово, *архангелогородцами только* употребляемое къ означенію восточнаго вѣтра; но вообще принято быть не можетъ, поелику означаетъ вѣтръ, вдоль берега дующій; берега же морскіе не вездѣ отъ востока къ западу простираются (I, 128).

Волга.

— *Ватага* — Такъ называются по Волгѣ, начиная отъ Царицына до устья и по *Каспійскому морю* рыбачьи артели, и самыя тѣ мѣста, гдѣ они рыбу ловятъ (I, 511).

— *Костерá* или *Костеръ* — На Волгѣ такъ называются выродки осетровъ и севрюгъ, которые въ большемъ количествѣ и острѣе имѣютъ жучки и звѣздчатыя косточки, снаружи находящіяся (III, 865).

— *Ложéвье* — Рыболовами на Волгѣ называется то мѣсто, которое рыба избираетъ себѣ въ зиму на лежанку. Путеш. Гмел. II, 280 (III, 1262).

— *Бѣлякъ* — На Волгѣ симъ именемъ называется ходъ рыбъ рунами въ разныя времена года: «*Бѣлякъ* бѣлужій; *бѣлякъ* осетрій; *бѣлякъ* стерляжій» (I, 448).

— *Бáгрильщикъ* и *Багрячей* — На волжскихъ учугахъ называется рыбный промышленникъ, который осматриваетъ по два раза въ сутки въ забойкахъ избы, и зашедшую въ оныя рыбу длиннымъ багромъ вытаскиваетъ (I, 76).

— *Манйста* — У волжскихъ рыбаковъ такъ называется нижняя бѣлужья челюсть (IV, 30).

— *Мтина* — Реченіе, извѣстное волжскимъ рыболовамъ, означающее связку, состоящую изъ двѣнадцати судаковъ. Путеш. Гмел. II, 234 (IV, 313).

— *Ерикъ* — На низовой Волгѣ и по берегамъ *Каспійскаго моря* такъ называютъ небольшіе ручьи: «Горькій *ерикъ*; соленый *ерикъ*» (II, 1013—1014).

Екатеринославское намѣстничество.

— *Гутей* — Въ екатеринославскомъ намѣстничествѣ называется тоже, что *Айва*, плодъ кругловатый.... ростетъ у насъ по Тереку. Въ другихъ мѣстахъ Россіи называютъ плодъ сей нѣмецкимъ словомъ *Квитъ* (II, 446 и I, 13), и т. д.

Иногда, вмѣсто точнаго обозначенія мѣстности, говорится только: въ южныхъ странахъ; въ сѣверныхъ странахъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; въ областномъ употребленіи, и т. п.

— *Балка* — Въ южныхъ странахъ называютъ у насъ симъ именемъ ущелья горъ или узкія долины (I, 89).

— *Греча*, *Гречиха* и *Гречуха* — Въ низовыхъ провинціяхъ называется *Дикуша* (II, 342).

— *Обабки* — Называются такъ инде грибы, извѣстные подъ именемъ опенковъ (IV, 853).

— *Маниха* — Въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи называется малый, предварительный приливъ воды, зависящій отъ положенія береговъ и мысовъ, бывающій до прилива большаго. Камч. ист. I, 35 (IV, 30).

— *Косуля* — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ называется родъ сохи, у которой сошникъ глубже роетъ землю (III, 870).

— *Плахта* — Областное. Такъ называется юбка; въ старинномъ же употребленіи означало вретища, власяницу, (IV, 867).

— *Прогонъ* — Въ областномъ употребленіи означаетъ: Дорога, ведущая къ выгону между двумя изгородами (II, 224).

XIV.

Относительно словъ *техническихъ* высказано было также нѣсколько противоположныхъ мнѣній, изъ которыхъ особенно выдаются два — Фонвизина и Болтина. Фонвизинъ предлагалъ исключить изъ словаря всѣ тѣ техническія названія, которыя не вошли въ общее употребленіе и извѣстны только лицамъ, занимающимся тою или другою отраслью наукъ, художествъ, ремеслъ. Возражая Фонвизину, Болтинъ доказывалъ, что именно такія названія всего нужнѣе для словаря, потому что въ словарѣ обыкновенно отыскиваютъ не того, что̀ извѣстно всѣмъ и каждому, а того, что невполнѣ или вовсе неизвѣстно. По мнѣнію Болтина, всѣ техническія слова наукъ, художествъ и ремеслъ необходимо «усыновить» русскому языку и внести ихъ въ словарь, какъ равноправныя съ природными русскими словами [69]).

Выслушавъ различныя мнѣнія, академическое собраніе, въ которомъ присутствовалъ и Болтинъ, постановило: «Названія, въ наукахъ, художествахъ и ремеслахъ употребляемыя, принять *всѣ безъ изъятія*, каковыя токмо сыскаться могутъ. Но сіи названія стараться изображать или принятыми уже россійскими словами, или вновь, по правиламъ произведенія словъ, сдѣланными, которыя собирать мало по малу, ибо многія уже слова, въ рукодѣліяхъ, ремеслахъ и промыслахъ употребляемыя, сдѣлалися извѣстными чрезъ путешественниковъ, отъ академіи наукъ посыланныхъ. Чтожъ касается до наукъ, то пригласить упражняющихся въ оныхъ членовъ, чтобы они, всякъ со своей стороны, въ той наукѣ, въ каковой кто упражняется, *составили слова по корню россійскому*». Рѣшеніе свое академическое собраніе вскорѣ измѣнило такимъ образомъ: Чтобы безъ нужды не увеличивать словарь помѣщеніемъ названій большею частью иностран-

ныхъ, внести въ словарь только такія «названія, учеными, художниками, ремесленниками и промышленниками употребляемыя, которыя суть или прямо русскія или вновь по российскому корню составленныя и ясно вещи выражающія [70]).

До какой степени въ дѣйствительности исполнено то, чего желала академія, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ:

Медицина.

— *Врачебная наука*—Medicina. Наука, предписывающая средства, служащія къ сохраненію здравія и къ врачеванію болѣзней (I, 879).

— *Бѣгунка*—Болѣзнь, въ которой человѣкъ тихо итти не можетъ, а поневолѣ бѣгаетъ отъ ускорительнаго движенія мышекъ, къ хожденіи служащихъ (I, 414).

— *Темная вода*—Внутреннее поврежденіе глаза безъ всякаго наружнаго знака болѣзни (I, 794).

— *Дрягота*—Convulsio. Насильное и принужденное подергиваніе всего тѣла или нѣкоторыхъ онаго частей (II, 777).

— *Дерготa*—Spasmus. Болѣзнь, въ которой члены и другія части тѣла скорчиваются и расправляются поперемѣнно необыкновеннымъ образомъ и противъ нашей воли (II, 591).

— *Колотье*—Colica. Болѣзнь въ кишкахъ, причиняемая или остротою соковъ, или чрезмѣрнымъ растягиваніемъ кишокъ отъ спершихся въ нихъ вѣтровъ, или воспаленіемъ и заваломъ крови въ кишечныхъ сосудахъ (III, 744).

— *Колотье въ боку*—Pleuritis. (III, 744).

— *Колотье въ груди*—Peripneumonia (III, 744).

— *Почечуй*—Haemorrhoides (IV, 1018).

— *Почечуйникъ* — Polygonum hydropiper. Простолюдины прикладываютъ листья сей травы къ почечуйнымъ шишкамъ: откуду и названіе (IV, 1019).

— *Жерновки*—Lapides cancrorum. На подобіе камешковъ затвердѣвшія тѣла, находимыя въ желудкахъ у раковъ, кото-

рыя входятъ въ лѣкарственный составъ во врачебной наукѣ (II, 1112).

— *Винный камень* — Tartarus. Изъ него пріуготовляется перечищенный винный камень — Cremor Tartari (I, 707).

— *Жгучій камень* — Lapis causticus. Составъ изъ поташа и негашеной извести, употребляемый лѣкарями для истребленія на тѣлѣ наросты (II,1061).

— *Взваръ* — врачебн. Вода, напитанная частицами произрастеній, сообщенными ей чрезъ вареніе съ оными. Иначе латинскимъ словомъ называется *Декоктъ* (I, 497).

— *Вяжущій* — Adstringens. Реченіе врачебное. Такъ называются лѣкарства, которыя вялость и слабость въ мочкахъ тѣлесныхъ уменьшаютъ (I, 1111).

Анатомія.

— *Анатомія*, или *Трупоразъятіе* есть наука, показывающая строеніе, или сложеніе человѣческаго или другаго животнаго тѣла (I, 32). Анатомія называется также *Тѣлоразъятельной наукой* (II, 1163).

— *Трупоразъятель* — Анатомикъ (VI, 301).

— *Брыжейка* — Mesenterium. Реченіе анатомическое. Двойная перепонка въ животѣ, прикрѣпленная къ разнымъ неподвижнымъ мѣстамъ онаго, содержащая всѣ изгибы кишокъ въ надлежащемъ порядкѣ, и отвращающая всѣ неудобности и замѣшательства въ ихъ движеніи. У животныхъ же четвероногихъ, въ пищу употребляемыхъ, часть сія называется *Здоръ* (I, 354—355).

— *Вертлугъ* — Мѣсто, гдѣ соединяется голова бедряной кости съ яминою кости безымянной (I, 638).

— *Жила біючая* — Arteria (II, 1164).

— *Жила кровевозвратная* — Vena (II, 1164).

— *Жила сухая* — Tendo (II, 1164).

— *Жила чувственная* — Nervus. Такъ называются въ тѣлѣ животномъ мягкія, бѣловатыя, на подобіе нитей, отъ головнаго и позвоночнаго мозга распростертыя по всему тѣлу разной тол-

щины части, составленныя изъ многихъ, между собою вдоль сложенныхъ, тонкихъ трубочекъ, содержащихъ въ себѣ продолженіе онаго мозга. Посредствомъ ихъ производятся въ тѣлѣ животномъ чувствованія и движенія. «Носяще разслабленна *жилами*». Марк. II, 3 (II, 1164—1165).

— *Кутокъ въ глазу*—Canthus oculi. Глазной уголокъ; глузгъ, или лузгъ (III, 1097).

— *Глузгъ* — Гдѣ верхнее вѣко съ нижнимъ сходится; попросту *Лузга* (II, 96).

— *Ушки сердечныя* — Въ трупоразъятіи: Два мѣшочка на верху сердечныхъ желудковъ, составленные изъ мясныхъ волоконъ, и т. д. (VI, 461).

Химія.

— *Химія* — греч. Наука разпознавать свойства и качества тѣлъ посредствомъ раздробленія ихъ на части и примѣса къ онымъ постороннихъ веществъ (VI, 532).

— *Пріемникъ* — Recipiens. Химическій сосудъ, въ который при перегонкѣ собираются пары (II, 988).

— *Гоню* — Въ химіи: Отдѣляю жидкія части отъ твердыхъ, легкія отъ тяжелыхъ: «*Гнать* масло, вино; *гнать* водку» (II, 202).

— *Возгоняю* — Въ химіи: Летучія или легкія части твердаго тѣла, посредствомъ огня отдѣляя, вверхъ подняться понуждаю: «*Возгонять* летучія соли» (II, 207).

— *Возгонка* — Sublimatio (II, 207).

Физика.

— *Физика* — Наука, имѣющая предметомъ своимъ познаніе природы вообще и всѣхъ естественныхъ тѣлъ, ихъ свойствъ, явленій и взаимнаго другъ на друга дѣйствія (VI, 485).

— *Естествословіе* — Наука, показующая путь къ познанію природы (II, 1020).

— *Физическій* — Естественный: «*Физическія* причины» (VI, 485).

— *Тепломѣръ* — Орудіе, служащее къ испытанію теплоты воздуха; иначе греческимъ словомъ называется *Ѳермометръ* (VI, 94).

Ботаника.

— *Ботаника* — Наука, предлагающая о растеніяхъ, ихъ раздѣленіи, отличительныхъ знакахъ и свойствахъ. Слово сіе происходитъ отъ греческаго реченія, означающаго *траву*, *произрастеніе* (I, 300).

— *Травовѣдство* — Наука располагать и распознавать произрастенія по отличительнымъ ихъ знакамъ и свойствамъ; иначе греческимъ словомъ называется *Ботаника* (VI, 229).

— *Травовѣдецъ* — Иначе греческимъ словомъ именуется *Ботаникъ* (VI, 228).

— *Травословъ* — Лепестъ, у *травослововъ*, перышко, часть цвѣтка составляющее (III, 1176).

Минералогія.

— *Рудословіе* — Наука, знаніе о рудахъ; иначе греческимъ словомъ называется *Минералогія* (V, 197—198).

— *Рудословъ* — Упражняющійся въ рудословіи (V, 198).

Геодезія.

— *Геодезія* — Землемѣріе; межеваніе (II, 32).

— *Землемѣръ* — Геодезистъ (III, 55).

Географія.

— *Землеописаніе* — Иначе называется греческимъ словомъ *Географія* (III, 55).

— *Землеописатель* — Греческимъ словомъ зовется *Географъ* (III, 55).

— *Мѣстоописаніе* — Иначе греческимъ словомъ называется *Топографія* (IV, 416).

Астрономія.

— *Звѣздословіе* — Астрономія (III, 33).

— *Звѣздословъ* — Астрономъ (III, 33).

— *Звѣздословный* — Астрономическій (III, 33).

— *Звѣздоблюститель* — Обсерваторъ, наблюдающій свѣтила небесныя (III, 32).

— *Оттѣнь* — Реченіе астрономическое. Край тѣни, освѣщенной частію свѣтозарнаго тѣла: «*Оттѣнь* земли въ затмѣніи луны» (VI, 362).

— *Наблюдаю* — Въ физикоматематическихъ наукахъ: Примѣчаю; примѣчанія дѣлаю: «*Наблюдать* теченіе свѣтилъ небесныхъ» (I, 236).

— *Наблюдалище* — Строеніе, мѣсто, гдѣ дѣлаются наблюденія (I, 236).

— *Звѣздочетство* — Астрологія (III, 33).

— *Звѣздочетъ* — Астрологъ (III, 33).

Геометрія.

— *Геометрія* — Наука, имѣющая предметомъ все то̀, что̀ измѣряемо быть можетъ въ длину, ширину и вышину, и служитъ основаніемъ другимъ частямъ маѳематики (II, 33).

— *Землемѣріе* — Иначе называется: *Геометрія практическая* (III, 55).

— *Средоточіе* — Точка въ кругѣ, отъ всѣхъ окружности онаго точекъ равно отстоящая; *центръ* (VI, 215).

Ариѳметика.

— *Числословіе* — Ариѳметика (VI, 779).

— *Числословъ* — Ариѳметикъ (VI, 779).

— *Числословный* — Ариѳметическій (VI, 779).

— *Наука числословная* — Дробь, *въ наукѣ числословной*, означаетъ, и т. д. (II, 753). — Дѣлитель, *въ наукѣ числословной*, называется, и т. д. (II, 870).

— *Золотое правило* — Въ ариѳметикѣ такъ называется тройное правило для великой его пользы въ премногихъ случаяхъ (III, 80).

Логика.

— *Логика* — Наука правильно разсуждать, умствовать, зависимость въ понятіяхъ и порядокъ въ мысляхъ соблюдать научающая (III, 1257).

— *Наво́дъ* — Логическій способъ доказанія, которымъ изъ предыдущихъ частныхъ положеній выводится общее заключеніе (I, 539).

— *Умозрѣніе* — Theoria, Ѳеорія (III, 132).

— *Умозрительный* — Умственный, ѳеоретическій (III, 132).

Грамматика.

— *Грамматика* — Наука, подающая правила говорить и писать правильно (II, 316).

— *Мимошедшее время* — Реченіе грамматическое. Давнопрошедшее время (III, 210).

— *Сопрягательный* — Реченіе грамматическое. Соединительный: «*И* есть союзъ *сопрягательный*» (IV, 1153).

— *Союзъ распрягательный* — «Полагается вмѣсто *союза распрягательнаго*» и т. д. (I, 1).

Въ словарѣ россійской академіи помѣщены техническія слова, относящіяся къ различнаго рода занятіямъ, искусствамъ, ремесламъ и промысламъ; употребляемыя въ различныхъ слояхъ народа, въ томъ или другомъ сословіи, и т. п. Приводимыя слова и выраженія называются обыкновенно *реченіями* или *нарѣчіями*.

— *Книгопечатня* — Иначе греческимъ словомъ называется *Типографія* (III, 662).

— *Книгохранилище*—Иначе греческимъ словомъ называется *Библіотека* (III, 662).

— *Слушалище* — Мѣсто слушанія преподаваемыхъ наставленій въ какой-либо наукѣ; иначе латинскимъ словомъ *Аудиторія* (V, 566).

Церковное нарѣчіе.

Отданіе праздника — Въ церковномъ нарѣчіи называется день, въ который прошедшій праздникъ съ своимъ празднествомъ оканчивается (II, 500—501).

Поганый — Въ церковномъ нарѣчіи: Ложныхъ боговъ почитающій; язычникъ (IV, 941).

Реченіе церковное.

— *Ключъ границъ* — Реченіе церковное. Такъ называется каждое изъ тридцати азбучныхъ письменъ, въ зрячую пасхалію принятыхъ для показанія, въ какое именно число въ извѣстномъ году праздновать должно день св. Пасхи и всѣ зависящіе отъ него подвижные праздники. Называется же каждая таковая буква *ключемъ границъ* потому, что отверзаетъ какъ-бы дверь къ точному познанію предѣловъ времени или мѣсячныхъ чиселъ, и т. д. (III, 641 — 642).

— *Мѣстный образъ* — Реченіе церковное. Образъ, для коего въ иконостасѣ устроено собственное и неподвижное мѣсто, для отличенія другихъ образовъ, внѣ иконостаса находящихся (IV, 417).

— *Мѣстная свѣча* — Реченіе церковное. Большая свѣча въ срединѣ лампады, предъ мѣстный образъ поставляемая (IV, 417).

Военное нарѣчіе.

— *Взводъ* — Въ военномъ нарѣчіи: Часть роты, состоящая изъ трехъ рядовъ, изъ коихъ въ каждомъ по двѣнадцати рядовыхъ считается (I, 528).

— *Верстаю* — Въ военномъ нарѣчіи: Ставлю солдатъ въ рядъ такъ, чтобы одинъ отъ другаго въ прямой чертѣ и въ равномъ отстояніи находился (I, 619).

— *Предавать огню и мечу* — Въ военномъ нарѣчіи: Жечь и убивать (II, 511).

Приказное нарѣчіе.

— *Искъ* — Въ приказномъ нарѣчіи: Требованіе въ судебномъ мѣстѣ удовлетворенія въ причиненной обидѣ, покражѣ или другомъ какомъ дѣлѣ: «На томъ недѣльщикѣ доправити истцовъ *искъ* вдвое». Улож. XXI, 84 (III, 325).

— *Подать прошеніе* — Въ приказномъ нарѣчіи: Изъявить свою просьбу письменно (II, 504).

Реченіе приказное.

— *Подбирать законы* — Реченіе приказное. Дѣяніе ябедниковъ и крючкотворцевъ, которые собраніемъ множества законовъ запутываютъ дѣло (III, 10).

— *Говорить судъ* — Реченіе приказное. По исковому дѣлу въ судебномъ мѣстѣ, съ наблюденіемъ узаконеннаго обряда, словесно или по запискѣ доказывать искъ, или оправдаться (V, 950).

Нарѣчіе ябедниковъ.

— *Подборъ* — Въ нарѣчіи ябедниковъ: Приводъ законовъ, затмевающихъ смыслъ дѣла, или приводъ словъ и доказательствъ, кои двоякимъ образомъ толковать можно (I, 152 — 153).

Реченіе мореходное.

— *Базаню* — Реченіе мореходное. Поворачиваю въ водѣ весло съ кормы вправо и влѣво на мелкихъ гребныхъ судахъ для того, чтобы судно впередъ подвигалось (I, 82).

Реченіе судоходное.

— *Чабурокъ* — Реченіе судоходное. Точеный деревянный или костяной шарикъ, на концѣ узкаго ремня у лямки привязываемый, и служащій къ зацѣпкѣ въ петлю каната (VI, 655).

Реченіе гребецкое.

— *Таваню* — Реченіе гребецкое. Гребу весломъ съ одной стороны въ противную сторону судовому ходу, чтобы тѣмъ скорѣе поворотить судно (VI, 5).

Реченіе охотничье.

— *Плоха* — Реч. охотн. Просѣка, каковыя прорубаются чрезъ лѣсъ для удобнаго ловленія утокъ (IV, 913).

— *Запутчикъ* — Реч. охотн. Тотъ изъ охотниковъ, который, стоя въ осокѣ, какъ скоро примѣтитъ, что звѣрь къ тенетамъ приближается, кричитъ на него, пропустя мимо себя, дабы оный, бросившись, въ нихъ запутался (IV, 1207).

— *Нáзывать* — Реч. охотнич. Скликать собакъ (III, 118).

— *Имай собакъ* — Реченіе охотничье, значитъ: Собирай, созывай звукомъ рога разсѣянныхъ собакъ по лѣсу (II, 956).

Нарѣчіе охотничье.

— *Отозваться* — Въ нарѣчіи охотничьемъ: Дать знать о затравѣ звѣря (III, 120).

Реченіе торговое.

— *Харчи* — Реч. торгов. Путевыя издержки въ доставленіи или провозѣ товаровъ (VI, 505).

— *Зáваль* — Реч. торгов. Залежавшійся долгое время товаръ въ лавкѣ, на который нѣтъ походу (I, 487).

Реченіе плотническое.

— *Въ лапу*—Реченіе плотническое. Говорится о деревянномъ строеніи, котораго углы скрѣплены не полукруглыми, но плоскими и съ шипами вырубками: «Рубить уголъ *въ лапу*» (III, 1138—1139).

Плотническое нарѣчіе.

— *Сдираю*—Въ плотническомъ нарѣчіи: Соскабливаю, сострагиваю скобелью, стругомъ шероховатость, негладкость съ дерева: «*Сдери* стругомъ съ доски *шерошины*» (II, 654).

Реченіе каменьщиковъ.

— *Кружáло* — Речен. каменьщиковъ. Дуга, изъ досокъ сдѣланная, на которой выкладываютъ своды (III, 1010—1111).

Реченіе портныхъ.

— *Воршу* — Речен. портн. Закрываю швы ворсою I, 858).

Реченіе сапожниковъ.

— *Варовúкъ* — Речен. сапожник. Лоскутъ кожи согнутой, въ средину коей кладутъ варъ, каковымъ натираютъ верви или швальные концы (I, 509).

Реченіе кожевниковъ.

— *Бухтармá* — Реченіе кожевниковъ, означающее мясистыя волокна на кожѣ животныхъ со стороны, обращенной къ мясу (I, 395).

Реченіе пивоварное.

— *Какъ вороново крыло* — Реченіе пивоварное, употребляемое къ означенію густаго и крѣпкаго пива, которое цвѣтомъ бываетъ черно (I, 855).

*

Реченіе въ карточной игрѣ.

— *Съ збѣгами* и *Безъ збѣговъ*—Реченіе въ карточной игрѣ, означающее договоръ игроковъ, всякую ли игру разыгривать, или по желанію отказаться можно, съ платежемъ или безъ платежа условнаго числа денегъ. Въ первомъ случаѣ называется *играть безъ збѣговъ*, а въ послѣднемъ: *играть съ збѣгами* (I, 419).

Въ игрѣ зерни.

— *Голь* — Въ игрѣ зерни употребляется только въ множественномъ числѣ, когда бросаемыя кости весьма малое число показываютъ: «Бросилъ *голи*» (II, 194).

Реченіе господъ.

— *Взять во дворъ*—Реченіе господъ. Взять крестьянина въ домъ для услугъ (II, 564).

Простонародное нарѣчіе.

— *Человъ бью* — Въ простонародномъ нарѣчіи означаетъ: Свидѣтельствую поклонъ; приношу кому что въ даръ: «*Человъ бью* бараномъ, чаемъ» (I, 174), и т. д. [71]).

XV.

При выборѣ словъ и выраженій техническихъ академія признала нужнымъ удержать въ своемъ словарѣ «особливыя названія естественныхъ въ Россіи произведеній» на томъ основаніи, что названія эти «большею частію суть народныя» [72]). Не ограничиваясь произведеніями исключительно русской природы, словарь сообщаетъ русскія названія различныхъ растеній, птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ, и т. д., какъ напримѣръ:

— *Болиголовъ* — Омегъ, трава, Cicuta virosa (I, 270).

— *Вологлодка* — Anchusa officinalis, трава, иначе называемая *Воловій языкъ* (I, 813).

— *Вѣтреница* — Anemone. Подъ симъ названіемъ означаются различныя травы, и т. д. (I, 1110).

— *Заманиха* — Nitraria Schoberi. Кустъ, изъ толстаго и древеснаго корня пускающій многія отрасли, и т. д. Ростетъ въ Уральской степи и по солончакамъ Сибири (III, 16).

— *Красавица*—Belladonna, трава (III, 902).

— *Сонъ-трава* — Anemone pulsatilla (V, 655).

— *Мужикъ-корень*—Stellera Chamaeasme. Трава; растетъ обильно въ Сибири (IV, 321).

— *Адамова голова*—Mandragora; коренья травы (I, 9).

— *Боярская спесь*—Lychnis chalcedonica. Трава, въ низовыхъ мѣстахъ около Волги растущая (I, 308).

— *Гуменцо попово*—Одуванчикъ; трава (II, 432).

— *Пастушьи сумки*—Drapa verna; трава, *Чижовой глазъ*, (IV, 723).

— *Куричья слѣпота* — Ranunculus arvensis; трава (III, 1083).

— *Солнцева сестра*—Cichorium intybus; трава; растетъ около пашенъ (V, 641).

— *Яблоко любовное*—Solanum lycopersicum. Произрастеніе однолѣтнее; плодъ, подобный яблокамъ (VI, 1022).

— *Колдунова трава*— Circea alpina. Небольшая травка; растетъ и около Петербурга при корняхъ деревъ (III, 701).

— *Вишня жидовская* — Physalis alkekengi; трава (I, 721).

— *Вишня бѣшеная*—Atropa belladonna; трава (I, 721).

— *Бѣсово молоко*—Молочай; трава (I, 452).

— *Жабры чортовы*—Лисій хвостъ; трава (II, 1031).

— *Древо жизни* — Thuia occidentalis; дерево (II, 751).

— *Иванъ да Марья*—Melampyrum nemorosum. Трава, по лугамъ и рощамъ и около Петербурга во множествѣ растущая (III, 179).

— *День и ночь* — Пристѣнная трава (II, 577).

— *Сладко и горько*, трава—Послень, родъ віющагося кустарника (V, 525).

— *Не тронь*, или *Незамай меня*, Недотыка; трава (IV, 519).

— *Устели-поле* — Ceratocarpus arenarius. Трава, растущая по песчанымъ мѣстамъ низовой Волги (VI, 450).

— *Вертошейка* — Jynx torquilla. Птичка, величиною почти съ жаворонка (I, 639).

— *Глупышъ* — Procellaria glacialis; птица (II, 98).

— *Глухарь* — Tetrao vrogallus; птица (II, 98).

— *Дуракъ* и *Дурачекъ* — Пташка (II, 796).

— *Жаръ-птица* — Struthio casuarius. Птица, величиною почти со страуса (II, 1047).

— *Бѣлуга* — Acipenser huso. Наибольшая рыба, заходящая въ рѣки, въ Черное и Каспійское море впадающія (I, 437).

— *Вьюнъ* — Petromyzon fluviatilis. Рыбка, на миногъ весьма похожая (I, 962).

— *Кутерма* — Salmo lacustris. Родъ лосося; водится въ ручьяхъ и рѣчкахъ, изъ Урала текущихъ (III, 1097).

— *Жужелица*, постарииному *Жужель* — Carabus. Подъ симъ названіемъ разумѣются различныя насѣкомыя, имѣющія твердыя покрывала крылъ съ ребромъ (II, 1194).

Происхожденіе нѣкоторыхъ изъ русскихъ названій объяснено, какъ напримѣръ:

— *Баранчикъ* — Primula veris. Трава; названа симъ именемъ потому, что *овцы* охотно ее ѣдятъ (I, 99).

— *Багульникъ* — Ledum palustre. Кусты на болотныхъ мѣстахъ, въ сѣверныхъ мѣстахъ растущіе. Весь кустъ имѣетъ запахъ тяжелый, вкусъ ароматическій, съ легкою горечью; употребляется въ лѣкарства и для истребленія *клоповъ*, почему въ Сибири его *Клоповникомъ* называютъ (I, 79).

— *Бородавникъ* — Chelidonium majus. Трава; испускаетъ сокъ, которымъ простолюдины выводятъ *бородавки* (I, 286—287).

— *Вѣредовецъ* — Thalictrum minus. Трава, на поляхъ растущая, ежегодно отъ корня возраждающаяся. Порошокъ сей

травы присыпаютъ къ *вередамъ*, откуду и наименованіе (I, 614 — 615).

— *Головня* — Lilium temulentum. Быліе колосистое, растущее между хлѣбными посѣвами. Названіе свое имѣетъ отъ того, что сѣмена онаго, примѣсившіяся къ хлѣбнымъ сѣменамъ, убавляютъ нѣсколько свойственной имъ бѣлизны ((II, 184 — 185).

— *Живокость* — Delphinium consolida. Трава однолѣтная, на пашняхъ въ Европѣ растущая; названіе дано потому, якобы переломленныя *кости* отъ употребленія сей травы срастаются (II, 1118).

— *Барашекъ* — Scolopax gallinoga. Названіе птицы, подъ французскимъ именемъ *бекаса* извѣстной, данное по ея голосу, весною блеяніе *овчее* выражающему (I, 99).

— *Горбуша* — Salmo gibbosus. Рыба, къ лососьему роду принадлежащая. Названіе дано ей потому, что у самцовъ, когда они роняютъ тѣло, на спинѣ вырастаетъ превеликій *горбъ*. Входятъ рунами въ рѣки и озера камчатскія изъ моря въ іюлѣ до половины октября (II, 236).

— *Головачъ* — Scarabeus cephalotis. Pallas. Жукъ, величиною съ большихъ божьихъ коровокъ; *голова* вразсужденіи тѣла очень велика (II, 184).

— *Сопка* — Въ Сибири такъ называются огнедышащія горы по той причинѣ, что огонь изъ оныхъ съ шумомъ и какъ бы *съ сопѣніемъ* извергается (V, 657).

— *Громовая стрѣла* — Belemnites. Окаменѣлая раковина, имѣющая нѣкоторое сходство со *стрѣлою*, почему простой народъ думаетъ, что онѣ падаютъ на землю съ молніею, и употребляетъ какъ суевѣрное средство въ болѣзняхъ (II, 367), и т. д.

Нѣкоторыя изъ иностранныхъ названій передѣланы на русскій ладъ, какъ напримѣръ:

— *Бальдырьянъ* — Отъ латинскаго *Valeriana*; трава (I, 89).

XVI.

Слова иностранныя, введенныя въ русскій языкъ въ разныя времена, представляли особенный интересъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и большую трудность для лицъ, работавшихъ надъ словаремъ академіи. Приходилось не только извлекать матеріалы изъ многочисленныхъ источниковъ, но и придумывать новыя слова для замѣны ими тѣхъ иностранныхъ словъ, которыя по чему-либо признавались неудобными. По понятіямъ того времени, филологическіе труды вообще, и словарь въ особенности, должны преимущественно имѣть въ виду *очищеніе* и *обогащеніе* языка. А языкъ тѣмъ богаче, чѣмъ больше въ немъ словъ, и тѣмъ чище, чѣмъ меньше въ немъ иностранной примѣси. Отсюда вытекаетъ весьма простой пріемъ—удаленіе словъ иностранныхъ и замѣна ихъ, во что бы то ни стало, русскими. Но справедливость требуетъ сказать, что такой пріемъ достигъ своего полнаго развитія только впослѣдствіи; при составленіи же перваго словаря соблюдалось болѣе осторожности и сдержанности. Въ этомъ заключается безспорное преимущество первыхъ тружениковъ въ сравненіи съ ихъ продолжателями, во главѣ которыхъ стоялъ Шишковъ, настойчиво защищавшій свои исключительныя понятія о красотѣ, богатствѣ и силѣ славянорусскаго языка. Иначе относились къ дѣлу составители перваго словаря, по крайней мѣрѣ, самые даровитые изъ нихъ. Не изобрѣтая новыхъ словъ по собственному произволу для мнимаго обогащенія языка, они указывали на древній русскій языкъ и другіе славянскіе языки какъ на болѣе надежный источникъ для пріисканія словъ и корней, соотвѣтствующихъ предположенной цѣли. Считая лишнимъ бременемъ для языка иностранныя слова, попавшія въ него случайно, находили вмѣстѣ съ тѣмъ, что нѣкоторыя изъ иностранныхъ словъ должны быть удержаны, а другія, равносильныхъ которымъ нѣтъ въ нашемъ языкѣ, должны быть вновь заимствованы изъ иностранныхъ языковъ. Само собою разумѣется, что при

этомъ необходимъ разумный выборъ и ясное пониманіе свойствъ отечественнаго языка [73]).

При самомъ началѣ словарныхъ работъ предложено было «выкинуть тѣ иностранныя слова, коимъ равносильныя и тоже выражающія славенскія или россійскія слова найдутся». На это возражали, что подобныхъ словъ выкидывать не слѣдуетъ, потому что они встрѣчаются во многихъ книгахъ и объясненіе ихъ необходимо для разумѣнія этихъ книгъ [74]).

Какъ предсѣдатель россійской академіи, кн. Дашкова «совѣтовала сколько возможно стараться о чистотѣ и обогащеніи языка, и, избѣгая всѣхъ словъ иностранныхъ замѣнять оныя россійскими старинными или вновь по правиламъ произведенія словъ сдѣланными, выключая тѣ токмо иностранныя названія, которыя уже издревле вошли въ языкъ россійскій отъ обращенія и сосѣдства съ азіатскими народами; нѣкоторыя слова греческія, въ священномъ писаніи употребляемыя, и тѣ, коихъ по корню россійскому произвесть и вновь составить неудобно, какъ-то въ математикѣ *интегралъ*, *дифференціалъ* и сему подобныя; наконецъ и тѣ, кои означаютъ должности и чины, ибо академія сама собою къ таковой перемѣнѣ приступить не можетъ, но должна ожидать высочайшаго на то соизволенія» [75]).

Въ замѣчаніяхъ своихъ на планъ словаря Болтинъ говоритъ: «Иностранныя слова, кои хотя и въ употребленіи, но введены безъ нужды, надлежитъ выкинуть. Тѣжъ, кои хотя и не въ употребленіи, но тождезначущихъ и равносильныхъ имъ словъ на русскомъ языкѣ нѣтъ, надлежитъ ввести. Если же найдется такое слово въ языкахъ, отъ славенскаго происходящихъ, каковы суть: польскій, чешскій и подобные имъ, или въ славенскомъ обветшалое и нынѣ неупотребительное, таковыя должно предпочесть иностраннымъ».

При обсужденіи замѣчаній Болтина въ академическомъ собраніи «опредѣлено сколько возможно избѣгать иностранныхъ словъ и стараться замѣнять ихъ: или старинными словами, хотя бы они были и обветшалыя, ибо въ семъ случаѣ частое употреб-

лепіе удобно можетъ паки пріучить къ онымъ; или словами, находящимися въ языкахъ, отъ славенскаго корня произшедшихъ; или же вновь, по свойству славенороссійскаго языка, составленными» [76]).

По вопросу о словахъ иностранныхъ, вновь возбужденному академикомъ Озерецковскимъ, собраніе остановилось на такомъ рѣшеніи: «Всѣмъ тѣмъ словамъ чужестраннымъ, которыя въ общемъ употребленіи находятся и общее соединяется съ ними понятіе, дать въ словарѣ мѣсто. При тѣхъ же словахъ и названіяхъ, кои равное имѣютъ употребленіе, какъ иностранныя, такъ славенскія или россійскія, то дѣлать токмо объясненіе надъ словами славенскими или россійскими; иностранныя же, оставя безъ объясненія, упомянуть токмо, что они употреблялися какъ равносильныя такимъ-то словамъ россійскимъ или славенскимъ. Ибо, исключивъ всѣ слова чужеземныя, надлежало бы многія дѣлать новыя названія одежды, сосудовъ, орудій, животныхъ, различныхъ веществъ и произведеній, отынуды привозимыхъ, и пр. Такъ въ одеждѣ нашей названія: *Кафтанъ*, *Шапка*, *Башмаки*, *Сапоги*, *Чулки*, *Колпакъ*, *Кушакъ*, *Шляпа*, *Карманъ*, *Фуфайка*, *Камзолъ*, *Ошкуръ*, *Епанча*; съѣстныя вещи: *Щи*, *Каша*, *Саломата*, *Быкъ*, *Баранъ*, *Коза*, *Курица*, *Лошадь*, *Котъ*, и пр.; въ строеніяхъ: *Изба*, *Амбаръ*, *Сарай*; *Сундукъ*, *Корыто*, и пр.—суть татарскія. Да и многія славенскія слова имѣютъ свое происхожденіе отъ древнихъ языковъ: келтическаго, британскаго, и пр., какъ-то: *Брегъ*, *Брозда*, *Вранъ*, *Гость*, *Градъ*, *Братъ*, *Село*, *Сила*. Но если на мѣсто сихъ и многихъ подобныхъ имъ дѣлать вновь, то ихъ трудняе будетъ ввести въ общее понятіе и употребленіе, нежели удержать тѣ, кои долговременнымъ употребленіемъ усыновлены въ языкъ нашъ» [77]).

Исключивъ изъ своего словаря иностранныя слова, введенныя безъ нужды и совершенно равносильныя русскимъ или славянскимъ, академія удержала въ немъ только слѣдующія:

1) Греческія и еврейскія слова, находящіяся въ священныхъ книгахъ и извѣстныя всѣмъ христіанскимъ народамъ, во всѣхъ

слояхъ, отъ образованнѣйшей части общества до простолюдиновъ.

2) Названія чиновъ, должностей и т. п., принятыя въ нашемъ законодательствѣ.

3) Названія произведеній, какъ естественныхъ, такъ и художественныхъ, привозимыхъ изъ чужихъ краевъ [78]).

Въ одномъ изъ собраній академіи, при разсмотрѣніи послѣднихъ листовъ третьей части словаря, княгиня Дашкова объявила, что «государынѣ, покровительницѣ россійскія академіи, благоугодно, чтобы въ сочиняемомъ академіею словарѣ избѣгать всевозможнымъ образомъ словъ чужеземныхъ, а *наипаче реченій*, замѣняя оныя словами или древними, или вновь составленными» [79]).

Общее число иностранныхъ словъ, внесенныхъ въ словарь академіи, не составляетъ и пятидесятой части всего количества словъ, помѣщенныхъ въ этомъ словарѣ. Въ словарь внесены слова, заимствованныя изъ языковъ: *греческаго*, *латинскаго*, *французскаго*, *польскаго*, *нѣмецкаго*, *итальянскаго*, *голландскаго*, *шведскаго*, *норвежскаго*, *венгерскаго*, *татарскаго*, *турецкаго*, *персидскаго*, *бухарскаго*, *мунгальскаго*, *индійскаго*, *еврейскаго*, *сирскаго*, *арабскаго*, *кельтскаго*, *готѳскаго* и даже *сарматскаго*.

На основаніи данныхъ, находящихся въ словарѣ, отношеніе между количествомъ словъ, заимствованныхъ изъ различныхъ языковъ, можетъ быть выражено приблизительно слѣдующимъ образомъ: греческихъ словъ 342; латинскихъ 107; французскихъ 92; нѣмецкихъ 74; татарскихъ 33; еврейскихъ 21; арабскихъ 11; турецкихъ 11; голландскихъ 10; персидскихъ 9; итальянскихъ 7; польскихъ 4; сирскихъ 3; кельтскихъ 3; индійскихъ 2; венгерскихъ 2; шведскихъ 2; бухарск. 1; мунгальск. 1; норвежск. 1; готѳск. 1; сарматск. 1, и т. д.

Около половины греческихъ словъ, помѣщенныхъ въ словарѣ, заимствованы изъ св. писанія, изъ твореній св. отцевъ и изъ книгъ церковныхъ. Сюда относятся слова: *Ангелъ*, *Архистратигъ*, *Догматъ*, *Епископъ*, *Паремія*, *Теревинѳъ*, *Тристатъ*, *Фіалъ*,

Цата, *Эпомида*, *Ѳиміамъ; Акаѳистъ*, *Дискосъ*, *Омофоръ*, *Панагія*, *Ряса*, *Ставропигія*, *Лампада*, и многія другія. При словахъ, заимствованныхъ изъ св. писанія, сдѣланы точныя указанія библейской книги, главы и стиха.

Другую половину находящихся въ словарѣ греческихъ словъ составляютъ названія различныхъ предметовъ, относящихся преимущественно къ области наукъ и образованности вообще, какъ напримѣръ: *Атмосфера*, *Атомъ*, *Аксіома*, *Горизонтъ*, *Эѳиръ*, *Діаметръ*, *Метафора*, *Физіологія*, *Философія*, *Хирургія; Анархія*, *Апологія*, *Гимназія*, *Идея*, *Каѳедра*, *Параграфъ*, *Проблема*, *Симпатія*, и мн. др.

Нѣкоторую особенность, въ отношеніи къ звукамъ и формамъ представляютъ слова:

— *Герой* — правильнѣе выговаривается: *Ирой* (II, 34).

— *Имнъ*, или *Гимнъ* (III, 296).

— *Математика*, или *Маѳематика; Математикъ*, или *Маѳематикъ* (IV, 56), и т. п.

Нѣсколько примѣровъ подобной особенности можно указать и въ словахъ, заимствованныхъ изъ латинскаго языка:

— *Манифактура* — латинск. Рукодѣліе (IV, 30).

— *Камара*, или *Камера* — латинск. Комната (III, 408).

— *Конфектъ* — латинск. Закуски; плоды, въ сахарѣ варенные, и т. п. (III, 781), и т. п.

Около трети словъ, заимствованныхъ изъ французскаго языка, относятся къ военному быту: *Армія*, *Артиллерія*, *Бригада*, *Гарнизонъ*, *Кадетъ*, *Комендантъ*, *Эскадронъ*, *Траншея*, и т. д.

Въ отношеніи формы, въ которой употреблялись тогда нѣкоторыя слова, отмѣтимъ:

— *Бронзъ*, мужеск. рода — французск. Смѣсь мѣди, олова и цинка (I, 342).

— *Гобоя*, женск. рода — французск. Мусикійское духовое орудіе, дѣлаемое изъ пальмоваго дерева, внутри пустое, и т. д. (II, 140).

— *Комплетъ* — французск. Полное число чего противъ положенія: «Принять кого сверхъ *комплету*» (III, 765), и т. д.

Изъ словъ нѣмецкихъ почти цѣлая треть приходится на долю такихъ, которыя служатъ для названія различныхъ чиновъ, должностей, службъ и т. п.; какъ напримѣръ: *Бухгалтеръ*, *Маклеръ*, *Ратманъ*, *Рекетмейстеръ*, *Бургомистръ*, *Мундшенкъ*, *Ефрейтеръ*, *Камердинеръ*, *Кучеръ*, и пр.

Помѣщая въ приложеніи списокъ словъ, заимствованныхъ изъ различныхъ языковъ, приведемъ два-три примѣра, изъ языковъ: мунгальскаго, индійскаго, кельтскаго и сарматскаго [80]).

— *Изюбръ* — Cervus capreolus. Животное, къ роду оленей причисляемое. Названіе сіе употребительно только въ Сибири, и вѣроятно мунгальское; въ другихъ же мѣстахъ называютъ его *Серною* (III, 284).

— *Ра́ка* — Отъ индійскаго слова *Аракъ*. Первая выгонка вина изъ хлѣба (V, 67).

— *Бокалъ* — Цельтическое, означающее родъ сосуда, подобнаго рюмкѣ и т. д. (I, 266).

— *Камзолъ* — Отъ цельтическаго слова *Камиза* (III, 419).

— *Капа* — Цельтическое, означавшее у насъ встарину шапку (III, 430—431).

— *Воръ* — Сарматское. Тать, похититель, хищникъ (I, 861).

Иногда какъ бы намѣчается путь, по которому то или другое иностранное слово дошло до нашего языка:

— *Батистъ* — Индійское, нами же отъ Французовъ принятое слово (I, 109).

— *Ананасъ* — Bromelia ananas. Отъ бразильскаго названія *Нана* во многіе европейскіе языки принятое (I, 31).

— *Барка* — Готоское, въ европейскіе нынѣшніе языки принятое слово (I, 102).

Встрѣчаются нѣкоторыя особенности въ собственныхъ именахъ, въ названіяхъ странъ и городовъ: Турція — *Турецiя*, Брюссель — *Брюксель*, и т. п.

— *Аба* — Турецкое, употребляемое въ сопредѣльныхъ *Ту-*

9*

реціи россійскихъ областяхъ, означающее бѣлое толстое сукно (I, 2).

— *Камлотъ*—Исткапіе, дѣлаемое изъ шерсти: «*Брюксельскій* камлотъ» и т. д.

XVII.

Одну изъ выдающихся особенностей словаря россійской академіи составляютъ обиліе и подробность описаній, относящихся къ области естественной исторіи. Произведенія природы занимаютъ въ словарѣ видное мѣсто уже вслѣдствіе того, что самыми ревностными участниками въ трудѣ были преимущественно натуралисты. Чтобы судить о свойствѣ и пріемахъ описаній, имѣющихъ несомнѣнное значеніе для характеристики словаря, приводимъ нѣсколько примѣровъ:

Голубь — Columba. Птица, имѣющая клювъ прямой, къ концу тонѣе становящійся, ноздри продолговатыя, покрытыя до половины пухлою, мягкою перепонкою, иначе у птицъ *молокомъ* называемою.

Голубь воркунъ, или *зобатый*. Columba gutturosa. Родъ голубей козырныхъ, которые во время воркованья зобъ надуваютъ.

Голубь дикій, каменный, или *сизый*. Columba oenos. Цвѣтомъ сизый; на шеѣ перья зелено-блестящія; на крыльяхъ полоса и конецъ хвоста черные; ноги красныя, голыя.

Голубь козырный. Columba cucullata. Сего рода голуби бываютъ разныхъ цвѣтовъ и пестроты, различаются же отъ прочихъ породъ тѣмъ, что на затылкѣ перья назадъ загибаются и стоятъ торчмя; когда такой хохолъ бываетъ одинъ на затылкѣ, называются однохохлыми; когда же напереди нѣсколько перьевъ наклоняются къ носу, называются двухохлыми; буде ноги голы—голоногими, обросшіе же перьями мохноногими именуются.

Голубь трубастый. Columba tremula. Различается отъ сродныхъ тѣмъ, что хвостъ имѣетъ длиннѣе и гуще, когда го-

лубь воркуетъ, то распускаетъ и поднимаетъ какъ индѣйскій пѣтухъ.

Голубь чистый. Columba tabellaria. Цвѣтомъ весь бѣлый, плеча же у крыльевъ изсиня-голубыя, ноги голыя, красныя. Сихъ голубей держатъ охотники, гоняютъ ихъ съ тѣмъ, чтобы ловить другихъ; летаютъ они стадомъ и кругами. У охотниковъ много есть различныхъ ихъ названій, какъ вразсужденіи ихъ полета, такъ и цвѣта данныхъ. Мы приведемъ здѣсь только главнѣйшія. 1) Вразсужденіи полета: *Лѣвикъ* — который летая круги дѣлаютъ налѣво, а *Правикъ*—который направо. *Турма*, или *Вертушка*—который на лету можетъ кувыркаться черезъ хвостъ и тѣмъ скорѣе вверхъ подыматься. 2) Вотношеніи къ цвѣтамъ: *Наплѣ̂кой*—весь бѣлый, выключая одно плечо сизоголубое. *Двупѣ̂рый*—у котораго два пера по краямъ хвоста черныя. *Однопѣ̂рый*—у котораго одно перо въ хвостѣ черное. *Полухвостый*—когда въ хвостѣ одна половина изъ черныхъ, а другая изъ бѣлыхъ состоитъ перьевъ. *Рѣдохвостый*—у котораго хвостъ черезъ перо изъ бѣлыхъ и черныхъ состоитъ перьевъ. *Черноватый*—у котораго весь хвостъ черный. *Чегровый*—весь изчерна пепловатый. *Гривунъ*—имѣющій черное пятно на шеѣ. *Взлазистый*—у коего на плечахъ между сизыми перьями по бѣлому пятну. *Лысый*—имѣющій на лбу черное пятно. *Съ ухомъ*—когда на ухѣ бываетъ черное пятно. *Усакъ*—когда отъ угловъ пасти проведены черныя черты. *Бѣлый*—когда всѣ перья бѣлы.

Голубь Египетскій, Columba risoria. Сія порода мельче прежнихъ; сверху покрыты желтоватыми перьями, на затылкѣ же черная скобка; голубка голосомъ своимъ изражаетъ хохотъ. Отечество ихъ Индія. (II, 189 — 191).

Жаворонокъ—Alauda. Птаха, отличающаяся отъ прочихъ породъ птицъ клювомъ шилообразнымъ, прямымъ, языкомъ раздвоеннымъ, когтемъ на заднемъ пальцѣ болѣе испрямленнымъ, и который бываетъ длиннѣе самаго пальца.

Жаворонокъ земляной, или *хохлатый.* Alauda cristata. Цвѣтомъ сѣрый; хвостъ черный, въ коемъ у двухъ крайнихъ

перьевъ внѣшняя опушка бѣлая, и на головѣ хохолъ; лѣтомъ держится около дорогъ.

Жаворонокъ лѣсной. Alauda arborea. Вся сія птаха покрыта перьями сѣрыми, съ темными пятнами; крылья и хвостъ темные; шея снизу желтоватая съ темными пятнами, имѣющая почти въ видѣ кольца бѣлую повязку; брюхо бѣлесоватое; хвостъ темный, короткій; по концамъ перья съ бѣлою каймою. Въ крыльяхъ 2, 3, 4 перо по концамъ означено бѣлымъ пятномъ на подобіе клина; бодцы длиннѣе пальца. Водится лѣтомъ по лѣсамъ; летаетъ стадами и поетъ отмѣнно пріятно; питается муравьями и ихъ яйцами.

Жаворонокъ луговой. Alauda pratensis. У него голова, спина, покрывальныя у крылъ перья и грудь одѣты перьями сѣрыми, съ темными пятнами; брюхо бѣлесоватое; бѣлая черта надъ глазами; крыльныя перья темныя; клювъ и ноги блѣдные; хвостъ ровный, черноватый, выключая по два пера съ краевъ, у коихъ внутренняя полоса во все перо бѣлая. Держится на лугахъ, иногда садится и на дерева.

Жаворонокъ полевой. Alauda campestris. Голова и спина сверху покрыты перьями сѣрыми съ черными пятнами, глотка и грудь изжелта; черты желтоватыя надъ глазами къ затылку отъ носа проведенныя; брюхо бѣлесоватое; покрывальныя у крылъ перья изсѣра черноватыя съ бѣлесоватыми пятнами; крыльныя перья темныя; хвостъ ровный, темный; но каждое перо, исключая два среднія, отъ половины до конца бѣлыя. Водится лѣтомъ въ поляхъ.

Жаворонокъ степной. Alauda alpestris. Клювъ у него свинцоваго цвѣта, конецъ же онаго темный; лобъ желтый, отъ коего идетъ повязка съ каймами черноватыми по вискамъ отъ угловъ зѣва до глазъ, а отъ оныхъ внизъ до глотки, отъ глотки же нисходитъ темная черта, распространяющаяся на груди въ темное круглое пятно; голова сѣрая съ черными крапинками; спина и стороны шеи ржаваго цвѣта съ темными пятнами; покрывало

крылъ и хвостъ избѣла-сѣрыя съ черными крапинками. Водится въ степяхъ полуденной Россіи.

Жаворонокъ черный. Alauda Tatarica. Pall. Nigra. Falk. Клювъ у него желтоватый; голова, шея, спина, глотка и грудь черныя, испещренныя бѣлыми пятнами; отъ угловъ зѣва идетъ черная повязка надъ глазами и простирается по шеѣ; брюхо, крылья, хвостъ, ноги и когти черные; въ перьяхъ же крыльныхъ и хвостовыхъ край бѣлый; хвостъ ровный и длиннѣе сложенныхъ крылъ, когда птица сидитъ. Величиною бываетъ со скворца. Водится стадами въ степяхъ около Каспійскаго моря. (II, 1031—1033).

Звѣробой, Звѣробойникъ. Hypericum perforatum. Трава, отъ корня возраждающаяся. Корень имѣетъ горизонтальный, цилиндрическій, снаружи красный, выпускающій жилочки кровянаго цвѣта; нутръ же корня бѣлый. Стебель прямой, гладкій, обоюду угловатый, вышиною около аршина, испещренный маленькими точками, снизу стрѣлою, кверху вѣтвистый; вѣтви попеременно противуположенныя, такъ же какъ стволъ угловатыя; листки противосидячіе, продолговатоовальные, гладкіе съ обѣихъ сторонъ, жиловатые, точками прозрачными испещренные, величиною около дюйма, но на вѣтвяхъ мельче. Цвѣтки шапкою расположенные, изъ пяти лепестковъ состоящіе; лепестки желтые, овально-продолговатые, трехжильные съ черными снизу точками. Тычки многочисленныя, пучками связанныя; пестиковъ три. Вмѣстилище сѣмянъ зеленое, овальное, гладкое, треугольное. Ростетъ по лугамъ въ Европѣ. Запахъ имѣетъ слабый, вкусъ горьковатый, почему и употребляется отъ кровохарканія и внутреннихъ чирьевъ, какъ бальсамическое и крѣпительное, а по горечи и отъ глистъ.

Звѣробой бѣлый. Svertia corniculata. Трава, отъ корня возраждающаяся; вышиною иногда бываетъ до двухъ футовъ. Корень короткій, четырью мочками накрестъ лежащими означенный, крѣпковатый, бѣлый. Стебель четвероугольный, иногда одинокій, иногда же до пятка отъ одного корня выходятъ. Листки

прикоренные во множествѣ выходятъ, противоположно раздѣленные, на стебляхъ же противоположенные, овально копіевидные, трехжильные. Стебли цвѣтковъ выходятъ изъ пазухъ по одиночкѣ, и по одному содержатъ цвѣтку. Цвѣтки преклонные, по большей части изъ четырехъ блѣднозеленыхъ лепестковъ состоящіе, треугольно колокольчатые; лепестки острые, почти смыкающіеся, кончащіеся рожками болѣе зеленѣющими. Чашечка цвѣточная состоитъ изъ узенькихъ листочковъ, по числу лепестковъ. Трава имѣетъ вкусъ пріятно-горькій и употребляется сибиряками какъ домашнее крѣпительное лѣкарство. Ростетъ въ Сибири за Енисеемъ въ борахъ.

Звѣробой черный. Svertia perennis. Трава, отъ корня возраждающаяся. Корень имѣетъ мочковатый, сѣрый или желтоватый. Листы прикоренные втройнѣ выходящіе; стебель длиною бываетъ до двухъ футовъ; листки при стеблѣ сидячіе противоположенные; цвѣтки изъ шести голубыхъ лепестковъ состоящіе. Чашечку цвѣточную составляютъ толикое же число листковъ узенькихъ. Всѣ части травы весьма гладкія. Вкусъ пріятную имѣетъ горечь. Ростетъ по болотамъ высочайшихъ Уральскихъ и Даурическихъ горъ.

Звѣробой каменный см. *Зерликъ.*

Звѣробой крестовый. Gentiana macrophilla. Корень горизонтально вбокъ идущій, пускающій изъ себя бѣлесоватыя углубляющіяся жилочки. Листы прикоренные бываютъ длиннѣе самаго ствола съ листкомъ въ пядень, широкіе, копіевидные, съ пятью жилками, при концѣ стебель объемлющіе. Стебель отъ стороны прикоренныхъ листовъ выходитъ, объемлется однимъ или двумя гнѣздами листовъ, на прикоренные листы похожихъ, исключая величину. При верхнихъ двухъ гнѣздахъ листовъ сидятъ пучками синіе цвѣточки, на подобіе кубышки съ четырьмя или пятью на верху зубчиками. Ростетъ въ Сибири, наипаче восточной, по полямъ и лѣсамъ.

Звѣробой лазоревый. Gentiana adscendens. Трава, возраждающаяся отъ корня, который состоитъ изъ жилокъ тонкихъ,

переплетшихся. Листы прикоренные бываютъ пучкомъ, узкіе, копіевидные, трехжильные; стебель одинокій или вдвойнѣ выходитъ отъ стороны прикореннаго листоваго пучка, вышиною въ пядень, снизу голый, по срединѣ двумя листочками узенькими, противолежащими снабженный, верхушка же усажена цвѣтками и листами. Цвѣтки колокольчатые, пятираздѣльные, съ пятью сгибами, пятизубчатые. Вкусъ имѣетъ слегка горькій, ароматическій; ростетъ въ дальней Сибири.

Звѣробой синій. Svertia rotata. Трава однолѣтняя; корешокъ имѣетъ стволъ небольшой, около полутора фута, круглый, снизу голый, кверху вѣтвистый; вѣтви попеременно выходящія; листы противоположенные, узкіе, копіевидные. Вѣтви выходятъ изъ пазухъ и содержатъ по большей части по три цвѣточка; стебельки цвѣточные продолговатые, имѣющіе по гнѣзду листочковъ. Цвѣточная чашечка состоитъ изъ пяти узенькихъ листочковъ; цвѣтки звѣздчатые, изъ пяти голубыхъ лепестковъ, едва ноготками соединенныхъ, овальныхъ, остроконечныхъ, состоящіе. Впрочемъ всѣ части травы сея гладкія. Ростетъ, начиная отъ Енисея, по всей восточной Сибири по полямъ влажнымъ и солоноватымъ въ такомъ множествѣ, что подъ исходъ августа всѣ поля голубымъ своимъ цвѣтомъ украшаетъ. Сибирскіе татары исжевавъ траву сію прикладываютъ къ ранамъ; россіяне же, для пріятной въ ней горечи и ароматическаго вкуса, употребляютъ ее въ зварѣ съ пользою. (III, 37—41).

Кофей. Coffea Arabica. 1) Бобки различной величины, овальные, съ одной стороны выпуклые, съ другой ровные; на ровной сторонѣ находится вдоль проведенный желобокъ. По разности мѣстъ, изъ коихъ привозятъ оные, различны. Употреблять кофе начали въ Европѣ подъ исходъ XVI вѣка, жженый и молотый, разваривая въ водѣ. Онъ укрѣпляетъ желудокъ, пособляетъ варенію пищи, служитъ помощію отъ головной болѣзни, зависящей отъ недоваренія въ желудкѣ, и прогоняетъ сонъ. Природная страна сего произрастенія есть счастливая Аравія и Ѳіопія, откуду въ разныхъ разведенъ мѣстахъ. Плодъ

сей родится на кустарникѣ, приносящемъ ягоды, коихъ сѣмена составляютъ кофейные бобки. 2) Напитокъ, сваренный изъ жженыхъ и смолотыхъ бобковъ кофейныхъ: «Варить *кофей*; пить *кофе*, *кофей*» (III, 882).

Въ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ словаремъ, обращаютъ на себя вниманіе тѣ мѣста, гдѣ говорится о способѣ и пользѣ употребленія того или другаго изъ произведеній природы. Подобныя указанія были совершенно въ духѣ времени, и придавали книгѣ особенную цѣну, дѣлая ее болѣе общедоступною и полезною. Даже впослѣдствіи, по истеченіи цѣлыхъ шестидесяти лѣтъ съ появленія словаря, ставили ему въ большую услугу то̀, что «при описаніи произведеній нерѣдко даются наставленія объ употребленіи ихъ съ пользою въ домашнемъ быту, для лѣченія болѣзней» и проч. [81]).

Вѣрные требованіямъ своего времени, и близко зная русскую природу и русскій бытъ, составители словаря находили умѣстнымъ вносить въ него подробности, относящіяся къ различнымъ занятіямъ и промысламъ, а также къ домашнему обиходу вообще. При словѣ *Колодица* (III, 560) описывается, какъ ловятъ соболей; при словѣ *Кляпцы* (III, 654) — какъ убиваютъ лисицъ; при словахъ *Квасъ* (III, 495) и *Кислыя щи* (III, 539) сообщается словно рецептъ, какъ приготовлять эти напитки: «*Кислыя щи* — Напитокъ, приготовляемый слѣдующимъ образомъ» и т. д.

XVIII.

При объясненіи словъ и выраженій, помѣщенныхъ въ словарѣ россійской академіи, встрѣчаются черты, относящіяся къ быту различныхъ слоевъ общества, къ народнымъ обычаямъ, повѣрьямъ, играмъ, и т. п.

— *Вѣно* — Плата, отъ жениха за невѣсту даемая, или просто выводное. Вѣроятно слово сіе, по свойству своему, означаетъ цѣну за *вѣнокъ*, поелику вышедшая замужъ лишается права носить вѣнокъ. А что встарину дѣвицы отличались отъ за-

мужнихъ вѣнкомъ, доказываютъ то у простолюдиновъ ленты и повязки, носимыя и донынѣ на головѣ, а у другихъ народовъ, напримѣръ у малороссіянъ и проч., волосы, въ косы заплетенные и на верхушкѣ головы на подобіе *вѣнка* вокругъ обвитые (I, 1005—1006).

— *Подблюдныя пѣсни*—Пѣсни, поемыя о святкахъ въ простонародіи женскимъ поломъ: всякая кладетъ въ *блюдо*, покрытое платкомъ, вещь, ей принадлежащую, загадывая свое желаніе; по пропѣтіи каждой пѣсни трясутъ блюдо, и первую попавшуюся вещь въ руку вынимаютъ. По содержанію же пѣсни заключаютъ о событіи или несобытіи загаданнаго (I, 233—234).

— *Березку завивать*—Родъ издревле употребляемыхъ забавъ въ хороводѣ, въ коемъ наиболѣе женскій полъ низкаго состоянія участвуетъ. Забавы сіи отправляются въ Семикъ и Троицынъ день. Соучаствующія дѣлаютъ складчину, изъ коей пріуготовляютъ столъ; срубленную березу ставятъ посреди хоровода, украшаютъ ее лентами и платками, пляшутъ около ея различно, припѣвая разныя *пѣсни, изъ коихъ многія заимствованы еще отъ язычества* (I, 129—130).

— *Уроки*—У суевѣрныхъ простолюдиновъ называется родъ припадка, которому будто бы подвергается тотъ, на кого посмотритъ кто-нибудь завистливыми глазами или похвалитъ не отъ доброжелательства (V, 140).

— *Русалка*—Такъ называли древніе славяне нимфъ, которыя почитаемы были богинями водъ и лѣсовъ (V, 224).

— *Лѣшей*—Суевѣрные простолюдины разумѣютъ подъ симъ названіемъ лѣсное чудовище, имѣющее, по ихъ мнѣнію, станъ человѣческій съ козлиными рогами, бородою и ногами, и которое будто бы когда ходитъ между травою, равняется съ нею, а въ лѣсу—съ деревьями. Ходящихъ по лѣсу людей обходитъ кругомъ съ тѣмъ, чтобъ они заблудились (III, 1365).

— *Волосянка*—Родъ дѣтской простонародной забавы, въ которой, начавъ какой-нибудь напѣвъ, тянутъ голосъ не преры-

вая, и кто прежде всѣхъ перерветъ голосъ, того *за волосы* дерутъ (I, 763—764).

Въ карточной игрѣ употреблялись такія названія: Дама—*Краля*, Валетъ—*Холопъ*, Пики—*Вины*, Трефы—*Жлуди*, или *Кресты*:

— *Холопъ*—Карта игральная съ изображеніемъ мужчины, представляющаго слугу: «*Холопъ*, *хлапъ* жлудовый, червонный, винновый, бубновый; козырный *холопъ*; ходить съ *хлапа*» (VI, 568), и т. д.

XIX.

О филологическихъ взглядахъ и пріемахъ временъ перваго словаря россійской академіи можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

На словарь смотрѣли какъ на одну изъ частей того четверокнижія, въ составленіи котораго заключалась главная цѣль россійской академіи, указанная первоначальнымъ начертаніемъ или уставомъ академіи. Изданіе словаря считалось необходимымъ въ той же мѣрѣ, какъ изданіе грамматики, риторики и піитики. Подобно имъ, словарь долженъ былъ служить существеннымъ пособіемъ для краснорѣчія: только при помощи словаря можно безошибочно опредѣлить въ чемъ заключается обиліе, красота, важность и сила языка, и «пользоваться ими въ произведеніяхъ разума съ безсомнѣнною точностію, могущею послужить для подражанія примѣромъ» [82]). Поэтому при составленіи словаря принято за правило «отличать слова, въ возвышенномъ и среднемъ слогѣ и проч. употребляемыя; отдѣлять слова, въ сообществѣ благородныхъ людей слышимыя, отъ словъ, между простонародіемъ токмо употребительныхъ, и все сіе сопровождать точными и ясными опредѣленіями и примѣрами» [83]).

Особенныя, часто неопредолимыя затрудненія представляло словопроизводство. При тогдашнемъ состояніи сравнительной филологіи въ Европѣ вообще, нельзя было и ожидать отъ нашего

словаря строго выдержанной методы и безусловно вѣрныхъ выводовъ. Отсутствіе филологической подготовки ярко обнаруживается во многихъ случаяхъ. Въ средѣ членовъ академіи не было лицъ, исключительно посвятившихъ себя филологіи. Вслѣдствіе этого приходилось обращаться къ посторонней помощи и, разумѣется, не всегда удачно. Теряясь въ догадкахъ о происхожденіи слова, вызвавшаго продолжительныя и оживленныя пренія, Богдановичъ обѣщалъ посовѣтоваться съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, искуснымъ въ славянскомъ корнесловіи, и т. п. Но несмотря на невысокій уровень филологическихъ знаній вообще, нельзя не признать за членами россійской академіи весьма настойчиваго стремленія доискаться истины, т. е. дѣйствительнаго или по крайней мѣрѣ весьма вѣроятнаго корня того или другаго слова. Доказательствомъ служатъ многочисленныя мнѣнія, устныя и письменныя, по поводу спорныхъ вопросовъ словопроизводства. Довольно указать на слова *Память* и *Воскресеніе*, для опредѣленія которыхъ потребовался цѣлый рядъ засѣданій, иногда весьма бурныхъ, пока наконецъ не пришли къ тому заключенію, что слово *Память* происходитъ отъ глагола *Мню*, а *Воскресеніе* — отъ древняго корня *Кресъ*, означавшаго *Жизнь*, [84]) и т. п.

Смутныя понятія о сродствѣ языковъ, замѣчаемыя даже въ трудахъ, пользовавшихся большимъ почетомъ въ европейской литературѣ, отразились и въ словарѣ россійской академіи. Главнымъ и едва ли не единственнымъ для нея руководствомъ въ области сравнительной филологіи служилъ знаменитый въ свое время трудъ Екатерины II — «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы». Вѣроятно, на основаніи этого источника полагали, что слова: *братъ*, *сила* и пр., заимствованы изъ кельтскаго языка. Но для отысканія корней совѣтовали обращаться преимущественно къ языкамъ славянскимъ, утверждая, что «академія, обязавшись торжественно издавать *словопроизводный* словарь, меньшему подвергнетъ себя сужденію, *заимствуя корень изъ сродныхъ славен-*

скихъ языковъ, нежели ставя слова ясно сложныя за коренныя» и т. д. [85]).

Въ академическомъ собраніи былъ возбужденъ вопросъ, не происходятъ ли слова: *подобный*, *удобный*, *надобный* и проч. отъ старинаго славянскаго слова *Доба*, означавшаго *Время*, да и въ св. писаніи «*нѣкоторыя* мѣста означаютъ словомъ *подобный* пристойное къ чему время, напримѣръ: Искаше *подобна времене*, да предастъ» и проч. Собраніе признало правильнымъ такое производство, и въ академическомъ словарѣ подъ кореннымъ словомъ *Доба* помѣщены производныя: *Надобный*, *Подобный*, *Удобный*, и др.

— *Доба*—Въ языкахъ отъ славенскаго произшедшихъ, оставшееся, и значащее: время, пора, случай; также: возрастъ вѣсъ: «*Доба* намъ отъ сна встати; *доба* младости; къ *добѣ* приспѣвати» (II, 690).

— *Ботъ*—Палка. Въ семъ знаменованіи реченіе сіе у насъ вышло изъ употребленія, а осталось у другихъ нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ (I, 300—301). Отсюда: *Батогъ* и др. (I, 301—302).

— *Гай*—Роща. Слово сіе во многихъ славенскихъ нарѣчіяхъ и въ Малороссіи донынѣ употребительно (II, 16).

Нѣсколько собраній было посвящено разсмотрѣнію вопроса, откуда происходятъ слова: *Ударъ*, *Одежда*, *Разоряю*, *Шествую*, и др.

Что касается словъ: *Ударъ*, *ударяю*, и проч., «то собраніе, входя въ разбирательство сихъ словъ, и не находя другихъ, отъ нихъ происходящихъ,—ибо сложныя, отъ нихъ происходящія, всегда удерживаютъ глаголъ *Ударяю*, напримѣръ: *Ударить*, сложн. *Пріударить*, — судило оставить ихъ коренными».

Слово *Одежда* одни производили отъ глагола *Дѣваю*, подобно тому, какъ *Облаченіе*, *Облекаю* произведены были отъ *Влеку*; другіе—отъ глагола *Дѣю*, потому что *Дѣваю* самъ по себѣ показываетъ учащеніе [86]). Первое мнѣніе одержало верхъ: въ сло-

варѣ *Одежда, Одѣваю* и проч. поставлены подъ коренным *Дѣваю* (II, 857—866).

Глаголъ *Разоряю* одни производили отъ корня *Зорю*, другіе—отъ корня *Орю*, замѣчая, что если бы онъ происходилъ отъ *Зорю*, то въ соединеніи съ предлогомъ *раз*, удваивалъ бы букву *з*—писался бы: *Раззоряю*; но и въ церковныхъ книгахъ и въ древнихъ лѣтописяхъ въ глаголѣ этомъ пишется одно, а не два *з* [87]).

Глаголъ *Шествую* признали первоначально коренным, подобно глаголу *Шагаю*, [88]) но впослѣдствіи отнесли къ производнымъ, и помѣстили подъ корнемъ *Иду*. Неопредѣленное наклоненіе: *Итти* (а не *Идти*). (III, 205, 211).

О глаголѣ *Бываю* возникло сомнѣніе, поставить ли его подъ буквою *Б* или же подъ буквою *Е* при глаголѣ *Есмь*, отъ котораго онъ *вѣроятно* происходитъ. «Но какъ многія, отъ *Бываю* происходящія слова, напримѣръ: *Позабываю*, весьма далеко отъ глагола *Есмь* устраняются, то опредѣлено, для большей удобности, оставить его со всѣми, отъ него происходящими, въ своемъ мѣстѣ, упомянувъ токмо, что онъ отъ глагола *Есмь* происходитъ» [89]). Въ словарѣ не упомянуто объ этомъ происхожденіи, и при глаголѣ *Бываю* указаны слѣдующія формы: *Бываю, былъ, буду, бывать, быть* и пр. (I, 396).

— *Азъ*—Въ древнихъ книгахъ рукописныхъ, а особливо въ духовныхъ завѣщаніяхъ, вмѣсто *Азъ* писали *Язъ* (I, 12).

— *Де*—Частица несклоняемая, позади имени полагаемая, и въ просторѣчіи токмо употребляемая, когда мы другому пересказываемъ приказанье чье: «Онъ велѣлъ мнѣ тебѣ сказать, что я *де* тебя не слушаю, и угрозъ *де* твоихъ не боюсь» (II, 572).

— *Княжъ*—Во образѣ нарѣчія встарину и доднесь употребляется въ приказныхъ и другихъ письменныхъ производствахъ, прилагаемое къ отечеству какого-либо князя, княгини или княжны, для означенія непрерывнаго княжескаго рода или поколѣнія: «Князь Иванъ, *Княжъ* Ивановъ сынъ» и проч. (III, 668—669).

Отъ корня *Дубъ* происходитъ слово *Дубасъ* — Родъ одежды, подобной сарафану, употребляемой въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи, и названной потому, что красятъ въ *дубовомъ* листу (II, 781—783).

— *Армякъ* — Ткань изъ верблюжьей шерсти и одежда, сдѣланная изъ этой ткани, получившей названіе *вѣроятно отъ Арменіи*, откуда ее привозили сначала (I, 47).

— *Беремя* — Отъ славянскаго *Бремя* (I, 131).

— *Блѣдъ* — Славянск. Нынѣ употребляется вмѣсто его *Блѣдный* (I, 232).

Отъ корня *Для*, въ старин. употребл. *Дѣля* — *Богадѣльня* (II, 685—686).

Отъ корня *Мохъ* — *Замша* (IV, 276, 278).

Отъ корня *Мошна* — *Мошенникъ* (IV, 280—281).

Отъ корня *Полъ* (половина) — *Уполъ* — Влажность, каковыя снимаются изъ сосудовъ во время приготовленія кушанья и доливаются опять оною, когда выкипятъ (IV, 285—287).

Отъ *Ухо* — *Обухъ*, *Оплеуха*, *Ушатъ* (VI, 460—463).

Отъ *Треба* (знач. *Жертва*) — *Требую*, *Истребляю*, *Отруби* (VI, 241—247).

Отъ *Лѣзу* — *Лазутчикъ* (III, 1347—1348).

Отъ *Колѣю* (знач. *Зябну*) — *Околѣть* (III, 741—742).

Отъ *Липкій* — *Льну*: «Смола липнетъ, *льнетъ* къ рукамъ» (III, 1216—1218).

Отъ *Кучусь* (знач. *Прошу убѣдительно*) — *Скука* (III, 1102—1103).

Отъ *Садню* (знач. *Оцарапливаю*) — *Досада* (V, 300—301).

Отъ глагола *Рѣти* (знач. *Течь*) — *Обрѣтаю*, *Изобрѣтаю*, *Пріобрѣтаю* (V, 263—265).

Отъ *Радъ* — *Радѣю*, *Радушный* (V, 22—23).

Отъ *Ницъ* (знач. *Лицомъ къ землѣ*) — *Проницаю*, *Вникаю*, *Изнанка* (IV, 534—536).

Отъ *Нзу* (старин.; знач. *Проницаю остріемъ своимъ*) — *Вонзаю*, *Заноза* (IV, 520—522).

Отъ *Нуръ* (старин.; знач. *Земля*)—*Понурый; Понурность*—Наклонность, навислость: «*Понурность* горъ» (IV, 568).

Отъ *Корнъ* (старин,; знач. *Короткій*)—*Курносый* (III, 833).

— *Корконосый*—Составл. изъ стариннаго слова *Коркъ*, означающаго: малый, небольшій, недостаточный, и слова *Носъ*; употребл. въ отношеніи къ такимъ, у которыхъ носъ менѣе надлежащей мѣры (III, 821—822).

— *Кургузый*—Составл. изъ стариннаго слова *Куръ*—Короткій и *Гуза*—Хвостъ (III, 1082).

Отъ *Ветхій*—*Ветшина*, или *Ветчина* (I, 667—669).

Отъ *Общій*—*Обтомъ*, т. е. Гуртомъ, не въ розницу (IV, 599—600).

Отъ *Мѣчу*—*Замѣчательный*, *Мѣткій* (IV, 430—432).

При опредѣленіи словъ принято за общее правило—поступать какъ можно осторожнѣе, ибо одно лишнее слово можетъ дать невѣрное понятіе объ опредѣляемомъ. Всего болѣе старались избѣгать такъ называемаго круга въ опредѣленіи, и всего чаще обращались къ синонимамъ, или *сословамъ* [90]).

— *Опытъ*—Искусъ; изслѣдованіе, производимое надъ какою-либо вещію, и пр. (IV, 1239).

— *Искусъ*—Опытъ; испытаніе и пр. (III, 1108).

— *Народъ*—Языкъ; племя и пр. (V, 43).

— *Языкъ*—Народъ, племя (VI, 1037—1038).

— *Садъ*—Вертъ, вертоградъ, и пр. (V, 308).

— *Вертъ*—Огородъ, садъ (I, 625).

— *Снуръ*—Гайтанъ; витая или плетеная веревочка, и пр. (V, 625).

— *Гайтанъ*—Снурокъ небольшой мѣры, и пр. (II, 16).

Нѣкоторые изъ членовъ россійской академіи предлагали сдѣлать различіе между словами: *Цвѣтъ*—Color и *Цвѣтъ*—Flos, а также между словами: *Дерево*—Arbor и *Дерево*—Lignum, и условились писать: *Цвѣтъ*—въ смыслѣ Flos, и *Цветъ*—въ смыслѣ Color. Но различіе это не было удержано въ словарѣ, принявшемъ въ обоихъ случаяхъ начертаніе *Цвѣтъ* [91].

Во многихъ словахъ допускается двоякое начертаніе, какъ напримѣръ:

Р*а*внина и Р*о*внина. V. 14.—Р*а*знь или Р*о*знь. V. 62.—Р*а*зница или Р*о*зница. V. 63.—Т*а*варъ или Т*о*варъ. VI. 5. (Т*а*варищъ. VI. 6).—Ст*о*канъ или Ст*а*канъ. V. 740.—Стерв*о* или Стерв*а*. V. 730.

Р*а*вняю и Р*о*вняю. V. 15.—Р*а*сту или Р*о*сту. V. 73.—Обстр*а*иваюсь и Обстр*о*иваюсь. V. 894.—Ч*а*рдакъ или Ч*е*рдакъ. VI. 664.—Кр*а*хмалъ или Кр*у*хмалъ. III. 927.—Ч*е*лнъ или Ч*о*лнъ. VI. 688.—Ч*е*ска или Ч*о*ска. VI. 746.—Ч*е*рствый или Ч*о*рствый. VI. 715.—Щ*е*голь и Щ*о*голь. VI, 945.—Щ*е*ка или Щ*о*ка. VI. 948.

Ш*е*коладъ или Ш*о*коладъ. VI. 866.

Хл*е*щу или Хл*ы*щу. VI. 551.—Охл*е*стать или Охл*ы*стать. VI. 552.—Кл*е*ну или Кл*яну*. III. 656. Кл*е*нусь и Кл*я*нусь. III. 656.—М*е*здра или М*я*здра. IV. 83.

Св*и*рѣпый или Св*е*рѣпый. V. 360.—Ута*е*ваюсь и Ута*и*ваюсь. VI. 15.

Кр*и*нка или Кр*ы*нка. III. 954.

Р*и*торика и Р*е*торика; Р*и*торъ или Р*е*торъ. V. 147.

Стр*о*гаю или Стр*у*гаю. V. 902.—С*о*да или С*у*да. V. 634.—Т*о*мпакъ или Т*у*мпакъ. VI. 171.—К*о*кушка или К*у*кушка. III. 699.

Пл*ы*ву и Пл*о*ву. IV. 918.

Т*у*льпанъ или Т*ю*льпанъ. VI. 322.

Осмы*к*ать или Осмы*г*ать. IV. 358.

Пу*г*ало или Пу*ж*ало. IV. 1170.—Напу*г*ать или Напу*ж*ать. IV. 1171.

По*ч*ва или По*ш*ва. IV. 1018.—Подчер*ч*иваю или Подчер*к*иваю. VI. 722.

Пу*ск*аю, Опу*ск*аю и Пу*щ*аю, Опу*щ*аю. IV. 1180, 1188.

*С*люзъ или *Ш*люзъ. V. 586.—*С*пинатъ или *Ш*пинатъ. V. 669.

Ма*т*ематика или Ма*ѳ*ематика. IV. 56.—Хрисоли*ѳ*ъ и Хрисоли*т*ъ. VI. 592.

Ма*х*ина и Ма*ш*ина. IV. 62.

Ш*к*ворень и Ш*в*орень. VI. 892. — Хлопокъ и *Ох*лопокъ. VI. 555.

Богослові*е* и Богослові*я* (V, 539).

Нажи́вн*ой* и Нажи́вн*ый* (II, 1138).

Промѣн*ъ* и Промѣн*а*; Размѣн*ъ* и Размѣн*а* (IV, 397—398).

Вліяніе въ и *на*: «Имѣть *вліяніе въ* общенародныя дѣла; Воспитаніе имѣетъ *вліяніе на* всю прочую жизнь» (III, 1231—1232) и т. д.

Глаголы рѣшено ставить въ настоящемъ времени, между прочимъ, на томъ основаніи, что славянскій языкъ «много занимаетъ въ свойствѣ словъ отъ языка греческаго, почему и нужно держаться свойства онаго; но въ греческихъ словаряхъ всѣ глаголы пишутся въ настоящемъ времени» [92]).

Вопросъ о помѣщеніи причастій въ словарѣ послужилъ поводомъ къ весьма продолжительнымъ преніямъ. Одни изъ членовъ академіи предлагали вовсе исключить причастія; другіе находили нужнымъ удержать только причастія страдательныя; третьи ограничивались причастіями, происходящими отъ глаголовъ неправильныхъ, и т. д. Необходимость помѣщенія страдательныхъ причастій, доказывали преимущественно тѣмъ, что они употребляются въ смыслѣ прилагательныхъ, и соединяясь съ существительными, даютъ имъ опредѣленное значеніе: *Вареная, жареная* рыба; *Шитое* платье; *Браный* колосъ, и проч. Касательно причастій отъ глаголовъ неправильныхъ возникло сомнѣніе, какіе именно глаголы считать неправильными. Порѣшили считать *неправильными* тѣ причастія, которыя «въ разныхъ временахъ отъ общихъ правилъ въ перемѣнѣ временъ удаляются»; тѣже, которыя «въ одномъ только времени или лицѣ отступаютъ, назвать *исключительными*», и т. д. [93]).

Различныя мнѣнія высказаны были и по вопросу о буквахъ *З* и *С* въ сложныхъ словахъ. Нѣкоторые изъ членовъ академіи, «утверждая свое мнѣніе грамматическими и другими старинными книгами», предлагали писать *с* во всѣхъ безъ исключенія словахъ, сложныхъ съ предлогами: *воз* или *вз*, *из*, *низ*, *раз*, *без* и пр.

Другіе совѣтовали держаться словопроизводства, потому что если дать волю выговору, то у всякаго родится свое правописаніе. Наконецъ многіе были того мнѣнія, чтобы слѣдовать правописанію церковныхъ книгъ, въ которыхъ передъ мягкими согласными: *Б, Г, Д, Ж, З*, и плавными: *В, Л, М, Н, Р*, употребляется *З*, напримѣръ: *Возбудить, Возглаголать, Воздержать, Возложить, Изрещи*, и пр.; передъ согласными же твердыми: *К, П, Т, Х, Ц, Ч*,—*С*: *Воскликнуть, Воспріять, Исходить, Истереть, Сцѣпиться, Расчитывать*, и пр. Исключеніе должны составлять слова, сложныя съ предлогами *Без* и *Низ*, и удерживающія вездѣ *З*, и т. д. Опредѣлено: послѣдовать правиламъ, изложеннымъ въ грамматикѣ Ломоносова и сообразнымъ съ употребленіемъ этихъ буквъ въ книгахъ церковныхъ [94]).

Относительно *ъ* и *ь* въ окончаніи именъ мужескаго рода «изъ сообщенныхъ членами мнѣній выведено и постановлено правиломъ», чтобы *ъ* ставить въ тѣхъ именахъ, которыя въ родительномъ падежѣ оканчиваются на *а*, а *ь*—въ именахъ, оканчивающ. въ родительн. на *я*: *Плачъ — Плача; Овощъ — Овоща; Гость — Гостя; Груздь — Груздя*, и пр. [95]).

XX.

Въ вопросахъ литературныхъ россійская академія руководствовалась тѣми началами, на которыхъ построена была такъ называемая ложно-классическая теорія. Главная роль въ развитіи и распространеніи этихъ началъ принадлежитъ, какъ извѣстно, французскимъ писателямъ. Трудами ихъ пользовались и составители словаря россійской академіи. Помѣщенныя въ немъ опредѣленія словъ, относящихся къ области словесныхъ наукъ, заимствованы, съ большими или меньшими измѣненіями, изъ словаря французской академіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно и вліяніе Ломоносова, указавшаго особенности различныхъ родовъ слога.

— *Словесныя науки*—Науки, касающіяся до свойства и

чистоты языка какого, въ коихъ заключаются: грамматика, витійство и стихотворство (V, 536).

— *Словесность*—Знаніе, касающееся до словесныхъ наукъ. (V, 536).

— *Словесникъ*—Сильный, искусный въ знаніи языка какого (V, 536).

— *Писатель*—Сочинитель (IV, 829).

— *Проза*—Простая рѣчь. Проза противуполагается Стихотворенію. *Преложеніе*—Превращеніе *простой рѣчи* въ стихи (IV, 1087; III, 1287).

— *Штиль*—Слогъ; образъ сочиненія, писанія: «Слогъ важный, высокій, средній и низкій» (VI, 916—917; III, 1292).

— *Низкій слогъ*—Слогъ, наполненный словами простонародными (IV, 528).

— *Чертогъ*—Реченіе, употребляемое въ *важномъ* слогѣ (VI, 717).

— *Эклога*—Родъ пастушескаго стихотворенія, въ которомъ обыкновенно представляются разговаривающіе пастухи (VI, 1005).

— *Противоположность*—Въ словесныхъ наукахъ: Совершенное противорѣчіе въ свойствахъ человѣческихъ и обстоятельствахъ житейскихъ для извлеченія средины изъ сихъ двухъ крайностей: «Скупой и расточитель, введенные въ *противоположность*, подаютъ наставленіе къ бережливости и щедротѣ» (III, 1281).

Словарь россійской академіи.

Поэзія—Стихотворство (IV, 1023; V, 737—738).

1) Наука изображать стихами мысли свои, описывать предметы, чувствамъ нашимъ подлежащіе, или отвлеченные. *Руководство къ стихотворству.*

Словарь французской академіи.

Poésie — L'art de bien raconter ou représenter en vers les actions et les passions humaines sous des fictions ingénieuses. *La poésie est appelée le langage des dieux.*

Словарь россійской академіи.

Учить, обучаться стихотворству. Стихотворство именуется языкомъ боговъ.

2) Сочиненіе, стихами писанное. *Высокость, превосходство стихотворства. Красоты стихотворства. Упражняться въ стихотворствѣ. Имѣть даръ, склонность къ стихотворству.*

Стихотворство лирическое, въ которомъ заключаются оды и другія небольшія сочиненія, въ похвалу пишемыя.

Стихотворство драматическое, въ которомъ заключаются трагедіи, комедіи и другія лицедѣйственныя сочиненія, представленія.

Стихотворство эпическое, къ которому относятся поэмы эпическія или героическія.

Стихотворство издѣвочное, которое шуточнымъ образомъ описываетъ разные предметы и проч.

Поэма — стихотворское сочиненіе о важномъ какомъ предметѣ. (IV. 1023).

Словарь французской академіи.

Poésie — L'art de faire des ouvrages en vers.

On appelle *Poésie lyrique* celle des odes et des poèmes faits pour être mis en chant.

Poésie dramatique — celle des tragédies, et autres pièces que l'on représente sur le théâtre.

Poésie épique — celle qui regarde le poème épique.

On appelle *Poésie burlesque* celle qui traite son sujet d'une manière burlesque. *Burlesque* — qui est propre pour la raillerie.

On appelle *Poème épique*, *poème héroïque* un grand poème, où l'on raconte quelque action grande et heroïque, que l'on embellit de fictions ingenieuses et d'evenemens merveilleux. (Изд. 1694 г. II, 263).

Словарь россійской академіи.	Словарь французской академіи.
Эпопея—самое высокое стихотвореніе, въ которомъ описывается важное цѣлаго народа или всего человѣческаго рода происшествіе. Иначе *Поэма*. (VI. 1007).	*Epopée*—Poème épique. (Изд. 1718 г. I, 562).
Ода—Родъ пѣсносложенія лирическаго, раздѣленнаго на строфы, состоящія изъ стиховъ одинаковыя мѣры и числа. Слогъ ея долженъ быть важный и возвышенный. *Пиндаровы, Горацiевы, Ломоносовы оды. Написать, сочинить оду.*	*Ode*—Sorte de poème lyrique divisé par strophes ou stances de memê mesure, et de même nombre de vers, et dont ordinairement le style doit être noble et élevé.... *Les odes de Pindare, d'Horace de Malherbe. Faire une ode; composer une ode.* (Изд. 1694 г. II, 139;—1762 г. II, 237).
Одическій. Приличный, свойственный одамъ. *Одическій слогъ* (IV. 618).	
Элегія. Стихотвореніе печальное и плачевное. *Сочинять элегіи. Элегіи Овидіевы, Тибулловы*. (VI. 1005—1006).	*Élegie* — Espèce de poésie qui s'emploie dans les sujets tristes et plaintifs, principalement dans ce qui regarde l'amour. *Composer une élegie....* (Изд. 1740 г. I, 560).
Сонетъ. Родъ стихотворенія, состоящаго изъ нѣкотораго числа стиховъ, раздѣленныхъ на два четверостишія и на два тристишія. *Сонеты Петрарховы. Сочинить сонетъ въ похвалу кому*. (V. 652).	*Sonnet* — Ouvrage de poésie composé de quatorze vers distribués en deux quatrins et deux tercets; les deux quatrins étant sur deux rimes seulement... *Composer un sonnet à la louange d'un tel... Les sonnets de Petrarque....* (Изд. 1694 г. II, 488).

Словарь россійской академіи.

Сатира. Сочиненіе, прозою или стихами написанное, въ которомъ язвительными и острыми мыслями и краснымъ слогомъ стараются привесть въ омерзеніе порокъ, страсти, или недостатокъ, осмѣеваемыя предъ всѣми. *Сатиры Гораціевы. Сатиры Ювеналовы, Кантемировы. Написать сатиру прозою, стихами.* (V. 344).

Эпиграмма. Небольшее стихотвореніе, состоящее изъ нѣсколькихъ стиховъ и изъ одной острой мысли, которыя самая сущность или острота заключается обыкновенно въ послѣднемъ стихѣ. (VI. 1006—1007).

Драма. Лицедѣйственное сочиненіе, представляющее печальное происшествіе, и разнствуетъ тѣмъ отъ трагедіи, что въ драмѣ представляются обыкновенныя въ житіи приключенія. *Сочинить, представить драму.* (II. 743).

Трагедія. Лицедѣйственное сочиненіе или представленіе, заключающее въ себѣ какое-нибудь важное дѣяніе, происходящее между знаменитыми особами, удобное къ возбужденію страха или сожалѣнія, и

Словарь французской академіи.

Satyre (*Satire*)—Ouvrage en prose ou en vers, fait pour reprendre, pour censurer les vices, les passions déréglées, les sottises, les impertinences des hommes, ou pour les tourner en ridicule. *Satire en prose, satire en vers. Satires d'Horace, de Juvenal. La satire Ménipée. Faire une satire...* (Изд. 1694 г. II, 443; — 1762 г. II, 684).

Epigramme—Espèce de petite poésie, qui consiste ordinairement dans une seule pensée, dont la force est presque toute dans les derniers vers. (*Перв.* I, 378).

Drame—Poème composé pour le théâtre et représentant une action soit comique, soit tragique. L'unité d'action, l'unité de temps et l'unité de lieu sont les principales règles du Drame. (Изд. 1740 г. I, 530).

Tragédie — Poème dramatique, pièce de théâtre, qui représente une action grande et sérieuse entre des personnes illustres et propre à émouvoir la terreur ou la pitié (la compassion) et qui finit d'ordinaire

Словарь россійской академіи.

оканчивающееся обыкновенно печальнымъ какимъ-нибудь происшествіемъ. *Сочинить, представить трагедію. Трагедіи Софокловы, Эврипидовы, Корнеліевы, Расиновы.* (VI. 235).

Комедія. Греч. 1) Представленіе нравовъ и обычаевъ человѣческихъ, въ дѣйствіе приведенныхъ. *Шутливая, смѣшная комедія. Играть комедіи. Сочинять, писать комедіи. Комедія въ стихахъ, въ прозѣ. Комедія въ одномъ, въ пяти дѣйствіяхъ. Древніе писатели комедій были Аристофанъ, Плавто и Терентій.*

2) Самое то мѣсто, зданіе, гдѣ представляются комедіи. *Итти въ комедію. Быть въ комедіи.* (III. 760).

Траги-комедія. Греч. Лицедѣйственное сочиненіе, разнящееся отъ комедіи тѣмъ, что въ ономъ представляются знаменитыхъ особъ бѣдственныя приключенія, имѣющія счастливое окончаніе. (III. 761).

Призываніе. Въ правилахъ ироическія поэмы называется *Призываніемъ*, или *Взываніемъ*, обращеніе къ лицу, когда стихотворецъ проситъ себѣ въ по-

Словарь французской академіи.

par quelque événement funeste. (Изд. 1694 г. II, 583;—1718 г. II, 795).

Comédie—Poème dramatique, pièce de théâtre, représentant quelque action de la vie humaine qui se passe entre des personnes privées. (Изд. 1694 г. I, 212).

Tragi-Comédie — Pièce de théâtre représentant quelque action sérieuse entre des personnes illustres qui passent d'un grand péril à une fin heureuse. (Изд. 1694 г. I, 212;—1718 г. II, 720).

On appelle *Invocation* dans le poème épique les vers par lesquels on s'adresse à quelque Puissance divine ou humaine pour lui demander son secours,

Словарь россійской академіи.	Словарь французской академіи.
мощь вдохновеніе отъ музъ, Аполлона, премудрости и проч. *Призываніе слѣдуетъ непосредственно послѣ предложенія.* Наприм.: Къ тебѣ я вопію, премудрость безконечна. М. Лом. или О ты, летающій превыше свѣтлыхъ звѣздъ, Стихотворенья духъ! приди отъ горнихъ мѣстъ. М. Хер. Росс. (III. 122).	sa protection. (*Перв.* II, 656).— (Изд. 1694 г. II, 656).
Пою. Стихотворцы относительно къ эпическимъ твореніямъ глаголъ сей употребляютъ вмѣсто: *повѣствую*, описывая славныя дѣла какого-либо ироя, славныя происшествія. *Омиръ пѣлъ Ахиллесовъ гнѣвъ и Троянскую брань. Ломоносовъ пѣлъ дѣла Петра Великаго.* (IV. 1027—1028).	*Chanter* — Les poètes, principalement dans leurs poëmes épiques et liriques, disent qu'*Ils chantent*, et ils commencent d'ordinaire leurs poëmes par ces mots: *Je chante* (Изд. 1694 г. I, 166).

XXI.

Изъ словарей, предшествовавшихъ словарю россійской академіи, весьма важнымъ пособіемъ при его составленіи служилъ Церковный словарь протоіерея Алексѣева [96]). Толкованія, предлагаемыя авторомъ, признавались вполнѣ вѣрными и основательными. Трудъ его восхваляли и въ стихахъ и въ прозѣ. Въ одной изъ надписей къ словарю говорится:

Всѣ россійскихъ странъ ученыя свѣтила
Гласятъ, что *словъ его толкъ справедливъ и сила.*

Мы уже представили подробное обозрѣніе этого замѣчательнаго труда [97]). Намъ остается сдѣлать общій выводъ объ отношеніи его къ словарю россійской академіи.

Внутренняя связь между словаремъ прот. Алексѣева и словаремъ россійской академіи обнаруживается въ ихъ литературной цѣли и въ ихъ литературномъ значеніи для своего времени. По убѣжденію тогдашнихъ критиковъ, словарь прот. Алексѣева заключалъ въ себѣ существенно-полезные матеріалы нетолько для знакомства съ церковными книгами, но и для развитія отечественнаго языка, судьбы котораго неразрывно связаны съ языкомъ церковно-славянскимъ. Вслѣдствіе этого, изданіе словаря прот. Алексѣева приняли на себя члены *Вольнаго россійскаго собранія*, задача котораго состояла въ «исправленіи и обогащеніи» русскаго языка и въ составленіи «правильнаго россійскаго словаря». Издавая трудъ прот. Алексѣева, Вольное россійское собраніе полагало, что оно оказываетъ большую услугу нашимъ поэтамъ, ораторамъ и историкамъ — естественнымъ оберегателямъ чистоты и красоты русскаго литературнаго языка.

Подобно словарю россійской академіи, въ словарѣ прот. Алексѣева славянскій языкъ называется *книжнымъ*, а русскій— *простымъ*.

— *Колоколъ* — Покнижному: *Кампанъ*, или *Клепало* (стр. 138—139).

— *Велблудъ*—Просто: *Верблюдъ* (37).

Въ словарѣ россійской академіи: *Велблюдъ*—Въ просторѣчіи: *Верблюдъ* (I, 584), и т. д.

Опредѣленія многихъ словъ, въ томъ и другомъ словарѣ, представляютъ бо́льшее или меньшее сходство между собою; примѣры и ссылки въ обоихъ словаряхъ — нерѣдко одни и тѣже.

Словарь прот. Алексѣева.	Словарь россійской академіи.
— *Азъ* — Въ церковныхъ книгахъ вмѣсто *Я* употребляется, а въ старинныхъ рукописныхъ значится *Язъ*, а не *Азъ* и не *Я*: «Се *язъ*, рабъ Божій» и проч. (стр. 5).	— *Азъ* — Значитъ: *Я*. Въ древнихъ книгахъ рукописныхъ, а особливо въ духовныхъ завѣщаніяхъ, вмѣсто *Азъ* писали *Язъ*: «Се *язъ*, рабъ Божій князь Василій» и проч. Нынѣ употребляется вмѣсто его *Я* (I, 12).
— *Богъ видитъ* — Образецъ простонародной клятвы, то есть божбы, для утвержденія истины. Чин. исповѣд. Лист. 15 (Продолженіе. стр. 24).	— *Богъ видитъ* — Образъ божбы для утвержденія истины. Чин. исповѣд. Лист. 15 (I, 248).
— *Босманъ*, или *Босмана* — Дорожная пища, хлѣбъ и прочія снѣди. Прол.; ноябр. 21: «Еже ношаше *босманы* старецъ» (Продолженіе. стр. 25).	— *Босма́нъ*, или *Босма́на* — Дорожная пища, какъ-то хлѣбъ и проч.: «Еже ношаше *босманы* старецъ». Прол.; ноябр. 21 (I, 299).
— *Крестъ* — Дерево съ поперечникомъ, на которомъ злодѣевъ распинали, пригвождали, или привязывали у римлянъ. Иногда значитъ гоненіе, озлобленіе и напасть: Матѳ. X, 38. «Иже не пріиметъ *креста* своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ.... *Крестъ* же пріемлется за крестное изображеніе десною рукою, а какъ должно слагать персты, о томъ см. Скрижаль» и проч. (стр. 143).	— *Крестъ* — Столбъ, имѣющій близъ верхняго конца поперечину; у древнихъ народовъ распинаемы были на оныхъ.... Пріемлется за изображеніе, во образѣ креста десною рукою дѣлаемое.... Въ слав. языкѣ берется за гоненіе, за озлобленіе, за напасть: «Иже не пріиметъ *креста* своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ». Матѳ. X, 38 (III, 931—933).
— *Бразда* — Просто: *Бороз-*	— *Бразда* — Въ языкѣ сла-

Словарь прот. Алексѣева.	Словарь россійской академіи.
да. Псал. LXIV, 11: «*Бразды* ея упой» (стр. 32).	венскомъ означаетъ поле вспаханное: «*Бразды* ея упой» Псал. LXIV, 11: (I, 312—313).
— *Мшелъ* — Корысть, взятокъ, барышъ.	— *Мшелъ* — Корысть; неправедный прибытокъ.
— *Мшелоимецъ*—Имя, сложное изъ неупотребительнаго реченія *Мшелъ* и *Иманіе*, т. е. взятье незаконной корысти. *Мшелоимецъ* въ Писаніи за *сребролюбиваго* берется: I Тимоѳ. III, 3 (стр. 176).	— *Мшелоимецъ*—Корыстолюбецъ; кто корысть неправедную взимаетъ: «Не бійцѣ, не сварливу, не *мшелоимцу*». I, Тимоѳ. III, 3 (III, 348).

Въ указаніи корней словарь прот. Алексѣева соблюдаетъ иногда болѣе осторожности. Такъ при объясненіи слова *Тезоименитство* онъ ограничивается замѣчаніемъ: «Что же собственно значитъ *Тезо*, того въ славенскомъ языкѣ не отыскано» (стр. 339). Словарь академическій дѣлаетъ такое опредѣленіе: «*Теза*, или *Тезя* — Имя, названіе» (VI, 73—74).

Различіе, замѣчаемое между словарями, о которыхъ идетъ рѣчь, опредѣляется какъ содержаніемъ, такъ и характеромъ, или ближайшею цѣлію каждаго изъ нихъ.

Въ словарѣ россійской академіи на первомъ планѣ являлись соображенія филологическія и литературныя, состояніе и требованія отечественнаго языка и словесности. При собираніи же матеріаловъ для Церковнаго словаря и при ихъ обработкѣ, авторъ имѣлъ въ виду «высшаго рода пользу», получаемую «отъ прилежнаго чтенія и *подражанія* книгъ церковныхъ». Къ объясненіямъ богословскаго свойства присоединялись свѣдѣнія, заимствуемыя «съ бережливостію» изъ свѣтскихъ писателей и «*нравоучительныя*, по приличію мѣстъ приведенныя». Назидательная цѣль сказывается такъ или иначе при различныхъ толкованіяхъ и поясненіяхъ. Говоря о давнемъ обычаѣ обманывать

перваго апрѣля, авторъ словаря замѣчаетъ: «Начало сему постыдному обычаю произошло отъ нечестивыхъ жидовъ, кои какъ не вѣрили сперва воскресенію Христову, и научали лгать воиновъ, такъ и потомки ихъ разными выдумками силятся помрачить неоспоримую воскресенія истину. Апрѣля перваго числа, въ которое, по мѣсяцослову, Христосъ воскресъ, ибо распятъ 30 марта, сошедшись, одинъ говоритъ *Іисусъ воскресъ*, а другой, смѣючись, отвѣчаетъ: *Первое апрѣля*, т. е. неправда... Свѣдавши гнусный источникъ, изъ котораго проистекаетъ такой непотребный лганья обычай, должны благочестивые не только перваго апрѣля, но и во всякое время блюстись отъ лжи, яко Богу противной, а врагу душъ нашихъ, діаволу, угодной». (Продолж. стр. 181—182). Содержаніе Церковнаго словаря почерпнуто преимущественно, хотя отнюдь не исключительно, изъ священныхъ книгъ и богословской литературы. Составители академическаго словаря пользовались, сверхъ церковныхъ книгъ, и другими богатыми источниками — произведеніями свѣтскихъ писателей, памятниками устной словесности и языкомъ разговорнымъ въ его «повсядневномъ употребленіи», какъ выразился Ломоносовъ въ своей грамматикѣ.

Различіе въ содержаніи словарей отразилось и въ характерѣ приводимыхъ въ нихъ опредѣленій и толкованій. Особенно ярко обнаруживается оно при выборѣ тѣхъ или другихъ чертъ для опредѣленія словъ, относящихся къ области естественныхъ наукъ. Само собою разумѣется, что пріемы историка и богослова отличались отъ пріемовъ натуралиста, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ заимствованія чуть не дословны.

Словарь прот. Алексѣева.	**Словарь россійской академіи.**
— *Борíѳова трава* — Іерем. II, 22. Бѣлильщикамъ или красильщикамъ извѣстная трава, коею они вымываютъ и чистятъ	— *Бориѳова трава* — Gypsophila Struthium. Трава, бѣлильщиками или красильщиками употребляемая къ вымыванію и

Словарь прот. Алексѣева. пятны изъ суконъ. Іерон. (стр. 31).—

Словарь россійской академіи. чищенію пятенъ на сукнахъ: «Аще умыешися нитромъ, и умножиши тебѣ *травы Бориѳовы*, порочен̂ъ еси въ беззаконіяхъ твоихъ предо мною». Іерем. II, 22 (I, 285).

Въ словарѣ прот. Алексѣева:

— *Пелеканъ* — имя птицы морскія. Лев. XI, стих. 18. Съ еврейскаго языка *Кааѳъ*, по толкованію Бохартову, для того, что сія птица поглощенныя раковины паки изъ себя изрыгаетъ, дабы изъ нихъ выѣсть тѣльце, которое въ желудкѣ сварилося, выплюнувши чрепокожіе. Книг. II, гл. 24 (стр. 233).

Въ словарѣ россійской академіи:

— *Пеликанъ* — Баба-птица, Pelecanus onocratulus. Птица, величиною почти вдвое противъ лебедя, имѣющая клювъ длинный, плоскій, верхнюю челюсть при концѣ загнувшуюся крюкомъ, означенную вдоль посрединѣ выдавшимся алымъ ребромъ. Отъ глотки по всей нижней блѣдно-алой челюсти протянутъ кожаный желтоватый мѣшокъ, который птица наполняетъ рыбою, и носитъ въ гнѣздо для прокормленія дѣтей своихъ; ноги имѣетъ лапчатыя, свинцоваго цвѣта. Водится въ полуденной Россіи (I, 67).

Въ словарѣ прот. Алексѣева:

— *Мраволевъ* — Престарѣлый левъ, который не сможетъ ловить звѣрей въ пищу себѣ; для того разрываетъ муравьиное гнѣздо, и тамъ добываетъ готовую снѣдь. Просто называется *Муравейникъ*. Іов. IV, 11: «*Мраволевъ* погибе, занеже не имѣяше брашна» (стр. 175).

Въ словарѣ россійской академіи:

— *Мраволевъ* — Myrmelion formicarium. Насѣкомое съ четырью сѣтчатыми крыльями; на заднемъ опыхъ краѣ находится бѣлое пятно. Подъ симъ же названіемъ разумѣется его личинка, которая питается муравьями. На такой конецъ дѣлаетъ она въ

песку подземные проходы и на концѣ оныхъ обращенной воронкѣ подобную ямку. Бѣгаетъ задомъ, и, кусательными клещами бросая песокъ вверхъ, укрывается, и съ отверстыми челюстями ждетъ, пока муравей, ползя, обрушится въ воронку, котораго, схвативъ, высасываетъ. Живетъ по песчанымъ мѣстамъ въ Европѣ (IV, 291). — и т. д.

XXII.

Словарь прот. Алексѣва былъ, какъ мы сказали, настольною книгою у составителей словаря россійской академіи. Но собственно для *словопроизводства* они должны были обращаться къ другимъ пособіямъ, и преимущественно къ тѣмъ, въ которыхъ указаны *корни* словъ, какъ напримѣръ въ словарѣ Кондратовича и въ Целларіусѣ Гельтергофа. По поводу спорнаго вопроса о происхожденіи словъ: *воскресаю*, *воскресеніе* и пр., академическія лѣтописи сообщаютъ слѣдующее: «Нѣкоторые предлагали произвесть сіи слова отъ глагола *кресну*, поставленнаго корнемъ симъ словамъ въ *письменномъ словопроизводномъ словарѣ Кондратовича* и въ *Словопроизводномъ Россійскомъ целляріи*, напечатанномъ въ Москвѣ. Но какъ знаменованіе сего глагола ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ не объяснено, то и произвожденіе отъ него словъ: *Воскресеніе* и проч. остается сумнительнымъ [98]).

О рукописномъ словарѣ Кондратовича мы говорили выше (стр. 5—7).

Словарь Гельтергофа напечатанъ въ Москвѣ, въ 1771 году, подъ названіемъ: «Россійскій Целларіусъ, или этимологическій россійскій лексиконъ» [99]).

Авторъ Россійскаго целларіуса, пасторъ Гельтергофъ, магистръ философіи, просидѣвшій въ петербургской крѣпости около двѣнадцати лѣтъ за участіе въ политическихъ дѣлахъ и потомъ сосланный въ Казань, освобожденъ при Петрѣ III, а въ царствованіе Екатерины II получилъ мѣсто лектора нѣмецкаго

языка въ московскомъ университетѣ, по приглашенію куратора Ададурова. Около семнадцати лѣтъ онъ пробылъ въ Москвѣ въ званіи преподавателя, и къ этому-то періоду его долгой жизни относится составленіе и изданіе русскаго словопроизводнаго словаря [100]).

Цѣль этого труда самъ Гельтергофъ объясняетъ такимъ образомъ: «Что до собственнаго намѣренія въ сочиненіи лексикона сего касается, то состоитъ оное въ томъ, чтобъ любителямъ россійскаго языка учинить оный легчайшимъ; но къ полученію онаго слѣдующее наблюдать должно. Вопервыхъ потребно затвердить и въ память гораздо углубить *первообразныя* слова сея книги, особливо такія, коихъ знать болѣе нужно, и отъ коихъ *производныя* есть и *сложныя*, а потомъ начать ежедневно по листу, или сколько кому заблагоразсудится, читать со вниманіемъ, отчего вскорости можно будетъ разбирать, какъ *естественнымъ образомъ производныя и сложныя отъ своихъ первообразныхъ выводятся»* [101]). Приводимъ нѣсколько примѣровъ словопроизводства, имѣя въ виду соотвѣтствующія, указанныя нами выше, данныя въ словарѣ россійской академіи:

— Отъ первообразнаго слова *Ухо* происходятъ производныя: *Ушатъ*, *Обухъ*, *Оплеуха* (стр. 551—552).

— Отъ *Мѣчу* — *Мѣткій*, Der gut zielen kann (стр. 332).

— Отъ *Иду* — *Итти* (а не *Идти*) (стр. 188).

— Отъ *Куча*, Haufen — *Скука*, Die lange weile (стр. 258).

— Отъ *Сажаю*, Setzen, Pflanzen — *Досада*, Der verdruss (стр. 445).

Замша (стр. 172), *Обрѣтаю* (стр. 353), *Радѣю* (стр. 419) поставлены въ числѣ первообразныхъ, или коренныхъ словъ. *Заноза* находится и въ числѣ коренныхъ (стр. 172) и въ числѣ производныхъ отъ корня *Нжу*, obs. (стр. 338).

— Отъ *Ристаю*, Rennen — *Рысью* бѣжать, Den trab gehen (стр. 431). Въ словарѣ россійской академіи *Ристаю* и *Рысь*, бѣгъ конскій, признаны двумя самостоятельными корнями (V, 144—145 и 237).

Въ концѣ Целларіуса помѣщено «Прибавленіе чужестранныхъ, въ россійскомъ языкѣ принятыхъ словъ»:

— *Дышло* — Die deichsel (стр. 617).
— *Рюмка* — Ein weinglas (стр. 628).
— *Дюжина* — Das dutzent (стр. 618).
— *Миноги* — Neunaugen (стр. 625).
— *Пена* — Die strafe (стр. 627).
— *Противень* — Eine bratpfanne (стр. 627).
— *Щурупъ* — Die schraube (стр. 634).
— *Яхтя* — Das jagdschiff (стр. 634).
— *Стерхъ* — Der storch (стр. 630).
— *Струсъ* — Der vogel Strauss (стр. 630).
— *Касую, касовать* — Aufheben, abschaffen, cassieren (стр. 620).
— *Априкозъ* — Die aprikose (стр. 614).
— *Либерея* — Die liverey der bedienten (стр. 622).
— *Ливерейный* — Zur liverey gehörig (стр. 622).
— *Шпарша* — Der spargel (стр. 634).
— *Шляхтецъ* — Ein edelmann (стр. 634).
— *Апельсина* (женск.) — Appelsine (стр. 614).
— *Ракетъ* (женск.) — Die raquete (стр. 628).
— *Рапиръ* (мужеск.) — Das rapier (стр. 628).
— *Туфель* (мужеск.) — Der pantoffel (стр. 631) и т. д.

XXIII.

Въ тѣ времена, когда составлялся академическій словарь, большимъ почетомъ пользовался у насъ словарь Французской академіи, который считали произведеніемъ, въ своемъ родѣ образцовымъ. Задумавши составить полный словарь отечественнаго языка, академики наши взялись за дѣло, которое, по своей новости и сложности, требовало пособій, указаній, руководящей нити. А при тогдашнемъ состояніи литературы всего удобнѣе было обращаться къ словарю Французской академіи, въ состав-

леніи котораго участвовали писатели, заслужившіе громкую европейскую извѣстность. На многіе изъ спорныхъ вопросовъ, неизбѣжно возникавшихъ одинъ за другимъ, имѣлись готовые отвѣты, выраженные опредѣленно и ясно, какъ и слѣдовало ожидать по складу французскаго ума.

Еще до учрежденія россійской академіи, Общество, старавшееся о переводѣ иностранныхъ полезныхъ книгъ на русскій языкъ, предприняло переводъ словаря французской академіи. Вышло только начало — буква *А*:

— *Ame* — *Оживляющее* всякую вещь существо.

— *Ame végétative* — *Оживлетворяющее* растенія существо.

— *Ame sensitive* — *Оживлетворяющее* животныхъ существо.

— *Amour divin* — *Неописанная* любовь.

— *Mourir d'amour* — Умирать *съ* любви.

— *Azot* (у алкимистовъ) — Ртуть, и т. д.[102]).

При составленіи словаря россійской академіи члены ея часто обращались къ словарю французской академіи, и хотя и слышались голоса, указывавшіе недостатки этого труда и предостерегавшіе отъ подражанія ему, но обойтись безъ него оказывалось почти невозможнымъ. Болтинъ предлагалъ, чтобы «для большаго совершенства словаря и точнѣйшаго утвержденія знаменованія словъ и рѣчей прибавлять *столько примѣровъ, сколько есть случаевъ, въ какихъ опредѣляемое слово употребляться можетъ, — въ чемъ главнѣйшее совершенство состоитъ словаря французской академіи*». Предложеніе это, какъ мы видѣли, отклонено было между прочимъ на томъ основаніи, что «свойство языка россійскаго отъ французскаго далеко отстоитъ» [103]). Въ первоначальномъ планѣ словаря сказано было, что не должно объяснять слова, означающія «всеобщія существъ собственности, напримѣръ: *Бытіе*, *Пространство*, *Время* и проч.». На это нѣкоторые изъ членовъ возражали, что всѣ подобныя слова «*въ толковомъ словарѣ французской академіи объяснены, чего и намъ держаться надобно*». Но кн. Дашкова замѣтила, что «въ семъ случаѣ сло-

варь французской академіи правиломъ намъ служить не можетъ, потому что въ немъ *много есть такихъ объясненій, которыя болѣе затмеваютъ смыслъ словъ, нежели объясняютъ* оный, и сначала сила словъ яснѣе понимается, нежели по прочтеніи объясненія» [104]). Тѣмъ не менѣе словарь французской академіи послужилъ въ большей или меньшей степени примѣромъ при объясненіи многихъ словъ, даже и тѣхъ, которыми обозначаются общія свойства вещей. Уже самое то обстоятельство, что подобныя слова *объяснены*, указываетъ, что примѣръ французской академіи оказалъ свое дѣйствіе.

Словарь россійской академіи.	**Словарь французской академіи.**
— *Бытіе* — Существованіе, дѣйствительность того, что есть или находится: «Вся сотворенная являютъ *бытіе* Бога. Богъ міръ сей изъ небытія привелъ въ *бытіе*» (I, 396).	— *Etre* — Ce qui est. Signifie aussi Existence: «C'est Dieu qui nous a donné *l'être*» (Изд. 1694 г. I, 408. — 1762 г. I, 683).
— *Пространство* — Обширность; мѣсто, во всѣ стороны протяженное: «*Пространство* государства. Малое, *великое пространство*. Всякая вещь извѣстное занимаетъ въ мірѣ *пространство*» (V, 856).	— *Espace* — Etendue de lieu depuis un certain terme jusqu'à un autre: «*Grand espace*. Long espace. Espace vide. Espace rempli»... (Изд. 1694 г. I, 392).
— *Время* — Послѣдованіе бытія вещей: «*Время течетъ. Время все поглощаетъ*. Прошедшаго времени возвратить не можно. *Онъ не знаетъ цѣны времени*» (I, 921).	— *Temps* — La mesure du mouvement; ce qui mesure la durée des choses: «*Le temps coule. Le temps amène tout. C'est un homme qui ne connait pas le prix du temps*» (Изд. 1694 г. II, 535. — 1740 г. II, 747. — 1762 г. II, 809).

Въ отношеніи пріемовъ, употребленныхъ для подготовки матеріаловъ, рѣшительное преимущество отдавали словарю россійской академіи, составлявшемуся при помощи аналогическихъ таблицъ. Благодаря этимъ таблицамъ, наша академія, по словамъ кн. Дашковой, потратила на словарь въ двадцать разъ менѣе времени, нежели академія французская, спорившая объ одномъ какомъ-нибудь словѣ по три и по четыре дня [105]).

Знакомство съ словаремъ французской академіи весьма ярко обнаруживается въ трудѣ нашихъ академиковъ. Оно замѣтно и во взглядѣ на главную цѣль и значеніе словаря, и въ опредѣленіи словъ и выборѣ примѣровъ, и въ литературныхъ понятіяхъ вообще, насколько они могли выразиться въ словарѣ и т. д. По всему этому сравненіе съ словаремъ французской академіи необходимо для критической оцѣнки русскаго академическаго словаря.

Главная обязанность французской академіи, на основаніи ея устава, заключалась въ томъ, чтобы дать опредѣленныя правила языку и сдѣлать его наиболѣе краснорѣчивымъ и способнымъ для изложенія наукъ и искусствъ: La principale fonction de l'académie sera de travailler avec tout le soin et la diligence possibles, à donner des règles certaines à notre langue, et à la rendre plus éloquente et plus capable de traiter les arts et les sciences [106]). Подобно россійской академіи, имѣвшей «предметомъ своимъ *вычищеніе* россійскаго языка», французская академія должна была заботиться объ *очищеніи* языка отъ нечистотъ и злоупотребленій, откуда бы они ни появлялись—De *nettoyer* la langue *des ordures* qu'elle avait contractée ou dans la bouche du peuple, ou dans la foule du Palais et dans les impurités de la chicane, ou par le mauvais usage des courtisans ignorants, ou par l'abus de ceux qui la corrompent en l'écrivant, et de ceux qui disent bien dans les chaires ce qu'il faut dire, mais autrement, qu'il ne faut; que pour cet effet il serait bon *d'établir un usage certain des mots*; qu'il s'en trouverait peu à retrancher de ceux dont on se servait aujourd'hui pourvu qu'on les rapportât à un

des *trois genres d'écrire*, auxquels ils se pouvaient appliquer.... Для достиженія главной цѣли—для возведенія языка на высшую степень *краснорѣчія* всего важнѣе и необходимѣе *риторика* и *піитика*; но чтобы дать имъ прочную основу, надо составить *грамматику*, а еще ранѣе грамматики—*словарь*, какъ собраніе матеріаловъ для риторики и піитики: Que le dessein de l'académie étant de rendre la langue capable de la dernière éloquence, il fallait dresser deux amples traités, l'un de *Rhétorique*, l'autre de *Poétique*; mais que, pour suivre l'ordre naturel, ils devraient être précédés par une *Grammaire*, qui fournirait le corps de la langue, sur lequel sont fondés les ornements de l'oraison et les figures de la poésie; que la grammaire comprenait, ou les termes simples, ou les phrases reçues, ou les constructions des mots les uns avec les autres; qu'ainsi, avant toutes choses, il fallait dresser un *Dictionnaire*, qui fût comme le trésor et le magasin des termes simples et des phrases reçues.... Que si d'ailleurs la véritable gloire consiste à bien servir le public, un *Dictionnaire* de cette sorte, soit que vous le regardiez comme *un moyen pour parvenir à la Rhétorique et à la Poétique*, soit que vous le regardiez en lui-même, ne peut que faire beaucoup d'honneur à ses auteurs.... [107]).

Словарь французской академіи, въ его первомъ изданіи, расположенъ въ *словопроизводномъ* порядкѣ, который признавали и болѣе полезнымъ и болѣе пріятнымъ, нежели азбучный. Слова первообразныя, или коренныя, печатались крупнымъ шрифтомъ, какъ родоначальники происходящихъ отъ нихъ словъ: такимъ образомъ являлась воочію вся исторія слова, его рожденіе и развитіе, и т. д. [108]). Только нетерпѣніе французовъ заставило академиковъ замѣнить словопроизводный порядокъ азбучнымъ при второмъ изданіи словаря: Легко представить себѣ — говорятъ издатели — нетерпѣніе человѣка, которому понадобилось узнать значеніе слова *Absoudre*; онъ ищетъ этого слова въ началѣ перваго тома, гдѣ ему и слѣдуетъ быть, и въ мѣсто того находитъ указаніе, что надо искать въ концѣ вто-

раго тома слово *Soudre*, которое ему вовсе ненужно, но которое служитъ корнемъ искомаго. Въ азбучномъ же словарѣ каждое слово отыскивается безъ всякаго труда [109]).

Желая представить языкъ въ его современномъ состояніи, французская академія не вносила въ свой трудъ ни словъ старинныхъ, которыя уже не употребляются, ни словъ техническихъ, невошедшихъ еще въ общее употребленіе. Она ограничилась языкомъ образованнаго общества и языкомъ писателей, потому что въ этихъ двухъ источникахъ заключается, по ея мнѣнію, все, что можетъ содѣйствовать благородству и изяществу рѣчи [110]).

При всемъ уваженіи къ языку образцовыхъ писателей, академики весьма часто придумывали свои собственные примѣры съ цѣлію опредѣлить какъ можно точнѣе настоящій смыслъ слова и кругъ его значенія, чего вовсе не имѣли въ виду писатели, употребляя то или другое слово [111]).

Въ видѣ уклоненія отъ основнаго понятія о литературномъ языкѣ, въ словарь допускались и пословицы, но только съ весьма строгимъ выборомъ. *Пословицы* — разсуждали академики — повсюду считались *правилами нравственности*, заключающими въ себѣ какое-либо *нравоученіе*. Но нѣкоторыя изъ нихъ опошлились въ устахъ черни, и могутъ употребляться развѣ только въ простомъ слогѣ. Но такъ какъ пословицы составляютъ значительную долю въ языкѣ, то и они включены въ число матеріаловъ, собираемыхъ для словаря [112]).

Чтобы нагляднѣе представить отношеніе между словарями французской и россійской академіи, укажемъ еще нѣсколько опредѣленій словъ съ соотвѣтствующими примѣрами:

Словарь французской академіи.	**Словарь россійской академіи.**
— *Orgueil* — Vanité, presomption, opinion trop avantageuse de soi-même, par laquelle on se prefère aux autres. (Изд. 1694 г. II, 159).	*Гордость* — Высокомѣріе, надменность, высокоуміе, высокое о себѣ мечтаніе, кичливость, напыщеніе, спесь (II, 240).

Словарь французской академіи.

— *Vie*—L'état où est l'homme quand son âme est unie à son corps: «*Les principes de nos vies. Quand Dieu créa l'homme il souffla en lui un esprit de vie... Aimer la vie... Les débauches lui ont abrégé la vie. Attenter à la vie...*

— *Vie* se prend encore pour la durée de l'union de l'âme avec le corps, pour tout l'espace de temps qui s'écoule depuis la naissance jusqu'à la mort:.... *Il a passé sa vie à la cour, à voyager.... Cette vie n'est qu'une ombre, qu'un songe....*

— Il se dit aussi de ce qui regarde la conduite de la vie et les moeurs: ....*Il a changé de vie.... Se repentir de sa vie passée....* On dit proverb.: *Telle vie, tel fin....* (Изд. 1718 г. II, 781—782).

Словпрь россійской академіи.

— *Жизнь* — 1) Состояніе, въ которомъ находится человѣкъ, когда душа его соединена бываетъ съ тѣломъ: «*Начало жизни.* Богъ есть виновникъ нашей жизни. *Богъ при сотвореніи вдунулъ въ человѣка духъ жизни. Любить жизнь. Несчастія сократили жизнь его. Посягать на чью жизнь*».

— 2) Берется за продолженіе соединенія души съ тѣломъ, т. е. за все время, продолжающееся отъ начала рожденія до дня смерти, иначе Вѣкъ:.... «*Жизнь сія ничто иное есть, какъ сонъ. Онъ жизнь свою провелъ при дворѣ, въ странствованіяхъ*»....

— Образъ житія въ отношеніи къ нравамъ и поведенію: ....«*Раскаиваться о прошедшей, дурной жизни. Онъ перемѣнилъ образъ жизни. Какова жизнь, таковъ и конецъ*». (II, 1121 — 1122).

Ame.

Ce qui est le principe de la vie dans les choses vivantes.

Душа.

1) Вообще— Духъ вліянный въ тѣло животное: «И рече Богъ: да изведетъ земля душу живу по роду четвероногая и гады». Быт. I, 24.

Ame se dit particulièrement en parlant de l'homme et signifie Ce qui est en lui, qui le rend capable de penser, de vouloir et de raisonner.

2) Особенно—Душа человѣческая.

Ame raisonnable — Celle qui est le principe de la vie, de la pensée et des mouvements volontaires dans l'homme.

L'âme est indivisible, spirituelle, immortelle. Les facultés de l'âme.... Les passions de l'âme.... Aimer Dieu de toute son âme.

а) Существо безтѣлесное, одаренное способностію понимать, мыслить, разсуждать, хотѣть и проч. и которое имѣетъ увѣреніе о своихъ дѣйствіяхъ, также волю, свободу и есть главная сила на тѣло дѣйствующая: «Въ сію нощь душу твою истяжутъ». Лук. XII, 20. *Душа есть нераздѣлима, непричастна смерти. Способности души. Страсти души. Любить Бога всею душею.* Смерть есть разлученіе души съ тѣломъ. Дѣйствіе души на тѣло.

Когда съ душею разлучатся,
И тлѣнна плоть ихъ въ прахъ падетъ. М. Л.

Ame par rapport à ses bonnes ou mauvaises qualités. *Ame belle, grande, noble, généreuse, élevée, royale, héroïque.... Ame faible, petite, lâche, basse, interesseé.*

б) Въ отношеніи къ хорошимъ или худымъ человѣка качествамъ говорится: «*Благородная, великая, добродѣтельная, возвышенная, мужественная душа. Душа слабая, низкая, подлая. Душа корыстолюбивая*».

En parlant des âmes séparées du corps, on dit: *Les âmes des trepassés.... Les âmes bienheureuses....*

в) Въ отношеніи къ душамъ, отъ тѣла разрѣшившимся, говорится: «*Блаженныя души* наслаждаются райскою жизнію. *Души усопшихъ*».

Ame se dit quelquefois pour Conscience. *Il a l'âme noire, méchante.... Il sait bien en son âme que.... Il faut avoir l'âme bien noire pour faire une si horrible trahison.*

г) Иногда тоже значитъ, что Совѣсть: «*У него душа самая приказная. Онъ увѣренъ въ душѣ своей, что*.... Я полагаюсь на твою душу. У него добрая душа. *Надобно душу имѣть весьма черную, чтобы учинить столь ужасную измѣну.* Кривая душа».

Ame se dit pour la personne entière, soit homme, femme ou enfant. *Il n'y a âme vivante en toute cette maison.... Il y a six à sept cents mille âmes dans Paris*.... (Изд. 1694 г. I, 34;—1718 г. I, 56).

д) Человѣкъ мужескаго или женскаго пола всякаго возраста: «*Не случилось ни одной души въ домѣ. Крестьянъ у него столько душъ.* При переписи найдено во всемъ государствѣ всѣхъ душъ столько-то. Приложишася въ день той душъ яко три тысящи. Дѣян. II, 41. Бѣ въ корабли всѣхъ душъ двѣстѣ седмьдесятъ и шесть. Дѣян. XXVII. 37.

е) Иногда служитъ вмѣсто привѣтственнаго названія, когда кто блаженство дней своихъ въ комъ полагаетъ: *Душа моя.* Въ семъ же знаменованіи употребляются и умалительныя: *Душенька* и *Душечка.*

Душу стяжати въ терпѣніи. Сл. Пріобрѣсти чрезъ терпѣніе блаженство вѣчное: *Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша.* Лук. XXI. 19.

Душу чью искати. Сл. Желать чьей погибели: *Изомроша ищущіе души Отрочате.* Матѳ. II, 20.

Изъяти душу. Сл. Умертвить, лишить жизни: *Ты ищеши души моея изъяти ю.* 1 Цар. XXIV. 12.

Душу положить за кого. Сл. Умереть, претерпѣть смерть за кого изъ любви, изъ приверженности къ кому: *Больши сея любве*

никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя. Іоан. XV. 13. *Я радъ душу свою положить за честь вашу.*

Пріяти душу. Сл. Воскреснуть, ожить, возстать изъ мертвыхъ: *Сего ради мя Отецъ любитъ, яко азъ душу мою полагаю, да паки пріиму ю.* Іоан. X. 17.

Жить душа въ душу. Жить съ кѣмъ весьма согласно, дружелюбно, единодушно: *Они между собою живутъ душа въ душу.*

На душѣ мутитъ, или *съ души тянетъ.* Тошнится, позываетъ на рвоту.

Тянуть душу или *за душу.* Говорится въ случаѣ непріятнаго, заунывнаго пѣнія, протяжнаго колокольнаго звона, или сильнаго стонанья чьего: *Онъ стонетъ, какъ за душу тянетъ.*

Лежитъ на душѣ т. е. Совѣсть упрекаетъ, мучитъ въ какомъ худомъ поступкѣ.

Отдать, брать на душу. Отвѣчать въ какомъ-нибудь своемъ или чужомъ дѣлѣ, въ такихъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ явныхъ доказательствъ: *Я сего не беру на свою душу.*

Въ душу нейдетъ или *душа не принимаетъ.* Простор. Говорится въ случаѣ сытости или отвращенія отъ пищи.

Безъ души стать или *сдѣлаться:* Весьма устать: *Я бѣгавши безъ души сталъ.*

Бѣжать безъ души т. е. весьма прытко, скоро, проворно.

Душою покривить. Несправедливо, противъ совѣсти поступить въ чемъ: *Стряпчей въ семъ дѣлѣ покривилъ душою.*

Отъ душки кусочекъ. Образъ вѣщанія въ просторѣчіи употребляемаго для изъявленія, что отдаетъ лучшее, не жалѣетъ. *Даю тебѣ отъ душки кусочекъ.*

По душѣ. Во образѣ нарѣчія, значитъ: Согласно съ чьею склонностью, съ желаніемъ: *Это мнѣ по душѣ, что ты сіе сдѣлалъ.*

Не по душѣ, въ видѣ нарѣчія. Противно, отвратительно. (II, 822—826).

XXIV.

Появленіе въ печати словаря россійской академіи вызвало различныя сужденія и толки; въ литературномъ кругу и въ обществѣ послышались голоса и за и противъ. Одни привѣтствовали появившійся трудъ, какъ сокровищницу отечественнаго языка; другіе ограничились указаніемъ недостатковъ, большею частью несущественныхъ, и насмѣшками надъ мнимою медленностью, съ которою ведены были работы по словарю. Едва вышла въ свѣтъ первая часть словаря, какъ заговорили о ней въ обществѣ. Княгиня Дашкова поспѣшила сообщить собранію, что она слышала такого рода толки:

«1) Что академія долго медлила своимъ изданіемъ, и насилу разрѣшилась отъ бремени первою частію чрезъ пять лѣтъ.

2) Что находятся въ немъ ошибки, въ свидѣтельство коихъ приведено на стр. XI Предисловія, гдѣ вмѣсто *суть* напечатано *сусть* (Реченія въ законодательствахъ, состояніяхъ, наукахъ и проч., каковы *сусть*: недоимка, недоросль, непроницаемый и т. д.).

3) Что, по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ академіи, наборъ рѣдокъ, и такъ растянуты отстоянія, что, соблюдя должный размѣръ въ наборѣ, можно сберечь четвертую часть бумаги. Почему и совѣтуютъ въ наборѣ соблюдать слѣдующее: гдѣ надлежитъ поставить запятую, тутъ должно быть разстояніе между словами на одну букву; гдѣ находится точка съ запятою, тутъ отстоянія должно быть на двѣ, а гдѣ точка, тутъ на три буквы» [113]).

Въ томъ же собраніи положено было, по совѣту нѣкоторыхъ членовъ, обратиться къ обществу съ приглашеніемъ присылать въ академію замѣчанія, поправки и дополненія къ вышедшей части словаря. Вслѣдствіе этого появилось въ вѣдомостяхъ такое заявленіе: «Первоначальный сей трудъ академія, *при недостаткѣ многихъ пособій, каковыми другіе въ подобныхъ сочиненіяхъ пользоваться могли*, рѣшилась представить по частямъ на судъ просвѣщенному обществу, зная, что совершенство таковыхъ

твореній наипаче отъ времени зависитъ. Почему всѣхъ любителей россійскаго слова почтенно приглашаетъ и проситъ ей сообщать свои примѣчанія, къ исправленію и пополненію сея общеполезныя книги служить могущія, которыя она во второмъ изданіи, или въ особливомъ прибавленіи ко второй части, помѣстить не оставитъ, съ объявленіемъ имени приславшаго таковыя примѣчанія или безъ онаго, какъ кому угодно явится. Присылать же благоволятъ или къ предсѣдателю россійской академіи е. с. кн. Ек. Ром. Дашковой или къ непремѣнному ея секретарю Ив. Ив. Лепехину» [114]).

На призывъ академіи откликнулись нѣкоторые изъ ея членовъ и двое изъ «постороннихъ любителей». Дополненія и замѣчанія сообщены слѣдующими лицами: кн. Дашковою, Румовскимъ, Лепехинымъ, Иноходцевымъ, Захаровымъ, Богдановичемъ, Мальгинымъ и членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ Крестининымъ [115]).

Словопроизводный словарь россійской академіи послужилъ существенно-важнымъ пособіемъ для послѣдующихъ словарей, рядъ которыхъ начинается трудами Гейма, профессора исторіи, статистики и географіи въ московскомъ университетѣ. Издавая, въ концѣ прошлаго столѣтія, русско-французско-нѣмецкій словарь, Геймъ говоритъ: «Стараніе мое было *придерживаться сколько можно* большаго *словаря россійской академіи*, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я осмѣливался и отступать отъ него. Я старался опредѣлить разныя значенія одного и того же слова, и при переводѣ основывался на многихъ примѣрахъ, сообразныхъ разнымъ родамъ слога, и взятыхъ изъ общаго употребленія или изъ лучшихъ писателей.... Русское правописаніе сего лексикона есть точно такое, какому слѣдуютъ лучшіе наши писатели, и какое находится въ славенскихъ книгахъ, а наипаче въ св. писаніи. Въ семъ случаѣ я часто удалялся отъ правописанія, наблюдаемаго во многихъ мѣстахъ словаря россійской академіи, и прошу въ томъ извиненія у издателей онаго. Правда, они сами *часто перемѣняютъ его, смотря по тому, какое наблюдаетъ ко-*

торый-нибудь изъ нихъ особенно. Я бы могъ привести множество примѣровъ, гдѣ они *то предпочитаютъ славенское правописаніе принятому ими, то сіе послѣднее — славенскому.* Мнѣ казалось, что ороографія единообразная и взятая изъ тѣхъ источниковъ, изъ коихъ россійскій языкъ почерпалъ и безпрестанно почерпаетъ свое изобиліе, заслуживаетъ наше предпочтеніе предъ всѣми другими» и т. д. [116]).

Черезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ шестой и послѣдней части словаря, Авг. Людв. Шлецеръ ознакомилъ съ его содержаніемъ читателей геттингенскаго журнала, и высказалъ при этомъ весьма сочувственный отзывъ о первомъ трудѣ нашей академіи. Шлецеръ называетъ словарь, изданный россійскою академіею, предпріятіемъ патріотическимъ, потребовавшимъ много работы, усиленной и напряженной, но зато и увѣнчавшейся успѣхомъ. Хотя словарь этотъ есть національный даръ, поднесенный академіею собственно Россіи, потому что все въ немъ—исключительно русское: и слова и объясненія, и примѣры, тѣмъ неменѣе онъ составляетъ общую славянскую сокровищницу, и каждый ученый славянинъ можетъ пользоваться ею для своего роднаго языка. Шлецеръ признаетъ совершенно справедливымъ мнѣніе составителей словаря, что славяно-русскій языкъ весьма много обязанъ греческому своимъ богатствомъ, великолѣпіемъ, силою и гибкостью. Такъ какъ русскій языкъ принадлежитъ къ числу самостоятельныхъ и древнѣйшихъ языковъ (Ursprache), то Шлецеръ вполнѣ одобряетъ распредѣленіе словъ по корнямъ, принятое въ академическомъ словарѣ [117]). Единственное неудобство подобнаго порядка заключается въ трудности прінсканія того или другаго слова. Но если Шлецеръ не могъ найти нѣкоторыхъ словъ, напримѣръ: *паволока*, то, по замѣчанію Добровскаго, это произошло оттого, что онъ не умѣлъ искать: стоило только посмотрѣть подъ корнемъ *Влеку* или *Волоку* [118]).

Научная, вполнѣ справедливая оцѣнка академическаго словаря появилась нескоро, по прошествіи тридцати лѣтъ со времени его изданія. Она принадлежитъ знаменитому славнсту Доб-

бровскому, и сдѣлана имъ при разборѣ другаго труда нашей академіи — словаря, расположеннаго по азбучному порядку. Но по связи этихъ двухъ словарей между собою, многое, что сказано Добровскимъ о второмъ изъ нихъ, относится и къ первому. Весьма кратко, но чрезвычайно мѣтко, обозначены ученымъ критикомъ какъ достоинства, такъ и недостатки словопроизводнаго словаря [119]).

Россійская академія — говоритъ Добровскій — изданіемъ своего перваго словаря соорудила себѣ прочный памятникъ, дѣлающій ей великую честь. Въ другомъ мѣстѣ Добровскій называетъ словарь россійской академіи произведеніемъ, во многихъ отношеніяхъ превосходнымъ [120]).

Добровскій былъ въ Петербургѣ въ 1792 году, въ то самое время, когда шли работы по словарю, и имѣлъ возможность бесѣдовать съ его составителями. По мнѣнію Добровскаго, при русскихъ словахъ, по крайней мѣрѣ при коренныхъ, слѣдовало бы помѣщать объясняющія ихъ слова латинскія или нѣмецкія. Съ этимъ мнѣніемъ вполнѣ согласился одинъ изъ выдающихся членовъ россійской академіи, митрополитъ Гавріилъ.

Съ особенною похвалою отзывается Добровскій о принятомъ въ словарѣ способѣ приводить пословицы, какъ напримѣръ: «*Или корень вонъ, или полонъ дворъ* — означ. отважное какое дѣло, предпріемлемое на удачу». Но онъ выражаетъ сожалѣніе, что пословицъ приведено немного; пословицы: *Медъ сладко, муха падко* нѣтъ ни подъ однимъ изъ этихъ словъ.

Находя прекраснымъ порядокъ, принятый въ словарѣ, въ которомъ за словами коренными слѣдуютъ производныя и сложныя, образующія со своими корнями какъ бы одно цѣлое, Добровскій вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и невѣрности въ отношеніи словопроизводства.

Въ словарѣ россійской академіи слово *Бугоръ* производится отъ корня *Гора* (II, 229, 234), между тѣмъ, какъ настоящій коренной слогъ *Буг* (сравн. нѣмецк. *Bühel*, холмъ), а *ор* — только приставка. Еще ранѣе замѣчено Добровскимъ, что никогда

слогъ *бу* не замѣняетъ собою предлога *по* или *па*, какъ въ польск. *pagorek*, чешск. *pahorek*, и потому корнемъ надо считать *Буг*, и сравнивать его съ древнимъ нѣмецкимъ *Buck*, откуда *Bühel* (холмъ), *Buckel* (горбъ)[121]).

Въ числѣ *коренныхъ* словъ помѣщены въ академическомъ словарѣ производныя: *Обѣдъ*, *Законъ*, *Обручъ*, *Число*, *Ржа*, *Свинецъ*, и др. Но слово *Обѣдъ* слѣдовало бы помѣстить подъ глаголомъ *Ѣсти*; производное *Законъ* — подъ корнемъ *Кон*; *Обручъ* — подъ *Рука*; *Число* — подъ *Чту*; *Ржа* — подъ *Рдѣти*; *Свинецъ* — подъ *Вію* (*свію*), и т. д.

Слово *Истецъ* не происходитъ отъ *Искать*, и слово *Утлый* — отъ корня *Тля*.

Слова *Рѣти*, съ смыслѣ *Течь* и въ формѣ неопредѣленнаго наклоненія, не существуетъ въ языкѣ. Отъ *Рѣту* въ неопредѣленномъ наклоненіи было бы *Рѣсти*, откуда: *Обрѣсти*, *Срѣсти*, и т. д.

Также нѣтъ въ языкѣ слова *Теза*, а *Тез* есть не что иное, какъ мѣстоименіе *Т*, усиленное приставкою *ез*.

Слово *Кумиръ* — не еврейское, а скорѣе болгарское или хазарское. Въ Грамматикѣ древняго славянскаго языка Добровскій говоритъ о словѣ *Кумиръ*: «Ошибаются тѣ, которые почитаютъ сіе слово еврейскимъ: оно есть, кажется мнѣ, древнее болгарское»[122]).

Гомола — слово также не еврейское, а чисто славянское.

Орденъ — въ этой формѣ, не латинское, а нѣмецкое.

Анталъ — не венгерское, а скорѣе испорченное нѣмецкое *Antheil*.

Воръ — по словарю сарматское: Wäs ist aber *sarmatisch*? Hier etwa *finnisch*.

Слова: *Босманъ* и *Монисто* названы въ академическомъ словарѣ славянскими, хотя они въ дѣйствительности иностранныя. Слово *Босманъ* — очевидно не славянское, а въ словѣ *Монисто*, по латыни *Monile* (ожерелье), только окончаніе можно назвать славянскимъ.

Слова: *Бумага*, *Глазъ*, *Велбудъ* (канатъ) не названы иностранными. Но *Бумага* происходитъ отъ *Bombag* — слова, повсюду употребляемаго въ Азіи; слово *Глазъ* можно считать варяжскимъ, а слово *Велбудъ*—производить отъ готскаго *Ulband*.

Но справедливо ли ставить въ большую вину подобные промахи и недосмотры—Wer dürfte aber darüber, dass nicht eines jeden fremden wortes herkunft angegeben worden, den herausgebern gerechte vorwürfe machen?...

Краткіе отзывы и бѣглыя замѣтки о первомъ трудѣ россійской академіи изрѣдка встрѣчались въ нашей литературѣ. Ученые и писатели упоминали о немъ, въ разное время, по тому или по другому поводу.

Въ академической рѣчи 5 декабря 1818 года Карамзинъ говоритъ: «Академія россійская ознаменовала самое начало бытія своего твореніемъ, важнѣйшимъ для языка. Полный словарь, изданный академіею, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ» и т. д.

Въ замѣчаніяхъ касательно новаго изданія словаря, предпринятаго Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности, Н. И. Гречъ такимъ образомъ объясняетъ одну изъ особенностей стараго, словопроизводнаго словаря: «Въ первомъ изданіи словаря описанія предметовъ естественной исторіи были очень пространны. Это произошло отъ особеннаго случая. Княгиня Дашкова спѣшила составленіемъ первой части для поднесенія государынѣ. Для наполненія тома членъ академіи, натуралистъ Лепехинъ внесъ въ словарь языка статьи изъ лексикона естественной исторіи, который онъ составлялъ въ то время. Академія поступила очень хорошо, исключивъ эти подробности въ послѣдовавшихъ изданіяхъ»[123]). Объясненіе Греча не подтверждается точными доказательствами.

Большое значеніе имѣетъ отзывъ академика И. И. Срезневскаго, какъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ представителей славянской филологіи. Срезневскій говоритъ:

«Новый періодъ нашей словарной литературы начинается со времени утвержденія литературнаго значенія народнаго языка

русскаго. Въ 1783 году учреждена императорская россійская академія, а въ 1789—1794 изданъ ею «Словопроизводный словарь». Опыты введенія кореннаго русскаго элемента въ словарь были и прежде; можно найти ихъ и изъ времени царствованія Петра Великаго; но эти опыты такъ слабы во всѣхъ отношеніяхъ, что ихъ нельзя принимать въ разсчетъ при обозрѣніи успѣховъ нашей лексикографіи. Академія первая обратила должное вниманіе сколько на русскій языкъ, столько же и на необходимость филологической разработки его для словаря. Ея словарь, составленный слишкомъ на-скоро, не удовлетворилъ ожиданіямъ ни полнотой, ни обдѣлкой; возбудилъ противъ себя многихъ недовольныхъ, но возбудилъ и мысли, и дѣятельность. Стали думать о томъ, какой словарь нуженъ и возможенъ; стали обращать вниманіе на словный строй русскаго языка, на его особенности, на словопроизводство и оттѣнки значеній словъ, на отчетливый переводъ словъ русскихъ иностранными, и иностранныхъ, принятыхъ тогда у насъ, подлинными русскими, на синонимы и т. д... Въ «Словарѣ словопроизводномъ» многія опредѣленія и словопроизводства произвольны, иныя совершенно неправильны; нерѣдко выказывается нетвердое знаніе русскаго языка, еще болѣе незнаніе общихъ началъ языкознанія, — и между тѣмъ въ немъ господствуетъ тонъ диктаторскій, такъ какъ въ словарѣ академіи французской. Но съ другой стороны нельзя не удивляться, какъ много сдѣлала академія въ одинъ разъ — академія, не сильная въ своемъ составѣ опытностью филологической, не предупрежденная въ своей дѣятельности никакими важными приготовительными трудами. Теперь, когда уже нѣтъ надобности пользоваться этимъ словаремъ, можно только съ благодарностію вспоминать о благородной рѣшимости членовъ академіи, и, забывая о несовершенствахъ ихъ труда, глядѣть на него, какъ на начало ученой словарной разработки русскаго языка. Виднѣе всѣхъ несовершенствъ обдѣлки его должно быть для насъ то, что въ немъ въ первый разъ собрана и приведена въ порядокъ громада сорока трехъ тысячъ словъ уже не одного книжнаго русско-сла-

вянскаго языка, но и русскаго общественнаго, простонароднаго, ученаго, техническаго. Сравнивая же этотъ словарь русскій со словарями западно-европейскихъ языковъ того времени, нельзя не согласиться, что очень немногіе составлены лучше, сообразнѣе съ потребностями общими.... Не тѣмъ бы, говорятъ, должна была начать академія, чѣмъ начала,—должна была бы позаботиться болѣе о собираніи и правильномъ и подробномъ объясненіи словъ, чѣмъ о систематизированіи ихъ по корнямъ, предоставивъ хлопоты о словопроизводствѣ на будущее время; но едва ли могла она поступить иначе, сообразно со средствами, которыми могла располагать. Выбирать слова изъ книгъ и изъ разговора, каждое поодиночкѣ, было выше ея силъ, потому что это и до сихъ поръ выше силъ нашей филологіи. Академія знала, что съ помощію однихъ словъ легко припоминать другія слова того же корня, употребила словопроизводство въ помощь, и едва ли ошиблась въ выборѣ методы, едва ли могла сдѣлать свой первый словарь столь обильнымъ, если бы держалась какихъ-нибудь другихъ правилъ. Что касается ея системы словопроизводства, то, сколько ни помогала она смѣлостью знанію, она не выходила, при отличеніи корней, изъ предѣловъ простой наглядности, и, слѣдовательно, не могла себя затруднять рѣшеніями сложныхъ этимологическихъ вопросовъ. *Приготовивши себѣ «Словаремъ словопроизводнымъ» главную часть матеріала*, академія продолжала свои труды заботами объ умноженіи и объясненіи словъ, и, черезъ десять лѣтъ по изданіи послѣдней части перваго словаря, приступила къ печатанію первой части втораго» [124]).

При изданіи составленнаго вторымъ отдѣленіемъ академіи наукъ Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка вспомнили добрымъ словомъ родоначальника всѣхъ другихъ словарей: «Россійской академіи мы обязаны двумя словарями — словопроизводнымъ и азбучнымъ. По большинству голосовъ, академія рѣшилась издать прежде словарь словопроизводный.... Уже одно собраніе и распредѣленіе словъ, отысканіе примѣровъ употребле-

нія ихъ въ разнородныхъ памятникахъ церковной и гражданской словесности, приведеніе реченій изъ простонароднаго и областнаго быта, кромѣ самого истолкованія ихъ, составляетъ подвигъ, увѣнчанный справедливымъ уваженіемъ современниковъ и благодарнымъ воспоминаніемъ потомства» [125]).

XXV.

Въ томъ же самомъ собраніи (5 авг. 1794 г.), въ которомъ окончилось разсматриваніе словопроизводнаго словаря, рѣшено было приступить къ составленію словаря, расположеннаго въ азбучномъ порядкѣ, *съ прибавленіемъ иностранныхъ языковъ*. Академики Румовскій и Озерецковскій представили «предварительныя начертанія» или планы, по разсмотрѣніи которыхъ и были приняты слѣдующія начала для предстоящихъ словарныхъ работъ:

1) При русскихъ словахъ помѣщать соотвѣтствующія имъ иностранныя только на трехъ языкахъ: *латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ*. Къ русскимъ словамъ придавать тѣ «описанія» (т. е. опредѣленія), которыя находятся въ словопроизводномъ словарѣ, и оставлять ихъ безъ перевода. Также точно не переводить примѣровъ, пословицъ, присловицъ, поговорокъ, и проч. При этомъ стараться объ исправленіи, сколько возможно, ошибокъ и недостатковъ, вкравшихся въ опредѣленія словъ въ первомъ академическомъ словарѣ.

2) При словахъ, уклонившихся отъ своего первоначальнаго значенія, ставить равносильныя имъ слова иностранныя, но опредѣленія подобныхъ словъ оставить также безъ перевода.

3) Названія древнихъ обрядовъ, чиновъ и т. п. должны остаться на одномъ русскомъ языкѣ, если не имѣютъ равносильныхъ себѣ наименованій на языкахъ иностранныхъ.

4) Названія естественныхъ произведеній ставить просто, безъ объясненій и описаній, прибавляя только соотвѣтствующія названія на языкахъ: латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ.

5) Сложныя слова, находящіяся въ св. писаніи, и особенно въ церковныхъ книгахъ, и составленныя по свойству греческаго языка, оставлять безъ перевода, если имъ нѣтъ равносильныхъ въ языкахъ иностранныхъ: «переводъ такихъ словъ можетъ родить каковый-нибудь неприличествующій толкъ» [126]).

Едва только начаты были работы по словарю, какъ понадобилось дать ему «точное и твердое положеніе» и постановить «непреложныя правила». Но лица, обѣщавшія составить эти правила, почему-то не представили ихъ; дѣло затянулось надолго, и о немъ не упоминалось болѣе въ извѣстіяхъ объ академической дѣятельности. Наконецъ, въ собраніи 14 іюля 1800 года, одинъ изъ членовъ академіи заявилъ, что пора уже снова приняться за начатый трудъ. Но большинство членовъ, присутствовавшихъ въ собраніи, признало «трудъ сей всякаго и общія силы превосходящимъ». Вслѣдствіе чего и положено было: «приступить къ сочиненію *словаря аналогическимъ порядкомъ, безъ прибавленія языковъ иностранныхъ*». Составленіе плана для словаря взялъ на себя непремѣнный секретарь россійской академіи И. И. Лепехинъ [127]).

XXVI.

Въ академическомъ собраніи 19 января 1801 года читано было представленное Лепехинымъ «начертаніе вразсужденіи приведенія славенороссійскаго этимологическаго словаря въ буквенный порядокъ». При этомъ было замѣчено собраніемъ, что описаніе произведеній природы должно быть кратко и не касаться ихъ употребленія въ общежитіи. Относительно пріемовъ въ работахъ предположено слѣдовать примѣру составителей перваго словаря. Члены академіи порѣшили: приводить словарь въ аналогическій порядокъ, раздѣля по буквамъ, и представлять ихъ въ комитеты, назначаемые для разсмотрѣнія и дополненія матеріаловъ; замѣчанія же и поправки, сдѣланныя комитетами, обсуждать въ полныхъ собраніяхъ академіи [128]).

Починъ въ приведеніи словаря въ буквенный порядокъ принадлежитъ Лепехину и Озерецковскому. Лепехинъ составилъ начертаніе, или планъ азбучнаго словаря. Озерецковскій сообщилъ для новаго словаря собраніе словъ, на первыя двѣ буквы *А* и *Б*. По примѣру Озерецковскаго, Мальгинъ взялъ букву *В*, Севастьяновъ *Г*, Севергинъ *Д*, и т. д. Нѣкоторые изъ академиковъ взяли по двѣ буквы и болѣе [129]).

Изъ членовъ академіи составленъ былъ комитетъ для пополненія опущенныхъ словъ, выраженій и *пословицъ* [130]). Академикъ Гурьевъ сообщилъ опредѣленія словъ математическихъ и физическихъ; А. С. Никольскій принялъ на себя трудъ «собрать россійскія *пословицы* и *поговорки*, съ объясненіемъ настоящаго ихъ знаменованія» [131]). Другіе академики также вносили свои вклады, не особенно впрочемъ значительные.

Президентъ россійской академіи Нартовъ предложилъ вносить въ словарь всѣ названія, употребляемыя въ наукахъ и художествахъ, а *преимущественно въ естественной исторіи*, какъ переведенныя на русскій языкъ, такъ и оставленныя безъ перевода; напр.: *Журчало*, bombylius; *Кровососка*, hippobosca,—родъ насѣкомыхъ; *Воронка*, gobius — рыба; *Гекко*, gecko; *Игуана*, iguana—ящерицы; *Сціена*, sciaena—рыба и проч. Къ русскимъ названіямъ должны быть присоединяемы латинскія, чтобы академія, при разсмотрѣніи словаря, могла или принять ихъ или замѣнить ихъ новыми названіями [132]).

Въ отношеніи глаголовъ сдѣлано было то измѣненіе сравнительно съ словопроизводнымъ словаремъ, что вмѣсто настоящаго времени глаголы ставились въ неопредѣленномъ наклоненіи, которое служитъ такимъ же началомъ для глаголовъ, какъ именительный падежъ для именъ и мѣстоименій; при томъ же многіе глаголы вовсе не имѣютъ настоящаго времени, и т. д. [133]. Желая сдѣлать словарь сколько возможно «совершеннѣе и полезнѣе», собраніе положило, чтобы къ неопредѣленному наклоненію были присоединяемы: настоящее время, прошедшее совершенное, будущее совершенное и повелительное совершенное; напри-

мѣръ: *Колоть, Кольнуть, Уколоть, Калывать; колю,* лешь; *укололь; уколю,* лешь; *Уколи* [134]).

При разсматриваніи матеріаловъ для словаря возникли пренія по поводу словъ: *Бездоимочно* и *Безкровный*, т. е. неимѣющій *крови.* Нартовъ, основываясь на значеніи слова *Доимка*, находилъ правильнымъ помѣщенное въ словопроизводномъ словарѣ опредѣленіе: «*Бездоимочно* —Не оставляя доимку; не взыскивая не спрашивая доимки», и утверждалъ, что надо писать *Безкровьный*, т. е. съ *ь* послѣ *в*, для отличія отъ слова *Безкровный*, происходящаго отъ *Кровъ*. Большинство присутствовавшихъ въ собраніи членовъ академіи согласилось съ мнѣніемъ Нартова; но Мальгинъ, Севастьяновъ и Як. Дм. Захаровъ настояли на томъ, чтобы слово *Бездоимочно* опредѣлить такъ: *Безъ остатка; все сполна*, и чтобы слово *Безкровный* писать безъ *ь*, потому что значеніе этого слова легко распознать по связи рѣчи, гдѣ оно встрѣчается [135]).

Работы по новому словарю шли такъ медленно и такъ вяло, что въ средѣ самой академіи заговорили о необходимости усерднѣе приняться за дѣло. Одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ академическихъ трудахъ и предпріятіяхъ, обратился къ своимъ сочленамъ съ такого рода призывомъ [136]).

Императорской россійской академіи превосходительный господинъ президентъ и всѣ достопочтенные господа члены!

Какъ первѣйшая и существенная цѣль учрежденія сей академіи состояла и состоитъ въ томъ, чтобы россійскую словесность, очистя отъ вкравшихся злоупотребленій нашего языка, чрезъ надлежащія правила и примѣчанія привести къ своему совершенству и красотѣ: то для достиженія сей цѣли еще съ начала предположено было, сочиня полный словарь и грамматику россійскаго языка, сочинить и правила россійскаго краснорѣчія, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ. Почему императорская рос-

сійская академія въ первые годы своего существованія, стремяся къ сей первоначально предположенной себѣ цѣли, и имѣла главнымъ и почти единственнымъ своимъ предметомъ и упражненіемъ сочиненіе словопроизводнаго словаря, а потомъ и россійской грамматики.

Но какъ съ нѣкотораго времени занятія сей академіи въ общихъ ея собраніяхъ состоятъ по большей части въ пересмотрѣ и сужденіи нѣкоторыхъ или вновь сочиненныхъ, или на россійскій языкъ преложенныхъ піесъ, кои побочнымъ только образомъ касаются россійской словесности; а между тѣмъ помянутыя правила ея, первоначальную цѣль академіи составляющія, остаются безъ всякаго почти желаемаго дѣйствія; чему ощутительнымъ доказательствомъ служить можетъ и единъ *изъ прежняго словопроизводнаго азбучнымъ порядкомъ передѣланный, но столь медлительно нынѣ разсматриваемый и издаваемый словарь*, котораго многіе не только изъ нашихъ соотечественниковъ, но и изъ самыхъ даже иностранцевъ отъ академіи ожидая, давно уже спрашиваютъ; потому что оный *изъ готоваго будучи передѣланъ, съ нѣкоторымъ только пополненіемъ и переправкою, могъ бы давно уже выйти въ свѣтъ* ко удовольствію любителей россійскаго слова, если бы обыкновенныя собранія академіи чаще и наиболѣе разсматриваніемъ и исправленіемъ онаго, нежели помянутыми посторонними піесами занималися: того ради я, имѣя честь быть членомъ сея академіи и побуждаемъ будучи ревностію къ спѣянію и пользѣ россійской словесности, осмѣливаюсь симъ вашему, государи мои, достопочтенному собранію, покорнѣйше доложить, не благоугодно ли будетъ отселѣ въ общихъ собраніяхъ академіи заниматься первоначально и паче всего какъ разсматриваніемъ помянутаго вновь издаваемаго словаря, такъ и сочиненіемъ и разсматриваніемъ реченныхъ правилъ россійскаго краснорѣчія, а побочно россійской словесности касающіяся піесы предоставить или особливому академіи комитету, или лучше тому времени, когда академіею обработаны будутъ сопряженные съ первоначальною и существенною цѣлію ея учрежде-

нія предметы. Впрочемъ, предая сіе мнѣніе благоразсмотрительному суду вашего достопочтеннаго сословія, съ должнымъ къ нему уваженіемъ пребуду на всегда вашъ, милостивые мои государи!

усердный сочленъ, протоіерей Іоаннъ
Красовскій.

Сентября «3» дня.
1804 года.

Собраніе отвергло предложеніе своего сочлена, и рѣшило не отступать отъ прежняго порядка занятій, такъ какъ почти въ каждое засѣданіе прочитывается по листу и болѣе вновь издаваемаго словаря. Но что словарныя работы велись вообще весьма медленно, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; доказательствомъ служатъ слѣдующія данныя:

23 ноября 1801 года Озерецковскій сообщилъ собранію слова и выраженія, начинающіяся съ буквы *А*, прочтенныя и исправленныя комитетомъ, разсматривающимъ труды составителей словаря.

16 декабря 1805 года окончилось, въ академическихъ собраніяхъ, разсмотрѣніе первой части «новосочиняемаго», т. е. азбучнаго словаря. Она издана въ 1806 году.

5 октября 1807 года окончилось разсмотрѣніе второй части словаря. Издана въ 1809 году.

24 іюля 1809 года окончилось разсмотрѣніе третьей части словаря. Издана въ 1814 году.

18 января 1813 года окончилось разсмотрѣніе четвертой части академическаго словаря.

26 августа 1816 года окончилось разсмотрѣніе пятой части словаря.

29 сентября 1817 года читанъ былъ въ собраніи академіи двадцать-пятый листъ шестой и послѣдней части словаря, что̀ составляетъ болѣе четверти всего шестаго тома.

Но съ 1814 года продолженіе словаря не появлялось въ пе-

чати. Въ собраніи 12 февраля 1821 года Шишковъ заявилъ, что напечатано семьдесятъ листовъ четвертой части и только тринадцать пятой части словаря [137]).

Четвертая, пятая и шестая части словаря вышли въ одномъ и томъ же, 1822-мъ, году.

Внимательное сличеніе двухъ словарей россійской академіи удостовѣряетъ въ томъ, что составители втораго словаря держались въ сущности того пріема, который предложенъ былъ въ самомъ началѣ работъ и состоялъ «въ приведеніи этимологическаго словаря въ буквенный порядокъ». Въ обоихъ словаряхъ и опредѣленія словъ и примѣры—одни и тѣже; сходство во многихъ случаяхъ дословное; все отличіе заключается весьма часто въ самомъ легкомъ измѣненіи редакціи, въ замѣнѣ одного слова другимъ, въ сокращеніи числа примѣровъ, и т. п.

По числу словъ азбучный словарь значительно богаче словопроизводнаго: въ словопроизводномъ словарѣ помѣщено 43257 словъ, въ азбучномъ—51388.

Изъ словъ, внесенныхъ въ азбучный словарь и ненаходящихся въ словопроизводныхъ, нѣкоторыя относятся къ *просторѣчію* и къ языку *простонародному* — по терминологіи, принятой какъ въ первомъ, такъ и во второмъ словарѣ:

— *Баби́къ*—Приверженный къ женщинамъ; любящій быть въ бесѣдѣ съ женщинами (I, 74).

— *Пригожайка* — Простонародн.: Пригожая дѣвушка (V, 293).

Словъ, находящихся въ словопроизводномъ словарѣ: *Разнодумье*, *Чистодушіе* и др. нѣтъ въ словарѣ азбучномъ.

Многія опредѣленія и описанія—буквально тѣже самыя въ обоихъ словаряхъ, безъ малѣйшаго отличія хотя бы въ одномъ какомъ-либо словѣ, какъ напримѣръ: *Лѣто*, *Кречетъ*, *Кривоносикъ*, *Коксунъ*, и весьма многія другія.

При словѣ *Корень* (III, 302—304) тѣ же самыя опредѣленія, что и въ словопроизводномъ словарѣ (III, 814—816), и тѣ же самые примѣры, заимствованные изъ однихъ и тѣхъ же ис-

точниковъ: еванг. Марка; книг. Іудиѳь; ода Ломоносова, народная пословица, и т. д. Вся разница въ томъ, что въ первомъ словарѣ: «Называются вообще *Коренье*», а во второмъ: «Называются вообще *Коренья*», да нѣсколько иначе объяснена приводимая въ обоихъ словаряхъ пословица:

Словопроизводный Словарь.	Азбучный Словарь.
— Пословица: *Или корень вонъ, или полонъ дворъ*, означающая отважное какое дѣло, предпріемлемое наудачу, къ достиженію чего великаго или къ потерянію всего собственнаго.	— Пословица: *Или полонъ дворъ, или корень вонъ*, означающая отважное какое дѣло, могущее приключить величайшее счастіе или несчастіе.

При словѣ *Колода* тѣ же опредѣленія и примѣры: изъ Царственнаго лѣтописца, изъ старинныхъ крѣпостныхъ сдѣлокъ, и т. п. Измѣненія въ такомъ родѣ:

Словопроизводный Словарь.	Азбучный словарь.
— *Колода*—Корыто, *выпаженное* изъ отрубка бревна толстаго.... Весьма длинная тонкая восковая свѣча, употребляемая *во время сорокоустовъ по усопшимъ*.... (III, 559—560).	— *Колода*—Корыто, *выдѣланное* изъ отрубка бревна толстаго.... Весьма длинная тонкая восковая свѣча, употребляемая *по усопшихъ во время сорокоустія* (III, 238—239).

При словѣ *Звѣробой*, въ первомъ словарѣ: «Листки противосидячіе, *продолговато-овальные*, гладкіе» и проч. (III, 38); во второмъ словарѣ: «Листки противосидячіе, *кругло-продолговатые*, гладкіе» и пр. (II, 834).

Трава *Звѣробой* описана весьма подробно, съ указаніемъ ея лѣкарственнаго употребленія, несмотря на то, что принято за правило, чтобы описанія произведеній природы были какъ можно короче и не касались ихъ употребленія въ тѣхъ или другихъ случаяхъ.

При словѣ *Предходить* вмѣсто двухъ примѣровъ изъ Ломоносова удержанъ только одинъ. Тоже находимъ и при многихъ другихъ словахъ.

Словопроизводный Словарь.	**Азбучный Словарь.**
— *Горшокъ* — Сосудъ, дѣлаемый по большей части изъ глины, различнаго вида и различной величины, употребляемый на разныя потребы: «Дѣлать, обжигать горшки. Варить въ горшкахъ. Горшокъ съ цвѣтами. Плавильный горшечекъ». Пословицы:	— *Горшекъ* — Сосудъ, дѣлаемый изъ глины, *металла, изъ камня или стекла*, различнаго вида и различной величины, употребляемый на разныя потребы: «Дѣлать, обжигать горшки. Варить въ горшкахъ. Горшекъ съ цвѣтами. Плавильный горшечекъ». Пословица:
Не боги горшки обжигаютъ, тѣ же люди — употребляется въ случаѣ, когда кто желаетъ показать себя, что онъ такъ же можетъ исправить какое-либо дѣло, какъ и другіе.	*Не боги горшки обжигаютъ, тѣ же люди*—говорится о дѣлѣ, коего исполненіе не превосходитъ человѣческихъ силъ.
Горшокъ котлу упрекаетъ, а оба черны — говорится тогда, когда кто упрекаетъ другого въ такомъ порокѣ, каковому самъ подверженъ. (II, 259—260).	*Горшекъ котлу попрекаетъ, а оба черны*—говорится тогда, когда кто упрекаетъ другаго въ такомъ порокѣ, каковому самъ подверженъ. (I, 1206—1207).
— *Пригожій* — Красивый, хорошій: «Пригожее лице». Благопристойный, приличный: «Пригожее ли это дѣло»? (II, 171).	— *Пригожій* — Красивый, хорошій, *лѣпообразный, миловидный*: «Пригожее лице. Она пригожа, пригоженька». Благопристойный, приличный, *лѣпый*: «Пригожее ли это дѣло»? (V, 293).
Вода — Стихія мокрая, про-	*Вода* — 1) Тѣло жидкое, мок-

Словопроизводный Словарь.

зрачная, отъ стужи въ ледъ превращающаяся, удобная къ напоенію и омовенію. *И иже аще напоитъ единаго отъ малыхъ чашею студены воды, не погубитъ мзды своея.* Мате. X. 42. *Ключевая, рѣчная, морская, дождевая вода. Вода прѣсная, соленая, свѣжая, мутная. Капля воды.*

Кюмень въ брегахъ своихъ мутится
И воды скрыть подъ землю тщится.
М. Лом.

2) Самыя моря, озера, рѣки, и всякое собраніе водъ. *И крестився Іисусъ взыде абіе отъ воды.* Мате. III. 16. *Якоже идяху путемъ, пріидоша на нѣкую воду....* Дѣян. VIII. 36. *Ѣхать водою. Броситься въ воду. Воды низкія, высокія.*

Пословица: *По которой водѣ плыть, ту и воду пить*, значитъ: Гдѣ живешь, тамошнимъ обычаямъ должно послѣдовать, нравамъ тѣхъ людей сообразоваться.

Пословица: *Не плюй въ колодезь, случится водицы испить,*

Азбучный Словарь.

рое, прозрачное, отъ стужи въ ледъ превращающееся. *Вода ключевая, рѣчная, морская. Вода прѣсная, соленая. Свѣтлая, мутная. Капля воды.* 2) Говоря о драгоцѣнныхъ камняхъ: качество или степень прозрачности. *Алмазъ первой, лучшей воды.*

Послов.: *По которой водѣ плыть, ту и воду пить*, значитъ: Гдѣ живешь, по тамошнимъ обычаямъ и поступать должно.

Послов.: *Не плюй въ колодезь, случится водицы испить* — Не

Словопроизводный Словарь.	Азбучный Словарь.
значитъ: Не презирай и малаго человѣка, въ немъ можетъ нужда случиться.	пренебрегай никѣмъ, всякъ можетъ тебѣ понадобиться.
Пословица: *Тихая вода берега подмываетъ*, значитъ: Тихій и скромный человѣкъ по наружности опаснѣе того, который скоръ и откровененъ.	Послов.: *И тихая вода берега подмываетъ*, значитъ: И тихій лукавый человѣкъ можетъ быть опаснѣе того, кто скоръ и откровененъ.
Пословица: *Обожжешься на молокѣ, станешь и на воду дуть*, значитъ: Единожды обманувшись въ чемъ, бываемъ при всякомъ дѣлѣ осторожнѣе.	*Послов.: Обожжешься на молокѣ, станешь и на воду дуть*, значитъ: Однажды въ чемъ обманувшись, бываешь и при малѣйшемъ дѣлѣ осторожнѣе. (I, 567).
3) Вода въ драгоцѣнныхъ камняхъ означаетъ степень ихъ прозрачности. *Алмазъ первой воды*. (I, 792—793).	

Азбучный словарь россійской академіи вызвалъ замѣчательную критическую статью Добровскаго, о которой мы упоминали при обозрѣніи перваго, т. е. словопроизводнаго словаря.

Признавая важное значеніе словаря, Добровскій говоритъ: Wir dürfen die anzeige *dieses wichtigen werkes* nicht schliessen, ohne den leser mit dem inhalte desselben genauer bekannt zu machen. Вслѣдъ за этимъ онъ перебираетъ словарь по буквамъ, указывая число страницъ, занимаемыхъ каждою изъ буквъ, и сосчитывая число строкъ въ описаніяхъ произведеній природы.

Такъ какъ словарь этотъ, надо полагать, былъ разсматриваемъ многими изъ членовъ академіи, то на него можно смѣло положиться въ тѣхъ случаяхъ, когда то или другое слово отнесено къ числу общеупотребительныхъ или же устарѣлыхъ и вышедшихъ изъ употребленія.

Весьма хорошо, что уменьшительныя и увеличительныя по-

мѣщены при своихъ первообразныхъ такъ же, какъ и женскія при мужескихъ. Жаль однакоже, что невсегда соблюдена послѣдовательность. При словѣ *Котъ* находятся слова: *Котикъ* и *Котище*, а слова: *Котенокъ* и *Кошка* помѣщены отдѣльно, въ видѣ самостоятельныхъ, а не производныхъ. Слово *Калкунка* (индѣйка) помѣщено при словѣ *Калкунъ* (индѣйскій пѣтухъ), и *Жница*—при словѣ *Жнецъ*; но слова: *Жрица* и *Жрецъ* помѣщены отдѣльно одно отъ другаго. Такимъ же образомъ отдѣлены одно отъ другаго слова: *Овенъ* (баранъ), *Овца* и *Овча* (то же, что *Овца*).

Нельзя помириться съ отсутствіемъ въ словарѣ стародавнихъ, славянскихъ названій странъ и народовъ, какъ напримѣръ: *Нѣмецъ*, *Чехъ*, *Ляхъ*, *Царьградъ*, и мн. др. *Нѣмецкій инбирь* есть въ словарѣ, а прилагательнаго: *Нѣмецкій* и существительнаго: *Нѣмецъ* — нѣтъ, подобно тому, какъ есть слова: *Жидоморъ*, *Жидовникъ*, *Жидовскія вишни*, а нѣтъ слова *Жидъ*. Почему объяснено слово *Ареопагъ*, а слово *Китай* оставлено безъ объясненія, несмотря на производное: *Китайка*?

— *Ареопагъ*—Греч., значащее: *Ареевъ*, или *Марсовъ холмъ*—мѣсто въ Аѳинахъ близъ крѣпости, на которомъ судимы были дѣла важныя (I, 49).

— *Китайка*—Плотная, лощеная или нелощеная, изъ хлопчатой бумаги ткань, дѣлаемая въ *Китаѣ*, бывающая разныхъ цвѣтовъ (III, 136).

Слово *Бокалъ* названо въ первомъ словарѣ *кельтскимъ*, а слово *Глыба* — *латинскимъ*; второй словарь отбросилъ эти названія. Слово *Кентавръ* справедливо названо *греческимъ*. Но слова: *Алый* и *Карій* не названы иностранными, хотя они — безспорно татарскія, и въ первомъ словарѣ *Алый* произведено отъ турецкаго *Алъ*.

Существенный недостатокъ втораго академическаго словаря составляетъ отсутствіе въ немъ словъ, находящихся въ древнихъ русскихъ памятникахъ: въ лѣтописи Нестора, въ произведеніяхъ Кирилла Туровскаго, и др. Нѣтъ даже многихъ словъ,

которыя объяснены Карамзинымъ въ его Исторіи государства россійскаго. Не внесены древнія и старинныя слова: *Тезъ* (*Тезка*), *Темникъ*, *Паломникъ*, *Комонь* и др.

Естественному порядку въ расположеніи словъ много повредили буквы *ъ* и *ь*, которымъ составители словаря придавали черезчуръ большое значеніе. Предлоги *К* (*къ*) и *С* (*съ*) поставлены при самомъ концѣ словъ, начинающихся на *К* и *С*, вмѣсто того, чтобы стоять въ самомъ началѣ. По этой же причинѣ, первообразное *Полъ* помѣщено гораздо ниже производнаго *Половина*, и производное *Полковникъ* — выше кореннаго *Полкъ*, и т. п.

Нѣкоторыя слова опредѣлены невѣрно и неточно:

Неясыть — Птица та же, что *Филинъ*, *Сова* (III, 1384). Но уже Поликарповъ гораздо правильнѣе опредѣлилъ *Неясыть* словомъ *Пеликанъ*.

Велбудъ — Толстый канатъ; *Велблюдъ* — животное (I, 423—424). Но это — не два разныя слова, а двѣ формы одного и тогоже слова, значащаго *Верблюдъ* (camelus). *Велбудъ* — древняя форма, *Велблюдъ* — позднѣйшая.

Слово *Полъ* встрѣчается четыре раза, какъ самостоятельное по своему значенію, а именно: 1) Помостъ; 2) Sexus; 3) Берегъ, сторона; 4) Половина (IV, 1461). Но только первое значеніе рѣзко отличается отъ четвертаго; второе же и третье относятся къ четвертому, какъ иносказательныя къ своему источнику.

Если бы въ началѣ цѣлаго ряда словъ, начинающихся съ *Тре*, было указано, что *Тре* образовалось изъ *Трое*, то было бы ясно, что *Треблаженный* есть то же, что *Ter beatus*. При словѣ *Инокъ* не было бы лишнимъ упомянуть, что оно сокращено изъ *Единокъ*, и т. п.

Принятая въ словарѣ система объясненія словъ посредствомъ синонимовъ имѣетъ то неудобство, что нерѣдко ускользаютъ особенности и оттѣнки значенія, и принимаются за тожественныя слова, имѣющія только повидимому совершенно одинаковый смыслъ, безъ малѣйшаго отличія. Слово *Чортъ* опредѣляется словами: *Демонъ*, *Діаволъ*, *Бѣсъ*, *Злый духъ* (VI, 1278); слово

Демонъ — словами: *Діаволъ, Бѣсъ, Злый духъ* (II, 49); слово *Діаволъ*—словами: *Бѣсъ, Демонъ; Злый, Нечистый духъ* (II, 86).

Нѣкоторыя изъ опредѣленій и описаній неудачны или неумѣстны; иныя просто смѣшны:

— *Идти* — Ступая, или движась, перемѣнять мѣсто (II, 954).

— *Стоять* — Быть на ногахъ; противополагается въ семъ смыслѣ глаголамъ: *Лежать* и *Сидѣть* (VI, 524).

— *Ротъ*—Отверстіе подъ носомъ на лицѣ человѣческомъ и у нѣкоторыхъ животныхъ, растворяемое и затворяемое губами, чрезъ которое издается голосъ и пріемлется пища и питіе (V, 1080).

Кто изъ русскихъ читателей — говоритъ Добровскій — не разсмѣется, встрѣчая въ словарѣ опредѣленія такого рода: «*Третій*—Слѣдующій по второмъ» (VI, 776); «*Девять*—Число, состоящее изъ осьми единицъ съ единицею» (II, 47). Линде, въ своемъ польскомъ словарѣ, счастливо избѣжалъ подобныхъ излишествъ, принявши другой языкъ, именно нѣмецкій, для объясненія польскихъ словъ [138]).

Хотя Добровскій и называетъ разбираемый имъ трудъ новымъ, дополненнымъ и улучшеннымъ изданіемъ словаря, но изъ самаго разбора оказывается, что новый словарь часто повторяетъ ошибки прежняго, и весьма мало сдѣлалъ для ихъ исправленія.

Довольно строгій приговоръ надъ общимъ трудомъ академіи, во главѣ которой стоялъ Шишковъ, впервые завязавшій у насъ связи съ ученымъ славянскимъ міромъ, заставилъ Добровскаго опасаться неудовольствія со стороны его русскихъ почитателей. Но отзывъ одного изъ дѣятельныхъ посредниковъ въ сношеніяхъ съ славянскими учеными разсѣялъ эти опасенія. Въ «Библіографическихъ листахъ» П. И. Кеппена появилась такая замѣтка о рецензіи Добровскаго на словарь россійской академіи, расположенный по азбучному порядку: «Рецензентъ, наторѣвшій въ трудахъ сего рода, предлагаетъ мысли свои о возможномъ

усовершенствованіи помянутаго словаря. Свойственная ему скромность въ изложеніи сужденій служитъ наилучшимъ доказательствомъ, что одно только усердіе къ наукамъ побудило его приняться за перо. Ревнителямъ россійской литературы въ такомъ случаѣ нельзя не благодарить почтеннаго ветерана за напечатаніе статьи, заслуживающей вниманія каждаго отечественнаго филолога»[139]). Замѣтка эта порадовала Добровскаго, какъ можно заключить изъ словъ его въ письмѣ къ Кеппену: Es war gut, dass sie in ihren Blättern, wo sie von meiner recension des wörterbuchs der russ. akademie sprechen, mich gleichsam entschuldigten und meine absicht dabei rechtfertigten[140].

Русскіе филологи временъ преобразованія россійской академіи въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности отдавали предпочтеніе второму, т. е. азбучному словарю передъ первымъ, т. е. словопроизводнымъ. Въ предисловіи къ Словарю церковно-славянскаго и русскаго языка, составленному Вторымъ отдѣленіемъ академіи наукъ, находится такое замѣчаніе: «Что касается до Азбучнаго словаря, то превосходя первый *количествомъ словъ и опредѣлительностію ихъ значеній*, онъ доселѣ почитался замѣчательнымъ и весьма полезнымъ трудомъ»[141]).

Въ обзорѣ нашей словарной литературы академикъ И. И. Срезневскій говоритъ о второмъ словарѣ россійской академіи:

«Въ составъ этого словаря вошло до пятидесяти двухъ тысячъ словъ языка книжнаго, стараго и новаго, языка народнаго, равно и термины наукъ, художествъ и т. д. На каждомъ словѣ обозначено удареніе. При каждомъ словѣ отмѣчено его грамматическое значеніе, и вслѣдъ за тѣмъ объясненъ смыслъ слова. Замѣчательно, что всѣ слова безъ исключенія, какія бы то ни были, истолкованы одинаково *объясненіемъ* самыхъ понятій, заключающихся подъ ними, такъ что въ нѣкоторомъ отношеніи этотъ словарь есть вмѣстѣ и краткая энциклопедія. При словахъ менѣе обыкновенныхъ есть свидѣтельства и ссылки на книги, при словахъ обыкновеннаго разговорнаго языка — выраженія поговорочныя. Словарь не полонъ ни по количеству словъ, ни по

отличенію смысловъ словъ, ни по свидѣтельствамъ объяснительнымъ, ни тѣмъ болѣе по фактамъ для исторіи языка; въ немъ немало и странностей, и ошибокъ; но мысль, руководившая составителей, выкупаетъ ошибки; время составленія ихъ извиняетъ, а то, что онъ до сихъ поръ впродолженіе двадцати пяти лѣтъ послѣ его окончанія, (писано въ 1847 г.), не замѣненъ вполнѣ ничѣмъ лучшимъ, служитъ достаточнымъ доказательствомъ, какъ трудно у насъ удаются подобныя предпріятія, какъ еще не время у насъ требовать совершенства въ твореніяхъ филологическихъ, и какъ много достоинства можетъ иногда остаться безъ должной оцѣнки тамъ, гдѣ легче увидѣть недостатки, чѣмъ ихъ непреодолимость. *Азбучный словарь академіи останется навсегда однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ свидѣтельствъ первыхъ успѣховъ русской науки и лучшимъ памятникомъ усилій россійской академіи. Издавши этотъ словарь, она уже могла сказать, что не даромъ существовала»* [142]).

XXVII.

Въ одно и то же время академія приступила къ двумъ трудамъ, указаннымъ ея уставомъ—къ составленію Азбучнаго словаря и *Россійской грамматики*. Въ собраніи 5 августа 1794 года учрежденъ былъ изъ членовъ академіи особый, такъ называемый грамматическій отдѣлъ, на который и возложено «сдѣлать начертаніе и расположеніе» предпринимаемаго труда. Нѣсколько засѣданій посвящено было разсмотрѣнію плана, или «начертанія для составленія грамматическихъ правилъ». Планъ этотъ окончательно разсмотрѣнъ и утвержденъ въ собраніи 21 октября 1794 года [143]). По свидѣтельству членовъ россійской академіи, при составленіи плана «руководствовались наиболѣе грамматиками Максима Грека и *Ломоносова*» [144]).

24 февраля 1795 года началось, а 2 апрѣля 1799 года кончилось разсмотрѣніе составляемой грамматики; съ мая 1796 года академическія собранія посвящены были главнымъ образомъ разсмотрѣнію грамматики.

7 мая 1799 года началось а 18 мая 1801 года окончилось «повторительное просматриваніе» грамматики, составленной россійскою академіею.

8 іюня 1801 года началось, а 24 декабря того же года окончилось «третичное чтеніе и поправленіе россійской грамматики» [145]).

О спорныхъ вопросахъ, возникавшихъ по поводу разсматриваемаго труда, и о способѣ ихъ рѣшенія можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ:

Въ одномъ изъ собраній россійской академіи «предложенъ былъ вопросъ, что слова: *многій*, *нѣсколькій* и другія, имъ подобныя, суть ли имена числительныя, или почитать ихъ просто именами прилагательными; и нужно ли числительныя имена количественныя раздѣлять на *опредѣленныя* и *неопредѣленныя*. — На что членъ академіи Петръ Соколовъ, сочинявшій о именахъ числительныхъ, отвѣтствовалъ, 1-е что ежели имена, означающія число вещей и соотвѣтствующія вопросу: *коликій*, суть имена числительныя, то и помянутыя слова: *нѣсколькій*, *многій* и проч. поелику соотвѣтствуютъ вопросу: *коликій*, имѣютъ право быть причислены къ именамъ числительнымъ количественнымъ. — 2-е поелику числительныя имена, напримѣръ: *два* и *многій*, показываютъ оба количество вещей съ тою токмо разностью, что слово *два* означаетъ положительное или точное число вещей, а слово *многій* показываетъ неопредѣленное число оныхъ: посему и необходимо нужно раздѣлить количественныя имена на *опредѣленныя*, кои означаютъ положительное число вещей, напр. *два*, *три*, *пять*, *сто*, *тысяча* и проч., и на *неопредѣленныя*, кои означаютъ неопредѣленное число вещей, таковы суть: *нѣсколькій*, *многій*, и проч. — Гг. присутствовавшіе члены, нашедъ причины сіи основательными, рѣшили, дабы раздѣленія именъ числительныхъ оставить таковыми, какъ онѣ сдѣланы въ листѣ *О* сочиняемой россійской грамматики, съ нѣкоторою поправкою приведенныхъ на оныя примѣровъ» [146]).

«Нѣкоторые изъ гг. членовъ предлагали свое мнѣніе, что хотя

раздѣленіе глаголовъ на залоги: дѣйствительные, возвратные, средніе, взаимные, общіе и страдательные въ сочиняемой грамматикѣ сдѣлано сходственно съ начертаніемъ для составленія оныхъ, академіею утвержденнымъ, и сообразно съ прочими россійскими грамматиками: однако, вникая въ главное и общее знаменованіе глаголовъ возвратныхъ, среднихъ, взаимныхъ и общихъ, каковы суть: *моюся*, *иду*, *стучу*, *ссорюся*, *стараюся*, видѣть можно, что они не иное что суть, какъ виды или подраздѣленія глагола дѣйствительнаго, поелику каждый изъ нихъ означаетъ дѣйствіе вещи, что̀ и самыя опредѣленія, сдѣланныя имъ въ грамматикахъ, свидѣтельствуютъ. Посему и совѣтовали раздѣлить всѣ глаголы на два токмо главные залога: на *дѣйствительный* и *страдательный;* прочіе жъ залоги, т. е. *возвратный*, *средній*, *взаимный* и *общій*, почитать подраздѣленіями залога дѣйствительнаго. Новое сіе раздѣленіе возложено было собраніемъ обдѣлать на члена академіи Петра Соколова и представить оное къ будущему собранію на разсмотрѣніе» [147]).

«При чтеніи 243-й статьи, въ которой изображено, что, «тѣ глаголы, которые не имѣютъ прошедшаго совершеннаго времени простаго, ни сложнаго, ни отъ сложныхъ заимствовать немогутъ, замѣняютъ сей недостатокъ прошедшимъ неопредѣленнымъ временемъ, напр.: *отвѣчалъ*, *царствовалъ* и проч». Собраніе положило прибавить слѣдующее замѣчаніе, что правилу сему подвержены наипаче глаголы, произведенные отъ именъ и кончащіеся на *ствую* и *цаю* напр.: *существую*, *существовалъ; владычествую*, *владычествовалъ; господствую*, *господствовалъ; бряцаю*, *бряцалъ* и проч. Равнымъ образомъ глаголы, кончающіеся на *чаю* и означающіе какое-либо ремесло или промыселъ, каковы суть: *барышничаю*, *барышничалъ; сапожничаю*, *сапожничалъ*, и проч, къ сему жъ принадлежатъ правилу,—что̀ исправить и пополнить возложено на сочинителя сей части грамматики, члена академіи г. Петра Соколова» [148]).

Составителями академической грамматики сама академія признаетъ членовъ своихъ: Петра Ивановича и Дмитрія Михай-

ловича Соколовыхъ, главнымъ сотрудникомъ которыхъ былъ, также членъ россійской академіи, протоіерей И. И. Красовскій [149]).

Въ 1802 году появилась въ свѣтъ *Россійская грамматика*, составленная императорскою россійскою академіею. Цѣль и отчасти значеніе новаго академическаго труда довольно ясно опредѣляется въ «предызвѣщеніи», въ которомъ говорится отъ лица академіи:

«Россійская академія, при сочиненіи изданнаго ею словаря вникая въ происхожденіе и разныя знаменованія словъ, славенороссійскій языкъ составляющихъ, и дѣлая грамматическія замѣчанія при каждомъ словѣ, открыла чрезъ тò путь къ составленію россійской грамматики.

Желая сдѣлать сочиненіе сіе, сколько возможно, исправнѣе и полнѣе другихъ изданныхъ въ свѣтъ россійскихъ грамматикъ, академія старалася расположить оное порядкомъ простѣйшимъ и для учащихся менѣе затруднительнымъ, дополнить недостатки, въ прочихъ грамматикахъ находящіеся, дать точныя и съ понятіемъ начинающихъ учиться сходственныя опредѣленія, дабы юношество, положивъ твердое основаніе въ правилахъ языка отечественнаго, могло съ большею удобностію и въ кратчайшее время научиться языкамъ иностраннымъ.

Но главнѣйшее академіи попеченіе состояло въ томъ, дабы подвесть подъ общія и единообразныя правила спряженіе глаголовъ, которые не токмо иностраннымъ, но и природнымъ россіянамъ великое причиняютъ затрудненіе. — Въ грамматикѣ покойнаго г. статскаго совѣтника и профессора Михаила Васильевича Ломоносова и въ другихъ россійскихъ грамматикахъ глаголы раздѣлены на два спряженія, которыхъ разность состоитъ въ окончаніи втораго лица числа единственнаго настоящаго времени. И по сему раздѣленію глаголы, кончащіеся на *ешь*, наприм.: двигаю, *двигаешь*, пою, *поешь*; относятся къ первому, а глаголы, кончащіеся на *ишь*, какъ-то: верчу, *вертишь*; пою, *поишь* и проч. суть втораго спряженія. Но сличивъ прочіе гла-

голы съ приложенными въ грамматикахъ для спряженія образцами, ясно видѣть можно, что великое находится множество глаголовъ, которые въ прочихъ временахъ и наклоненіяхъ весьма отъ образцовъ своихъ отступаютъ, напримѣръ: глаголы: двигаю *двигаешь*, емлю *емлешь*, несу *несешь*, колю *колешь*, воюю *воюешь*, по второму лицу относятся къ спряженію первому; а глаголы: терплю *терпишь*, верчу *вертишь*, молчу *молчишь*, хвалю *хвалишь*, принадлежатъ ко второму спряженію; въ наклоненіи жъ неокончательномъ и во временахъ прошедшихъ никакого въ ихъ окончаніяхъ нѣтъ сходства; какъ-то: *двигать*, *яти*, *несть*, *воевать*, *колоть*, *терпѣть*, *молчать; двигалъ*, *ялъ*, *несъ*, *воевалъ*, *кололъ*, *терпѣлъ*, *хвалилъ* и проч.

Для отвращенія сего неудобства и уменьшенія количества глаголовъ неправильныхъ академія за нужное почла раздѣлить оные на четыре спряженія по неокончательнымъ ихъ наклоненіямъ; и посему глаголы, кончащіеся на *ть* съ предыдущею гласною буквою *а* или *я*, какъ напримѣръ: *писать*, *сьять*, принадлежатъ къ спряженію первому; кончащіеся на *ть* съ предыдущею гласною *е* или *ѣ*, какъ-то: *мереть*, *смотрѣть*, — ко второму; съ предыдущею гласною *и* или *ы*, на прим. *строить*, *мыть*, — къ третьему, а съ предыдущею гласною *о* или *у*, какъ напр. *колоть*, *сохнуть*,—къ спряженію четвертому. Тѣ жъ глаголы, кои въ неокончательномъ наклоненіи кончатся на *чь* или съ предыдущею согласною буквою на *ть*, какъ-то: *влечь*, *течь*, *несть*, *грызть*, и пр., такъ какъ и глаголъ *итти*, причислены къ глаголамъ неправильнымъ. Таковое глаголовъ на четыре спряженія раздѣленіе тѣмъ паче удобнѣе и полезнѣе прежняго быть кажется, что отъ неокончательныхъ наклоненій весьма легко всѣ прошедшія времена изъявительнаго наклоненія, причастія и дѣепричастія временъ прошедшихъ произведены быть могутъ почти безъ всякаго исключенія.

Академія, издавая въ свѣтъ трудъ сей, усердно желаетъ, чтобы общая польза соотвѣтствовала ея намѣренію, къ утвержденію правилъ россійскаго слова клонящемуся» [150]).

Составители грамматики не достигли предположенной цѣли. По замѣчанію Добровскаго, вмѣсто однихъ затрудненій въ спряженіи глаголовъ появились другія. Глаголы: *Грѣю, ешь* и *Смотрю, ишь* отнесены къ одному и тому же, именно ко второму, спряженію, а глаголы: *Строю, ишь* и *Мою, ешь*—къ третьему. Глаголъ *Дую* отдѣленъ отъ глагола *Мою*, и отнесенъ къ четвертому спряженію. Вѣрнѣе было бы глаголы: *Грѣю, Мою, Дую*, отнести къ тому же спряженію, что и глаголъ *Двигаю*, хотя они и отличаются одинъ отъ другаго въ неокончательномъ наклоненіи, и т. д. [151]).

Грамматика россійской академіи выдержала нѣсколько изданій. Второе изданіе вышло въ 1811 году, третье—въ 1819 году. По поводу послѣдняго изданія явилась въ Сынѣ отечества пространная критическая статья, получившая особенное значеніе вслѣдствіе протеста россійской академіи [152]).

Критикъ Сына отечества находитъ, что академическая грамматика вовсе не заключаетъ въ себѣ научнаго изслѣдованія свойствъ русскаго языка, и должна быть отнесена къ числу простыхъ учебниковъ, и притомъ довольно плохихъ. Она не отличается ни ясностью и точностью изложенія, ни вѣрнымъ пониманіемъ излагаемаго предмета. Неопредѣленность, темнота и сбивчивость поражаютъ читателя чуть не на каждомъ шагу. На доказательства критикъ не поскупился:

Въ грамматикѣ россійской академіи сказано: «Во многихъ случаяхъ, въ среднемъ и низкомъ словѣ, также въ разговорахъ, имена прилагательныя, кончащіяся на *ый, гій, кій, хій*, букву *ы* или *і* перемѣняютъ на *о*, напримѣръ: *Храброй, Умной, Ветхой, Великой, Упругой*, и проч. Имена же прилагательныя, кончащіяся на *жій, лій, сій, чій, шій, щій*, букву *і* перемѣняютъ на *е*, напримѣръ: *Прежней, Лучшей, Общей*. Ибо нехорошо бы было сказать: Древніе римляне бѣжавшимъ въ сраженіи воинамъ отрубали *большій*, вмѣсто *большой*, палецъ у руки, или: *маленькій домикъ, мальчикъ*, вмѣсто: *маленькой; ветхій сарай* вмѣсто: *ветхой сарай*».

Критикъ возражаетъ на это: «Почему жъ нехорошо, если смѣемъ просить? Мы не находимъ тутъ никакой ошибки, никакой несообразности, и должны еще просить разрѣшенія, гдѣ именно находится предѣлъ употребленія окончаній *ый* и *ой*, *ій* и *ей*. По нашему мнѣнію, всѣ имена прилагательныя должно писать въ окончаніи *ый* или *ій*, кромѣ тѣхъ, кои имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, напримѣръ: *Слѣпой*, *Кривой*. Окончаніе же *ей* можетъ и должно быть вовсе отринуто. Если намъ возразятъ, что оно иногда слышно въ произношеніи, то мы съ большимъ правомъ станемъ требовать, чтобъ въ родительномъ падежѣ писали: *Слѣпова*, *Кривова*, и пр.»

Въ академической грамматикѣ: «Предлогъ есть часть рѣчи *несклоняемая*, и *напереди предъ* другими частями рѣчи раздѣльно или слитно поставляемая».

Критикъ: «Надлежало бы прибавить: *и неспрягаемая*, ибо если опасаются, что кому-нибудь вздумается склонять: *Изъ*, *Иза*, *Изу*, то также можно бояться и спряженія: *Между*, *Междишь*, *Междитъ*. Слово *напереди* совсѣмъ лишнее: можно ли что-либо поставить *предъ* вещію *назади* оной?»

Въ грамматикѣ: «Неокончательное однократное наклоненіе имѣютъ *только* глаголы, кончащіеся на *бать*, *гать*, *кать*, *пать*, *хать*».

Критикъ: «Слѣдовательно можно сказать: *Колебнуть*, *Искнуть*, *Спнуть*, *Лгнуть*?»

Въ грамматикѣ: «Дѣйствительные глаголы означаютъ дѣйствіе одной *вещи* на другую, и требуютъ падежа винительнаго, напримѣръ: *Читать книгу*; *Писать письмо*; *Почитать родителей*».

Критикъ: «Спрашиваемъ, можетъ ли вещь читать книгу, писать письмо, почитать родителей».

Къ числу ложныхъ правилъ, предлагаемыхъ академіею, критикъ Сына отечества относитъ употребленіе буквы *ѣ* въ словахъ: *Лѣкарь*, *Лѣчить*, *Мѣжа*, *Однѣжда*, *Подгнѣта*.

Любопытно указаніе архаизмовъ въ правилахъ и примѣрахъ

академической грамматики. Они объясняются тѣмъ, что составители грамматики руководствовались тѣми же самыми взглядами и требованіями относительно языка и слога, что и составители перваго академическаго словаря. Вслѣдствіе этого называли въ 1819 году общеупотребительными и современными такія черты и особенности, которыя въ 1783 году считались уже старинными и выходящими изъ употребленія. Названіе *низкое просторѣчіе*, *славенское правописаніе*, озадачившее критика, заимствовано, изъ терминологіи перваго словаря. Несмотря на то, что по мнѣнію академіи «намъ нужна наипаче *грамматика нынѣ употребительнаго языка*», академическая грамматика смѣшивала иногда старое съ новымъ, отживающее съ общеупотребительнымъ [153]).

Въ грамматикѣ россійской академіи: «Въ важныхъ предметахъ, также въ слогѣ высокомъ и близко къ славенскому подходящемъ, употребляются *лучше* имена числительныя, по славенскому правописанію пишемыя, какъ-то: *Единый*, *Первыйнадесять*, *Тридесять*, и пр., поелику приличнѣе сказать и писать: *Карлъ Вторыйнадесять*, нежели *Двѣнадцатый*; *Лудовикъ Пятыйнадесять*, нежели *Пятнадцатый*».

Критикъ Сына отечества: «Мы, признаемся, не видимъ, почему *Двѣнадцатый* сказать не такъ прилично, какъ *Вторыйнадесять*, и не знаемъ, кто бы сказалъ: *Тридесятый*, *Двадесять* и пр.»

Въ грамматикѣ: «Согласными буквы именуются *для того*, что сами собою произносимы быть не могутъ, а выговариваются чрезъ приложеніе къ нимъ гласныхъ».

Въ первомъ академическомъ словарѣ, 1790 г.: «*Для того что* — употребляется *иногда* вмѣсто союза винословнаго, и значитъ тоже, что *Поелику*, *Понеже*, *Ибо*: Я не могъ исполнить вашего приказанія, *для того что* сдѣлался боленъ» (II, 686). Опредѣленіе это дословно повторяется во второмъ академическомъ словарѣ, 1809 г. (II, 91). Но въ литературномъ языкѣ оно уже сдѣлалось архаизмомъ, какъ видно изъ замѣчанія критика Сына отечества: «Выраженіе *Для того* означаетъ не при-

чину а послѣдствіе, напримѣръ: Онъ учится грамматикѣ *для того*, чтобъ знать ее».

Въ академической грамматикѣ приводятся подобнаго рода примѣры:

— Чрезъ добрыя дѣла можно заслужить честь.

— Уже варвары, когда Александръ ввелъ въ городъ свою фалангу (строевое македонское войско), разбѣжались, куда кого боязнь загнала.

— Когда Анаксагору сказали, что сынъ его умеръ, тогда онъ такъ отвѣтствовалъ....

«Эти фразы — замѣчаетъ критикъ — гораздо старѣе и перваго изданія сей грамматики».

Критика Сына отечества раздражила членовъ россійской академіи. Они не знали, на что̀ рѣшиться: возражать — значитъ вступить въ полемику съ журналистомъ, рискуя подвергнуться новымъ оскорбленіямъ; промолчать — значитъ сознаться въ справедливости укоровъ противника. И то и другое унизительно для академіи и несогласно съ ея достоинствомъ. Въ порывѣ негодованія академики стали утверждать, что «нѣтъ никакой пользы ни *для нравовъ*, ни для просвѣщенія и словесности», чтобы книги, издаваемыя академіею, и слѣдовательно оцѣненныя и одобренныя ею, снова переоцѣнивались журналистами, — и что «поступокъ» журналиста, т. е. его критика на академическую грамматику, подлежитъ, какъ своего рода преступленіе, суду правительства. Вслѣдствіе этого президентъ россійской академіи обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ письмомъ такого содержанія:

«Въ прошедшихъ засѣданіяхъ россійской императорской академіи читана была напечатанная въ журналѣ *сына отечества* (sic), подъ названіемъ критики, на изданную отъ ней грамматику обидная для академіи брань. Академія нашлась принужденною поручить мнѣ бывшія по сему случаю сужденія ея препроводить къ вашему сіятельству, яко члену оной и министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, для свѣдѣнія, въ какомъ при

таковыхъ обстоятельствахъ находится она положеніи, и притомъ донести, что если и впредь журналисты, и всякій, кто захочетъ, будутъ въ правѣ о издаваемыхъ ею книгахъ возвѣщать публикѣ съ своими, ни разсудкомъ, ни пристойностію не обузданными толками, то ей не останется ничего другаго, какъ или таковыя происшествія съ нею для свѣдѣнія публики записывать и помѣщать въ своихъ изданіяхъ, или не издавать ничего, дабы не подвергаться стыду быть передъ цѣлымъ свѣтомъ отъ всякаго, кто захочетъ, браненой, и молчать».

Главное правленіе училищъ, разсмотрѣвъ жалобу россійской академіи, нашло, что никому нельзя запретить писать критики, особенно на грамматику, и если академія недовольна разборомъ ея труда, то можетъ дѣйствовать тѣмъ же оружіемъ, т. е. печатнымъ словомъ, доказывая несостоятельность взводимыхъ на нее обвиненій. Что же касается рѣзкихъ и оскорбительныхъ отзывовъ, то рѣшено было сдѣлать выговоръ цензору, пропустившему статью, и поставить на видъ автору, что подобнаго рода статьи могутъ повести къ закрытію его журнала. Министръ народнаго просвѣщенія писалъ попечителю с. петербургскаго учебнаго округа: «Оскорбительные для академіи выраженія и отзывы совершенно противны уставу о цензурѣ и слѣдовательно не могутъ быть никому дозволены, не токмо въ отношеніи къ цѣлому сословію, но и ко всякому частному лицу. Вслѣдствіе того покорнѣйше прошу учинить выговоръ цензору, дозволившему, вопреки цензурныхъ правилъ, напечатать тѣ замѣчанія, и притомъ не оставьте предписать цензурному комитету, чтобъ впредь ничего оскорбительнаго ни на какое лицо печатать дозволяемо не было. Самому же издателю журнала *Сынъ отечества* прошу васъ, поставивъ на видъ таковый, противный законамъ, поступокъ, объявить, что хотя и запрещено строго цензурѣ о непропускѣ впредь къ напечатанію никакихъ, подобныхъ сему, оскорбительныхъ на чье-либо лицо замѣчаній и изъясненій; но какъ цензура, при многихъ ея занятіяхъ, съ одной стороны, будетъ всегда напрасно затрудняема исправленіемъ

тѣхъ обидныхъ мѣстъ въ просматриваемыхъ ею изданіяхъ; съ другой же — можетъ иногда по неосторожности ихъ пропустить, то въ такомъ случаѣ всегда издатель подвергнетъ себя отвѣтственности, и наконецъ самый журналъ его должно будетъ запретить» [154]).

XXVIII.

Изданіемъ словаря и грамматики исполнена только половина той задачи, которая возложена на академію при самомъ ея учрежденіи. Академіи предстояли еще два труда — составленіе *Риторики* и *Піитики*.

Достоинство академіи требовало, чтобы составлены были не простые учебники, съ ихъ избитыми, схоластическими пріемами, и чтобы «академія — говоря словами Лепехина — избрала настоящую стезю и не слѣдовала школьнымъ забобонамъ». По мнѣнію другого академика, риторика, составляемая россійскою академіею, «должна быть ею обработана не во образѣ дѣтскаго къ краснорѣчію руководства, но въ качествѣ мужественнаго къ оному наставленія, подобнаго тому, какое изъ древнихъ оставили намъ Цицеронъ и Квинтиліанъ, а изъ новѣйшихъ Эрнестъ и другіе риторы» [155]).

Идеаломъ представлялась такая риторика, которая могла бы «вперить вкусъ къ истинному краснорѣчію, и изяществомъ своимъ приносила честь академіи». Для осуществленія подобнаго идеала обратились прежде всего къ двумъ членамъ россійской академіи, извѣстнымъ своими «знаніями, опытностію и искусствомъ въ россійской словесности» — къ архіепископу ярославскому Павлу (Пономареву) и къ Ник. Як. Озерецковскому. Они просили дать имъ время на размышленіе. Архіеп. Павелъ вскорѣ отказался отъ участія въ трудѣ, возлагая всю надежду на Озерецковскаго — на его «знанія, искусство и *даръ словами*». Въ свою очередь отказался и Озерецковскій на томъ основаніи, что не надѣялся сочинить такую риторику, которая изяществомъ

своимъ провосходила бы существующія уже риторики Ломоносова и архіеп. Амвросія.

Пришлось обратиться къ лицамъ, которыя никогда не отказывались ни отъ какихъ порученій академіи, исполняя ихъ по мѣрѣ своихъ способностей, — именно къ Петру Ивановичу и Дмитрію Михайловичу Соколовымъ. Одинъ изъ «вновь назначенныхъ сочинителей риторики», П. И. Соколовъ представилъ планъ, или начертаніе предпринятаго труда, и академическое собраніе «изъявило свое удовольствіе сочинителю сего начертанія». Проходили года; въ извѣстіяхъ о трудахъ академіи упоминалось иногда, что Соколовъ занимается составленіемъ полной риторики, но о дальнѣйшей судьбѣ ея не имѣется точныхъ и подробныхъ свѣдѣній. Въ позднѣйшемъ перечнѣ трудовъ и занятій Соколова, говорится объ участіи его въ составленіи словаря и грамматики, но о приготовляемой къ изданію риторикѣ нѣтъ и помину [156]).

Такая же неудача постигла и другое предпріятіе россійской академіи — составленіе *Піитики*. Президентъ академіи Нартовъ предложилъ собранію, что «россійская академія должна также сочинить *Науку россійскаго стихотворства*, и что онъ способнѣйшимъ къ исполненію сего новаго и общеполезнаго предпріятія почитаетъ М. М. *Хераскова*, яко мужа, искусствомъ своимъ въ россійской словесности, а наипаче своими стихотвореніями знаменитаго». Херасковъ отказался по старости; въ отвѣтѣ его любопытно то, что составленіе піитики казалось ему дѣломъ довольно легкимъ; онъ говоритъ: «Возлагаемый на меня россійской академіей трудъ *не есть важенъ*, однако требуетъ немалаго вниманія, разсмотрѣнія и прилежности» [157]). Съ тѣмъ же порученіемъ академія обратилась къ Богдановичу. Богдановичъ изъявилъ согласіе, но работу свою — по его собственнымъ словамъ — «производилъ неторопливо», и до того неторопливо, что признано нужнымъ поручить ее другому лицу. Графъ Хвостовъ самъ вызвался «сочинить правила россійскаго стихотворенія», но черезъ нѣсколько времени отказался отъ работы, которая

казалась ему легкою только до тѣхъ поръ, пока онъ не приступалъ къ ней [158]).

Въ 1811 году издана россійскою академіею «Наука стихотворства», составленная И. С. Рижскимъ, первымъ по времени профессоромъ русской словесности въ харьковскомъ университетѣ. Хотя Рижскій и былъ членомъ россійской академіи, но представленная имъ на судъ академіи «Наука стихотворства» есть его личный трудъ, который только изданъ академіею, подобно тому, какъ издавала она произведенія лицъ постороннихъ, неимѣющихъ званія ея членовъ. Книга Рижскаго вовсе не принадлежитъ къ числу тѣхъ «общихъ трудовъ академіи», къ которымъ можно примѣнить сказанное Нартовымъ по поводу академической грамматики: «*При помощи* не болѣе *двадцати членовъ*, въ краткое время успѣли *мы* довести Россійскую грамматику до такого состоянія совершенства, что она печатается», и т. д. [159]).

XXIX.

Съ окончаніемъ перваго и важнѣйшаго труда — словопроизводнаго словаря академическая дѣятельность замѣтно ослабѣла и какъ-бы вышла изъ своей колеи. Послѣдующія работы ведены были уже не съ тою энергіею и не съ такимъ успѣхомъ. Самый выборъ работъ происходилъ болѣе или менѣе случайно и зависѣлъ иногда отъ личныхъ взглядовъ президента, невстрѣчавшихъ особеннаго сочувствія ни въ литературѣ, ни въ средѣ самой академіи.

Со времени учрежденія академіи и до окончанія словопроизводнаго словаря собранія ея происходили еженедѣльно; но такъ какъ 5 августа 1794 года «первый предпринятый академіею трудъ приведенъ былъ къ окончанію, то, согласно съ мнѣніемъ гг. членовъ, положено быть собраніямъ чрезъ двѣ недѣли» [160]).

Въ началѣ 1803 года президентъ академіи Нартовъ заявлялъ, что «россійскій словарь, азбучнымъ порядкомъ расположенный, приведенъ къ окончанію и рукописный представленъ

академіи, которая нынѣ въ собраніяхъ своихъ его разсматриваетъ и по мѣрѣ прочтенія предаетъ уже печати» [161]). Но первый томъ словаря появился въ печати только черезъ три года, а шестой и послѣдній — черезъ двадцать лѣтъ.

Число рабочихъ силъ постепенно убывало, несмотря на видимое приращеніе количества дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ. Академическія собранія становились безцвѣтнѣе, и посѣтители должны были иногда придумывать предметы для своихъ занятій. Для того, «чтобы академія могла чѣмъ-нибудь въ своихъ собраніяхъ заняться, членъ академіи Озерецковскій обѣщался представить на разсмотрѣніе академіи букву *А*, расположенную буквеннымъ порядкомъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ изданъ словарь этимологическій» [162]). По свидѣтельству Шишкова, П. И. Соколовъ трудился надъ сочиненіемъ справочныхъ листовъ словаря, и тѣмъ доставлялъ сочленамъ своимъ занятіе въ академическихъ засѣданіяхъ [163]).

Любопытно сопоставить мнѣнія, высказанныя въ разное время, о томъ, въ чемъ должна состоять дѣятельность россійской академіи. Мнѣнія эти принадлежатъ лицамъ, находившимся во главѣ академіи и вслѣдствіе этого имѣвшимъ большое вліяніе на ходъ академическихъ дѣлъ и предпріятій.

Непосредственный преемникъ княгини Дашковой, управляющій академіею П. П. Бакунинъ предложилъ собранію: Такъ какъ «главнѣйшій предметъ россійскія академіи состоитъ въ утвержденіи, обогащеніи и распространеніи языка славено-россійскаго; то сверхъ продолженія предпринятаго труда академіею въ сочиненіи полной грамматики и словаря съ прибавленіемъ языковъ иностранныхъ, почитаетъ онъ наилучшимъ средствомъ къ достиженію желаемаго намѣренія, чтобы искуснымъ въ россійскомъ словѣ и въ знаніи языковъ чужеземныхъ предлагать, изъ награжденія, иностранныя общеполезныя книги для преложенія на языкъ россійскій, а упражняющимся въ сочиненіяхъ — задачи, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, заслуживающія общее вниманіе, и которыя сочиненія могли бы служить не токмо укра-

шеніемъ россійскому слову, но и объясняли бы какой-либо историческій предметъ или дѣянія великихъ мужей, каковыми отечество наше хвалиться можетъ, или бы возвышали и вперяли нравственныя качества. Предложеніе сіе принято всѣми присутствовавшими членами, и возложено на секретаря, извѣстя о семъ всѣхъ отсутствовавшихъ высокопочтенныхъ господъ академіи членовъ, испрашивать ихъ на сіе положеніе мнѣнія, и если кому угодно, просить также предложенія книгъ или задачъ по намѣренію академіи, дабы общимъ согласіемъ можно было сдѣлать онымъ выборъ. Что̀ секретаремъ и было исполнено».

Но какъ всякое начинаніе бываетъ благоуспѣшнѣе тогда, когда оному предназначенъ порядокъ и правила, коимъ слѣдуя удобнѣе достигнуть совершенія онаго; то и въ семъ случаѣ нужно предначертаніе, которое сдѣлать возложено на секретаря.

Управляющій академіею Павелъ Петровичъ Бакунинъ предлагалъ далѣе, чтобы упражняющихся въ россійскомъ словѣ пригласить, кому угодно будетъ сообщать академіи свои творенія, которыя, буде оною одобрены будутъ, предавать тисненію и составить изъ нихъ ежегодныя академическія дѣянія, что равнымъ образомъ всѣми присутствовавшими членами принято и утверждено» [164]).

Преемникъ Бакунина, Нартовъ, при вступленіи своемъ въ должность президента, указалъ слѣдующіе предметы для занятій россійской академіи:

«Главнѣйшій предметъ трудовъ, академіею подъемлемыхъ, стремится единственно къ усовершенствованію и обогащенію россійскаго слова; то академію, сверхъ существенныхъ предметовъ ея упражненія, каковы суть: славенороссійскій словарь, грамматика, риторика и поэзія можетъ.

а) Задать къ сочиненію похвальное слово Екатеринѣ Великой, яко виновницѣ славы, величія и благоденствія, коими наслаждается любезное отечество наше, яко мудрой законодательницѣ, щедрой покровительницѣ наукъ и художествъ и основательницѣ россійской академіи.

б) Пригласить чрезъ С.-П.-бургскія и московскія вѣдомости упражняющихся въ россійскомъ стихотвореніи къ сочиненію оды на день коронованія Его Императорскаго Величества Александра Перваго.

в) Поручить искусному члену академіи собирать высочайшіе указы и учрежденія нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Перваго, яко драгоцѣннѣйшіе залоги благоденствія его вѣрноподданныхъ, съ тѣмъ дабы онъ, сочинивъ изъ нихъ исторію достойную толь милосердаго монарха и самой академіи, представлялъ оную на разсмотрѣніе академіи по истеченіи года; за что академія да опредѣлитъ ему пристойное трудамъ симъ награжденіе.

г) Задавать къ сочиненію похвальныя слова особамъ, знаменитыми подвигами своими безсмертную славу снискавшимъ и другія творенія до словесности россійской относящіяся, опредѣливъ въ награжденіе золотую или серебряную медаль тому, коего сочиненіе признано будетъ того достойнымъ.

д) Издавать сочиненія до словесныхъ наукъ относящіяся, которыя членами и вообще любителями наукъ будутъ представлены и ею одобрены, къ чему всѣ упражняющіеся въ сочиненіи на россійскомъ языкѣ приглашены быть должны чрезъ вѣдомости.

Всѣ сіи предложенія г. президента академіею съ уваженіемъ приняты и положено произвести ихъ въ дѣйство: на первый же случай за лучшую оду на день коронованія Его Императорскаго Величества академія опредѣлила въ почесть золотую медаль, а за другую оду изяществомъ своимъ къ первой ближайшую, серебряную медаль. Срокъ присылкѣ одъ назначенъ къ 1-му числу августа сего 1801 года; по прошествіи же онаго въ обѣщанной почести участвовать не будутъ.

3-е. Хотя россійская грамматика академіею сочиненная читана и выправлена вторично въ собраніяхъ академическихъ, однакожъ его превосходительство, не ограничивая себя, яко президентъ, единымъ попеченіемъ о благосостояніи академіи, но яко ревностный сотрудникъ оныя, желая соучаствовать во всѣхъ ея

упражненіяхъ, опредѣлилъ читать россійскую грамматику въ третій разъ въ своемъ присутствіи, дабы чрезъ то́ содѣлать ее исправнѣйшею и совершеннѣйшею» [165]).

Въ связи съ этимъ предложеніемъ находится составленный Нартовымъ планъ академическихъ занятій — переводовъ и повременныхъ изданій:

«Начертаніе о переводахъ и ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, каковыя россійская академія издавать въ свѣтъ намѣрена.

Императорская россійская академія, высокомонаршими щедротами подкрѣпляемая и внимающая предметамъ главнѣйшихъ трудовъ своихъ, вопервыхъ издала россійскій производный словарь и грамматику. Нынѣ занимается она вновь сочиненіемъ славенороссійскаго словаря азбучнымъ порядкомъ располагаемаго; такъ же логики, риторики и поэзіи. Но таковаго рода творенія, содержащія въ себѣ правила съ краткими на оныя примѣрами служатъ токмо начальными основаніями россійскаго языка и наукъ словесныхъ; сего ради академія непреложнымъ долгомъ своимъ поставляетъ пещись о доставленіи любителямъ россійской словесности избраннѣйшихъ и подражанія достойныхъ образцовъ и примѣровъ во всякомъ родѣ сочиненія до словесныхъ наукъ относящихся для извлеченія изъ оныхъ всякой красоты, служащей къ усовершенствованію стихотворства и краснорѣчія и чрезъ то споспѣшествовать распространенію вкуса и охоты къ толь благородному упражненію, какова есть словесность.

Преложеніе на языкъ отечественный знаменитыхъ классическихъ древнихъ и новѣйшихъ писателей, и изданіе ежемѣсячныхъ сочиненій есть самый надежный и кратчайшій путь къ достиженію сея для россійской словесности полезныя, а для самой академіи достохвальныя цѣли. Какимъ же на первый случай при сихъ переводахъ и сочиненіяхъ правиламъ послѣдовать должно, онымъ краткое начертаніе здѣсь предлагаю.

О переводахъ классическихъ писателей.

1.

Во первыхъ академія рѣшить должна, какія именно древнія и новѣйшія знаменитѣйшія классическія книги переведены быть должны, кромѣ уже тѣхъ, которыя по усердію своему нѣкоторые господа члены переводить предпріяли, а именно: Тацита, Лукана Фарсальскую брань, двѣнадцать избранныхъ Цицероновыхъ рѣчей и нравственныя творенія Сенеки.

2.

Къ переводу избранная и одобренная президентомъ и собраніемъ книга препоручается одному изъ членовъ по его на то согласію, въ обоихъ языкахъ искусному. При семъ наблюдать должно, чтобы книга переводима была съ того языка, на которомъ она отъ сочинителя писана.

3.

Перевода книги во многихъ томахъ или частяхъ состоящія, разнымъ членамъ препоручать не должно: въ противномъ случаѣ слогъ былъ бы разнообразенъ, а потому и переводъ будетъ не токмо не согласенъ, но даже противенъ намѣренію, съ каковымъ академія преложеніе классическихъ писателей предпріемлетъ. Если же какія-либо непредвидимыя или внезапныя обстоятельства воспрепятствовали бы члену, пріявшему на себя переводъ продолжать оный, то академія препоручаетъ его другому кому либо изъ своихъ членовъ.

4.

Оконченный и представленный въ академію переводъ читается или въ собраніи или въ нарочно для того назначенномъ комитетѣ изъ желающихъ членовъ. По прочтеніи и утвержденіи подписаніемъ президента отдается оный переводъ тисненію.

5.

Преложеніе классическихъ писателей предоставляется единственно членамъ академіи. Если же, паче чаянія, никто изъ членовъ не приметъ на себя перевода какой-либо книги, преложеніе которыя весьма нужно, и полезно для словесности, напримѣръ: Ѳукидидъ, Демосѳенъ и проч., тогда академія препоручаетъ переводъ таковой книги кому либо изъ постороннихъ, коего искусство и знаніе въ обоихъ языкахъ ей извѣстно.

6.

Награда есть поощреніе къ трудамъ: высокомонаршая жъ щедрота на трудящихся къ пользѣ и просвѣщенію отечества обильно изливается. Посему президентъ и собраніе да назначатъ приличное возмездіе пріявшему на себя преложеніе какой либо классической книги за каждый листъ подлинника, а не съ перевода. Ибо трудящійся въ преложеніи не долженъ ожидать за труды свои награжденія до того времени, когда переводъ его напечатанъ будетъ: и сіе возмездіе да получаетъ онъ по мѣрѣ своихъ успѣховъ въ переводѣ.

О ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ.

1.

Главнѣйшая цѣль при изданіи академіею ежемѣсячныхъ прозаическихъ и стихотворческихъ сочиненій состоитъ въ томъ, чтобы доставить публикѣ изящныя сочиненія, и тѣмъ подать примѣръ и способы сочинителямъ трудиться въ стихотворствѣ и въ прочихъ до словесности касающихся предметахъ. И для того онѣ должны быть писаны чистымъ, яснымъ и предлагаемому предмету приличнымъ слогомъ.

2.

Къ сообщенію сочиненій, предметъ новаго сего академіи упражненія составлять долженствующихъ, пригласить всѣхъ го-

сподъ членовъ какъ въ столицѣ сей пребываніе имѣющихъ, такъ и въ другихъ городахъ живущихъ.

3.

Въ таковыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ должны имѣть мѣсто какъ подлинныя, россійскія сочиненія, такъ и переводы, до словесныхъ токмо наукъ относящіяся, и потому въ нихъ заключаться могутъ:

1) Объясненія россійскихъ древностей.

2) Частныя описанія достопамятностей россійскія исторіи и знаменитыхъ новѣйшихъ происшествій.

3) Похвальныя слова россійскимъ государямъ, знаменитымъ мужамъ или наукамъ.

4) Извлеченія знаменитыхъ писателей, до правилъ словесныхъ наукъ касающіяся.

5) Разнаго рода стихотворенія, какъ то, торжественныя, похвальныя и нравоучительныя оды, басни, посланія, элегіи, нравственныя письма, мадригалы, сонеты и проч.

6) Сочиненіе, содержащее въ себѣ неблагопристойное, вредное нравамъ и кому-либо лично оскорбительное въ сихъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ мѣста имѣть не будетъ.

4.

Въ нынѣшнія просвѣщенныя времена, въ которыя вкусъ и охота къ словеснымъ наукамъ довольно распространились, много находится и въ Россіи такихъ особъ, кои съ похвалою занимаются въ стихотворствѣ и въ прозаическихъ сочиненіяхъ. Таковыхъ академія россійская можетъ пригласить чрезъ прибавленіе къ С.-п.-бургскимъ вѣдомостямъ, дабы они благоволили принять въ семъ общеполезномъ ея трудѣ участіе сообщеніемъ академіи стихотворческихъ и прозаическихъ своихъ сочиненій, которыя она, по разсмотрѣніи, предавать тисненію не преминетъ.

5.

Къ изданію въ свѣтъ таковыхъ твореній академія не прежде приступить можетъ, какъ собравъ предварительно достаточное на цѣлый годъ количество матеріаловъ; и тогда будетъ выдавать оныя каждый мѣсяцъ по одной книжкѣ, отъ пяти до семи листовъ въ себѣ содержащей. Но для такого изданія долженъ быть особый комитетъ, который бы присылаемыя сочиненія читалъ, разсматривалъ и къ тисненію одобривалъ» [166]).

На рукописи помѣтка Нартова: «Читано и согласно опредѣлено быть по сему».

Преемникъ Нартова Шишковъ, желавшій придать академической дѣятельности самые широкіе размѣры, насчитывалъ одиннадцать главныхъ предметовъ, на которые, по его мнѣнію, академія должна обратить свое вниманіе. Они указаны въ слѣдующемъ предложеніи Шишкова, какъ президента академіи:

«Входя въ упражненія россійской академіи, хотя и нахожу я, что она со времени возобновленія своего, оживленная монаршими щедротами, получила новый блескъ и принесла немалые успѣхи, а именно: словарь по азбучному порядку приводится къ окончанію, издала девять частей академическихъ Извѣстій, сдѣлала нѣкоторые съ иностранныхъ языковъ весьма полезные переводы, учредила особые комитеты для разсматриванія присылаемыхъ въ нее сочиненій, изъ коихъ за тѣ, кои одобрены ею, награждала и награждаетъ писателей денежными пособіями и медалями; сверхъ сего устроила типографію, пріумножила библіотеку и другія многія вещи совершила и привела въ порядокъ. Но желая еще болѣе увеличить ревность ея и успѣхи, я почитаю за нужное исчислить здѣсь всѣ тѣ творенія, въ коихъ настоитъ совершенная надобность и о которыхъ трудолюбивые члены могутъ, на извѣстныхъ положеніяхъ, приложить свое попеченіе. Оныя, по моему мнѣнію, состоятъ въ слѣдующемъ:

I. **Словарь по корнямъ, или словопроизводный.**

Примѣч. Словарь сей нужнѣйшій и единственный, могущій

положить твердое основаніе нашему отечественному языку и подать свѣдѣніе о составѣ и началахъ всѣхъ вообще языковъ, требуетъ, конечно, великихъ трудовъ и соображеній; но въ академическихъ Извѣстіяхъ отчасти положенъ уже къ тому путь, такъ что со временемъ можно ожидать плода отъ многихъ сдѣланныхъ тамъ изслѣдованій и объясненій, если оныя обратятъ на себя вниманіе людей, дѣйствительно ученыхъ и помышляющихъ о прочной пользѣ и славѣ отечественнаго языка своего.

II. **Словарь сравнительный всѣхъ славенскихъ нарѣчій.**

Примѣч. Сей словарь долженъ быть составленъ по азбучному порядку, начиная съ россійскаго языка, и присовокупляя ко всякому слову онаго всѣ соотвѣтствующія ему слова всѣхъ славенскихъ нарѣчій, тѣми письменами, какія у нихъ употребительны. Для сего надлежитъ сперва исчислить всѣ нарѣчія, дабы ставить ихъ всегда одно за другимъ въ одинакомъ порядкѣ, и тѣмъ буквамъ, которыхъ нѣтъ въ латинской азбукѣ, какъ-то: *ч*, *ш*, *щ*, *я* и проч. сдѣлать особливую табличку, показующую, какъ оныя пишутся. Иностранные языки не должны въ словарь сей входить; однакожъ не безполезно было бы помѣщать въ скобкахъ тѣ изъ словъ ихъ, которыя очевидно имѣютъ одинъ корень и одинакое значеніе съ славенскими. Главный, но весьма полезный, трудъ при сочиненіи сего словаря долженъ состоять въ томъ, чтобъ обогатить оный примѣчаніями на тѣ названія, которыя почерпнуты изъ общаго языка, но отъ иныхъ источниковъ. Нѣкоторыя изъ сихъ словъ, хотя и различны съ нашими, напр. наше: *предпріятіе* и богемское: *predsevzeti*, или наше: *бабка повивальная* и кроатское: *puporezka*, однакожъ мы легко понимать ихъ можемъ, и потому кажется излишно дѣлать на нихъ замѣчанія; но другія нескоро могутъ приходить на память, какъ напр. наше: *вредъ* и богемское: *kaz* (отъ *исказить, искажаю*) или польскія: *chuć* — склонность, *chustka*—платокъ (первое отъ *хоть, хотѣніе*; а второе отъ *холстъ, холстина*), и имъ подобныя. Таковыя слова надлежитъ хотя кратко объяснять, или подводить ихъ подъ тѣ наши слова, которыя происхожденіе ихъ довольно

ясно показываютъ, какъ-то: богемское *kaz* ставить не подъ словомъ *вредъ*, но подъ словомъ *искаженіе*; польскія: *chuć*, *chustka*, не подъ словами: *склонность*, *платокъ*, но подъ словами: *хотѣніе*, *холстъ*. Также нехудо замѣчать и тѣ употребительныя у насъ иностранныя названія, которыя замѣняютъ они славенскими словами; такъ напримѣръ: *аллею* въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ называютъ *древорядъ*; *театръ* побогемски: *diwadlo* (отъ глагола *дивлюсь*); *актеръ* побогемски: *hracz* (отъ глагола *играю*), подалматски: *hlumacz* (отъ глагола *глумлюсь*), и такъ далѣе.

III. **Словарь техническій, или собраніе словъ, употребляемыхъ въ наукахъ, художествахъ, ремеслахъ и рукодѣліяхъ.**

Примѣч. Сей словарь можетъ сочиняемъ быть разными лицами, кто какую часть охотнѣе возьмется описывать. Желательно, чтобъ любовь къ своему языку торжествовала въ семъ словарѣ надъ слѣпою привязанностію къ навыку употреблять иностранныя слова, и чтобъ вмѣсто: *миѳологія*, *астрономія*, *географія*, *перпендикуляръ*, *экваторъ*, *металлъ*, *метафора* и проч. читали мы опредѣленія оныхъ подъ словами: *баснословіе*, *звѣздословіе*, *землеописаніе*, *отвѣсъ*, *равноденственникъ*, *крушецъ*, *иносказаніе*, и проч. Въ подобномъ случаѣ надлежитъ руководствоваться разсудкомъ, а не глумленіями тѣхъ, которые знаніе свое основываютъ не на силѣ языка и чтеніи книгъ, но только на одной наслышкѣ.

IV. **Словарь словесныхъ наукъ, или собраніе словъ, употребляемыхъ въ умословіи, стихотворствѣ, исторіи, риторикѣ и грамматикѣ.**

Примѣч. Сей словарь долженъ на такихъ же правилахъ быть сочиняемъ, какъ и предыдущій. Надлежитъ при точныхъ опредѣленіяхъ и объясненіяхъ обогатить его избранными изъ отличныхъ писателей примѣрами, точно соотвѣтствующими тому правилу, какое выше объясняется. Избраніе примѣровъ составляетъ существенное достоинство сего словаря.

V. **Риторика всеобщая.**

Примѣч. Подъ симъ названіемъ обыкновенно разумѣемъ мы науку краснорѣчія, содержащую въ себѣ правила, во всякомъ

языкѣ наблюдаемыя. Такова есть риторика Ломоносова, и другія, ей подобныя. Въ нихъ видимъ мы мѣста и примѣры, могущіе быть переводимы съ одного языка на другой почти тѣми же словами и оборотами, не теряя своего достоинства, и показуемыхъ ими правилъ. Но, кажется, для лучшаго знанія свойствъ собственнаго языка своего не безполезно бы было сочиненіе такой книги, въ которой бы преимущественно о немъ одномъ толковалось. При сравненіи языковъ одного съ другимъ полезно отыскивать общій корень ихъ, дабы видѣть теченіе мыслей человѣческихъ изъ одного и того жь начала; но каждый языкъ имѣетъ свое свойство, и потому для каждаго изъ нихъ будетъ порчею, когда употреблять оный по свойству другаго, какъ наприм. русскимъ языкомъ говорить пофранцузски, или французскимъ порусски. По сей причинѣ, а равно и въ исполненіе устава академическаго (глав. II § 1), кромѣ риторики всеобщей необходимо нужно сочинить:

VI. **Риторику частную, или особенную, разсуждающую о красотахъ стихотворства и краснорѣчія, особенно русскому языку свойственныхъ, изъ его источниковъ почерпнутыхъ и ему единственно принадлежащихъ.**

Таковое сочиненіе можетъ состоять изъ слѣдующихъ разсужденій: 1) о древности славенскаго языка; 2) о постепенныхъ измѣненіяхъ его до нынѣшняго нарѣчія; 3) о существенной разности того, что безъ всякой опредѣленности называютъ славенскимъ и русскимъ языкомъ, отъ чего рождаются превратныя ко вреду обоихъ понятія. Не столько нужно показать грамматическую между сими языками разность, которая мала и всякому извѣстна, сколько принадлежность одного изъ нихъ къ высокому, а другаго къ простому слогу, и наблюденія приличія въ смѣшиваніи оныхъ. Обстоятельство, хотя и всякому языку свойственное, однако нашему несравненно въ превосходнѣйшей степени, потому что ни одинъ языкъ не требуетъ толь великаго различія въ словахъ, составляющихъ высокую и простую рѣчь; 4) можно присовокупить къ сему собраніе отличныхъ краткостію и силою выраженій или мѣстъ, избранныхъ изъ священныхъ писаній.

5) Собраніе особенныхъ, нашему токмо языку свойственныхъ реченій и оборотовъ, избранныхъ изъ народныхъ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и проч. Все сіе долженствуетъ быть сопровождено здравыми разсужденіями, основательными примѣчаніями и хорошими примѣрами, такъ, чтобы изъ сей необширной, но достаточной совокупности можно было хотя отчасти пріобрѣсть то познаніе въ языкѣ, которое не иначе пріобрѣтается, какъ долговременнымъ упражненіемъ и чтеніемъ многихъ книгъ.

VII. **Грамматика.**

Примѣч. Всѣ наши грамматики, начиная отъ первой до послѣдней, суть списки, или подражанія грамматикамъ чужихъ языковъ, и слѣдственно должны заключать въ себѣ многіе недостатки, а можетъ быть и погрѣшности, ибо, какъ уже выше замѣчено, всякій языкъ имѣетъ свои свойства и свои правила, различныя съ другимъ. По сей причинѣ нужно бы было, не увлекаясь чужими грамматиками, заняться подробными изслѣдованіями языка своего, дабы на нихъ основать и составить тотъ вѣрный чертежъ онаго, какой грамматика представлять долженствуетъ. Сравнимъ нашъ языкъ, напримѣръ, съ французскимъ: въ нашемъ находимъ многіе корни, пустившіе отъ себя до двухъ тысячъ вѣтвей и болѣе, тогда какъ во французскомъ едва ли найдется корень съ пятьюдесятью вѣтвями; въ составленіи нашего языка предлоги имѣютъ великое, во французскомъ, напротивъ, малое участіе; нашъ языкъ управляется падежами, а ихъ членами; нашъ въ расположеніи словъ свободенъ, а ихъ связанъ; нашъ изобилуетъ увеличительными, уменьшительными, усѣченными именами, а французскій почти совсѣмъ ихъ не имѣетъ. Однимъ словомъ, составы сихъ двухъ языковъ во многомъ весьма различны: какимъ же образомъ чертежи ихъ (т. е. грамматики) могутъ быть сходны и снимаемы одинъ съ другаго?

VIII. **Поэзія.**

Примѣч. Правила стихотворства между двумя языками могутъ быть болѣе общи; а потому особенности для нашего должны состоять токмо въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, какъ напри-

мѣръ въ ограниченіи вольности сокращенія, растяженія, убавленія и ударенія словъ. Также въ участіи уха, которое при оцѣнкѣ стиховъ есть судія, едва ли не равностепенный съ разумомъ. Правила сіи потому нужно согласить съ свойствами языка, что вольности сіи съ одной стороны необходимо нужны въ стихотворствѣ, а съ другой, будучи неограничены и произвольны, могутъ приносить вредъ и языку, и стихотворству.

IX. **Собраніе отличныхъ сочиненій, избранныхъ изъ россійскихъ писателей.**

Примѣч. Выборъ сей нѣтъ надобности поручать особенно кому-либо изъ гг. членовъ; но всякій можетъ въ академическія засѣданія приносить то̀, что̀ онъ по своему мнѣнію найдетъ достойнымъ помѣщенія въ сію книгу. Тогда академія, по прочтеніи и достаточномъ о томъ разсужденіи и примѣчаніяхъ, утвердитъ или не утвердитъ оное. Когда такимъ образомъ наберется довольно для составленія первой части, то и приступить къ изданію оной. Выборъ сей долженъ простираться на всѣ роды сочиненій, не исключая и самыхъ древнихъ, ибо красота мыслей въ старинной одеждѣ часто бываетъ несравненно лучше одѣтаго по модѣ пустословія. Въ мѣстахъ, которыя въ цѣлости отлично хороши, но изрѣдка вставлены несоотвѣтствующія тому выраженія или слова, должно сіи послѣднія замѣчать и оговаривать. Нехудо въ семъ собраніи помѣщать и переводы, удачно преложенные, какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, съ приложеніемъ подлинника.

X. **Преложеніе на россійскій языкъ иностранныхъ классическихъ писателей, и преимущественно древнихъ.**

Примѣч. Избранную книгу долженъ переводить одинъ кто-нибудь изъ членовъ академіи. Достоинство таковыхъ переводовъ состоитъ въ томъ, когда они съ подлинникомъ вѣрны, а въ чтеніи кажутся быть сочиненными на русскомъ языкѣ. Таковые переводы, прежде напечатанія ихъ, комитетъ разсматривательный, учрежденный при академіи марта 8 дня 1819 года, долженъ прочитывать вмѣстѣ съ подлинникомъ и представлять

мнѣніе и замѣчанія свои академіи, которая, судя по тому, приступаетъ къ изданію оныхъ, или отлагаетъ до лучшаго исправленія.

XI. **Составленіе правилъ для единообразнаго правописанія.**

Примѣч. Для сего нужно замѣчать вводимое въ нашъ языкъ, не основанное ни на какихъ правилахъ и разсужденіяхъ, новое правописаніе, и стараться ясными доказательствами отвращать отъ онаго. Академія же должна опредѣлить для себя правила и постоянно держаться оныхъ.

Сіи суть главные предметы, на которые академія должна обратить свое вниманіе. Конечно, никто частно не въ состояніи сего исполнить, но вообще согласное всѣхъ членовъ о пользѣ и славѣ своего сословія раченіе и усердіе можетъ со-временемъ достигнуть до великихъ успѣховъ. Для поощренія къ симъ важнымъ упражненіямъ и трудамъ полагаю я нужнымъ сдѣлать слѣдующія постановленія:

1) Сочиненіе словаря по корнямъ предоставляется каждому члену, на основаніяхъ, объясненныхъ въ академическихъ Извѣстіяхъ, но которыя и здѣсь кратко изложить можно, а именно: a) разсмотрѣніе корня, сколько пустилъ онъ отъ себя колѣнъ, и сколько при каждомъ колѣнѣ вѣтвей; b) подробное сихъ вѣтвей исчисленіе съ опредѣленіемъ значенія каждой изъ нихъ и съ присовокупленіемъ къ каждой отысканнаго въ книгахъ, или нарочно сочиненнаго, хорошаго примѣра, одного или нѣсколькихъ. Когда отъ кого такимъ образомъ представленъ будетъ одинъ или многіе описанные и въ порядокъ приведенные корни со всѣми происшедшими отъ нихъ колѣнами и вѣтвями, и когда академія сей трудъ приметъ и одобритъ, тогда сочинителю дается по расчисленію за каждый печатный листъ такая награда, какая полагается за всякое другое одобренное сочиненіе. Академія, выдавъ награжденіе, хранитъ сіе сочиненіе въ рукописи, доколѣ не соберетъ столько, что можетъ приступить къ изданію всего словаря.

2) Словари: сравнительный всѣхъ славенскихъ нарѣчій, тех-

ническій и словесныхъ наукъ могутъ на такомъ же основаніи быть сочиняемы. Если усмотрѣно будетъ, что который-либо изъ нихъ требовалъ бо́льшихъ трудовъ, нежели другой, то разсматривательный комитетъ къ опредѣленной за сочиненіе наградѣ можетъ представлять о прибавкѣ оной, или о награжденіи сверхъ того медалію, буде не болѣе одного или двухъ человѣкъ надъ тѣмъ трудились.

3) За сочиненіе риторики, грамматики и поэзіи не можно иначе положить награжденія, какъ по окончаніи всего труда. Сочинитель не можетъ усумниться въ признательности академіи, когда представитъ ей трудъ, достойный ея уваженія.

4) Собраніе отличныхъ сочиненій есть дѣло общее всей академіи, а потому и не полагается за то никакой награды, развѣ когда усмотрится въ комъ особое къ тому тщаніе и прилежаніе: тогда президентъ не упуститъ сего замѣтить и предложить академіи о наградѣ.

5) Вразсужденіи перевода на россійскій языкъ классическихъ писателей, академія сама назначаетъ, какія именно книги должны быть переведены. Однакожъ каждый членъ можетъ выбрать для себя книгу, и представить оную академіи, которая, по изъявленіи на то̀ согласія, записываетъ ее въ число избранныхъ ею для перевода книгъ. Всякая книга не иначе переводится, какъ съ того языка, на которомъ сочинена.

6) Награда за принятый и одобренный отъ академіи переводъ полагается, смотря по достоинству и трудности перевода, также по величинѣ буквъ, коими печатанъ подлинникъ, отъ 40 до 60 рублей за печатный листъ подлинника. Трудившійся въ переводѣ получаетъ плату по принятіи перевода его, не ожидая напечатанія онаго.

7) Награда за сочиненіе, по той же соразмѣрности, полагается отъ 60 до 100 рублей.

8) Переводъ со стиховъ въ стихи считается наравнѣ съ сочиненіемъ.

9) Переведшій или сочинившій книгу, получа за нее награду, оставляетъ книгу въ собственность академіи.

10) Разсматривательный комитетъ, имѣя обязанность прочитывать каждую отосланную въ него книгу, дѣлать свои на нее замѣчанія и представлять мнѣніе свое академіи, не можетъ иначе сего исполнять, какъ собираясь одинъ или два дня въ недѣлю сверхъ обыкновенныхъ академическихъ собраній, а потому, неся излишніе труды, долженъ за оные получать какое-либо опредѣленное возмездіе. Оное полагается въ денежной наградѣ, и по прошествіи шестнадцати собраній выдается каждому члену 224 рубля, съ вычетомъ за каждое собраніе, если кто въ ономъ не былъ».

Предложеніе Шишкова не было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. По крайней мѣрѣ такъ казалось на первыхъ порахъ: работы сейчасъ-же были распредѣлены. Члены академіи, по вызову Шишкова, приняли на себя слѣдующіе труды:

Н. Я. Озерецковскій — переводъ на русскій языкъ Quintiliani Institutiones oratoriae, съ латинскаго подлинника, по парижскому изданію шестнадцатаго столѣтія.

П. М. Карабановъ и А. С. Никольскій — сочиненіе словаря словесныхъ наукъ.

А. Ѳ. Севастьяновъ — переводъ съ англійскаго языка на русскій Блэровой риторики.

Я. Д. Захаровъ — сочиненіе словаря ремеслъ и рукодѣлій.

П. И. Соколовъ и А. Х. Востоковъ — составленіе словаря всѣхъ славянскихъ нарѣчій [167]).

XXX.

Такимъ образомъ на академію возлагаемы были обязанности, не только весьма сложныя, но даже и невыполнимыя. Отъ нея требовали составленія четырехъ обширныхъ словарей, грамматики, риторики, піитики, логики, исторической хрестоматіи, и т. д. Сверхъ того, академики должны были заниматься перево-

дами на русскій языкъ образцовыхъ произведеній иностранныхъ писателей, и издавать журналъ, который бы оказывалъ вліяніе на литературу и знакомилъ общество съ содержаніемъ и направленіемъ академической дѣятельности.

Посмотримъ же, до какой степени академія оправдала тѣ смѣлыя надежды, которыя возлагали на нее составители «начертаній» и «предложеній», и что̀ въ дѣйствительности получили отъ нея литература и общество.

Какъ для обогащенія языка считали весьма полезнымъ придумывать новыя слова и замѣнять иностранныя русскими, такъ для обогащенія литературы признавали необходимымъ переводить книги съ иностранныхъ языковъ на русскій и предлагать задачи для сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ.

Россійская академія, «употребляя всевозможныя средства къ распространенію россійской словесности и къ вящшему поощренію дарованій упражняющихся въ словесныхъ наукахъ, по предложенію г. президента А. А. Нартова, единогласно положила задать, изъ награжденія, слѣдующіе къ сочиненію на отечественномъ языкѣ нашемъ предметы:

Похвальное слово царю и самодержцу всероссійскому Іоанну Васильевичу IV.

Похвальное слово Минину и Пожарскому.

Разсужденіе о началѣ, успѣхахъ и распространеніи словесныхъ наукъ въ Россіи по нынѣшнее время» [168]).

Академія предлагала также награды за сочиненіе похвальныхъ словъ: царю Алексѣю Михайловичу, Петру Великому, Ломоносову, Сумарокову, Хераскову, Лепехину, и т. д.

Въ числѣ предложенныхъ задачъ находились и слѣдующія:

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, содержаніе которой должно быть заимствовано изъ отечественной исторіи.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ или въ прозѣ: содержаніе должно быть заимствовано изъ народныхъ нравовъ и обычаевъ [169]).

Академіи приходилось по нѣсколько разъ повторять свои за-

дачи, потому что большая часть присылаемыхъ «упражненій въ словесности» не выдерживала самой снисходительной критики.

Какъ на особенность для того времени, можно указать на *трагедію безъ любви*, присланную на судъ академіи. По укоренившимся воззрѣніямъ, основою трагическаго дѣйствія неизбѣжно должна быть *любовь*, какъ самая сильная изъ страстей: трагедія безъ любви — говорили теоретики — то же, что тѣло безъ души. Одинъ изъ тогдашнихъ литераторовъ отважился поступить вопреки господствующему обычаю, и не скрылъ отъ академіи своихъ опасеній за сдѣланный имъ смѣлый шагъ. Обращаясь къ своимъ судьямъ, онъ говоритъ:

«Вы требовали чрезъ газеты на нашемъ языкѣ трагедію. Воля толико знаменитой академіи есть для меня священный законъ. Пріимите, милостивые государи, сей посильный трудъ мой; найдите въ немъ ошибки, и будьте моими учителями.

Какое ободреніе для трудящихся въ россійскомъ словѣ! Какая похвала въ потомствѣ знаменитому вашему собранію! Вы желаете имѣть трагедію, и обѣщаете за оную награжденіе. Безъ сомнѣнія, милостивые государи, всякая академія покровительствуемая монархомъ удобна произвести *Эсхиловъ*, *Софокловъ* и *Расиновъ*.

Россійскій театръ требуетъ великихъ трудовъ дабы наша сцена сравнилась со сценою французскою, и едва ли еще на сіе не требуется многихъ вѣковъ. Ежели позволите мнѣ сказать, причина тому есть та, что возникающіе умы, одаренные геніемъ отъ природы, просвѣщенные лучами наукъ, не имѣютъ ни состоянія, ниже ободренія посвятить себя славѣ отечества. Таковые переводятъ съ иностранныхъ языковъ романы, и переводчики находятъ больше читателей, чѣмъ сами сочинители; ибо кругъ невѣждъ пространнѣе чѣмъ кругъ ученыхъ. Но вы, милостивые государи, вступясь за честь, богатство, и красоту отечественнаго языка, хотите его сравнить съ лутчими въ Европѣ, то есть, сдѣлать чтобъ прочіе иностранцы имѣли причину намъ завидовать.

Я повергаю предъ вами мою трагедію со всѣми ея несовершенствами, но первую на нашемъ языкѣ безъ любви, что̀ и испрашиваетъ нѣсколько вашего снисхожденія. Вамъ извѣстно болѣе, чѣмъ мнѣ, сколь трудно сочинить трагедію безъ любви, гдѣ должны страсти говорить во всей ихъ силѣ. Я слыхалъ, отъ многихъ ученыхъ иностранцевъ, что русскіе авторы могутъ выводить на сцену однихъ только русскихъ героевъ, ибо де нравы имъ оныхъ больше извѣстны. По справедливости нашъ трагикъ г• Сумароковъ кромѣ русскихъ героевъ въ своихъ піесахъ не представлялъ, но не оттого, чтобъ онъ не умѣлъ вывести на сцену другихъ. Я слишкомъ слабъ, дабы опровергнуть мнѣніе иностранцевъ, однако, сколько могъ, старался представить справедливѣе древнихъ римлянъ на нашей сценѣ. Царствованіе Нумы Помпилія есть эпоха въ римской исторіи, ибо онъ тамъ былъ первый законодатель, и въ моей трагедіи занимаетъ мѣсто главнаго лица, на которомъ основана вся піеса.

Ежели вы, милостивые государи, ободрите меня къ прохожденію труднаго сего поприща, ибо состояніе мое требуетъ вашего покровительства, обѣщаюсь, вскорѣ послѣ сего, прислать на ваше разсмотрѣніе еще другую трагедію, за которою немедля послѣдуетъ Петріада, поэма эпическая, кою я уже привожу къ окончанію» [170]).

Обычай предлагать задачи для соисканія наградъ издавна усвоенъ французскою академіею. Втеченіе чуть не цѣлаго столѣтія, по вызову академіи, восхваляли въ стихахъ подвиги и добродѣтели Людовика XIV. Академическія награды присуждаемы были, съ замѣчательною послѣдовательностью, такого рода *стихотвореніямъ*, наводнявшимъ французскую литературу.

— Успѣхи астрономіи въ царствованіе Людовика-Великаго.

— Успѣхи живописи въ царствованіе Людовика-Великаго.

— Успѣхи мореплаванія въ царствованіе Людовика-Великаго.

— Успѣхи инженернаго искусства въ царствованіе Людовика-Великаго, и т. п.

Одною изъ любимѣйшихъ задачъ французской академіи было сочиненіе *Похвальныхъ словъ* писателямъ. Академическими наградами увѣнчаны *Похвальныя слова*: Декарту, Мольеру, Буало, Корнелю, Монтескье, Роллену, Фенелону, Жанъ-Жаку Руссо и другимъ литературнымъ знаменитостямъ [171]).

Для соисканія наградъ были предложены россійскою академіею, въ 1809 году, слѣдующія задачи:

1) Похвальное слово императору Петру Великому.

2) Похвальное слово великому князю Владиміру Мономаху.

3) Похвальное слово Михаилу Матвѣевичу Хераскову.

4) Похвальное слово Петру Дмитріевичу Еропкину.

5) Поэма стихами на побѣду великаго князя Димитрія Іоанновича Донскаго.

6) Трагедія, стихами, изъ русской исторіи.

7) Комедія, стихами или прозою, изъ народныхъ нравовъ и обыкновеній.

Вслѣдствіе этого присланы были въ академію четыре похвальныя слова, двѣ комедіи, одна трагедія и одна поэма:

1) Похвальное слово Петру Великому — съ девизомъ: «Имъ же вся быша, и безъ него ничтоже бысть, еже бысть».

2) Похвальное слово Владиміру Мономаху — съ девизомъ: «Дѣла геройскія описывать полезно отечеству».

3) Похвальное слово генералъ-аншефу П. Д. Еропкину — съ девизомъ: «Рѣдкія заслуги сплетаютъ вѣнецъ благодарности».

4) Другое похвальное слово Еропкину — съ девизомъ: Tu ne cede malis, sed contra audentior ito.

5) *Старожиловъ* — комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ; съ девизомъ: Labor vincit omnia.

6) *Калька*, или *Всякій имѣетъ свои недостатки* — комедія, въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ; съ девизомъ: «Жертва Богу духъ сокрушенъ».

7) Трагедія подъ названіемъ: *Утопшіе три брата* — съ девизомъ: Felix quem faciunt aliena pericula cantum.

8) Поэма на побѣду вел. кн. Димитрія Донскаго надъ Мамаемъ — безъ девиза.

По прочтеніи всѣхъ этихъ сочиненій въ академическихъ собраніяхъ признано, что ни одно изъ представленныхъ произведеній не заслуживаетъ награды за исключеніемъ похвальнаго слова Еропкину съ девизомъ: Tu ne cede malis и проч. О другомъ похвальномъ словѣ Еропкину, также какъ и о похвальномъ словѣ Владимиру Мономаху, замѣчено, что они не только не могутъ быть одобрены, но и не заслуживаютъ никакого вниманія. «Прослушавъ всю комедію *Калька*, академическое собраніе «нашло, что сочиненіе сіе, хотя и находятся въ немъ нѣкоторыя изрядныя явленія, но вообще неудовлетворительно и не заслуживаетъ обѣщаннаго академіею за лучшую комедію награжденія, потому что свойства нѣкоторыхъ лицъ, въ оную введенныхъ, изображены надостаточно, а иногда и неточно; развязка сдѣлана неискусно; языкъ невездѣ чистъ, и выраженія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слишкомъ низки и неправильны».

Несмотря на цѣлый рядъ неудачныхъ опытовъ, академія порѣшила пригласить любителей словесности къ сочиненію:

1) Похвальнаго слова графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому.

2) Похвальнаго слова Александру Васильевичу Суворову, князю италійскому и графу рымникскому.

3) Похвальнаго слова Михаилу Матвѣевичу Хераскову.

4) Героической пѣсни на побѣду Димитрія Донскаго надъ Мамаемъ.

5) Трагедіи въ пяти дѣйствіяхъ, стихами.

Прочія же задачи, а именно: похвальныя слова Петру Великому и Владимиру Мономаху, а также и сочиненіе комедіи, — «разсуждено отмѣнить» [172]).

Въ непосредственной связи съ задачами для соисканія наградъ находятся статьи, помѣщавшіяся въ академическихъ изданіяхъ, а также рѣчи и стихи, которые читались въ торжественныхъ собраніяхъ академіи. Какъ въ задачахъ на преміи, такъ

и въ статьяхъ, рѣчахъ и стихотвореніяхъ, выражаются, болѣе или менѣе ярко, литературныя и филологическія понятія, господствовавшія въ средѣ россійской академіи.

Для перваго повременнаго изданія академіи члены ея обѣщали доставить статьи:

1) Какія дарованія и знанія потребны тому, кто хочетъ быть стихотворцемъ.

2) Наставленія касательно разныхъ родовъ поэзіи, «начавъ съ мелкихъ стихотвореній и продолжая до самыхъ важныхъ».

3) О краснорѣчіи вообще; о качествахъ и знаніяхъ витіи.

4) Похвальное слово государямъ, наиболѣе содѣйствовавшимъ просвѣщенію Россіи, и т. д. [173]).

Выборъ «задачъ», или чтеній, въ академическихъ собраніяхъ происходилъ иногда посредствомъ балотировки. Такимъ образомъ изъ семи предложенныхъ задачъ выбрано было только двѣ. Предложены были слѣдующія задачи [174]):

1) Написать разсужденіе о краснорѣчіи св. писанія.

2) Показать, въ чемъ состоитъ эстетика; чѣмъ она различествуетъ отъ риторики; чего не доставало въ риторикѣ прежде, нежели выдумали эстетику. Наконецъ — доказать, какая отъ эстетики польза для учащихся.

3) Написать разсужденіе, въ коемъ надлежитъ доказать, въ какомъ столѣтіи, кѣмъ и какъ изобрѣтены, составлены или заимствованы и введены въ употребленіе въ Россіи славенскія буквы, или грамота, на чтеніе и письмо; какого рода и вида, или начертанія оныя были при своемъ началѣ и въ послѣдственныхъ измѣненіяхъ до нашихъ временъ.

4) Написать *стихами* разсужденіе о превосходствѣ россійскаго языка надъ прочими европейскими относительно поэзіи, и опредѣлить качество знаменитыхъ нашихъ стихотворцевъ.

5) Сочинить разсужденіе о причинахъ упадка словесности какъ въ древнія, такъ и въ новѣйшія времена.

6) Показать, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и

сила россійскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространить, очистить и усовершенствовать можно.

7) Какія въ употребленіи были у славянъ письмена прежде составленія письменъ азбучныхъ славенски Меѳодіемъ-Константиномъ, и ежели тѣ первоначальныя письмена, какъ нѣкоторыя мнятъ, были руническія, то какими достовѣрными памятниками утвердить то̀ можно.

По произведенной балотировкѣ оказалось, что наибольшее число голосовъ соединили въ свою пользу двѣ задачи: о богатствѣ, красотѣ и силѣ русскаго языка и о краснорѣчіи св. писанія. Вообще голоса распредѣлились въ такомъ отношеніи:

Первая задача	8	избират.	и	5	неизбирательн.
Вторая »	5	»	»	8	»
Третья »	7	»	»	6	»
Четвертая »	2	»	»	11	»
Пятая »	3	»	»	10	»
Шестая »	10	»	»	3	»
Седьмая »	7	»	»	6	»

XXXI.

Россійская академія принимала на себя изданіе общеполезныхъ, по ея мнѣнію произведеній, оригинальныхъ и переводныхъ, которыя обыкновенно разсматривались въ академическихъ засѣданіяхъ, причемъ дѣлаемы были разнаго рода измѣненія и поправки. Академія издержала десятки тысячъ рублей на изданіе книгъ, при выборѣ которыхъ руководствовалась частію сознаніемъ внутренняго достоинства издаваемаго труда, частію желаніемъ помочь авторамъ, поставленнымъ судьбою въ самыя неблагопріятныя условія для литературной дѣятельности. Россійскою академіею изданы:

Наука стихотворства, соч. профессора И. С. Рижскаго.

Россійская грамматика, Востокова.

Общій церковно-славяно-россійскій словарь, составленный П. И. Соколовымъ, и т. д.

Россійской академіи литература обязана изданіемъ Иліады въ переводѣ Гнѣдича.

Россійскою академіею изданы также:

Ключъ къ Исторіи государства россійскаго, составленный Строевымъ.

Книга большаго чертежа (второе изданіе), и др.

Россійская академія приняла на себя продолженіе изданія государственныхъ грамотъ и договоровъ, прерваннаго смертію государственнаго канцлера графа Румянцова.

Сочиненіе дѣвицы Ярцовой: *Полезное чтеніе для дѣтей* издано академіею на томъ основаніи, что «сочинительница отличается совершеннымъ знаніемъ отечественнаго языка, свѣдѣніями во многихъ наукахъ и весьма рѣдкою способностію излагать избранные ею предметы слогомъ чистымъ, весьма пріятнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приспособленнымъ къ понятіямъ юныхъ ея читателей, такъ что сочиненіе это дѣйствительно можно назвать украшеніемъ нашей словесности» и т. д.

Издавая стихотворенія дѣвицы Шаховой, академія имѣла въ виду такого рода соображенія: «Немногія изъ новѣйшихъ писательницъ отличаются тою легкостію и свободностію стиха, ясностію мыслей, чистотою чувствъ, какими исполнены ея стихотворенія. Находясь въ бѣдности и чувствуя разстройство здоровья въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, дѣвица Шахова остается опорою и утѣшеніемъ матери, лишенной зрѣнія». Вслѣдствіе этого академія не только напечатала стихотворенія дѣвицы Шаховой, но и всѣ экземпляры предоставила въ ея пользу.

Узнавши, что «извѣстный по нравственности своихъ стихотвореній писатель Н. П. Шатровъ находится въ весьма ограниченномъ состояніи при совершенномъ лишеніи зрѣнія, академія поспѣшила принять на свой счетъ, въ его пользу, изданіе его стихотвореній» [175]).

Сочувствіе академіи не только къ положенію, но и къ талан-

ту Шатрова нашла отголосокъ въ литературѣ. По отзыву одного изъ тогдашнихъ писателей, Шатровъ «всѣмъ былъ обязанъ природному уму и природному таланту. Псалмы Шатрова замѣчательны яркостію картинъ, силою выраженія и красотою языка» и т. д. Главный недостатокъ академическаго изданія заключается въ его неполнотѣ: «многое не вошло въ это изданіе, между прочимъ превосходная Ода на новый 1817 годъ и Подражаніе псалму 136-му, тоже отличающееся силою» [176]).

XXXII.

Изъ числа произведеній, признаваемыхъ «совершенными образцами для упражняющихся въ словесности» президентъ Нартовъ предлагалъ сочленамъ своимъ перевести на русскій языкъ слѣдующія:

1) Юлія Кесаря—Записки о походѣ его въ Галлію, и проч.
2) Муретовы рѣчи.
3) Письма Цицероновы.
4) Письма Плиніевы.
5) Философскія сочиненія Сенеки.
6) Римскую исторію Тита Ливія.
7) Гейнекція—Объ основаніяхъ слога.
8) Корнелія Непота [177]).

Еще ранѣе Нартовъ предлагалъ перевести съ латинскаго языка на русскій «всѣ стихотворенія Клавдіяна, яко знаменитаго классическаго писателя». Одинъ изъ членовъ академіи изъявилъ желаніе перевести на русскій языкъ сочиненія Клавдіана, но не стихами, а прозою, и притомъ съ такимъ условіемъ, чтобы имя переводчика было скрыто отъ публики, и чтобы при переводѣ «исключать всѣ тѣ статьи и мѣста, въ которыхъ латинскій стихотворецъ нестрого наблюдалъ надлежащую благопристойность» [178]).

Въ разное время переведены членами академіи и изданы россійскою академіею:

Лѣтопись Тацита, перевед. С. Я. Румовскимъ.

Саллустія—О войнѣ Катилины и о войнѣ Югурты.

Квинтиліана—Риторическія наставленія, и т. д.

Особенное значеніе имѣютъ изданные россійскою академіею переводы:

Разсужденіе о механическомъ составѣ языковъ. соч. Бросса.

Ликей или курсъ словесности—Лагарпа.

Съ сочиненіемъ Бросса находятся въ тѣсной связи филологическіе опыты членовъ россійской академіи и особенно Шишкова, многое почерпнувшаго изъ этого источника. Книга Лагарпа почиталась въ своемъ родѣ единственною, полезною и необходимою, потому что въ ней «преподается истинное, подробное и совершенное понятіе о твореніяхъ древнихъ классическихъ писателей, оставившихъ потомству почти неподражаемые примѣры во всякомъ родѣ стихотворства, витійства и бытописанія» [179]).

Самымъ неудачнымъ предпріятіемъ академіи былъ переводъ на русскій языкъ сочиненія Бартелеми: *Путешествіе Анахарсиса*. Множество засѣданій посвящено было чтенію и исправленію этого перевода; всему дѣлу приданъ былъ видъ чего-то чрезвычайно важнаго, а въ дѣйствительности оказалось, что время потрачено даромъ, и вмѣсто обогащенія литературы прибавился только новый поводъ къ нападкамъ на академію. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей русской науки того времени говоритъ, что не имѣлъ терпѣнія прочитать нѣсколькихъ листовъ «академическаго Анахарсиса», и прибавляетъ: «Такъ-то переводитъ академія, думающая быть учительницею въ россійской словесности» [180]).

XXXIII.

Россійская академія, имѣя въ виду содѣйствовать, какъ ей казалось, развитію здравыхъ понятій филологическихъ и литературныхъ, предпринимала нѣсколько повременныхъ изданій.

Съ 1805 по 1842 годъ появилось пять повременныхъ изданій россійской академіи, а именно:

— Сочиненія и переводы, издаваемые россійскою академіею.

— Извѣстія россійской академіи.

— Повременное изданіе императорской россійской академіи.

— Краткія записки, издаваемыя отъ россійской императорской академіи.

— Труды императорской россійской академіи.

Первое повременное изданіе россійской академіи подъ названіемъ: *Сочиненія и переводы* состоитъ изъ семи частей, вышедшихъ втеченіе девятнадцати лѣтъ: Первая часть вышла въ 1805 году; вторая — въ 1806 году; третья — въ 1808 году; четвертая — 1810 году; пятая — въ 1811 году; шестая въ — 1813 году; седьмая и послѣдняя — въ 1823 году.

По словамъ Шишкова, говорившаго отъ лица академіи, главная цѣль изданія заключалась въ томъ, чтобы открытіемъ красотъ, свойственныхъ нашему языку, принести существенную пользу словесности и предохранить нашихъ писателей отъ чужеязычія, причемъ на первомъ планѣ должны быть: подробный разборъ словъ, вышедшихъ изъ употребленія и указаніе красотъ славянскаго языка [181]).

Въ Сочиненіяхъ и переводахъ, издаваемыхъ россійскою академіею, помѣщены:

— Извѣстія объ учрежденіи и занятіяхъ россійской академіи. Извѣстія эти доведены до конца 1805 года, и прекращаются въ шестой части.

— Похвальное слово Ломоносову, соч. Севергина.

— Похвальное слово Сумарокову, соч. Дмитревскаго.

— Похвальное слово царю Алексѣю Михайловичу, соч. Львова.

— Вступительная рѣчь Ив. Ив. Мартынова.

— Рѣчь Нартова въ новомъ домѣ академіи.

— Рѣчь Мальгина: О состояніи въ Россіи древняго и новѣйшаго народнаго просвѣщенія.

— Шишкова: Разсужденіе о краснорѣчіи св. писанія.

— Его же: Примѣчанія на Слово о полку Игоревѣ.

— Его же: Разсмотрѣніе рѣчи Георгія Кониcскаго.

— Его же: О звукоподражаніи.

— Его же: О сословахъ.

— Его же: Разговоръ между двумя пріятелями о переводѣ словъ съ одного языка на другой.

— Его же: Переводъ на русскій языкъ шестнадцатой пѣсни Иліады. Переводъ сдѣланъ по слѣдующему поводу: Шишковъ до того времени читалъ Иліаду только во французскомъ переводѣ; пріятель Шишкова замѣтилъ ему, что Гомера надо читать или въ подлинникѣ или въ англійскомъ переводѣ Попе. Греческаго языка Шишковъ вовсе не зналъ, а англійскій зналъ весьма плохо; поэтому пріятель сталъ читать Иліаду по англійски, а Шишковъ переводилъ читаемое на русскій языкъ.

— Мартынова: Разсужденіе о качествахъ, писателю потребныхъ.

— Димосѳена: Надгробное слово аѳинянамъ, убитымъ въ сраженіи при Херонеѣ — переводъ Евгенія Болховитинова.

— Рѣчь Геллерта о причинахъ преимущества древнихъ писателей предъ новѣйшими, особливо въ стихотворствѣ и краснорѣчіи — переводъ Румовскаго.

— Богдановича: Добромыслъ, старинная повѣсть.

— Стихотворенія Державина, Хераскова, князя Серг. Ал. Шихматова, графа Хвостова, Карабанова, и др.

Одинъ изъ обычныхъ пріемовъ изданія заключался въ подновленіи языка[182]). Нѣсколько примѣровъ мы уже указали; упомянемъ здѣсь о рукописномъ сочиненіи сотника черниговскаго полка Григорія Кузмѣнскаго, подъ заглавіемъ: «Петръ Великій, въ Елисаветѣ воскресшій. Року 1744». Воспроизводя въ академическомъ изданіи (Ч. II) эту похвальную рѣчь, Шишковъ говоритъ: «Она изобилуетъ многими хорошими мыслями и выраженіями, но оныя смѣшаны съ нѣкоторыми обветшалыми и даже иностранными реченіями, таковыми какъ *кавалерійскій прогно-*

стихъ. Дабы извлечь сіе, впрочемъ весьма изрядное, сочиненіе изъ глубины забвенія, *разсудилъ я за благо переправить оное, перемѣнить темныя или недовольно сильныя мѣста»* и проч. Но внѣшній видъ надписи Шишковъ почему-то нашелъ нужнымъ сохранить:

Отринь печаль твою,
возрадуйся паки, Россія,
златые дни твои вспять возвратилися:
Петръ воскресъ въ Елисаветѣ,
Петръ,
котораго великихъ дѣлъ
ни исчислить, ни описать невозможно,
ибо исчисленіе утомляетъ память,
описаніе побѣждаетъ умъ.

Второе повременное изданіе, предпринятое академіею, подъ названіемъ: *Извѣстія россійской академіи*, выходило втеченіе четырнадцати лѣтъ; всѣхъ книжекъ — двѣнадцать: первая вышла въ 1815 году, послѣдняя — въ 1828 году.

«Извѣстія россійской академіи» до того переполнены статьями Шишкова, что сама академія называла свой новый журналъ произведеніемъ, или «трудомъ» Шишкова, котораго, какъ автора «Извѣстій», и увѣнчала золотою медалью [183]). По мнѣнію Шишкова, настоящее призваніе академіи — заниматься корнесловіемъ; все остальное — роскошь и праздное препровожденіе времени. Онъ говоритъ: «Чтеніе присылаемыхъ въ академію стихотвореній или иныхъ краснорѣчивыхъ писаній есть больше забава, нежели упражненіе. Настоящая обязанность академіи не есть заниматься стихами и краснорѣчіемъ; но изслѣдованіемъ *состава и разума словъ*, опредѣленіемъ правилъ и свойствъ *языка*, установленіемъ и *огражденіемъ его отъ порчи писателей, незнающихъ силы онаго»* [184]). Понятно послѣ этого, что академическій журналъ посвященъ былъ почти исключительно корнесловію. На первомъ планѣ являются статьи Шишкова;

— Опытъ славенскаго словаря, или объясненіе силы и знаменованія коренныхъ и производныхъ русскихъ словъ, по недовольному истолкованію ихъ мало извѣстныхъ и потому малоупотребительныхъ.

— Опытъ словаря по корнямъ, иначе называемаго словопроизводнымъ и т. п.

Въ «Извѣстіяхъ россійской академіи» помѣщены переводы Шишкова:

— Краледворская рукопись, съ подлинникомъ и объяснительными примѣчаніями.

— Опытъ изслѣдованія словопроизводства; изъ сочиненій аббата Мореллета, и др.

Въ «Извѣстіяхъ» печатались краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ «происшествіяхъ» въ россійской академіи, а также и стихотвореніями, какъ напримѣръ: *Пѣснь Сотворшему все*, князя Шихматова, и *Цеиксъ и Галціона*, переводъ Жуковскаго.

Третій журналъ, выходившій подъ именемъ *Повременнаго изданія императорской россійской академіи*, состоитъ изъ четырехъ частей, изъ которыхъ первая вышла въ 1829 году, а четвертая и послѣдняя въ 1832 году. О содержаніи и направленіи этого журнала можно судить по его главнѣйшимъ статьямъ, а именно:

— Собранія языковъ и нарѣчій; составлено на основаніи сравнительнаго словаря Екатерины II, и представляетъ рядъ корней и вѣтвей, сближаемыхъ авторомъ по его личнымъ филологическимъ соображеніямъ.

— Краткое начертаніе о письменахъ славянскихъ, соч. Соларича; переводъ съ итальянскаго.

— О сходствѣ языка древнихъ народовъ Малой Азіи съ языкомъ древнихъ и новыхъ народовъ ѳракійскихъ и иллирійскихъ; соч. Аппендани; переводъ съ итальянскаго, и т. д.

Всѣ эти статьи принадлежатъ Шишкову, снабдившему свои переводы обильными примѣчаніями. Шишковымъ же переведены

нѣкоторыя произведенія — одни стихами, другія прозою, какъ напримѣръ: Асанова супруга; идиллія Свѣтлякъ; и т. п.

Стихотворный отдѣлъ академическаго журнала наполнялся преимущественно произведеніями Бориса Михайловича Ѳедорова и князя Сергѣя Александровича Шихматова.

Четвертый журналъ выходилъ подъ такимъ заглавіемъ: *Краткія записки*, содержащія въ себѣ разныя примѣчанія и сужденія о языкѣ и словесности, издаваемыя отъ россійской императорской академіи. Всего вышло три книжки: первая въ 1834 году, вторая и третья въ 1835 году. Въ настоящее время онѣ составляютъ библіографическую рѣдкость; поэтому приводимъ собственное свидѣтельство издателей академическаго журнала:

«Записки сіи не съ тою цѣлію издаются, чтобъ быть полными и послѣдственными въ языкѣ и словесности наставленіями, каковы суть; риторики, грамматики, словари и проч.; но съ тѣмъ, чтобъ въ сихъ важныхъ сочиненіяхъ быть помощію тому, кто ихъ предприметъ. Онъ въ разныхъ отрывкахъ сихъ записокъ найдетъ многія замѣчанія, коими можетъ пользоваться, и которыя послужатъ ему къ облегченію его труда: такъ напримѣръ, сочиняющій риторику, или иное какое о краснорѣчіи разсужденіе, найдетъ въ нихъ выписанные изъ книгъ хорошіе примѣры, собранные и готовые для употребленія тѣхъ изъ нихъ, которые ему понадобятся. — Сочиняющій всякую другую учебную или неучебную книгу тожъ найдетъ собранные отвсюду примѣры свойственныхъ и несвойственныхъ языку выраженій, изъ коихъ первыми, когда хочетъ писать по русски, наставлять себя, а отъ другихъ избѣгать долженъ. — Писатель грамматики можетъ также найти многія, касающіяся до сей науки замѣчанія. — Пристрастившійся къ употребленію иностранныхъ словъ увидитъ, что многимъ изъ нихъ есть соотвѣтствующія русскія слова, и что одинъ только навыкъ, а не здравый разумъ, побуждаетъ его чужія предпочитать своимъ, столько же или еще больше знаменательнымъ. — Забвенію старыхъ и выдумыванію новыхъ словъ

приложится разборъ, довольно ли, и къ пользѣ ли языка, однѣ изъ нихъ оставлены, а другія вводятся. *Словопроизводство*, толь нужное для основательнаго познанія не только своего, но и всѣхъ другихъ языковъ: *словопроизводство, отгоняющее отъ очей нашихъ мракъ, въ какомъ сокрываются дѣйствія составлявшаго языки ума человѣческаго*; сіе, мало извѣстное, и необходимо потребное для насъ просвѣщеніе, получитъ въ помѣщаемыхъ здѣсь словахъ опыты истолкованія оныхъ, и подастъ поводъ къ дальнѣйшимъ въ томъ упражненіямъ. — Всѣ подобныя симъ замѣчанія, хотя отрывками и безъ послѣдственнаго порядка собранныя, могутъ быть полезными напоминаніями тому, кто разсуждаетъ и любитъ не одному самолюбію своему вѣрить, но вникать и выслушивать силу доводовъ, хотя бы они были и противъ его понятія. Станется, что не вездѣ въ запискахъ сихъ съ новѣйшими писателями встрѣтится согласіе, но да не прогнѣваются они, когда навыкъ ихъ не предпочтется яснымъ доказательствамъ и здравому разсудку».

Въ «Краткихъ запискахъ» помѣщены статьи Шишкова:

— О пересудѣ, или разборѣ сочиненій, называемомъ критикою:

— Нѣчто о правописаніи.

— Разговоры между старикомъ и юношею о русскомъ языкѣ, краснорѣчіи, стихотворствѣ и вообще о словесности, и т. д.

Шишкову же принадлежатъ помѣщенные въ этомъ журналѣ переводы, съ французскаго языка, нѣсколькихъ статей, направленныхъ противъ романтизма.

Пятый и послѣдній журналъ издавался подъ названіемъ: *Труды императорской россійской академіи.* Вышло пять частей: первая, вторая и третья въ 1840 году, четвертая—въ 1841 году, пятая и послѣдняя—въ 1842 году.

Изданіе открывается статьею непремѣннаго секретаря россійской академіи Д. И. Языкова: «Краткое извѣстіе объ императорской россійской академіи, отъ основанія оной въ 21 день октября 1783 года по 1840 годъ». Въ статьѣ Языкова особенно

много говорится о литературныхъ трудахъ Шишкова, восхваляемыхъ выше всякой мѣры. Хвалебные отзывы въ такомъ родѣ: «Повременное изданіе вмѣщаетъ въ себѣ многія, *посправедливости классическія* сочиненія почтеннѣйшаго президента академіи, касающіяся до изъясненія объ отечественномъ языкѣ.... Для опыта представлено разсужденіе о силѣ и значеніи нѣкоторыхъ предлоговъ. Опытъ сей, продолженный въ послѣдующихъ повременныхъ изданіяхъ академіи и въ собраніи сочиненій и переводовъ почтеннѣйшаго ея президента, останется прочнымъ памятникомъ его глубокаго знанія языка, котораго всѣ части онъ раздробляетъ, подобно искуснѣйшему трупоразъятелю. Весьма жаль, что онъ не совершилъ сего труда, ибо *таковые умы родятся вѣками*», и т. д. Приводятся отзывы иностранныхъ журналовъ и отдѣльныхъ лицъ, полученныхъ въ отвѣтъ на присылку имъ сочиненій Шишкова, въ нѣмецкомъ переводѣ. Въ Literärischer begleiter des provinzial-blattes сказано, что «вся образованная Европа приметъ сочиненіе Шишкова съ исполненнымъ уваженія вниманіемъ». Allgemeine litteratur-zeitung замѣчаетъ, что изслѣдованія Шишкова, которыя «всякому любящему науку словознанія должны принесть великое удовольствіе, принадлежатъ къ самодостойнѣйшимъ трудамъ его». Президентъ Американскаго философскаго общества въ Филадельфіи увѣрялъ, что онъ «восхитился филологическими сочиненіями» Шишкова и, благодаря имъ, пришелъ къ убѣжденію въ томъ, что «латинскій языкъ обязанъ словенскимъ нарѣчіямъ такъ много, какъ до сего и не воображали; очевидно, что языкъ словенскій гораздо древнѣе латинскаго и даже греческаго» и т. п.

Не смотря на все это, въ статьѣ Языкова много любопытныхъ свѣдѣній, относящихся къ россійской академіи.

Въ «Трудахъ россійской академіи» есть нѣсколько статей, относящихся къ русской литературѣ, какъ напримѣръ:

— Лобанова: Мнѣнія о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной.

— Его же: Жизнь и сочиненія Ник. Ив. Гнѣдича, — и т. д.

Но большинство статей — историческаго содержанія:

— Царствованіе Петра II, Арсеньева.

— О русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 годъ, В. М. Перевощикова.

— Судьба Германіи по совершенномъ расторженіи имперіи Карла-Великаго до кончины императора Оттона I;—Шульгина.

— О бывшемъ монгольскомъ городѣ Укепѣ; переводъ изъ сочиненій Френа.

— О рукописяхъ, относящихся до русской исторіи, хранящихся въ дрезденской королевской библіотекѣ; — письмо Ханыкова къ государственному канцлеру графу Румянцову, и т. д.

Въ «Трудахъ» помѣщены также:

— Доношеніе Тредьяковскаго президенту академіи наукъ графу Разумовскому.

— Статья Д. И. Языкова: О славянскихъ названіяхъ года, мѣсяцевъ, недѣль, недѣльныхъ дней и годовыхъ временъ.

— Мнѣніе Перевощикова и Востокова о сочиненіи Данковскаго: Грамматика всѣхъ славянскихъ и греческихъ нарѣчій, — и т. д.

XXXIV.

Для вѣрной оцѣнки академической дѣятельности большое значеніе имѣютъ разборы произведеній, представляемыхъ, по тому или по другому поводу, на судъ россійской академіи. Подобные разборы составлялись обыкновенно членами такъ называемаго *разсматривательнаго комитета* и утверждались общимъ приговоромъ академіи. Приведемъ нѣсколько образцовъ академической критики.

Драматическій опытъ Плат. Григор. Ободовскаго: «Великій князь Александръ Тверской».

«По разсмотрѣніи представленнаго г-ну президенту императорской россійской академіи драматическаго опыта г-на Ободов-

скаго: *Великій Князь Александръ Тверской*, комитетъ съ удовольствіемъ поставляетъ долгомъ отдать справедливость отличнымъ дарованіямъ сочинителя. *Александръ Тверской* тѣмъ замѣчательнѣе, что есть произведеніе оригинальное, и представляетъ одно изъ достопамятныхъ событій въ русской исторіи: подвигъ самоотверженія великодушнаго тверскаго князя, рѣшившагося свершить месть надъ хищными татарами во время владычества ихъ въ Россіи и освободить Тверь отъ Шевкала, одного изъ лютѣйшихъ притѣснителей, ханскаго сродника и любимца. Не смотря на неблагопріятное положеніе главнаго лица драмы, князя Тверскаго, ханскаго данника, сочинитель умѣлъ окружить его такимъ величіемъ и показать въ лицѣ его такую возвышенность чувствованій, что Тверской представляется истиннымъ героемъ — готовымъ принести жизнь въ жертву усердія къ святынѣ вѣры и любви къ отечеству.

Драма г. Ободовскаго написана шестистопными ямбами. Расположеніе ея просто, не обильно событіями; завязка слаба, но участіе читателя и зрителя возбуждается многими прекрасными сценами. Въ первомъ дѣйствіи, при свиданіи Александра съ Шевкаломъ, посолъ Узбека, хвалясь могуществомъ хана, требуетъ дани—жертвы достояніемъ святыхъ храмовъ. Александръ съ негодованіемъ отказывается отъ выполненія сего требованія, и тогда Шевкалъ напоминаетъ ему о бѣдственной участи князя Михаила Тверскаго, отца его, погибшаго въ ордѣ.

Шевкалъ.

Иль не страшитъ тебя мятежника конецъ?
Такъ! — эту злобу къ намъ вдохнулъ въ тебя отецъ,
Тотъ горделивый рабъ, въ злодѣйствахъ закоснѣлый.

Александръ.

Шевкалъ, ты преступилъ посланника предѣлы;
Какъ солнце, чистотой сіяла жизнь отца;
Онъ недостоинъ былъ плачевнаго конца;

Сна мертвыхъ не тревожь, не оскверняй святыни;
Непрочно торжество безумныя гордыни;
Превыше всѣхъ царей есть Царь на небесахъ,
Ему отдастъ отчетъ Узбекъ въ своихъ дѣлахъ.
Незримый Судія, свергающій престолы,
Даетъ надежду намъ сложить яремъ тяжелый.
Пусть узы тяжкія куетъ на насъ орда,
Во храмѣ Божіемъ свободны мы всегда.
Крестъ Божій на груди, въ рукѣ десной сѣкира:
Вотъ все, съ чѣмъ мы пойдемъ на всѣхъ злодѣевъ міра.

Во второмъ дѣйствіи, услышавъ вѣсть о дерзости татаръ, устремившихся на расхищеніе святыни храмовъ, князь тверской требуетъ отчета отъ Шевкала въ нарушеніи грамоты хана, обѣщавшаго охраненіе алтарей. Шевкалъ кипитъ яростію, но въ то же время великодушная супруга Александра стремится удержать гнѣвъ ханскаго посла, и предлагаетъ ему сокровища за пощаду Твери, а между тѣмъ Александръ готовится къ мести хищникамъ. Въ третьемъ дѣйствіи княгиня, слыша издалека шумъ битвы, молитъ небесный Промыслъ спасти жизнь ея супруга; но примѣчая близость грозящей ему опасности среди пожара и сѣчи, сама стремится къ нему раздѣлить съ нимъ жребій, схватываетъ тверскую хоругвь и воспламеняетъ мужество воиновъ. Александръ торжествуетъ. Татары поражены. Шевкалъ плѣнникъ. Александръ даетъ ему свободу, говоря:

Какъ хищника — тебя князь русскій презираетъ,
Какъ ханскаго посла — тверской освобождаетъ.

Гордый Шевкалъ не хочетъ пережить свое униженіе, и самъ поражаетъ себя. Драма оканчивается молитвою Александра, соединяющаго благодарный голосъ свой съ благоговѣйною радостію воиновъ и народа.

Стройность стиховъ г. Ободовскаго, показывающихъ и дарованіе поэтическое, и опытное знаніе языка; выразительность

характеровъ: пылкаго, доблестнаго и твердаго въ благочестіи Александра, самонадѣяннаго и кичливаго Шевкала, заслуживаютъ совершенное одобреніе. — Надлежитъ еще замѣтить, что г. Ободовскій пріобрѣлъ извѣстность многими прекрасными произведеніями въ драматическомъ родѣ. Довольно поименовать: переводъ драмы *Іоаннъ, герцогъ финляндскій*, соч. Вейсентурнъ; Шиллеровой трагедіи: *Донъ-Карлосъ*; Шенковой трагедіи *Велизарія* и другихъ, имѣвшихъ блестящій и заслуженный успѣхъ на русской сценѣ.

Комитетъ, согласно съ мнѣніемъ г. президента, полагаетъ, что Драматическіе опыты г. Ободовскаго заслуживаютъ особенное вниманіе, и по предмету, и по языку, и по нравственному направленію ихъ, почему имѣетъ честь представить императорской россійской академіи, не признаетъ ли она справедливымъ увѣнчать полезную дѣятельность отличнаго дарованіями сочинителя одною изъ наградъ, опредѣленныхъ высочайше утвержденнымъ уставомъ».

Въ собраніи россійской академіи постановлено: наградить П. Г. Ободовскаго малою золотою медалью съ надписью: «За успѣхи въ россійской словесности» [185]).

Собраніе идиллій Панаева.

Президентъ россійской академіи Шишковъ обратился въ разсматривательный комитетъ съ слѣдующимъ предложеніемъ:

«Господинъ Панаевъ сообщилъ мнѣ для представленія въ академію изданную имъ сочиненія своего книгу, содержащую въ себѣ 25 идиллій въ стихахъ. Книга сія по всей справедливости есть нѣкое въ словесности нашей новое въ семъ родѣ произведеніе, отличающееся какъ выборомъ разсказовъ, такъ равно господствующимъ въ нихъ благонравіемъ и пріятностію стиховъ, выключая нѣкоторое малое число искаженныхъ по произношенію для риѳмы словъ, благородству и чистотѣ языка несвойственныхъ; но какъ сія погрѣшность, хотя и вредная умножающимся

къ порчѣ языка нововведеніемъ и подражаніемъ, однакожъ въ сравненіи съ достоинствомъ и красотою всего сочиненія маловажная, то я препровождаю книгу сію въ комитетъ для разсмотрѣнія, не заслуживаетъ ли сочинитель ея, въ силу устава, быть отъ академіи награжденъ золотою третьей степени медалію».

Разсматривательный комитетъ представилъ такой отзывъ:

«Собраніе идиллій сочиненія г. Панаева есть новое, очень хорошее произведеніе россійской словесности въ подражаніе древнимъ греческимъ и римскимъ писателямъ, въ семъ родѣ стихотворенія отличившимся. Кромѣ ощутительной почти вездѣ правильности и чистоты языка, кромѣ піитическихъ красотъ въ вымыслахъ, изображеніяхъ и описаніяхъ, кромѣ пріятныхъ, нѣжныхъ и непринужденныхъ выраженій мыслей, чувствованій и страстей слогомъ, во многихъ мѣстахъ отличнымъ и очень сему роду стихотворенія свойственнымъ, онѣ имѣютъ еще то особенное въ себѣ достоинство, что по большей части, такъ сказать, отзываются чистою нравственностію. Нѣкоторыя изъ нихъ не имѣютъ сего достоинства и какъ содержаніемъ, такъ и разсказомъ ниже или слабѣе прочихъ, напр. XII-я Филлида и Коридонъ, XIV Коридонъ и XVI-я изгнанникъ Алексисъ; но всѣ вообще въ большей или меньшей степени хороши. Есть нѣсколько неисправностей въ выраженіяхъ, какъ-то стран. 37-я и 78-я: *обдихъ* вмѣсто *обоихъ*; стран. 48: *говоръ листовъ* вмѣсто: *шорохъ* или *шепотъ*; какъ и самъ сочинитель въ другомъ мѣстѣ, стран. 66-я, сказалъ: подъ *шепотомъ листовъ*; стран. 74-я:

Мнѣ и самой съ тобою
Пріятнѣй какъ-то быть *одною*.

Стр. 77. Вдали верхи синѣлись горъ.
Стр. 79. Подъ тѣнію *мирта густова*—вмѣсто: *мирты густой*.
Стр. 93. *Вѣтве́й* вмѣсто: *вѣ́твей*. (Перемѣна правильныхъ и общепринятыхъ удареній есть также искаженіе языка).

Но такія неисправности простительны, ежели ихъ немного встрѣчается въ одномъ какомъ-либо сочиненіи или книгѣ: не-

извинительна порча правописанія, замѣченная въ риѳмахъ, въ которыхъ буква *е* перемѣняется въ какую-то двоегласную, означаемую двумя точками букву *ё*, вводимую не такъ-то съ давняго времени писателями, мало занимающимися правильностію и чистотою языка, которымъ повидимому подражалъ и г. Панаевъ безъ всякой надобности, почитая, можетъ быть, такое искаженіе въ правописаніи стихотворческою вольностію. Не такъ должно писать, какъ выговаривается, а какъ требуетъ правописаніе. Читатель разумный знаетъ, какъ произнести какое-либо слово по общему чистому выговору, и не должно учить его сему изобрѣтеніемъ особенныхъ буквъ. Во многихъ словахъ сія двоегласная буква *ё* для произношенія непріятна; слухъ нашъ чувствуетъ въ ней какую-то простоту выговора, очень грубую. Все сіе можно ощутить изъ выписанныхъ здѣсь риѳмъ, которыя, такъ сказать, дерутъ уши, особливо ежели они часты. Лучше какъ-нибудь избѣгать ихъ въ окончаніяхъ стиховъ, нежели коверкать ими языкъ и правописаніе. Г. Панаевъ чувствовалъ самъ, что можно обойтись безъ двоегласнаго *ё*, ибо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не поставилъ сей буквы:

Стр. 50. Слезъ, принесъ.
» 56. Краснобокой, далекой.
» 6. Проведете, не найдете.
» 67. Влечетъ, обрѣтетъ.
» 55. Окномъ, огнемъ.
» 77. Въ немъ, днемъ.

Повторяемъ, что хорошіе стихотворцы пишутъ для читателей разумныхъ, а не для незнающихъ: слѣдовательно, должно держаться правильности и чистоты.

Вотъ тѣ риѳмы, которыя не одобряются вкусомъ и разборчивостію:

Стр. 8. Рокъ, ручеёкъ.
» 10. Листовъ, дерёвъ (ухо деретъ).
» 12. Цвѣтокъ, щёкъ.

Стр. 22. Востока, издалёка.
» — Хлою, зарёю.
» 33. Въ сёмъ, пóсошкомъ.
» — Начнётъ, черёдъ.
» 43. Пойдёмъ, подождёмъ, дождёмъ.
» 48. Востокъ, щёкъ.
» 10. Недѣли, дѣлѣ (это уже совсѣмъ не риѳма или очень худая).
» 11. Полстада.
» — Не надо . . (тоже).
» 46. Не воротить.
» — Не находить . . (тоже).
» 49. Упоенный.
» — Восхищеннымъ (тоже).
» 56. Волъ, подошёлъ.
» 57. Непогодъ, идетъ.
» 68. Далёкой, одинокой.
» 70. Струёй, дорогóй.
» 72. Луговъ, ручьёвъ.
» 74. Порою, семьёю, роднёю, со мною.

Желательно, чтобъ г. Панаевъ при второмъ изданіи своихъ идиллій очистилъ ихъ отъ сей порчи, которая вредитъ ощутительно слогу благородному, возвышенному и часто простому, и чтобы впредь не слѣдовалъ своенравію писателей, желающихъ отличиться какою-нибудь новостію дрянною, и радующихся, когда видятъ подражателей имъ, заключая изъ сего, что ихъ почитаютъ другіе писателями уже именитыми» [186]).

Виргиліевы Георгики, переводъ Раича.

«Комитетъ, приступивъ къ чтенію Виргиліевыхъ Георгикъ перевода г-на Раича, началъ оное сличеніемъ съ подлинникомъ, дабы увидѣть сходство или несходство съ онымъ. По сличенію замѣчено, что переводившій держался только мыслей Виргилія,

такъ сказать, издалека, давъ себѣ полную свободу въ описаніи предметовъ земледѣльческихъ своими начертаніями и самопроизвольнымъ порядкомъ, при многихъ отступленіяхъ, со многими прибавленіями, не держась силы выраженій и красотъ подлинника, исключая весьма немногіе стихи, въ коихъ видны сила мыслей и красота выраженій Виргиліевыхъ. Для усмотрѣнія таковаго несходства представляется при семъ нѣсколько мѣстъ, переведенныхъ прозою близко къ подлиннику и преложенныхъ ихъ стиховъ г. Раича въ прозу же.

Подлинникъ латинскій.

Quid faciat laetas segetes, quo sidere terram
Vertere, Maecenas, ulmisque adjungere vites
Conveniat; quae cura boum, qui cultus habendo
Sit pecori; apibus quanta experientia parcis:
Hinc canere incipiam. Vos, o clarissima mundi
Lumina, labentem coelo quae ducitis annum,
Liber et alma Ceres; vestro si munere tellus
Chaoniam pingui glandem mutavit arista,
Poculaque inventis Acheloia miscuit uvis;
Et vos, agrestum praesentia numina, Fauni,
Ferte simul Faunique pedem Dryadesque puellae:

Буквальный переводъ.

Что̀ содѣлываетъ жатвы плодоносными; въ какое время приличествуетъ орать землю, о Меценатъ, и подвязывать виноградныя лозы къ ильму; какое надлежитъ имѣть попеченіе о волахъ; какой присмотръ за скотомъ, и сколь великое требуется искусство разводить трудолюбивыхъ пчелъ: вотъ предметъ моего пѣнія. — Вы, лучезарныя свѣтила міра, низводящія съ небесъ скоротечный годъ: Вакхъ и питательница Церера, ежели по вашему дару земля перемѣнила хаонскій желудь на тучный класъ и ахелоевы чаши растворила найденнымъ гроздіемъ, и вы присущія полямъ божества, Фавны, пріидите, внушите мнѣ стихъ, Фавны вкупѣ и Дріады дѣвы.

Подлинникъ латинскій.

Munera vestra cano. Tuque o, cui prima frementem
Fudit equum, magno tellus percussa tridenti,
Neptune; et cultor nemorum, cui pinguia Ceae
Ter centum nivei tondent dumeta juvenci;
Ipse, nemus linquens patrium saltusque Lycaei,
Pan, ovium custos, tua si tibi Maenala curae,
Adsis, o Tegeaee, favens; oleaeque Minerva
Inventrix; uncique puer monstrator aratri;
Et teneram ab radice ferens, Silvane, cupressum;
Dique deaeque omnes, studium quibus arva tueri;
Quique novas alitis non ullo semine fruges;
Quique satis largum coelo demittitis imbrem;
Tuque adeo, quem mox quae sint habitura deorum
Concilia, incertum est: urbisne invisere, Caesar,
Terrarumque velis curam, et te maxumus orbis
Auctorem frugum tempestatumque potentem

Буквальный переводъ.

Ваши дары воспѣваю. И ты, о Нептунъ, коему древле земля, трезубцемъ пораженная, произвела ретиваго коня; и ты, обитатель дубравъ, у коего на островѣ Цеѣ триста бѣлоснѣжныхъ юницъ щиплютъ сочныя лѣторасли; и ты самъ, оставившій отеческую дубраву и Ликейскій лѣсъ, Панъ, стражъ овецъ, ежели ты печешься о своихъ стадахъ, пасущихся на горѣ Меналѣ, пріиди, благопріятствующъ мнѣ, о Тегейскій! И ты, насадительница маслины; и ты, изобрѣтатель искривленнаго плуга, и Сильванъ, носящій въ рукѣ младый отъ корня кипарисъ; и вы, всѣ боги и богини, попечительные блюстители нивъ; вы, кои питаете новые плоды, безъ сѣянія растущіе; и вы, кои ниспосылаете на потребу довлѣющій дождь.

А наипаче ты, о которомъ теперь еще неизвѣстно, какой будетъ совѣтъ боговъ; восхощешь ли ты, о цесарь, управлять градами и селами, или пространный міръ почтетъ тебя виновникомъ плодовъ и владыкою временъ годичныхъ, увѣнчевая

Подлинникъ латинскій.

Adcipiat, cingens materna tempora myrto;
An deus immensi venias maris, ac tua nautae
Numina sola colant, tibi serviat ultima Thule,
Teque sibi generum Thetys emat omnibus undis;
Anne novum tardis sidus te mensibus addas,
Qua locus Erigonen inter Chelasque sequentis
Panditur: ipse tibi jam brachia contrahit ardens
Scorpios, et coeli justa plus parte relinquit:
Quidquid eris; nam te nec sperent Tartara regem,
Nec tibi regnandi veniat tam dira cupido:
Quamvis Elysios miretur Graecia campos,
Nec repetita sequi curet Proserpina matrem;
Da facilem cursum, atque audacibus adnue coeptis,
Ignarosque viae mecum mecum miseratus agrestis,
Ingredere, et votis jam nunc adsuesce vocari.

Буквальный переводъ.

чело твое материнскою миртою; или содѣлаешься богомъ неизмѣримаго океана, и плаватели боготворить будутъ тебя единаго; или послужитъ тебѣ отдаленная на край міра Ѳула, и Ѳетида отдастъ тебѣ всѣ воды, чтобы имѣть тебя зятемъ; или присоединишь себя, какъ новую звѣзду, къ созвѣздіямъ длинныхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, тамъ, гдѣ есть праздное мѣсто между Эригономъ и послѣдующими за нимъ хеласами (вѣсами); самъ Скорпіонъ предъ тобою поджимаетъ клешни свои и оставляетъ тебѣ бо̀льшую часть неба. Что ты ни будешь (ибо тартаръ да не надѣется имѣть тебя владыкою, ниже обыметъ тебя столь неистовая страсть царствовать надъ тѣнями, хотя Греція удивляется полямъ Елисейскимъ, и хотя Прозерпина, вызываемая, не думаетъ слѣдовать за матерью), дай мнѣ быстрый бѣгъ и соблаговоли на дерзновенныя мои предпріятія; и сжалясь надъ невѣдущими, какъ я, поселянами предпріятаго пути, предшествуй и уже отнынѣ навыкай быть призываемъ мольбами.

Содержащееся въ стихахъ сихъ главное предложеніе предметовъ, о коихъ римскій стихотворецъ намѣренъ говорить въ своихъ Георгикахъ, и призываніе его боговъ, богинь и Августа Кесаря, написаны просто, ясно, плавно, приличными каждому предмету выраженіями и съ наблюденіемъ надлежащаго порядка въ мысляхъ. Напротивъ того, переводъ оныхъ надутъ, сбивчивъ, весьма часто уклоняется отъ подлинника, во многихъ мѣстахъ теменъ, а въ нѣкоторыхъ и противенъ мыслямъ Виргилія, какъ то̀ видѣть можно изъ слѣдующихъ стиховъ г. Раича съ преложеніемъ оныхъ въ прозу.

Переводъ г. Раича.	**Преложеніе въ прозу.**
Стр. 1.	
Я славлю, Меценатъ, оратаевъ труды, Подъ счастливой звѣздой отверстыя бразды И вязъ, сдружившійся съ лозою винограда. Надзоры табуновъ и воспитанье стада. И домовитыхъ пчелъ заботливый народъ. Свѣтила красныя въ безмѣрности высотъ, Водящія и дни, и мѣсяцы, и годы По вѣчнымъ чертежамъ вседвижущей природы! И ты, царица нивъ, и ты, о вакхъ младой! Коль вашей къ смертному щедроты даръ благой—	Меценатъ! я славлю труды оратаевъ, отверстыя бразды подъ счастливою звѣздою и вязъ съ лозою виноградною сдружившійся, надзоры табуновъ, воспитанье стадъ. О вы, свѣтила красныя, водящія въ безмѣрности высотъ и дни, и мѣсяцы, и годы по вѣчнымъ чертежамъ природы вседвижущей! И ты, царица нимфъ, и ты, о младой Вакхъ, ежели благіе дары суть щедроты ваши къ смертному, класы тучные, златомъ горящіе въ поляхъ, и сосуды, гроздною амврозіею кипящіе; вы, боги селъ мирныхъ, и о вы, о нимфы горъ, составьте единый и красный хоръ и пріидите сюда! Къ вамъ

Переводъ г. Раича.

И класы тучные въ поляхъ златогорящи,
И гроздною фіалъ амврозіей кипящій;
Вы, боги мирныхъ селъ, и вы, о нимфы горъ!
Придите, сплетясь въ единый красный хоръ!
Вамъ пѣсни гласъ моей, о Фавны и Дріады!
И ты, предъ взорами соперницы Паллады,
Изведшій изъ земли божественнымъ жезломъ
Красиваго коня, *надменнаго* челомъ!
И ты, Зевеса дщерь, на холмы горделивы
Мироносящія воззвавшая оливы!
И ты, Кирены сынъ, роскошный гость дубравъ,
О юный богъ, кому пасутся триста кравъ,
Снѣго-*образною* блестящихъ бѣлизною,
На Цейскихъ берегахъ, ущедренныхъ травою;
И ты, великій Панъ, священный стражъ овецъ!
Когда заботъ твоихъ начало и конецъ—
Любимый твой Меналъ, сойди съ холмовъ Ликея

Преложеніе въ прозу.

обращаю пѣснь мою, о Фавны и Дріады! И ты, изведшій предъ взорами соперницы Паллады, красиваго и надменнаго челомъ коня, ударивъ въ землю божественнымъ жезломъ! И ты дщерь Зевесова, насадившая гордые холмы мироносящими оливами!

И ты, сынъ Кирены, роскошный гость дубравъ, о юный богъ, у коего на Цейскихъ берегахъ, ущедренныхъ травою, пасутся триста кравъ, блестящихъ снѣго-образною бѣлизною; и ты, великій Панъ, священный стражъ овецъ! ежели все твое попеченіе обращено на гору Меналъ, сойди съ Ликейскихъ холмовъ, и внемли скромному гласу пѣвца! и ты, первый повѣрившій браздамъ сѣмена; и ты Сильванъ, Ленея другъ, пріявшій на рамена свои печальную вѣтвь младаго кипариса, услыши гласъ мой! Вы,

Переводъ г. Раича.

На скромный гласъ пѣвца! и ты, о сынъ Целея,
Повѣрившій браздамъ впервые сѣмена;
И ты, на *старчески пріявшій рамена*
Печальну *вайю* младаго кипариса—
Сильванъ — Ленея другъ — *на зовъ мой улыбнися*!
Вы, силы горнія — весь сонмъ боговъ, богинь—
Лелѣятелей нивъ — питательницъ долинъ,
На землю жаждущу дождей сводящихъ токи—
Приникните съ небесъ на подвигъ мой *высокій!*
И ты, котораго священный сонмъ боговъ
Въ предѣлы ждетъ свои — въ надзвѣздный край міровъ;
Кому безсмертными предызбраны селенья,
Невѣдомыя намъ—земнаго чадамъ тлѣнья;
Отъ *миртовъ матери* украшенный вѣнцомъ,
Благоволишь ли быть градовъ и селъ отцомъ,—
И смертный божество почтитъ твое дарами,

Преложеніе въ прозу.

горнія силы, весь сонмъ боговъ и богинь, лелѣятели нивъ, питательницы долинъ, сводящіе токи дождей на жаждущую землю, приникните съ небесъ на высокій мой подвигъ!

И ты, котораго священный сонмъ боговъ ждетъ въ свои предѣлы — въ надзвѣздный край міровъ; кому назначены безсмертными селенія, намъ, земнаго тлѣнія чадамъ, неизвѣстныя; ты, украшенный вѣнцомъ изъ миртовъ матери твоей, благоволишь ли быть отцомъ градовъ и селъ; почтитъ ли смертный дарами своими божество, и оратай молиться будетъ предъ твоимъ алтаремъ; восхощешь принять подъ кровъ свой

Переводъ г. Раича.

Оратай воззоветъ къ тебѣ предъ алтарями;
Восхощешь ли пріять моря подъ свой покровъ—
И взыдетъ предъ тебя молебный гласъ пловцовъ;
Тебѣ и Θулы сынъ въ краяхъ далекихъ свѣта
Колѣнопреклоненъ возноситъ дань обѣта;
Тебѣ и дщери длань и волны всѣ морей—
Все царство влажное — предастъ Θетида съ ней.
Иль въ свѣтломъ образѣ созвѣздія младаго,
Ты *хощешь* къ намъ блистать въ дни лѣта *золотаго,*
И гибки рамена сжимаетъ Скорпіонъ,
Да на горахъ небесъ воздвигнется твой тронъ.
Пускай у нѣжности Цереріной отъята,
Забыла родшую для Тартара Геката;
Пускай Эллады сынъ возноситъ похвалой
Элизія поля, прохладу и покой,—
Твое владычество горѣ—не въ безднахъ ада;
Тамъ ужасъ царствуетъ — ты чадъ земныхъ отрада.

Преложеніе въ прозу.

моря, и пловцы прострутъ къ тебѣ молебный гласъ, тебѣ сынъ Θулы въ далекихъ краяхъ свѣта приноситъ (тебѣ) дань съ колѣнопреклоненіемъ; Θетида предастъ тебѣ волны морей, все царство влажное и длань своей дщери; или восхощешь блистать къ намъ во дни златаго лѣта въ свѣтломъ образѣ созвѣздія младаго; Скорпіонъ сжимаетъ гибкія свои рамена, да тронъ твой воздвигнется на горахъ небесныхъ.

Пускай Геката, отъятая у нѣжности Цереры, забыла рождшую для прелестей Тартара. Пусть сынъ Эллады превозноситъ похвалою Елисейскія поля, ихъ прохладу и тишину; но владычество твое горѣ, а не въ безднахъ ада; тамъ царствуетъ ужасъ, а ты отрада чадъ земныхъ. О цесарь, улыбнись на подвиги пѣвца, и путь

Переводъ г. Раича.	**Преложеніе въ прозу.**
О Цесарь! *улыбнись* на подвиги пѣвца, И путь мой озари веселіемъ лица, Да мирный селянинъ въ избыткѣ восхищенья Алтарь твой *окропитъ слезою* умиленья!...	мой озари веселіемъ лица своего, да мирный селянинъ, въ избыткѣ восхищенія, окропитъ алтарь твой слезами умиленія.

Подобная разность перевода отъ подлинника видна во всѣхъ пѣсняхъ Георгикъ, на каждой страницѣ, со всѣми въ ономъ прибавленіями переводчика.

Посему члены комитета должны были разсматривать произведеніе г-на Раича не какъ переводъ, но какъ сочиненіе, написанное въ подражаніе латинскимъ Георгикамъ. Ибо *переводъ* въ точномъ смыслѣ сего слова значитъ преложеніе съ иностраннаго языка на свой какого-либо сочиненія въ истинномъ его видѣ, то есть, съ вѣрнымъ выраженіемъ всѣхъ его мыслей и красотъ, въ его порядкѣ, слогомъ и оборотами реченій, свойственными тому языку, на который оно переводится; и такой переводъ съ прекраснаго сочиненія почитается весьма нужнымъ для сообщенія своимъ единоземцамъ знаній и вкуса, отличныхъ писателей: достоинство же *подражательнаго* сочиненія состоитъ въ равносильномъ изображеніи предметовъ, сходствующихъ съ тѣми, кои описываетъ подражаемый сочинитель, своимъ благовиднымъ порядкомъ, своимъ хорошимъ оборотомъ мыслей и реченій, и своими привлекательными красками, приличными тѣмъ предметамъ. Съ сей-то стороны положено было разсмотрѣть Георгики русскіе.

При внимательномъ чтеніи оныхъ уже не въ видѣ точнаго, но слишкомъ вольнаго перевода, отъ начала до конца, во время засѣданій комитета, открылись многія неисправности, изъ коихъ болѣе примѣтныя суть слѣдующія:

1. Противъ полноты и ясности смысла:

Пѣснь I.

Стр. 4. *Вамъ пѣсни гласъ моей, о Фавны* и Дріады.
» 6. И *глыбы* разрѣшитъ весенній вѣтерокъ:
Пусть блещетъ на поляхъ браздой отерто рало,
И стонетъ подъ ярмомъ до ночи волъ усталый.
Претерпитъ-ли земля, взорашная тобой, (кѣмъ?)
Двукраты зимній хладъ, двукраты лѣтній зной,
Пріятные плоды отъ нивы златордяной.
Расторгнутъ житницы въ дни осени румяной.

Стр. 7. Какъ стертыя съ лица земнаго поколѣнья
Дружили съ плугами отечественный край,
И чѣмъ онъ ихъ дарилъ, заранѣ испытай....

Долину, тучностью исполненну весной,
Предай на тяжкій трудъ воловъ четы младой,
Пусть глыбы влажныя изсякнутъ зноемъ лѣта,
Песчано-зыбкій слой другаго ждетъ *привѣта,*
Надъ нимъ чуть легку длань съ тяжелымъ плугомъ свѣсь,
Приникшему челомъ Аркасу отъ небесъ.
Стр. 9. Но если грудь земли твой острый плугъ щадилъ,
Тогда безъ страха ей повѣрь младое сѣмя,
И плодъ сторицею воздастъ въ благое время.
Стр. 14. *Тамъ дружный тернъ сковалъ плоды полей* младые...
Мужайся, другъ труда! ты царь послушныхъ селъ:
То съ граблями знакомь родительскій удѣлъ,
То вѣтви отрѣшай, ліющи мракъ на нивы,
То *бранью воружись* на стаи птицъ *лѣнивы.*

Стр. 15. Избравши вязъ прямой въ *тѣни* лѣсовъ *зеленой,*
Но корню юному дай рала видъ согбенный.

Стр. 15. Высоку жердь, *осмь кратъ измѣренну стопами,*
На темѣ укрѣпи опорой для валовъ.
Заботливый *зоветъ заранѣ* изъ лѣсовъ
И липу для ярма и букъ *свѣтло-бѣлесый,*
У плуга назади вращающій колесы,
И взноситъ ихъ на кровъ, гдѣ вьется *сизый дымъ.*

Стр. 16. Иные съ овощей обманчивы покровы
Отъявъ, и силу имъ и жизнь давали новы,
Съ зародышемъ плодовъ въ сосудахъ подруживъ
Селитру бѣлую и черный сокъ оливъ.
Бывали сѣмена, заботливое око
Хранило ихъ — и что жъ? измѣною жестокой
Неблагодарныя платили за труды:
Перeродясь, они не обѣщаютъ мзды;
Но если ждешь ее, отличныя добротой
Погодно отдѣляй съ удвоенной заботой...

Подобныхъ симъ примѣровъ неясности и даже совершенной темноты можно найти почти на каждой страницѣ.

Выраженія, несвойственныя языку россійскому:

Стр. 63. Но горе новое, коль вихрь *порыва свисты*
На *темя древъ* нагналъ и свился въ темный шаръ;

Рѣшитъ ли кто меня браздамъ повѣрить лозы....

» 66. Безплодный листъ сними *внимательнымъ перстомъ.*

» 67. Обрѣжь имъ *рамена* (т. е. вѣтви).

Стр. — *Кипящій* лѣта *зной.*

» 71. Возноситъ гордый станъ на высяхъ (т. е. вершинахъ) горъ *сосна....*

» 72. Увидѣть буками волнуемый Цитеръ
И ель Нариціи на дикихъ *высяхъ* горъ;
Пріятно видѣть лѣсъ въ *объятіяхъ* природы,

» 79. . . . . . . Мечи, изшедшіе изъ стали.

» 88. Всѣ части — прелесть въ немъ (т. е. въ конѣ): отваги полна грудь
Средь жилъ трепещется роскошными волнами.

» 89. *И пѣну сѣетъ съ браздъ.*
Хребетъ у заднихъ бедръ округлость облекла.

» 94. *Тогда легли для нихъ уроки полевые.*

» — . . . . потомство населять.

» 95. . . . . *звонкія копыта.*

» 155. И влажный огнь очей тускнѣетъ въ хладѣ сна.

» — въ эѳирну *зыбь свилась.*

» 156. . . . . *стонъ пронзаетъ мраки ночи.*

Противъ сообразности и чистоты выраженій съ предметами:

Стр. 4. И ты на старчески пріявшій *рамена*
Печальну *ваію младаго кипариса.*

» 5. Сильванъ—Линея другъ,—на зовъ мой *улыбнися*!

» — Отъ миртовъ матери украшенный вѣнцомъ.

» 6. О цезарь! улыбнись на подвиги пѣвца.

» — Алтарь твой окропитъ *слезою* умиленья!....
(одной слезой окропить нельзя).

Нѣкоторыя слова приняты не въ надлежащемъ ихъ смыслѣ, напримѣръ:

Счастіе *оцвѣло*, вм. *отцвѣло.*
Сельскіе *доспѣхи*, вм. *орудія.*
Дебрь, т. е. яма, узкая долина, взята вмѣсто *лѣса.*

Погрѣшности противъ правописанія, искажающія языкъ, и даже самыя риѳмы:

Орошённа—Стримона.—	Обручённа—Иксіона.
Уединённа—Ворона.—	Пьётъ—Родъ.
Облёкъ—Токъ.—	Ждётъ—Водъ.
Недалёкъ—Потокъ.—	Пьётъ—Водъ.
Стебелёкъ—Токъ.—	Растетъ—Заботъ.
Горныхъ—Чёрныхъ.—	Раздѣленъ—Онъ.
Льетъ—Плодъ.—	Сочтётъ—Плодъ.
Далёкой—Жестокой.—	Воспоёмъ—Челомъ.

Копьемъ—Домъ, и проч. и проч. и проч.

При всѣхъ таковыхъ неисправностяхъ или погрѣшностяхъ находятся въ семъ произведенiи многiя мѣста хорошiя, хотя и въ нихъ встрѣчаются нѣкоторыя погрѣшности и неисправности, какъ тò можно видѣть изъ слѣдующихъ выписокъ:

Стр. 21. Есть много для селянъ другихъ работъ — они
Не возбраняются и въ праздничные дни;
Какiе смертнаго или боговъ уставы
Силки имъ запретятъ развѣшивать лукавы,
И къ жаждущимъ браздамъ прокапывать ручьи,
И земли обводить оградами свои.
На полѣ новомъ жечь кусты *лѣсовъ* терновыхъ
И *блѣющихъ* стада въ струяхъ купать здоровыхъ?. . . .
Тогда навьючившiй лѣниваго осла,
Досужiй селянинъ исходитъ изъ села
Съ плодами дикихъ грушъ, съ избытками елея
И съ сыромъ лакомымъ — младыхъ снѣговъ *бѣлѣя*;
Взамѣнъ изъ города для мельницы своей
Привозитъ жернова и смолу для осей.

Стр. 23. Зимою по ночамъ въ уютномъ уголкѣ
Досужiй селянинъ при тускломъ ночникѣ
Сидитъ, и факелы изъ красной точитъ ели,
Межъ тѣмъ прелестная хозяйка у кудели
Поетъ — и долгiй трудъ при пѣсняхъ не тяжелъ,
Или варитъ въ котлѣ изъ сотовъ добрыхъ пчелъ
Напитокъ лакомый на пиршество *завѣтно*,
И зимни вечера проходятъ непримѣтно.
Въ дни лѣтнiе блестятъ надъ нивою серпы,
И скачутъ по снопамъ тяжелые цѣпы;
Работамъ полевымъ златое время года,
Зимою отъ трудовъ оратаю свобода.

Стр. 24. Покроетъ ли мятель сугробами поляны,
И мразы наведутъ мосты *на рѣку* льдяны,
То ставитъ онъ силки и сѣти журавлямъ,
То съ пращею бѣжитъ за серной по полямъ,
То зайцамъ рыщетъ въ слѣдъ по утренней порошѣ,
И радостный къ женѣ идетъ съ тяжелой ношей.
Но зимнею порой свободнаго отъ дѣлъ
Какой ждетъ осенью оратая удѣлъ,
Когда и красный холмъ и роща обнажится,
И ранѣе на нихъ ночная тѣнь ложится.

Стр. 31. Веселостію дней грядущей *обаянъ*
Трикраты каркаетъ протяжнымъ гласомъ вранъ,
И, часто радостью объятъ непостижимой,
Надъ колыбелію взвивается любимой,
Бьетъ крыльями листы гостепріимныхъ древъ;
Пріятно для него, когда замолкнетъ ревъ
Погибельной грозы и воющіе громы,
Увидѣть милыхъ чадъ, увидѣть кровъ знакомый.
Не духъ пророчества въ вѣщателѣ живетъ,
Не свыше даръ ему предвѣдѣнія, — нѣтъ!
Но хлада и тепла и влаги измѣненье,
Зефира вѣянье и Эвра дуновенье —
Оттоль пернатыхъ пѣснь въ дубравахъ и садахъ,
Оттолѣ по лугамъ веселіе въ стадахъ,
Оттолѣ тигра ревъ и *вои* волка дики
И врана чернаго торжественные крики.

Стр. 35. И Альповъ высота надменныхъ трепетала.

Стр. 51. Здѣсь браноносный конь, воспитанный тобою,
По стонущимъ полямъ несется вихремъ къ бою;

Здѣсь бѣлоснѣжные, измытые твоей,
Божественный Клитумнъ, священною струей,
Дебелые волы, ведомые къ божницамъ,
Торжественнымъ вождей предыдутъ колесницамъ;
Здѣсь вѣчная весна, облегшая холмы,
Роскошно нѣжитъ насъ средь лѣта и зимы;
Здѣсь *блеющихъ* стада двукратно въ годъ чреваты,
И каждый годъ древа плоды даютъ двукраты; —
Но тигровъ лютыхъ нѣтъ, и львовъ невѣдомъ страхъ,
И яды льющій злакъ не стелется въ лугахъ,
Не вьется по землѣ чудовищъ Лернскихъ стая,
Чешуйчатымъ хвостомъ песокъ перегребая.
Кто прелести твои, Италія *сочтётъ*?
Тамъ грады пышные — трудовъ великій плодъ,
Здѣсь рядъ твердынь нависъ надъ дикими скалами,
Тамъ слышенъ *шопотъ рѣкъ* подъ древними стѣнами;
На сѣверъ и на югъ два моря возлегли,
И плещутъ озера въ объятіяхъ земли:
Здѣсь тихострунный Ларъ небесъ рисуетъ своды,
Тамъ ропщущій Бенакъ крутитъ какъ море, воды....
. . . .
Въ твоихъ, Италія, хранилищахъ подземныхъ
Сокровища горятъ металловъ драгоцѣнныхъ;
Здѣсь мѣдью и сребромъ богаты рудники,
И съ золотомъ въ рѣкахъ мѣшаются пески.
Ты Марзовъ извела побѣдоносны войски,
Тобой *воспитаны булатомъ* страшны войски,
Лигуръ—покоя врагъ, Сабиновъ грозна рать;
Ты нашихъ Деціевъ, ты Сципіоновъ мать
И доблестей примѣръ, твои Камиллы чада,
Твой Цезарь сынъ—твоя хвала—римлянъ отрада,
Который, сѣя страхъ Евфрата по брегамъ,
Знамена водрузилъ, въ залогъ спасенья намъ.
Привѣтствую тебя, великая плодами

Сатурнова земля, великая вождями!
Тебѣ мой скромный гласъ! Тебѣ труды полей—
И слава, и краса отъ юности твоей.
Отверзшій токъ святый, я первый на цѣвницѣ
Пою Аскрейску пѣснь тебѣ, земель царицѣ!

Стр. 55. Все дышитъ нѣгой тамъ, и свѣтлые потоки,
И мягкая трава, и сладостная тѣнь,
И прелести долинъ; что долгій лѣтній день
Похититъ у луговъ, усѣянныхъ стадами,
То кратка ночь отдастъ—прохладная росами.

Стр. 58. Перебираяся межъ тѣсными путями,
Вода проникнетъ дно и выступитъ слезами;
Пріятая въ уста, въ нихъ горечь разольетъ,
И на забвеніе равнину обречетъ.

Стр. 60. Привычки юности—основа цѣлой жизни.

Подобныхъ симъ хорошихъ стиховъ примѣры находятся и на многихъ другихъ страницахъ, какъ-то: 74, 76, 93, 141 и проч. [187]).

Стихотворенія Павла Межакова.

«Разсматривательный комитетъ, прочитавъ со вниманіемъ рукопись подъ заглавіемъ: *Стихотворенія Павла Межакова*, находитъ, что изъ сихъ стохотвореній, нѣкоторыя, весьма однакоже немногія, показываютъ, что сочинитель оныхъ не чуждъ стихотворческаго дарованія и искусства, а прочія всѣ не заслуживаютъ одобренія по содержащимся въ нихъ мыслямъ мелочнымъ, неправымъ, нелѣпымъ, неблагочестивымъ. Между сими

послѣдними есть и такія стихотворенія, которыя, по содержанію своему соблазнительному, противному всякой благопристойности и вредному для благонравія, достойны строгаго порицанія. Слогъ стихотвореній г-на Межакова во многихъ мѣстахъ неестественъ, неровенъ, непонятенъ, а нерѣдко вялъ и грубъ. Слѣдующія выписки послужатъ всему тому доказательствомъ».

Выписки, показывающія дарованіе и искусство стихотворца:

Въ стихотвореніи подъ заглавіемъ: *Безсмертіе*, заключаются мысли справедливыя, облеченныя выраженіями приличными, уму и слуху пріятными, хотя и не вовсе чуждыми погрѣшностей.

Сочинитель говоритъ:

Давно-ли вы зеленью взоры плѣняли,
Безкровные нынѣ пустые лѣса?
Давно-ли долины цвѣтами блистали?
Куда же сокрылася ваша краса?
И гдѣ ароматы, что всюду курились,
Предъ солнца восходомъ, отъ юныхъ цвѣтовъ?
Зачѣмъ вы умолкли, куда удалились
Вы, птички, веселые гости лѣсовъ?

Унылые [1]) вѣтры, въ шумящихъ порывахъ,
Изсохшіе листья долиной несутъ,
Недолго красуются класы на нивахъ,
Недолго и смертные въ мірѣ цвѣтутъ.
Безмолвное время, въ ужасномъ полетѣ,
Къ намъ зиму и старость несетъ на крилахъ:
Весны сынъ любимый увянетъ во цвѣтѣ,
И гордый сынъ праха простретcя во прахъ.

Въ *Элегіи изъ Проперція* многіе стихи хороши, но къ сожалѣнію наполнены выраженіями сладострастными, и по сей при-

---

1) Прилагательное, неприличное вѣтрамъ.

чинѣ для читателей, особливо юныхъ, болѣе вредны, нежели полезны.

Изъ стихотворенія подъ названіемъ *Мой удѣлъ* можно съ удовольствіемъ прочитать слѣдующіе стихи:

И убѣдися самъ, (пишетъ сочинитель къ пріятелю)
Что слава—привидѣнье,
Величество—мечта,
Блаженство—обольщенье,
И мудрость—слѣпота!

Также и слѣдующіе (въ которыхъ сочинитель описываетъ попеченіе свое о благѣ своихъ поселянъ):

Когда я раздаю: [1])
Занятія—лѣнивымъ,
Покой—трудолюбивымъ,
Больнымъ—цѣлебный сокъ,
Одежду—погорѣлымъ,
Подпору—престарѣлымъ,
Пріютъ—осиротѣлымъ,
Прохожимъ—уголокъ,
Утѣху—огорченнымъ,
Защиту—угнетеннымъ,
И нищему—кусокъ;
Тогда—передъ тобою,
О другъ мой, признаюсь—
Доволенъ самъ собою,.... и пр.

Въ стихотвореніи подъ заглавіемъ *Солома* пріятно остановиться на слѣдующихъ стихахъ:

Солома осѣняетъ кровъ,
Гдѣ земледѣлецъ обитаетъ,

---

1) Жаль только, что глаголъ *раздаю* не всѣмъ именамъ, которыми управляетъ, точно приличествуетъ.

И утомленный отъ трудовъ,
Онъ на соломѣ отдыхаетъ.
Склонясь главой на мягкій пухъ,
Богачъ, въ великолѣпномъ домѣ,
Безсонницей терзаетъ духъ —
Бѣднякъ спитъ крѣпко на соломѣ.

Выписки изъ стихотвореній, незаслуживающихъ одобренія по слогу и по мыслямъ:

Изъ стихотворенія подъ заглавіемъ *Моимъ деревьямъ*:

Встаютъ кругомъ густыя тучи,
Гроза отъ сѣвера шумитъ,
Шатаетъ, клонитъ лѣсъ дремучій,
И обрывая листъ *летучій*
Далеко по полю крутитъ.

Развѣяны густыя *сѣни*,
Пріютъ любимый соловья,
Гдѣ въ знойный день, въ прохладной тѣни,
Предавшись сладострастной лѣни,
Ему внималъ съ восторгомъ я.

Все видъ унылый и *опальный*
Являетъ здѣсь моимъ очамъ;
Не здѣсь-ли . . . . я . . . .
Часы *крылаты* провождалъ!

Увы! въ плачевной сей юдоли,
Не знавъ предписанной намъ доли,
Должны мы въ мрачный гробъ вступить [1]).

---

1) Въ сихъ стихахъ замѣчается сомнѣніе о будущей жизни.

Стихотвореніе подъ заглавіемъ *Мотылекъ*:

Родиться съ розами весной,
И въ свѣтлыхъ областяхъ *эѳира*
Безпечно плавать надъ землей,
Прильнувши къ крылышку зефира;
На лонѣ *дѣвственномъ* цвѣтовъ
Чуть развернувшихся качаться,
Питаться запахомъ листковъ,
Лазурью, свѣтомъ упиваться,
И, мигомъ взвившись въ облака,
Сокрыться въ нихъ, *какъ дуновенье*—
Вотъ золотаго мотылька
Волшебное опредѣленье.
Онъ, какъ желаніе, ни въ чемъ
Не находя подъ солнцемъ счастья,
На небеса, взмахнувъ крыломъ,
Летитъ искать тамъ *сладострастья.*

Изъ стихотв. подъ заглав. *Матери на рожденіе сына*:

А ты, чувствительная мать,
Внимая сына *стону*,
Учися нѣжно прижимать
Его къ родному лону.

Изъ посланія къ Капнисту:

На берегахъ цвѣтущихъ Псола,
. . . .
Въ тѣни зеленаго *раздола* .... и пр.

Здѣсь прудъ *лѣнивыми струями*
Въ зеленыхъ *вьется берегахъ.*
Разборчивость оставя строгу,
Я вовсе не знатокъ въ чинахъ.

Изъ стихотв. подъ заглав. *Весенній день*:

Деревья зеленью пріятною покрылись,
И нѣжный лугъ зазеленѣлъ,
Фіалка скромная и ландышъ распустились,
Вотъ и нарцисъ расцвѣлъ.
Тамъ жавороночекъ, вверхъ, вверхъ приподнимаясь,
Согласну пѣснь веснѣ поетъ.

Изъ стихотв. подъ заглав. *Къ друзьямъ*:

Бушуетъ вихорь, ночь мрачна,
И мрачны размышленья.
Друзья! за чашею вина
Поищемъ утѣшенья!

Пусть мудрецы минувшихъ лѣтъ
Винятъ забавы наши,
Мы выслушаемъ ихъ совѣтъ —
И опорожнимъ чаши,

Друзья! скажите кто изъ насъ
Въ сужденьяхъ справедливѣй?
Они умнѣе во сто разъ —
Мы во сто разъ счастливѣй!

Что же принадлежитъ до неблагопристойныхъ стихотвореній г-на Межакова, то скверныя утѣхи страсти плотской описываются въ нихъ съ такимъ безстыдствомъ, что комитетъ почитаетъ неприличнымъ для себя дѣлать изъ нихъ выписки, а только довольствуется для подтвержденія справедливости своихъ замѣчаній поименовать здѣсь означенныя, недостойныя чтенія, стихотворенія. Таковы суть: *Воспоминаніе*, нѣкоторые стихи изъ *Тибулловой элегіи*, и изъ стихотворенія подъ заглавіемъ: *Твердое намѣреніе*, также *Гроза* и наконецъ всѣхъ скареднѣйшее *Свиданіе*, въ которомъ мерзости сладострастныя представ-

лены безъ всякаго прикровенія, къ явному поруганію и оскорбленію стыдливости и цѣломудрія.

Въ заключеніе всего, комитетъ полагаетъ, что не токмо стихотворенія г-на Межакова не заслуживаютъ вниманія академіи по всѣмъ вышеприведеннымъ выпискамъ (которыхъ число весьма бы можно было еще умножить, ежели бы здѣсь умѣстно было о нихъ распространиться); но что и самъ сочинитель оныхъ достоинъ того, чтобъ академія изъявила ему свое негодованіе за дерзость, съ каковою не постыдился онъ дышащіе нечистотою любострастія стихи свои представить, въ чаяніи награды, сословію, вмѣняющему себѣ въ священнѣйшую обязанность усовершенствованіемъ словесности содѣйствовать къ усовершенствованію общественнаго благонравія, слѣдуя неуклонно собственному своему непреложному правилу—одобрять и награждать тѣ токмо словесныя произведенія, которыя, совмѣщая пріятность съ пользою, вселяютъ въ читателей своихъ любовь къ добродѣтели и ненависть къ пороку» [188]).

Пiитика, составленная Пенинскимъ.

Старшій учитель первой с.-петербургской гимназіи *Пенинскій* представилъ министру народнаго просвѣщенія первую часть *Піитики*, прося включить ее въ число учебныхъ книгъ для гимназій. Министръ препроводилъ рукопись Пенинскаго въ россійскую академію, которая согласилась съ слѣдующимъ мнѣніемъ разсматривательнаго комитета:

«Въ самомъ предувѣдомленіи сочинителя сказано, что наука о стихотворствѣ въ полныхъ курсахъ нашей словесности составляетъ что-то стороннее, побочное; что о ней говорятъ мимоходомъ, поверхностно, и то часто невѣрно, или не говорятъ вовсе; что сочинитель, удостовѣрясь *въ совершенномъ недостаткѣ у насъ теоріи стихотворства*, долженъ былъ составлять свои записки, чтобы дать воспитанникамъ достаточное понятіе о богатствѣ механизма нашей поэзіи и *познакомить ихъ ближе съ пре-*

восходными ея произведеніями, служащими украшеніемъ, славою литературы нашей.

Не піитика можетъ ознакомить съ превосходными произведеніями поэзіи: это входитъ въ область критики, въ предметъ эстетической исторіи словесности. Съ этою цѣлію издано множество книгъ, и всякій, кто только читалъ ихъ, не имѣетъ нужды въ новой Піитикѣ, чтобъ ознакомиться съ произведеніями Ломоносова, Державина и другихъ. — О трудахъ предшественниковъ приличнѣе отзываться съ уваженіемъ, а строго судить ихъ значитъ обрекать самого себя взыскательной критикѣ. Сочинителю новой Піитики лучше было бы просто исчислить изданныя прежде книги сего рода, и потомъ означить, чѣмъ онъ дополнилъ ихъ.

Комитетъ замѣтилъ, что значительная часть 1-й части Піитики заимствована изъ книги г. Востокова: *Опытъ о русскомъ стопосложеніи*; но что̀ было неизлишнимъ въ опытѣ, то̀ нерѣдко не у мѣста въ Піитикѣ.

Сочинитель надѣется, что по книгѣ его Піитика *будетъ преподаваема съ меньшею небрежностію* и съ большимъ успѣхомъ для словесности нашей.

Небрежность преподаванія зависитъ не отъ книги, а отъ преподавателей; но чтобъ ожидать успѣха отъ книги сего рода, нужно сколько можно болѣе, чтобъ предлагаемыя правила были точны, вѣрны, выражены ясно; чтобы въ параграфахъ для изученія соблюдена была постепенность въ переходѣ отъ легкаго къ трудному, а не наоборотъ; наконецъ, чтобы примѣры, приводимые въ образецъ, были избраны со вкусомъ, изъ лучшихъ писателей, и представляли сколько можно болѣе чистоты въ слогѣ.

Разсматриваемая піитика представляетъ довольно много несообразнаго съ сими условіями, что можно видѣть изъ 114 замѣчаній, сдѣланныхъ на 1-ю часть.

Укажемъ важнѣйшія изъ нихъ.

Все гдѣ-либо и кѣмъ-либо сказанное по предмету піитики,

говоритъ сочинитель въ предувѣдомленіи, стр. 4), *я имѣлъ въ виду при составленіи моихъ записокъ.*

Подобными выраженіями сочинитель обязываетъ себя къ большей отчетливости, но, какъ почти всегда сбывается, такія выраженія вовлекаютъ читателя въ ошибки, а книгу подвергаютъ болѣе строгой критикѣ. Легко замѣтить, что сочинитель не имѣлъ въ виду не только всего, кѣмъ-либо и гдѣ-либо сказаннаго по предмету пiитики, но оставлялъ иное безъ вниманія, что̀ въ самыхъ замѣчательныхъ книгахъ нѣкоторые знатоки словесности и древнихъ языковъ писали по части пiитики. Напримѣръ: въ начертаніи *Экзаметра* (стр. 16) показано, что во 2-мъ полустишіи 5-я мѣра *должна быть дактиль*, а 6-я *спондей*. Но у насъ почти нѣтъ спондеевъ, и это всѣмъ уже извѣстно. Шестая мѣра въ экзаметрѣ не только *можетъ* быть хорей, но и весьма часто, и даже по всей строгости правилъ экзаметръ *долженъ* кончиться на трохей, то-есть: хорей. Все это можно было имѣть въ виду въ статьѣ объ экзаметрѣ, напечатанной въ 17-мъ чтеніи Бесѣды любителей русскаго слова, 1815 г. стр. 51 и 52. — Въ пiитикѣ однакожъ замѣчено, что «измѣненія экзаметра еще усугубляются, если пятая стопа будетъ спондей, или шестая трохей, что̀ хотя рѣдко, однако встрѣчается въ экзаметрѣ древнихъ».

Напротивъ того, трохей *вовсе не рѣдко ставился древними въ шестой стопѣ.*

Довольно сказать, что большая половина стиховъ Иліады кончается хореемъ, какъ замѣчено въ показанной нами статьѣ объ экзаметрѣ. Изъ этой же превосходной статьи сочинитель пiитики могъ бы увидѣть, что принятое имъ за правило въ начертаніи экзаметра ставить въ предпослѣдней стопѣ *спондей*, а въ послѣдней *дактиль*, согласуется съ правиломъ аббата Малле, участвовавшаго въ новомъ изданіи Энциклопедіи, но вовсе не согласно съ правилами древнихъ ученыхъ, писавшихъ о экзаметрѣ за 16 столѣтій прежде энциклопедіи.

Другое неоспоримое и самое ясное доказательство, что экза-

метръ долженъ кончаться на *хорей*, есть указаніе на два первые стиха Иліады, Одиссеи и Энеиды.

Они оканчиваются на хорей. — И такъ, *не все, гдѣ-либо и кѣмъ-либо сказанное по предмету піитики, сочинитель имѣлъ въ виду*.

Главныхъ размѣровъ, по 2 § піитики, три: *количественный* (метрическій), *слогочислительный* (силлабическій) и *ударятельный* (тоническій). Сей послѣдній размѣръ въ § 28 раздѣленъ на *собственно-ударятельный*, имѣющій основаніемъ удареніе грамматическое, и на *ударятельный по провосходству*, основанный на удареніи ораторскомъ. —Ораторскія ударенія, сказано въ § 66, составляютъ основу народныхъ русскихъ стиховъ.

Размѣръ *метрическій* лучше назвать *стопомѣрнымъ*, какъ и самъ сочинитель допускаетъ подобное названіе на стр. *28 и 76 въ § 74*; вмѣсто размѣра *ударятельнаго* (тоническаго) приличнѣе употребить названіе: *стопослагательный*. Размѣръ же *ударятельный по превосходству* сходнѣе назвать *словоударятельнымъ*.

Вначалѣ піитики нужно бы исчислить тѣ мѣры, которыя заимствованы нами отъ древнихъ и употребительны у насъ; другія же, которыя по свойству русскаго языка нельзя ввести въ нашу словесность, лучше отнести въ дополнительную статью, въ концѣ книги. Исчисленіе же греческихъ: *вакхія, палимвакхія, молосса* или *тримакра, антиспаста, діямба, перваго, втораго, третьяго и четвертаго эпитрита*, и пр., и пр., на которые по свойству русскаго языка, нельзя ни пріискать, ни составить правильнаго примѣра, несбивающагося на другой размѣръ, можетъ только затмить понятія воспитанниковъ, безплодно обременить память ихъ, и скорѣе отвлечь отъ поэзіи, нежели объяснить правила піитики, свойственной русскому языку.

Мнѣніе сочинителя, что александрійскій стихъ держится одною давностію употребленія, и что если въ пятистопномъ ямбическомъ стихѣ не наблюдать пресѣченія, то александрійскій стихъ совершенно ненуженъ, неосновательно и несправедливо; 6-ти-

стопный ямбическій размѣръ усвоенъ русскому языку превосходными поэтами. Довольно напомнить Державина:

Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала на нихъ и злато, и сребро;
Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ, и пр.

«Мы, сказано на стр. 77, *довольно богаты механизмомъ, господствующимъ* теперь у насъ *въ поэзіи*, но быть богаче никогда не мѣшаетъ».

Механизмъ никогда не можетъ господствовать въ поэзіи, и что была бы за поэзія, въ которой бы господствовалъ механизмъ?—Сочинитель безъ сомнѣнія хотѣлъ сказать, что мы богаты разными введенными въ нашу поэзію метрами, и что наша поэзія будетъ еще разнообразнѣе, если будутъ испытывать и разработывать и другіе метры, могущіе быть усвоенными русскимъ языкомъ.

Но стр. 76 говорится, что не должно пренебрегать и стариннаго русскаго размѣра, не потому только, что онъ наше народное достояніе, незаимствованное отъ чужестранцевъ, но и потому, что онъ *самъ по себѣ справедливо носитъ названіе ударятельнаго по превосходству.*

Никто еще не называлъ русскаго размѣра *ударятельнымъ по превосходству*, и въ подобномъ названіи русскій размѣръ не пріобрѣлъ бы никакихъ правъ на преимущество. Прелесть механизма стиховъ не въ *удареніи по превосходству*, а въ стройности, плавности звуковъ.

Стопомѣрное стихотвореніе лучше *слогочислительнаго*, сказано на стр. 76, тѣмъ, что въ стопѣ не одинъ слогъ, а по крайней мѣрѣ *два*. «Чѣмъ самыя стопы превосходнѣе одна другой?—Числомъ же слоговъ, въ нихъ заключающихся».

Стопомѣрное стихотвореніе лучше слогочислительнаго не по обилію слоговъ, а по преимуществу, пріятности, стройности стиха. Въ 6-ти-стопныхъ ямбахъ болѣе слоговъ, нежели въ 4-хъ-

стопныхъ, но неужели поэтому 6-ти-стопный стихъ превосходнѣе четырехстопнаго?

Подобныхъ мѣстъ найдется много въ піитикѣ г. Пенинскаго.

Изъ числа примѣровъ стихосложенія, приводимыхъ въ образецъ сочинителемъ піитики, многіе необходимо нужно замѣнить другими, съ выборомъ изъ лучшихъ писателей, особенно слѣдующіе, совершенно далекіе отъ цѣли сочинителя—познакомить съ превосходными произведеніями поэзіи.

На стр. 49-й въ примѣръ двухстопнаго дактиля:

Другу сеструшечкѣ,
Милой милушечкѣ,
Разуму здравому, и проч.

Стр. 36. Хоть далеко я буду,
Никогда не забуду, и пр.

Стр. 33. Прости, мой другъ,
Я лью слезъ рѣки,
Прости, супругъ,
Прости на вѣки.

На стр. 33 и 34 приведены въ примѣръ *односложнаго ямба*:

Потѣть
Всечасно,
Терпѣть
Напрасно,
Нѣтъ силъ, и пр.

При всемъ томъ, 1-я часть піитики г. Пенинскаго представляетъ возможность къ исправленію, и если будетъ очищена отъ замѣченныхъ недостатковъ, пополнена лучшими примѣрами, то можетъ еще принадлежать къ числу полезныхъ книгъ, тѣмъ болѣе, что по части піитики мы не имѣемъ удовлетворительнѣйшаго руководства, приспособленнаго къ преподаванію въ учебныхъ заведеніяхъ» [189]).

Руководство къ изученію русской словесности, соч. Георгіевскаго.

Профессоръ царскосельскаго лицея и училища правовѣдѣнія Георгіевскій представилъ въ академію наукъ, на демидовскую премію, составленныя имъ книги: одну подъ заглавіемъ: *Руководство къ изученію русской словесности*, въ четырехъ частяхъ; другую —подъ тѣмъ же заглавіемъ, но въ краткомъ объемѣ, содержащую языкоученіе, общую риторику и теорію слога прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій. Академія наукъ передала книги Георгіевскаго на разсмотрѣніе россійской академіи, и члены разсматривательнаго комитета высказали такое мнѣніе:

«Книги г. Георгіевскаго служатъ свидѣтельствомъ его дѣятельнаго стремленія къ полезнымъ трудамъ, но, къ сожалѣнію, далеко не достигаютъ своего назначенія—передать питомцамъ точное и ясное познаніе словесности; не представляютъ желаемой отчетливости и разборчивости, необходимой въ книгахъ сего рода; напротивъ того, представляютъ столько ошибочнаго и невѣрнаго, что могутъ сообщить гораздо болѣе сбивчивыхъ понятій, нежели принести пользу желающимъ изучить словесность.

Руководство, раздѣленное сочинителемъ на четыре части, заключаетъ въ 1-й общія понятія объ изящныхъ искусствахъ, во 2-й теорію краснорѣчія, въ 3-й піитику, въ 4-й исторію литературы.

Какъ въ краткомъ, такъ и въ пространномъ Руководствѣ замѣтенъ недостатокъ соображенія въ изложеніи основаній науки, напримѣръ: въ Кратк. Руководствѣ, стр. 176: «*Если вкусъ будетъ слишкомъ тонокъ, онъ вездѣ будетъ искать красотъ едва примѣчаемыхъ: потребуетъ однѣхъ эпиграммъ и загадокъ*». Не на оборотъ ли? Тонкій вкусъ чуждается мелочнаго, ищетъ изящнаго въ высокомъ, и открываетъ красоты, непримѣчаемыя другими. (Кр. Рук. 158): «*Надобно прежде исчерпать все посредственное, чтобъ потомъ написать истинно краснорѣчивое*». Но

не будетъ-ли справедливѣе: избѣгать посредственности, чтобъ написать истинно краснорѣчивое.

Во II части, стр. 6, сказано, что *краснорѣчіе не есть чистое изящное искусство, такъ какъ поэзія, живопись и скульптура, но смѣшанное, подобно зодчеству* (?), а на стр. 7, что *въ поэзіи выраженіе составляетъ красоту, а въ краснорѣчіи первое мѣсто*, по мнѣнію сочинителя, *всегда предоставляется разуму*. Но не жалка-ли будетъ поэзія, въ которой болѣе выраженія, нежели разума?

«*Поэзія*, сказано во II части стр. 7-я, *какъ выраженіе ума, преобладаемаго чувствомъ, есть свободное произведеніе дѣятельности духа человѣческаго, неимѣющее цѣли внѣшней, сторонней: она есть сама себѣ цѣль*». Сими словами нисколько не объяснена высокая, священная цѣль поэзіи — возносить душу человѣка, озарять путь жизни, научать великимъ истинамъ, исполнять утѣшеніемъ сердце.

Кр. Руков. (стр. 23): «*Проза и поэзія различаются тѣмъ, что первая (проза), проистекая изъ разсудка и разума, говоритъ о предметахъ существенныхъ, истинныхъ*». Но развѣ поэзія не должна проистекать отъ разума и не можетъ говорить о предметахъ истинныхъ?—«*Поэзія*, говоритъ сочинитель, *есть выраженіе идей, творчество*». Но развѣ идеи не отъ разсудка, а творчество только въ мечтательномъ? Впрочемъ, «*проза и поэзія*», по замѣчанію сочинителя, «*часто сливаются, какъ свѣтъ и тѣнь*».—И такъ поэзія сблизится съ разсудкомъ.

Въ ч. IV, стр. 93 сказано, что славянскій языкъ, будучи *исключенъ изъ свѣтской литературы, остался въ Россіи языкомъ религіи*.—(Нѣтъ, славянскій языкъ вошелъ въ составъ русскаго, составляетъ съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое, усиливаетъ, украшаетъ его). Ч. II — 109 говорится: «*Языкъ славянскій подобно древнимъ греческому и латинскому языкамъ называется мертвымъ, но гдѣ и у какого народа былъ онъ живымъ языкомъ, о томъ не находится достовѣрныхъ свѣдѣній*».

Но и въ наше время цѣлыя племена, нѣсколько милліоновъ

въ Европѣ, говорятъ нарѣчіями, представляющими въ совокупности одинъ и тотъ же языкъ славянскій?.

Послѣ отчета о успѣхахъ словесности въ вѣкъ Екатерины и Александра, послѣ исчисленія твореній Державина, Фонвизина, Богдановича, Карамзина, и множества другихъ образцовыхъ русскихъ писателей, сочинитель говоритъ (IV—308), что «*вступленіе Россіи на поприще романтизма, страсть нашего юнаго поколѣнія къ просвѣщенію* и пр. *суть предзнаменованія близкаго рожденія русской оригинальной словесности*!!»—Итакъ, русская словесность еще не родилась, а сочинитель составилъ четыре тома Руководства къ изученію русской словесности!

(Ч. II, стр. 70) — «*Фантастическія путешествія барона Брамбеуса*, говоритъ сочинитель, *составляютъ весьма пріятное явленіе въ нашей словесности. Сочиненіе это усыпано остроуміемъ, и принадлежитъ къ тому роду, въ которомъ нѣкогда превосходствовалъ Вольтеръ, и Кандидъ его есть первообразъ того, что̀ мы видимъ въ книгѣ Брамбеуса*». Но Фантастическія Путешествія Брамбеуса принадлежатъ къ числу такихъ книгъ, о которыхъ неприлично упоминать въ книгѣ учебной, классической; и не должно завлекать любопытство юнаго возраста къ подобнымъ произведеніямъ.

О статьѣ объ исландскихъ сагахъ, помѣщенной въ Библіотекѣ для чтенія, сказано (Ч. IV, стр. 263): «*Она показываетъ глубокую и разностороннюю ученость* (*сочинителя*), *и въ особенности важна приближеніемъ къ истинному взгляду на начало нашей исторіи и даже на языкъ*». — Но скандинавскія сказанія столько же могутъ служить вѣрнымъ пособіемъ для русской исторіи, какъ разсказы какого-нибудь якута и камчадала, бывшихъ въ Петербургѣ въ царствованіе Екатерины Великой. Странно было бы искать вѣрнѣйшаго изображенія временъ Екатерины—чрезъ нѣсколько вѣковъ—въ сказаніяхъ якутскихъ и камчадальскихъ.

«*Въ драмахъ* (стр. 234, Ч. III) *слогъ долженъ быть простой.* Простой слогъ и *въ повѣсти стихотворной* (177 стр. Ч. III).

Элегіи пишутся слогомъ простымъ». (Ч. III — 80). Тоже говорится о многихъ другихъ родахъ, и только въ идилліи и эклогѣ (Ч. III, стр. 142) *сельскіе нравы не просто описываются*!

Идиллія (Ч. III, стр. 142) довольствуется изліяніемъ однихъ сердечныхъ чувствованій, *нѣжностію и разсказомъ о красотахъ природы*. Въ ней *изображается состояніе счастливѣйшее*. Все это невѣрно опредѣляетъ идиллію. Также невѣрно опредѣлена и *элегія*, которая будто бы выражаетъ и *веселыя* ощущенія (Ч. III, стр. 79). Еще сказано (Ч. III, стр. 79—80), что «*подъ элегіею нынѣ разумѣютъ лирическое стихотвореніе, изображающее смѣшанное чувствованіе печали и радости*». Но веселыхъ и радостныхъ элегій нѣтъ!

«*Ѳеокритъ* (Ч. III, стр. 145) *нерѣдко теряется въ маловажныхъ и однообразныхъ происшествіяхъ. Большею частію онъ описываетъ ссоры пастуховъ*».—Изъ этого видно, что сочинитель не разсматривалъ идиллій Ѳеокрита. Однообразны-ли его: *Волшебница*, *Рыбаки*, *Циклопъ* и многія другія идилліи? Вездѣ-ли *у него дѣйствіе въ лѣсу или на лугу*, какъ замѣчаетъ сочинитель (стр. 146, Ч. III).

Эклога, сказано въ III Ч. стр. 144, *можетъ имѣть видъ оды*.— Ч. III, стр. 143. Тамъ (въ пастушескомъ стихотвореніи) луга украшаются *вѣчною зеленью*.—Но развѣ предметомъ идилліи не можетъ быть зима или осень? Мы имѣемъ прекрасные образцы.

Первымъ источникомъ забавнаго въ *баснѣ* сочинитель (III, стр. 130) почитаетъ «*сообщеніе животнымъ названій и свойствъ, принадлежащихъ людямъ, наприм.: назвать медвѣдя скиѳомъ*», и проч.—Но это едва-ли не послѣдній изъ источниковъ забавнаго, а главное въ умѣньи подмѣтить смѣшное и передать съ живостію и простосердечіемъ.

«*Сказка* содержитъ одно *происшествіе*» (Ч. III, стр. 177). «*Въ притчахъ дѣйствуютъ съ людьми животныя, чтò не всегда бываетъ въ сказкѣ; если же въ ней и вводятся животныя, какъ напримѣръ въ сказкѣ Дмитріева: Модная жена, гдѣ помѣщены попугай и собачка, то сіе дѣлается для разнообразія*» (Ч. III—

177). Но въ сказкѣ можетъ быть не одно, а множество происшествій; что касается до *попугая* и *собачки*, то объ нихъ только мелькомъ упомянуто въ сказкѣ Дмитріева: это не дѣйствующія, не вводныя лица; они принадлежатъ къ мелочнымъ предметамъ, которыми поэтъ обставляетъ свою картину.

(Ч. III—223). «*Комедія* есть предложенное въ дѣйствіи *подражаніе нравовъ, пороковъ, странностей, видимыхъ между людьми*».—(Не *подражаніе*, а надлежало бы сказать *изображеніе*. Не говорится: *подражаніе нравовъ, пороковъ*, а *подражаніе нравамъ, порокамъ*).

«*Въ характерныхъ комедіяхъ описываются нравы и обычаи общіе и частные*».—Не описываются, а представляются.

(Ч. I, стр. 14). *Искусственное произведеніе, подражающее другому, будь оно совершенно, навсегда останется холодно, и такой художникъ никогда не сдѣлается великимъ*».—Но что̀ совершенно, то̀ уже не относится къ холоднымъ произведеніямъ; ученики Рафаэля были его подражателями, и сдѣлались сами превосходными живописцами.—Главное въ томъ, кому, какъ и въ чемъ подражать. Виргилій былъ также подражателемъ Гомера.

(Ч. I — 49). «*Первое качество высокаго есть величина*». (Ч. I—57). «*Должно быть чему-либо великому въ идеалѣ, или имѣть нарочитое пространство, чтобъ назваться высокимъ*».

Всѣ сіи мысли показываютъ, что сочинитель не глубоко вникалъ въ свой предметъ.—Въ I Ч., стр. 78, сказано, что историческія картины и *ландшафты* наиболѣе способны къ возбужденію страстей. Но могутъ-ли ландшафты возбуждать страсти?

Ч. II, стр. 118, § 128. «*Существенное свойство хорошаго письма есть легкое, простое, благородное и* **безъискусственное** *изъясненіе нашихъ мыслей*». Но въ письмахъ часто нужно бываетъ много искусства, и самое глубокое и главное въ томъ, чтобъ не дать замѣтить искусства.

«*Общія свойства повѣствовательныхъ сочиненій* (сказано во II Ч., стр. 34): *правильность языка, ясность, краткость, сообразность съ предметомъ*», и пр. Но это нужно не однимъ повѣ-

ствовательнымъ сочиненіямъ, а необходимо и для учебныхъ, и для ораторскихъ, словомъ сказать — для всѣхъ родовъ словесности.

«*Всякое разсужденіе требуетъ плана, или предварительнаго начертанія*». Но въ чемъ же этотъ планъ? Далѣе (Ч. II, стр. 80—81), между прочимъ объясняется, что *сначала* должно быть *вступленіе*, а *наконецъ заключеніе*.

(Кр. Рук. стр. 133). «*Сжатый слогъ въ немногихъ сильныхъ словахъ и выраженіяхъ высказываетъ все*».—Не все, а въ немногихъ словахъ заключаетъ много мыслей.

(Кр. Рук. стр. 77). «*Физическія описанія начинаются обращеніемъ къ предмету*». — Но это правило вовсе не общее. *Къ физическимъ описаніямъ* (стр. 79) отнесены *путеописанія и путевыя записки*. Но путевыя записки могутъ касаться разныхъ предметовъ познаній, не ограничиваясь физическими описаніями.

(Ч. III, стр. 19). «*Менѣе одностопныхъ, стиховъ не бываетъ*». Но менѣе и быть не можетъ.

Въ обозрѣніи словесности разныхъ народовъ, говоря о шведской, датской, даже индійской словесности, сочинитель пропустилъ французскую и нѣмецкую (IV—91), замѣчая, что онѣ преподаются отдѣльно въ учебныхъ заведеніяхъ. Но въ полномъ курсѣ словесности необходимо должно было помѣстить взглядъ на литературу Франціи и Германіи, столь богатую замѣчательными произведеніями.

Говоря о митрополитѣ Макаріи, Даніилѣ Заточникѣ, Авраміи Палицынѣ и другихъ, слѣдовало бы привести примѣры слога изъ сихъ писателей, что̀ показало бы, на какой степени было достоинство русскаго краснорѣчія за нѣсколько вѣковъ до нашего времени.

Очень мало сказано о Древней вивліоѳикѣ Новикова,—примѣчательной собраніемъ драгоцѣнныхъ памятниковъ русской исторіи и письменности.

Нельзя нисколько согласиться съ тѣмъ, что говоритъ сочинитель въ похвалу одного изъ поэтовъ Библіотеки для чтенія,

(Ч. IV—295) забывъ поэтовъ, достойнѣйшихъ вниманія. Между лириками пропущенъ князь Сергій Шихматовъ, между баснописцами—Измайловъ. Въ статьѣ о русскихъ комедіяхъ очень мало сказано о князѣ Шаховскомъ—писателѣ, который обогатилъ русскій театръ многими прекрасными произведеніями. Сочинитель долженъ бы оцѣнить его Аристофана. Говоря о переводѣ Деларю изъ Овидіевыхъ превращеній (Ч. III, стр. 83), надлежало бы вспомнить о превосходномъ переводѣ Жуковскаго лучшей изъ повѣстей Овидія: Цеикса и Гальціоны. Сочинитель нерѣдко противорѣчитъ самому себѣ, наприм.: о *софистахъ* (Ч. II, стр. 12) говоритъ, что *сколь пагубны были эти люди* для нравовъ Греціи, *столь велики* и неотрицаемы *ихъ заслуги*, оказанныя наукамъ.—Далѣе говоритъ, что *они научили учениковъ своихъ одну и ту же вещь и утверждать и опровергать*; *что краснорѣчіе* въ устахъ этихъ людей превратилось *въ пустую игру словъ* и въ *ребяческое искусство говорить много о вещахъ безполезныхъ*.—Если такъ, то какую же пользу принесли они, когда, при всемъ этомъ, были еще пагубны для нравовъ?

Ч. IV (на стр. 303) сказано,—что «*недостатокъ развитія у насъ общественной жизни еще болѣе говоритъ не въ пользу отечественной драматургіи, и доказываетъ, что мы высокихъ комедій имѣть не можемъ*». А на слѣдующей страницѣ сказано, что «*статьи Энциклопедическаго лексикона служатъ несомнѣннымъ признакомъ общественнаго нашего образованія*»; на страницѣ же 309 говорится, что «*литераторы наши, кажется, убѣдились, что и въ нашемъ обществѣ есть жизнь*» и проч.

Ч. IV (на стр. 143) сказано, что «*поэтъ, излагая сельскія занятія, не долженъ теряться въ* **подробностяхъ**», а на слѣдующей стран. говорится, что слогъ пастушеской поэзіи вообще простъ, *нѣсколько* **плодовитъ**, потому что пастухи *любятъ заниматься подробностями*.

Ч. I—24. «*Музыка мало способствуетъ къ образованію ума, но можетъ облагородить наше чувство къ изящному, можетъ возвысить нашъ умъ надъ обыкновеннымъ*».—Но что можетъ воз-

высить и облагородить умъ, то уже много способствуетъ къ его образованію.

Ч. I, стр. 47, сказано, что *слогъ высокій требуетъ всѣхъ фигуръ краснорѣчія*; на слѣдующей страницѣ видно, что *если* распространимъ или *украсимъ высокую мысль извѣстными оборотами*, то *слогъ* (говоритъ сочинитель) *сдѣлается великолѣпнѣе, но самыя мысли слабѣе.*—И такъ, высокій слогъ не требуетъ всѣхъ фигуръ.

Выписавъ строфу изъ перевода Ломоносова и Сумарокова оды Руссо: Fortune, dont la main couronne, и сказавъ, что *главныя мысли подлинника въ обоихъ переводахъ равно сохранены*, и что хотя *краски переводчиковъ* и различны, но *имѣютъ одинакую степень доброты* (Кр. Рук. стр. 102), сочинитель далѣе (ст. 104) говоритъ, что Сумароковъ ни одной черты не снимаетъ *съ оригинала*: чему же вѣрить?

(Ч. IV—279). «*Ермакъ и Освобожденіе Москвы Дмитріева были первыми его прекрасными образцами лиро-эпической поэзіи*». Но далѣе сказано: «*оба эти стихотворенія написаны по стариннымъ и нынѣ обветшалымъ уже правиламъ*» (!). Трудно согласить подобныя противорѣчія, и нельзя допускать ихъ въ учебной книгѣ, безъ вреда для учащихся!

Недостатокъ въ ясности очень много вредитъ достоинству учебной книги: дадутъ-ли ясное понятіе объ эпической поэзіи слѣдующія строки:

(Ч. III—149 и 150). Поэзія эпическая «*представляетъ одно только дѣйствіе во всемъ его многообразіи, коего средоточіемъ одно* (только) *главное лицо, какъ высокое явленіе эпическаго міра, состоящее подъ законами вселенной, повинующееся волѣ боговъ, несомое вихремъ временъ и колеблемое бурею происшествій, но твердо стоящее на незыблемомъ основаніи своего благородства и ощущающее шествіе Божества по землѣ*».

Отъ повѣствовательной поэзіи описательная отличается тѣмъ, что «*представляетъ предметы въ пространствѣ, а не во време-*

ні; она не разсказывхетъ о предметахъ, но рисуетъ ихъ, какъ настоящіе» (III—129).

«Истинное идеальное (стр. 85) *въ самой области сверхъестественнаго носитъ на себѣ печать естественнаго».*

(I. 20). «*Театральный артистъ на самомъ себѣ являетъ и художника и живое его произведеніе, и котораго органическое тѣло, вмѣщаясь въ пространствѣ, производитъ вмѣстѣ и перемѣны во времени посредствомъ членовъ и органовъ».* — Подобныя мѣста не могутъ быть терпимы въ учебномъ курсѣ.

Вотъ еще образцы изысканныхъ выраженій (IV. — 192): «*Лучшая жизнь* **заструилась** *въ его духѣ. Чрезъ всю цѣлость сочинителевой фантазіи* **пронизывается** *одна основная мысль».*

Сочинитель допустилъ раздѣленіе поэзіи на *субъективную* и *объективную.* «Поэзія *объективная,* сказано (III — 25), слѣдуетъ *главнымъ* формамъ времени: *прошедшаго, настоящаго* и *будущаго»* (25), а «*эпическая поэзія разсказываетъ* **прошедшее**, какъ **прошедшее».**

(II — 28). «*Учебное краснорѣчіе водворяетъ общую истину въ частныя явленія».*

Въ числѣ риторическихъ предложеній сочинителемъ введены (см. Кр. Руков.) *предложенія дѣятельныя* (30 и 32). Но что̀ такое *дѣятельныя предложенія?* Вотъ примѣры: *Убѣгай пороковъ! Старайся быть добрымъ!* Почему же это *предложенія дѣятельныя?* Потому, что въ нихъ требуется или повелѣвается что-нибудь *дѣлать.*

Замѣтны ошибки противъ языка: **Вдревле** *элегію называли пѣснію печальною* (III — 79) народы, **обитавшіе** *сѣверную часть Швеціи.* (IV. 66).

(Кр. Рук. стр. 30). Въ числѣ книгъ *учебно-словесныхъ, отличающихся порядкомъ и точностію изложенія,* сочинитель означилъ между прочимъ книги г. *Плаксина,* которыя могутъ болѣе служить примѣромъ неточности и неосновательности. Еще болѣе распространился онъ въ похвалахъ нѣкоторымъ журналистамъ, и даже, какъ нѣчто заслуживающее вниманія выписы-

ваетъ мнѣніе, что «*Св. Кириллъ и Меѳодій перевели Библію собственно ни на какое нарѣчіе*, (ч. IV. с. 136), *а составили новый, неслыханный до того времени языкъ церковный*».—Замѣчательно, что слово *сапогъ* сочинитель почитаетъ *татарскимъ* (ч. IV — 116), тогда какъ оно встрѣчается въ Библіи, слѣдовательно, за нѣсколько вѣковъ до появленія татаръ.

На стр. 292. IV ч. говорится **о 60** томахъ *Россійскаго Ѳеатра*, а на стр. 232, IV ч., о *18 томахъ Дѣяній Петра Великаго*, сост. Голиковымъ. — Но извѣстно, что Россійскаго Ѳеатра не шестьдесятъ, а *сорокъ три* тома; дѣяній же Петра Великаго 12, дополненій къ нимъ 18, а всего *тридцать томовъ*. Это показываетъ, что сочпнитель не посмотрѣлъ внимательно на тѣ книги, о коихъ пишетъ.

(Ч. (III—56). «*Въ Ломоносовѣ чаще всего встрѣчаются картины сѣвера*; *въ Державинѣ, потомкѣ Багрима, повсюду великолѣпіе востока*, и пр. Нѣга, роскошь, благоухающія розы, и *нерѣдко тундры*». — Но развѣ нѣтъ у Державина картинъ сѣвера и зимы? Стоило взглянуть въ Собраніе его стихотвореній; вспомнить: *Съ бѣлыми Борей власами*, и проч.

Еще удивительнѣе замѣчаніе (ч. III — 48), что «*Ломоносовъ для связи строфъ употреблялъ холодныя выраженія*: *Но что я зрю? Какое зрѣлище предстало*»? — Нѣтъ! Когда воображенію поэта представляется новая картина, новое зрѣлище, то выраженіе: *Но что я зрю?* не будетъ холоднымъ. На стран. 57 той же части опять повторено, что *Ломоносовъ часто употреблялъ холодныя выраженія*: *Но что я вижу?*

Послѣ разбора эпитетовъ: *сѣдой* и *благолѣпный* (въ Утрѣ Державина) (стр. 114) сказано: Сочинители, *бѣдные* мыслями или *молодые всегда употребляютъ много эпитетовъ*. Державинъ употреблялъ много эпитетовъ: что̀ же должно заключить изъ словъ сочинителя?

Къ погрѣшностямъ Державина сочинитель (III — 57) причисляетъ повтореніе одного слова или стиха въ началѣ строфъ, напр.:

Падутъ — и вождь непобѣдимый.
Въ сенатѣ и пр.
Падутъ — и несравненный мужъ.
Торжествъ несмѣтныхъ съ колесницы, и пр.

Но поэтому:

И блѣдна смерть на всѣхъ *глядитъ*,
Глядитъ на всѣхъ, и пр.

можно будетъ также отнести къ погрѣшностямъ?

Многія статьи Руководства къ словесности чрезвычайно сбивчивы, наприм. о *романѣ*, *идилліи*, *сказкѣ*, и пр. — Сочинитель нѣсколько разъ начинаетъ говорить о романахъ одного рода, переходитъ къ другимъ, и опять возвращается къ прежнимъ, такъ, что въ обозрѣніи романовъ нѣтъ никакой постепенности и порядка. — Говоря объ одномъ предметѣ, сочинитель нерѣдко сбивается на другое; напр. въ главѣ о *страстномъ* говоритъ болѣе о *трогательномъ*.

Встрѣчаются примѣры, неподходящіе подъ разрядъ положеній и правилъ; въ примѣръ фигуры *сокращенія* приведены стихи:

Ты дхнешь и двигнешь океаны,
Речешь, и вспять они текутъ,
А мы, одной волной подъяты,
Одной волной поглощены. (Кр. Рук. стр. 68).

Но стихи сіи болѣе могутъ служить примѣромъ поэтической *противуположности*. — Въ примѣръ *простодушія* приведены (ч. I — 75) изъ Виргилія слова Низа, который, видя друга своего Эвріала въ рукахъ враговъ, стремящихся умертвить его, говоритъ:

Me, me! adsum, qui feci! in me convertite ferrum, и пр. Но это не *простодушіе*, а выраженіе силы чувствъ, голосъ любви, жертвующей собою для спасенія друга. Также въ примѣръ простодушія приведенъ (Ч. I — 77) изъ сочиненій М. Н. Муравьева

отрывокъ, въ которомъ видна чистота чувствъ, свѣтлыя мысли, высокая истина, но вовсе не то̀, о чемъ взялся говорить сочинитель въ статьѣ: *о простодушномъ.*

Вообще обозрѣніе книги г. Георгіевскаго убѣждаетъ, что нужно быть особенно осторожнымъ въ составленіи книгъ, издаваемыхъ для преподаванія.—Сочиненія, не представляющія точности, опредѣлительности и ясности, вмѣсто просвѣщенія, скорѣе могутъ затмить понятія изучающихъ по такимъ книгамъ правила науки.

Между лучшими мѣстами книги г. Георгіевскаго, представляющими болѣе основательности и достоинства въ изложеніи правилъ словесности комитетомъ замѣчены слѣдующія: Приступъ къ сужденію объ общихъ законахъ изящнаго (I — 35). О различіи высокаго и великаго (I — 54). Дѣйствіе высокаго на сердце (I — 58). Указаніе примѣровъ высокаго (I — 62). Опредѣленіе генія (I — 89). Различіе генія отъ таланта (I — 91). Различіе между геніемъ и воображеніемъ (I — 93). О пользѣ правилъ краснорѣчія (II — 5). Достоинство рѣчей Димосѳена (II — 13, 14). О христіанскихъ ораторахъ западной и восточной церкви (II — 19). О твореніяхъ Тацита (II — 48). Несправедливость упрека Квинту Курцію (II — 65). Различіе впечатлѣній по расположенію души. Замѣчаніе о рѣчахъ Цицерона, о Горацієвой Наукѣ стихотворства, о сатирахъ его и посланіяхъ. Заботливость Эврипида о своихъ сочиненіяхъ. О похвальныхъ словахъ Ломоносова, о твореніяхъ Ѳеофана. Разборъ водевиля Мельникъ, соч. Аблесимовымъ, и нѣкот. друг. Вообще *исторія словесности,* составленная г. Георгіевскимъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, представляетъ болѣе обработанности, нежели другія части его сочиненія. Въ краткомъ Руководствѣ къ изученію русской словесности, въ числѣ мѣстъ, заслуживающихъ особенное одобреніе, комитетомъ замѣчены: *О измѣненіи значенія словъ* (стр. 112 и 113). «Это происходитъ отъ незнанія языка и невниманія, особливо отъ обманчиваго о вещахъ понятія; напр. слово *подобострастный* принимаютъ въ смыслѣ *униженнаго,* а въ самомъ

дѣлѣ оно означаетъ имѣющаго подобныя страсти, что̀ показываетъ самый составъ слова: Въ *подобострастное намъ облекся еси тѣло* (Лук. гл. 24 ст. 11). Должно замѣчать прежнее и нынѣшнее употребленіе словъ, ибо многія слова потеряли свое знаменованіе и получили новое, напр.: *хитрость* значитъ теперь лукавство, а прежде означало искусство; и краснорѣчіе называли *риторскою хитростію*.— *Дряхлый* значитъ теперь *престарѣлый*, а прежде *печальный*. — *Строгій* прежде означало *острый*, какъ у Ломоносова: «ступаетъ по *вершинамъ строгимъ*».—*Опасный*, по нынѣшнему употребленію, вредъ въ себѣ скрывающій, напр. «Услужливый дуракъ *опаснѣе* врага», а по древнему *осторожный*; напр. «блюдите, како *опасно* ходите». — *Столъ* встарину тронъ, престолъ; напр.: у Нестора: «Ярославъ сѣде въ Кіевѣ на *столѣ* отчи». Отсюда произошли: *столица*, *стольникъ*. — *Странный* теперь *чудный*, а прежде *чужеземецъ*, странствующій: *Страненъ* бѣхъ, и введосте мене».

Вотъ опредѣленіе вкуса (Кр. Рук. 165): Предложивъ, что вкусъ есть плодъ природы и науки, мы можемъ сдѣлать опредѣленіе онаго. — *Основательный вкусъ* будетъ не иное что̀, какъ *врожденное чувство изящнаго, утонченное прилежнымъ наблюденіемъ красотъ всѣхъ родовъ, и управляемое разборчивостію до высочайшей степени образованнаго ума.*

О красотахъ нравственныхъ (166): «Красоты нравственныя не только сами по себѣ превосходнѣе всѣхъ; но онѣ при всякомъ случаѣ имѣютъ великое вліяніе почти на всѣ другіе предметы вкуса. Тотъ, котораго чувства грубы, кто не удивляется всему высокому, и кто не питаетъ въ душѣ чувствованій кроткихъ и чистыхъ, тотъ никогда не будетъ вкушать удовольствія и при совершеннѣйшихъ красотахъ краснорѣчія и поэзіи».

Замѣчаніе о успѣхахъ литературы въ царствованіе Екатерины II есть одно изъ лучшихъ мѣстъ книги г. Георгіевскаго (Ч. IV стр. 227): «Екатерина II, возведя Россію на высшую степень политической славы, вознесла и русскую словесность, которая была предметомъ особеннаго ея благоволенія и покровитель-

ства. Она знала сильное ея вліяніе на образованіе народа и счастіе жизни. Истинныя дарованія всегда имѣли право на лестныя отличія монархини. Россійская академія, департаментъ для перевода иностранныхъ книгъ, народныя училища и многія другія заведенія основаны по ея велѣнію. При ея же попечительности начертаны правила общественнаго и частнаго воспитанія, лучшія произведенія древнихъ и новѣйшихъ писателей появились на русскомъ языкѣ и имѣли вліяніе на образованіе народное. «*Петръ Великій*, говоритъ Карамзинъ, *хотѣлъ возвысить насъ на степень просвѣщенныхъ людей, Екатерина хотѣла обходиться съ нами, какъ съ людьми просвѣщенными*». Книгопечатанію дана была благоразумная свобода, завелись вольныя типографіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ московскій университетъ имѣлъ весьма ощутительное вліяніе на успѣхи отечественной словесности, образовавъ по части ея отличныхъ людей. Екатерина съ удовольствіемъ взирала на созрѣвающіе плоды трудовъ своихъ, и при всей скромности, съ какою обыкновенно отзывалась объ успѣхѣ своихъ постановленій, показала преимущество нашего языка предъ французскимъ въ письмѣ своемъ къ Вольтеру: «Нѣтъ ничего труднѣе, говоритъ она, какъ перенесть на языкъ французскій что-либо написанное на русскомъ. Этотъ послѣдній столь богатъ и выразителенъ и терпитъ такіе обороты и составленія словъ, что изъ него можно сдѣлать все, что угодно, а вашъ столь ученъ и столь бѣденъ, что надобно быть вами, чтобъ сдѣлать изъ него такое употребленіе, какое вы сдѣлали».

Выпишемъ еще прекрасное мѣсто о долгѣ безпристрастія критики (Ч. II. ст. 89): «Совершенный критикъ, имѣющій въ виду разсматривать новыя сочиненія, опредѣлять цѣну и внутреннее ихъ достоинство, показывать нравственную ихъ пользу и вліяніе на отечественное просвѣщеніе, долженъ поставлять священною для себя обязанностію быть безпристрастнымъ. Онъ долженъ быть безъ партій, безъ друзей, безъ покровителей, безъ моды, или, точнѣе сказать, безъ предубѣжденія и безъ предразсудковъ. Когда онъ критикуетъ, то долженъ смотрѣть на со-

чиненіе, а не на сочинителя, — долженъ отличать произведеніе истиннаго таланта, имѣющаго въ виду пользу просвѣщенія и благо отечества, отъ порожденія суетной самонадѣянности, дерзкой предпріимчивости и низкаго корыстолюбія. Критикъ не долженъ также быть эхомъ похвалъ, коими нерѣдко осыпаетъ публика новаго моднаго писателя, своего любимца; равномѣрно долженъ быть умѣренъ и въ порицаніи. — Похвала пристрастная вредна для словесности; но хула пристрастная не только вредна для ней, но и для охуждаемаго. — Вообще критика, на нарочномъ умыслѣ, на зависти или злобѣ основанная, есть преступленіе противъ законовъ чести и достоинства изящной словесности.»

Если бы все сочиненіе г. Георгіевскаго было составлено такъ основательно и удовлетворительно, какъ означенныя мѣста, то оно принадлежало бы къ числу полезнѣйшихъ книгъ, преимущественно заслуживающихъ награду; но, къ сожалѣнію, значительная часть обѣихъ книгъ его *необходимо требуетъ исправленія, и въ цѣлости не можетъ быть одобрена*, особенно принимая во вниманіе всю важность значенія учебныхъ книгъ, которыхъ недостатки тѣмъ ощутительнѣе, что самое невѣдѣніе вредитъ менѣе, нежели сбивчивость, противорѣчія, незрѣлость въ сужденіяхъ, невѣрность въ изложеніи книгъ, составленныхъ для преподаванія науки. — Если г. Георгіевскій исправитъ сіи недостатки, очиститъ, усовершенствуетъ свое сочиненіе, на что̀ подаютъ надежду многія прекрасныя мѣста его труда, то составленное имъ Руководство къ изученію словесности будетъ принадлежать къ числу полезнѣйшихъ книгъ, и тогда пріобрѣтетъ право на полную награду, но въ настоящемъ видѣ сей книги, комитетъ, къ сожалѣнію, почитаетъ невозможнымъ, безъ нарушенія справедливости, причислить сей трудъ, впрочемъ замѣчательный и благонамѣренный, къ разряду сочиненій, заслуживающихъ демидовскую премію» [190]).

Корнесловъ русскаго языка, составленный Шимкевичемъ.

Трудъ Шимкевича, предназначаемый для соисканія демидовской преміи, переданъ былъ въ разсматривательный комитетъ россійской академіи, отъ котораго полученъ слѣдующій отзывъ:

«Комитетъ входилъ въ разсмотрѣніе сообщеннаго отъ конференціи императорской академіи наукъ предисловія г. Шимкевича къ составленному имъ Корнеслову русскаго языка.

Трудъ, предпринятый г. Шимкевичемъ, можетъ быть весьма полезнымъ, если только будетъ имъ обработанъ съ такою же разборчивостію, съ какимъ постоянствомъ и дѣятельностію онъ вполнѣ предался своему предмету. Изъ опыта, представленнаго имъ, видно, сколько онъ неутомимъ въ изслѣдованіяхъ по части языкознанія. Въ спискѣ предуготовительныхъ работъ, служившихъ ему пособіемъ при составленіи корнеслова, между прочимъ, показаны имъ: словарь малороссійскаго нарѣчія, словарь областныхъ словъ русскаго языка, славено-русскій словарь, составленный имъ по лѣтописямъ, древнимъ грамотамъ, церковнымъ книгамъ, и другимъ стариннымъ памятникамъ, и сверхъ того собраніе замѣчательныхъ русскихъ простонародныхъ словъ изъ старинныхъ пѣсенъ и пословицъ.—Для полнѣйшаго обозрѣнія трудовъ г. Шимкевича, комитетъ просилъ его о сообщеніи упомянутыхъ пріуготовительныхъ его занятій, по самому предмету своему относящихся къ разсмотрѣнію россійской академіи.

Представленные г. Шимкевичемъ опыты хотя и не приведены имъ къ концу, а нѣкоторые только-что начаты, но всѣ они свидѣтельствуютъ полезную цѣль, избранную имъ для трудовъ своихъ, любовь къ языкознанію и дѣятельность.

Самый опытъ корнеслова еще не довольно представляется удовлетворительнымъ. Замѣчено, что сочинитель напрасно относитъ къ концу корнеслова тѣ слова, которыя, по его мнѣнію, не могутъ доказать своего туземства употребленіемъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ, напримѣръ: *берегу*, *блюду* и пр. Такая

разборчивость можетъ вовлечь въ сбивчивость; легко можетъ встрѣтиться въ одномъ славянскомъ нарѣчіи коренное слово, неупотребляемое въ другихъ, и тѣмъ не менѣе туземное, также какъ *берегу* и *блюду*, очевидно славянскія по своему происхожденію.

Въ опредѣленіяхъ словъ нельзя не пожелать болѣе точности.

Сочинитель опредѣляетъ слово *блюдо:* «родъ столоваго сосуда». Это недостаточно; нужно было бы прибавить объясненіе вида сего сосуда.

Слово *болій* опредѣлено: «превосходящій другихъ величиною». Но *болій* говорится и не въ смыслѣ *величины*, а просто въ смыслѣ превосходства. Довольно бы сказать: *превосходящій другихъ.*

Слово *боль* опредѣлено: «непріятное чувствованіе въ какой-нибудь части тѣла»; но боль есть чувство страданія въ какой-нибудь части тѣла; непріятное чувство можетъ быть и безъ боли.

Отъ слова *Богъ* показаны производныя: *богиня, богатый, убогій*, а опущены ближайшія: *Божество, божественный, боготворить.*

Слово *бороть* объяснено: «обхвативъ кого, стараться повалить на землю». Но изъ примѣра: *борятъ мя страсти* видно, что *бороть* употребляется иносказательно въ смыслѣ *одолѣвать*, и это необходимо объяснить.

О словѣ: *борзый* сказано: «быстро бѣгущій», и прибавлено: «говорится только объ лошадяхъ и объ одномъ родѣ собакъ». Но изъ старинныхъ памятниковъ видно, что *борзый* относилось и къ людямъ; напр. въ лѣтописи находимъ: *посади два попа борзописца зѣло.*

Борода, по объясненію сочинителя, — «волоса на нижней части лица»; но подъ симъ словомъ разумѣется и собственно нижняя часть лица, почему есть поговорка: *на бородѣ и волосъ нѣтъ.*

Слово *братъ* объяснено: «каждый изъ сыновей въ отношеніи одного къ другому». Правильнѣе было бы сказать: «каждый изъ сыновей одного отца или одной матери».

19*

О *бревнѣ* сказано: «продолговатое полѣно». Правильнѣе сказать: «обрубленный стволъ дерева».

О словѣ *бубать* сказано: «неупотребительно, стучать; отъ сего слова произошло *бубенъ*», и пр. Но далѣе видно, что *бубать* покроатски *стучать*, почему и нужно было бы въ самомъ началѣ показать, что слово *бубать* взято изъ кроатскаго языка.

О словѣ *бѣгу* сказано: «находиться въ быстромъ движеніи»; но это невѣрно: дервиши, кружась на одномъ мѣстѣ, дѣти, качаясь на качеляхъ, находятся въ быстромъ движеніи, но не *бѣгаютъ*. Слово *бѣгу* должно бы внести въ корнесловъ не въ настоящемъ времени, а въ неопредѣленномъ *бѣгать*, и въ объясненіи сказать: «стремиться пѣшему съ одного мѣста на другое».

Наконецъ *валить* и *хвалить* сочинитель отнесъ къ одному корню, указывая на французское *valoir*. Ближе было бы указать на латинское valere, родовое французскаго слова. Въ особенности нужно замѣтить, что слово *хвалить* никакъ не можетъ быть отнесено къ одному корню со словомъ *валять*.

Кромѣ того членъ комитета В. М. Перевощиковъ изложилъ слѣдующее свое мнѣніе:

1-е. Сочинитель выставляетъ корни однихъ русскихъ словъ. Но желательно было бы прибавить корни и изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, ибо легко можетъ быть, что русское слово, котораго корень неизвѣстенъ, имѣетъ корнемъ слово въ другомъ славянскомъ нарѣчіи; также можетъ быть и наоборотъ, что слово какого-нибудь нарѣчія получило корень въ русскомъ языкѣ. Между славянскими нарѣчіями столь много общаго, что корнесловіе ихъ должно быть сосредоточено въ одну систему.

2-е. Сочинитель показываетъ послѣ коренныхъ нѣкоторыя производныя слова; но, или должно показывать всѣ производныя слова, или, ограничиваясь нѣкоторыми, показывать и объяснять только тѣ, коихъ производство отъ корня менѣе очевидно, и которыя однакожъ, не смотря на наружную отдаленность, относятся къ одному и тому же корню.

Наконецъ въ предисловіи къ сочиненію полезно было бы

исчислить всѣ окончанія словъ, объяснивъ знаменованіе ихъ, и тѣмъ опредѣлить ихъ важность и отношенія ихъ къ системѣ русскаго языкознанія.

Съ мнѣніемъ В. М. Перевощикова согласились прочіе члены комитета. Разсмотрѣвъ трудъ г. Шимкевича, комитетъ призналъ за нужное пригласить его лично въ собраніе, находя полезнымъ дать ему руководство къ усовершенствованію его труда, который, по мѣрѣ обработыванія, онъ можетъ представлять по частямъ на разсмотрѣніе академіи. Между тѣмъ, по недостатку его способовъ, и имѣя въ виду предложеніе г. министра народнаго просвѣщенія, комитетъ почитаетъ нужнымъ въ поощреніе г. Шимкевича къ продолженію начатаго имъ труда представить академіи, не благоволено ли будетъ ей назначить ему въ пособіе *триста* рублей серебромъ»[191]).

Болгарская грамматика, составленная Венелинымъ.

Получивъ отъ Венелина рукописную грамматику нынѣшняго болгарскаго нарѣчія, министръ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ, полагавшій, что изданіе этой рукописи можетъ принести пользу «изслѣдованіямъ вообще разныхъ нарѣчій отечественнаго нашего языка», препроводилъ ее въ россійскую академію. Разсматривательный комитетъ, избранный изъ членовъ россійской академіи, представилъ ей слѣдующее обозрѣніе рукописи Венелина:

«Болгарская грамматика начинается статьею объ именахъ. Сочинитель раздѣляетъ ихъ на три отдѣла: въ первомъ (имена тожественныя съ русскими) списокъ сихъ именъ начинается со слова *ядъ*, далѣе *духъ*, *волъ*, далѣе чрезъ нѣсколько словъ—*совѣсть*, *лопата* и пр. (5). Здѣсь не видно ни азбучнаго, ни систематическаго порядка.

Въ числѣ именъ, однимъ болгарамъ свойственныхъ, уклоняющихся отъ русскихъ, и по свойству нарѣчія въ чемъ-либо измѣненныхъ, приведены въ примѣръ: болгарское—*гладъ*, рус-

ское—*голодъ*; болгарск. *градъ*, русск. *городъ*; *гласъ*, *голосъ*; *мразъ*, *морозъ*; *хладъ*, *холодъ*; *стражъ*, *сторожъ*; *вранъ*, *воронъ*; *страна*, и *сторона*; *сребро* и *серебро*; *злато* и *золото*. (7). Но сочинитель напрасно отлучаетъ отъ русскаго языка слова: *гладъ*, *градъ*, *хладъ* и пр. Они—богатство его, и разница между *градъ* и *городъ* и пр. только та, что сокращенныя слова преимущественно употребляются въ возвышенномъ, а другія въ простомъ слогѣ.

Въ числѣ *существительныхъ*, *уклоняющихся отъ русскихъ*, какъ въ произношеніи, такъ иногда даже и въ формахъ, помѣщены: *свѣща* (8), *цѣльба*, *ядѣніе*, *мастъ* (9) и пр. Но почему же *цѣльба* и *ядѣніе* внесены сочинителемъ въ болгарскія слова, а *ѣда* и *цѣленіе* отнесены къ русскимъ? (9). И у насъ въ возвышенномъ слогѣ говорится *мастъ* вмѣсто *мази*.

Въ числѣ *созначительныхъ*, т. е. по опредѣленію сочинителя такихъ существительныхъ, которыя, происходя отъ совершенно другихъ корней, чѣмъ русскія, употребляются въ значеніи сихъ послѣднихъ, между прочимъ помѣщены: болгарск. *уста*, русск. *ротъ* (11), болг. *чадо*, русск. *дитя*, *срамота* и *стыдъ* (11), *товаръ* и *грузъ*, *рамо* и *плечо*. Но развѣ чужды русскому языку *уста*, *чадолюбивый* и пр. Развѣ *грузъ* у насъ не называютъ *товаромъ*? Если *срамота* не русское слово, то почему же *стыдъ* русское? Оба сіи слова принадлежатъ къ одному и тому же источнику нашего языка.

На стр. 30 сочинитель говоритъ вообще, что у россіянъ употреблялись не *прозвища*, а *отцеименные*, и приводитъ въ примѣръ, что одинъ Георгій назывался *Михайловымъ*, другой *Ивановымъ*, третій *Апраксинымъ*, четвертый *Волковымъ*, пятый *Медвѣдевымъ*. Но этотъ самый примѣръ доказываетъ, что у россіянъ употреблялись прозвища, наприм. *волкъ*, *медвѣдь*. Такихъ именъ не было, но прозвища весьма часто замѣняли *имена*. Да и самъ сочинитель на 66 стр. противорѣчитъ себѣ, говоря о прозвищахъ лицамъ: *Радъ*, *Драгъ*, и пр., что *подобныя производныя личныя существовали прежде и на Руси*, и что и теперь еще нѣкоторыя изъ нихъ сохранились въ фамильныхъ, напр.

Томиловъ, *Стрекаловъ*, *Шипиловъ* и пр. Ясно, что у россіянъ употреблялись прозвища.

Названіе *Ивана*, *Ивашки* сочинитель производитъ не отъ *Іоаннъ*, а отъ *Ива* (стр. 37). *Игоря* же выводитъ отъ *Егора* (38).

Стр. 62. *Екъ*, говоритъ сочинитель, образуетъ уменьшительныя лицъ и вещей у западныхъ славянъ, въ болгарскомъ же языкѣ, имена, долженствующія оканчиваться на *екъ*, образуются на *ецъ*, и замѣчаетъ, что русское *старикъ* болгаре пишутъ *старецъ*; вмѣсто *младенекъ*—*младенецъ*; вмѣсто *боекъ*—*боецъ*; вмѣсто *ловчій*—*ловецъ*; вмѣсто *писарь* поболгарски *писецъ*, и проч. Но *старецъ*, *младенецъ*, *боецъ*, *ловецъ*, *писецъ* составляютъ неотъемлемую собственность русскаго языка.

Старецъ и *младенецъ*, замѣчаетъ сочинитель (63), хотя и *принимаютъ* въ русскомъ словѣ, *однако они составлены не по духу русскаго нарѣчія, а перешли отъ болгаръ при богослуженіи* (63 ст.).

О существительныхъ именахъ на *ище* сочинитель говоритъ (74): «Сія форма употребляется, *когда нужно выразить сосудъ, въ коемъ что-либо находилось, и вмѣстѣ то, къ чему онъ служилъ*, равномѣрно пространство или мѣсто, на коемъ происходило какое-либо дѣйствіе». Сочинитель приводитъ въ примѣръ: *судилище*, *училище*, *сокровище*, *поприще*, *пристанище*, *капище*, и пр. Но нѣтъ ни одного слова, въ которомъ былъ бы виденъ *сосудъ*, въ коемъ что-либо находилось, *и то, къ чему онъ служилъ*. *Если бы и нашлось такое слово*, то порядокъ требовалъ начать тѣмъ, что словами, оканчивающимися на *ище*, означается какое-либо пространство или мѣсто, а иногда и сосудъ, въ коемъ что-либо находилось. Сочинитель же началъ съ конца.

О склоненіяхъ болгарскихъ именъ говорится слишкомъ неопредѣлительно, такъ что нисколько нельзя положиться на точность правилъ. По замѣчанію сочинителя (стр. 95), «гласныя окончанія словъ весьма часто подвергаются *недослышкѣ*, такъ напр. и въ русскомъ нерѣдко мѣшаютъ *добрые* вм. *добрыя*, и наоборотъ». Но эта недослышка не допускается въ грамматикѣ, опре-

дѣляющей, когда говорить *добрые*, а когда *добрыя*. Иное дѣло въ произношеніи, иное на письмѣ. Сочинитель говоритъ (97), что «*болгаре не имѣютъ падежей или склоненія съ опредѣленнымъ и постояннымъ смысломъ*; что во всѣхъ падежахъ въ окончаніи склоненій *прислышивается* одно и то же окончаніе (98), и что это происходитъ оттого, что *семь простыхъ гласныхъ* могутъ слиться въ одинъ общій звукъ грубый и открытый (ы), *точно также, какъ и семь простыхъ цвѣтовъ сливаются въ одинъ бѣлый*». Подобныя правила заставляютъ сомнѣваться въ свѣдѣніяхъ сочинителя, который, какъ говоритъ онъ (146), *прислушивался къ разговору болгаръ изъ разныхъ областей*, но какъ видно не глубоко вникнулъ въ языкъ. Нельзя составлять грамматику какого бы ни было народа безъ основательныхъ и точныхъ свѣдѣній въ языкѣ его; *прислушиваніе* въ этомъ случаѣ недостаточно и легко введетъ въ заблужденіе: отъ него-то и происходятъ *недослышки* и *переслышки*, упоминаемыя сочинителемъ. Знающій языкъ легко отличитъ окончанія падежей; одинъ неимѣющій свѣдѣнія смѣшиваетъ окончанія падежей, такъ что они часто сливаются въ его слухѣ подъ общій звукъ (особенно если говорятъ скоро; напримѣръ въ падежахъ: *дубъ*, *дуба*, *дубу*, *дубѣ*, *дубомъ*, *лѣсъ*, *лѣса*, *лѣсу*, *лѣсѣ*, *лѣсомъ* будетъ слышаться только *дубъ* и *лѣсъ*); но однакожъ никто не скажетъ, чтобы русскій языкъ не имѣлъ падежей съ опредѣленнымъ смысломъ. На чемъ же основался сочинитель въ предлагаемыхъ имъ формахъ склоненій, когда болгаре падежей не имѣютъ, и когда окончанія падежей сливаются въ одинъ звукъ? Видимъ (стр. 101), что онъ основался на старыхъ формахъ болгарскаго языка, какъ онѣ находятся въ переводѣ священнаго писанія, отмѣчая особеннымъ знакомъ ударенія спавшія съ голоса окончанія. Но когда *окончанія*, какъ самъ онъ сказалъ (95), часто *подвергаются недослышкѣ*; когда формы падежей, по его же словамъ (101), *должны быть оживлены правописаніемъ*, а *писавшіе болгары не опредѣлили на это точныхъ постоянныхъ правилъ*, и *писали, какъ кому вздумалось*, и когда *пишущіе*, или,

лучше сказать, продолжаетъ онъ, *маракающіе болгаре по невѣжеству своему доселѣ вовсе не отличали формъ падежныхъ*, то къ чему послужатъ знаки произвольнаго ударенія надъ словами прежняго церковно-славянскаго языка, и пояснятъ ли они формы склоненій для желающаго изучить грамматику настоящаго *болгарскаго* языка? Цѣль сочинителя (стр. 101) *исправить голосъ нарѣчія?* На стр. 113 сочинитель говоритъ, что *для выраженія лица, въ пользу коего что-либо дѣлается, есть чистая падежная форма, довольно цѣлая и общая въ склоненіи именъ мужескаго рода, но и этой формы*, продолжаетъ онъ, болгаре *избѣгаютъ по возможности*. Этого нельзя согласить съ предыдущимъ. Если *избѣгаютъ*, то эта форма *не общая*; если же это чистая и общая форма, то видно, что не избѣгаютъ ея. *Болгаре*, пишетъ сочинитель (107), *всячески стараются избѣгать чистое употребленіе падежей въ прямомъ ихъ смыслѣ*. Здѣсь уже сочинитель заставляетъ сомнѣваться въ правильности русской грамматики, и тѣмъ болѣе, что *избѣгать чистое употребленіе* написано какъ видно не по ошибкѣ. Черезъ три страницы находимъ (111): *избѣгая родительный падежъ посредствомъ предлога*. На стр. 39 онъ пишетъ: *народъ болгарскій долженъ былъ имѣть подобныя имена, какъ такія*. Тамъ же: *ибо поелику у обоихъ сихъ народовъ* и пр. На стр. 50-й: Греческій народъ *подъ игами иноплеменниковъ*. На стр. 173 сочинитель говоритъ: *коренные глаголы, имѣющіе гласную или полугласную і передъ окончательною ѿ, то сію послѣднюю превращаютъ* и пр. На стр. 269 упомянуто *будетъ объ нихъ во столько, во сколько они составляютъ* принадлежность глаголовъ; (345) напѣву можно выучиться только *въ живучи*.

Такіе обороты столько же новы въ русскомъ языкѣ, какъ и слова, вводимыя сочинителемъ. На стр. 40 онъ оканчиваетъ *языкописный обзоръ* болгарскихъ существительныхъ, и приступаетъ къ *родописному раздѣленію* (40). На стр. 41: *Видопись или описаніе рожденія болгарскихъ существительныхъ;* (на стр. 145) *инстинктъ такъ сказать или языковѣдная ощупь;* (на стр.

318), сочинитель пишетъ: *науку объ оборотахъ* я называю *оборотописью* (фразеографія). На стр. 345 говорится о *правилахъ воспѣвовъ* и объ отношеніяхъ, составляющихъ *языкописную напѣвопись.*

Съ другой стороны сочинитель допускаетъ выраженія: задунайская *славянщина* (24), говоритъ о *турцызмахъ* (25), о жестокомъ *руссизмѣ* (144), о *гречествовавшихъ* болгарахъ (354): На стр. 162, предлогъ *играетъ роль*; на стр. 198, глаголъ возрастаетъ въ *нормѣ* своей, но не возрастаетъ въ *механизмѣ*. На стр. 46. *Чѣмъ болѣе умъ или вниманіе переходитъ въ категоріи количественности и качественности*, т. е. *когда облекается въ формы производныя отъ именъ числительныхъ и прилагательныхъ, тогда онъ вступаетъ въ сферу математицизма и метафизицизма, т. е. сферу количественныхъ и качественныхъ отвлеченностей*, и пр. На стр. 319 сочинитель говоритъ, что видѣлъ иныхъ французовъ и русскихъ, писавшихъ несовсѣмъ въ духѣ *діалектизма своего языка*, — и вслѣдъ за симъ сказано: «При недостаткѣ въ изложеніи полной системы народныхъ оборотовъ и идіотизмовъ, *то* народная чистота языка доселѣ сохраняется *просто народною ощупью»* (Стр. 319). Неужли подобныя фразы въ духѣ русскаго языка, и писаны по правиламъ русской грамматики?

Многое заставляетъ сомнѣваться въ основательности положеній сочинителя, и требуетъ подтвержденія отъ знатоковъ болгарскаго языка, къ которымъ академія могла бы обратиться, если бы несообразности грамматики, составленной сочинителемъ, были менѣе очевидны. Напримѣръ: нужно бы повѣрить, справедливо ли, что болгаре не имѣютъ падежей съ опредѣленнымъ смысломъ (стр. 97); — чтобы глаголы болгарскаго языка по формамъ прошедшаго могли быть раздѣлены на пять спряженій (стр. 185); — что симъ формамъ они подвергаются безъ всякаго отступленія, такъ что это обстоятельство показываетъ исключительную *форменную правильность* болгарскихъ глаголовъ, не имѣющую и не терпящую отступленій. (стр. 187).

Очевидно, что нельзя положиться на таблицы и формы, со-

ставленныя сочинителемъ. Въ грамматикѣ его множество формъ и таблицъ, но въ нихъ нѣтъ послѣдовательности и соображенія.

На стр. 197 говорится, что спряженій простыхъ глаголовъ, относительно ихъ формъ настоящаго, есть два: 1) оканчивающихся на *ешь* и 2) на *ишь*.—Куда же дѣвались оканчивающіяся на *ашь*? Но сочинитель вспомнилъ объ нихъ на 207 страницѣ, гдѣ сказано, что *ашь принадлежитъ равномѣрно и второй, и третьей категоріи.*

На стр. 158 и 159 сочинитель *по взаимному тройному отношенію въ существенныхъ значеніяхъ* раздробляетъ глаголы на 9-ть категорій, а далѣе замѣчаетъ, что вмѣсто 9-ти категорій весьма удобно удовлетвориться *тремя* (159) и что категоріи сіи: *опредѣленная*, *неопредѣленная* и *многократная* суть слѣдующія: опред. *бѣлю* имѣетъ въ неопредѣленномъ *бѣлѣю*, а въ многократномъ *побѣливаю;* но *бѣлю* и *бѣлѣю* два глагола совершенно разные; одинъ значитъ: *покрываю бѣлымъ*, а другой: *становлюсь, представляюсь бѣлымъ.* Далѣе чрезвычайно сбивчивое положеніе сочинителя (185), что *болгарскіе глаголы распредѣляются двояко:* 1) *всякій порознь* **на тройное спряженіе категорій,** и 2) всѣ вообще на формы общихъ спряженій;—что *сіи опять подраздѣляются* а) по формамъ настоящаго на *три* и б) по формамъ прошедшаго просто на *пять* спряженій, *не выводя изъ сего никакого исключенія. Неупотребляемыя же категоріи не суть исключенія, а недостатки.*—Но при разсмотрѣніи такъ называемыхъ *категорій* сочинителя замѣтно много несообразностей и противорѣчій; что же касается до *исключеній*, то названіе ихъ *недостатками* не перемѣнитъ существа дѣла и не уничтожитъ невозможность подвести подъ общее правило формы совершенно разнообразныя. Напр. объясняя болгарскія спряженія русскими, и чтобъ подвести подъ свою категорію, сочинитель показываетъ, что глаголъ *кладу* однократный, имѣетъ въ *многократномъ* **кладываю.** Но существуетъ ли въ русскомъ языкѣ *кладываю*?

На стр. 199 и 200, глаголъ *люблю*, почитаемый отъ сочинителя производнымъ болгарскимъ глаголомъ, по замѣчанію его,

не имѣетъ кореннаго своего глагола, ибо невозможно любнуть однократно, опредѣленно. Чрезъ нѣсколько строкъ далѣе говорится, что *люблю* не есть такой глаголъ, который *не имѣлъ бы своего простаго,* и что онъ *не имѣетъ онаго, можетъ быть, только въ русскомъ и болгарскомъ языкахъ* (200). *Люблю* у сербовъ значитъ *прикасаться устами,* (полюби ми руку—поцѣловалъ мнѣ руку), а *цѣлованіе* по мнѣнію сочинителя есть *опредѣлительнаго свойства, почему должно бы выражаться коренно простымъ, неумягченнымъ глаголомъ. Теперь не могу сказать,* продолжаетъ сочинитель, *сохранился ли коренный сей глаголъ въ какомъ-либо славянскомъ нарѣчіи,* однако *сейчасъ же вспоминаю,* что *сей славянскій глаголъ безъ умягченія сохранился въ латинскомъ libo, прикасаюсь устами, отвѣдываю.* Но пояснитъ ли болгарскую грамматику прінсканіе въ латинскомъ языкѣ словъ, сходныхъ по звуку со славянскими? Могло ли славянское *люблю* сохраниться въ латинскомъ словѣ, которое значитъ *отвѣдываю?*

Въ статьѣ формы возрастанія болгарскихъ глаголовъ (167) показаны: въ 1 формѣ глаголы: *чету̑* и *гину̑*, измѣняющіеся во второй въ *почитамъ* и *загинамъ*, а въ 111 въ *почтувамъ* и *загинувамъ.* Но здѣсь очевидно смѣшаны *простые коренные глаголы* съ *предложными.* Далѣе (168) въ примѣръ тройнаго спряженія *простое прошедшее: паднâхъ* (отъ глагола *паду*) въ *неопредѣленномъ* показано: *упадахъ,* а въ *многократномъ* **упадувахъ**. Опять смѣшеніе простаго глагола съ предложнымъ!

На стр. 173 сказано: Коренные глаголы, имѣющіе гласную *і* предъ окончательною *ı̂о*, *то* сію послѣднюю превращаютъ въ *вамъ.* Въ примѣръ приведены: отъ *бію — разбивамъ, отбивамъ* и пр.; отъ *ліѭ̑*: *разливамъ, отливамъ* и пр.; отъ *віѭ̑ развивамъ, отвивамъ* и пр.; отъ *крыѭ̑ — покрывамъ,* и множество подобныхъ. Но *разбивамъ* происходитъ отъ *разбію,* а не отъ *бію;* то же можно замѣтить и о другихъ глаголахъ. Отъ смѣшенія глаголовъ *простыхъ* съ *предложными* происходитъ очевидно сбивчивость. Надобно было сначала привести формы спряженій глаголовъ простыхъ, а потомъ уже говорить о предложныхъ. Но сочини-

тель въ формѣ простыхъ вмѣшалъ предложные глаголы, а въ форму предложныхъ примѣшалъ простые.

Въ таблицѣ глаголовъ (стр. 219) въ таблицѣ *а* помѣщены глаголы: *собирамъ*, *призывамъ*, и показаны измѣненія ихъ: на *ахъ*, *аше*, *—лъ*, *—нъ*, *—ніе* и пр., собир*ахъ*, собир*аше*, собир*алъ*, собир*анъ*, собир*аніе* (стр. 229). Въ таблицѣ *ѣ* глаголъ *оскудѣвамъ* и *охлаждамъ* съ измѣненіями на *ахъ*, *аше*, *лъ*, *нъ*, *ніе*, 259. Въ таблицѣ *о* глаголъ *почитамъ* опять съ тѣми же измѣненіями на *ахъ*, *аше*, *лъ*, *нъ*, *ніе*. Но въ приведенныхъ примѣрахъ формы временъ по большей части однѣ и тѣ же, разница только въ прошедшемъ опредѣленномъ: *собрахъ*, *оскудѣхъ*, *почетохъ*; эту разницу, какъ исключеніе, можно было обозначить въ одной таблицѣ, а не раздроблять глаголы одной формы на множество таблицъ спряженій, почти однообразныхъ.

Въ отдѣлѣ, названномъ: *о спряженіи категорій* (стр. 163), сочинитель замѣчаетъ, что всѣ три формы глагольныхъ опредѣленностей спрягаются особо, въ настоящемъ: I, *паду*; II, *падаю*; III, *падываю*; въ прошедшемъ предложномъ: I, *упалъ*; II, *упадалъ*; III, *упадывалъ*. Но ни *падываю*, ни *упадывалъ* не существуетъ въ русскомъ языкѣ. Не болгарскіе-ли они? Но сочинитель самъ говоритъ (стр. 166), что *теорію возрастанія славянскихъ глаголовъ онъ пояснялъ русскими примѣрами* вопервыхъ потому, что это относится не только къ болгарскимъ, но и къ русскимъ глаголамъ; вовторыхъ, что излагая мысли свои объ общихъ началахъ для русскаго читателя, онъ могъ ощутительнѣе оттѣнять и подкрѣплять оныя только *русскими примѣрами*, не смотря на то, что замѣчанія сіи относятся къ болгарскимъ глаголамъ». Такимъ образомъ вышла грамматика ни болгарская, ни русская.

Въ исчисленіи глаголовъ (стр. 153) пропущены глаголы страдательные. По выраженію глаголами большей или меньшей опредѣлительности дѣйствія, сочинитель (на стр. 155) объясняетъ, что «*можно составить*, такъ сказать, *лѣстницу изъ глаголовъ, начиная съ самыхъ непродолжительныхъ и восходя къ самымъ продолжительнымъ*, и что *если раздѣлить сію лѣстницу надвое*,

то выйдутъ два общіе разряда глаголовъ: кратковременныхъ и долговременныхъ. Но такихъ лѣстницъ дѣлать нельзя: не должно стѣснять языкъ односторонностію правилъ; на первой ступени этой лѣстницы грамматика оступится. Самое кратковременное дѣйствіе, говоритъ сочинитель (стр. 155), совершается въ одно мгновеніе, напр. *мигаю*, а самое долговременное полагается примѣрно въ продолженіе цѣлаго дня, напр. *жну, кошу.* Но глаголъ *мигать* выражаетъ дѣйствіе, могущее продолжаться нѣкоторое время, а однократное и кратковременное — выражается глаголомъ *мигнуть.* Глаголы *жну* и *кошу* выражаютъ дѣйствіе не съ утра до вечера, а болѣе или менѣе продолжительное, смотря по тому, когда пришелъ и когда ушелъ съ поля косецъ или жнецъ. Одно дѣйствіе, говоритъ сочинитель, можетъ совершиться въ *продолженіе одной минуты*, напр. *стучу* или въ *продолженіе только цѣлаго часа*, напр. *обѣдаю* (155). Здѣсь опять неосновательное ограниченіе времени. *Обѣдать* можно и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ; *стучать* не значитъ *стукнуть*, и можно сказать: *стучать цѣлый часъ у воротъ*; кузнецъ *стучитъ цѣлый день* молотомъ.

На стр. 161 сказано, что глаголъ *сплю* не можетъ имѣть формы *многократной* потому, что спанье есть уже *дѣйствіе, коего повтореніе до самой смерти не можетъ подать причины означать многократность онаго.* Не говоря уже о невразумительности такого опредѣленія, довольно замѣтить, что если бы глаголъ *сплю* не имѣлъ многократнаго, то нельзя бы сказать: *сыпали на сѣнѣ, сыпалъ по цѣлому дню.* На стр. 160 сказано, что *кратковременные* или *однократные глаголы* обыкновенно состоятъ *изъ одного слога*, напр. *мну, тру.* Но *мну* и *тру* не *кратковременные* глаголы. Можно *мять* и *тереть* въ продолженіе цѣлаго дня. На стр. 162 видно, что глаголъ *шлю* имѣетъ въ неопредѣленной формѣ: *посылаю*, глаголъ: *рѣжу* — въ неопредѣленномъ: *изрѣзаю.* Но *шлю* происходитъ отъ глагола *слать*, а *посылаю* отъ *посылать.* Глагола *изрѣзаю* въ русскомъ языкѣ не существуетъ.

Въ статьѣ о словосочиненіи (стр. 317) сочинитель отдѣляетъ

словосочиненіе отъ грамматики! Онъ говоритъ, что во всякомъ языкѣ, равно какъ и въ болгарскомъ, есть правила, независящія отъ грамматики, *которыя разставляютъ слова* въ извѣстный порядокъ, и что собраніе этихъ правилъ называется *словосочиненіемъ*. Грамматика, по его положенію, занимается *механикою словъ*, а словосочиненіе *порядкомъ словъ*. Слова, двигавшіяся въ грамматикѣ по *отдѣльнымъ* законамъ, въ словосочиненіи слѣдуютъ *всѣ общимъ*. Грамматика, по его мнѣнію, есть *наука частей*, а словосочиненіе *наука общаго состава*. Но можетъ-ли существовать составъ безъ частей, механизмъ безъ порядка, и словосочиненіе безъ грамматической правильности? Къ чему же ведетъ отдѣленіе словосочиненія отъ грамматики, когда оно есть цѣль грамматики; нарушающій правила грамматики не можетъ дѣлать правильнаго словосочиненія.

По мнѣнію сочинителя, мысль объ изобрѣтеніи будто Кирилломъ письменъ въ IX вѣкѣ есть *сущая сказка*, но чтобъ говорить такъ рѣшительно, нужны ясныя, неопровергаемыя доказательства. Даже и буквы *ч*, *ш*, *ц*, по замѣчанію его, удержаны изъ глаголитскаго алфавита. Но глаголитскій алфавитъ, по свидѣтельству г. Востокова и другихъ опытныхъ въ языковѣдѣніи, изобрѣтенъ въ позднѣйшія времена.

На стр. 349 сказано, что въ болгарскомъ нарѣчіи введеніе удареній излишно; что знаки удареній не суть необходимы, и напротивъ того излишны. Но если такъ, то чѣмъ же отличить слова: *му́ка* и *мука́*, *во́ды* и *воды́*, *цвѣ́та* и *цвѣта́*; безъ словоударепій можетъ-ли быть правильно произношеніе словъ?

Въ переводѣ прибавленнаго для объясненія болгарскаго словосочиненія *Сказанія о святой Пятницѣ Параскевіи* не видно той отчетливости, какая нужна въ книгахъ, излагающихъ составъ и правила языка.

Святая Пе́тка открато̀ погребѐ родителіе свои, отрѣди́чи добрѣ̀ (359).	Переведено: Святая же Параскевія *хорошо предала* погребенію своихъ родителей (359).

Чинѣше мольбу и метаніе, и руцѣ те си вди́гаше на го́рѣ и пла́чеше (365).

Переведено: Когда *молилась* и *бросала поклоны*, и *плакаясь* поднимала руки свои кверху. Но по-русски нельзя сказать ни *бросала поклоны*, ни *плакаясь*. Это могло быть переведено: Творила моленіе и повергалась ницъ, поднимая руки свои вверхъ и плача.

И не дѣй се гнуси́ отъ ме́не, щô са̂мь твоя рабыня (стр. 367).

Переведено: И не гнушайся *отъ меня*, твоей рабыни. Но по-русски должно сказать: *не гнушайся меня.*

И излѣзе, и трôгни, да иде на свое то си отчьство (369).

Переведено: Тогда вышла и *двинулась въ свое отечество.*

И скочи *юнатски* съ Божіимъ повелѣніемъ (381).

Переведено: И двинулся *молодецки* съ Божіимъ повелѣніемъ. Но *юнатски* значитъ *отважно, неустрашимо*, отъ слова *юнакъ*, которое значитъ болѣе, нежели *молодецъ*, и ближе подходитъ къ смыслу: *витязь, герой.*

Выраженіе: Што ми кажешь, побрати́ме (стр. 319).

По мнѣнію сочинителя переводится русскимъ: *ужели*? или французскимъ: est il possible? Но почему же нельзя его перевести гораздо ближе: *что ты, братъ, говоришь*? или французскимъ: que dis-tu? Французское est-il possible по-русски значитъ: *возможно-ли*? И у болгаръ безъ сомнѣнія на это есть также свое равнозначущее выраженіе, а *не што ми кажешь, побратиме.*

Предлоги и нарѣчія.

Въ болгарской грамматикѣ такая сбивчивость въ объясненіи нарѣчій и предлоговъ, что нерѣдко одни принимаются вмѣсто другихъ. Напримѣръ, къ предлогамъ отнесено *освень* (т. е. *кромѣ*) стр. 286, и въ примѣръ сего предлога представлена фраза: Сички людіе потопены бѣше освень Ноя іосъ сынове (всѣ люди были потоплены кромѣ Ноя и его сыновей). Также нарѣчіе *кромѣ* причислено къ предлогамъ. Нарѣчіе: *подиръ*, *спустя*, *послѣ* (стр. 290) стоитъ въ *предлогахъ*, и оно же показано и въ *нарѣчіяхъ* (стр. 301). *Отпреди* и *отзади* (*спереди* и *сзади*) и пр. причислены къ *нарѣчіямъ*, а *помежду* и *спроти* (*между* и *супротивъ*) отнесены къ *предлогамъ* (см. стр. 293 и 291). Все это доказываетъ несообразность при составленіи грамматики. *Срящу* или *срѣщу*, включенное сочинителемъ въ предлоги, по объясненію его, значитъ: *противъ*, но изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что это нарѣчіе очевидно происходитъ отъ глагола: *срѣтать*, и ближайшее значеніе его: *навстрѣчу*.

Чрезвычайно замѣчательно опредѣленіе самаго предлога (стр. 267). Предлогъ есть *ключъ къ явленіямъ*, ибо онъ есть условіе, подъ которымъ совершается дѣйствіе. Предлогъ есть *подвижный*, *бродящій*, независимый *падежъ*; онъ *кочуетъ между дѣйствіемъ и предметомъ онаго*. Предлогъ есть не *только всеобщее склоненіе* и пр., но *сверхъ сего предлогъ есть всеобщее спряженіе*. Все это довершаетъ слѣдующій выводъ: *И такъ, если глаголъ долженъ требовать чего-либо, то требуетъ не только падежей, но и предлоговъ*. Одни глаголы *могутъ напирать болѣе на падежныя* формы, а *другіе болѣе на предлоги* (стр. 268).

При выпискѣ сихъ строкъ нельзя не замѣтить, что подобныя мѣста нерѣдки въ разсматриваемой грамматикѣ. Напр. (на стр. 45) сказано, что существительныя: *снѣгъ*, *дождь*, *громъ*, *градъ*, означающія, такъ сказать, *сырыя произведенія* природы, образовались отъ дѣйствія оной на наши чувства. Согласимся, что въ *снѣгѣ* и *дождѣ* есть сырость, но какъ же *громъ* попалъ

въ *сырыя произведенія?* Далѣе говорится, что словами: *дождь, громъ, градъ,* выражаютъ ощущенія наши, производимыя извѣстными явленіями въ природѣ;—что коренныя слова суть произведенія грубыя самой природы: коренныя означаютъ буквально однѣ только *сырыя вещи,* а производныя, поднимаясь съ своихъ мѣстъ, съ своихъ предметовъ физическихъ, увлекаютъ за собою вниманіе человѣка съ предмета на предметъ. Такъ, напримѣръ, грубый предметъ *огонь* посредствомъ словопроизводства слетаетъ съ своего предмета, напр. въ двѣ стороны и садится на тѣло человѣка и на кусокъ желѣза; въ словахъ *огневикъ* и *огниво* представляя намъ полное понятіе о *чирьѣ* и *кускѣ металла.*

Послѣ всего замѣченнаго нельзя не признать, что сочинитель очень сбивчиво изложилъ болгарскую грамматику и особенно составъ глаголовъ; что въ основаніи склоненій болгарскихъ также обнаруживается неточность его соображеній; что самое изложеніе правилъ болгарской грамматики во многихъ мѣстахъ впадаетъ въ изысканность и несоотвѣтственность слога съ предметомъ; мало обращено вниманія на чистоту и грамматическую правильность русскаго языка въ сочиненіи, писанномъ по-русски о болгарской грамматикѣ, и многія мѣста совершенно темны и невразумительны. Комитетъ, къ сожалѣнію, не можетъ одобрить сочиненія г. Венелина, полагая, что гораздо полезнѣе было бы, еслибъ сочинитель составилъ небольшую болгарскую христоматію, присовокупивъ словарь болгарскихъ словъ съ отмѣтками произношенія и сходства или несходства ихъ съ нашимъ церковно-славянскимъ языкомъ.

Заключая симъ обозрѣніе болгарской грамматики, комитетъ долгомъ поставляетъ присовокупить, что г. Востоковъ, находившійся въ собраніяхъ комитета, при разсмотрѣніи болгарской грамматики, совершенно согласился съ мнѣніемъ членовъ; касательно же прежняго своего заключенія о трудѣ г. Венелина отозвался, что какъ болгарская грамматика есть первый опытъ по сей части, то онъ и нехотѣлъ сперва строго судить ее, и хотя, въ представленномъ отъ себя мнѣніи, указалъ на нѣкото-

рыя ея погрѣшности, однако за всѣмъ тѣмъ полагалъ полезнымъ напечатаніе этой книги, какъ содержащей въ себѣ матеріалы для изучающихъ языки славенскіе. Нынѣ же, когда другіе члены комитета вмѣнили себѣ въ обязанность подвергнуть книгу сію подробнѣйшему разсмотрѣнію, соглашается и онъ съ ихъ мнѣніемъ насчетъ всѣхъ замѣченныхъ въ этомъ сочиненіи недостатковъ и несообразностей.

Совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ комитета, собраніе россійской академіи рѣшило, что трудъ Венелина не заслуживаетъ быть напечатаннымъ на счетъ академіи [192]).

Филолого-критическое объясненіе Гунскихъ именъ, Венелина.

О содержаніи статьи Венелина, написанной имъ для того, чтобы она служила введеніемъ въ болгарскую грамматику, можно составить понятіе по слѣдующему отзыву разсматривательнаго комитета:

«Сочинитель филолого-критическаго объясненія гунскихъ именъ, говоритъ, что объясненіе его *по праву убѣжденія* припишетъ навсегда гунновъ русскому народу. Болгаре и гунны, по мнѣнію его, означаютъ одинъ и тотъ же народъ.

Сходство болгарскихъ именъ съ гунскими онъ свидѣтельствуетъ именами дѣда, отца, брата, всего семейства Аттиллы и его сановниковъ, выписанными изъ *Приска*, бывшаго посланникомъ при дворѣ Аттиллы.

Сочинитель видѣлъ въ Варнѣ болгарца *Телана*, имѣетъ пѣсню о какой-то красивой *Теланѣ*, почему и думаетъ, что *Аттилла* — есть болгарское имя *Тѣланъ*. Каратонъ, или Харатонъ, кажется ему *Кратомъ; Мундіухъ*, отецъ Аттиллы, былъ, какъ полагаетъ онъ, *Мане-Духанъ*, отъ слова: *душа, духъ*. Это подтверждается, говоритъ онъ, и тѣмъ, что *отецъ сыну своему Аттиллѣ, изъ ощущенія значенія собственнаго своего имени, далъ соотвѣтствующее противоположное: Тѣлана.*

Рекана, или *Крека*, супруга Аттиллы, напоминаетъ сочини-

телю болгарское слово: *крякъ, крачь*, польскій *Краковъ*, и наконецъ сочинитель замѣтилъ, что въ Московскихъ Вѣдомостяхъ за 1831 г. въ объявленіи о полученіи изъ почтамта обратно писемъ и посылокъ, между прочимъ, записано такъ: *Москов. мѣщанки Наталіи Марковой его благор. Никитѣ Крикину*: вотъ, говоритъ онъ, отсюда и очистится намъ *Крика*.

Точно въ такомъ же родѣ разысканія о братьяхъ и сыновьяхъ Аттиллы. *Донатосъ*, дядя отца Аттиллы, пишетъ сочинитель, что-то *латиноватое*, по видимому *Данъ*, а сынъ Аттиллы *Динсйрихъ*, по объясненію сочинителя, выходитъ *Данчь-Райко*. Кажется, говоритъ онъ, *мать или отецъ, по ощущенію и почти невольно, должны были попасть на личное Раё, Райко*, и *Раянъ*, что отъ слова до слова значитъ: *mon petit bonheur*, mes délices, свѣтъ мой! утѣха моя!

Въ сынѣ Аттиллы *Ирнаксѣ* сочинитель видитъ *Храняна* и *Херака*, напоминаетъ *Херакова, Хераскова* и даже сближаетъ имя сына Аттиллы съ *харчемъ* и *харчевнею*, поясняя, что въ *харчевнѣ, разумѣется, нынѣ, кормятъ* за деньги; также сближаетъ *Хранянъ* и съ *хрѣномъ*, прибавляя, что подразумѣвается *пищевой корень*, или *употребляемый съ пищею, или въ пищу*.

Въ числѣ необыкновенныхъ выраженій, встрѣчающихся очень часто у сочинителя, замѣчательны: *словопроизводный наростъ*; *если разложить это имя, то-есть отбросить приросшее канъ, то очистился бы корень ай*; Аттилла не имѣлъ нужды *призывать, такъ сказать, въ крестные отцы* карѳагенскаго Генсерика, *но адресовался* къ своимъ старымъ родственникамъ гунскимъ; отрытое и открытое имя; *слово очитано и описано*; *наткнулся* почти случайно (на уменьшительные сложные болгарскихъ именъ); я *приведу* только тѣ, которые *идутъ* и должны *итти*»; пока *не объяснилъ себѣ* этихъ двухъ именъ на *живыхъ лицахъ*; *объяснитъ тотъ*, кто *объяснитъ и то*; должно *было быть* приспособлено *къ греческимъ устамъ и ушамъ*.

Неизвѣстно, на какой грамматикѣ утверждаются слѣдующія

выраженія: *удержали давать*, имена *изъ языка*; замѣняли чрезъ *в*; подъ греческими *перами*, и проч. и проч.

Замѣчательна искренность сочинителя. Онъ во многихъ мѣстахъ признается въ неосновательности своихъ прежнихъ мнѣній. Напр. выводя, что вельможа Аттиллы, по греческому *Онигизіосъ*, долженъ быть не иной кто, какъ болгарецъ *Нѣгишъ*, сочинитель признается: «И *азъ грѣшный въ запискахъ Приска моего Нѣгиша величалъ Онигизіемъ: вотъ какимъ образомъ и путемъ изуродовано славянское имя въ славянской же книгѣ моей. Дурачество одного часто можетъ обмануть двадцатерыхъ, а эти двадцать другихъ столько же*» и пр. Здѣсь въ доказательство бытности *Нѣгиша* сочинитель указываетъ на *Онѣгина*.

Не одинъ *Онѣгинъ* приводится въ сличеніе съ именами разныхъ лицъ семейства Аттиллы. Съ *Осварзіосомъ* сочинитель припомнилъ *Ивкова*, *Ивашковскаго*, съ *Крекою*—*матроименное Крекшина*, съ *Баламиромъ*—*Балашова;* съ *Ройо*—*Раича*, *Раевскаго*; съ *Берихосомъ*—Баркова; съ *Айканомъ*—*Бабу-ягу*, *Ягайло*, *Ягеллона*, *Стрекалова*, *Шипилова*, *Брусилова*, *Башилова*, *ягоду*, *лагоду и Ладогу*.

Подобныя сближенія гунскихъ именъ съ русскими фамиліями нелегко могутъ сходиться; но у сочинителя есть средство: онъ сближаетъ *по созвучію;* объ одномъ имени говоритъ: *это имя можетъ встрѣтиться въ другихъ, болѣе древнихъ грамотахъ, коихъ мнѣ не случалось видѣть*; объ другихъ замѣчаетъ, что у грековъ могли случиться *описки*, *очетки*, и наконецъ *опечатки*, какія и въ лѣтописяхъ, напр. имя *Мундіухъ*, по его мнѣнію, если *неописано нѣсколько*, то навѣрное *недослышано*, или же *невыговорено*, или, хуже еще, передано съ *устъ въ уста*, или, *наконецъ*, *опечатано*; что иное случайно прибавлено не *отъ недослышки*, а *отъ переслышки*; иная буква *вставлена* отъ *недочетки* типографщика, а въ иномъ мѣстѣ *греческій членъ сплавленъ* типографщиками *съ именемъ*, и пр.

Сочинитель прерываетъ свои замѣчанія *впредь до продолженія и дальнѣйшаго объясненія.*

Остается откровенно замѣтить, что подобное начало не имѣетъ нужды въ продолженіи, и никакъ не можетъ быть допущено въ видѣ введенія въ грамматику» [193]).

XXXV.

Дѣятельность россійской академіи находилась въ непосредственной и весьма замѣтной связи съ академическою жизнію. Устройство россійской академіи, укоренившіеся въ ней обычаи, взаимныя отношенія ея членовъ, и т. д. представляютъ немало любопытныхъ чертъ, рисующихъ нравы и понятія тогдашняго общества.

Первоначальный, такъ называемый уставъ, или «начертаніе» россійской академіи, при которомъ она жила и дѣйствовала въ свои лучшіе годы, отличается чрезвычайной простотой и отсутствіемъ всякихъ формальностей. Это не уставъ въ собственномъ смыслѣ, даже не проектъ устава, а нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ о томъ, чѣмъ бы должна быть академія. Черновыя наброски Дашковой утверждены Екатериною II и вслѣдствіе этого получили значеніе законодательнаго акта. Въ редакціи «начертанія» сохранились яркіе черты его происхожденія, какъ напримѣръ: «*Кажется*, шестидесяти человѣкъ къ составленію россійской академіи весьма достаточно... На содержаніе академіи «надобно болѣе пяти тысячъ рублей»... «*По мнѣнію моему*, должно» и т. д. [194]).

Первое засѣданіе академіи было посвящено обсужденію началъ для составленія устава. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, стали придумывать и предлагать разнаго рода требованія: одни желали, чтобы никто изъ членовъ ничего не печаталъ безъ ея одобренія; другіе считали нужнымъ, чтобы особою статьею было вмѣнено академіи въ обязанность опредѣлить правила ударенія, и т. п. По счастію, первые по времени члены россійской академіи ясно понимали безполезность продолжительныхъ пререканій объ отдаленномъ будущемъ и невозмож-

ность заранѣе указать всѣ мелкія черты предстоящей дѣятельности. Остановившись на мысли, что «*время* все приводитъ въ совершенство и *наипаче научаетъ*», академики приступили прямо къ своей главной цѣли—къ составленію словаря. Между дѣломъ былъ составленъ и проектъ устава, но почему-то ему не дано было дальнѣйшаго хода. Главный предметъ академіи—сказано въ проектѣ—долженъ состоять въ очищеніи и обогащеніи русскаго языка и въ распространеніи словесныхъ наукъ въ Россіи. Нѣкоторыя подробности проекта будутъ сообщены ниже [195]).

Съ воцареніемъ императора Александра наступила пора преобразованій; явились новыя учрежденія, и во главѣ ихъ — министерства; въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія вошла и россійская академія. Первымъ дѣйствіемъ министерства относительно россійской академіи было составленіе для нея новаго устава. Въ числѣ лицъ, принявшихъ на себя этотъ трудъ, находились такіе замѣчательные люди, какъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ и профессоръ Баузе. Въ составленномъ ими и ихъ сотрудниками проектѣ устава существенною задачею академіи признавалось постановленіе правилъ языка и вкуса и разработка вопросовъ, относящихся къ области русской исторіи и древностей. По духу того времени, въ проектѣ довольно ярко выступаетъ мысль о сближеніи науки съ обществомъ, другими словами, о просвѣтительной цѣли, которую должны имѣть въ виду академики. На академію возлагалась обязанность возбуждать русскихъ писателей къ дѣятельности вѣрною оцѣнкою ихъ произведеній и «предчувствованіемъ общаго мнѣнія». Академія должна была стремиться къ тому, чтобы «возвысить россійскую словесность и сдѣлать ее предметомъ общественнаго вниманія». Отъ академіи общество вправѣ ожидать «критики просвѣщенной, строгой къ сочиненіямъ, снисходительной къ писателямъ»: установить «общее мнѣніе о писателяхъ» есть дѣло академіи. Слѣдуя также духу времени, проектъ ставитъ выборное начало въ основу академической жизни [196]).

Для судьбы академіи имѣетъ значеніе то обстоятельство, что

проектъ, составленный въ началѣ царствованія Александра I, не былъ утвержденъ, и академія осталась попрежнему безъ устава. Въ этомъ отсутствіи устава послѣдній президентъ академіи Шишковъ видѣлъ главный источникъ всѣхъ постигавшихъ ее невзгодъ. По мнѣнію Шишкова, очевидно одностороннему, если академія, втеченіе своего тридцатидвухлѣтняго существованія, мало сдѣлала «для напоенія жажды ученія», то единственно оттого, что до сихъ поръ не было точнаго, официально-утвержденнаго, устава. Шишковъ взялъ на себя пополнить этотъ чувствительный пробѣлъ въ академической жизни, и представилъ государю, Александру I, проектъ устава при весьма пространномъ докладѣ. Въ объяснительной запискѣ Шишковъ высказываетъ слѣдующія соображенія:

1-е. Россійская академія, основанная императрицею Екатериною Второю, въ началѣ учрежденія своего подъ предсѣдательствомъ княгини Дашковой, была знаменитое, блистательное общество, обѣщавшее принести великую пользу языку и словесности. Императрица хотя не называлась ея членомъ, однакожъ отлично ей покровительствовала, и сама подъ скрытнымъ именемъ въ трудахъ ея участвовала. Знатнѣйшіе и ученѣйшіе въ государствѣ мужи содѣлались ея членами, и всегда въ засѣданіяхъ ея присутствовали. Въ таковомъ цвѣтущемъ состояніи своемъ не умедлила она принести весьма полезный плодъ, а именно: сочинила россійскій словарь. Книга сія, при всемъ своемъ несовершенствѣ и поспѣшности, съ какою она сочиняема была, есть и нынѣ первѣйшее и важнѣйшее для россійскаго языка произведеніе. Но академія не долго пользовалась покровительствомъ и благопріятностію обстоятельствъ. Неуспѣвшая утвердить себя ни уставомъ, глясящимъ о ея правахъ и обязанностяхъ, ни нужными для дѣйствованія своего доходами, она, не токмо не поддерживаемая, но даже гонимая, стала вмѣсто возрастанія отъ часу ниже упадать, такъ что едва не пришла въ совершенное разрушеніе, отъ котораго хотя и спасена благодѣтельною рукою государя императора, однакожъ и понынѣ пребываетъ она въ

томъ же скудномъ, уничиженномъ и несоотвѣтствующемъ имени своему состояніи.

2-е. Отъ сего самаго академія не могла принести никакихъ важныхъ заслугъ, и отъ часу болѣе упадала въ неуваженіе и забвеніе, такъ что вмѣсто требующаго великихъ трудовъ старанія утвердить правила языка и распространить о немъ свѣдѣнія, безгласная и безмолвная, стала сама принимать законы отъ неопытныхъ и неискусныхъ въ немъ писателей.

3-е. Россійская академія основана Екатериною Второю. Александръ Первый утвердилъ ея существованіе, яко нужное и полезное. Благодѣтельная воля сихъ монарховъ не въ томъ состоитъ, чтобъ сія академія была только именемъ, а не дѣломъ академія.

4-е. Давняя и всѣми ученѣйшими людьми признанная истина, что безъ знанія языка ни науки, ни законы, ничто умственное процвѣтать не можетъ: и такъ надобность академіи излишно доказывать.

5-е. Безъ поддержанія академіи языкъ и словесность непремѣнно должны упадать; ибо кто безъ избраннаго общества будутъ попечители о немъ? кто судіи? кто проповѣдники? Молодые писатели безъ наукъ, безъ свѣдѣнія, безъ опытовъ, руководимые самолюбіемъ и пристрастіемъ. Они будутъ кричать, но крикъ не просвѣщаетъ.

6-е. Взглянемъ на другія академіи. Французская, напримѣръ, была нѣкогда въ величайшемъ уваженіи. Она имѣла право приказывать типографіямъ, чтобъ словъ не коверкали и не печатали иначе, какъ по уставленному отъ нея правописанію. При таковыхъ преимуществахъ и уваженіи академія могла приносить пользу и быть охранительницею языка. Членъ ея гордился симъ званіемъ, ревновалъ отличиться трудами, и вѣкъ Людовика XIV былъ славнѣйшій.

7-е. Академія безъ людей съ талантами ничего не можетъ сдѣлать. А таланты рождаются ободреніемъ, когда произведенія ихъ оцѣниваются и вознаграждаются судомъ правды и вѣдѣнія,

а не судомъ пристрастія и незнанія. Но какой судъ можетъ быть справедливѣе суда цѣлаго общества, на дѣло сіе избраннаго и обязаннаго честію пещись о возниченіи талантовъ?

8-е. Я не знаю, будетъ-ли академія приведена въ то состояніе, въ какомъ бы я, по долгу предсѣдательства моего въ ней и по усердію моему къ общей пользѣ, видѣть ее желалъ; но знаю, что не сдѣлавъ тому начала, и оставляя оную въ нынѣшнемъ ея положеніи, безъ правилъ, безъ устава, безъ достаточныхъ къ дѣйствованію средствъ, безъ особаго покровительства, она никогда не достигнетъ до того намѣренія, съ какимъ основана.

9-е. Доходы ея, съ начала положенные, простираются до *десяти тысячъ* рублей. Сколь ни скудно было таковое положеніе, немогшее доставлять ей никакихъ къ обширному дѣйствованію средствъ; но оное современемъ сдѣлалось еще скуднѣйшимъ, поелику сумма сія, по соразмѣрности цѣнъ, замѣняла нынѣшнихъ *сорокъ тысячъ* рублей. Напримѣръ, академія за отличные труды давала медаль во сто червонныхъ, которая стоила ей не болѣе трехсотъ рублей, а нынѣ стоитъ она болѣе тысячи. И такъ академія получаемыми ею доходами не можетъ нынѣ дѣлать даже и того, что̀ дѣлала прежде.

10-е. Посему, полагаемая въ представленномъ штатѣ на академію сумма *шестьдесятъ тысячъ* рублей, соображая увеличеніе цѣнъ, превосходитъ прежнюю токмо *двадцатью тысячами*; но сія прибавка можетъ послужить къ прибытку, а не къ убытку казнѣ, и притомъ употребляема быть съ лучшею несравненно пользою; ибо донынѣ подаваемыя государю императору книги часто безъ разсмотрѣнія ихъ печатаются на счетъ казны, и сочинителямъ ихъ дается награда. Но тогда таковыя книги могли бы отсылаемы быть въ академію, съ тѣмъ, чтобъ она сама, по разсмотрѣніи оныхъ, наградила трудившагося, или, буде книга не содержитъ въ себѣ ничего полезнаго, возвратила ее сочинителю въ собственное его съ нею распоряженіе.

11-е. Все сіе представляю я на благоусмотрѣніе, побуждаясь единственно общею пользою и долгомъ предсѣдательства

моего, дабы не быть укоряему совѣстію, что я во зло употребилъ довѣренность монаршую, и не имѣлъ о порученной мнѣ части должнаго попеченія. За симъ, по исполненіи всего моего долга, могу уже я спокойно молчать.

Президентъ академіи Александръ Шишковъ.

31 марта 1817 года.

Въ проектѣ своемъ Шишковъ, постоянно увлекавшійся, требовалъ отъ академіи невозможнаго. Сверхъ составленія нѣсколькихъ словарей и другихъ трудовъ, о которыхъ мы упомянули выше, академики должны были извлекать изъ сочиненій, изданныхъ на разныхъ языкахъ, *всѣ тѣ мѣста*, гдѣ говорится что̀-либо заслуживающее вниманія и любопытное о русскомъ языкѣ и народѣ; всѣ такія мѣста отыскивать, собирать и переводить, дѣлая на нихъ свои замѣчанія, подтверждая справедливое, указывая ошибочное и обличая лживое и невѣжественное. Сверхъ того академія должна была истолковывать и объяснять неизвѣстныя слова и темныя мѣста, встрѣчающіяся въ древнихъ памятникахъ; исправлять ошибки древнихъ и старинныхъ переписчиковъ; приводить въ извѣстность «древнее населеніе земли, положеніе городовъ, мѣста знаменитыхъ битвъ, оружіе, *народные нравы, обычаи*, одежду и проч.; словомъ — собирать все то̀, что̀ открываетъ коренныя понятія въ составѣ языка» и служитъ къ объясненію древнихъ и забытыхъ памятниковъ исторической жизни и литературы, и т. д. [197]).

Составленный Шишковымъ проектъ устава россійской академіи переданъ былъ, по волѣ государя, на разсмотрѣніе особаго комитета, въ который вошли слѣдующія лица: главнокомандующій въ С.-Петербургѣ Серг. Козм. Вязмитиновъ, министръ юстиціи Дм. Прокоф. Трощинскій и исправляющій должность министра народнаго просвѣщенія князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Въ совѣщаніяхъ принималъ участіе и Шишковъ. По разсмотрѣніи въ комитетѣ, уставъ россійской академіи былъ

утвержденъ государемъ 29 мая 1818 года, въ городѣ Данковѣ. Изъ проекта Шишкова исключено комитетомъ слѣдующее мѣсто:

«Опытъ показалъ, сколь много сообщество подъ названіемъ Бесѣды любителей русскаго слова приносило доселѣ удовольствія и пользы: оно открытыми чтеніями своими привлекало и увеселяло часто до трехсотъ и болѣе посѣтителей изъ знаменитыхъ духовныхъ и свѣтскихъ обоего пола особъ; оно, принося имъ удовольствіе, вмѣстѣ съ онымъ, такъ сказать, раздувало въ умахъ и сердцахъ ихъ огонь любви къ отечественному языку, къ собственнымъ своимъ произведеніямъ; оно отворяло младымъ, пламеннымъ умамъ врата предстать предъ судилище многочисленнаго, почтеннаго, просвѣщеннаго собранія, и пріобрѣсть остротою озареннаго науками ума и навыкомъ пріятнаго въ чтеніи произношенія, лестный для начинающаго лавръ похвалъ, поощряющій къ новымъ трудамъ и подвигамъ на семъ скользкомъ поприщѣ. Отсюда расширялось знаніе и рождалось соревнованіе. Общество сіе, толико полезное, состояло большею частію изъ членовъ россійской академіи и дѣлало собранія свои въ частномъ домѣ и безъ достаточныхъ къ тому средствъ. Сколь же бы прочнѣе, приличнѣе и важнѣе было, когда бы то жь самое происходило въ стѣнахъ посвященнаго наукамъ храма, въ стѣнахъ академіи? Для произведенія въ дѣйство сего нужно построить особую приличную для сего залу. Домъ академическій весьма удобенъ для пристроенія оной, и потому, если вашему императорскому величеству благоугодно будетъ уставъ сей утвердить, то 1-е, отпускъ нынѣ производимыхъ въ академію суммъ изъ Кабинета долженъ быть прекращенъ, поелику всѣ суммы имѣютъ быть впредь производимы изъ государственнаго казначейства, и 2-е, вслѣдъ за симъ поднесены будутъ планъ и смѣта на высочайшее усмотрѣніе».

Число членовъ россійской академіи, какъ по уставу, такъ и по всѣмъ его проектамъ, полагалось шестьдесятъ. При выборѣ членовъ невсегда руководствовались одними и тѣми же началами

и соображеніями. Въ первообразѣ уставовъ — «краткомъ начертаніи россійской академіи» сказано только, что члены должны быть избираемы изъ «извѣстныхъ людей, знающихъ россійскій языкъ». По проекту устава, составленному въ восемнадцатомъ столѣтіи, для выбора въ члены россійской академіи требовались «нужныя знанія и способности» и какое-либо «знаменитое сочиненіе», написанное на русскомъ языкѣ. По проекту Шишкова, въ члены россійской академіи избираются «изъ всего круга» русскихъ ученыхъ и литераторовъ, которыхъ «имя и труды сдѣлались уже извѣстны».

Въ числѣ разнообразныхъ мотивовъ, указываемыхъ при выборѣ того или другаго члена, находимъ: отличное знаніе россійскаго слова; труды въ области русской словесности; знаніе и «любленіе» отечественнаго языка; чистота и правильность слога въ литературныхъ произведеніяхъ и т. п.

Иногда принимались во вниманіе и посторонніе обстоятельства, какъ напр. начальство въ духовныхъ училищахъ, благонравіе и хорошее поведеніе, и т. п.

Выборы въ академики происходили обыкновенно по предложенію президента или членовъ; но иногда бывали случаи, что литераторы сами предлагали себя въ члены россійской академіи, какъ напр. князь Шаховской, Голенищевъ-Кутузовъ, и др. Въ письмѣ къ президенту россійской академіи Нартову, кураторъ московскаго университета Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ говоритъ: «Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ возрастающая во мнѣ склонность къ словесности, произведшая нѣкоторыя сочиненія и въ стихахъ и въ прозѣ, а паче любовь къ отечественному языку нашему, налагаютъ на меня священный долгъ изъявить сердечное мое сорадованіе о успѣхахъ и процвѣтаніи россійской академіи. Желая, по мѣрѣ силъ моихъ, содѣйствовать благимъ намѣреніямъ россійской академіи, осмѣливаюсь препроводить присемъ опыты трудовъ моихъ. Какъ оные, такъ и безпристрастное снисхожденіе ваше и всей академіи да внушатъ вамъ изреченіе приговора, долженствующаго рѣшить, *могу ли я*

быть сочленомъ вашимъ». Академія нашла, что литературные опыты Голенищева-Кутузова показываютъ его «знаніе въ языкѣ отечественномъ» и склонность къ словесности, а потому и даютъ ему право на званіе члена россійской академіи [198]).

Нѣсколько строже отнеслась академія къ желанію, заявленному генералъ-маіоромъ Завалишинымъ, въ слѣдующемъ письмѣ его къ президенту Нартову:

«Каждый соотечественникъ вашъ, въ свободныя минуты отъ должности своей съ возлюбленными музами иногда бесѣдующій, внимая гласу великаго покровителя наукъ, поставившаго ваше превосходительство на россійскомъ геликонѣ предсѣдательствующимъ, не долженъ ли воспылать новыми чувствами благодарности къ виновнику своего блаженства, августѣйшему всемилостивѣйшему нашему государю, видѣвши въ назначеніи вашего превосходительства на сіе знаменитое мѣсто новый опытъ его отеческаго и ежедневно усугубляющагося о счастіи своихъ вѣрноподданныхъ попеченія. Кто не пожелаетъ общежительствовать съ европейцомъ, коего умъ, науками просвѣщенный, сердце, добрымъ воспитаніемъ обработанное, душа, правилами нравственности упитанная, содѣлываютъ они, и заставляютъ желать его бесѣды? Кто не похощетъ воспользоваться сообществомъ такого человѣка. Ваше превосходительство вмѣщаете въ себѣ всѣ оныя качества, и кому неизвѣстна долговременная, отличная и безпорочная ваша служба? Кому не свѣдомы подъемлемые вами труды, на пользу общественную предпріятые и совершаемые? Всякій, дѣятельныхъ мужей замѣчающій, тò знаетъ, и о превосходныхъ вашихъ дарованіяхъ и ревности къ общему дѣлу несумнѣнно въ душѣ своей увѣренъ. Любовь ваша къ отечеству и наукамъ какою лестною надеждою упоеваетъ сердца истинно васъ почитающихъ, неложныхъ любителей россійскаго слова. Говорите: всякое дѣло мастера боится. Вы — мастеръ своего дѣла, не только просвѣщенный, но безпристрастный и умѣющій и отличать и уважать дарованія своихъ собратій. Ваша ревность, трудолюбіе, съ свойственной вамъ справедливостію, всеконечно не

преминутъ распространить, поощрить и возвысить донынѣ увядавшую нашу словесность.

Ваше превосходительство, ставши президентомъ вольнаго экономическаго общества, по единому о посильныхъ трудахъ моихъ вѣдѣнію, почтили меня, по ремеслу солдата, предложить въ сочлены онаго, и полезными согражданами я былъ избранъ. Я упражнялся, и люблю словесность. Вашему превосходительству то̀ небезъизвѣстно. Ежели заслужилъ, и вы сочтете меня достойнымъ быть предложену и помѣщену въ число почтенныхъ сочленовъ россійской академіи, коей вы нынѣ есть душа, то отличіе таковое поставлю себѣ за отмѣнную честь».

Въ отвѣтъ на это заявленіе академія назначила Завалишину своего рода искусъ — поручила написать похвальное слово Суворову на томъ основаніи, что «академія непреложнымъ поставила себѣ правиломъ помѣщать на праздное мѣсто члена россійской академіи такихъ мужей, которыхъ бы творенія и переводы были ей предварительно извѣстны, и которые бы показали *новые опыты трудовъ и способностей своихъ* въ россійской словесности сочиненіемъ, каковое она сама имъ предложитъ». Выборъ предложенной задачи объясняется тѣмъ, что Завалишинъ участвовалъ во многихъ походахъ Суворова. При этомъ было заявлено, что академія не преминетъ отдать должную справедливость автору, если найдетъ сочиненіе его удовлетворительнымъ. Повидимому онъ не оправдалъ ожиданій академіи: по крайней мѣрѣ имени его не встрѣчается въ спискѣ ея дѣйствительныхъ членовъ [199]).

Бывали, хотя чрезвычайно рѣдко, и такіе случаи, что лица, избираемыя академіею, отказывались отъ предложенной имъ чести принять званіе члена россійской академіи. Такъ поступилъ генералъ-маіоръ Ив. Ив. Русановъ, отказавшійся отъ званія члена россійской академіи подъ предлогомъ многочисленныхъ занятій по должности, но въ дѣйствительности отказъ этотъ могъ произойти подъ вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія. При балотировкѣ Русанова голоса раздѣлились пополамъ: избирательныхъ шесть и неизбирательныхъ также шесть [200]).

До устава 1818 года въ россійской академіи не существовало званія почетныхъ членовъ. Оно введено — поясняется въ уставѣ — по примѣру всѣхъ ученыхъ обществъ въ Европѣ. Уставомъ 1818 года дозволялось избирать въ почетные члены и женщинъ; но дозволеніе это, повидимому, осталось только на бумагѣ: въ спискѣ почетныхъ членовъ не находится ни одного женскаго имени. По свѣдѣніямъ, обнародованнымъ россійскою академіею, число ея почетныхъ членовъ простиралось до сорока пяти, въ періодъ съ 1818 г. по 1838 г. Не лишены своего рода интереса тѣ основанія, по которымъ производились выборы въ почетные члены россійской академіи. Невольно вспоминаются при этомъ подобные же выборы въ академіи наукъ. Такъ напримѣръ адмиралъ Павелъ Васильевичъ Чичаговъ былъ представленъ въ почетные члены академіи наукъ, «какъ любитель наукъ, художествъ, всѣхъ ученыхъ и всѣхъ художниковъ» [201]).

Президентъ россійской академіи Шишковъ предложилъ, «не угодно ли будетъ ей избраніемъ въ почетные члены свои оказать достодолжное уваженіе начальнику морскаго штаба, князю Александру Сергѣевичу Меншикову, какъ по военнымъ заслугамъ своимъ знаменитому, такъ и по извѣстной любви его къ наукамъ и *просвѣщенной словесности*» [202]).

Павелъ Николаевичъ Демидовъ избранъ въ почетные члены россійской академіи «за покровительство произведеніямъ отечественной словесности и русскимъ ученымъ, въ поощреніе коихъ учредилъ онъ преміи по 20000 рублей въ годъ».

Оберъ-прокуроръ св. синода графъ Протасовъ избранъ въ почетные члены россійской академіи «за дѣятельное участіе, принимаемое имъ въ управленіи по народному просвѣщенію» [203]).

Генералъ-адъютантъ графъ Карлъ Ѳедоровичъ Толь предложенъ и избранъ въ почетные члены россійской академіи за «заслуги на поприщѣ военныхъ дѣлъ и государственнаго управленія, извѣстныя всѣмъ вообще», и т. п. [204]).

Нѣкоторые изъ почетныхъ членовъ, какъ и многія изъ лицъ нашего образованнаго общества, смѣшивали *Россійскую академію*

съ *Академіею наукъ*. Пав. Ник. Демидовъ, въ письмѣ изъ Флоренціи, благодаритъ за избраніе его въ почетные члены *«россійской академіи наукъ»*.

Ближайшимъ поводомъ къ избранію Меззофанти въ почетные члены россійской академіи послужило слѣдующее письмо знаменитаго лингвиста къ нашему резиденту въ Римѣ:

Милостивый государь

Павелъ Ивановичъ,

Уже давно получилъ я въ Болоніи Извѣстія россійской академіи, ко мнѣ отправленныя съ г. генераломъ графомъ Остерманомъ, и немедленно свидѣтельствовалъ тогда должную свою благодарность г. президенту императорской россійской академіи адмиралу Александру Семеновичу Шишкову, который благоволилъ мнѣ показать такую милость. Пользуясь теперь даннымъ мнѣ случаемъ, повторяю г. президенту мое благодареніе, и его прошу благосклонно прислать продолженіе онаго сочиненія отъ *10* книжки донынѣ.

Уповая чрезъ милостивое ваше превосходительство достигнуть желаемаго, имѣю честь съ глубокимъ почтеніемъ пребывать

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

І. К. Меззофанти.

Римъ,
апрѣля 26 дня 1839.

Получивъ копію съ письма Меззофанти, президентъ академіи Шишковъ обратился къ сочленамъ своимъ съ такимъ предложеніемъ:

«Кардиналъ Меззофанти, какъ всѣмъ извѣстно, одаренъ рѣдкою способностію изучать всѣ языки, какъ древніе, такъ и новые. Въ доказательство того, какъ онъ хорошо владѣетъ нашимъ

славенороссійскимъ языкомъ, представляю у сего списокъ съ письма его, писаннаго къ резиденту нашему въ Римѣ г. Кривцову отъ 26 апрѣля сего года. Посему, и на основаніи устава академіи, имѣю честь предложить г. Меззофанти въ почетные члены. Симъ избраніемъ россійская академія окажетъ достойную честь сему, можно сказать, удивительному языкознателю» [205]).

До какой степени простиралось умѣнье Меззофанти владѣть русскимъ стихомъ, можно видѣть изъ двухъ его стихотвореній, посвященныхъ одно — Александру Ивановичу Тургеневу, другое—князю Петру Андреевичу Вяземскому:

Ахъ! что свѣтъ!
Все въ немъ тлѣнно,
Все премѣнно,
Мира нѣтъ.
Я въ себѣ
Безпокоенъ.
Гдѣ покоенъ
Буду, Боже,
Гдѣ? — Въ Тебѣ....

Хоть русскихъ славныхъ музъ я слышу съ удивленьемъ,
Могу-ли подражать я, иностранецъ, пѣньемъ?
И вами хоть теперь дана мнѣ *Бирюза*,
Какъ ваши, нѣжные стихи писать нельзя.
Не только тò: совсѣмъ стихи писать не можно;
А васъ благодарить за вашу книгу должно.
Что дѣлать? Сердца дамъ простой и вѣрный знакъ,
Дамъ благодарности знакъ: *Да какъ бы не такъ.*

Стихи князю Вяземскому, съ намеками на его сочиненія, написаны по случаю присылки перваго тома «Новоселья». По сви-

дѣтельству лицъ, знавшихъ Меззофанти, онъ съ наслажденіемъ читалъ «Бориса Годунова» и «Бахчисарайскій фонтанъ» Пушкина, и вообще принималъ живое участіе въ явленіяхъ русской литературы. Называя Ломоносова отцомъ русской словесности, Меззофанти вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ: «Ломоносовъ — такой высокопарный; теперь у васъ пишутъ легче», и т. п. [206]).

При избраніи наслѣдника-цесаревича, впослѣдствіи императора Александра II, въ почетные члены россійской академіи возникъ вопросъ о томъ, должна ли академія отступить отъ своего основнаго, выборнаго начала и слово: *избраніе* замѣнить другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ въ такомъ исключительномъ случаѣ. Шишковъ, какъ президентъ, обратился къ наслѣднику престола съ слѣдующимъ заявленіемъ о единодушномъ желаніи академіи:

Ваше императорское высочество,

Россійская императорская академія, основанная Великою Екатериною, ущедренная благословеннымъ Александромъ, и покровительствуемая нынѣ благополучно царствующимъ государемъ императоромъ, родителемъ вашимъ, состоящая изъ шестидесяти настоящихъ и нѣкотораго числа почетныхъ членовъ, заслугами своими знаменитыхъ; академія сія поручила мнѣ просить ваше императорское высочество удостоить ее принятіемъ на себя званія почетнаго ея члена. Таковое, государь, благоволеніе къ ней ваше придало бы ей новый блескъ славы, возбудило бы въ ней новое рвеніе приносить трудами своими пользу россійскому слову, и осчастливленная имѣть сочленомъ своимъ наслѣдника престола пріумножила бы вѣсъ свой и цѣну не токмо въ отечествѣ нашемъ, но и во всей Европѣ.

Вашего императорскаго высочества

всенижайшій

президентъ академіи

адмиралъ Александръ Шишковъ.

Наслѣдникъ-цесаревичъ отвѣчалъ Шишкову:

«Для меня было весьма пріятно получить ваше письмо, коимъ вы сообщаете мнѣ желаніе россійской академіи *избрать* меня въ свои почетные члены. Съ удовольствіемъ соглашаясь возложить на себя это званіе, прошу васъ изъявить мою признательность членамъ академіи и увѣрить ихъ, что я буду всегда принимать живое участіе въ успѣхахъ ихъ дѣятельности, способствующей усовершенствованію нашего языка, неуступающаго никакому другому въ красотѣ и богатствѣ. Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы изъявить особенное мое уваженіе вамъ, достойному президенту академіи, заслужившему благодарность отечества столь многими полезными трудами».

По существующему обычаю, академія должна была изготовить дипломъ, и одинъ изъ выдающихся членовъ россійской академіи, А. Н. Оленинъ, писалъ непремѣнному секретарю:

«До меня дошли слухи, что въ редакціи диплома, подносимаго отъ россійской академіи его императорскому высочеству государю наслѣднику цесаревичу и великому князю Александру Николаевичу на званіе почетнаго члена сей академіи, между прочимъ сказано, что «она *избрала* его высочество въ сіе званіе по общему желанію ея членовъ». Позвольте мнѣ замѣтить, милостивый государь (какъ одному изъ старшихъ членовъ сей академіи), что слово: *избрала* не приличествуетъ въ семъ случаѣ къ высокой той особѣ, къ которой сія рѣчь въ дипломѣ обращена.

Россійская академія можетъ, по мнѣнію моему, *всеусерднѣйше просить* наслѣдника всероссійскаго престола *удостоить, осчастливить ее*, принятіемъ званія почетнаго ея члена, но *избирать* его высочества въ свои сочлены кажется неприлично».

Но несмотря на заявленіе Оленина, академія единогласно одобрила слѣдующій проектъ диплома:

«Подъ высочайшимъ покровительствомъ всепресвѣтлѣйшаго,

державнѣйшаго великаго государя,

Николая Павловича,

императора и самодержца всероссійскаго,

и пр. и пр. и пр.

«Императорская россійская академія, основанная и покровительствуемая великими отечества нашего самодержцами, по общему желанію всѣхъ ея членовъ *избрала* его императорское высочество государя цесаревича и великаго князя Александра Николаевича, наслѣдника всероссійскаго престола, въ почетные свои члены, и удостоенная соизволеніемъ его на то̀, имѣетъ счастіе, на основаніи Устава своего, поднесть его императорскому высочеству дипломъ на сіе званіе» [207]).

Обычай выдавать дипломы появляется въ россійской академіи только въ началѣ девятнадцатаго столѣтія.

Въ 1801 году представленъ Лепехинымъ такой проектъ академическаго диплома: «Подъ высочайшимъ покровительствомъ всепресвѣтлѣйшаго, державнѣйшаго, великаго государя императора и самодержца всероссійскаго, и проч., и проч., и проч., императорская россійская академія, отдавая должную справедливость извѣстному ей въ словесныхъ наукахъ и отечественномъ языкѣ нашемъ знанію..., силою сего, по общему согласію, объявляетъ своимъ сочленомъ и соучастникомъ во всѣхъ трудахъ своихъ, съ тѣмъ правомъ и преимуществомъ, каковыя отъ всемилостивѣйшаго монарха членамъ императорской россійской академіи пожалованы и впредь опредѣляемы быть могутъ. Данъ въ Санктпетербургѣ....» [208]).

Въ 1804 году президентъ Нартовъ предложилъ собранію «отпечатанный дипломъ для членовъ россійской академіи, *котораго они до сего времени не имѣли*, слѣдующаго содержанія: «Подъ высочайшимъ покровительствомъ, и проч., императорская

россійская академія, отдавая должную справедливость извѣстному ей въ словесныхъ наукахъ и отечественномъ языкѣ нашемъ знанію и упражненію .... избрала .... и силою сего, по общему согласію, признаетъ своимъ членомъ. Данъ въ С.-Петербургѣ, мѣсяца .... дня .... года» [209]).

Со времени учрежденія россійской академіи, въ основу академической жизни положены два начала: свободный выборъ и равноправность. Невсегда впрочемъ начала эти обнаруживались съ одинаковою силою и послѣдовательностью. Вліяніе общественной среды, съ ея обычаями и порядками, отражалось и на судьбѣ академіи.

По убѣжденію первыхъ дѣятелей россійской академіи, крѣпчайшій союзъ, связующій ея членовъ, состоитъ въ ихъ *равенствѣ*, и управленіе всѣми дѣлами академіи должно находиться въ рукахъ ея членовъ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Президентъ, или по тогдашнему названію предсѣдатель, долженъ имѣть «почести и голосъ, равные каждому члену» [210]). Академики считали своимъ правомъ избирать не только своихъ сочленовъ, но и президента. Такимъ образомъ избрана, въ 1801 году, предсѣдателемъ кн. Дашкова, тогда же отказавшаяся принять это званіе по невозможности жить постоянно въ Петербургѣ. По уставу россійской академіи, «президентъ не есть начальникъ ея, а только первенствующій въ ней: онъ не повелѣваетъ, а предлагаетъ, соглашаетъ и убѣждаетъ». Если президентъ вмѣстѣ съ тѣмъ и членъ академіи, то онъ имѣетъ два голоса; если же не членъ, то одинъ только свой голосъ, какъ и всѣ члены академіи вообще.

Для характеристики тогдашнихъ нравовъ любопытны указанія и правила, какъ члены россійской академіи должны вести себя въ академическихъ засѣданіяхъ. Въ проектѣ устава, составленномъ вскорѣ по учрежденіи академіи, требуется, чтобы члены россійской академіи, присутствуя въ академическихъ засѣданіяхъ, «предлагали свои мнѣнія, какъ въ разговорахъ, такъ и въ сочиненіяхъ, съ пристойнымъ мѣсту уваженіемъ и безъ

личнаго огорченія». По уставу академіи, получившему силу закона, споръ между сочленами допускается только до тѣхъ поръ, пока онъ ведется «съ хладнокровіемъ»; но когда спорящіе начинаютъ «горячиться», то президентъ прекращаетъ состязаніе, предлагая сторонамъ письменно изложить свои мнѣнія съ надлежащими доказательствами. Президентъ Нартовъ, вступая въ управленіе академіею, счелъ умѣстнымъ обратиться къ своимъ новымъ сочленамъ съ слѣдующимъ заявленіемъ: «Долгъ и благопристойность обязываютъ каждаго члена не токмо споспѣшествовать трудами и способностями своими къ преуспѣянію предпріемлемаго Обществомъ труда, но и кротостію, благонравіемъ и вѣжливостію своею доставлять оному честь и уваженіе». Поэтому онъ, какъ президентъ, «за нужное почитаетъ напомнить:

Чтобы во время собранія не заниматься разговорами о предметахъ постороннихъ, ибо сіе послужило бы къ замедленію общаго дѣла.

Дабы, когда президентъ дѣлаетъ свое предложеніе, а члены — представленія, слушать со вниманіемъ, не перебивая онаго, и подавать свой голосъ по порядку, начиная съ младшаго члена.

Чтобы при разсужденіяхъ и подаваніи своего мнѣнія воздерживаться отъ колкихъ и оскорбительныхъ выраженій, яко несвойственныхъ мужамъ благовоспитаннымъ и носящимъ на себѣ званіе членовъ знаменитой академіи, — и

Чтобы никто изъ гг. членовъ не представлялъ кого-либо въ члены академіи, не увѣдомивъ о томъ предварительно президента, дабы онъ имѣлъ время получить обстоятельное свѣдѣніе о знаніяхъ и способностяхъ представляемой въ члены особы» [211]).

Членамъ россійской академіи, присутствовавшимъ въ академическихъ засѣданіяхъ, выдавались *жетоны*, или *дарики*. Въ «начертаніи», которое послужило первымъ уставомъ для академіи, сказано: «Собраніямъ быть каждую недѣлю одинъ разъ, а по окон-

чаніи каждаго да дастся присутствующему члену *жетонъ*». Въ уставѣ 1818 года: «По окончаніи каждаго собранія казначей подноситъ президенту и всѣмъ присутствующимъ членамъ по одному серебряному академическому *дарику*».

Первоначальная форма жетона была четвероугольная. На лицевой сторонѣ: вензель Екатерины II, основательницы академіи, окруженный лаврами, и надпись: *Императорская россійская академія*. На оборотной сторонѣ: символическія изображенія — *ключъ* и *книга*: ключъ премудрости, повѣшенный на земномъ шарѣ, означаетъ *Грамматику*, открывающую путь къ знаніямъ и неразрывно связанную съ *Поэзіею* и *Краснорѣчіемъ*; книга служитъ эмблемою *Просвѣщенія*, т. е. просвѣтительной дѣятельности академіи. Книга лежитъ на цоколѣ, на которомъ надпись: *21 октября 1783*, день открытія россійской академіи [212]).

Императоръ Павелъ I приказалъ измѣнить видъ жетоновъ — вмѣсто четвероугольныхъ дѣлать ихъ круглыми. Вмѣсто вензеля Екатерины II появился на жетонахъ вензель Павла I. На оборотной сторонѣ: книга, на ней земной глобусъ, къ которому прикрѣплены: ключъ, лира и кадуцей — символъ мира и атрибутъ Меркурія; на глобусѣ сова — символъ мудрости.

Императоръ Александръ I повелѣлъ снова изображать на академическихъ жетонахъ имя Екатерины II. Въ рескриптѣ президенту россійской академіи Нартову, 13 іюня 1801 года, говорится: «Что принадлежитъ до жетоновъ, они должны носить имя первой учредительницы академіи—великія Екатерины, какъ знакъ признательности, составляющій истинную честь для самой академіи».

Такъ какъ жетоны выдаваемы были въ видѣ вознагражденія, то количество выдаваемыхъ жетоновъ опредѣлялось ихъ цѣнностью. На вопросъ медальера монетнаго департамента о цѣнѣ жетоновъ, непремѣнный секретарь россійской академіи Ив. Ив. Лепехинъ отвѣчалъ (въ 1798 г.), что на основаніи именнаго указа императрицы Екатерины II «цѣна жетоновъ должна быть въ восемьдесятъ копеекъ». За двѣсти семьдесятъ жетоновъ вне-

сено, въ 1799 году, въ монетный департаментъ 216 рублей. За купленные (въ 1800 году) тридцать жетоновъ заплачено 10 р. 40 к., и т. д.

Мы уже имѣли случай замѣтить, что распредѣленіе жетоновъ, предложенное кн. Дашковою, указываетъ, по существу своему, на одну изъ свѣтлыхъ сторонъ тогдашней академической жизни. Обративши вниманіе на то̀, что члены академіи, присутствующіе въ ея собраніяхъ, исполняютъ обязанности, которыя лежатъ на *всѣхъ* членахъ безъ исключенія, кн. Дашкова предложила, чтобы въ каждое собраніе выдавать присутствующимъ половину того числа жетоновъ, которое положено на *полное* академическое собраніе. Въ числѣ причинъ для подобнаго распредѣленія Дашкова указала между прочимъ на то̀, что нѣкоторые изъ присутствующихъ, «не имѣя своихъ лошадей, принуждены употреблять наемныхъ». Чтобы такого рода возмездіе не было нисколько оскорбительно для членовъ-бѣдняковъ, кн. Дашкова изъявила желаніе сама получать жетоны, и такимъ образомъ «не показать отличности и соблюсти *равенство*» между всѣми членами академіи, безъ различія въ званіяхъ, сословіяхъ и матеріальныхъ средствахъ.

На томъ основаніи, что «академія можетъ достаточно изворачиваться осьмьюсотнымъ числомъ жетоновъ» въ годъ, постановлено было выдавать въ каждое собраніе по тридцати жетоновъ, распредѣляя ихъ поровну между членами, присутствовавшими въ собраніи. Войдя въ подробное исчисленіе своихъ доходовъ, академія признала возможнымъ распредѣлять, въ каждое собраніе, между присутствующими членами не половину, а все количество жетоновъ, т. е. шестьдесятъ. Такое распредѣленіе началось съ 3 декабря 1799 года. Впослѣдствіи, именно съ 17 ноября 1800 года, принято за правило: выдавать полное количество жетоновъ только тогда, когда въ собраніи бываетъ болѣе десяти членовъ; если же число присутствующихъ не будетъ превышать десяти, то ограничиться выдачею тридцати жетоновъ [213]).

Жетоны служили обычнымъ, установленнымъ вознагражденіемъ для посѣтителей академическихъ собраній. Иного рода награды ожидали тѣхъ изъ членовъ россійской академіи, которые содѣйствовали обогащенію отечественной литературы, внося въ нее свои посильные вклады. Уже въ первомъ «начертаніи» академіи говорится: «Признанные, по большинству баловъ, отличившимися трудомъ и пользою, имѣютъ получить большую золотую медаль». Академія считала и своимъ правомъ и своею обязанностью награждать трудолюбіе и *таланты*.

Вопросъ о *талантахъ* и правильной ихъ оцѣнкѣ былъ однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ академической жизни. Способомъ его рѣшенія опредѣляется тотъ взглядъ на россійскую академію, который сложился въ литературныхъ кругахъ, а отчасти и въ обществѣ. По проекту устава, составленному въ началѣ царствованія императора Александра I, академическія награды должны были служить поощреніемъ и поддержкою преимущественно для молодыхъ дарованій. Подобно Новикову, нежелавшему, по его собственнымъ словамъ, брать себѣ на душу невниманіе къ начинающимъ труженикамъ, составители проекта, о которомъ идетъ рѣчь, находили, что «слабые опыты предзнаменуютъ иногда великаго писателя, и академическія награжденія могутъ открыть дарованіе, кроющееся въ отдаленности и самому себѣ неизвѣстное, *особливо въ юности*», и т. д. Нѣсколько иначе взглянулъ на дѣло Шишковъ, и его диктатура въ академіи отразилась, прямо или косвенно, и въ оцѣнкѣ литературныхъ дарованій и въ присужденіи академическихъ наградъ. Вслѣдствіе положенія, занятаго Шишковымъ въ россійской академіи, право открывать и награждать дарованія всецѣло принадлежало президенту. Что̀ вышло изъ этого,—показываютъ отношенія, упорно державшіяся, между россійскою академіею и тогдашнимъ литературнымъ міромъ. Послѣдующія поколѣнія писателей усвоили взглядъ своихъ предшественниковъ на академію, на которую когда-то возлагали столько хорошихъ надеждъ.

Шишковъ говоритъ: «Академія безъ людей съ талантами ни-

чего не можетъ сдѣлать, а *таланты рождаются ободреніемъ»*, и «какой судъ справедливѣе суда цѣлаго общества, обязаннаго пещись *о возникеніи талантовъ»*, т. е. суда россійской академіи. Въ распредѣленіи наградъ указана Шишковымъ постепенность, опредѣляемая *успѣхами* соискателей: Если «кто изъ членовъ окажетъ *хорошіе успѣхи* въ относительныхъ къ языку или разбору онаго упражненіяхъ», то академія «тотчасъ» назначаетъ ему награду, состоящую или въ золотой медали или въ единовременномъ денежномъ дарѣ. Если успѣхи награжденнаго члена все болѣе и болѣе возрастаютъ, то онъ получаетъ пенсію ежегодную, а наконецъ и пожизненную. Если «таковые таланты начнутъ открываться не въ членѣ академіи», то академія поступаетъ точно такъ же, съ тою только разницею, что въ число наградъ полагаетъ избраніе его въ члены академіи, и т. д.

Нагляднымъ знакомъ вниманія академіи къ трудамъ и заслугамъ писателей преимущественно служили золотыя медали. Первоначально на медаляхъ было, съ одной стороны, изображеніе основательницы россійской академіи, императрицы Екатерины II, а на другой сторонѣ—надпись: *Россійскому слову отличную пользу принесшему.* Въ началѣ царствованія императора Александра I, президентъ россійской академіи Нартовъ ходатайствовалъ, чтобы сверхъ существующихъ медалей, утверждены были новыя въ награду за «небольшія сочиненія или переводы» и «для возбужденія въ членахъ благороднаго соревнованія». На одной сторонѣ учреждаемыхъ медалей — изображеніе государя и надпись: *Александръ I Покровитель*; на другой сторонѣ— «Геній съ распростертыми крыльями и пламенемъ на головѣ, для означенія, что генію свойственно возвышаться и блистать. Книги, у ногъ его положенныя, знаменуютъ, что геній не иначе, какъ только съ помощію познаній распространяется и усовершается. Орелъ показываетъ отважность и пареніе выспрь, яко свойства, генію сродныя. Различные вѣнки на столпѣ означаютъ, что слава есть награда генія. Лучи, упадающіе на его лицо, показуютъ, что геній есть даръ природы, а не ученіемъ пріобрѣ-

тается. Вокругъ его надпись: «Отъ императорской россійской академіи» [214]).

Въ первый періодъ существованія россійской академіи увѣнчаны золотыми медалями члены ея: Болтинъ, Лепехинъ, Румовскій и нѣкоторые другіе; во второй періодъ: Карамзинъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Жуковскій и нѣсколько второстепенныхъ и третьестепенныхъ литераторовъ. Обиліе талантовъ, открываемыхъ Шишковымъ, подрывало авторитетъ академіи, возбуждая недовѣріе къ ея приговорамъ и къ ея взглядамъ на литературные вопросы.

Авторское самолюбіе не знало предѣловъ; не довольствуясь общепринятымъ вознагражденіемъ требовали отъ академіи исключительныхъ наградъ. Членъ россійской академіи Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ перевелъ стихами Теокрита, и предоставляя изданіе этого перевода академіи, предложилъ ей нѣкоторыя условія, которыя называлъ умѣренными и безкорыстными. «При изданіи Ѳеокрита—пишетъ Голенищевъ-Кутузовъ—желанія мои суть слѣдующія:

— Чтобы мнѣ данъ былъ отъ академіи дипломъ, въ коемъ бы были означены труды мои, въ пользу россійской словесности понесенные, и изъяснено бы было какъ о изданіи моихъ сочиненій, такъ Пиндара и Ѳеокрита.

— Чтобы мнѣ дана была медаль, коей ни цѣны, ни величины я не означаю; но чтобы оная была мнѣ знакомъ отличнаго академіи члена.

— Чтобы академія, сдѣлавъ отъ себя государю императору приношеніе моего перевода, объяснила, что я — переводчикъ сего изданія, и просила государя, чтобы обратилъ высочайшее свое вниманіе *на меня, яко на человѣка*, отлично въ пользу россійской словесности подвизавшагося, и переводомъ двухъ классическихъ авторовъ, *сдѣлавшаго тò, чего ни одинъ россіянинъ никогда не сдѣлалъ*», и т. д. [215]).

Заслуживаютъ вниманія, по отношенію къ возникавшей мысли о славянской взаимности, почетныя награды, которыми

россійская академія выразила свое сочувствіе къ дѣятельности замѣчательнѣйшихъ славянскихъ писателей и ученыхъ того времени. Академія присудила золотыя медали (средней величины, въ пятьдесятъ червонныхъ) Коллару, Шафарику, Ганкѣ, Юнгману, Копитару. Извѣщая о полученіи медали, Копитаръ прислалъ въ академію печатное извѣстіе о томъ, какое употребленіе онъ сдѣлалъ изъ академической награды. Золотую медаль россійской академіи онъ приложилъ къ табакеркѣ, полученной имъ отъ австрійскаго императора, и цѣну ихъ раздѣлилъ между двумя нуждающимися тружениками, посвятившими себя изученію славянства [216]).

Добровскій и Неѣдлы избраны были въ почетные члены россійской академіи.

Не ограничиваясь медалями, академія раздавала и денежныя награды и пособія, и притомъ съ большою щедростью. Россійская академія назначила изъ своихъ средствъ пенсію Караджичу, и сверхъ того дала ему возможность совершить путешествіе для собиранія пѣсенъ и другихъ произведеній народной словесности. Въ награду за литературные труды академія выдала изъ своихъ суммъ Д. И. Языкову четыре тысячи рублей, а Сергѣю Николаевичу Глинкѣ четыре тысячи пятьсотъ. За тринадцатилѣтное, безвозмездное, управленіе академическою типографіею выдано Петру Ивановичу Соколову тринадцать тысячъ рублей изъ суммъ россійской академіи, и т. д. [217]).

Возможность производить подобныя выдачи объясняется весьма удовлетворительнымъ состояніемъ денежныхъ средствъ академіи. Еще при княгинѣ Дашковой построены два дома, приносившіе доходъ академіи, и внесено въ воспитательный домъ на храненіе 49000 рублей, принадлежащихъ россійской академіи. Со смертію Екатерины настали для академіи печальныя времена. Вскорѣ по возшествіи на престолъ императора Павла I послѣдовалъ указъ о прекращеніи ежегоднаго отпуска изъ Кабинета 6500 рублей, назначенныхъ Екатериною II на содержаніе россійской академіи. Но съ воцареніемъ Александра I воз-

вращено было академіи все то̀, что̀ было даровано ей Екатериною II. Въ рескриптѣ на имя президента сказано: «Внявъ представленному Намъ описанію настоящаго положенія россійской академіи, и желая возвратить ей всѣ способы къ пользѣ и просвѣщенію сообразно цѣли ея учрежденія, повелѣли Мы ежегодный отпускъ изъ Кабинета опредѣленныхъ на содержаніе ея шести тысячъ двухсотъ пятидесяти рублей возстановить», и т. д. [218]). Доходы академіи постепенно увеличивались, и въ 1836 году капиталы россійской академіи, находившіеся въ Заемномъ банкѣ и въ Сохранной казнѣ Воспитательнаго дома, простирались до полумилліона рублей, а именно:

Хозяйственная сумма	295000
Кабинетная сумма...............	30561
Типографская сумма............	173439
Итого...	499000 рублей.

Уже при назначеніи крупной денежной выдачи П. И. Соколову императоръ Николай Павловичъ замѣтилъ, что россійская академія очень богата. Разсматривая же смѣту расходовъ по министерству народнаго просвѣщенія на 1837 годъ, государь приказалъ: изъ принадлежащей россійской академіи экономической суммы, обратить четыреста тысячъ на постройку обсерваторіи на Пулковской горѣ. Вслѣдствіе этого россійская академія передала для пулковской обсерваторіи всю свою хозяйственную сумму (295000) и 105000 изъ своей кабинетной суммы [219]).

Главными источниками дохода служили для академіи построенные ею дома, отдаваемые въ наемъ, и типографія.

Въ проектѣ устава, который разсматривался въ первыхъ собраніяхъ академіи, говорится:

«Домъ для собраній академическихъ имѣетъ быть казенный». Извѣстіе о первомъ академическомъ домѣ находимъ въ описаніи Петербурга, вышедшемъ въ концѣ прошлаго столѣтія: «Императорская россійская академія имѣетъ свои засѣданія въ преж-

немъ Ашевомъ, а нынѣ ей принадлежащемъ каменномъ домѣ, по лѣвой сторонѣ Фонтанки, за Обуховымъ мостомъ. На большомъ мѣстѣ, что передъ домомъ, стоятъ два каменныя строенія по набережной» [220]. Домъ этотъ, по свидѣтельству самой академіи, «нажитъ почти собственными ея трудами», и лишившись дома она «не имѣла пристанища для своихъ собраній». Лишеніе послѣдовало по волѣ императора Павла.

Генералъ-прокуроръ Беклешовъ увѣдомилъ, что генералъ-аудиторъ князь Шаховскій просилъ о пожалованіи ему дома, принадлежащаго россійской академіи, и вслѣдствіе этого «нужно знать, для донесенія государю, можетъ-ли академія обойтись безъ дома, и на какое употребленіе она имъ располагаетъ». Академія отвѣчала, что владѣя старымъ одноэтажнымъ домомъ, и построивъ два отдѣльные, выходящіе на Фонтанку двух-этажные дома, т. е. два флигеля, «оными, въ нынѣшнемъ состояніи, она себя наипаче содержитъ» [221]). Бѣда повидимому миновала, но ненадолго. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовало повелѣніе: домъ россійской академіи съ однимъ изъ флигелей отдать военно-сиротскому дому, а другой флигель—департаменту удѣловъ [222]).

Оставшись безъ крова, россійская академія рѣшила представить государю всеподданнѣйшій докладъ слѣдующаго содержанія: «Россійская академія отъ высокомонаршихъ щедротъ имѣла каменный домъ, изъ трехъ отдѣленій состоящій, въ которомъ она собиралась для своихъ упражненій, и отъ коего имѣла нѣкоторый доходъ къ своему содержанію. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было высочайше повелѣть взять оный домъ подъ военно-сиротское училище и департаментъ удѣловъ. Съ того времени академія не имѣетъ пристанища для своихъ собраній, а поелику на Васильевскомъ острову въ первой линіи есть мѣсто, Московскимъ подворьемъ называемое, которое отъ давняго времени праздно, нынѣ отдается въ наемъ за 450 рублей въ годъ, и московскій митрополитъ, по ветхости строенія, самъ желаетъ оное продать. Россійская академія всепод-

даннѣйше проситъ Ваше Императорское Величество, по высокомонаршей милости и высочайшему покровительству, наградить ее тѣмъ подворьемъ для нужныхъ ея упражненій въ пользу словесныхъ наукъ» [223]). Началась любопытная переписка между Ник. Як. Озерецковскимъ, какъ представителемъ россійской академіи, московскимъ митрополитомъ Платономъ и Дм. Ник. Неплюевымъ, представившемъ государю всеподданнѣйшій докладъ россійской академіи [224]). Пререканія возникли по поводу цѣны московскаго подворья: митрополитъ находилъ, что оно стоитъ не менѣе десяти тысячъ, а россійская академія полагала, что оно стоитъ никакъ не болѣе трехъ тысячъ. Конецъ пререканіямъ положенъ рескриптомъ государя с.-петербургскому военному губернатору графу Палену 10 іюля 1800 года: «Московское подворье, состоящее на Васильевскомъ острову, въ первой линіи, со всею принадлежащею къ нему землею и строеніемъ, повелѣваемъ, числя въ казенномъ вѣдомствѣ, отдать подъ Нашу россійскую академію» [225]). 27 октября 1800 года академія имѣла первое свое собраніе въ пожалованномъ ей домѣ, въ которомъ «на сей случай изготовлено было зало для ея собранія» [226]. Для того, чтобы вмѣсто временнаго и случайнаго приспособленія имѣть что-либо болѣе прочнѣе, необходимы были значительныя денежныя средства. Они даны были Александромъ I, пожелавшимъ возвратить россійской академіи все то̀, что̀ считалось ея неотъемлемымъ достояніемъ при Екатеринѣ II. Высочайшимъ указомъ, даннымъ Кабинету 25 марта 1802 года, повелѣно: «Взамѣнъ удержанныхъ у Россійской академіи съ 29 декабря 1796 года по 13 іюня 1801 года суммъ, опредѣленныхъ на содержаніе ея изъ Кабинета, ежегодно по шести тысячъ по двѣсти по пятидесяти рублей, отпустить въ будущемъ году на постройку дома для той академіи двадцать пять тысячъ единовременно, да на изданіе ежемѣсячныхъ сочиненій и на воздаяніе за труды сочинителямъ и переводчикамъ классическихъ писателей отпускать каждый годъ, начавъ съ настоящаго, по три тысячи рублей» [227]). 12 іюля 1804 года происходило первое и торжественное собра-

ніе въ новомъ домѣ россійской академіи, построенномъ соотвѣтственно ея нуждамъ [228]). Впослѣдствіи построены: два каменные флигеля, съ портиками, службами и проч., по проекту архитектора Стасова, и второй каменный этажъ между двумя портиками для помѣщенія типографіи, по проекту архитектора Тона [229]).

XXXVI.

Россійская академія въ первый періодъ своего существованія, во времена Екатерины II и кн. Дашковой, пользовалась большимъ сочувствіемъ въ литературномъ мірѣ и въ образованнѣйшей части тогдашняго общества. Ученые и писатели видѣли въ россійской академіи учрежденіе, вызванное потребностями времени и добросовѣстно трудящееся на пользу отечественнаго языка и словесности. Одинъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ представителей нашей литературы, Фонвизинъ говоритъ: «Между неисчетными благами, коими Россія облагодѣтельствована отъ Екатерины Вторыя, должно считать и установленіе россійской академіи» [230]). Основаніе россійской академіи признавалось побѣдою просвѣщенія надъ невѣжествомъ, попиравшимъ свободу мысли и слова. По мнѣнію Княжнина, съ открытіемъ россійской академіи открылось обширное поле для дѣятельности русскихъ писателей и «даны крылья умамъ» [231]). На страницахъ Собесѣдника, имѣющаго неоспоримое значеніе для исторіи нашей журналистики вообще, помѣщались хвалебные восторженные отзывы о россійской академіи, избравшей своею задачею очищеніе и обогащеніе отечественнаго языка. Въ журналѣ «Зритель» находимъ такое замѣчаніе: «А чтобы умѣть въ Россіи порусски, это развѣ чудомъ почитается, а особливо когда россійская академія трудится въ опредѣленіи языку точности и силы, и *трудится съ желаемымъ успѣхомъ*» и т. д. [232]).

Въ литературѣ прошлаго столѣтія встрѣчаются и насмѣшки надъ россійскою академіею, но они направлены преимущественно на внѣшніе пріемы и случайности, не касаясь самой сущности

дѣла. Подобно тому, какъ издатели Собесѣдника обѣщали помѣщать въ своемъ журналѣ безъ малѣйшихъ измѣненій всѣ критики и сатиры на него, такъ и члены россійской академіи добродушно подсмѣивались надъ нею, печатая свои шутки въ академическомъ изданіи. Большая часть сатирическихъ замѣтокъ по адресу россійской академіи принадлежатъ перу основательницы ея Екатерины II, принимавшей прямое, непосредственное участіе въ академическихъ трудахъ и предпріятіяхъ.

Въ Собесѣдникѣ — журналѣ, издававшемся членами россійской академіи, помѣщена пародія на засѣданія россійской академіи, подъ названіемъ: «Ежедневная записка Общества незнающихъ» [233]). Сохранились какъ отрывки изъ нея, писанные рукою Екатерины II, такъ и собственноручная записка Екатерины о качествахъ члена Общества незнающихъ (ignorants) [234]). Объ отношеніи пародіи къ подлиннику, т. е. къ запискамъ, или протоколамъ россійской академіи, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ.

Въ запискѣ засѣданій россійской академіи: «По прочтеніи записокъ перваго академіи собранія, всѣ члены единогласно утвердили, чтобы оныя впредь единственно предсѣдателемъ и секретарями подписываемы были». Въ запискѣ Общества незнающихъ: «Засѣданіе началось чтеніемъ ежедневныхъ записокъ прошедшихъ дней. Дневныя записки всѣ за скрѣпою Каноника извѣстнаго». Каноникъ — псевдонимъ Льва Александровича Нарышкина, забавлявшаго императрицу комическимъ воспроизведеніемъ рѣчи, которую Дашкова произнесла при открытіи россійской академіи.

Въ запискахъ россійской академіи неоднократно упоминается, что тотъ или другой вопросъ переданъ предварительно на разсмотрѣніе отдѣла, или *отряда*, составленнаго изъ нѣсколькихъ членовъ академіи, и затѣмъ разсматривался въ общемъ собраніи и постановленіе его разослано отсутствующимъ членамъ, и т. д. Подобнымъ пріемомъ предполагали достигнуть наиболѣе точнаго и яснаго разрѣшенія спорнаго вопроса. Выработку общаго, ру-

ководящаго плана академія признавала необходимымъ для того, чтобы всѣ ея члены могли «трудиться единообразно и благоуспѣшно» и т. д. [235]). Въ запискѣ Общества незнающихъ: «Понеже само по себѣ слово *чутье* подлежитъ разнообразнымъ толкамъ, того для не благоволитъ ли палата съ чутьемъ назначить точное опредѣленіе онаго яснѣйшими израженіями, дабы, по важности того дѣла, единочество понятія о томъ установиться могло для общаго благоввѣреннаго имъ дѣла», и т. д.

Гораздо болѣе игривымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма рѣзкимъ нападкамъ подвергалась французская академія—Académie française: пародіи на ея засѣданія и приговоры составляютъ цѣлую литературу. Довольно вспомнить: La comédie des académistes, Requête présentée par les dictionnaires à messieurs de l'académie pour la réformation de la langue française, и т. д. [236]). Въ драматической шуткѣ подъ названіемъ: La comédie des académistes выведены на сцену члены французской академіи, и въ уста ихъ вложены такого рода отзывы о литературныхъ упражненіяхъ въ академическомъ вкусѣ:

Mais ils passent deux ans à réformer six mots...
Faire un petit recueil, une traduction,
Composer quatre vers plein de dévotion,
Un sonnet pour un grand, ou bien l'épithalame,
Ajouter s'il se peut la petite épigramme,
Rêver cinq ou six mois sur l'objet le plus beau,
Pour faire voir au jour quelque méchant rondeau,
Se ravir les premiers de leurs inventions,
C'est vraiment mériter de bonnes pensions...

Встревоженные академическими нововведеніями, словари обращаются къ членамъ академіи съ челобитною:

A nosseigneurs académiques,
Nosseigneurs les hypercritiques
Souverains arbitres des mots,
Doctes-faiseurs d'avant-propos,

Cardinal-historiographes,
Surintendants des orthographes,
Raffineurs de locutions,
Entrepreneurs de versions,
Peseurs de brèves et de longues,
De voyelles et de diphtongues:
Supplie humblement Calepin,
Avec Nicod, Estienne, Oudin,
Et tous autres dictionnaires,
Lexicons et vocabulaires,
Disant que depuis trente années
On a, par diverses menées,
Banni ces nobles mots: *moult*, *ains*, *jaçoit*,
Ores, *adonc*, *maint*, *ainsi soit*...
. . . . . . votre Gomberville
Aurait injustement proscrit
Le pauvre *car* d'un sien écrit,
Comme étant un mot trop antique,
Et qui tire sur le gothique...
Or, nosseigneurs académiques,
Nosseigneurs les hypercritiques,
Ce n'est pas tout: nos pauvres mots
Ont bien enduré d'autres maux;
Mille ont été bannis des maîtres;
Les uns accourcis de trois lettres,
Les autres d'autant allongés;
Leurs genres ont été changés.
. . . . Ce beau mignon fait la figue
A quiconque dit *un intrigue*,
Et veut, contre toute raison,
Que l'on dise de *la poison*,
Une épitaphe, *une épigramme*,
Une navire, *une anagramme*,
Une reproche, *une duché*....

Въ нашей журналистикѣ конца прошлаго и самаго начала девятнадцатаго столѣтія изрѣдка встрѣчаются критическія замѣтки о появлявшихся тогда въ печати трудахъ россійской академіи. Особенно любопытно то̀, что̀ написано Карамзинымъ. Къ числу выдающихся произведеній тогдашней переводной литературы принадлежитъ Естественная исторія Бюффона, переведенная на русскій языкъ членами россійской академіи Румовскимъ, Лепехинымъ и др. Въ «Московскомъ журналѣ» Карамзина находимъ слѣдующій отзывъ объ этомъ переводѣ: «Важенъ трудъ почтенныхъ господъ переводчиковъ и достоинъ всевозможной похвалы. Самыя труднѣйшія физическія слова перевели они весьма удачно. Ясность и гладкость слога составляютъ второе важное достоинство сего перевода... Между многими очень хорошо переведенными словами попадаются и такія, которыя бы, казалось, могли быть иначе переведены. Такъ напримѣръ: Minéraux—*Ископаемыя*, Subdivision — *Подраздѣленіе*. Названіе: *Ископаемыя* скорѣе бы могло означать Fossiles—*Фоссиліи*. Что принадлежитъ до *Подраздѣленія*, то русскому трудно понять, какъ можно что̀-нибудь *подраздѣлять*: не лучше-ли бы было сказать вмѣсто *Подраздѣленіе* — *Передѣленіе*» [237]). Дальнѣйшее движеніе русскаго литературнаго языка показало, что слово: *Подраздѣленіе*, введенное Румовскимъ и Лепехинымъ, вполнѣ усвоено языкомъ и сдѣлалось общепонятнымъ и употребительнымъ.

Карамзинъ, въ своемъ журналѣ, подсмѣивался надъ россійскою академіею и надъ пристрастіемъ ея членовъ къ славянщинѣ, доходившемъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Разбирая русскій переводъ Клариссы Ричардсона, Карамзинъ замѣчаетъ по поводу выраженія переводчика: *Колико для тебя чувствительно*: «Дѣвушка, имѣющая вкусъ, не можетъ ни сказать, ни написать въ письмѣ *колико*. Впрочемъ г. переводчикъ хотѣлъ здѣсь послѣдовать модѣ, введенной въ русскій слогъ *голѣмыми претолковниками NN, иже отрѣваютъ все, еже есть русское, и блещаются блаженнѣ сіяніемъ славяномудрія*» [238]). Подъ име-

немъ *голѣмыхъ претолковниковъ* Карамзинъ разумѣлъ членовъ россійской академіи. Въ изданномъ ими словарѣ находятся слова *Голѣмый* и *Голѣмо*: «*Голѣемый*, или *Голѣмый* — Великій, преимущественный; *Голѣмо* — Вельми, нарочито, преимущественно» [239]). Въ *славяномудріи, отрѣвающемъ все русское*, заключается намекъ на тѣхъ изъ членовъ россійской академіи, которые въ трудахъ своихъ старались блистать славянизмами вопреки естественному движенію русскаго литературнаго языка. Кого особенно имѣлъ въ виду Карамзинъ, подсмѣиваясь надъ голѣмыми поклонниками славяномудрія, можно отчасти догадываться по отзыву его современника Ив. Ив. Дмитріева. По словамъ этого писателя, изъ школы Ломоносова выдѣлилась впослѣдствіи новая школа, во главѣ которой стояли Елагинъ и Фонвизинъ: Елагинъ «обратился къ *славянчизнѣ*, перевелъ почти по славянски *Похвальное слово Марку Аврелію*, извѣстнаго французскаго оратора Тома. Фонвизинъ, хотя и съ бо́льшимъ вкусомъ, полагалъ, будто въ высокомъ слогѣ надлежитъ мѣшать русскія слова съ славянскими. Послѣдователи Елагина и Фонвизина захотѣли перещеголять своихъ учителей, и уже начали еще болѣе употреблять славянскіе реченія и обороты. Усерднѣйшіе изъ нихъ славянофилы были: М. Поповъ, переводчикъ съ французскаго языка Тассовой поэмы — Освобожденный Іерусалимъ; сенаторъ И. С. Захаровъ; особенно же г. Якимовъ, Пахомовъ и священникъ Сидоровскій [240]).

Изъ названныхъ лицъ, Елагинъ, Фонвизинъ, Захаровъ и Сидоровскій были членами россійской академіи.

Поводомъ къ избранію Захарова въ члены россійской академіи послужилъ его переводъ «Похожденія Телемака». Въ предисловіи къ своему переводу Захаровъ говоритъ: До Ломоносова русскій языкъ «наполненъ былъ реченіями ветхими, низкими, чужестранными. Ломоносовъ научилъ насъ познать разные въ россійскомъ языкѣ слоги; онъ показалъ обиліе, силу, красоту славено-россійскаго слова; онъ вразумилъ насъ почерпать слова въ самомъ ихъ источникѣ, сиречь въ книгахъ церковныхъ...

Или заключитъ кто (по невѣдѣнію важности эпическія поэмы), что наполненъ оный многими славенскими реченіями» и т. д. Самый переводъ въ такомъ родѣ: «Скончавшейся трапезѣ, устранила богиня Телемака, и тако рекла ему: се зриши, о сынъ великаго Улисса, съ коликою пріемлю тебя благосклонностію.... Рекущу сіе Ментору, Телемакъ погружался въ печаль и сѣтованіе» [241]). О Захаровѣ замѣчаютъ, что онъ, въ своемъ переводѣ Телемака, прославился фразою: *возсѣдали старцы обоего пола* [242]).

Переводъ Елагина популярной въ свое время книги: *Приключенія маркиза Г.* напоминаетъ, по слогу, переводъ Телемака Захарова. Безпрестанно встрѣчаются такіе выраженія и обороты: «Вдова пошла тотчасъ къ судіи, и нашедъ его сидяща одного въ конторкѣ, подала ему письмо... Я видѣлъ несчастнаго Маріэнера, упадшаго мертва съ коня... Услышали звукъ сего орудія, на которомъ я игралъ, и которому голосъ мой сотовариществовалъ», и т. д. [243]).

О переводахъ Сидоровскаго можно судить по слѣдующему образцу: «Родители твои и въ свой домъ меня принимали и многими почтили дарами. Знаю я совершенно, что ты еси сынъ ихъ, и возвѣщаешь о себѣ неложно. По сихъ словахъ возставъ онъ съ сѣдалища, объемлетъ меня, лобзаетъ и поемлетъ съ собою въ домъ свой... Мы заблагоразсудили возвлещи его по вершинамъ древеснымъ, яко густымъ бывшимъ. Привязавъ къ нему великое ужище и возшедъ на дерева, возвлекли его туда съ трудомъ крайнимъ».... Къ слову: *откликъ* прибавлено поясненіе: «т. е. *ихо*, или *ехо*» и т. д. [244]).

По поводу грамматики, изданной россійскою академіею, Карамзинъ написалъ остроумную статейку подъ названіемъ: «Великій мужъ русской грамматики» [245]). Нельзя не согласиться, что академическое руководство, въ томъ видѣ, какъ оно было издано, представляло весьма обильный матеріалъ для критики. Отъ академіи можно было ожидать не простаго учебника, а труда, имѣющаго самостоятельное научное значеніе. О подготовительныхъ

работахъ по грамматикѣ и о мѣрахъ къ ея усовершенствованію неоднократно упоминалось въ академическихъ протоколахъ; но до какой степени важны и полезны были предлагаемыя мѣры, можно судить по слѣдующему примѣру. Президентъ академіи Нартовъ, желая — какъ говорится въ протоколѣ — «довесть до большаго совершенства Россійскую грамматику, предложилъ дабы къ словамъ и терминамъ, собственно грамматикѣ принадлежащимъ, присоединить латинскія оныхъ названія» [246]). Вслѣдствіе этого въ оглавленіи появилось нѣсколько латинскихъ словъ: О правописаніи (orthographia), о словосочиненіи (syntaxis), о имени вообще (nomen), о причастіяхъ (participium), и т. д.

Въ примѣръ глаголовъ, въ неокончательномъ многократномъ наклоненіи, приведены академическимъ руководствомъ: *калывать, гаривать, баливать, жидать, лыгать, колебливать, трепливать,* и др. Карамзинъ влагаетъ въ уста великаго мужа русской грамматики слѣдующее замѣчаніе: «О небо! Когда *въ семъ наклоненіи* бывали такіе глаголы въ языкѣ русскомъ? Можно ли *изъявительное* такъ своевольно обратить въ *неокончательное* и *глаголы недостаточные* въ *полные?* Можно ли забыть, что нѣкоторые изъ нихъ употребляются только *съ предлогами,* какъ-то: *накалывать, ожидать, прилыгать*»?

Въ академической грамматикѣ говорится: «Числительныя имена требуютъ послѣ себя имени въ падежѣ родительномъ числа единственнаго, напримѣръ: *два стола, три книги, четыре рубля,* и проч.» Въ статьѣ Карамзина: «Вы найдете въ грамматикахъ, что надобно говорить: *два человѣка, семь рублей.* Важное наставленіе! Кто изъ русскихъ ошибается въ этомъ случаѣ? Но гдѣ же узнаете, какъ должно писать: *съ двумя стами гренадеръ* или *гранадерами; съ двумя тысячами рублей* или *рублями.* Вотъ камень преткновенія!»

Составители академической грамматики, предостерегая отъ неправильнаго употребленія предлога *между,* говорятъ: «Нѣкоторые предлогъ *между* употребляютъ съ падежемъ родительнымъ, однакожъ неправильно, ибо нельзя сказать: *Между меня*

и его произошла ссора; или: *Межъ лѣса и селенія находится поле»*. Карамзинъ возражаетъ: «*Употребленіе* есть избалованное дитя народовъ, съ которымъ нельзя обходиться сурово; надобно во многомъ щадить его. Давно уже русскіе говорятъ: *между полями* и *между полей*, соображаясь иногда съ пріятностію слуха. Сохрани насъ Богъ отъ тиранства! Грамматикъ долженъ быть добродушнымъ и жалостливымъ, особливо къ стихотворцамъ. Они и такъ нерѣдко стенаютъ отъ упругости длинныхъ словъ въ языкѣ русскомъ: на что ихъ обременять лишними слогами? Грамматикъ чувствительный, и даже справедливый, съ обыкновенною искренностію скажетъ имъ: пишите смѣло *между ясминовъ и лилей»* и т. д.

Съ водвореніемъ Шишкова и его вліянія въ россійской академіи окончательно порывается связь, когда-то существовавшая между литературою и академіею. Онп образуютъ два противоположные лагеря, и рознь между ними все болѣе и болѣе усиливается. Органы литературы или вовсе не говорятъ объ академической дѣятельности или же отзываются о ней съ явнымъ недовѣріемъ къ трудамъ и талантамъ членовъ россійской академіи. Причину подобнаго равнодушія, а порою и враждебности, можно бы отчасти объяснить тѣмъ разладомъ между литературою и наукою, на который указывали какъ люди науки, такъ и представители нашей журналистики. Въ одномъ изъ выдающихся журналовъ нашихъ временъ россійской академіи находимъ такое замѣчаніе: «У насъ доселѣ существуетъ ложное предубѣжденіе, будто между ученостью и литературою нѣтъ никакого соотношенія, кромѣ развѣ непріязненнаго. Предполагаютъ, что литературѣ подъ вліяніемъ учености тяжко, трудно, удушливо. Но не такъ думаютъ въ другихъ странахъ Европы» и т. д. [247]). Въ самомъ распространенномъ журналѣ того времени высказанъ такого рода взглядъ на отношеніе журналистики къ академической жизни: «Журналъ не принимаетъ на себя обязанности извѣщать о дневныхъ событіяхъ; онъ исключительно посвящается тому, что должно оставить по себѣ прочные слѣды. Не его дѣло извѣщать

о избраніи какого-нибудь писателя въ члены академіи, но онъ обязанъ сказать *нѣчто*, если избраніе сіе составляетъ нѣкоторую эпоху въ лѣтописяхъ словесности» и т. д.[248]). Но обѣщанное *нѣчто* не появлялось даже въ тѣхъ случаяхъ, когда всего скорѣе можно было бы его ожидать.

Главная причина равнодушія и враждебности заключается въ томъ исключительномъ направленіи, которое усвоено Шишковымъ и проводилось имъ съ самою настойчивою послѣдовательностью. Оно вытекало изъ основнаго понятія о цѣли академіи, какъ учено-литературнаго общества, призваннаго охранять отечественный языкъ отъ порчи и искаженій. Вопреки совѣтамъ знаменитаго ученаго, митрополита Евгенія, предлагавшаго профессору русской словесности извлекать примѣры изъ сочиненій Ломоносова, Карамзина и изъ *журналовъ*, россійская академія, руководимая Шишковымъ, возставала противъ журналовъ, какъ противъ ереси, гибельной не только для языка, но и для нравственности. Журнальныя статьи писались такъ называемымъ *новымъ слогомъ*, а новый слогъ былъ ненавистенъ академіи, т. е. ея президенту, ревностному поклоннику *стараго слога*, желавшему ввести въ современный литературный языкъ старинные слова и обороты, давно и навсегда вышедшіе изъ употребленія. Непомѣрное рвеніе Шишкова послужило поводомъ къ тому, что академію стали обвинять въ застоѣ и въ непониманіи жизни и движенія литературы и ея орудія—языка. Упорная борьба между послѣдователями Карамзина и ихъ противниками, съ Шишковымъ во главѣ, кончилось не въ пользу россійской академіи, въ средѣ которой были самые усердные приверженцы Шишкова. Любопытны отзывы современниковъ, бывшихъ свидѣтелями этой борьбы въ ея различные періоды, и принимавшихъ въ ней большее или меньшее участіе. Приводимъ одинъ изъ этихъ отзывовъ, появившійся въ самомъ популярномъ журналѣ того времени:

«Отъ начала нынѣшняго столѣтія существовали у насъ въ литературѣ двѣ главныя партіи, или школы: карамзинистовъ и славянофиловъ. Многіе люди, даже съ дарованіемъ, увлеченные

гармоническою, прелестною прозою Карамзина, сдѣлались подражателями его во всемъ, даже въ недостаткахъ, которыхъ у Карамзина было довольно. Аханье, вздохи, словесный филантропизмъ, однообразіе напѣва, и безотчетное, излишнее употребленіе словъ и оборотовъ иностранныхъ, были отличительными признаками первой партіи. Противъ этого возсталъ авторъ книги: *О старомъ и новомъ слогѣ*, имѣвшій также многихъ и жаркихъ поборниковъ. Эта, другая партія вдалась въ крайность противоположную: какъ карамзинисты подражали во всемъ иностранному, такъ славянофилы хотѣли все обратить къ славянскому языку, къ древнимъ обычаямъ и навыкамъ, и несправедливо почитая современниковъ своихъ славянами, хотѣли доказать, что надобно оставить иностранцевъ, и заимствовать всѣ силы души и слова изъ роднаго, какъ полагали они, источника. Здѣсь, какъ почти всегда бываетъ въ спорахъ, обѣ стороны имѣли справедливыя основанія, были обѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ правы, и только ошибались въ выводахъ, въ слѣдствіяхъ. Карамзинъ оказалъ нашему языку великую услугу тѣмъ, что, заимствовавъ для него нѣкоторыя формы и слова изъ иностранныхъ языковъ, писалъ на немъ прекрасно, и былъ изящнымъ образцомъ такого слога, какого до него не знала Россія. Виноватъ ли онъ, что не нашлось ему достойнаго преемника, не нашлось дарованія, которое, идя проложеннымъ путемъ, очистило бы его отъ терній и волчцовъ, остававшихся на немъ? Послѣдователи Карамзина увеличили только недостатки его слога, навербовали кучу излишнихъ, нелѣпыхъ иностранныхъ словъ и выраженій, превратили вздохи его въ рыданія, чувствительность въ слезливость, и вмѣсто умнаго заимствованія отъ иностранцевъ, хотѣли сдѣлать насъ вовсе не русскими. Основная мысль Карамзина— брать хорошее у чужеземцевъ и благоразумно усвоивать его себѣ—была справедлива, прекрасна, необходима для образованнаго народа. Однакожъ, поставьте себя на мѣсто его современниковъ, которые не могли, такъ какъ мы, судить объ этомъ по опыту, по слѣдствіямъ; они видѣли только мутный потокъ ино-

страннаго, который готовъ былъ затопить богатыя нивы русскаго слова. Они должны были остановить его, и также справедливо утверждали мысль, оправданную опытомъ, что главныя улучшенія для языка, для словесности, должны быть заимствованы изъ роднаго міра, изъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ русскаго духа, изъ стихій русскаго быта, ибо таково было основаніе ихъ мысли. Она была несправедлива только примѣненіемъ своимъ, ибо анти-карамзинисты хотѣли сдѣлать насъ опять не русскими, а славянами, хотѣли, чтобы мы забыли объ иностранцахъ, и для прошедшаго, мертваго, оставили настоящее, живое, утвержденное употребленіемъ и дарованіями. Казалось, надобно было-бы тѣмъ и другимъ сдѣлать одинъ шагъ, чтобы стать на точку истины. Однакожъ это дѣлается не такъ-то скоро.

Мало-по-малу первые состязатели удалились съ боеваго поприща. Мѣсто ихъ заняли двѣ новыя, происшедшія отъ нихъ, измѣненныя временемъ, партіи. Карамзинисты породили новую школу, которую можно именовать поклонниками Карамзина. Оставивъ безусловное подражаніе сему необыкновенному писателю, они полагаютъ, что нельзя идти далѣе его; что не именуя его русскимъ Аристотелемъ, должно слѣдовать ему какъ русскому Аристотелю, только не вводя новыхъ иностранныхъ словъ, и заимствуя мысли не у тѣхъ чужеземныхъ писателей, у которыхъ заимствовался Карамзинъ, ибо эти люди уже знаютъ романтизмъ, и читаютъ не однихъ французскихъ классиковъ; они готовы на всякое улучшеніе, только было-бы оно въ духѣ Карамзина. Впрочемъ эта школа не такъ многочисленна печатно, какъ словесно, и не столько дѣйствуетъ она въ литературѣ, сколько въ такъ называемомъ лучшемъ обществѣ. Къ ней принадлежатъ въ обществѣ даже тѣ люди, которые въ словесности составляютъ прямую противоположность Карамзину. Школа славянофиловъ осталась въ другой кастѣ нашей словесности, къ которой принадлежатъ люди, прилежно изучавшіе иностранныя литературы, и убѣжденные, что прежде всего надобно быть чистымъ сыномъ своего отечества, заимствовать силу и краски

у своего народа, и воскрешать старинный, а если можно то и древній бытъ, древній языкъ, древнія понятія, потому что все это въ нынѣшнемъ русскомъ мірѣ образовано слишкомъ по иностранному. Эти люди уже во многомъ убавили требованія славянофиловъ, и пристали къ нимъ потому только, что основная мысль сихъ послѣднихъ справедлива; но они ошиблись въ средствахъ, и думаютъ, что воскрешаютъ русскій духъ, говоря: *возвратившій* вмѣсто *возвратившій*, *рамо* вмѣсто *плечо*, *ланита* вмѣсто *щека*. Ошибка ихъ въ томъ, что они по слѣдамъ предшественниковъ своихъ почитаютъ русскихъ славянами, и церковно-славянскій языкъ—древнимъ русскимъ. Впрочемъ, это люди, по большей части, основательно учившіеся, глубоко понимающіе романтизмъ, и готовые на все прекрасное—только подъ славянскимъ знаменемъ. Къ этому разряду писателей принадлежатъ почетныя имена русской литературы: Грибоѣдовъ, Жандръ, авторъ *Ижорскаго*, и нѣкоторые другіе. Къ нимъ принадлежитъ и г-нъ Катенинъ» [249]).

Катенинъ отвѣчалъ на это своему критику: «Вы сами обнаруживаете странную вражду къ нѣкоторымъ словамъ, укоряете пишущихъ: *возвратившій*, *рамо*, *ланита*, ревнуете объ убавленіи въ языкѣ запасовъ и средствъ къ выраженію. *Возвративый*, вмѣсто *возвратившій*, можетъ встрѣтиться только въ чемъ-нибудь библейскомъ и тамъ прилично; *рамо*-же и *ланита* употребляются сплошь стихотворцами всѣхъ школъ, иными не у мѣста, тамъ, гдѣ простыя разговорныя названія лучше бы кстати пришлись; но въ слогѣ высокомъ сіи старинныя, коли угодно, славянскія, придаютъ рѣчи красоту незамѣнимую. Нѣмцы, любимые образцы ваши, пишутъ въ стихахъ благородныхъ: Haupt, а не Kopf; Roß, а не Pferd; даже именно Wange, *ланита*, а не Backe, *щека*; но какой критикъ станетъ въ томъ укорять Гёте, утверждая, что онъ пишетъ не по нѣмецки, а *по германски*?

Здѣсь мѣсто пояснить нѣсколько ошибочное сказаніе ваше о теоріи тѣхъ людей, къ числу коихъ справедливо причисляете

меня. Они не почитаютъ «языкъ церковно-славянскій древнимъ русскимъ»; знаютъ не хуже другихъ, что библія переведена людьми не русскими; но увѣрены, что съ тѣхъ поръ, какъ приняла ее Россія, ею дополнился и обогатился языкъ русскій, скудное дотолѣ нарѣчіе народа полудикаго; они видятъ въ ней свѣтильникъ неугасный, озарившій умъ и слово россіянъ въ ночь владычества татарскаго, въ бурю набѣговъ литовскихъ и польскихъ; они признаютъ ее краеугольнымъ камнемъ новаго зданія, которое воздвигнулъ Ломоносовъ, достроивали Петровъ, Державинъ, Костровъ, Дмитріевъ, Озеровъ, кн. Шихматовъ, Гнѣдичъ, и другіе, писавшіе съ дарованіемъ въ родѣ высокомъ. Но мысль ихъ далека отъ того, чтобы языкъ и словесность должны были ограничиваться однимъ родомъ, каковъ бы онъ ни былъ; они любятъ весь языкъ, хотятъ имѣть полную литературу, и не довольствуясь даже рѣзкимъ раздѣломъ слога на трагическій и комическій, или важный и шутливый, допускаютъ, принимаютъ, вводятъ всѣ возможныя постепенности и оттѣнки въ языкѣ, всѣ роды, формы и краски въ поэзіи и стихосложеніи; ихъ теорія эклектическая, многообъемная и безпристрастная» [250]).

На вопросъ объ отношеніяхъ литературы къ академіи весьма опредѣленнымъ и наглядным отвѣтомъ служатъ статьи и отзывы, появлявшіеся въ тѣхъ изъ нашихъ журналовъ, къ которымъ нельзя не обращаться, когда рѣчь идетъ о современномъ имъ состояніи и направленіи литературы. Сюда принадлежатъ повременныя изданія: Московскій Телеграфъ, Библіотека для чтенія, Отечественныя записки.

Какъ на одну изъ наиболѣе сочувственныхъ академіи статей можно указать на рецензію, помѣщенную въ Московскомъ Телеграфѣ, въ которой говорится:

«Первое изданіе словаря было *этимологическое*: производныя слова стоятъ тамъ подъ коренными или первообразными, и при каждомъ томѣ присовокуплены алфавитные реэстры находящихся въ нихъ коренныхъ и производныхъ словъ, которые не связаны однимъ общимъ алфавитнымъ реэстромъ, такъ что не довольно

знакомый съ русскою этимологіею часто долженъ перебрать всѣ шесть томовъ, дабы сыскать нужное ему слово. Для втораго изданія академія избрала нѣсколько членовъ подъ руководствомъ президента, и приняла сообразнѣйшее съ цѣлію расположеніе, а именно: *расположить слова по азбучному порядку, а глаголы не по первому лицу настоящаго времени, но по неопредѣленному наклоненію.*

Во второмъ изданіи академическаго словаря, буквъ съ предлогами, служащими для составленія словъ, гораздо болѣе, нежели въ первомъ. Вообще, вездѣ видны поправки: прибавленій много, напр. при словѣ *вьюрокъ*, къ которому хотя и не прибавлено уменьшительнаго, приложены слова гораздо нужнѣйшія. *Fringilla montifringilla*, точнѣйшее опредѣленіе, и вся статья передѣлана. Таковыя прибавленія идутъ до конца сочиненія и столь же видимы и при послѣднихъ буквахъ, какъ и при первыхъ. Сего втораго изданія, печатаннаго гораздо красивѣйшими буквами, въ 1806 г. появился первый томъ А—Д, на 1310 страницахъ; второй Д—К, на 1178 страницахъ. Потомъ уже въ 1814 г. начатъ третій К—Н, на 1444 страницахъ, но долго не былъ конченъ, ибо послѣдніе три тома (О—ПОР на 1536 стр., П. О. Р—Р на 1142 стр. и С—V на 1478 стр.) появились только въ 1822 году. Ревность въ поспѣшномъ отпечатаніи, равно какъ и во внутренней обработкѣ, должно приписать старанію нынѣшняго достопочтеннаго президента академіи, г-на адмирала и министра народнаго просвѣщенія Александра Семеновича Шишкова, который, будучи самъ отличный лингвистъ первой степени, блистательно руководствуетъ занятіями отечественной своей академіи. Въ заключеніе Геснерова большаго словаря (Thesaurus) приложенъ Index etimologicus Latinitatis: если бы и къ сему драгоцѣнному словарю, при слѣдующихъ изданіяхъ, приложить подобный *Index*, тогда бы цѣль распредѣленія перваго изданія соединилась тѣснѣе съ цѣлію новаго изданія» [251]).

Большая часть статей и замѣтокъ написаны въ духѣ, небла-

гопріятномъ для академіи. Иногда иронія сказывается въ одномъ словѣ или эпитетѣ, какъ напримѣръ: *оная* академія, *официальная муза* членовъ академіи, и т. п.; иногда сопоставляются, какъ двѣ противоположности: намѣреніе академіи обогащать литературу твореніями даровитыхъ писателей и перечень произведеній, помѣщенныхъ въ академическомъ изданіи.

По поводу журнала, предпринятаго академіею, подъ названіемъ: *Повременное изданіе императорской россійской академіи*, появилось въ Московскомъ Телеграфѣ нѣсколько небольшихъ статей, или замѣтокъ, изъ которыхъ ясно, что академіи не посчастливилось на журнальномъ поприщѣ. Даже доброжелатели академіи должны были сознаться, что она не оправдала тѣхъ ожиданій, которыя могли возникнуть въ литературномъ мірѣ при извѣстіи о новомъ академическомъ предпріятіи. Московскій Телеграфъ привѣтствовалъ благую мысль академіи: «Не можемъ не изъявить здѣсь радости нашей, что знаменитое ученое общество рѣшается посвятить труды свои споспѣшествованію успѣхамъ современной русской литературы. Въ составъ журнала войдутъ: *филологія* (изслѣдованія о славянскомъ и русскомъ языкахъ); *словесность* (сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ); *критика* (обозрѣнія русской словесности и извѣстія о книгахъ); *исторія русской литературы* (жизнеописанія русскихъ литераторовъ и покровителей русской литературы); *исторія академіи*.

Сочиненія и переводы, присланные отъ постороннихъ особъ, по достоинству своему, будутъ награждаемы медалями, принятіемъ сочинителей и переводчиковъ въ академики, и денежною платою. Какое ободреніе для талантовъ! Частный человѣкъ никогда не въ состояніи выполнить того, что можетъ сдѣлать академія, имѣющая право на особенное почтеніе общественное, и средства многочисленныя» [252]).

Вышла первая часть ожидаемаго изданія, и журналисту пришлось ограничиться нѣсколькими словами, изъ которыхъ читатели могли уже догадываться, что академія дала не совсѣмъ то̀, или — пожалуй — совсѣмъ не то̀, что̀ обѣщала:

«Академія россійская обѣщала, нѣсколько времени назадъ, издавать повременное изданіе, *образцовое по слогу и выбору статей.* Нынѣ является первая книжка сего изданія. Содержаніе оной слѣдующее:

Проза. 1) Краткое начертаніе о письменахъ славянскихъ; переводъ съ итальянскаго языка А. Ш. 2) О сходствѣ языка древнихъ народовъ Малой Азіи съ языкомъ древнихъ и новыхъ народовъ ѳракійскихъ и иллирійскихъ; сочиненіе Франциска Маріи Апендини. Переводъ съ итал. А. Ш. 3) Сѣтованіе Эдуарда Юнга. Ночь первая. Съ англійск. перевелъ кн. П. Ширинскій-Шихматовъ.

Стихотворенія. 4) Преложеніе псалмовъ: 8-го, 113-го и 144-го, князя Сергія Шихматова. 5) Къ орлу Россіи, М. Лобанова. 6) На кончину князя М. Л. Голенищева-Кутузова Смоленскаго, соч. кн. П. Ширинскаго-Шихматова. 7) Рауль Синяя Борода, *Перольтова сказка*, пер. Б. Ѳедорова» [253]).

При выходѣ второй части *Повременнаго изданія россійской академіи* Московскій Телеграфъ высказался еще опредѣленнѣе: «Если *повременное* значитъ въ извѣстное, условное продолженіе времени издаваемое, то почему собраніе стиховъ и прозы, издаваемое академіею, называется *повременнымъ*? Помнится, что намъ обѣщано было *по книжкѣ черезъ каждые четыре мѣсяца*, или *три книжки* въ годъ. Въ прошломъ году вышла книжка, въ нынѣшнемъ году другая. Слѣдовательно, это уже *не повременное* изданіе, а просто книга прозы и стиховъ, стиховъ и прозы, выходящая *не въ опредѣленное время.* Зачѣмъ же несвойственное названіе при ней осталось?

Кажется еще, что намъ обѣщаны были въ повременномъ изданіи россійской академіи: 1) *филологія* (изслѣдованія о славянскомъ и русскомъ языкахъ); 2) *словесность* (разумѣется, отличныя сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ); 3) *критика* (обозрѣніе русской словесности и извѣстія о книгахъ); 4) *исторія русской литературы* (жизнеописанія русскихъ литераторовъ и покровителей русской литературы); 5) *исторія академіи.*

Въ двухъ вышедшихъ книжкахъ помѣщено: *Проза*—статья итальянца Саларича о славянской азбукѣ; статья итальянца Аппендини о томъ, что народы Малой Азіи были славяне; моравская пѣсня; статья о происхожденіи русскихъ предлоговъ; сличеніе словъ разныхъ народовъ съ славянскими. Три первыя статьи переведены, двѣ послѣднія сочинены почтеннымъ президентомъ академіи А. С. Шишковымъ. Переводъ въ прозѣ одной Юнговой ночи, князя П. А. Ширинскаго-Шихматова, дополняетъ отдѣлъ прозы. Отдѣлъ *Стихотвореній* составляютъ: пять пьесъ соч. князя П. А. Ширинскаго-Шихматова; три пьесы С. А. Ширинскаго-Шихматова; сказка Перрольта, перев. Б. М. Ѳедоровымъ; стихи М. Е. Лобанова, и четыре богемскія пѣсни.

Видимъ, что главные труды самого г-на президента; другіе, не столь важные, трехъ членовъ академіи; есть и отъ постороннихъ особъ присланныя статьи. Касательно послѣднихъ, любопытно бы знать, не награждены-ли онѣ медалями, принятіемъ сочинителей и переводчиковъ въ академики, или денежною платою. Академія объявляла, что *такія награды* будутъ отъ нея даваемы, смотря по достоинству пьесъ, присланныхъ отъ постороннихъ особъ» [254]).

Библіотека для чтенія подсмѣивалась надъ трудами россійской академіи, оригинальными и переводными, указывая ихъ недостатки въ литературномъ и стилистическомъ отношеніи.

Когда академія издала знаменитое произведеніе Квинтиліана въ русскомъ переводѣ члена россійской академіи Никольскаго, Библіотека для чтенія весьма рѣзко отозвалась объ академическомъ переводѣ. Въ рецензіи говорится: «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что *оная* академія оказала важную услугу нашимъ словеснымъ наукамъ, издавъ въ русскомъ переводѣ этотъ великолѣпный памятникъ критическаго ума древности. Квинтиліянъ долженъ быть подъ рукою у всякаго литератора и всякаго желающаго судить о литературѣ, и такъ какъ современныя понятія объ изящномъ значительно различествуютъ съ теоріями классическаго міра, то самое это различіе влечетъ за собою, нынче

болѣе чѣмъ когда либо, необходимость тщательнаго изученія послѣднихъ, потому что человѣкъ, отторгшійся отъ прошедшаго и заключающій себя въ одномъ настоящемъ, всегда находится въ умственномъ младенчествѣ. Познаніе мысли древняго міра въ разныхъ ея оттѣнкахъ всегда было и будетъ основаніемъ твердой и полезной учености, и все, что споспѣшествуетъ этой цѣли, все, что умножаетъ наши способы къ легчайшему и скорѣйшему ея достиженію, заслуживаетъ полную благодарность вѣка, обремененнаго науками, изысканіями и дѣлами, занятаго, недосужнаго, неуспѣвающаго даже управиться съ своимъ безпокойнымъ любопытствомъ. За всѣмъ тѣмъ, когда бъ намъ пришлось даже изумить своимъ мнѣніемъ нѣкоторыхъ нашихъ читателей, мы не усомнимся сказать, что переводъ «Наставленій» Квинтиліана, на какой бы языкъ ни было, есть дѣло самое неблагодарное. Мы не знаемъ ни одного автора латинской древности, котораго твореніе было бы увлекательнѣе въ подлинникѣ и приторнѣе въ переводѣ. Блистательнѣйшій и тончайшій изъ риторовъ, писатель совершенно проникнутый остроуміемъ своего вѣка, удивительный мастеръ на слогъ, но на слогъ особенной школы, котораго нельзя примѣнить къ новѣйшему слову, критикъ со вкусомъ, но со вкусомъ, заключающимся преимущественно въ латинской фразѣ, выражающей его сужденіе, а не въ самомъ сужденіи, почти всегда похожемъ безъ этой оболочки на картину безъ освѣщенія. Квинтиліанъ, его мысль, его ученія такъ слиты съ языкомъ, на которомъ онъ писалъ, что только самъ онъ могъ бы выразить ихъ хорошо на другомъ языкѣ, только самъ могъ бы передать себя иноземными звуками, не переставая быть Квинтиліаномъ. Его надобно читать по-латыни, а переводить таланту, равному его, и притомъ поставленному въ одинаковыхъ съ нимъ обстоятельствахъ, — что̀ для насъ уже сдѣлалось физически невозможнымъ, — во всякомъ случаѣ, великому литературному и критическому таланту. Каковъ же при этихъ понятіяхъ, долженъ казаться намъ Квинтиліанъ въ переводѣ тяжеломъ и тускломъ, одѣтый въ неискусную фразу, лишенный всего

цвѣта своей школы, всей пріятности и гармоніи своего слова, всего своего остроумія въ тонкомъ, искусномъ выборѣ выраженій и оборотовъ, — и особенно, лишенный своего латинскаго періода, главнаго предмета риторскихъ заботъ его? Этотъ Квинтиліанъ, который лежитъ передъ нами,—по совѣсти, не Квинтиліанъ! Это какой-то сухой, угрюмый риторъ, котораго въ теченіи цѣлаго часа нельзя проглотить двадцати страницъ, тогда какъ того Квинтиліяна читаешь въ часъ по сту страницъ и болѣе, не только безъ труда, но еще съ восхищеніемъ, — такъ онъ плавенъ, блестящъ и уменъ!

Переводъ, о которомъ мы говоримъ, вообще вѣренъ съ подлинникомъ; но вѣрная передача смысла не сообщаетъ еще понятія о достоинствахъ подобныхъ твореній. Крайне сожалѣя, что Квинтиліанъ доселѣ не нашелъ у насъ изящнѣйшаго пера для своихъ «Наставленій», мы однако жъ готовы принять и вѣрность съ подлинникомъ въ счетъ важныхъ преимуществъ настоящаго изданія, и тѣ, кто не въ состояніи читать знаменитаго критика по-латыни, конечно будутъ весьма признательны россійской академіи за доставленную имъ возможность познакомиться съ нимъ посредствомъ этого перевода»[255]).

Упомянувъ о достоинствахъ труда члена россійской академіи Арсеньева: *Царствованіе Петра Втораго*, Библіотека для чтенія обратила главное вниманіе на «разливъ мѣстоименій» и другіе недостатки слога академика. Рецензентъ Библіотеки для чтенія говоритъ: «Мы такъ бѣдны матеріалами для новѣйшей отечественной исторіи, что они ограничиваются почти одними оффиціальными документами. Отсюда — такъ мало новыхъ книгъ по этой части, между тѣмъ какъ въ другихъ литературахъ новѣйшая исторія — главнѣйшій источникъ плодовитости современныхъ писателей. Слѣдовательно, сочиненіе г. Арсеньева есть такой подарокъ, котораго мудрый не станетъ пренебрегать, несмотря на его малость. Этотъ очеркъ, краткій, быстрый, свѣтлый, будетъ признанъ всѣми прекраснымъ академическимъ разсужденіемъ о царствованіи короткомъ, но весьма любопытномъ, —

очеркъ, который мы охотно назвали бы даже блестящимъ, если бъ слогъ былъ тщательнѣе обработанъ; но непомѣрное обиліе всякаго роду мѣстоименій, которыя авторъ рѣшается даже разнообразить, этотъ разливъ мѣстоименій, столь противный духу русскаго языка и вовлекающій писателя въ слишкомъ сложную фразеологію, и небрежность въ ихъ употребленіи, много вредятъ живости, а иногда и ясности, разсказа. Для оправданія и нашей похвалы и нашего упрека, который произносимъ мы не во вредъ сочиненію, но для пользы молодыхъ писателей, мы рѣшились сдѣлать довольно пространную выписку, именно тѣхъ мѣстъ, гдѣ почтенный авторъ изображаетъ поведеніе и судьбу Меншикова.

«Князь Меншиковъ, всегда неусыпно дѣятельный, въ послѣднія минуты жизни Екатерины I такъ счастливо одолѣвшій козни враговъ сильныхъ, тѣмъ бдительнѣе и строже наблюдалъ за всѣми дѣйствіями своихъ совмѣстниковъ, *его* (?) сочленовъ въ совѣтѣ администраціи. *Онъ* зналъ непріязнь къ себѣ герцога и то рѣшительное участіе, которое *онъ* (тотъ?) принималъ въ погубленіи его, и въ особенности къ отклоненію покойной императрицы отъ согласія на бракъ Петра Алексѣевича съ княжною Меншиковою, и потому всѣ удары власти и злобы обратилъ Меншиковъ преимущественно на герцога голштинскаго; прочіе совмѣстники казались *ему* неопасными или *ему* преданными. Графы Головкинъ и Апраксинъ давно свыклись съ мыслію о превосходствѣ Меншикова надъ *ними* (?), и не противодѣйствовали ему ни въ чемъ, или по миролюбію и уклончивости, или по нелюбви къ тревожной жизни и кознямъ дворскимъ».

«Вскорѣ послѣ кончины императрицы, Меншиковъ перевелъ государя-отрока изъ дворца въ свой домъ на Васильевскій островъ, переименованный въ это время Преображенскимъ. Ввѣривъ *его* (островъ?) непосредственному попеченію своего семейства, онъ приставилъ къ нему людей надежныхъ, которые издавна были преданы Меншикову и знали всѣ сокровенные за-

мыслы его неограниченнаго честолюбія; между такими особенно извѣстенъ генералъ-лейтенантъ Алексѣй Волковъ».

«Вообще, со времени отъѣзда герцога голштинскаго, князь Меншиковъ началъ вести жизнь менѣе тревожную, считалъ себя безопаснымъ, оттого менѣе *наблюдалъ* (соблюдалъ?) осторожности въ своихъ поступкахъ, болѣе являлъ безпечности и самоувѣренности, и не подозрѣвалъ, что, и по удаленіи герцога, опасность для него не миновала, что число его враговъ хотя уменьшилось, *но* (однако?) злоба и дѣятельность ихъ увеличились. Туча готова была разразиться надъ *главою* могучаго, погибель его неотвратима, какъ мы увидимъ *ниже* (далѣе?)» [256]).

Особенное впечатлѣніе въ литературномъ мірѣ произвела рѣчь академика Лобанова, произнесенная имъ въ собраніи россійской академіи. Въ рѣчи своей, подъ названіемъ: *Мнѣніе о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной*, Лобановъ безпощадно осуждаетъ современное направленіе русской литературы. Онъ говоритъ: «Всякое сочиненіе, всякое періодическое изданіе, статья и даже отрывокъ, если соблюдается въ нихъ строгая нравственность, распространяются чистыя правила, вѣрныя сужденія, и пр. есть драгоцѣнное достояніе государства, есть благотворное зерно назиданія народнаго. Но отвѣчаютъ ли симъ непремѣннымъ условіямъ выходящіе и читаемые нынѣ книги и журналы? Безпристрастные наблюдатели могутъ сказать: Есть и въ нашей словесности нѣкоторый отголосокъ безнравія и нелѣпостей, порожденныхъ иностранными писателями. Они часто обнажаютъ такія нелѣпыя, гнусныя и чудовищныя явленія, распространяютъ такія пагубныя и разрушительныя мысли, о которыхъ читатель до тѣхъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и которыя насильственно влагаютъ въ душу его зародышъ безнравія, безвѣрія и слѣдовательно будущихъ заблужденій или преступленій... Останавливаясь на духѣ и направленіи нашей словесности, всякій благомыслящій видитъ: въ теоріяхъ наукъ— сбивчивость, непроницаемую тьму и хаосъ несвязныхъ мыслей; въ приговорахъ литературныхъ — совершенную безотчетность,

безсовѣстность, наглость и даже буйство... Цензурѣ предстоитъ непреодолимый трудъ проникнуть всѣ ухищренія пишущихъ. Ктожъ долженъ содѣйствовать въ семъ трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный писатель, а всего болѣе академія», и т. д.— все въ такомъ-же родѣ [257]).

Живымъ протестомъ противъ обвиненій, взводимыхъ на литературу членомъ россійской академіи, служитъ превосходная статья Пушкина. Вопреки стремленіямъ сдѣлать изъ академіи вѣрную союзницу и сподвижницу цензуры, Пушкинъ выражаетъ желаніе, чтобы россійская академія *оживила* отечественную словесность, и *не стѣсняя мысли писателей*, достойныхъ изъ нихъ награждала своимъ дѣятельнымъ покровительствомъ, а недостойныхъ *наказывала однимъ своимъ невниманіемъ* [258]).

По мнѣнію Бѣлинскаго, статью Пушкина слѣдовало бы помѣстить при новомъ изданіи рѣчи Лобанова. Рецензія Бѣлинскаго, помѣщенная въ Отечественныхъ Запискахъ, написана имъ по поводу вторичнаго появленія въ печати рѣчи Лобанова — въ Трудахъ россійской академіи. Не соглашаясь съ Пушкинымъ, что форма этой рѣчи вовсе не *академическая*, Бѣлинскій продолжаетъ: «Статья почтеннаго академика, о коей идетъ рѣчь, исполнена энергіи въ выраженіи, отличается густотою красокъ, и смѣемъ замѣтить — немного на счетъ истины. Г. Лобановъ, конечно, не безъ основанія нападаетъ на французскую романтическую школу; но его нападки могли имѣть видъ истины назадъ тому лѣтъ пять, ибо тогда это былъ вопросъ современный, а теперь это дѣло прошлое, почти забытое... Еще менѣе можно согласиться касательно гибельнаго будто-бы вліянія помянутой школы на русскую литературу: ни одинъ, рѣшительно ни одинъ, русскій писатель не подчинялся вліянію французской школы, между-тѣмъ, какъ вліяніе англійской и нѣмецкой литературы на многихъ было весьма замѣтно. Да и какъ могла русская литература повторять тò, чтò порождала неистовая школа, когда на каждой русской книгѣ стоитъ благодѣтельное «печатать позволяется»? Нѣтъ, слава Богу, мы уже не подражаемъ француз-

скимъ писателямъ — именно съ тѣхъ поръ, какъ перестали не только удивляться генію Корнеля, Расина, Буало, Вольтера, Кребильйона, Дюсиса, Жанъ-Батиста Руссо, Делиля, но и почитать ихъ поэтами и читать ихъ обточенныя, галантерейныя произведенія... Еще менѣе справедливыми находимъ мы факты изъ современной русской литературы, приводимые почтеннымъ академикомъ въ доказательство будто-бы вреднаго вліянія французскаго духа на нашу литературу: ни въ одномъ журналѣ никто не называлъ Ломоносова педантомъ, не глумился надъ Карамзинымъ; но во всѣхъ журналахъ отзываются объ этихъ великихъ людяхъ русской земли съ должнымъ уваженіемъ. Если же теперь журналы не такъ сильно восхищаются Державинымъ и не такъ часто говорятъ о немъ, какъ восхищалось имъ и говорило о немъ старое поколѣніе, и если сама публика не читаетъ его, то съ этимъ дѣлать нечего: въ литературѣ всякій воленъ имѣть свое мнѣніе и свой вкусъ, и у всякой эпохи есть свои предметы уваженія, удивленія и поклоненія. Было же время, когда «Федра» Расина, такъ прекрасно переведенная г-мъ Лобановымъ, почиталась первѣйшею трагедіею въ мірѣ, такъ что посредственный переводъ ея могъ доставить извѣстность иному безталанному писакѣ; а теперь кто станетъ говорить о «Федрѣ», или помнить о ея переводѣ, когда можетъ читать «Гамлета» и «Макбета» въ переводѣ г. Вронченко? Можетъ быть, «Дмитрій Донской» Озерова и въ самомъ дѣлѣ не лишенъ поэзіи, но какъ же можно читать его теперь, не говоримъ послѣ «Бориса Годунова» Пушкина, но даже послѣ «Димитрія Самозванца» г. Хомякова» [259])?

XXXVII.

Вліяніе Шишкова, господствовавшее въ академической жизни и дѣятельности, продолжалось до самой смерти Шишкова. Со смертію его прекратилось и существованіе россійской академіи. Докладывая государю, что президентъ россійской академіи

Шишковъ скончался въ ночь съ 9 на 10 апрѣля 1841 года, министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ присовокупилъ, что впредь до дальнѣйшаго повелѣнія онъ принялъ россійскую академію въ непосредственное свое управленіе. Императоръ Николай Павловичъ написалъ на этомъ докладѣ, 11 апрѣля 1841 года: «Представьте мнѣ проектъ соединенія россійской академіи съ академіею наукъ». Вслѣдствіе этого Уваровъ представилъ свой проектъ соединенія академій. Но въ сущности Уваровъ предлагалъ не столько соединеніе, сколько раздѣленіе двухъ академій, полагая, что сліяніе ихъ въ одно цѣлое невозможно уже по самой разнородности ихъ занятій. За академіею наукъ онъ признавалъ историческое право на отдѣльное существованіе; что же касается россійской академіи, то онъ находилъ необходимымъ преобразовать ее и расширить кругъ ея дѣятельности. По проекту Уварова вмѣсто двухъ академій предполагалось три подъ однимъ названіемъ: *Императорскія Соединенныя Академіи*, а именно: *Академія наукъ*, въ кругъ которой входятъ науки математическія и естественныя; *Академія русской словесности*, или *Славяно-русская академія*, и *Академія исторіи и филологіи*. Вмѣстѣ съ тѣмъ Уваровъ ходатайствовалъ о принятіи наслѣдникомъ-цесаревичемъ званія *Канцлера Императорскихъ Соединенныхъ Академій*. Не изъявивъ согласія ни на учрежденіе трехъ соединенныхъ академій, ни на принятіе наслѣдникомъ престола званія канцлера, государь повелѣлъ, чтобы подъ общимъ названіемъ *Императорской академіи наукъ* состояло три отдѣленія:

Первое отдѣленіе — собственно Академія наукъ (sciences exactes).

Второе отдѣленіе — Словесное, въ коемъ заключалась бы и Россійская академія.

Третье отдѣленіе — Исторіи и древностей, съ коимъ поставить въ сношеніе и Археографическую комиссію [260]).

Для составленія устава академіи наукъ, съ которою соединялась россійская академія, учрежденъ былъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ вице-президента академіи наукъ князя Дон-

дукова-Корсакова, изъ членовъ: со стороны россійской академіи — Востокова и Языкова, со стороны академіи наукъ — Френа и Фуса. Составители проекта должны были руководствоваться началами, изложенными министромъ народнаго просвѣщенія Уваровымъ въ докладѣ государю о соединеніи россійской академіи съ академіею наукъ. Въ докладѣ этомъ говорится: «Однимъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ устава россійской академіи было то̀, что онъ предоставлялъ произволу и досугу членовъ труды по части языка и словесности. Академія должна остаться и впредь доступною для отличнѣйшихъ *писателей*, которыхъ имена, украшая отечественную словесность, украсятъ и сословіе членовъ академіи» и т. д. Комитетъ съ своей стороны выразилъ убѣжденіе, что «ограниченіе словеснаго отдѣленія одними академиками, посвящающими себя исключительно ученымъ изысканіямъ о языкѣ, оставило бы Отдѣленіе неполнымъ: и достоинство самого учрежденія и польза словесности требуютъ, чтобъ, вмѣстѣ съ представителями ученой лингвистики отечественной, Отдѣленіе заключало въ своемъ составѣ и представителей отечественной словесности въ собственномъ смыслѣ, т. е. *писателей*, снискавшихъ извѣстность отличными произведеніями по разнымъ родамъ литературы. Не принимая на себя постоянныхъ обязанностей и опредѣленнаго труда, они будутъ полезны словесному отдѣленію академіи практическою своею опытностію въ языкѣ, вкусомъ и литературными талантами» [261]).

Комитетъ, о которомъ идетъ рѣчь, предлагалъ преобразовать россійскую академію въ «*Классъ отечественнаго языка и словесности*, занимающійся въ частности славяно-русскою филологіею, собственно русскимъ языкомъ и его нарѣчіями, исторіею отечественной словесности, славянскими нарѣчіями, именно: болгарскимъ, сербскимъ, хорватскимъ (кроатскимъ) и хорутанскимъ (краинскимъ), польскимъ, чешскимъ (богемскимъ) и словацкимъ, и языками, содержащими въ себѣ славянскія начала: литовскимъ (жмудскимъ, прусско-литовскимъ, латышскимъ) и волошскимъ. Одною изъ главнѣйшихъ обязанностей сего класса

есть составленіе полныхъ словарей русскаго языка, какъ по азбучному, такъ и по словопроизводному порядку». По классу отечественнаго языка и словесности полагалось восемь ординарныхъ академиковъ, а именно: четыре для русскаго языка и словесности: два для славянскихъ нарѣчій—одинъ для болгарскаго, сербскаго, хорватскаго хорутанскаго яз., другой — для польскаго, чешскаго и словацкаго; одинъ—для славянорусской филологіи, и одинъ — для языковъ, содержащихъ въ себѣ славянскія начала [262]).

Болѣе подробное опредѣленіе занятій Словеснаго отдѣленія сдѣлано Востоковымъ и Языковымъ. По мнѣнію ихъ, въ кругъ занятій преобразованной россійской академіи должны были войти слѣдующіе предметы [263]):

1. Составленіе словаря русскаго языка:
   a) по азбучному порядку,
   b) по словопроизводному порядку.
2. Составленіе словаря чужеземныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, какъ употребляющихся еще нынѣ, такъ и вышедшихъ изъ употребленія, но оставшихся въ книгахъ, съ историческими и хронологическими, по возможности, указаніями.
3. Составленіе сравнительнаго словаря всѣхъ славянскихъ нарѣчій.
4. Составленіе словаря областныхъ словъ, съ замѣчаніями на нихъ.
5. Исторія словесности отечественной въ особенности и славянской вообще.
6. Составленіе ученой полной славянской грамматики, основанной на сравненіи всѣхъ нарѣчій и историческихъ памятникахъ.
7. Составленіе грамматики русскаго языка, именно для употребленія въ училищахъ.
8. Переводъ съ иностранныхъ языковъ на русскій такихъ

сочиненій, которыя относятся до языкознанія вообще и славянскаго въ особенности, съ нужными отъ себя замѣчаніями и поясненіями.

9. Переводъ на русскій языкъ классическихъ писателей, древнихъ и новыхъ.

10. Переводъ на русскій языкъ византійскихъ и западныхъ временниковъ.

Проектъ академическаго устава представленъ въ министерство въ началѣ августа 1841 года; но до октября дѣлу не дано было дальнѣйшаго движенія. На докладѣ о медали, выбитой на пятидесятилѣтіе россійской академіи, государь написалъ: «Пора кончить съ дѣломъ академіи: я все жду» [264]). Слова эти написаны 14 октября 1841 года, а 15 октября того же года Уваровъ представилъ государю доклады о присоединеніи россійской академіи къ академіи наукъ и объ утвержденіи академиковъ и адъюнктовъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Причина замедленія заключалась, по словамъ Уварова, въ томъ, что дѣло о россійской академіи, совсѣмъ оконченное, находилось въ числѣ дѣлъ, о которыхъ онъ надѣялся доложить лично, но болѣзнь воспрепятствовала.

19 октября 1841 года государь утвердилъ Положеніе объ Отдѣленіи русскаго языка и словесности. Въ первомъ параграфѣ Положенія говорится: «*Императорская россійская академія* присоединяется къ Императорской академіи наукъ въ видѣ особаго *Отдѣленія русскаго языка и словесности*. Вслѣдствіе сего вся собственность первой, состоящая въ зданіяхъ, денежныхъ суммахъ и другихъ принадлежностяхъ, обращается въ составъ имущества послѣдней».

Тогда же послѣдовало утвержденіе дѣйствительныхъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности. Всѣмъ дѣйствительнымъ членамъ россійской академіи, которые не вошли въ число дѣйствительныхъ членовъ Отдѣленія, присвоено званіе *Почетныхъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности*. При первомъ своемъ образованіи, Отдѣленіе русскаго языка и

словесности состояло изъ двадцати членовъ, изъ которыхъ шестнадцать утверждены въ званіи ординарныхъ академиковъ и четыре — въ званіи адъюнктовъ. Изъ шестнадцати ординарныхъ академиковъ четырнадцать были до того времени членами россійской академіи, а именно: Филаретъ, митрополитъ московскій; Инокентій (Борисовъ), епископъ вологодскій; Арсеньевъ, Бутковъ, Востоковъ, князь Вяземскій, Жуковскій, Каченовскій, Крыловъ, Михайловскій-Данилевскій, Панаевъ, Погодинъ, кн. П. А. Ширинскій-Шихматовъ и Языковъ, бывшій непремѣнный секретарь россійской академіи. Сверхъ того утверждены: въ званіи ординарныхъ академиковъ—профессоръ петербургскаго университета Плетневъ и профессоръ московскаго университета Давыдовъ; въ званіи адъюнктовъ: Бередниковъ, Розбергъ, Строевъ и Шевыревъ.

XXXVIII.

Болѣе нежели полувѣковое существованіе россійской академіи не прошло совершенно безслѣдно для русской литературы и науки. Къ такому заключенію приводитъ безпристрастное свидѣтельство данныхъ, которыми необходимо руководствоваться при оцѣнкѣ академической дѣятельности.

Появленіе учено-литературнаго общества, которому дано названіе *Россійской академіи*, отнюдь не было простою случайностью, неимѣвшею связи ни съ прошедшимъ, ни съ настоящимъ состояніемъ русской образованности. Мысль объ учрежденіи общества, которое посвятило бы себя изученію и разработкѣ отечественнаго языка, восходитъ къ первымъ годамъ существованія академіи наукъ. Въ средѣ академіи наукъ образовалось такъ называемое *Россійское собраніе*, поставившее своею задачею составленіе словаря, грамматики, риторики и піитики. Слѣдовательно, *Россійское собраніе* стремилось къ тому, что впослѣдствіи сдѣлалось цѣлію *Россійской академіи*. Однородную цѣль имѣло въ виду и открытое при московскомъ университетѣ *Вольное россій-*

ское собраніе, многіе изъ членовъ котораго избраны и въ члены россійской академіи. Пришло время перейти отъ попытокъ и начинаній къ болѣе опредѣленной и постоянной дѣятельности, и учрежденіе россійской академіи было отвѣтомъ на требованіе времени. Новая академія ревностно принялась за дѣло, завѣщанное ей прежними поколѣніями ученыхъ и писателей, дорожившихъ успѣхами роднаго языка и словесности. Въ основной цѣли россійской академіи, въ кругѣ академическихъ занятій и предпріятій, обнаруживается то стремленіе къ самосознанію, которое такъ ярко выразилось въ нашей умственной жизни во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Мысль о всестороннемъ изученіи нашего отечества проявилась тогда съ особенною силою. Съ этою цѣлью предпринимаемы были научныя путешествія по различнымъ краямъ Россіи, имѣющія такое важное значеніе въ области естественныхъ наукъ; этой же цѣли должно было служить и изученіе духовной стороны русскаго народа — его языка и его исторіи. Главнѣйшею задачею учреждаемой академіи полагалось изученіе и разработка отечественнаго языка, а также и отечественной исторіи. Самое названіе: *Россійская*, данное академіи, какъ бы указывало на ея національное значеніе. Не высокъ былъ въ ту пору уровень общественной образованности, тѣмъ не менѣе отовсюду, изо всѣхъ слоевъ общества были призваны живыя силы для участія въ предпринятомъ академіею трудѣ, который, по убѣжденію современниковъ, долженъ былъ сдѣлаться сокровищницею отечественнаго языка. Въ дружномъ стремленіи къ одной и той же цѣли сошлись и представители науки, и свѣтила тогдашней литературы, и скромные, никому неизвѣстные труженики, и образованнѣйшіе изъ людей блестящаго свѣтскаго общества, занимавшіе самыя высокія мѣста въ государственной службѣ. Первый періодъ существованія россійской академіи ознаменованъ составленіемъ и изданіемъ словопроизводнаго словаря, котораго одного достаточно, чтобы сказать, что академія существовала не даромъ. Собраніе громаднаго, по тому времени, количества словъ: общеупотребительныхъ,

старинныхъ, областныхъ, техническихъ; объясненіе ихъ, во многихъ случаяхъ вполнѣ удовлетворительное, по тогдашнему состоянію филологіи; умѣнье довести дѣло до конца, и т. д. — все это свидѣтельствуетъ, что россійская академія добросовѣстно исполнила свою задачу и проложила путь для дальнѣйшихъ работъ на открытомъ ею поприщѣ. Какъ велико было сочувствіе къ россійской академіи въ кругу ученыхъ и писателей, можно судить по дѣятельному участію въ трудахъ ея такихъ представителей литературы и науки, какъ Фонвизинъ, Болтинъ, Лепехинъ, Озерецковскій, и др. И количество и качество вкладовъ, внесенныхъ этими замѣчательными людьми, краснорѣчиво говоритъ о дѣйствительномъ сочувствіи цѣлямъ и предпріятіямъ академіи. Литературный органъ, получившій историческое значеніе — «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова» издавался членами россійской академіи; на страницахъ его помѣщались статьи, представляемыя въ россійскую академію и читанныя въ ея засѣданіяхъ.

Тяжелая пора настала для академіи со смертію ея основательницы, императрицы Екатерины II, принимавшей непосредственное участіе въ академическихъ трудахъ. Думали даже, что дни россійской академіи уже сочтены, что пробилъ ея послѣдній часъ. Ссылка президента и явное нерасположеніе власти къ учено-литературному обществу, учрежденному Екатериною II, служили какъ бы подтвержденіемъ тревожныхъ ожиданій. Лучемъ свѣта показалась тогда и такая мѣра, которая во всякое другое время была бы сочтена за большое лишеніе. Выслушавъ извѣстіе о томъ, что отпускъ суммъ на содержаніе академіи прекращается, академики почувствовали нѣкоторую радость. Причина ея заключается въ томъ, что академіи предоставлялось отнынѣ содержать себя исключительно своими собственными средствами. Значитъ—заключали академики—право на существованіе признано за академіею, и она не будетъ окончательно уничтожена.

Съ воцареніемъ императора Александра I судьба россійской академіи измѣнилась къ лучшему. Все, отнятое у академіи, было

ей возвращено и притомъ за все время, протекшее со смерти Екатерины II до возшествія на престолъ императора Александра I. Но зданіе было уже расшатано, и для возстановленія его требовалось много такихъ условій, которыя были не по силамъ людямъ, желавшимъ призвать академію къ новой жизни. Многіе изъ дѣятелей Екатерининской эпохи сошли въ могилу; не было въ живыхъ ни Фонвизина, ни Лепехина, ни Болтина. Дашкову не могъ замѣнить Нартовъ, назначенный президентомъ, хотя академія избрала въ президенты другое лицо, именно графа Александра Сергѣевича Строгонова. Преемникъ Нартова Шишковъ сдѣлался полнымъ властелиномъ академіи; его воззрѣнія, его сочувствія, даже его литературные предразсудки находили вѣрный отголосокъ въ сужденіяхъ и приговорахъ россійской академіи. Вслѣдствіе этого академія представлялась постороннему наблюдателю не столько учено-литературнымъ обществомъ, безпристрастно оцѣнивающимъ заслуги писателей, сколько литературною партіею, почтительно повторявшею мнѣнія своего руководителя.

Несмотря однакоже на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, россійская академія продолжала приносить свою посильную пользу. Для вѣрнаго вывода въ этомъ отношеніи необходимо припомнить, что россійская академія принимала на себя обязанности, которыя впослѣдствіи раздѣлены между нѣсколькими учрежденіями. Работая надъ словаремъ, расположеннымъ по азбучному порядку, составившимъ славу академіи во второй періодъ ея существованія; издавая, одинъ за другимъ, четыре учено-литературныхъ журнала, академія занималась вмѣстѣ съ тѣмъ переводами съ иностранныхъ языковъ на русскій; издала на свои средства нѣсколько замѣчательныхъ произведеній русской литературы и науки; составляла и издавала учебныя книги; оказывала поддержку нуждающимся писателямъ, и т. д. На пособіе писателямъ и на снабженіе едва возникавшихъ тогда мѣстныхъ библіотекъ, въ различныхъ краяхъ Россіи, академія употребила около семидесяти тысячъ. Замѣтимъ, что въ тѣ времена нуждающіеся пи-

сатели находили единственную поддержку въ россійской академіи: она шла имъ на помощь, выдавая имъ значительныя денежныя суммы, подписываясь на нѣсколько сотъ экземпляровъ издаваемыхъ сочиненій, или же печатая на свой счетъ и предоставляя все изданіе въ пользу автора.

Нельзя забыть также, что россійской академіи принадлежитъ почпнъ въ литературномъ сближеніи съ славянскимъ міромъ. Среди всеобщаго равнодушія къ славянству, россійская академія заговорила о необходимости изучать родственныя намъ славянскія нарѣчія, объ изданіи памятниковъ языка и словесности различныхъ славянскихъ народовъ, и т. п. Россійская академія приглашала въ свою среду выдающихся славянскихъ ученыхъ и находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ славянскими ученолитературными обществами и съ замѣчательнѣйшими изъ представителей науки и литературы славянъ — съ Добровскимъ, Копитаромъ, Колларомъ, Шафарикомъ, Палацкимъ, Ганкою, Караджичемъ и др. Немало научныхъ трудовъ на пользу славянства появилось въ свѣтъ только благодаря щедрымъ пособіямъ со стороны россійской академіи; она же давала славянскимъ ученымъ и писателямъ весьма значительныя средства для собиранія и изданія памятниковъ устной и письменной словесности, для этнографическаго изученія славянскаго міра, и т. п.

Для того, чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о дѣятельности россійской академіи и ея значеніи въ исторіи нашей умственной жизни, необходимо имѣть въ виду тѣ черты, которыя связываютъ россійскую академію съ тѣмъ ученымъ учрежденіемъ, съ которымъ она и слилась впослѣдствіи, именно съ академіею наукъ. Извѣстно, что при самомъ учрежденіи академіи наукъ въ Россіи, геніальнымъ основателемъ академіи указаны ей двѣ великія цѣли: разработка наукъ вообще и распространеніе знаній въ Россіи. Для достиженія второй цѣли Петръ Великій поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы академики-иностранцы готовили себѣ преемниковъ изъ природныхъ русскихъ. Для распространенія свѣта знаній въ странѣ, необходимо было близко

знать эту страну, ея нужды и потребности, складъ понятій, нравы и обычаи ея жителей. Эту истину превосходно понимали самые замѣчательные изъ ученыхъ, призванныхъ въ нашу академію изъ чужихъ краевъ. Предпринимая научныя путешествія по Россіи, академики-иностранцы выбирали достойныхъ спутниковъ, и при помощи ихъ открыли себѣ возможность познакомиться со многимъ, что̀ было бы имъ недоступно по незнанію ими страны, народа и его языка. Значительное число научныхъ наблюденій сдѣлано русскими спутниками иностранныхъ ученыхъ, а то̀, что̀ относится къ этнографіи, принадлежитъ почти исключительно русскимъ ученымъ. Въ этомъ удостовѣряютъ и печатныя изданія путешествій и сохранившіяся въ рукописяхъ сообщенія лицъ, находившихся во главѣ экспедицій. Почти всѣ изъ русскихъ ученыхъ, принимавшихъ участіе въ научныхъ путешествіяхъ и ихъ описаніяхъ, избраны въ члены россійской академіи при самомъ ея учрежденіи или же въ первый періодъ ея дѣятельности.

Вступленіе въ россійскую академію сплотило русскихъ ученыхъ въ одно цѣлое, и открыло передъ ними обширное поле для трудовъ на пользу Россіи и для распространенія знаній въ русскомъ народѣ. Завѣтная мысль Петра Великаго, развитіемъ которой служила дѣятельность Ломоносова, сдѣлалась руководящимъ началомъ для учениковъ Ломоносова, избранныхъ въ члены россійской академіи. Стоя на высотѣ современной имъ науки, пользуясь вполнѣ заслуженною извѣстностію въ европейскомъ ученомъ мірѣ, они постоянно имѣли въ виду поднятіе уровня русской образованности, и въ этомъ отношеніи дѣятельность ихъ по справедливости можетъ названа быть просвѣтительною. Въ своихъ трудахъ по различнымъ отраслямъ знаній, ученики Ломоносова и ученики его учениковъ поднимали вопросы, имѣющіе жизненное и просвѣтительное значеніе для русскаго общества. Русскіе ученые, о которыхъ идетъ рѣчь, внесли весьма важные вклады въ словарь россійской академіи, и много сдѣлали для русской научной терминологіи; своими изслѣдованіями, своими

статьями въ повременныхъ изданіяхъ и своими лекціями они безспорно содѣйствовали распространенію знаній въ Россіи. Къ чести этихъ достойныхъ тружениковъ надо еще замѣтить, что, будучи членами академіи наукъ, они постоянно являлись горячими защитниками русскихъ дарованій, и отстаивали права русскихъ ученыхъ на избраніе въ академики. Мнѣнія, высказанныя по этому поводу членами академіи наукъ, бывшихъ въ тоже время членами россійской академіи, проникнуты и уваженіемъ къ наукѣ и сочувствіемъ къ умственной жизни Россіи. Эта неизгладимая черта, это единодушіе сближаетъ между собою всѣхъ замѣчательныхъ членовъ россійской академіи, втеченіе всего ея существованія, отъ Лепехина, котораго современники признавали «человѣкомъ, въ честности святымъ», до Ник. Сем. Мордвинова, заслужившаго всеобщее уваженіе благородствомъ и независимостію своего образа мыслей. Даже враги Мордвинова, называвшіе его «русскимъ думникомъ» утверждали, что завѣтнымъ убѣжденіемъ его было: «должно поддерживать русскія дарованія». Замѣчательнѣйшіе изъ членовъ россійской академіи служили живою связью между академіею и образованною частью русскаго общества. Къ россійской академіи обращались университеты съ просьбою объ указаніи лицъ, достойныхъ занять каѳедру русской словесности. Члены россійской академіи принимали участіе и въ устройствѣ университетовъ и въ другихъ вопросахъ нашей умственной и общественной жизни. Стоитъ только прочесть составленные Озерецковскимъ и его сотрудниками проекты уставовъ: цензурнаго и университетскаго, чтобы убѣдиться, до какой степени вѣрны были просвѣтительнымъ началамъ лучшіе изъ дѣятелей россійской академіи.

Все, сказанное нами, подтверждается цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ, сохранившихся въ первыхъ и достовѣрнѣйшихъ источникахъ. Но вмѣстѣ съ свѣтлыми сторонами въ академической дѣятельности были въ ней и темныя стороны, о которыхъ мы неоднократно говорили въ своемъ историческомъ обозрѣніи. Отыскивая главную ихъ причину, невольно припоминаешь от-

зывъ Даламбера о нареканіяхъ на французскую академію, заключающій въ себѣ черты, поразительно сходныя съ тѣмъ, что представляетъ судьба россійской академіи.

Французскую академію обвиняли въ томъ, что нѣкоторые изъ знаменитыхъ писателей оставлены ею безъ вниманія, а многія посредственности попали въ члены академіи. Даламберъ замѣчаетъ на это, что нельзя руководствоваться исключительно приговоромъ позднѣйшихъ критиковъ, а надо принимать въ соображеніе, какъ современники смотрѣли на тотъ или другой академическій выборъ. Есть много условій, совершенно ясныхъ и понятныхъ для современниковъ, но теряющихъ свой смыслъ для потомства. По убѣжденію Даламбера, корень зла заключается въ томъ, что академія лишена была самостоятельности. Даламберъ находитъ необходимымъ, чтобы академіи предоставлена была полная свобода выборовъ, и чтобы академія могла дѣйствовать совершенно независимо, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, безъ всякихъ требованій, приказаній и запрещеній: тогда, и только тогда, въ средѣ ея появятся члены, которые вполнѣ достойны этой чести. Писатели, дѣйствительно знаменитые, займутъ подобающее имъ мѣсто: *рано или поздно*, но во всякомъ случаѣ *неизбѣжно*, они будутъ избраны въ члены академіи, и т. д. [265]).

И въ отношеніи россійской академіи можно сказать, что главное ея несчастіе заключалось въ томъ, что она не была предоставлена самой себѣ, и не имѣла свободы выбора. Шишковъ распоряжался въ ней полновластнымъ хозяиномъ, и вербовалъ своихъ единомышленниковъ, будучи наивно увѣренъ, что они-то и составляютъ настоящее украшеніе литературы. Отсутствіе талантовъ подрывало авторитетъ академіи, и можно ли было довѣрять ея приговорамъ, когда она упорно молчала о Лермонтовѣ, а нѣкоторое время даже о Пушкинѣ, и превозносила поэтическія дарованія Бор. Ѳедорова и кн. Шихматова...

Долго, чрезвычайно долго господствовало въ академіи подобное недоразумѣніе; но оно должно было *рано или поздно* усту-

пить мѣсто болѣе справедливой оцѣнкѣ писателей. Избраніе Карамзина, Пушкина и Жуковскаго въ члены россійской академіи помирило съ нею общественное мнѣніе, и наглядно показало, что она не желаетъ плыть противъ теченія и отрицать таланты, которые составляютъ дѣйствительную красу и славу отечественной литературы.

Пушкинъ признавалъ, что россійская академія принесла истинную пользу нашему прекрасному языку, и можетъ, если захочетъ, ободрить и оживить нашу словесность [266]). Краснорѣчивымъ приговоромъ надъ дѣятельностью россійской академіи могутъ служить отзывы современниковъ, высказанные подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ закрытія россійской академіи, т. е. преобразованія ея во Второе отдѣленіе академіи наукъ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ отзывъ князя Вяземскаго — писателя, несочувствовавшаго направленію россійской академіи и вообще нелюбившаго скрывать темныя стороны ни въ людяхъ, ни въ учрежденіяхъ. Князь Вяземскій обвиняетъ россійскую академію въ томъ, что она дѣлала на пользу словесности гораздо менѣе, чѣмъ могла и должна была дѣлать. Онъ приводитъ остроту Крылова, называвшаго академію богатою и скупою невѣстою, копившею приданое для московскаго университета. «Свадьба не состоялась, — говоритъ князь Вяземскій — академическій капиталъ былъ отобранъ; богатая невѣста замужъ не вышла, и, какъ сиротка, пристроена была къ другому мѣсту и подъ другимъ именемъ. Для старыхъ академиковъ это былъ жестокій ударъ. Министра Уварова осуждали за эту реформу. Въ лирическомъ негодованіи своемъ иные даже утверждали, что онъ этимъ преобразованіемъ оскорбляетъ память Екатерины Великой: она была основательницей академіи, въ лицѣ княгини Дашковой была сама почти членомъ академіи. Довольно долго раздавались жалобы, сѣтованія и упреки. Конечно, кажется, *лучше было бы не трогать академіи*, не нарушать личныхъ преимуществъ ея. Она уже пользовалась правомъ гражданства въ составѣ государства; принесла не столько пользы, сколько могла принести; но все же не-

совсѣмъ праздно просуществовала. *Нѣкоторыми нововведеніями и улучшеніями можно было еще возвысить вліяніе ея на любознательную и просвѣщенную публику.* Въ Парижѣ избраніе новаго академика, пріемное засѣданіе ему, рѣчи при этомъ читанныя, составляютъ еще и нынѣ событіе для города, который въ событіяхъ не нуждается, а скорѣе подавленъ разнородными событіями. У насъ далеко не то̀, особенно въ явленіяхъ умственной и литературной дѣятельности. Впрочемъ наша академія тоже записала событіе въ лѣтописяхъ своихъ: когда Карамзинъ читалъ въ ней рѣчь и отрывки изъ Исторіи государства россійскаго, и получилъ золотую медаль изъ рукъ незлопамятнаго Шишкова. Въ лицѣ его *старый слогъ* не только примирился съ *новымъ*, но воздалъ ему подобающую честь. Это академическое торжество было и общественнымъ и городскимъ событіемъ. Никогда академическая зала не видала въ стѣнахъ своихъ такого многолюднаго и блестящаго собранія. Чтеніе академика-Пушкина могло бы также быть академическимъ праздникомъ. Подобные праздники полезны и нужны для разнообразія и пробужденія посреди обихода будничныхъ, голословныхъ дней» [267]).

ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

---

1) Рукописныя записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 21 октября 1783 года. Краткое начертаніе императорской россійской академіи; ст. III, л. 5.—

2) Записки засѣданій россійской академіи. Собраніе 28 октября 1783 года; ст. III и IV, л. 12—12 об.—

Словарь академіи россійской. 1794. Часть VI, стр. 159.—

3) Записки россійской академіи. Собраніе 11 ноября 1783 года; ст. V, л. 17 об.—18 и слѣд.—

4) Записки росссійской академіи. Собранія: 18 ноября 1783 года; ст. III, л. 21 об.—22;—25 ноября 1784 года; л. 56 об.;—25 ноября 1786 года; ст. II, л. 107.—

Въ октябрѣ 1784 года представленъ былъ императрицѣ Екатеринѣ II слѣдующій отчетъ о занятіяхъ россійской академіи въ первый годъ ея существованія:

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой государынѣ императрицѣ и самодержицѣ всероссійской

От предсѣдателя россійской академіи, княгини Дашковой

всеподданнѣйшій рапортъ.

Со дня открытія россійской академіи, благотворнымъ вашего императорскаго величества велѣніемъ основанной, вопервыхъ

прилагаемо было попеченіе о утвержденіи ея устава, который съ общаго согласія академіи членовъ начертавъ, имѣла я счастіе поднести вашему императорскому величеству на высочайшую конфирмацію. Потомъ академія, приступивъ къ прямому своему упражненію, старалася положить точное основаніе трудамъ своимъ начертаніемъ правилъ, которыхъ бы держаться въ сочиненіи словаря, яко нужнѣйшей и понынѣ недостающей отечественному нашему языку книги.

Соотвѣтственно сему, приложено было стараніе о собраніи всѣхъ словъ, какъ славянскихъ, такъ и россійскихъ, порядкомъ аналогическимъ. Трудъ сей раздѣленъ былъ между членами, и въ краткое время собраны слова почти на всѣ буквы въ такомъ количествѣ, въ какомъ оныхъ доселѣ никогда собираемо не было; ибо употреблены на сіе не токмо всѣ печатные краткіе словари, но и нѣкоторые письменные, и дополняемы были слова изъ лучшихъ книгъ церковныхъ, гражданскихъ, лѣтописей разныхъ, законодательствъ, какъ древнихъ, такъ и вашимъ императорскимъ величествомъ данныхъ, изъ книгъ, касающихся до наукъ, ремеслъ, рукодѣлій, промысловъ и проч.

Отъ сего собранія произошла нынѣ печатаемая аналогическая словъ роспись, которыя пятая буква *Д*, еще тисненіемъ неоконченная, уже 55-й листъ занимаетъ.

Роспись сія печатается по числу членовъ, академію составляющихъ, въ томъ единственно намѣреніи, чтобъ, избѣжавъ многотрудной и медленной переписки, подать удобный способъ каждому члену дѣлать свои примѣчанія и пополненія. Отъ сего количество словъ безпрестанно немалое получаетъ приращеніе, и члены, въ отдаленности отъ столицы живущіе, дополняютъ оную словами, въ тѣхъ областяхъ употребляемыми. Посему академія, при всѣхъ сихъ пособіяхъ, имѣетъ несумнѣнную надежду, съ окончаніемъ печатанія сея росписи, собрать всевозможныя слова, въ Россіи употребляемыя, и чрезъ тò быть въ состояніи начать разные словари издавать вдругъ.

Къ преуспѣянію въ семъ намѣреніи учреждены изъ членовъ разные отдѣлы.

Первый изъ нихъ—отдѣлъ *грамматикальный*, коего должность есть опредѣлять всѣ слова грамматически, отличать употребительныя въ чистомъ языкѣ отъ низкихъ словъ, областныя отъ употребляемыхъ въ столицахъ; отдѣлять первообразныя, или коренныя отъ производныхъ и проч. Ибо академія судила, для удобнѣйшаго объясненія языка, сдѣлать первое изданіе словаря порядкомъ этимологическимъ, въ коемъ слова, отъ кореннаго, или первообразнаго происходящія, разный оныхъ смыслъ и употребленіе въ различныхъ случаяхъ и слогахъ, въ одномъ, такъ сказать, мѣстѣ означатся и истолкуются. Этимологическій же словарь въ аналогическій, когда потребуется, преобразить весьма удобно будетъ.

Второй отдѣлъ—*объяснительный*, коего члены трудятся надъ изъясненіемъ словъ, какъ въ собственномъ, или точномъ ихъ смыслѣ, такъ и въ смыслѣ распространенномъ и переносномъ, гдѣ можно, опредѣленіемъ. Въ словахъ же, нетерпящихъ опредѣленія сословами и примѣрами, прибираютъ воедино слова тождезначащія.

Третій отдѣлъ—*издателей* печется о изданіи трудовъ, первыми двумя отдѣлами обработанныхъ; о чистотѣ и исправности въ печатаніи, о сохраненіи порядка, начертаніемъ предписаннаго, и надзираетъ, не вкрались ли какія ошибки въ первыхъ двухъ отдѣлахъ.

Впрочемъ, встрѣчающіяся трудности во всякомъ отдѣлѣ, предлагаются на рѣшеніе всея академіи, и всѣ ихъ труды равнымъ же образомъ предписано разсматривать въ собраніяхъ академическихъ.

Такимъ образомъ россійская академія, расположивъ труды свои, питается сладостною надеждою имѣть счастіе въ непродолжительномъ времени начало словаря, въ точномъ его видѣ, повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества.

Наконецъ академія не упускаетъ изъ виду и другихъ своихъ

упражненій, къ чистотѣ языка относящихся, и трудится въ сочиненіи россійской грамматики, коей уже доброе положено начало.

Равнымъ образомъ многочисленное словъ собраніе открываетъ путь къ предписанію точныхъ правилъ ударенія словъ, коихъ по сіе время совсѣмъ языку нашему не доставало, и надъ утвержденіемъ коихъ отрядные члены особливо трудятся. —

Октября дня, 1784 года.

5) Записки россійской академіи. Собраніе 25 ноября 1784 года; л. 55 об.—

6) Отчетъ кн. Дашковой, представленный въ октябрѣ 1784 года, помѣщенный выше, въ Приложеніи 4-мъ.

7) Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. Пекарскаго. Приложеніе къ III-му тому Записокъ имп. академіи наукъ. 1863; стр. 81.—

8) Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ. Петра Пекарскаго. 1870. Томъ I, стр. 650—651, 643.—

9) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867; стр. 105.—

10) Исторія императорской академіи наукъ въ Петербургѣ. Петра Пекарскаго. 1873. Томъ II, стр. 373—374, 401, 413.—

11) Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1875. Томъ XIII, стр. 36—37.—

12) Исторія академіи наукъ. П. Пекарскаго. Т. II, стр. 897.—

13) Записки россійской академіи. Собраніе 18 ноября 1783 года; ст. XI, л. 26.—

14) Записки россійской академіи. Собраніе 16 декабря 1783 года; ст. III, л. 27 об.—

15) Заглавія нѣтъ; на корешкѣ: 113. Подъ этимъ номеромъ означенъ Словарь и въ печатной «Росписи» (Роспись книгамъ и рукописямъ императорской россійской академіи. 1840; стр. 159, № 113. *Рукопись, содержащая слова русскія).*

16) Записки россійской академіи. Собраніе 24 мая 1785 г.; ст. III, л. 69.—

17) Записки россійской академіи. Собраніе 11 ноября 1788 года; ст. I, л. 161.—

18) Сохранившееся въ рукописяхъ россійской академіи письмо Веревкина, помѣченное: «11-го декабря 783-го, изъ клинскаго уѣзда».—

19) Д. В. Полѣнова: О лѣтописяхъ, изданныхъ отъ св. синода (Записки императорской академіи наукъ. 1864. Т. IV, стр. 187—188).—

20) Лѣтопись Несторова по кенигсбергскому списку. 1767; стр. 46.—

21) Лѣтописецъ новгородскій. 1781; стр. 137, 36, 135, 87, 84, 13, 92, 687.—

22) Никоновская лѣтопись. II, 86, 13.—

23) Русская лѣтопись съ Воскресенскаго списка. 1793—1794. Часть I, стр. 155 (= л. 237); Часть II, стр. 50 (= л. 566).—

24) Опытъ трудовъ Вольнаго россійскаго собранія. Ч. II, стр. 85.—

25) Первое изданіе вышло подъ заглавіемъ: «Совершенный егеръ (sic), или знаніе о всѣхъ принадлежностяхъ къ ружейной и прочей полевой охотѣ, съ приложеніемъ полнаго описанія о свойствѣ, видѣ и расположеніи всѣхъ, обитающихъ въ россійской имперіи (исключая землю Камчатку и дальнѣйшія части Сибири), звѣрей и птицъ. Въ трехъ частяхъ. Съ нѣмецкаго языка на россійскій языкъ перевелъ, приложа многія пополненія, Василій Левшинъ. Печатанъ въ С.-Петербургѣ, 1779».—

Второе изданіе: «Совершенный егерь, стрѣлокъ и псовый охотникъ, или знаніе о всѣхъ принадлежностяхъ къ ружейной и псовой охотѣ, содержащее въ себѣ: Полное описаніе о свойствѣ, видѣ и расположеніи всѣхъ, находящихся въ Россійской имперіи, звѣрей и птицъ. Спб. 1791».—

И въ томъ, и въ другомъ изданіи помѣщено «Предувѣдом-

леніе *егеря Веймара»*. Русскій переводчикъ говоритъ о себѣ, что «занявши нѣсколько знанія» отъ старыхъ искусныхъ егерей, онъ собиралъ разныя нѣмецкія книги, провѣрялъ ихъ указанія на опытѣ, и «почти ежедневною практикою получа основательное въ сей наукѣ знаніе», рѣшился издать эту книгу на русскомъ языкѣ, воспользовавшись многими источниками, особенно же сочиненіемъ «искуснаго *егеря Веймара»*. Но *Веймаръ* (городъ) — мѣсто печатанія книги; авторъ же ея — *Шлегель*. —

26) Опытъ трудовъ Вольнаго россійскаго собранія при императорскомъ московскомъ университетѣ. 1783. Часть шестая. Разсужденіе о различіи слоговъ — статья, сообщенная членомъ Собранія Михаиломъ Никитичемъ Муравьевымъ. стр. 14, 15, 16, 19 — 20, 28. —

27) Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ господина коллежскаго совѣтника и профессора Михайла Ломоносова. Печатано при императорскомъ московскомъ университетѣ. 1757 года. Книга первая стр. 3 и 7. —

28) Словарь академіи россійской. 1789. Часть I. стр. VII— VIII. —

29) Исторія россійской академіи. 1885. Выпускъ седьмой. стр. 142 — 143. —

30) Записки россійской академіи. Собраніе 23 сентября 1788 года; ст. I; л. 159. —

31) Греча: Опытъ краткой исторіи русской литературы. 1822. § 58. Языкъ. стр. 521. —

32) Исторія россійской академіи. 1880. Выпускъ пятый. стр. 286. —

33) Записки россійской академіи. Собраніе 30 января 1784 года; ст. II; л. 34 об. —

34) Словарь академіи россійской. 1789. Часть 1. стр. XIV. —

35) Записки россійской академіи. Собраніе 2 октября 1787 года; ст. IV, л. 129 — 129 об. —

Отчетъ, или «рапортъ» кн. Дашковой, помѣщенный въ Приложеніи 4-мъ.

36) Записки россійской академіи. Собраніе 25 ноября 1786 года; ст. II; л. 106 об. —

37) Записки россійской академіи. Собраніе 18 ноября 1783 года; ст. VIII; л. 23 об. —

38) Записки россійской академіи. Собраніе 2 октября 1787 года; ст. IV, л. 129 — 129 об. —

39) Записки россійской академіи. Собраніе 10 августа 1794 года; ст. VI, л. 70. —

40) Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія, изъ библіотеки Александра Смирдина. 1828. стр. 467; № 5947. —

41) Ни на одной изъ пяти частей Аналогическихъ таблицъ не означено года выхода ихъ въ свѣтъ. На каждой изъ нихъ красныя клейма: сверху—*Karjavine*; сбоку—*Theodore Karjavine*. На всѣхъ частяхъ клеймо: E bibl. canc. imp. com. Nic. de Romanzoff.

Первая часть — отъ *А* до *К*; страниц. всего...	871
Вторая часть — отъ *Л* до *О*................	422
Третья часть, заключ. въ себѣ одн. тольк. *П*....	476
Четвертая часть — отъ *Р* до *Т*.............	368
Пятая часть — отъ *У* до *V*.................	246

42) Записки россійской академіи. Собраніе 25 ноября 1786 года; ст. II, л. 106 об. —

43) Записки россійской академіи. Собраніе 5 октября 1784 года; ст. VI, л. 53 — 53 об. —

44) Записки россійской академіи. Собраніе 3 мая 1791 г.; ст. II, л. 226 об. —

45) Словарь академіи россійской. Часть II. стр. VIII — IX и XIII. — Часть III. стр. III. — Часть V. стр. 2. — Часть VI. стр. II. —

46) Записки россійской академіи. Собраніе 11 марта 1788 года; ст. III, л. 147. —

47) Словарь академіи россійской. Часть IV. стр. I. (Имена господъ членовъ, участвовавшихъ въ составленіи сея четвертыя части). — Часть VI. стр. I. (Имена гг. член., участв. въ сост. сея шестыя части). —

48) Записки россійской академіи. Собраніе 25 ноября 1786 года; ст. I, л. 105 об. —

49) Histoire de l'académie française par Pellisson et d'Olivet, avec une introduction, des éclaircissements et notes par M. Ch.-L. Livet. 1858. I, 109. —

50) Считаемъ нужнымъ помѣстить «Предисловіе», такъ какъ оно служитъ существенною частью словаря, заключая въ себѣ тѣ основныя начала, которыми руководствовались составители перваго академическаго словаря:

— «Всякому, въ лѣтописяхъ искусившемуся, довольно извѣстно, что народное просвѣщеніе повсюду медленными шествуетъ стопами, если не споспѣшествуютъ оному мудрость и попеченіе самихъ государей. Великая наша самодержица, истинное благо подданныхъ своихъ назидающая, изобрѣла средство въ краткое время распространить просвѣщеніе, всякому состоянію соотвѣтственное, насаждая повсюду училища, ограждая ихъ преимуществами, обезпечивая во всемъ монаршими щедротами. Отъ прозорливости ея не сокрылось, что насажденія сіи обильнѣйшія принесутъ плоды, когда науки на природномъ языкѣ юношеству преподаваемы будутъ, и дабы наивящше въ томъ предуспѣть, благоволила дать россійскому слову не токмо отличное свое покровительство учрежденіемъ россійскія академіи, но и удѣляя часы отъ трудовъ своихъ, отверзла намъ двери къ самымъ сокровеннымъ и первобытнымъ источникамъ онаго.

Россійская академія, благотворнымъ ея велѣніемъ въ 21 день октября 1783 года основанная, тщася явить себя достойною монаршаго покровительства, и внемля предметамъ трудовъ своихъ, главнѣйшимъ себѣ поставила долгомъ сочиненіе словаря, или изъясненія словъ, реченій, рѣчей и разнаго образа вѣщаній, въ языкѣ славенороссійскомъ употребительныхъ.

Пользу и необходимую нужду таковаго сочиненія доказывать излишно: неоспоримая сія истина всѣмъ извѣстна, что безъ полнаго собранія словъ и рѣчей, и не опредѣляя точнаго ихъ знаменованія, не можно ни утвердительно сказать, въ чемъ состоитъ обиліе, красота, важность и сила языка, ниже пользоваться оными въ произведеніяхъ разума съ несомнѣнною точностію, могущею послужить примѣромъ.

Разсѣянное обиліе языка славенороссійскаго во множествѣ разныхъ книгъ какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ писателей, было главною доселѣ причиною трудности въ прямомъ нашего языка употребленіи. Отсюду введены въ него многія рѣчи и расположеніе оныхъ, свойству его противныя; отсюду видимъ во многихъ новѣйшихъ нашихъ писателяхъ и переводчикахъ слогъ, болѣе свойственный тѣмъ языкамъ, къ коимъ они вящшее раченіе, нежели къ своему собственному прилагали. Но сіе самое обиліе, въ единый составъ приведенное, облегчитъ каждаго трудъ въ познаніи точнаго смысла и употребленія языка славенороссійскаго, откроетъ непосредственно правила, къ утвержденію его нужныя, и послужитъ къ приведенію въ совершенство всѣхъ частей наукъ словесныхъ; ибо не правила языкъ раждаютъ, но изъ употребленія онаго извлекаются правила.

Славенороссійскій языкъ большею частью состоитъ изъ славенскаго, или, яснѣе сказать, основу свою на немъ имѣетъ, хотя впрочемъ великое множество содержитъ словъ собственно русскихъ, по свойству коихъ, нѣкоторыя изъ славенскаго языка почерпнутыя, иное окончаніе, иное образованіе, а другія и новый смыслъ получили.

Нѣтъ сомнѣнія, что славенскій языкъ къ древнѣйшимъ и кореннымъ языкамъ относить должно: сіе доказываетъ ясно особенность и независимость его отъ всѣхъ языковъ извѣстныхъ, и явные слѣды онаго, обрѣтаемые во многихъ древнихъ языкахъ, отъ коихъ нынѣшніе европейскіе языки столь много заимствовали. Примѣромъ сему послужить могутъ приведенныя кельтскія

слова *), почерпнутыя изъ соравнительныхъ словарей всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранныхъ десницею высочайшей особы. Древность сію изслѣдовать и изыскать въ точности предоставляетъ академія будущимъ трудамъ своимъ; для настоящаго же ея предмета непремѣнно нужно знать, что славенскій языкъ, отъ временъ просвѣщенія славянъ словомъ евангельскія истины, совсѣмъ иной получилъ видъ и образованіе. Ибо греки, принесшіе къ славенскимъ племенамъ христіанскій законъ, тщилися о распространеніи онаго преложеніемъ книгъ священныхъ и церковныхъ на языкъ славенскій; они явили неподражаемыхъ творцовъ во всѣхъ родахъ краснорѣчія, они витійствовали и въ твореніяхъ церковныхъ. Великіе изъ нихъ христіанскія церкви учители возвышали древнее свое краснорѣчіе богословскими ученіями и пареніемъ усерднаго къ Богу пѣнія. Отъ преложенія оныхъ на славенскій языкъ пріобрѣлъ сей обиліе, важность, силу, краткость въ изображеніи мыслей, удобность къ сложенію словъ и другія красоты языка греческаго.

Грекороссійская церковь, во всѣхъ племенахъ славенскихъ единымъ языкомъ славословя имя Божіе, главною и истинною доднесь пребыла виною, что мы, преимущественно предъ многими европейскими народами, цѣлость славенскаго языка неизмѣнну сохранили, и не токмо книги, писанныя за многія столѣтія, удобно разумѣемъ, но и другія славенскія нарѣчія, употребляемыя во странахъ, иноплеменными языками отъ насъ отдѣленныхъ, довольно для насъ вразумительны.

Языкъ россійскій, имѣя незыблемымъ основаніемъ языкъ славенскій, посредствомъ книгъ священныхъ и церковныхъ, со-

---

*)

по Россійски:	по Кельтски:	по Русски:	по Кельтски:
Мать	Ма	Долина	Долъ
Братъ	Браотъ	Кровь	Кравъ
Око	Огъ	Сила	Цилъ
Брюхо	Бру	Вода	Одъ
Гора	Горъ	Древо	Дервъ
День	Диддъ	Воля (власть)	Вели

хранилъ тоже преимущество, и народъ россійскій, не взирая на дальнее разстояніе мѣстъ, имъ обитаемыхъ, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ.

Но сіе также неоспоримая есть истина, что языкъ россійскій болѣе измѣнился и измѣняется предъ языкомъ славенскимъ,— что̀ не можетъ показаться удивительнымъ тому, кто представитъ себѣ великое пространство россійскаго обладанія, сосѣдственныхъ и внутри обитающихъ разноплеменныхъ народовъ, отъ коихъ вошли многія тѣхъ странъ названія вещей и произведеній, которыя, достигши столицъ, такъ укоренилися, что незнающимъ сихъ языковъ россійскими быть кажутся. Науки, художества, ремесла, рукодѣлія, торговля, промыслы, обновленное военное и гражданское состояніе, ввели въ языкъ россійскій многія реченія, предкамъ нашимъ невѣдомыя.

Таковое состояніе языка славенороссійскаго заставило академію, при составленіи словаря своего, вникать въ тотъ и другой языкъ съ возможною точностію, ибо отъ соединенія ихъ зависитъ обиліе, важность, сила и красота языка, нынѣ употребительнаго,—почему и открылось ей поле, предлежащее къ воздѣланію, едва предѣлы имѣющее.

И такъ, вопервыхъ надлежало предуготовить вещества нужныя, т. е. собрать всевозможныя слова, въ употребленіи бывшія и нынѣ находящіяся. При малыхъ пособіяхъ, каковыя отыскать можно въ печатныхъ и письменныхъ сего рода собраніяхъ, академія, для достиженія своего намѣренія, почла за лучшее средство дополнить оныя изъ всѣхъ извѣстныхъ книгъ церковныхъ, и лучшихъ свѣтскихъ сочиненій, лѣтописей разныхъ, законодательствъ какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, записокъ путешественниковъ, реченіями въ наукахъ, художествахъ, ремеслахъ и проч. употребительными. Для большаго же совершенства сего собранія опредѣлила всѣ пріисканныя и въ составъ по азбучному порядку совокупленныя слова напечатать, дабы присутствующіе и отсутствующіе члены въ семъ трудѣ соучаствовать могли. Симъ способомъ собрано было толикое обиліе словъ, каковаго

доселѣ никогда въ одномъ составѣ не бывало, и академіи уже не о словахъ, но о выборѣ оныхъ пещися оставалось, который она слѣдующими изъятіями облегчить предположила:

1) Исключить всѣ тѣ слова, кои къ составленію языка не способствуютъ, куда относятся собственныя имена людей, земель, городовъ, морей, рѣкъ, озеръ и проч.

2) Слова и реченія наукъ и художествъ, которыя не входятъ въ общее употребленіе, но единственно ученымъ и художникамъ извѣстны, изъемля изъ сего однакоже естественныя въ Россіи произведенія, имѣющія особливыя названія, которыя большею частію суть народныя.

3) Всѣ слова и рѣчи, благопристойности противныя.

4) Всѣ слова старинныя, вышедшія изъ употребленія, удерживая однакоже тѣ, которыя къ разумѣнію древнихъ дѣяній, обрядовъ или обычаевъ способствуютъ, яко *тризна*; или которыя заключаютъ въ себѣ корень нынѣ употребительныхъ, напр. *зидъ*. Первое означаетъ обрядъ поминковъ, бывшій у славянъ въ употребленіи, а второе заключаетъ въ себѣ корень словъ: *зижду*, *созидаю*, *зданіе* и проч., ибо слово сіе въ славенскомъ языкѣ означаетъ *стѣну*, *забрало*.

5) Всѣ областныя слова, кромѣ тѣхъ, которыя своею ясностію, силою и краткостію могутъ служить къ обогащенію языка, или означаютъ тѣхъ странъ произведенія, или наконецъ могутъ послужить къ замѣнѣ словъ иностранныхъ.

6) Всѣ иностранныя слова, введенныя безъ нужды, и которымъ равносильныя славенскія или россійскія находятся; удерживая токмо I) Названія еврейскія и греческія, въ священныхъ книгахъ принятыя, которыя во всѣхъ языкахъ христіанскихъ извѣстны и употтребительны какъ между просвѣщеннымъ, такъ и между простымъ народомъ, и не терпятъ никакого преложенія. II) Названія властей, степеней, достоинствъ, чиновъ, званій, въ новѣйшія времена введенныхъ, которыя, яко изреченныя закономъ, безъ всякой перемѣны внесены въ словарь нашъ. III) Названія произведеній какъ естественныхъ, такъ и художествен-

ныхъ, отъинуда привозимыхъ, которымъ, по общему праву всѣхъ языковъ, дано мѣсто и въ нашемъ словарѣ.

Сдѣлавъ соотвѣтственно симъ правиламъ академія выборъ словъ, и придавъ имъ грамматическія примѣчанія, касающіяся до частей рѣчи, тщилася вникать въ ихъ происхожденіе относительно къ тѣмъ языкамъ, изъ коихъ вошли они въ языкъ славенскій или россійскій, и расположила ихъ по чину словопроизводному. Порядокъ сей на первый случай признала академія къ утвержденію языка необходимо нужнымъ, ибо чрезъ оный корень, сила, различное въ разныхъ случаяхъ употребленіе, сложность, уклоненіе, или прехожденіе въ другій смыслъ, преносительность и иносказательность словъ, и зависящихъ отъ нихъ рѣчей, въ одномъ толкуются и объясняются мѣстѣ.

Неудобность сего расположенія всѣмъ языкамъ отъ другихъ слова заимствующимъ есть общая, посему неминуема и въ языкѣ нашемъ, ибо многія сложныя чужеземныя слова, употребленіемъ принятыя, не имѣютъ своего простаго знаменованія въ языкѣ славенороссійскомъ, напр. *патріархъ*, *архимандритъ* и проч., употребляются токмо въ сложности; простыя же, изъ коихъ они составлены, неупотребительны. Таковыя слова, не взирая на ихъ сложность, занимаютъ мѣсто первообразныхъ и поставлены по чину азбучному. Не меньшему затрудненію въ приведеніи подъ коренное слово подвержены названія, изображающія естественныя или художественныя произведенія Россіи, которыя большею частію или изъ двухъ словъ составлены, или даны простымъ народомъ, и суть неизвѣстнаго происхожденія, напр. *воробей* (птица), *звѣробой* (трава) казались бы составлены быть изъ именъ существительныхъ: *воръ* и *звѣрь* и глагола: *бью*; но первое происходитъ отъ словенскаго *врабій*, слова же *воръ* въ славенскомъ языкѣ не находится, а другое произвести отъ имени или отъ глагола здравому разсудку противно. Посему академія за лучшее судила всѣ таковыя слова оставить, яко коренныя, и дать имъ мѣсто по порядку азбучному.

Самая главнѣйшая неудобность въ семъ порядкѣ состоитъ

въ прiискиванiи словъ производныхъ и сложныхъ; но для отвращенiя оныя приложена роспись всѣмъ словамъ и реченiямъ по чину азбучному, съ означенiемъ столбцовъ, на которомъ какое слово находится.

Для избѣжанiя ненужныхъ повторенiй имена женскаго рода подведены подъ мужескiя; уменьшительныя подъ положительныя; глаголы учащательные подъ простые исключая тѣ токмо случаи, въ коихъ они отъ обыкновеннаго смысла уклоняются. Изъ словъ, сложныхъ съ отрицательною частицею *не*, въ словарѣ дано мѣсто токмо тѣмъ, которыя 1) лишены будучи тоя частицы сами по себѣ утвердительнаго знаменованiя не имѣютъ, напр. *неряха, нелюдимъ, невѣжда, невѣста*; 2) которыя значатъ нѣкое существованiе или дѣйствiе, напр. *непрiятель, неправда*, или же каковой отличный въ себѣ смыслъ отъ утвердительныхъ заключаютъ, какъ-то: *невечернiй, немокренный, неизглаголанный*; 3) которыя составляютъ реченiя въ законодательствахъ, состоянiяхъ, наукахъ, художествахъ, рукодѣлiяхъ и проч., каковы суть: *недоимка, недоросль, незгараемый, непроницаемый, недоуздокъ, недоносокъ, нетопырь.*

Степени уравненiя именъ прилагательныхъ хотя основаны на извѣстныхъ правилахъ грамматическихъ, однако многiя, а особливо въ славенскомъ языкѣ, бываютъ въ нихъ изъятiя; почему академiя за нужное почла дать мѣсто въ словарѣ всѣмъ такимъ степенямъ, которыя отъ обыкновенныхъ правилъ уклоняются.

Глаголы, какъ въ языкѣ славенскомъ, такъ и россiйскомъ, отмѣнно предъ всѣми языками европейскими, имѣютъ различное неокончательное наклоненiе: иные имѣютъ четыре, напр. *скакать* неопредѣл., *скокнуть* един., *скочить* соверш., *скакивать* сомнительн.; нѣкоторые же токмо три: *давать, дать, давывать*, а нѣкоторые токмо два: *пить, пивать* и проч., то академiя для большаго вразумленiя старалася при всѣхъ глаголахъ ставить всѣ виды неокончательнаго наклоненiя, тѣмъ наипаче, что отъ онаго разныя въ глаголахъ времена производятся, и что они нерѣдко различное въ себѣ знаменованiе заключаютъ.

Греки, принесшіе къ славянамъ письмена свои, ввели въ языкъ ихъ всѣ свои буквы, къ коимъ присовокупленныя по выговору славенскому: б, ж, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, ѣ, ю, я, составили ту способность въ выговорѣ, что мы удобнѣе прочихъ европейскихъ народовъ чужестранныя слова чисто выговаривать можемъ *). Но разбирая внимательно каждой изъ нихъ употребленіе, произношеніе и знаменательность, удобно видѣть можно, что нѣкоторыя изъ нихъ суть токмо буквы сложныя, каковы суть славенскія: Щ, Я, Ю, и греческія ζ, ψ, θ; другія же одинаково произносятся, или разность въ произношеніи нынѣ нами потеряна, куда принадлежатъ З и ς, Ф и θ, 8 и У. Однако академія за нужное почла удержать оныя, поелику на нихъ основанъ счетъ церковный, и соблюденіе ихъ отвратитъ всѣ затрудненія, а особливо иностраннымъ, въ разумѣніи книгъ, славенскимъ языкомъ писанныхъ; посему и опредѣлила всѣ слова славенскія, а наипаче сокращенно пишемыя, изобразить въ скобкахъ славенскими буквами. Хотя россійское правописаніе въ краткихъ содержится правилахъ, однако много воономъ зависитъ отъ употребленія. Часто мѣшаютъ *а* съ *я; е* съ *я; з* употребляютъ вмѣсто *с* и *с* вмѣсто *з* и проч., то академія почла за нужное слѣдовать въ словарѣ своемъ правописанію книгъ церковныхъ, пока сей же самый трудъ откроетъ ей довольные способы къ утвержденію единожды навсегда правилъ правописанія.

Различное произношеніе и удареніе словъ по разности областей академія тщилася соображать по выговору, въ столицахъ употребляемому, наблюдая удареніе, въ книгахъ славенскихъ принятое, доколѣ не будутъ открыты точныя и на сіе правила.

---

*) Буквы славенскія составлены были Константиномъ епископомъ и братомъ его Меѳодіемъ, посланными отъ греческаго царя Михаила въ Моравію въ 9-мъ столѣтіи по Рождествѣ Христовѣ: см. Лѣтописец. преподобнаго Нестора, ч. I, стр. 21 и Четій Миней, маія 11 дня, въ житіи преподобныхъ отецъ Меѳодія и Константина. Михаилъ же царь греческій современникъ былъ великому князю россійскому Рюрику. См. Записки касательно россійской исторіи, стр. 56.

При объясненіи знаменованія словъ главнымъ пособіемъ употребила академія сословы, или слова тожде-значащія, послѣ коихъ для бо̀льшаго утвержденія какъ точнаго, такъ и въ иной смыслъ преходящаго или распространеннаго знаменованія, присовокуплены опредѣленія; причемъ, сколько возможно, наблюдаемо было, чтобы въ опредѣленіи не погрѣшить противу логическаго примѣчанія, называемаго *кругъ въ опредѣленіи;* и посему слова, заключающія въ себѣ отвлеченныя понятія, напр. *дерево*, оставлены безъ опредѣленія; объяснены же одними примѣрами.

Слова чужестранныя, введенныя употребленіемъ, коимъ найдены равносильныя въ славенскомъ или россійскомъ языкѣ, оставлены также безъ всякаго объясненія, которое присовокуплено къ словамъ, россійскимъ равносильнымъ. Тоже самое наблюдаемо было для избѣжанія ненужныхъ повтореній при словахъ славенскихъ и россійскихъ, совершенно одно и то же значащихъ, каковы суть: *выя* и *шея*, *рамо* и *плечо*, *ланита* и *щека*. Объясненія словъ, изъявляющихъ произведенія трехъ царствъ природы въ Россіи, не токмо составлены изъ отличительныхъ ихъ знаковъ и свойствъ, но прилагаемо было тщаніе замѣчать главнѣйшія ихъ употребленія; для бо̀льшаго же разумѣнія и введенія оныхъ въ употребленіе присовокуплены и латинскія названія изъ Линнеевой системы.

Наконецъ присовокуплены, гдѣ нужда требовала, избранные примѣры, и для показанія различія слоговъ, гдѣ и какое слово употребляется, приведены примѣры славенороссійскіе, то есть изъ книгъ церковныхъ и лучшихъ писателей свѣтскихъ, чрезъ что̀ означается употребленіе ихъ въ высокомъ и красномъ, слогѣ.

Для опредѣленія же другихъ слоговъ особливо замѣчены слова славенскія, вышедшія изъ употребленія, вводимыя вновь, употребляемыя въ обыкновенныхъ разговорахъ и простымъ народомъ.

Никакой поистинѣ языкъ не можетъ равняться обиліемъ пословицъ, присловицъ и поговорокъ съ языкомъ россійскимъ; но какъ многія изъ нихъ низки, а нѣкоторыя и неблагопристойны,

то академія приняла больше такія, которыя кратки, заключаютъ въ себѣ острый смыслъ или ясное правоученіе.

Первоначальный сей трудъ академія, при недостаткѣ многихъ пособій, каковыми другіе въ сочинеиіяхъ подобныхъ пользоваться могли, рѣшилась представить по частямъ на судъ просвѣщенному обществу, зная, что совершенство таковыхъ твореній наипаче отъ времени зависитъ; почему всѣхъ любителей россійскаго слова почтенно приглашаетъ и проситъ сообщать ей свои примѣчанія, къ исправленію и пополненію сея общеполезныя книги послужить могущія, которыми она при второмъ изданіи съ должнымъ къ соучавствовавшимъ благодареніемъ воспользоваться не оставитъ».

51) Записки россійской академіи. Собранія: 23 августа 1785 года; ст. I, л. 71. — 25 ноября 1786 года; ст. II, л. 106. — 3 марта 1789 года; ст. II, л. 164 об. — 10 марта 1789 года; ст. IV, л. 165 об. — 12 мая 1789 года; ст. I, л. 168. — 19 мая 1789 года; ст. I, л. 168 об. — 10 февраля 1789 года; ст. I, л. 164. — 3 марта 1789 года; ст. IV, л. 164 об. — 23 ноября 1790 года; ст. II, л. 205. — 7 декабря 1790 года; ст. I, л. 205. — 27 марта 1792 года; ст. I, л. 6 об. — 23 апрѣля 1792 года; ст. I, л. 7. — 9 апрѣля 1793 года; ст. I, л. 43 об. — 14 мая 1793 года; ст. I, л. 44. — 11 марта 1794 года; ст. I, л. 57. — 18 марта 1794 года; ст. I, л. 57. — 5 августа 1794 года; ст. I, л. 67 об. —

52) Записки россійской академіи. Собранія: 21 октября 1783 года; ст. VI, л. 5. — 25 ноября 1784 года; л. 55. — 28 октября 1783 года; ст. III, л. 12. — 11 ноября 1783 года; ст. V, л. 17 об. — 18. — 25 ноября 1786 года; ст. II, л. 107. —

53) Записки россійской академіи. Собраніе 22 февраля 1785 года; ст. I, л. 60. —

54) Записки россійской академіи. Собраніе 31 октября 1786 года; ст. I, л. 101. —

55) Записки россійской академіи. Собраніе 25 ноября 1786 года; ст. II, л. 107—107 об. —

56) Histoire de l'académie française par Pellisson et d'Olivet. 1858; I, 18—19.—

57) Словарь академіи россійской. 1789. Часть I, стр. V.—

58) Опытъ исторіи императорской россійской академіи. Первый періодъ исторіи императорской россійской академіи, написанный въ 1839 году бывшимъ тогда дѣйствительнымъ членомъ ея Александромъ Красовскимъ. 1849; стр. 56, 81—82. Въ словопроизводномъ словарѣ россійской академіи всѣхъ словъ 43257.—

59) Изъ словъ, помѣщенныхъ въ словарѣ россійской академіи и болѣе или менѣе особенныхъ по своему значенію, нѣкоторыхъ нѣтъ въ словарѣ Втораго Отдѣленія академіи наукъ; другія отличаются по значенію; третьи очевидно взяты изъ словаря россійской академіи.

Нѣтъ въ Словарѣ Втораго Отдѣленія.

Разнодумье. II, 795.—Хламостъ. VI, 548.—Чистодушіе. VI, 787.—Ман*иша*. IV, 30.—

Припьянъ. IV, 1246.—Приморчивый (Разборчивый). I, 159.—

Веществую. I, 674. — Обезживотить. II, 1132. — Закладуюсь. III, 567.—Надлежу. III, 1166.—Ународить. V, 45.—Чезну. VI, 685.—Важу. I, 454.—Отваливаюсь. I, 488,2.—Кладу. III, 554,8. — Замыкаю. IV, 160,3. — Выжимаю. II, 1172,2.—

Не по что. VI, 809.—Пылко. IV, 1232,8.—

Гизъ. II, 40.—

Бѣглая голова. I, 413.—Грубая жизнь. II, 370.—Живой огонь. II, 1126.—Глаза безстыдные. II, 63.—

Съ позволені*емъ*. I, 844, и т. д.—

Опредѣлены нѣсколько иначе:

Словарь россійской академіи.	Словарь втораго отдѣленія.
Вольнодумецъ. I. 825. Названіе сіе придаютъ себѣ враги	I. 324: Непризнающій истины христіанскаго ученія.

Словарь россійской академіи.	Словарь втораго отдѣленія.
христіанскаго ученія отъ временъ Колина, несмотря на то̀, что вольность сія служитъ токмо къ необузданности и противуборствію законамъ здраваго смысла.	
II. 1102. *Желѣзный человѣкъ*—Скупой: *У этого желѣзнаго человѣка ничего не выпросишь.*	I. 839: а) Человѣкъ нечувствительный, или нерасположенный къ добру. б) Терпѣливо переносящій душевныя и тѣлесныя страданія.
I. 308. *Боярщина* и *Барщина*: 1) Помѣстье, владѣніе боярское, господское. 2) Оброкъ, подать, платимая отъ крестьянъ господину своему. *Собирать, давать боярщину.* 3) Всякая работа, которую отправляютъ крестьяне на господина своего. *Работать на боярщинѣ.*	I. 164 и 48: *Боярщина* — то-же, что *Барщина* въ 1 значеніи. *Барщина*: 1) Барское помѣстье, владѣніе; боярщина. 2) Оброкъ, платимый крестьянами помѣщику. *Собирать, давать барщину.* 3) Работа, отправляемая крестьянами на помѣщика. *Работать на барщинѣ.*
I. 570. *Ввезенный* — тотъ, котораго куда ввезли. I. 571. *Ввозный*—Тайно ввезенный.	I. 215: *Ввозный*—Ввезенный куда-либо. *Ввозный товаръ. Ввозная грамота.* (*Стар.*).
III. 582. *Прикладъ....* Примѣръ, употребленіе правила. *Наприкладъ*—Напримѣръ: *Наприкладъ сказать.*	II. 993: .... *Наприкладъ* (*Стар.*). Напримѣръ.
IV. 482. *Незабудочка*, или *не забудь меня.* Myosotis arvensis. Трава однолѣтная, имѣющая стебель простой, листки копіе-	I. 911: *Незабудка.* Myosotis palustris, растеніе. *Незабудочка*—ум. слова *Незабудка. Не забудь меня*—то-же, что *Незабудка.*

Словарь россійской академіи.	Словарь втораго отдѣленія.
видные, шероховатые; цвѣточки маленькіе, свѣтлоголубые, посрединѣ коихъ находятся желтыя чешуйки, преграждающія отверстіе въ цвѣточную трубочку; сѣмена шероховатыя. Ростетъ въ Европѣ по сухимъ полямъ.	
VI. 1018. *Ябеда*, употребительнѣе во множеств. *Ябеды*: 1) Привязка, придирка, прицѣпка по тяжебнымъ дѣламъ; крючки приказные для присвоенія себѣ чужаго. *Подъяческія, приказныя ябеды. Нажился, обогатился отъ ябедъ.* 2) Иногда берется за клеветы, наговоры. *Все, чтò онъ ни говорилъ, есть сущая ябеда.*	II. 1005: 1) Клевета, наговоръ, навѣтъ. 2) Привязка, придирка, прицѣпка по тяжебнымъ дѣламъ.
IV. 158. *Обмишуливаюсь* — 1) Собственно: не попадаю въ цѣль. 2) Ошибаюсь въ чемъ.	II. 42: *Обмишениваться* — 1) Не попадать въ мишень, стрѣлять мимо цѣли. 2) *Простон.* Ошибаться, обманываться.
IV. 200—201: Памят*цо* (*ср.*) Книжка, тетрадка, содержащая въ себѣ имена усопшихъ родственниковъ чьихъ, которыя читаются на проскомидіяхъ и при панихидахъ.	II. 328: Памят*ца*—Книжка, или тетрадка, содержащая въ себѣ имена усопшихъ, которыя поминаются на проскомидіи и при панихидахъ. *Вписать въ памятцу родителей.* и т. д.
III. 135: *Прежде сего называли Зерцаломъ* родъ троестороннаго кивота, на которомъ наклеивались указы, напомина-	I, 174.—*Зерцало*.... Призма, поставляемая на столѣ судебнаго мѣста, съ наклеенными на всѣхъ трехъ сторонахъ указа-

Словарь россійской академіи.	Словарь втораго отдѣленія.
ющіе судіямъ о ихъ должности, изданные Петромъ Великимъ.	ми о строгомъ соблюденіи правосудія, и т. д.

Въ *обоихъ Словаряхъ* помѣщ. слова, названныя въ Словарѣ россійской академіи *старинными, областными, простонародными*:

Старин.: Отповѣдь. I, 989.—Одонье. IV, 619.—

Посямѣстъ. IV, 417.—

Областн.: Култукъ. III, 1061. — Моряна. IV, 253. — Що̀ка. VI, 969.—

Падунъ. IV, 678.—

Скоросый. V, 493.—

Простонародн.: Черноработецъ. V, 6. — Нѣщечько. VI, 810.—Намутки. IV, 334.—Неурѣживаю. V, 243.—Счунаю. VI, 844.—Четаюсь. VI, 738.—Расчухать. VI, 844.—

Просторѣч.: Битка. I, 177.—и т. д.

60) Московскій Телеграфъ. 1829. Часть XXVI. Бесѣда кембриджскихъ профессоровъ съ московскимъ митрополитомъ Платономъ; стр. 37—38.—

61) Словарь академіи россійской. 1789. Часть I, стр. VIII, VI, XIV, VIII.—

62) Записки россійской академіи. Собраніе 10 августа 1794 года; ст. II, л. 69.—

63) Словарь академіи россійской. 1789. Часть I, стр. VI, VIII и др.—

64) Записки россійской академіи. Собраніе 25 ноября 1786 года; ст. II, л. 106 об.—

65) Записки россійской академіи. Собраніе 8 мая 1787 г.; ст. IV, л. 119 об.—

66) Сверхъ приведенныхъ примѣровъ помѣщены, въ словарѣ россійской академіи, слѣдующіе, извлеченные изъ древнихъ и старинныхъ памятниковъ:

Нестор.: Вваживаюсь (Нест. Лѣт. I, 46). I, 459.—

Древн. Лѣт.: Варка (I, 331). I, 496.—Вечникъ (I, 87). I,

670.—Дивство (II, 358). II, 664.—Зимница (I, 305). III, 72.—Кожухъ (I, 276). III, 686.—Сумежіе (I, 171). IV, 80.—Нощеденство (II, 268). IV, 555.—Посадникъ (I, 2). V, 321.—Учанъ (I, 246). VI, 465.—

Граю (II, 35—36). II, 316.—

Громъ пущать (I, 295). II, 361.—

Древн. Лѣт. и *Арх. Лѣт.*: Разметная (Др. II, 411; Арх. 76). IV, 121.—Ропать (Др. II, 155; Арх. 31). V, 162.—

Новг. Лѣт.: Вощаница (137). I, 866.—Перевѣтникъ (135). I, 1042.—Гостебникъ (84). II, 276.—Полугривна (13). II, 348.—Перезоръ (92). III, 143.—Лейвубутъ (25). III, 1173.—

Взвонить вече (613). I, 670.—Поставить вѣче (650).—Стать вечемъ (687). I, 670.—

Арханг. Лѣт.: Вечье (59). I, 670.—Звѣзда хвостата (72). III, 31.—Кормичичъ (42). III, 827.—

Златопечатный (93). III, 77.—

Никон.: Извѣтникъ (III, 189). I, 1035.—Повѣстникъ (I, 197). I, 1095.—Гостьба (II, 362). II, 276.—Градоблюдіе (II, 280). II, 300.—Лыскарь (I, 177). III, 1344.—Олачуга (IV, 80). IV, 627.—Болонье (II, 13, 86). I, 271. (Ср. Карамз. II, прим. 174).—Уводъ (I, 10). I, 567.—Повозникъ (I, 163). I, 579.—

Паволочитый (I, 31). I, 780.—

Ддручу (I, 38). II, 775.—

Повозъ возить (I, 67). I, 579.—

Никон. и *Др. Лѣт.*: Приградіе (Ник. II, 175; Др. II, 295). II, 300.—

Никон. и *Цар. Лѣт.*: Котораюся (*неупотребит.*). (Ник. II, 351; Цар. 119). III, 878.—

Никон. и *Русск. Правд.*: Тіунъ (Ник. I, 197; Р. Пр. нов. изд. 67). VI, 133.—

Никон. и *Др. Вивл.*: Паволока (Ник. I, 31; Др. Вивл. VIII, 127). I, 780.—

Никон. и *Пролог.*: Луда (Ник. I, 130, 131; Прол. мая 26). III, 1323.—

Цар. Книг.: Первосовѣтникъ (100). I, 1052.—

Привѣчаю (259). I, 1042.—

Цар. Книг. и *Др. Вив.*: Докончальный (Цар. 187; Вивл. VIII, 303). III, 772.—

Цар. Книг. и *Никон.*: Городня (Цар. 278; Ник. II, 226). II, 305.—

Цар. Лѣт.: Вечевый колоколъ (366). I, 670.—Перевѣсіе (177). I, 1060.—Говоръ (424). II, 143.—Обговоръ (400). II, 149.—Сговорка (201). II, 158.—Зголовъ (225). II, 183.—Суемъ (360). II, 1007.—Рта (261). V, 177.—

Градобитный (94). II, 300.—

Цар. Лѣт. и *Новг. Лѣт.*: Вече (Цар. 366; Новг. 89, 599). I, 669.—

Русск. Правд.: Гридинъ (9). II, 348.—Отарица (Нов. изд. гл. IV, ст. 4). IV, 662.—

Робити (Нов. изд. гл. IV, ст. 1). V, 2.—

Судебн.: Поверстный срокъ. I, 623.—Волостель (гл. 22, 65, 72). I, 752.—Кормленіе (гл. 65, 66, 67). III, 826.—Польщикъ (21). IV, 958.—

Судебн. съ толков. Татищ.: Рокошь (212). V, 158.—Правая (130). V, 202.—

Уложен.: Дозорная книга (X, 235). III, 139.—Недѣльщикъ (гл. X, 144). II, 913.—Пожелѣзное (гл. XX, 94). II, 1102.—Рожа (ср. Жонка) (XX, 75). V, 153—154.—

Лживлю (X, 253; XX, 74). III, 1147.—

Сдать землю (XVI, 9, 10). II, 492.—

Др. Росс. Вивл.: Денежникъ (III, 49, 52). II, 589.—Кошуля (X, 9). III, 890.—Разратіе (II, 50). V, 89.—Шертую (III, 344). VI, 874.—

Продолж. Росс. Вивл.: Позовникъ (V, 50). III, 121.—

Вивл. и *Улож.*: Правый десятокъ (Вивл. ч. I, ст. 3; Ул. X, 116). IV, 1041.—

Синопс.: Колыска (гл. 3. Идол. 48). III, 738.—

Осад. Тр. Лавр.: Голка (195). II, 177.—

Ратн. Уст.: Бронникъ (II, 2). I, 343.—Вязень (I, 50). I, 1112. — Привозные люди (I, 57). I, 580. — Болтъ самострѣльный. I, 278.—Гасары (I, 50). II, 22.—Гасло (I, 71). II, 22.—Дозорщикъ (I, 79). III, 139.—Протазанъ (I, 76). IV, 1095.—Ефросина (I, 154). II, 1026.—

Гвоздоватый (II, 186). II, 29.—Безголовный (I, 98). II, 182.—

Стигу (I, 119). V, 732.—Отволаживаю (II, 130). I, 747.—

Убойчиво (I, 146). I, 212.—Проволочливо (II, 44). I, 785.—

Ратн. Уст. и *Осад. Тр. Лавр.*: Жесточь (Ратн. I, 130; Тр. 12). II, 1116.—

Опыт. Вольн. Собр.: Шерть (V, 53). VI, 873.—

Рукописный списокъ царя Ѳеодора Іоанновича о поворотной пошлинѣ: Пуло. IV, 1177.—

Сообщ. изъ Оружейн.: Мерекляные кирасы. IV, 93.—Мисюрка. IV, 156.—Перната. IV, 171—172.—Решма. V, 120.—Тарчъ. VI, 29.—Тахтуй. VI, 31.—Троки. VI, 272.—Чуги. VI, 827.—

67) Исторія россійской академіи: Выпускъ V. 1880; стр. 284—286.—Выпускъ VII. 1885; стр. 16.—

68) Записки россійской академіи. Собранія: 30 января 1784 года; ст. II,4; л. 34 об.—12 марта 1784 года; ст. III,vi; л. 43.—

Словарь академіи россійской. 1789. Часть I, стр. IX.—

69) Исторія россійской академіи. Выпускъ V, стр. 282—284.—Выпускъ VII, стр. 15—16.—

70) Записки россійской академіи. Собранія: 30 января 1784 года; ст. II,3; л. 34—34 об.—12 марта 1784 года; ст. IV, л. 42 об.—

71) Сверхъ приведенныхъ нами, въ словарѣ россійской ака-

деміи находятся еще слѣдующія слова и выраженія техническія:

Старинное нарѣчіе: Справа (Судебникъ). IV, 1063. —

Духовное нарѣчіе: Грамота ставленая II, 318. —

Церковное нарѣчіе: Погружаю. II, 383. — Погруженіе. II, 384. —

Реченіе церковное: Коливо. III, 707. — Поганинъ, Поганка. IV, 941 — 942. — Свѣтиленъ; Свѣтильничныя молитвы. V, 380. — Стиховна. V, 736. —

Военное нарѣчіе: Граната. II. 318. — Отбиваю. I, 196 — 197. —

Воинское нарѣчіе: Удалецъ (*Др. Лѣт.* II, 55). II. 521. —

Старинное реченіе военное: Закопъ (=траншея; *Цар. Кн.*) III, 794. —

Реч. воен.: Инженерныя работы. III, 306. —

Реченіе военнаго зодчества: Контрескарпъ. III, 780. — Покрытый путь. III, 994. —

Въ артиллеріи: Вага. I, 454. — Кружало. III, 1010. —

У артиллеристовъ: Зазоръ. III, 139. — Птичій языкъ. IV, 1169. — Подмазывать. IV, 12. —

Приказное нарѣчіе: Справа. IV, 1063.

Реченіе приказное: Сдѣлка (*Улож.*) II, 927. — Ищикъ. III, 326. — Говорить судъ V, 950. —

Приказное слово: Безволокитно. I, 769. —

Приказный слогъ: Сдача земли, помѣстья (*Улож.*) II, 493. — Вышеименованный и пр. III, 302. — Неповадно. I, 461. —

Реченіе, у мореходцевъ извѣстное: Гикъ. II, 40. —

У мореходцевъ: Рей. V, 112. —

У судовщиковъ: Кулакъ. III, 1060. —

Реченіе рудокоповъ: Развалъ. I, 481. — Горокопъ=Минеръ. II, 232. —

На желѣзноплавильныхъ заводахъ: Домна. II, 729. —

Въ старинномъ употребленіи въ охотѣ: Угонка. II, 229. —

Реченіе охотничье: Псовина. IV, 784.—Пороша. IV, 1000.—

Свора. V, 371.—Сырейщикъ. V, 1018.—Щипецъ. VI, 960.— Доѣзжачій. VI, 979. — Слѣдничать. V, 575. —

Слово охотн.: Хлыстъ. VI, 551. —

Языкъ охотничій: Позывистъ. III, 121. —

Охотничьи названія голубей: II. 190 — 191. —

У охотниковъ: Труба. VI, 291,4. — Голубятникъ. II, 192.— Отъемный островокъ. II, 975. —

Реченіе псовыхъ охотниковъ: Навзрячь гнать. III, 138. — Подозрѣть звѣря. III, 145. —

Во псовой охотѣ: Багряный. I, 78. — Сдваивать слѣдъ. II, 529. — Ослѣдить. V, 575. — Высвориваю. V, 372. —

Реченіе, извѣстное въ охотѣ псовой: Ищея. III, 326. —

Реченіе, во псовой охотѣ употребительное: Ляка, или Перелякъ. III, 1385. —

Употребляется во псовой охотѣ: Заловить. III, 1254. —

У псовыхъ охотниковъ: Опозначить. III, 101. — Обозрѣваюсь. III, 142,4. —

Речен. птицелов.: Крыть шатромъ, сѣтью. III, 980. —

Въ птицеловной охотѣ: Коблучечу. III, 351. — Снаряжать ловчихъ птицъ; Птица снаряжается. V, 288. —

Реченіе сокольниковъ: Лощитъ соколъ, ястребъ, голубь и пр. III, 1316. —

Реченіе сокольнич.: Вабило, Вабка. I, 453. —

Въ соколиной охотѣ: Помытчикъ. IV, 359. — Помыкаю, IV, 358. — Ваблю. I, 453. —

Реченіе стрѣлковъ: Сидѣть на чучелахъ. VI, 836. —

Реченіе рыболовное: Учугъ. VI, 478.—Чечень. VI, 745. — Стокныя сѣти. VI, 86. — Чистяковая рыба. VI, 666. —

У рыбныхъ промышленниковъ: Дворъ. II, 563.—Куканъ. III, 1057. — Банить рыбу. I, 95 — 96.

Рыбные промышленники называютъ: Рѣжа. V, 242. —

Реченіе у промышленниковъ рыбныхъ и звѣриныхъ: Что Богъ послалъ. I, 252. —

Въ рыбномъ и звѣриномъ промыслахъ: Нажива. II, 1138. —

У промышляющихъ на морѣ звѣрей: Голомянный. I, 187.—

У соболиныхъ промышленниковъ: Чуница. VI, 834. —

Речен. пахотн.: Бросать ленъ. I, 344. —

Реченіе земледѣльч.: Чистить ляды; прятать ляды. III, 1385.

Речен. садовнич.: Тѣпшкъ. VI, 361. —

Реченіе торговое: Холстомѣръ. VI, 570. —

Реченіе торгашей: Вывалка. I, 469. —

Въ торговлѣ: Навертываюсь, I, 645,3. —

Реченіе зодчихъ: Брызгъ. I, 356. — Шеломъ, или Шоломъ. VI, 868. —

Въ зодчествѣ: Прогонъ. II, 225. — Капельки. III, 434. — Плинтусъ. IV, 895.

Реченіе плотническое: Легель. III, 1163. —

Реченіе столяровъ и плотниковъ: Въ замокъ рубить. IV, 162. —

У столарей и плотниковъ: Окачиваю. III, 470. —

Реченіе столяровъ: Калёвка. III, 407. —

У столарей: Шовъ. VI, 929,2. —

Речен., каменьщик. употребляемое: Хмылю и Охмыливаю. VI, 565. —

У каменьщиковъ: Зазоръ. III, 139. — Коза. III, 688. — Кулакъ. III, 1059.—Шовъ. VI, 929,3.—Щипецъ. VI, 960.— Гусакъ. II, 444.

У печниковъ: Раздѣлка. II, 926. —

У бочаровъ и обручниковъ: Нагоняю. II, 914. —

Реч. кузнечн.: Наварка. I, 501. —

Реч., портн. употребляемое: Заворотъ. I, 891. Кондырь. III, 767. —

Реч., извѣстное у портныхъ: Гульфикъ. II, 426. —

Речен. суконщ.: Воршу. I, 858. —

Реченіе сапожниковъ: Потягъ. VI, 399. —

У сапожниковъ: Верва. I, 600. —

Реченіе, сапожниками употребляемое: Заворотъ. I, 892. —

У пивоваровъ: Другакъ. II, 765. —

Въ шашечной игрѣ: Доведь, I. 533. — и т. д.

72) Словарь академіи россійской. 1789. Часть I, стр. IX.—

73) Ср. Исторія россійской академіи. 1880. Выпускъ V. стр. 284. —

74) Записки россійской академіи. Собраніе 16 декабря 1783 года; ст. IV и V, л. 27 об. — 28. —

75) Записки россійской академіи. Собраніе 13 января 1784 года; ст. VI, л. 29 об. — 30. —

76) Записки россійской академіи. Собраніе 12 марта 1784 года; ст. V, л. 42 об. — 43. —

77) Записки россійской академіи. Собраніе 22 февраля 1785 года; ст. IV, л. 61 об. — 62. —

78) Словарь академіи россійской. 1789. Часть I. стр. IX — X. —

79) Записки россійской академіи. Собраніе 20 марта 1792 года; ст. II, л. 6. —

80) Иностранныя слова, помѣщенныя въ словарѣ россійской академіи съ обозначеніемъ ихъ происхожденія:

Греческія.

Изъ книгъ Священнаго Писанія, съ ссылками на нихъ.

Анаѳема. (Галат. I, 8). I. 33. — Ангелъ (Марк. XIII, 27; Лук. I, 27.) I. 33. — Архистратигъ (I Цар., XII, 9). I. 52.— Акриды (Левит. XI, 22). I, 16 — 17. — Архимагиръ (Іер. XL, 5). I. 51. — Архитриклинъ (Іоан. II, 9). I. 53. — Аспалаѳъ. (Сирах. XXIV, 11). I. 55. — Ваія (Іоан. XII, 13). I. 462 — 463.— Амигдалъ (Еккл. XII, 5). I. 30.—Анѳраксъ (Іезек. X, 9). I. 38. — Вирилъ (Ап. XXI, 20). I. 713. — Виссъ, Виссонъ (Апокал. XVIII, 12; Лук. XVI, 19). I. 1140. — Догматъ (3 Макк. I, 3). II. 704.—Епископъ (Тит. I, 7; Дѣян. XX, 28). II. 1010. — Діаконъ (1 Тимоѳ. III, 12). II. 678. — Эпитимія (Сирах. VIII, 6). II. 1011.—Ересь (Дѣян. XV, 15) II. 1013.— Демонъ (Апок. IX, 20). II, 576.—Діаволъ (Матѳ. XXV, 41).

II. 677.—Игемонъ (Дѣян. XXIII, 26). III. 181.—Идолъ (Дѣян. VII, 41; Бытія XXXI, 19). III. 203.

Икономъ (Эсфир. 118). III. 287.—Іерей (Лук. I, 5; Марк. I, 44; Псал. XCVIII,6). III. 343.—Архіерей (Макк. XVI, 24). III. 344.—Катапетазма (1 Макк. I, 22). III. 458.—Катарактъ (Второзак. XVI, 17). III. 459.—Керастъ (Притч. XXIII, 32). III. 507.—Кивотъ (1 Цар. V, 2). III. 509.—Кидаръ (Захар. III, 5). III, 510.—Кинамонъ (Іер. VI, 20). III. 529.—Кимвалъ (Парал. XV, 19). III. 529.—Литра (3 Цар. X, 17). III. 1222.—Милоть (Евр. XI, 37). IV. 135.—Митрополія (Эсф. IX, 19). IV. 156.—Мнасъ (Лук. XIX, 13). IV. 177.—Патріархъ (Дѣян. II, 29). IV. 735.—Плинѳа (Быт. XI, 3). IV. 896.—Пиганъ (Лук. XI, 42). IV. 800.—Пира (Матѳ. X, 9). IV. 815.—Паремія (Сирах. XLVII, 19). IV.714.—Пліады (Іов. XXXVIII, 30). IV. 875.—Псалтирь (Псал. XXXII, 2; LXXX, 3). IV. 1168.—Сикера (Лев. X, 9; Числ. VI, 3). V. 440. — Самвикъ (Даніил. III, 10). V. 333.—Скорпіа (Лук. X, 19). V. 491.—Сандалій (Юдиѳ. X, 4). V. 335.—Сапфиръ (Ис. XXIV, 11). V. 340.—Скименъ (Псал. CIII, 21). V. 476.—Скинія (Евр. IX, 3). V. 476.—Смарагдъ (Исх. XXXVI). V. 587. — Смирна (Матѳ. II, 11). V. 591. — Стакти (Быт. XXXVII, 25). V. 700. — Стамна (Исх. XVI, 33). V. 701. — Стивіе (Іер. IV, 30). V. 731.— Стомахъ (1 Тимоѳ. V, 23). V. 747.—Стратигъ (2 Макк. VIII, 9; 3 Макк., III, 9). V. 858.—Талантъ (Матѳ. XXV, 15; Захар. V, 7). VI. 22. — Тектонъ (Марк. VI, 3). VI. 74. — Теревинѳъ (Быт. XXXV, 4). VI. 99. — Тимпанъ (Юдиѳ. III, 7; Псал. CXLIX, 13). VI. 120. — Тристатъ (Исх. XV, 4; XIV, 7). VI. 268. — Трихантъ (Іезек. XVI, 12, 10). VI. 268. — Трапеза (Марк. XI, 15; Дан. XIV, 13; Матѳ. XV, 26; Псал. CXXVII, 4). VI. 237.—Фелонъ (2 Тимоѳ. IV, 13). VI. 482.—Фіалъ (Исх. XXVII, 3; Апок. XVI, 2, 3). VI. 490.—Халванъ (Исх. XXX, 34). VI. 500.—Харадріонъ (Лев. XI, 19). VI. 502.—Хартіа (2 Посл. Іоан. I, 12). VI. 504.—Хитонъ (Іоан. XIX, 23). VI. 534.—Хирогриль (Лев. XI, 5). VI. 533.—Хламида (Матѳ. XXVII, 28). VI. 548.—Хри-

стосъ (Матѳ. I, 16; Іоан. IV, 42, и т. д.). VI, 592.—Цата (Лук. XX, 24; Цар. II, 36). VI. 618. — Эпомида (Исх. XX, 7). VI. 1007.—Ѳиміамъ (Апок. V, 8). VI. 1066. — Ѵакинѳъ. (Апок. XXI, 20). VI. 1067.—Ѵпатъ (Дан. III, 8). VI. 1068.—

Изъ церковныхъ книгъ и отчасти изъ св. писанія, безъ ссылокъ.

Акаѳистъ. I. 15.—Аксіосъ. I. 17.—Амвонъ. I. 28—Архангелъ. I. 34.—Антидоръ, Антиминсъ. I. 36.—Архимандритъ. I. 51.—Антифонъ. I. 37.—Апокалипсисъ, Апостолъ. I. 39.—Артосъ. I. 50. — Библія. I. 169.—Агіазма (св. вода; Номок.). I. 6.—Алекторъ. I. 20.—Асида (птица). I. 54.—Аспидъ. I. 55.—Анѳипатъ (областеначальникъ). I. 38. — Асаронъ (трава). I. 54.—Ваія. I. 462.—Евхаристія. II. 934.—Дискосъ. II. 672.—Деисусъ. II. 575. — Ефимоны. II. 1028. — Епитрахиль. II. 1012.—Архіепископъ. II. 1011.—Икона. III. 286.—Камилавка. III. 420.—Іерархъ. III. 344.—Икосъ, Ирмосъ. III. 345.—Канонъ. III. 427.—Катавасія. III. 458.—Катехизисъ. III. 459.—Каѳизма. III. 491.—Келія. III. 506.—Керамида (доска глиняная, выжженая). III. 507.—Киновія. III. 530.—Клиръ, Клирикъ, Клиросъ. III. 613.—Кондакъ. III. 766.—Кринъ. III. 955.—Ктиторъ. III. 1048. — Литія, Литургія. III. 1222. — Мантія. IV. 31. — Маргаритъ. IV. 45. — Минія. IV. 140. — Митра. IV. 156.—Монахъ. IV. 250.—Налой. IV. 470.—Октоихъ. IV. 626.—Омофоръ. IV. 633.—Панагія IV. 710.—Параэклесіархъ, Паралипоменонъ. IV. 713.—Пентикостія. IV. 761.—Потиръ. IV. 1015.—Пресвитеръ. IV. 1080.—Прокименъ. IV. 1087.—Проскомидія. IV. 1090.—Просфора. IV. 1094.—Псаломъ. IV. 1167.—Семидалъ (мука). V. 418. — Синклитъ. V. 440.—Символъ, Симфонія. V. 449.—Рипида. V. 144.—Ряса. V. 297.—Саккосъ. V. 326.—Синагога, Синаксарій. V. 450.—Синодъ. V. 454.—Ставропигія, Стадія. V. 699.—Стихарій. V. 735.—Стихира. V. 736.—Стратилатъ. V. 859. — Схима. V. 1000.—Тартаръ. VI. 29.—Тріодь. VI. 269.—Тропарь. VI. 272.—

Хиротонія. VI. 533.—Vпостась. VI. 1068. — Vпакой (стихира). VI. 1068.—Лавра. III. 1125.—Лампада. III. 1137.—

Со ссылками на русскіе памятники:

Келарь (*Улож.*) III. 506.—Номоканонъ (*Никон.*) III. 428.—Игуменъ (*Др. Лѣт.*) III. 202. —

Названія различныхъ предметовъ.

Атмосфера. I. 60—Астрологія. I. 57.—Астролябія, Астрономія. I. 58.—Атомъ. I. 61.—Аэрологія, Аэрометрія. I. 65—66. — Балистика. I. 89. — Барометръ. I. 104. — Аксіома. I. 17. — Акустика. I. 18. — Антиподы. I. 37. — Апоплексія. I. 41.—Артерія. I. 49.—Апостема (чирій). I. 41.—Апострофъ, Ариѳметика. I. 41.—Анатомія. I. 32.—Анемометръ. I. 35.—Антидотъ. I. 36.—Архипелагъ. I. 52.—Географія, Геодезія. II. 32.—Геометрія. II. 33.—Грамматика. II. 316.—Діалектъ. II. 680.—Горизонтъ. II. 242.—Эѳиръ. II. 1028.—Діаметръ. II. 671.—Эпакта. II. 1009.—Діэта. II. 681.—Драма. II. 743.—Эпитафія. II. 1011. — Зениѳъ. III. 63. — Зодіакъ. III. 125. — Имнъ. III. 296.—Ипохондрія. III. 311.—Истерика, Исторія. III. 317.—Климатъ. III. 611.—Комедія. III. 760.—Трагокомедія. III. 761. — Комета. III. 762.—Космологія, Космографія. III. 863. — Критика. III. 956. — Логариѳмъ, Логика. III. 1257. — Ма*т*(ѳ)ематика. IV. 56. — Металлургія, Метафора. IV. 96. — Миѳологія. IV. 158. — Механика. IV. 103.—Оксія. IV. 626.—Панегирикъ. IV. 710.—Планета. IV. 862.—Подагра. IV. 943. — Поэзія. IV. 1023. — Риѳма. V. 147.—Силлогизмъ. V. 448. — Синтаксисъ. V. 454. — Статика. V. 710. — Стихія. V. 735. — Сфера. V. 1001. — Топографія. VI. 186. — Трагедія. VI. 235. — Тропикъ. VI. 272. — Физика. VI. 485. — Физіологія, Физіономія. VI. 486. — Филологъ. VI. 487. — Философія. VI. 488. — Химія. VI. 532. — Хирургія. VI. 534. — Хрія. VI. 595. — Хронографъ, Хронологія. VI. 596. — Эклиптика. VI. 1004. — Эпопея. VI. 1007.—Этимологія. VI. 1008.—Ѳеологія. VI. 1066.—Vдрографія. VI. 1067. —

Архитектонъ (употребительнѣе *Архитекторъ*). I. 52. — Архіатеръ (употребительнѣе *Архіаторъ*). I. 53. — Антагонистъ. I. 36. — Аристократъ. I. 45. — Амаранѳъ (растен.). I. 27 — Анисъ, Анитъ (трава). I. 35. — Акація. I. 15. — Аспарагъ (спаржа). I. 55. — Алой. I. 23. — Алкіонъ (птица). I. 21. — Амфивія. I. 31. — Адамантъ. I. 8. — Азбестъ. I. 11. — Аметистъ, Аміантъ. I. 29. — Амальгама. I. 27. — Ароматы. I. 47. — Алифа, Алифлю. I. 21. — Бальсамъ. I. 91. — Асфальтъ. I. 59. — Анархія. I. 53. — Амвросія. I. 29. — Амнистія. I. 30. — Афоризмъ. I. 63. — Антипатія. I. 37. — Апологія. I. 39. — Аптека. I. 42. — Апоѳегма. I. 41. — Ареопагъ. I. 44. — Арфа. I. 50. — Аксамитъ. I. 17. — Аллегорія. I. 21. — Бандура. I. 93. — Академія. I. 14. — Демократія. II. 671. — Гимназія. II. 41. — Епархъ. II. 1010. — Дипломъ. II. 672. — Герой. II. 34. — Гигантъ. II. 39. — Евнухъ. II. 934. — Діадима. II. 678. — Драхма. II. 745. — Ехидна. II. 1026. — Зефиръ. III. 65. — Идея. III. 203. — Иронія. III. 312. — Календарь. III. 398. — Іакинѳъ (гіацинтъ), Іасписъ. III. 343. — Каталогъ. III. 458. — Каѳедра. III. 491. — Кентавръ. III. 507. — Кристаллъ. III. 955. — Лабиринтъ. III. 1122. — Лексиконъ. III. 1173. — Лира. III. 1218. — Литера. III. 1222. — Мастика. IV. 55. — Махина. IV. 62. — Металлъ. IV. 95. — Мирра. IV. 144. — Монархъ. IV. 249. — Музыка. IV. 325. — Пификъ. IV. 855. — Параграфъ. IV. 713. — Періодъ. IV. 769. — Пирамида. IV. 816. — Полипъ. IV. 965. — Политика. IV. 965. — Полиція. IV. 966. — Порфира. IV. 1003. — Проблема. IV. 1086. — Симпатія. V. 449. — Саванъ. V. 299. — Скипетръ. V. 476. — Типографія. VI. 121. — Тиранъ. VI. 122. — Тріумфъ. VI. 269. — Тронъ. VI. 272. — Трофей. VI. 274. — Хаосъ. VI. 501. — Химера. VI. 532. — Хиромантія. VI. 533. — Хороводъ. VI. 576. — Хрисолитъ. VI. 592. — Школа. VI. 893. — Эхо. VI. 1008. — Ѵдра. VI. 1067. — Ѵена. VI. 1068. —

Латинскія.

Адъюнктъ. I. 11. — Асессоръ. I. 57. — Докторъ. II. 707.— Депутатъ. II. 590. — Директоръ. II. 672. — Инспекторъ. III. 306. — Кандидатъ. III. 425. — Кесарь. III. 508. — Консулъ. III. 779. — Корректоръ. III. 843. — Маіоръ. IV. 16. — Министръ. IV. 139. — Офицеръ. IV. 669. — Президентъ. IV. 1078. — Профессоръ. IV. 1100. — Эксекуторъ. VI. 1005.—

Альтъ. I. 27. — Аммуниція. I. 30. — Артикулъ. I. 49. — Аспектъ. I. 55. — Архивъ. I. 51. — Балдырьянъ (valeriana). I. 89. — Вирша. I. 712. — Госпиталь. II. 272. — Декоктъ. II. 575. — Градусъ. II. 295. — Губернія. II. 417. — Январь. II. 31. — Декабрь. II. 575. — Глыба. II. 99. — Имперія. III. 296. — Индиктъ. III. 305. — Инструкція, Инструментъ. III. 306. — Іюнь, Іюль. III. 346. — Камара (или *Камера*). III. 408. — Каминъ. III. 420. — Каникулы. III. 426. — Канцелярія. III. 429. — Карбункулъ. III. 445. — Карта. III. 451.— Квадратъ, Квадрантъ. III. 491. — Кварталъ. III. 493. — Кинсонъ. III. 530. — Классъ. III. 590. — Коллегія. III. 709. — Комерція. III. 762. — Конгресъ. III. 766. — Консисторія. III. 779. — Контрактъ. III. 780. — Конусъ, Конфектъ, Конференція, Конфирмація, Концертъ. III. 781. — Корпусъ. III. 843. — Кубъ. III. 1051. — Лабораторія. III. 1123. — Линія. III. 1212. — Магистратъ. IV. 2. — Ман*и*фактура. IV. 30.—Матерія. IV. 56. — Монета. IV. 251. — Мускулъ. IV. 329. — Океанъ. IV. 620. — Октомврій, Октябрь. IV. 626. — Ораторія. IV. 638. — Орденъ. IV. 639. — Оцетъ. IV. 671. — Пара. IV. 712. — Партесъ. IV. 715. — Патерикъ, Патерица. IV. 734.— Пенсія. IV. 760. — Перпендикулярный. IV. 773. — Проба. IV. 1085. — Проза. IV. 1087. — Процентъ. IV. 1101. — Пульсъ, Пунктъ. IV.— 1108.—Ревизія. V. 108. — Реляція. V. 113.— Республика. V. 117. — Рецептъ. V. 118. — Сенатъ. V. 419.— Спкарь. V. 440. — Статуя, Статъ. V. 710. — Сударь. V. 941. — Сумма. V. 966. — Титулъ. VI. 129. — Трактатъ.

VI. 236. — Университетъ. VI. 446. — Унція. VI. 447. — Фабрика. VI. 479. — Факелъ. VI. 480. — Факультетъ. VI. 481. — Февраль. VI. 482. — Фигура. VI. 484. — Фундаментъ. VI. 496. — Церемонія. VI. 624. — Штиль. VI. 916. — Экваторъ. VI. 1004. — Экзерциція. VI. 1005.

Греколатинское.

Архитравъ. I. 53. —

Французскія.

Амбразура. I. 28. — Апроши. I. 42. — Армія. I. 46. — Артиллерія. I. 49. — Бастіонъ. I. 108. — Батальонъ. I. 109. — Бекетъ. I. 121. — Бригада. I. 339. — Гарнизонъ. II. 21. — Гвардія. II. 27. — Инженеръ. III. 305. — Кадетъ. III. 354. — Калиберъ. III. 399. — Канонеръ. III. 427. — Кирасъ. III. 535. — Колонна. III. 721. — Комендантъ. III. 762. — Конвой. III. 766. — Мушкетонъ, Мушкетъ. III. 346. — Патронъ. IV. 735. — Рапира. V. 73. — Редутъ. V. 112. — Рекрутъ. V. 113. — Ретирада, Ретраншементъ. V. 118. — Траншея. VI. 236. — Фузея. VI. 496. — Эскадра, Эскадронъ. VI. 1008. —

Флотъ. VI. 493. — Фрегатъ. VI. 495. — Галера. II. 17. —

Гарнитуръ. II. 21. — Грезетъ. II. 340. — Гродетуръ (= Гарнитуръ). II. 353. — Драгетъ. II. 736. — Канифасъ. III. 426. — Крепъ. III. 930. — Плисъ. IV. 897.

Блонды. I. 229. — Газъ. II. 24. — Галунъ. II. 19. —

Капоръ. III. 431. — Капишонъ. III. 433. —

Батырщикъ. I. 110. — Граверъ. II. 293. — Пажъ. IV. 692. — Резидентъ. V. 112. —

Аудіенція. I. 62. — Биржа. I. 169. — Капиталъ. III. 432. — Карантинъ. III. 443. — Комиссія. III. 762. — Копія. III. 803. — Компанія. III. 764. — Комплетъ. III. 765. — Медаль. IV. 73. — Пакетъ. IV. 696. — Паспортъ. IV. 723. —

Патентъ. IV. 734. — Почта. IV. 1021. — Протоколъ. IV. 1100. — Реестръ. V. 112. — Планъ. IV. 862. — Перспектива. IV. 774. — Профиль. IV. 1101. — Балъ. I. 91. — Арестъ. I. 45. —

Балконъ. I. 89. — Галерея. II. 18. — Кабинетъ. III. 350.— Квартира. III. 493. — Палисадъ. IV. 701. — Канапе. III. 494. — Клавесинъ. III. 551. — Комодъ. III. 764. — Кастрюля. III. 458. — Бильярдъ. I. 169. — Футляръ. VI. 497. — Бутыль. I. 393. — Графинъ. II. 324. —

Брильянтъ. I. 338.—Бронзъ. I. 342.—Аурипигментъ (употребительнѣе *Аврипигментъ*). I. 62.—

Балъ. I. 91.—Маска. IV. 49.—Парикъ. IV. 715.—Гобоя. II. 140.—

Артишокъ. I. 50. — Шампиньонъ. VI. 850. — Бекасъ. I. 121.—

Нѣмецкія.

Бергмейстеръ. I. 122.—Бухгалтеръ. I. 394.—Вахмистръ. I. 513. — Герцогъ. II. 35. — Графъ. II. 324. — Гофмейстеръ. II. 288.—Егерь II. 935.—Ефрейтеръ. II. 1025.—Камергеръ. III. 408.—Камердинеръ, Камеръюнкеръ. III. 409.—Квартирмейстеръ. III. 494.—Кучеръ. III. 1101.—Маклеръ. IV. 16.— Мундшенкъ. IV. 328. — Ратманъ. V. 87. — Рекетмейстеръ. V. 113.—Фельдмаршалъ. VI. 482.—Шкиперъ. VI. 892. — Штурманъ. VI. 920.—Бургомистръ. I. 386.—

Болверкъ. I. 270.—Эфесъ. II. 1025.—Лагерь. III. 1126.— Лафетъ. III. 1144.—Провіантъ. IV. 1086.—Ранецъ. V. 72.— Шуфла. VI. 924. —

Балластъ. I. 88.—Бортъ. I. 288.—Вахта. I. 513.—Верфь. I. 626.—Мачта. IV. 63.—Штурмъ. VI. 920. —

Ландкарта. III. 1137.—Маштабъ. IV. 64. —

Флигель. VI. 493.—Балка. I. 89.—Гзымзъ. II. 36.—Фортка. VI. 495.—Ширмы. VI. 888. —

Лазаретъ. III. 1133.—Ланцетъ. III. 1138.—

Мундиръ. IV. 327.—Шлафрокъ. VI. 894.—Бострокъ (короткое платье). I. 299.—Трауръ. VI. 238.—Фалда. VI. 481.—Галстукъ. II. 19. — Муфта. IV. 337.—Бантъ. I. 95.—Бляха. I. 239. —

Камертухъ (полотно). III. 419. — Ревентухъ (полотно для парусовъ). V. 107. —

Вексель. I. 583.—Гильдія. II. 41.—Бракъ. I. 318. —

Кухня. III. 1001. — Анчоусъ. I. 38. — Крендель. III. 930. —

Вакса. I. 463. — Блягирь (краска). I. 239. — Поташъ. IV. 1014.—Клейстеръ. III. 598. — Глянецъ. II. 110. — Шлифую. VI. 896. —

Абшитъ. I. 3.—Берлога. I. 133.—Бунтъ. 1. 383.—Волторна. I. 464.—Кегля. III. 503.—Муштукъ. IV. 347.—Фейерверкъ. VI. 482.—Фура. VI. 497. —

Нѣмецко-французск.

Гофмаршалъ. II. 288. —

Итальянскія.

Балдахинъ. I. 88.—Банкъ, Банкиръ. I. 94.—Банкрутъ. I. 95.—Барканъ. I. 103.—Басъ. I. 108.—Ракета. V. 67. —

Еврейскія.

Адонаи (Іезек. VII, 5; VIII, 1). I. 10.—Аллилуія (Апок. XIX, 6). I. 22. Аминь (Апок. I, 7). I. 29. — Ватъ (кадь). I. 512. — Веліаръ (2 Коринѳ. VI, 15). I. 585. — Бегемотъ. I. 118.—Гомола (комъ) (Дан. XIV, 27). II. 198.—Геенна (Матѳ. X, 28; XVIII, 9). II. 31.—Корванъ (Матѳ. XXVII, 6) III. 814.—Кумиръ. III. 1063. — Левитъ (Числ. XVIII, 23). III. 1151.—Ливанъ (Сир. XXXIX, 17). III. 1191. — Манна. IV. 30. — Мессіа (Іоан. IV, 25). IV. 95. — Пасха (Іоан. II, 13, и др.). IV. 733.—Саваоѳъ (I. Царств. I, 3). V. 300.—Сатана. V. 343.—

Сиклъ (2 Царств. XVIII, 11). V. 441. — Суббота (Левит. XXVIII, 30; Лук. XVIII, 12). V. 938. — Херувимъ. (Евр. IX, 5). VI. 530. — Шабашъ VI. 843. —

Сирскія.

Авва (Рим. VIII, 15). I, 3.—Раввинъ (Іоаннъ I, 38; XX, 17). V, 12.—Ракà (Матѳ. V, 22). V, 66—67.—

Арабскія.

Алгебра. I. 19.—Алкали, Алкоголь. I. 21.—Амбра. I. 28.—Аракъ I. 43.—Арсеналъ. I. 48.—Бура. I. 385.—Кармазинъ. III. 448.—

Аравійск.: Алмазъ. I. 22.—Булатъ. I. 380. —

Арабск. и греческ.: Алембикъ (сосудъ). I. 20. —

Бухарское.

Бамберекъ (шелковая ткань). I. 93. —

Персидскія.

Абасы (деньги). I. 3.—Алтабасъ (парча). I. 23.—Аргамакъ. I. 44.—Арканъ. I. 46.—Атласъ. I. 60.—Базаръ. I. 82.—Баканъ (отъ перс. гор. *Баку*). I. 84.—Бирюза. I. 170.—Изумрудъ. III. 383. —

Турецкія.

Абá (сукно). I. 2.—Айва. I. 13.—Арбузъ. I. 43.—Бергамотъ. I. 122.—Амбаръ. I. 27.—Арба. I. 43.—Артель. I. 48.—Аршинъ. I. 54.—Барсукъ. I. 104.—Бунчукъ. I. 384.—Каланча. III. 397. —

Татарскія.

Артышъ. I. 50.—Арца. I. 53.—Бадиджанъ. I. 80. —

Балахонъ. I. 88.—Бешметъ. I. 169.—Башмакъ. I. 112.—Балаболка (гремушка на платьѣ). 1. 86.—

Баранъ. I. 97.—Бирюкъ (волкъ). I. 170.—Бурундукъ (звѣрокъ). I. 387.—Каумбакъ (утка). III. 460. —

Башка. I. 112.—Балыкъ. I. 91.—Аханъ (рыболовн. снасть). I. 63.—Кармакъ (уда). III. 448.—

Баскакъ. I. 108. — Тарханъ. VI. 29. — Басма. I. 108.—Девтерь (грамота: Цар. Л. 180). II. 572.—Ярлыкъ (Др. Л. II, 84). II. 1014.—

Алтынъ. I. 23.—Барышъ. I. 106.—Деньга. II. 588.—

Башня. I. 113.—Сарай. V. 341.—

Арчакъ (сѣдельн. дерево). I. 53.—Сайдакъ (вооруженіе стрѣлометное). V. 326.—

Бахча. I. 111.—Буеракъ (оврагъ). I. 368. —

Бузунъ (соль). I. 373.—Бурда. I. 386.—

Балалайка. I. 88. —

Буланый. I. 380. —

Венгерскія.

Анталъ (боченокъ). I. 36.—Гайдукъ. II. 16. —

Шведскія.

Аренда. I. 44.—Безменъ. II. 120.

Норвежское.

Аккула. I. 16. —

Голландскія.

Морск.: Бакенъ (знакъ мели). I. 85. — Баркотъ (обшивк. судна). I. 103.—Буеръ (судно). I. 369.—Ботъ. I. 302.—Буй (поплавокъ, привязан. къ якорю). I. 375. — Галіотъ (судно). II. 18. —

Анкерокъ (мѣра для жидк. вещ.) I. 35.—Апельсинъ. I. 38.—Бакаутъ (дерево). I. 84.—Блокъ. I. 229. —

Польскія.

Вензель. I. 597. — Вилчура (обыкновенно *винчура*-волчья шуба). I. 812.—Гаковница (орудіе). II. 16.—Голдъ. II. 176.—

Не обозначено, что иностранныя:

Микроскопъ, Милліонъ. IV. 130. — Оптика, Катоптрика. IV. 637.—Сертукъ. V. 436.—Сиропъ. V. 457.—Скинопигіа. V. 476. — Тригонометрія. VI. 267. — Фортификація. VI. 495. — и т. д.

81) Опытъ исторіи императорской россійской академіи. Первый періодъ, написанный А. Красовскимъ. 1849. стр. 61.—

82) Записки россійской академіи. Собраніе 25 ноября 1784 года; л. 55.—

83) Записки россійской академіи. Собраніе 14 декабря 1790 года; ст. II, л. 210.—

84) Исторія россійской академіи: I, стр. 132—134, 182—183, 260—265;—II, 142, 144, 375;—III, 113, 160—168;—V, 36—37, 294—296; — VII, 44—45, 112—113, 123, 149—151, 158—160.—

85) Записки россійской академіи. Собраніе 13 декабря 1791 года; ст. II, л. 240.—

86) Записки россійской академіи. Собраніе 29 декабря 1789 года; ст. II, л. 178.—

87) Записки россійской академіи. Собраніе 15 января 1793 года; ст. I, л. 39—39 об.—

88) Записки россійской академіи. Собраніе 10 мая 1791 г.; ст. I, л. 227.—

89) Записки россійской академіи. Собраніе 24 іюля 1787 года; ст. II, л. 123 об.—

90) Записки россійской академіи. Собраніе 23 августа 1785 года; ст. IV, л. 71 об.—

Словарь академіи россійской. 1789. Часть I, стр. XIII—XIV.—

91) Записки россійской академіи. Собранія: 8 мая 1787 г.; ст. II, л. 119 и 6 ноября 1787 года; ст. II, л. 135.—

92) Записки россійской академіи. Собраніе 12 марта 1784 года; ст. VII, л. 43.—

93) Записки россійской академіи. Собранія: 23 августа 1785 года; ст. VI, л. 72;—14 марта 1786 года; ст. IV, л. 88—89;—2 мая 1786 года; ст. I, л. 91—91 об.—

94) Записки россійской академіи. Собранія: 6 іюля 1784 г.; ст. I, л. 49—49 об.;—13 іюня 1786 года; ст. II, л. 95 об.—

95) Записки россійской академіи. Собраніе 16 октября 1787 года; ст. I, л. 131.—

96) Церковный словарь, или истолкованіе реченій славенскихъ древнихъ, такожъ иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ въ Священномъ писаніи и другихъ церковныхъ книгахъ, сочиненный московскаго архангельскаго собора протоіереемъ и московской духовной консисторіи членомъ Петромъ Алексіевымъ, разсматриванный Вольнымъ россійскимъ собраніемъ при императорскомъ московскомъ университетѣ и изданный по одобренію святѣйшаго правительствующаго синода конторы. Печатанъ при императорскомъ московскомъ университетѣ, 1773 года.—

Дополненіе къ Церковному словарю, сочиненное московскаго архангельскаго собора протоіереемъ, императорскаго московскаго университета катехизаторомъ и Вольнаго россійскаго собранія при томъ же университетѣ членомъ Петромъ Алексѣевымъ, съ пріобщеніемъ къ оному нѣкоторыхъ церковныхъ ірмосовъ, вновь преложенныхъ и приведенныхъ въ стихи, изданное по одобренію святѣйшаго правительствующаго синода члена, преосвященнѣйшаго архіепископа московскаго и калужскаго и свято-троицкія сергіевы лавры священно-архимандрита Платона. Печатано при императорскомъ московскомъ университетѣ, 1776 года.—

Продолженіе Церковнаго словаря, сочиненное московскаго архангельскаго собора протоіереемъ, императорскаго московскаго университета катехизаторомъ и Вольнаго россійскаго со-

бранія при томъ же университетѣ членомъ Петромъ Алексѣевымъ, изданное по одобренію святѣйшаго правительствующаго синода члена, преосвященнѣйшаго архіепископа московскаго и калужскаго и свято-троицкія сергіевы лавры священно-архимандрита Платона. Печатано въ типографіи императорскаго московскаго университета, 1779 года.—

97) Исторія россійской академіи. I, стр. 308—336, 341—343.—

98) Записки россійской академіи. Собраніе 13 декабря 1791 года; ст. II, л. 240.—

99) Россійскій Целларіусъ, или этимологическій россійскій лексиконъ, купно съ прибавленіемъ иностранныхъ, въ россійскомъ языкѣ во употребленіе принятыхъ словъ, такожъ съ сокращенною россійскою этимологіею, изданный М. Францискомъ Гелтергофомъ, нѣмецкаго языка лекторомъ въ императорскомъ московскомъ университетѣ (Тоже заглавіе понѣмецки: Der russische Cellarius, oder Etymologisches russisches wörterbuch, etc.). Печатанъ при императорскомъ московскомъ университетѣ, 1771 года.—

100) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей императорскаго московскаго университета. 1855. Часть I, стр. 191—192.—

101) Россійскій Целларіусъ. 1771. Читателю наставленіе.—

102) Словарь, французскою академіею сочиненный и четвертымъ тисненіемъ изданный въ Парижѣ 1762 г., а въ С.-Петербургѣ напечатанный съ прибавленіемъ россійскаго языка, въ 1773 году. Буква А.—(Буква *А* поручена переводчику академіи наукъ Самсону Волкову).—

103) Записки россійской академіи. Собранія: 1 апрѣля 1788 года; ст. II, л. 148 и 29 апрѣля 1788 года; ст. II, л. 149.—

104) Записки россійской академіи. Собраніе 11 ноября 1783 года; ст. VI, л. 18—18 об.—

105) Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. Пекарскаго. 1863. стр. 80.—

106) Histoire des quarante fauteuils de l'académie française depuis la fondation jusqu'à nos jours. 1635—1855. Par M. Tyrtée Tastet. 1855. T. I, стр. 53.—

107) Histoire de l'académie française par Pellisson et d'Olivet, avec une introduction, des éclaircissements et notes par M. Ch.-L. Livet. 1858. I. 23, 102, 110—112.—

108) Le dictionnaire de l'académie française. A Paris. 1694. Preface.—

109) Nouveau dictionnaire de l'académie française. Paris. 1718. Preface.—

110) Le dictionnaire de l'académie française. 1694. Preface.—

111) Le dictionnaire de l'académie française. 1740. Preface.—

112) Le dictionnaire de l'académie française. 1694. Preface.—

113) Записки россійской академіи. Собраніе 4 августа 1789 года; ст. II, л. 170—170 об.—

114) С. Петербургскія вѣдомости. 1789 года; августа 7, № 63. стр. 994.—

115) Записки россійской академіи. Собранія: 13 октября 1789 года; ст. I, л. 173; — 23 ноября 1790 года; ст. I, л. 204 об.—205.—

116) Новый россійско-французско-нѣмецкій словарь, сочиненный по словарю россійской академіи Иваномъ Геймомъ. Москва. Три тома. Первый томъ вышелъ въ 1799 году; второй—въ 1801 г.; третій—въ 1802 г. Томъ I. Предисловіе.—

Полный россійско-нѣмецкій словарь, по большому словарю россійской академіи сочиненный Иваномъ Геймомъ. Часть вторая, содержащая россійское съ нѣмецкимъ переводомъ. Въ Ригѣ и Лейпцигѣ, 1800 года.—

117) Göttingische Anzeigen von gelehrten sachen. 147 stück. Den 12 september 1801. стр. 1463—1464, 1468—1471.—

118) Источники для исторіи славянской филологіи. Томъ I.

Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ. Трудъ орд. акад. И. В. Ягича. 1885. стр. 154. —

119) Iahrbücher der literatur. Wien. 1825. Neun und zwanzigster band. стр. 53—70. —

120) Dobrowsky's Slavin. Von W. Hanka. Prag. 1834. стр. 260. —

121) Litterarische Nachrichten von einer auf veranlassung der böhm. gesellschaft der wissenschaften im jahre 1792 unternommenen reise nach Schweden und Russland. Von I. Dobrowsky. Prag. 1796. стр. 113. —

122) Грамматика языка славянскаго по древнему нарѣчію. Сочиненіе Іосифа *Добровскаго*. 1833. Часть I, стр. 269. —

123) Замѣчанія касательно новаго изданія русскаго словаря. Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Втораго отдѣленія академіи наукъ. стр. 43. Здѣсь помѣщены мнѣнія: Павскаго, Даля, Греча, Шевырева, Θ. И. Буслаева, Я. К. Грота. —

124) Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. 1848. № 6. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный II Отдѣленіемъ императорской академіи наукъ. С. Петербургъ. 1847. Статья вторая. И. И. Срезневскаго. стр. 6—8. —

125) Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ императорской академіи наукъ. Второе изданіе. 1867. Томъ I. Предисловіе. стр. X—XI. —

126) Записки россійской академіи. Собранія: 5 августа 1794 года; ст. III, л. 67 об.—68; — 10 августа 1794 года; ст. V, л. 69 об.—70. —

127) Записки россійской академіи. Собранія: 7 мая 1799 года, ст. II;—28 мая 1799 года, ст. V;—14 іюля 1800 года, ст. VII. —

128) Записки россійской академіи. Собраніе 19 января 1801 года; ст. I, л. 3. —

129) Записки россійской академіи. Собраніе 8 іюня 1801 года, ст. III, л. 53 об.—54. —

130) Записки россійской академіи. Собраніе 31 августа 1801 года; ст. VI, л. 130 об. —

131) Записки россійской академіи. Собраніе 31 мая 1802 года; ст. IV, л. 150. —

132) Записки россійской академіи. Собраніе 21 сентября 1801 года; ст. II, л. 155 об. —

133) Записки россійской академіи. Собраніе 6 іюля 1801 года; ст. X, л. 80—80 об.—

Ср. Исторія россійской академіи. II, стр. 377.—

134) Записки россійской академіи. Собраніе 21 іюня 1802 года; ст. V, л. 169 об.—

135) Записки россійской академіи. Собраніе 18 января 1802 года; ст. VI, л. 13—13 об.—

136) Записки россійской академіи. Собраніе 3 сентября 1804 года; ст. III, л. 267—267 об.; 212—213 об. —

137) Записки россійской академіи. Собранія: 23 ноября 1801 года; ст. II, л. 169 об.;—16 декабря 1805 года; ст. I, л. 379—379 об.;—5 октября 1807 года; ст. II, л. 242 об.;—24 іюля 1809 года; ст. I, л. 206;—18 января 1813 года; № 3, ст. I—26 августа 1816 года; № 29, ст. I;—29 сентября 1817 года; № 33, ст. I;—12 февраля 1821 года; № 6, ст. 8.—

138) Jahrbücher der literatur. Wien. 1825. Neun und zwanzigster band. Slovar akademii rossijskoj; стр. 53—70.—

139) Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ. 1826. № 11. Библіографическіе листы. 1825. стр. 470. —

140) Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ. Трудъ орд. акад. И. В. Ягича, 1885. Письмо Добровскаго къ П. И. Кеппену, 15 декабря 1826 года; стр. 679. —

141) Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отдѣленіемъ императорской академіи наукъ. Второе изданіе. 1867. Томъ I, стр. X. —

142) Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. 1848. № 6. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, состав-

ленный Вторымъ отдѣленіемъ императорской академіи наукъ. Статья вторая. И. И. Срезневскаго; стр. 8—9.—

143) Записки россійской академіи. Собранія: 5 августа 1794 года; ст. II, л. 67 об.;—16 сентября 1794 г.; ст. II, л. 71;—23 сентября 1794 года; ст. I, л. 71 об.;—7 октября 1794 г.; ст. I, л. 72;—21 октября 1794 года; ст. I, л. 73.—

144) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла Главнаго управленія цензуры, 1819 года; № 28, л. 2.—

145) Записки россійской академіи. Собранія: 24 февраля 1795 года; ст. I, л. 77;—2 апрѣля 1799 года;—7 мая 1799 года; ст. II;—28 мая 1799 года; ст. II;—18 мая 1801 года; ст. II, л. 39 об.;—8 іюня 1801 года; ст. VIII, л. 54 об.;—24 декабря 1801 года; ст. V, л. 211 об., и мн. др.—

146) Записки россійской академіи. Собраніе 18 октября 1796 года; ст. I, л. 110—110 об.—

147) Записки россійской академіи. Собраніе 1 ноября 1796 года; ст. I, л. 113—113 об.—

148) Записки россійской академіи. Собраніе 7 февраля 1797 года; ст. II, л. 123—123 об.—

149) Записки россійской академіи. Собранія; 5 августа 1794 года; ст. II, л. 67 об.;—10 августа 1794 года; ст. III, л. 69.—

Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла Главнаго управленія цензуры, 1819 года; № 28, л. 2—2 об.—

150) Россійская грамматика, сочиненная императорскою россійскою академіею. Въ Санктпетербургѣ, печатана въ императорской типографіи иждивеніемъ россійской академіи, 1802 г.; стр. I—IV.—

151) Lehrgebäude der russischen sprache, von Anton Jaroslaw *Puchmayer*. Prag. 1820. Vorrede; стр. XXVII—XXVIII.—Предисловіе подписано: Joseph Dobrowsky, mitglied der kais. russ. akademie.—

152) Сынъ отечества. 1819. Часть пятьдесятъ пятая.

№ XXIX, стр. 132; — № XXXI, стр. 209—228; — № XXXII, стр. 241—256; — № XXXIII, стр. 306—325.—

153) Записки россійской академіи. Собраніе 10 августа 1794 года; ст. II, л. 69.—

154) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла Главнаго управленія цензуры, 1819 года; № 28.—

155) Записки россійской академіи. Собраніе 7 сентября 1801 г.; ст. I, л. 143 об.—144; Приложеніе, л. 148—149.—

156) Записки россійской академіи. Собранія: 8 іюня 1801 года; ст. IV, л. 54; — 12 октября 1801 года; ст. II, л. 174 об., 177; — 28 сентября 1801 года; ст. IV, л. 159 об. — 160; — 16 ноября 1801 года; ст. III, л. 195.—

157) Записки россійской академіи. Собранія: 13 іюля 1801 года, ст. I, л. 85—85 об.; —20 іюля 1801 года, ст. V, л. 91—91 об.; —24 августа 1801 года, ст. IV, л. 125 об.—126. Приложеніе, л. 127.—

158) Исторія россійской академіи. 1885. Выпускъ VII. стр. 46—47, 51, 173—176.—

159) Записки россійской академіи. Собраніе 16 ноября 1801 года, ст. I, л. 194 об. —

160) Записки россійской академіи. Собраніе 28 іюля 1800 года, ст. II.—

161) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла 1803 года. Картонъ 644, № 11122.—

162) Записки россійской академіи. Собраніе 18 мая 1801 года, ст. III, л. 39 об.—

163) Исторія россійской академіи. Выпускъ VII, стр. 396.—

164) Записки россійской академіи. Собраніе 16 декабря 1796 года, ст. III—V, л. 115 об.—116 об. —

165) Записки россійской академіи. Собраніе 5 іюня 1801 года, ст. II, л. 49—50.—

166) Записки россійской академіи. Собраніе 21 іюня 1802 года, ст. II, л. 168 об., 171—174. Приложеніе.

167) Записки россійской академіи. Собраніе 21 января 1822 года, ст. II. Приложеніе.

168) Записки россійской академіи. Собранія: 12 іюля 1804 года, ст. IV, л. 156—156 об.;—7 декабря 1804 года, ст. IV, л. 315 об.—

169) Записки россійской академіи. Собраніе 3 декабря 1810 года; ст. II. —

170) Записки россійской академіи. Собраніе 13 августа 1804 года, ст. II. Приложеніе. л. 183—183 об. —

171) Histoire des quarante fauteuils de l'académie française, par M. Tyrtée Tastet. 1855. T. I, стр. 82—104.—

172) Записки россійской академіи. Собранія: 3 декабря 1810 года, ст. II.—IV;—1 октября 1810 года, ст. V;—19 ноября 1810 года, ст. II;—22 октября 1810 года, ст. I.—

173) Записки россійской академіи. Собраніе 19 марта 1804 года, ст. III, л. 68 об.—70. —

174) Записки россійской академіи. Собранія: 14 мая 1810 года, ст. I;—23 іюля 1810 года, ст. II. —

175) Труды императорской россійской академіи. 1840. Часть I. стр. 74, 77, 82.—

176) Мелочи изъ запаса моей памяти. М. А. Дмитріева. 1869. стр. 226—229. —

177) Записки россійской академіи. Собраніе 22 января 1810 года, ст. III. —

178) Записки россійской академіи. Собранія: 16 іюля 1804 года, ст. II, л. 161 об.; — 20 октября 1804 года, ст. III, л. 263 об. —

179) Записки россійской академіи. Собраніе 29 февраля 1808 года; ст. I, л. 45—45 об. —

180) Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1868. Томъ пятый. Выпускъ I. стр. 119. —

181) Исторія россійской академіи. VII, стр. 191—193.—

182) Исторія россійской академіи. I, стр. 374—375. —

183) Исторія россійской академіи. VII, стр. 194—196, 206—213 и др.—

184) Извѣстія россійской академіи. 1815. Книжка первая, стр. 2—6.—

185) Рукопись россійской академіи. 1839 года, № 15. Приговоръ академіи состоялся въ собраніи 17 февраля 1840 года.—

186) Рукописи россійской академіи. Предложеніе Шишкова сдѣлано 21 августа 1820 года; отзывъ комитета представленъ 26 августа того же года.

187) Рукопись россійской академіи: «Мнѣніе разсматривательнаго комитета академіи о переводѣ г. Раича, съ латинскаго языка на россійскій, Виргиліевыхъ Георгикъ стихами, напечатанномъ въ Москвѣ 1821 года и посвященномъ россійской академіи».

188) Рукопись россійской академіи: «Мнѣніе разсматривательнаго комитета императорской россійской академіи о читанной имъ рукописи подъ заглавіемъ: *Стихотворенія Павла Межакова*».

Стихотворенія Павла Александровича Межакова вышли въ 1817 году (безъ имени автора) подъ заглавіемъ: *Уединенный пѣвецъ*. Въ этомъ изданіи помѣщено осужденное академіею *Воспоминаніе* (стр. 43—45) такого содержанія:

Простерла ночь густой покровъ
  На скромную обитель. . .
Вотъ часъ, въ который обольщалъ
  Я аргусовъ ревнивыхъ,
И Зафну робкую сжималъ
  Въ объятіяхъ счастливыхъ!
Здѣсь къ намъ на радужныхъ крылахъ
  Толпа утѣхъ слетала,
И милая въ моихъ рукахъ
  Стыдливость оставляла!

Напрасно честь любви грозитъ
Ярмомъ предразсужденій:
Она въ душѣ не истребитъ
Природныхъ побужденій...

Въ 1828 году вышли въ свѣтъ *Стихотворенія Павла Межакова*. Въ одномъ изъ нихъ, написанномъ въ 1821 году, подъ заглавіемъ: *Мой портретъ*, авторъ говоритъ:

...Мнѣ тридцать лѣтъ...
Назначено — на бѣломъ свѣтѣ
Мнѣ быть поэтомъ иль ничѣмъ...
Мой родъ хотя не изъ знатнѣйшихъ,
Но я дворянъ россійскихъ сынъ:
Я разумѣю — дворянинъ
Временъ старинныхъ, не новѣйшихъ...
Я въ сердцѣ презираю шайку
Либералистовъ записныхъ...
...И пѣснь свободѣ напѣвалъ...

189) Рукопись россійской академіи. 1835 года, № 28: «О разсмотрѣніи правилъ стихотворенія, Пенинскаго».

190) Рукопись россійской академіи. 1836 года, № 18: «О разсмотрѣніи сочиненій: 1) Руководство къ изученію русской словесности, г. Георгіевскаго, и 2) Полезное чтеніе для дѣтей, соч. Ярцовой, — заслуживаютъ ли они демидовской преміи». Мнѣніе комитета принято россійскою академіею въ собраніи 20 марта 1837 года. Членами комитета были: Панаевъ, Лобановъ, Востоковъ и Ѳедоровъ.—

191) Рукопись россійской академіи. 1841 года, № 6: «О разсмотрѣніи Корнеслова г. Шимкевича». Отзывъ комитета представленъ 7 іюня 1841 года.—

192) Рукопись россійской академіи. 1836 года, № 19: «О разсмотрѣніи болгарской грамматики Венелина». Опредѣленіе академіи состоялось въ собраніи 16 января 1837 года.—

193) Рукопись россійской академіи. 1836 года, № 20: «О разсмотрѣніи сочиненія г. Венелина: «Филолого-критическое объясненіе гунскихъ именъ». Рѣшеніе академіи послѣдовало 16 января 1837 года.

194) Уставъ, или «Краткое начертаніе императорской россійской академіи» помѣщено нами въ Исторіи россійской академіи. 1874. Выпускъ первый; стр. 360—363.—

195) Записки россійской академіи. Собраніе 11 ноября 1783 года; ст. IV, л. 17 об.—

Рукопись россійской академіи:

УСТАВЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

1.

Императорская россійская академія состоять имѣетъ единственно подъ высочайшимъ покровительствомъ императорскаго величества.

2.

Императорская россійская академія имѣетъ употреблять двѣ печати: одну для дипломъ, даваемыхъ членамъ академіи, а другую для печатанія исходящихъ дѣлъ по академіи.

3.

На печати, употребляемой для дипломъ, вверху изображенъ парящій орелъ, у коего въ одной лапѣ рогъ изобилія, подъ которымъ недалеко представлена сидящая женщина, означающая исторію. Она держитъ въ рукахъ книгу, въ которой пишетъ. На другой сторонѣ подъ орломъ изображена сидящая же женщина, имѣющая въ рукахъ лиру. Между ними лежатъ книги и свертки бумагъ, осыпаемые богатствомъ изъ рога изобилія.

4.

На печати для исходящихъ дѣлъ вырѣзанъ двуглавый россійскій орелъ съ подписью вокругъ: *Печать императорской россійской академіи.*

5.

Главный предметъ россійскія академіи состоять долженъ въ обогащеніи и очищеніи языка россійскаго, и въ распространеніи словесныхъ наукъ въ государствѣ.

6.

Но какъ чистота и надлежащій языка порядокъ зависитъ отъ принятыхъ и утвержденныхъ правилъ, то да будетъ первымъ академіи упражненіемъ сочиненіе полной и вычищенной россійской грамматики.

7.

Богатство языка явствуетъ изъ обилія словъ и реченій (фразесовъ), когда всякая вещь, всякая мысль и всякое дѣяніе собственными словами или реченіями изображается. Таковымъ обиліемъ языкъ россійскій преимущественно хвалиться можетъ, будучи составленъ, такъ сказать, изъ двухъ языковъ, т. е. древняго, или славенскаго и отъ сего произшедшаго—нынѣ употребляемаго. Посему россійская академія да приложитъ свое стараніе къ собранію всѣхъ словъ и реченій, и составитъ полный словарь, съ точнымъ опредѣленіемъ каждаго слова и реченія, и съ изъясненіемъ ихъ употребленія въ низкой, или простонародной рѣчи, въ среднемъ или возвышенномъ слогѣ; въ пословицахъ, въ разговорахъ шуточныхъ или дружескихъ, въ разныхъ наукахъ, художествахъ и ремеслахъ. Къ чему немало послужитъ рачительное собраніе разныхъ названій вещамъ и произведеніямъ, употребляемыхъ въ различныхъ областяхъ россійскія имперіи.

8.

Краснословіе языка зависитъ отъ расположенія словъ и мѣры оныхъ, и всякая рѣчь, порядочно расположенная, имѣетъ въ себѣ нѣкоторый родъ согласія, не токмо въ стихахъ, но и въ свободномъ слогѣ. И посему россійская академія да составитъ правила, какъ ударенія словъ, такъ и краснорѣчія, заимствуя оныя изъ свойства языка славено-россійскаго.

9.

Не исключаются равнымъ образомъ изъ упражненій академиковъ объясненія россійскихъ древностей, частныя описанія достопамятностей россійскія исторіи и знаменитыхъ новѣйшихъ происшествій чистымъ и витіеватымъ слогомъ, также и стихами писанныя; равнымъ образомъ изобрѣтенія на оныя памятниковъ и медалей; краткія остроумныя надписи, нравственныя и другія творенія, до словесныхъ наукъ касающіяся.

10.

Таковыя ума и раченія произведенія должны составить дѣянія академіи россійской, которыя долженствуютъ быть раздѣлены на разныя, для всякаго рода твореній, главы и издаваемыя въ печать погодно, вмѣщая въ оныя описаніе памятниковъ и медалей на знаменитыя происшествія, до сего времени въ россійскомъ государствѣ сдѣланныя; выручаемыя же отъ продажи таковыхъ книгъ деньги да будутъ обращены на пользу академіи.

11.

Но какъ таковаго рода книги не могутъ быть сочинены малымъ числомъ людей, посему россійская академія состоять имѣетъ:

1) Изъ предсѣдателя,

2) Изъ 60 членовъ, полагая въ числѣ ихъ предсѣдателя и секретарей,

3) и изъ двухъ секретарей.

12.

Предсѣдатель опредѣляется изъ знатнѣйшихъ особъ, по волѣ императорскаго величества. Онъ доноситъ высочайшей особѣ о всѣхъ нуждахъ академіи, и чрезъ него академія получаетъ высочайшія повелѣнія.

13.

Во всѣхъ собраніяхъ имѣетъ предсѣдатель первое мѣсто, и печется о соблюденіи въ академическихъ собраніяхъ должнаго порядка. Въ отсутствіи жъ занимаетъ его мѣсто старшій членъ. Онъ одинъ имѣетъ право въ нужномъ случаѣ назначить чрезвычайныя собранія.

14.

На случай долговременной его отлучки избираетъ онъ на свое мѣсто одного изъ знатнѣйшихъ членовъ академіи попечителемъ, и представляетъ о семъ императорскому величеству на конфирмацію.

15.

Предсѣдатель, имѣя всѣ почести и права, членамъ академіи принадлежащія, кромѣ предсѣдательства, предлагаетъ при выборѣ на убылыя мѣста одного со своей стороны кандидата въ члены.

16.

При выборѣ членовъ по жеребьямъ, когда случится, что поровну выйдетъ жребій какъ утверждающихъ, такъ и отрицающихъ, тогда предсѣдатель имѣетъ право рѣшить сіе своимъ приговоромъ, и дѣлаетъ перевѣсъ.

17.

Въ секретари назначаетъ единственно предсѣдатель.

18.

Всѣ служители при академіи, какъ-то: переводчикъ, казны хранитель и писцы, единственно отъ выбора предсѣдателя зависятъ.

19.

Сумма, опредѣленная на академію, состоитъ въ точномъ вѣдѣніи и расположеніи предсѣдателя, и въ сей никому не даетъ онъ отчета, кромѣ высочайшей особы императорскаго величества, по прошествіи каждаго года.

20.

Въ дѣлахъ ученыхъ, предсѣдатель, или самъ, или чрезъ секретарей, отбираетъ мнѣнія отъ присутствующихъ членовъ, начиная со старшаго члена по порядку; свой же голосъ даетъ въ семъ случаѣ послѣдній.

21.

О членахъ и собраніяхъ академіи.

Въ члены академіи избирать желающихъ принять на себя добровольно труды академическіе, кои нужныя знанія и способности имѣть будутъ, и уже каковымъ-либо знаменитымъ сочиненіемъ на языкѣ россійскомъ отличилися.

22.

На убылыя мѣста членовъ предлагаетъ каждый членъ по одному кандидату; но представляющій кандидата членъ долженъ быть увѣренъ о желаніи представляемаго быть приняту въ академію. Выборъ же бываетъ по жеребьямъ и по большинству оныхъ.

23.

Всякій избранный членъ имѣетъ получать на сіе званіе диплому.

24.

Члены имѣютъ въ собраніяхъ засѣданія свои по старшинству ихъ вступленія въ академію.

25.

Всѣ члены въ дѣлахъ, до словесныхъ наукъ касающихся, имѣютъ равный голосъ, который объявляютъ или изустно, или письменно.

26.

Всякій членъ долженъ пещись о чести и славѣ академіи и соучаствовать во всѣхъ трудахъ оныя.

27.

Каждый членъ академіи обязанъ не печатать мимо ея сочиненій тѣхъ, кои составляютъ общій трудъ академіи, равномѣрно и всѣхъ тѣхъ, кои до правилъ и исправленія россійскаго языка принадлежать могутъ.

28.

Если кто изъ членовъ пришлетъ сочиненіе свое подъ закрытымъ именемъ, то о таковомъ секретарь докладываетъ предсѣдателю, и съ его приказанія читаетъ оное въ собраніи, оставляя имя сочинителя въ скрытности до тѣхъ поръ, пока оное не одобрено будетъ всѣмъ собраніемъ, или же самъ сочинитель вызовется. Если же таковое сочиненіе одобрено не будетъ, то да отошлется назадъ приславшему.

29.

Въ собраніяхъ академическихъ члены мнѣнія свои, какъ въ разговорахъ, такъ и сочиненіяхъ, да предлагаютъ съ пристойнымъ мѣсту уваженіемъ и безъ личнаго огорченія.

30.

Академія съ общаго согласія можетъ возложить на члена

каковое-либо сочиненіе или выборъ изъ какой-либо книги, могущей принести пользу трудамъ академіи, съ собственнымъ его на то согласіемъ; и тогда таковой членъ обязанъ безпрекословно исполнить опредѣленіе оныя.

31.

Обыкновенныя академіи собранія имѣютъ быть однимъ разъ въ недѣлю, въ день субботный, отъ 10 до 12 часовъ, въ которыя, кромѣ общихъ трудовъ, желающіе члены могутъ читать какое-либо полезное сочиненіе, почерпнутое изъ предметовъ вышесказанныхъ, объявя однакожъ о томъ предъ собраніемъ предсѣдателю, дабы онъ могъ какъ временемъ расположить, такъ и обратить на оное вниманіе прочихъ членовъ. Присылаемыя къ секретарю сочиненія читаются по очереди вступленія ихъ въ присылку; недочитанныя же въ одно собраніе, читаются въ слѣдующемъ.

32.

По окончаніи каждаго собранія да дастся присутствующему члену чрезъ секретаря академіи жетонъ, на коемъ *ключемъ премудрости*, отверзающимъ путь къ общимъ свѣдѣніямъ, повѣшеннымъ на земномъ шарѣ, изображена *грамматика*, съ которою непосредственно соединены *витійство* и *стихотвореніе*. Сіи три науки, составляющія предметъ россійской академіи, основаніемъ своимъ имѣютъ *просвѣщеніе*, изображенное *книгою*. На цоколѣ, на которомъ оная положена, написанъ 1783 годъ, въ который сіе полезное учрежденіе начало свое возымѣло.

На оборотѣ изображено:

Справедливое награжденіе отъ имени Екатерины Вторыя.

Надпись:

Императорская россійская академія.

33.

Кромѣ обыкновенныхъ собраній академія да празднуетъ

торжественно 25-го ноября, т. е. на другой день великомученицы Екатерины, въ память основательницы своея—Екатерины Вторыя, въ который при всемъ собраніи да прочтется краткая выпись трудовъ каждаго члена, и да опредѣлится большинствомъ жребій сочиненію, принесшему россійскому слову отличную пользу, награжденіе большой золотой медали.

34.

Большая золотая медаль на одной сторонѣ имѣетъ изображеніе ея императорскаго величества; на оборотѣ то же самое, что и на жетонѣ, съ надписью: *Россійскому слову отличную пользу принесшему.*

35.

Въ обыкновенныя академіи собранія никто, кромѣ членовъ, входу имѣть не можетъ, развѣ введенъ будетъ по приказанію предсѣдателя чрезъ секретаря, для представленія на судъ академіи какого-либо полезнаго, на россійскомъ языкѣ писаннаго, сочиненія.

36.

Во время же торжественнаго собранія имѣютъ свободный входъ всѣ любители россійскаго слова и благородные люди.

37.

О секретаряхъ академіи.

Секретари должны быть непремѣнные, имѣющіе почести и голосъ, равномѣрные съ прочими членами.

38.

Должность секретарей есть рачительно записывать всѣ сочиненія, по старшинству ихъ вступленія, и вести поденную записку всему тому, что въ собраніяхъ бываетъ предлагаемо, разсматриваемо, читано и опредѣлено академіею по большинству голо-

совъ, даваемыхъ членами, которую подписываютъ предсѣдатель и секретари.

39.

Но всѣ опредѣленія, по сему исходящія какъ для членовъ академіи, такъ и для тѣхъ, кому имѣть оныя нужно, подписываютъ одни секретари. Дипломы же подписываетъ предсѣдатель и секретари.

40.

Секретари хранятъ печати академическія, записки и прочія дѣла, до собранія касающіяся, и въ исходѣ года предлагаютъ собранію выписку изъ того, что̀ въ семъ примѣчанія достойнаго происходило; имъ же препоручается и всякая могущая случиться переписка съ академіею.

41.

Они попечительствуютъ о изданіи академическихъ дѣяній, и во время печатанія оныя справляютъ; однако дозволяется и всякому члену просматривать корректуру своего сочиненія, буде онъ сего похочетъ.

42.

Во время торжественныхъ собраній, буде тотъ изъ членовъ, коего сочиненія и труды признаны достойными преждесказаннаго награжденія, за какимъ-либо препятствіемъ сочиненія своего читать не возможетъ, въ такомъ случаѣ сіе да исполнено будетъ однимъ изъ секретарей.

43.

Секретари равнымъ образомъ, имѣютъ погодно въ своемъ смотрѣніи книгохранительницу и другія достопамятныя вещи, принадлежащія академіи. Книгамъ и вещамъ одинъ списокъ хранится въ собраніи, а другой имѣетъ у себя хранитель.

44.

Когда кто изъ членовъ академіи требовать будетъ отъ се-

кретарей видѣть какое сочиненіе или письмо, вступившее въ академію, или отъ хранителя какую-либо книгу, или вещь, то они должны показывать оныя; но списывать, или срисовывать, кольми паче давать на домъ требуемое не можетъ ни тотъ, ни другой безъ письменнаго приказанія предсѣдателя.

45.

При перемѣнѣ же ихъ, по прошествіи года должны они за общимъ подписаніемъ подать опись всѣмъ вещамъ, академіи принадлежащимъ, о ихъ цѣлости и состояніи.

46.

Императорской россійской академіи нужно имѣть искуснаго переводчика, который бы не токмо съ греческаго, латинскаго, нѣмецкаго или французскаго языковъ могъ переводить на россійскій, но чтобы былъ въ состояніи писать на французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ.

47.

Для переписки всѣхъ касающихся ко академіи дѣлъ имѣть четырехъ писцовъ.

48.

Для храненія опредѣленной на академію суммы и жетоновъ имѣть казны хранителя, который ведетъ и расходныя книги.

49.

На учрежденіе и содержаніе сего новаго основанія, опредѣляется въ годъ пять тысячъ рублей; жетоны же и золотую медаль, всего на тысячу рублей, имѣетъ академія получать изъ монетнаго департамента.

50.

Секретарямъ академіи производить каждому по 800 рублей въ годъ, переводчику 500 рублей, казны хранителю 300 рублей,

писцамъ каждому по 200 рублей, тремъ сторожамъ по 36 рублей каждому.

51.

Домъ для собраній академическихъ имѣетъ быть казенный.

52.

Сей уставъ по разсмотрѣніи академіею и по воспослѣдованіи высочайшей конфирмаціи долженъ быть напечатанъ.

196) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 644, № 11142:

ПРОЕКТЪ УСТАВА РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

Глава I.

О составѣ и обязанности академіи.

СТАТЬЯ 1-я.

Императорская россійская академія, состоя подъ непосредственнымъ нашимъ покровительствомъ, согласно съ намѣреніемъ великой основательницы ея, вселюбезнѣйшей бабки нашей, да посвятитъ бдѣнія свои усовершенствованію россійскаго слова, изысканію красотъ его въ прозѣ и стихахъ, постановленію правилъ языка и вкуса, и тщательному изслѣдованію достопамятныхъ происшествій и древностей отечества. Объемля весь округъ письменъ, поставитъ она себѣ пріятнымъ подвигомъ возбуждать писателей россійскихъ безпристрастнымъ сужденіемъ о ихъ сочиненіяхъ и предчувствованіемъ общаго мнѣнія. Такимъ образомъ обратитъ она превосходство россійскаго языка въ орудіе просвѣщенія и общей славы.

СТАТЬЯ 2-я.

Число особъ, воспріемлющихъ на себя званіе академиковъ, да будетъ шестьдесятъ.

СТАТЬЯ 3-Я.

Изъ оныхъ двадцать особъ, уваженія ради почетными именуемыхъ и занимающихъ первыя мѣста государственныя, не обязуются, по причинѣ важныхъ дѣлъ, имъ препорученныхъ, къ настоящимъ академическимъ упражненіямъ, свидѣтельствуя сопричтеніемъ своимъ къ сему сословію любовь къ отечественному языку и письменамъ, придаютъ они сіяніе и ободреніе трудамъ академіи, въ которыхъ участвовать отъ нихъ зависитъ.

СТАТЬЯ 4-Я.

Упражненія академиковъ должны состоять: въ сочиненіяхъ, составляющихъ постоянное употребленіе и чистоту языка; въ сообщеніи другъ другу взаимныхъ совѣтовъ при чтеніи сочиненій своихъ; въ изобрѣтеніи способовъ возвысить россійскую словесность и сдѣлать ее предметомъ общественнаго вниманія; въ ободреніи любителей къ преложенію преимущественно древнихъ писателей и къ соревнованію съ новѣйшими; въ назначеніи награжденій рождающимся дарованіямъ.

СТАТЬЯ 5-Я.

Академія назначаетъ золотыя медали за превосходнѣйшія изъ твореній, вступающихъ на три задачи, которыя она предлагаетъ въ началѣ каждаго года, и сребряныя медали за творенія, ближе прочихъ подходящія къ достоинству первыхъ.

СТАТЬЯ 6-Я.

Таковыя задачи должны относиться къ стихотворству во всѣхъ родахъ, къ краснорѣчію и критикѣ попеременно, къ исторіи и древностямъ отечества.

СТАТЬЯ 7-Я.

Просвѣщенная критика, строгая къ сочиненіямъ, снисходительная къ писателямъ, ожидаетъ существованія своего отъ сое-

диненія знаній, опытности и безпристрастія, каковыя предполагаются въ академіи, и установленіе общаго мнѣнія о писателяхъ отечественныхъ есть одно изъ ея занятій. Она можетъ задавать критическія разсужденія, которыя содержали бы правила вкуса и письменъ.

СТАТЬЯ 8-Я.

Исторія отечественная, одинъ изъ главныхъ предметовъ академіи, есть верховный трудъ, ожидающій писателя. Академія тщательно да пріиметъ всѣ опыты, въ общей или частной исторіи отечества предпріемлемые; да начертаетъ путь и способствуетъ любителямъ показаніемъ источниковъ, средствъ и затрудненій, такъ какъ и образа писанія. Она можетъ предлагать избранныя ею эпохи россійской исторіи къ соревнованію писателей.

СТАТЬЯ 9-Я.

Желательно, чтобы въ благодарное воспоминаніе великихъ людей, которые послужили къ славѣ Россіи въ искусствахъ мира и войны, въ отечественной любви и добродѣтели всякаго рода, академія присуждала иногда, въ числѣ другихъ, награжденіе краснорѣчивѣйшему похвальному слову, содержащему совершенное изображеніе подвиговъ какого-либо великаго мужа.

СТАТЬЯ 10-Я.

Тѣ переводы древнихъ и новѣйшихъ великихъ писателей, которые, представляя духъ ихъ и образъ мыслей во всей красотѣ подлинника, нерѣдко сравнены быть могутъ въ достоинствѣ съ собственнымъ произведеніемъ, заслуживаютъ также ободренія академіи.

СТАТЬЯ 11-Я.

Академія не упуститъ ободрять сей родъ словесниковъ, полезныхъ и трудолюбивыхъ, которые, напитавшись духомъ древнихъ, осмѣлятся ступать по слѣдамъ ихъ и вливать красоту и

силу ихъ въ природный нашъ языкъ, послѣдуя въ томъ примѣру древнихъ нашихъ писателей, которые присвоили славянскому языку выразительность греческаго.

СТАТЬЯ 12-я.

Театръ есть школа нравовъ и вкуса народнаго, ежели глубокое знаніе сердца и благонамѣреніе отличаютъ драматическаго писателя. Академія пріиметъ во уваженіе поощреніе таковыхъ, и назначитъ особливое награжденіе лучшей трагедіи или комедіи, изъ присланныхъ на сужденіе ея писателями.

СТАТЬЯ 13-я.

Всѣ роды стихотворства впрочемъ долженствуютъ составлять предметъ сужденій и ободреній ея. Слабые опыты предзнаменуютъ иногда великаго писателя, и академическія награжденія могутъ открыть дарованіе, кроющееся въ отдаленности и самому себѣ неизвѣстное, особливо въ юности, которой свойственны паренія стихотворства. Академія именуетъ въ ежегодныхъ задачахъ роды стихотворства или содержаніе требуемыхъ стихотвореній.

СТАТЬЯ 14-я.

Сочиненія и переводы, представленные отъ писателей, непринадлежащихъ къ академіи, судятся въ обыкновенныхъ ея собраніяхъ. Труды же академиковъ подвергаются суду комитета, составленнаго изъ президента, трехъ почетныхъ и трехъ дѣйствительныхъ членовъ, съ толикимъ же числомъ назначенныхъ для заступленія ихъ мѣстъ, въ случаѣ ежели кто изъ первыхъ не можетъ присутствовать въ засѣданіи.

СТАТЬЯ 15-я.

На основаніи предыдущей статьи, ежегодно удостоивается большой золотой медали тотъ изъ дѣйствительныхъ академиковъ, который втеченіе года отличилъ себя трудами, и наиболѣе со-

дѣйствовалъ къ чести академіи. Прочіе изъ трудившихся членовъ, по назначенію того же комитета, получаютъ соразмѣрное дѣятельности каждаго воздаяніе изъ суммы, которая назначена на ободреніе сочиненій и переводовъ.

статья 16-я.

Почетные члены, бывъ опредѣлители таковыхъ воздаяній, сами въ оныхъ никогда не участвуютъ, равно какъ и тѣ дѣйствительные члены, которые составляютъ комитетъ того года.

статья 17-я.

Сочиненія и переводы на заданныя программы присылаются въ академію за два мѣсяца, по крайней мѣрѣ, до торжественнаго ея собранія; приложатся запечатанныя записки, содержащія имя сочинителя и ознаменованныя одинакими съ сочиненіемъ девизами, изъ коихъ открыты будутъ только тѣ, при которыхъ присланное удостоено одобренія.

статья 18-я.

Академія, возвѣстивъ образомъ, показаннымъ въ статьѣ 22-й, о переводѣ книги, который она имѣть желаетъ, задаетъ къ назначенному времени избранное къ сему, примѣчанія достойное, мѣсто или главу, по преложенію которыхъ можно бы было судить о способности прелагателя.

статья 19-я.

Ежели представленный переводъ удостоится одобренія академіи, то она, увѣнчавъ оный, можетъ поручить продолженіе его по частямъ, и судить объ ономъ по сравненію съ представленнымъ образцомъ.

статья 20-я.

Ежели никакое изъ вступившихъ въ одномъ родѣ сочиненій или переводовъ не заслужитъ полнаго одобренія академіи, то ме-

даль можетъ быть присуждена тому, кто представилъ сочиненіе изящнѣйшее на предметъ, который академіею не былъ опредѣленъ. Въ случаѣ жъ невступленія и таковыхъ, медаль остается до слѣдующаго года.

СТАТЬЯ 21-Я.

Академія имѣетъ право предлагать вновь тѣ же задачи, на кои она не получила удовлетворительнаго сочиненія, или назначать другія.

СТАТЬЯ 22-Я.

Изображеніе трудовъ своихъ издаетъ академія ежемѣсячно подъ заглавіемъ Записокъ, въ которыхъ помѣщаетъ содержаніе читанныхъ въ засѣданіяхъ разсужденій, до языка, вкуса и исторіи касающихся, удостоенныхъ общаго одобренія; прозаическія и стихотворныя произведенія; критическія разложенія славныхъ россійскихъ писателей; сужденіе новыхъ сочиненій; извѣщеніе о назначенныхъ къ преложенію книгахъ и о ежегодныхъ награжденіяхъ.

СТАТЬЯ 23-Я.

Торжественныя собранія бываютъ 21-го октября, то есть въ день открытія академіи въ 1783-мъ году.

СТАТЬЯ 24-Я.

Любовь отечества представлять намъ будетъ случай изъявить присутствіемъ нашимъ въ торжественныхъ собраніяхъ россійской академіи наше уваженіе къ отечественному слову. Впрочемъ пригласятся къ каждому таковому собранію и всѣ любители россійскаго языка. Открывая оное, президентъ, или одинъ изъ членовъ, произноситъ рѣчь, въ коей представляетъ происшествія академіи того года и картину успѣховъ словесныхъ наукъ въ Россіи. Потомъ возвѣщены будутъ имена сочинителей увѣнчанныхъ сочиненій, и тѣхъ, которыя не бывъ предметомъ особенныхъ сужденій академіи, заслужили вниманіе общества; возвѣстятся также и новыя задачи, академіею предлагаемыя.

статья 25-я.

Обыкновенныя засѣданія бываютъ по субботамъ, начинаясь въ 10 часовъ до полудни.

статья 26-я.

Каждый членъ, по окончаніи засѣданія, получаетъ подносимый ему сребряный жетонъ, изображающій на одной сторонѣ вензелевое имя основательницы и надпись: *Императорская россійская академія*; на другой—символическое изображеніе съ показаніемъ времени ея учрежденія.

статья 27-я.

Академія имѣетъ собственную печать, которую прикладываетъ къ дипломамъ на достоинство ея членовъ. Она представляетъ россійскій императорскій гербъ съ приличными украшеніями и надписью. Малая печать, сей подобная, употребляется въ другихъ случаяхъ.

статья 28-я.

Медали, раздаемыя въ награжденіе трудовъ въ поприщѣ словесности, представляютъ на одной сторонѣ образъ основательницы, а на другой символическое изображеніе предмета академіи съ приличною надписью. Сребряныя медали имѣютъ другую надпись, зависящую, какъ и первая, отъ разсужденія академіи.

статья 29-я.

Списокъ одобреннаго сочиненія или перевода, бывъ представленъ въ какую-либо типографію за подписаніемъ секретаря и приложеніемъ академической печати, пріемлется, не имѣя нужды въ другой цензурѣ.

статья 30-я.

Дабы академіи доставить удобность созерцать все, происходящее въ полѣ россійской словесности, соизволяемъ, чтобы каж-

дая типографія посылала въ оную, до изданія въ свѣтъ сочиненія или перевода, въ нея напечатаннаго, одинъ экземпляръ. За неисполненіе сей статьи налагается пеня, равная цѣнѣ пятидесяти экземпляровъ, въ пользу академіи.

СТАТЬЯ 31-Я.

Библіотека академіи, составленная, по возможности, изъ всѣхъ въ Россіи вышедшихъ и въ другихъ мѣстахъ напечатанныхъ россійскихъ и славянскихъ книгъ, древнихъ классическихъ авторовъ, и лучшихъ произведеній словесности на всѣхъ языкахъ, подъ вѣдѣніемъ непремѣннаго секретаря отверста для употребленія членовъ.

Глава II.

О избраніи членовъ и ихъ должностяхъ.

СТАТЬЯ 32-Я.

Президентомъ впослѣдствіи времени назначаться нами будетъ одинъ изъ трехъ почетныхъ членовъ, которые представятся намъ отъ академіи.

СТАТЬЯ 33-Я.

По упраздненіи президентскаго мѣста, старшій членъ академіи, созывая всѣхъ на лицо состоящихъ членовъ, назначаетъ день избранія трехъ кандидатовъ, который не можетъ быть отложенъ далѣе какъ до четвертаго собранія.

СТАТЬЯ 34-Я.

Президенту преимущественно поручается исполненіе всего, предписаннаго въ семъ уставѣ. Пристойными средствами, наипаче же собственнымъ примѣромъ, будетъ онъ поощрять своихъ сотрудниковъ, представлять имъ предметы, достойные вниманія и цѣли, съ которою учреждена академія.

СТАТЬЯ 35-Я.

Онъ доноситъ намъ непосредственно о состояніи академіи, о ея упражненіяхъ, и представляетъ труды сего общества; равно желаемъ, чтобы онъ неукоснительно представлялъ намъ о пособіяхъ, какія съ нашей стороны нужны будутъ къ совершенству онаго.

СТАТЬЯ 36-Я.

Всѣ представленія къ намъ, и другія отношенія въ государственныя мѣста, должны происходить на основаніи предшествовавшаго положенія академіи, въ протоколъ ея записаннаго.

СТАТЬЯ 37-Я.

Президентъ, яко первенствующая въ засѣданіяхъ академіи особа, опредѣляетъ ея мнѣніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ встрѣтится равенство противныхъ голосовъ.

СТАТЬЯ 38-Я.

Онъ имѣетъ право созывать чрезвычайныя собранія.

СТАТЬЯ 39-Я.

Если президентъ отсутствуетъ въ одно изъ засѣданій, то мѣсто его занимаетъ старшій изъ случившихся почетныхъ членовъ. Въ отсутствіи же, продолжающемся болѣе мѣсяца, члены, на основаніи статьи 33-й, могутъ, до вступленія его паки въ должность, избрать временнаго президента.

СТАТЬЯ 40-Я.

Непремѣнный секретарь академіи, избираемый въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ, долженъ быть мужъ, искусный въ словесности, по изданнымъ сочиненіямъ и общему уваженію достойный полной ихъ довѣренности.

СТАТЬЯ 41-Я.

Онъ принимаетъ вступающія въ академію сочиненія и другія бумаги, читаетъ ихъ въ собраніи; ведетъ историческую за-

писку разсужденіямъ о нихъ, и вообще излагаетъ мнѣнія общества въ протоколахъ засѣданій; приводитъ въ порядокъ ежемѣсячныя сочиненія и другіе совмѣстные труды общества; печется о ихъ изданіи и распространеніи; занимается перепискою отъ имени и по опредѣленію своихъ сочленовъ; изготовляетъ имъ дипломы; также имѣетъ въ смотрѣніи своемъ книгохранилище и печати академіи.

СТАТЬЯ 42-Я.

Секретарь по избраніи своемъ не престаетъ быть членомъ, равнымъ всѣмъ прочимъ, но, вразсужденіи довѣрія къ нему цѣлаго сословія, имѣетъ онъ въ высшей степени обязанность выполнять порученія и за исполненіе отвѣтствовать.

СТАТЬЯ 43-Я.

Академія избираетъ ежегодно своего казначея, и одного члена, который съ нимъ вмѣстѣ подъ предсѣданіемъ президента составляетъ управляющій комитетъ. Оба сіи члены могутъ быть избраны на слѣдующій годъ и далѣе.

СТАТЬЯ 44-Я.

Всѣ вообще избранія производятся положеніемъ шаровъ въ такомъ собраніи, которое состояло бы, по крайней мѣрѣ, изъ двадцати членовъ.

СТАТЬЯ 45-Я.

Наступающее избраніе предвозвѣщается отъ президента всѣмъ членамъ, по крайней мѣрѣ, за три собранія, назначая къ совершенію его одно изъ обыкновенныхъ академіи засѣданій.

СТАТЬЯ 46-Я.

Каждые три члена, не исключая изъ сего отсутствующихъ, могутъ предлагать одного кандидата, съ показаніемъ причинъ, по которымъ они почитаютъ его достойнымъ вступить въ академію.

СТАТЬЯ 47-Я.

Хотя мы предполагаемъ едва возможнымъ такой случай, гдѣ бы членъ, принятый въ сословіе академіи, пересталъ быть ея достойнымъ, но ежели бы кто изъ членовъ оказалъ тяжкое и умышленное оскорбленіе или академіи, или члену оной, въ отношеніяхъ до нея касающихся, то таковый подвергается собиранію голосовъ объ удаленіи его изъ сего почтеннаго сословія.

СТАТЬЯ 48-Я.

Удаленіе изъ академіи можетъ быть предложено не иначе, какъ совмѣстно двумя почетными и пятью дѣйствительными членами, и совершено не ближе, какъ въ четвертое засѣданіе, по большинству двухъ третей, по крайней мѣрѣ, числа присутствующихъ членовъ, постановленнаго въ статьѣ 44-й.

СТАТЬЯ 49-Я.

Никакія гражданскія преимущества и почести не имѣютъ въ академіи мѣста, и старшинство членовъ почитается единственно по времени ихъ вступленія, начиная съ почетныхъ, за которыми слѣдуютъ дѣйствительные. Разсужденія и собираніе голосовъ происходятъ въ томъ же порядкѣ; но президентъ свой голосъ даетъ послѣдній.

СТАТЬЯ 50-Я.

Желающій занять разсужденіе сочленовъ, предупреждаетъ о томъ президента, который вноситъ въ записку и предметъ и имя особы, предложить имѣющій, для соблюденія порядка въ предложеніяхъ одно за другимъ.

СТАТЬЯ 51-Я.

По внесеніи мнѣнія академіи секретаремъ въ протоколъ, оный подписывается присутствующими членами.

СТАТЬЯ 52-Я.

Протоколы академіи не подвергаются никакой особой формѣ,

но содержать ясно и кратко существенный токмо предметъ разсужденій и рѣшительное мнѣніе; впрочемъ каждый членъ имѣетъ право прилагать къ оному свое собственное.

Глава III.

О управленіи академіи.

СТАТЬЯ 53-Я.

Дабы членовъ академіи оставить совершенно свободными отъ занятій, чуждыхъ для ихъ важнаго предмета, распоряженіе суммами, принадлежащими академіи и въ нее вступающими, ввѣряется хозяйственному ея комитету, составленному на основаніи 43-й статьи.

СТАТЬЯ 54-Я.

Сей комитетъ имѣетъ пещись о достойномъ помѣщеніи академіи, о зданіи, ей принадлежащемъ, внутреннемъ его украшеніи и содержаніи.

СТАТЬЯ 55-Я.

Онъ распоряжаетъ служителями академическаго дома, опредѣляетъ ихъ, и предоставляетъ предсѣдателю своему, который есть президентъ академіи, представлять о нихъ куда слѣдуетъ.

СТАТЬЯ 56-Я.

Подъ вѣдѣніемъ сего комитета состоятъ и тѣ доходы, которые академія получаетъ отъ изданія ея сочиненій.

СТАТЬЯ 57-Я.

Казна академическая хранится подъ печатью казначея, вступаетъ и выдается подъ его вѣдѣніемъ, со внесеніемъ каждаго обстоятельства въ протоколъ комитета.

СТАТЬЯ 58-Я.

Комитетъ, получаемую имъ изъ казначействъ нашихъ по штату сумму, употребляетъ по ея назначенію, а экономическою

располагаетъ на всѣ прочія надобности. Онъ немедленно извѣститъ собраніе о тѣхъ остаткахъ, которые могутъ быть употреблены по существенному предмету академіи въ дополненіе къ штатной суммѣ.

СТАТЬЯ 59-Я.

По окончаніи года, казначей и сочленъ его въ комитетѣ вносятъ въ полное собраніе академіи списокъ со всѣхъ счетовъ за своимъ подписаніемъ, и, по сложеніи своей должности, представляютъ сужденію академіи, которая впродолженіи года не болѣе трехъ засѣданій можетъ употребить на сей и подобные предметы, къ ея истинному назначенію непринадлежащіе.

Штатъ россійской академіи.

На раздаваемые въ каждомъ засѣданіи жетоны. . .	1000 р.
На медаль, предоставляемую члену, впродолженіи года болѣе отличившемуся трудами.	250 »
На золотыя и сребряныя медали для свидѣтельствованія одобренія академіи тѣмъ писателямъ, кои не члены оной.	700 »
Въ награжденіе классическихъ изящныхъ сочиненій и переводовъ.	4000 »
На печатанія трудовъ академіи.	2000 »
Непремѣнному секретарю.	1000 »
Члену хозяйственнаго комитета.	500 »
Казначею.	500 »
Корректору, или справщику.	400 »
Двумъ писцамъ.	400 »
Итого	10750 »

Пристойное, полное содержаніе дома и служителей, къ нему принадлежащихъ, также и другіе, могущіе встрѣтиться, расходы

возлагаются на сумму академіи и на проценты собственнаго ея капитала, который въ 1801 году простирался до 55500 рублей.

Михайло Муравьевъ.

Графъ Сѣверинъ Потоцкій.

Николай Фусъ.

Федоръ Баузе.

Письмоводитель комитета Василій Каразинъ.

197) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 644, № 11142:

I.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано: *«быть по сему»*.

АЛЕКСАНДРЪ.

29 мая 1818 года.

Всепресвѣтлѣйшему, державнѣйшему, великому государю императору и самодержцу всероссійскому

От президента россійской императорской академіи вице-адмирала Шишкова

всеподданнѣйшій докладъ.

Въ Бозѣ почивающая бабка вашего императорскаго величества Екатерина II, находя, по примѣру всѣхъ просвѣщенныхъ въ древнія и новѣйшія времена державъ, нужнымъ и полезнымъ учредить ученое сословіе, которое бы пеклося о корнѣ словесности и всѣхъ вообще наукъ и познаній — объ отечественномъ языкѣ своемъ, основала россійскую академію. Ваше императорское величество благоволили утвердить опую. Но по сіе время не

имѣла она твердаго постановленія, состоящаго въ данномъ ей уставѣ, который бы съ опредѣленными въ немъ средствами и наставленіями могъ, сообразно тому намѣренію, съ какимъ оная учреждена, служить ей руководствомъ въ ея дѣяніяхъ и способствовать къ распространенію круга попеченій ея съ должнымъ для пользы отечества успѣхомъ. Сіе было причиною, что она въ тридцатидвухлѣтнее время существованія, при всемъ своемъ усердіи, не могла для напоенія жажды ученія принести такихъ обильныхъ плодовъ, какихъ при достаточныхъ заблаговременно положеніяхъ и средствахъ надлежало бы отъ нея ожидать. Вашему императорскому величеству угодно было повелѣть мнѣ написать сей уставъ. Вслѣдствіе сей высочайшей воли, по сношенію моему съ членами академіи, и входя во всѣ нужныя для сего обстоятельства и подробности, составилъ я оный, основываясь на слѣдующихъ правилахъ.

I. Академія есть сословіе свободное, состоящее изъ членовъ разнаго званія, разными должностями обязанныхъ, собирающихся въ академическія засѣданія добровольно, и добровольно же, по способностямъ и досугамъ каждаго, упражняющихся въ языкѣ и словесности. Сіе свободное сословіе учреждено съ тѣмъ, чтобы оно, имѣя опредѣленные доходы, старалось, по соразмѣрности оныхъ, употреблять ихъ: 1) на заведеніе всего, для академіи нужнаго и способствующаго къ исполненію ея намѣреній; 2) на издаваніе книгъ, опредѣляющихъ языкъ и распространяющихъ словесность; 3) на возмездіе и поощреніе тѣмъ, которые особенно и отлично симъ трудамъ себя посвятятъ. Изъ сего состава академіи явствуетъ, что всѣ сіи дѣянія не могутъ иначе совершаться и быть благоуспѣшны, какъ по общему всѣхъ членовъ ея разсужденію и согласію; ибо если что-либо въ ней будетъ дѣлаться безъ общей воли или по общей волѣ не дѣлаться, то уже она не будетъ больше академія, но нѣкое, никакими узами не связанное, недѣйствующее и слѣдовательно безполезное общество. Академія, носящая на себѣ названія: первое — императорской, второе — россійской, уже самыми сими названіями по-

казываетъ, что она есть важное и во всѣхъ государствахъ таковымъ признаваемое сословіе; ибо каждая просвѣщенная держава основываетъ на процвѣтаніи отечественнаго языка и словесности своей, коихъ академія есть стражъ, и надобность свою, и славу. А потому, согласно съ составомъ и существомъ своимъ, долженствуетъ она состоять подъ особеннымъ императорскаго величества покровомъ; относиться во всѣхъ своихъ надобностяхъ и дѣлать представленія свои государю императору чрезъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; располагать же получаемыми ею доходами съ общаго согласія членовъ, и ежегодно въ торжественныхъ засѣданіяхъ своихъ давать гласный отчетъ приходамъ своимъ и расходамъ.

II. Всѣ произведенія членовъ академіи (или всякаго упражняющагося въ изящныхъ наукахъ) можно раздѣлять на два рода: однѣ, относящіяся вообще къ словесности, а другія особенно къ языку. Оба сіи рода весьма между собою различны, а потому требуютъ и различнаго въ поощреніяхъ и наградахъ уравненія. Стихотворецъ, ораторъ, повѣствователь и другіе, въ словесности и краснорѣчіи упражняющіеся, писатели привлекаютъ къ себѣ больше читателей, скорѣе вознаграждаются славою и удобнѣе собираютъ съ трудовъ своихъ плоды; но академику (разумѣя подъ симъ названіемъ вникающаго въ языкъ свой и любомудрствующаго о немъ писателя) предлежитъ несравненно большій трудъ прямо академическій, необходимо для процвѣтанія наукъ и словесности нужный, и при всемъ томъ не приносящій трудящемуся ни той славы, ниже тѣхъ выгодъ, какими пользуются сочинители, умомъ, вымыслами, разсказами и новостями своими увеселяющіе читателей. Большая часть таковыхъ сочиненій, по принесеніи временнаго и краткаго удовольствія, исчезаетъ, не оставляя по себѣ никакой пользы; напротивъ того, основательное и глубокомысленное изслѣдованіе въ языкѣ, или въ иныхъ нужныхъ для просвѣщенія знаніяхъ, остается долговременно, питаетъ умъ, и служитъ всегдашнимъ наставленіемъ. А потому таковые труды должны обращать на себя особенное

вниманіе и стараніе, чтобъ поощреніями и наградами возрождать ихъ и поддерживать.

III. Поелику академія должна стараться о составленіи правилъ, о показаніи свойствъ, о распространеніи знаній языка, и какъ оная съ тѣмъ основана, чтобъ быть охранительницею его отъ всѣхъ, могущихъ повреждать и потрясать оный, худыхъ навыковъ, несправедливыхъ толковъ и вводимыхъ въ него злоупотребленій, то разборъ книгъ, или критическія сужденія, долженствуетъ она почитать одною изъ главнѣйшихъ своихъ обязанностей. Сія обязанность ея тѣмъ нужнѣе, что безъ нея не можетъ она успѣвать въ своихъ намѣреніяхъ, и тѣмъ важнѣе, что вкрадывающіяся въ языкъ несвойственности и несогласныя съ здравымъ разсудкомъ слова и выраженія часто отъ необращенія на нихъ вниманія укореняются въ немъ, и при всей своей невразумительности становятся употребительными. А какъ неясность и нечистота языка, преклоняя его къ упадку, затмеваютъ разумъ всѣхъ узаконеній и наукъ, то и оныя вмѣстѣ съ нимъ теряютъ опредѣлительность и точность свою. Для того благоразумная критика должна недремно бодрствовать, не давать самолюбію писателей, остроумныхъ иногда, но худо знающихъ языкъ свой, портить, колебать оный и вводить въ него несвойственные обороты и реченія, чрезъ что̀ дѣлается онъ невразумительнымъ и теряющимъ природную свою красоту, важность и достоинство. Французская академія разборомъ Корнеліевой трагедіи Сида отдала славному творцу ея должную справедливость, похвалила и объяснила достойное похвалы, изобличила погрѣшности противъ языка, принесла пользу ему самому и другимъ, и понынѣ служитъ образцомъ хорошей, справедливой и полезной критики. Но между тѣмъ чувствовать въ сочиненіяхъ изящное и видѣть худое требуетъ совокупленія въ человѣкѣ многихъ свѣдѣній, совершеннаго въ языкѣ своемъ знанія, проницательнаго ума, безпристрастнаго сердца и притомъ долговременнаго въ семъ родѣ упражненія. Соединеніе всѣхъ сихъ обстоятельствъ тѣмъ рѣже, что трудность (какъ и выше сказано было) сдѣлаться хорошимъ

академикомъ и критикомъ, сопряженная съ невыгодностію посвятить себя такому упражненію, которое хотя при неусыпномъ трудѣ и приноситъ великую пользу просвѣщенію, но не приноситъ соразмѣрнаго возмездія трудящемуся, есть причиною, что при великомъ числѣ всякаго рода писателей, весьма рѣдко видимъ мы искусныхъ академиковъ и благоразумныхъ критиковъ. Между тѣмъ польза языка, словесности, а съ ними купно просвѣщенія и самой нравственности требуетъ того непремѣнно; ибо безъ сихъ нужныхъ наставленій и безъ сихъ должныхъ обуздываній невѣжества, возрастающая юность, заражаясь ложными понятіями и увлекаясь худыми примѣрами, неоснованными ни на какихъ истинныхъ правилахъ и здравыхъ разсужденіяхъ, ко вреду себѣ и другимъ отъ-часу болѣе уклоняться будетъ отъ свѣта ума и правды. И такъ, если академія есть стражъ языка (ибо что жъ она иное), то и должно ей со всевозможною къ общей пользѣ ревностію вооружаться противъ всего несвойственнаго, чуждаго, невразумительнаго, темнаго, ненравственнаго въ языкѣ. Но сіе вооруженіе ея долженствуетъ быть на единой пользѣ словесности основанное, кроткое, правдивое, безъ лицепріятія, безъ нападеній и потворства, непохожее на тѣ предосудительныя сочиненія, въ которыхъ подъ мнимымъ разборомъ пристрастное невѣжество или злость расточаютъ недостойныя похвалы или язвительныя хулы безъ всякой истины и доказательствъ, въ коихъ однихъ заключается достоинство и польза сего рода писаній. По симъ причинамъ академія должна прилагать всевозможное попеченіе, дабы таковыхъ искусныхъ и ревностныхъ блюстителей отечественнаго языка имѣть между своими членами, выискивать сіи таланты, ободрять и награждать ихъ по мѣрѣ труда и достоинствъ.

IV. По сіе время академія не имѣла у себя почетныхъ членовъ; но нужно имѣть оныхъ по разнымъ причинамъ: первое, дабы академія состояла изъ знатнаго числа почтенныхъ и знаменитыхъ особъ, придающихъ ей ту важность, какую она, какъ императорское ученое сословіе одного изъ древнѣйшихъ, обшир-

нѣйшаго царства языковъ, имѣть долженствуетъ; второе, нужно ей со многими славенскихъ нарѣчій профессорами, книгохранителями и другими учеными людьми сноситься, и, буде кто изъ нихъ изслѣдованіями и трудами своими о славенскихъ народахъ и языкѣ ихъ, или выписками изъ древнихъ рѣдко встрѣчающихся книгъ, доставитъ въ нее какія-либо новыя, достойныя любопытства открытія и свѣдѣнія, таковому академія, какъ попечительница обо всемъ подобномъ, долженствуетъ дать названіе почетнаго члена съ приличнымъ, по разсмотрѣнію ея, единовременнымъ или всегдашнимъ награжденіемъ.

V. Главная должность академіи состоитъ въ попеченіи объ языкѣ. Она приводитъ его въ правила; вникаетъ въ составъ его и свойства; раскрываетъ его богатство; показываетъ силу, краткость, высоту, ясность, благородство, сладкозвучіе; устанавливаетъ, опредѣляетъ, разверзаетъ, распространяетъ его; очищаетъ отъ вводимыхъ въ него несвойственностей; хранитъ его чистоту, важность, глубокомысліе, и сими средствами полагаетъ твердое основаніе словесности, краснорѣчію, стихотворству, наукамъ, просвѣщенію. Ибо безъ знанія языка все молчитъ. Самое острое понятіе, самый глубокій умъ, самое рѣдкое дарованіе не могутъ безъ него быть совершенны, не могутъ, какъ заключенный въ корѣ алмазъ, ни блистать, ни нравиться, ни наставлять, ни просвѣщать. Итакъ, распространеніе языка есть великое, полезное и важное дѣло: се подвигъ и бремя академіи! Но прилагая всевозможное попеченіе о немъ, да не оставитъ она старанія видѣть его цвѣтущимъ въ повѣствованіяхъ, въ краснорѣчіи, въ стихотворствѣ. Сія есть ея вторая обязанность. Да бодрствуетъ, да заботится, да придумываетъ средства, да созидаетъ она охоту въ любителяхъ словесности, поощряя ихъ къ тому справедливыми похвалами и достойными наградами.

Если вашему императорскому величеству благоугодно будетъ уставъ сей утвердить, тогда поставленная на твердой стопѣ и одушевленная благотвореніемъ монаршимъ россійская академія

будетъ имѣть всѣ способы къ дѣйствованію и выполненію той цѣли, съ какою оная учреждена.

Всемилостивѣйшій государь! на сихъ разсужденіяхъ и правилахъ основанъ уставъ сей, который, вмѣстѣ съ собою, дерзаю повергнуть къ священнымъ твоимъ стопамъ.

Вашего императорскаго величества

вѣрноподданный

президентъ академіи вице-адмиралъ

Александръ Шишковъ

II.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою написано тако: *«быть по сему»*.

АЛЕКСАНДРЪ.

Городъ Данковъ
29 мая 1818.

УСТАВЪ

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ.

Глава I.

О членахъ.

§ 1.

Число членовъ россійской академіи утверждается по прежнему положенію, 60 человѣкъ, подъ распоряженіемъ одного президента.

§ 2.

Членъ россійской академіи, единожды получившій сіе званіе, сохраняетъ оное по смерть свою.

§ 3.

Члены россійской академіи избираются изъ всего круга ученыхъ или упражняющихся въ словесности россіянъ, которыхъ имя и труды сдѣлались уже извѣстны. Они свободны отъ всякихъ обязанностей; могутъ по своему произволенію трудиться и не трудиться, быть присутственны и отсутственны, посѣщать и не посѣщать академическія собранія, а потому и не получаютъ никакого опредѣленнаго жалованья, выключая обязанныхъ ими должностныхъ членовъ, кои суть:

1. Президентъ.
2. Непремѣнный секретарь.
3. Казначей или домосмотритель.

§ 4.

Но какъ прочіе, необязанные ничѣмъ, члены могутъ по усердію и доброй волѣ своей различными образами и одни другихъ болѣе способствовать пользѣ языка и словесности, для того награды и ободренія имъ должны, по разсмотрѣніи достоинства и трудовъ ихъ, назначаться самою академіею изъ опредѣленныхъ ей доходовъ.

§ 5.

Въ наградахъ сихъ наблюдать должно слѣдующее: какъ скоро кто изъ членовъ окажетъ хорошіе успѣхи въ относительныхъ къ языку или разбору онаго упражненіяхъ, или въ обоихъ сихъ родахъ; то академія, по принятіи и одобреніи сочиненія его, назначаетъ ему тотчасъ награду, состоящую, смотря по важности труда, въ золотой, малой, средней или большой величины, медали, или же въ единовременномъ денежномъ дарѣ. Если онъ, заслужа и получа два или три раза награду, станетъ послѣ того продолжать свои труды, и окажетъ вновь успѣхи; то по соображенію съ прежними его трудами и возрастающею въ немъ надеждою, академія опредѣляетъ ему на десять лѣтъ ежегодную пенсію. Когда же онъ, углубляясь болѣе и болѣе въ сіи упраж-

ненія, не перестанетъ приносить новыя пользы языку и словесности, то академія умножаетъ пенсію его, и назначаетъ ему оную по смерть. Словомъ, она старается точно и безпристрастно уравновѣшивать воздаянія съ заслугами и не допускать трудамъ и достоинству оставаться въ нуждѣ и безъ возмездія.

§ 6.

Буде таковые таланты начнутъ открываться не въ членѣ академіи, то она поступаетъ съ нимъ точно также, съ тою токмо разностію, что полагаетъ въ число наградъ назначеніе его и принятіе въ члены академіи.

§ 7.

Стихотворенія, краснорѣчивыя и другія сего рода сочиненія, признанныя академіею отличными, могутъ отъ нея ободряемы и увѣнчиваемы быть серебряною и золотыми разной величины медалями, но никогда денежною пенсіею.

Глава II.

О должности и обязанностяхъ академіи.

Академія по долгу званія своего обязана стараться о нижеслѣдующихъ главныхъ предметахъ:

§ 1.

Прилагать всевозможное попеченіе о издаваніи служащихъ къ распространенію знанія въ языкѣ книгъ, съ отличнымъ тщаніемъ, трудолюбіемъ и разсмотрительностію сочиняемыхъ. Таковыя книги суть, напримѣръ: a) Общій словарь языка, съ предначертанными при сочиненіи онаго правилами; b) Частные словари художественныхъ названій, какъ-то: морской, ботаническій и проч.; c) Толковый словарь древнихъ, малоизвѣстныхъ словъ или же и нынѣ употребительныхъ, но въ нѣкоемъ уклонившемся противъ прежняго смыслѣ; d) Сводъ славенскихъ нарѣчій;

е) Изслѣдованіе корней и происшедшихъ отъ нихъ вѣтвей; f) Риторика общая, т. е. разсуждающая о началахъ и правилахъ стихотворства и краснорѣчія, всѣмъ языкамъ общихъ; g) Риторика особенная, т. е. разсуждающая о красотахъ стихотворства и краснорѣчія, особенно русскому языку свойственныхъ, изъ его источниковъ почерпнутыхъ и ему единственно принадлежащихъ; h) Грамматика славенская; i) Грамматика русская; k) наконецъ многія другія, составъ, свойство, красоту и силу нашего языка открывающія сочиненія.

§ 2.

Академія старается творенія знаменитыхъ писателей, несуществующихъ болѣе, и если они право печатанія оныхъ никому не оставили, вновь издавать, съ описаніемъ жизни сочинителя и съ полезными для языка и словесности примѣчаніями на оныя. Таковымъ твореніямъ академія есть природная покровительница и наслѣдница.

§ 3.

Академія имѣетъ попеченіе—изъ всѣхъ древнихъ и новыхъ писателей лучшія и превосходнѣйшія мѣста, стихами и прозою, выбрать и составить изданіе, въ которомъ бы какъ ходъ языка или постепенное измѣненіе его подобрано, такъ и разнаго рода разныхъ писателей творенія съ нѣкоторыми примѣчаніями вкупѣ собраны были.

§ 4.

Академія наблюдаетъ, чтобы хорошихъ и полезныхъ книгъ время не истребляло, и чтобъ тѣ изъ оныхъ, которыя пришли въ забвеніе или сдѣлались весьма рѣдки, вновь издавать, дабы многія изъ нихъ не оставались, какъ нынѣ, извѣстны по однимъ только заглавіямъ своимъ или и совсѣмъ изъ памяти людской исчезли.

§ 5.

Академія старается иностранныхъ классическихъ стихотворцевъ, каковы суть: Гомеръ, Виргилій, Тассъ, Мильтонъ и проч.,

переводить на россійскій языкъ, но такъ, какъ должно быть академическому переводу, то-есть, чтобъ напечатанный вмѣстѣ съ подлинникомъ былъ онъ сколько можно изъ слова въ слово; изъ періода въ періодъ, дабы читатель не слогъ переводчика въ немъ видѣлъ, но проницалъ бы точное расположеніе мыслей и духъ творца. Слова и выраженія подлинника, немогущія въ переводѣ сохранить настоящаго смысла и силы своей, должны быть истолкованы, и вообще таковой переводъ долженъ быть обогащенъ примѣчаніями, какъ собственными своими, такъ и изъ другихъ хорошихъ толкователей почерпнутыми.

§ 6.

Академія прилагаетъ попеченіе, чтобы въ сочиненіяхъ, на разныхъ языкахъ изданныхъ, всѣ тѣ мѣста, гдѣ что-либо любопытства или примѣчанія достойное о нашемъ языкѣ и народѣ говорится, отыскивать, переводить и собирать вмѣстѣ, дѣлая на тò свои замѣчанія, то-есть утверждая правдивое, оговаривая ошибочное и уличая лживое и невѣжественное.

§ 7.

Академія не упуститъ также и по части россійской исторіи дѣлать разныя изысканія, какъ напримѣръ: истолковывать неизвѣстныя въ лѣтописяхъ слова, объяснять темныя мѣста, открывать вкравшіяся отъ переписыванія ошибки, приводить въ извѣстность древнее населеніе земли, положеніе городовъ, мѣста знаменитыхъ битвъ, оружіе, народные нравы, обычаи, одежду и проч. Словомъ, она старается собирать все тò, чтò открываетъ коренныя понятія въ составѣ языка, извлекаетъ изъ мрака забвенія изящныя произведенія въ словесности, и проливаетъ свѣтъ на искаженныя и потемнѣвшія описанія древнихъ событій.

§ 8.

Академія старается завести у себя избранную библіотеку изъ книгъ, наиболѣе относящихся къ языку и словесности: сего

ради должно ей доставать и собирать всякаго рода азбуки, словари, грамматики, а особливо всѣхъ славенскихъ нарѣчій, тако жъ на всѣхъ языкахъ Библіи и всякія древнія рукописи. Книги сіи надлежитъ содержать въ порядкѣ и цѣлости. Для сего должны онѣ быть въ одинаковомъ переплетѣ съ академическимъ штемпелемъ и никому въ домъ не отпускаться, или не иначе отпускаться, какъ съ дозволенія президента и съ обязательствомъ того, кто взялъ, чтобы въ случаѣ невозвращенія книги заплатить вдесятеро противъ цѣны оной.

§ 9.

Академія ведетъ вѣрную записку всѣмъ издаваемымъ на россійскомъ языкѣ книгамъ, означая ихъ заглавія, имя сочинителя или переводчика, мѣсто и годъ изданія. Сверхъ сей записки выходящимъ вновь книгамъ, академія должна стараться собрать свѣдѣнія и обо всѣхъ тѣхъ, которыя прежде издаваемы были, дабы ей, яко сословію, пекущемуся о языкѣ, имѣть и знать все то̀, что̀ на ономъ писано.

§ 10.

Академія всякую издаваемую ею книгу означаетъ изображеннымъ на заглавномъ листѣ ея знакомъ, показующимъ, что она издана отъ академіи.

§ 11.

Академія должна имѣть при себѣ исправную типографію съ хорошимъ справщикомъ и наборщиками, дабы издаваемыя ею книги печатались четкими буквами, и какъ можно имѣли въ себѣ меньше типографическихъ ошибокъ.

§ 12.

Академія имѣетъ собственную свою книжную лавку на попеченіи опредѣленнаго къ ней книгопродавца, который продаетъ книги по означенной въ каталогѣ цѣнѣ, и чрезъ всякіе два мѣсяца даетъ отчетъ члену-домосмотрителю, который записываетъ

оный въ особую книгу, гдѣ означено число экземпляровъ каждой книги, отданныхъ на руки книгопродавцу. Поелику намѣреніе академіи состоитъ въ распространеніи просвѣщенія и пользы, чтеніемъ сихъ книгъ приносимой, для того, оставляя свой, хотя и могущій быть важнымъ, отъ сего доходъ, назначаетъ она имъ токмо такую цѣну, которая бы за расчисленіемъ всѣхъ на то расходовъ не была ей въ убытокъ. Книгопродавецъ же долженъ пещися, чтобы не въ одномъ мѣстѣ продавать книги, но имѣть въ разныхъ городахъ повѣренныхъ, чрезъ коихъ могъ бы онъ продажу книгъ производить по всей Россіи, однако не иначе, какъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) за отпущенныя повѣренному книги вноситъ онъ напередъ деньги по академической цѣнѣ; 2) повѣренный его, или онъ самъ, обязывается подпискою продавать отпущенныя книги не выше полуторной цѣны противъ академической.

Глава III.

О правахъ академіи.

§ 1.

Россійская императорская академія есть свободное, избранное и съ тѣмъ учрежденное сословіе, дабы оно, получая опредѣленные доходы, имѣло свои собранія и засѣданія, въ которыхъ бы по общему разсужденію и согласію пеклось и употребляло всевозможные способы къ распространенію пользъ и знаній языка и словесности, какъ собственными своими трудами, такъ и всѣми нужными для того заведеніями, издаваніями книгъ, наградами и ободреніями возникающихъ талантовъ. А потому оно, яко долженствующее само собою дѣйствовать и данными ей средствами располагать, не можетъ иначе имѣть благоуспѣшнаго существованія, какъ находясь, согласно съ ея установленіемъ, подъ особеннымъ покровомъ его императорскаго величества и подъ непосредственнымъ управленіемъ президента, распоряжая доходами своими по общему согласію членовъ, и состоя,

впрочемъ, въ вѣдѣніи министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, на основаніи высочайшаго, въ 8 день сентября 1802 года о учрежденіи министерствъ состоявшагося, манифеста.

§ 2.

Академія, яко сообщество, избранное изъ духовныхъ и свѣтскихъ, благонравіемъ и трудами своими извѣстныхъ особъ, и яко сословіе, учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка, сохраняетъ данное ей право издавать книги свои без всякой иной цензуры, кромѣ своей собственной.

§ 3.

Имя члена академіи, хотя бы и не сопряжено было съ инымъ какимъ званіемъ или чиномъ, само по себѣ доставляетъ носящему его лицу должное и приличное уваженіе; поелику показываетъ въ немъ избраннаго ученымъ обществомъ человѣка, трудами и дарованіями своими полезнаго, и потому признаннаго быть достойнымъ въ ихъ сословіи.

Глава IV.

О президентѣ.

§ 1.

Президентъ опредѣляется изъ знатныхъ особъ по высочайшему его императорскаго величества назначенію. Онъ доноситъ чрезъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія государю императору о всѣхъ нуждахъ, произведеніяхъ и успѣхахъ академіи.

§ 2.

Президентъ не есть начальникъ академіи, но токмо первенствующій въ ней; онъ не повелѣваетъ, но предлагаетъ, соглашаетъ, убѣждаетъ, и смотритъ за устройствомъ и порядкомъ.

§ 3.

Президентъ, если онъ членъ академіи, имѣетъ два голоса, какъ членъ и какъ президентъ; если же не членъ, то имѣетъ одинъ только свой голосъ.

§ 4.

Академическая денежная сумма состоитъ подъ вѣдѣніемъ президента; но онъ, кромѣ обыкновенныхъ домашнихъ академическихъ расходовъ, не можетъ употреблять ее ни на какія важныя предпріятія, покупки, издержки или награды безъ согласія академіи. Сіе согласіе почитается достаточнымъ, когда двадцать присутствующихъ въ засѣданіи членовъ подпишутъ оное, и президентъ утвердитъ. Если въ засѣданіи толикаго числа членовъ не случится, то предлагаемое остается неутвержденнымъ, доколѣ недостающее число подписавшихся дополнится.

§ 5.

Президентъ наблюдаетъ, чтобъ приходъ и расходъ записанъ былъ вѣрно въ шнурованную за печатью академіи книгу, которую, по окончаніи года, не менѣе двадцати членовъ подписываютъ, и президентъ заручаетъ. Книги сіи хранятся въ архивѣ.

§ 6.

Президентъ вмѣстѣ съ членами академіи поступаетъ въ распоряженіи казною и въ употребленіи ея въ расходъ слѣдующимъ образомъ: академія (какъ выше сказано въ главѣ III § 1-й) распоряжаетъ сама своими доходами. Она не издерживаетъ въ годъ болѣе опредѣленной суммы. Въ случаѣ же остатка отъ оной, она, какъ изъ сихъ остатковъ, такъ и могущихъ быть постороннихъ вносовъ или пожертвованій, составляетъ себѣ капиталъ, и когда оный составленъ будетъ, тогда, распространяя по мѣрѣ онаго предпріятія свои, можетъ она издерживать въ годъ и болѣе опредѣленной суммы, заимствуя излишекъ изъ капитала. Отчеты академические не могутъ быть иные, какъ токмо слѣдующіе: по

истеченіи года, въ день торжественнаго собранія, читаетъ она предъ всѣми о дѣйствіяхъ своихъ и постановленіяхъ, въ томъ году совершившихся, такожъ о суммахъ, издержанныхъ и оставшихся. Сей гласный отчетъ печатаетъ она въ вѣдомостяхъ или извѣстіяхъ своихъ, и списокъ съ онаго препровождаетъ къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія для поднесенія его императорскому величеству.

§ 7.

Во всѣхъ собраніяхъ академическихъ президентъ имѣетъ первое мѣсто. Ему одному предоставляется право въ потребныхъ случаяхъ назначать чрезвычайныя собранія. Онъ печется о соблюденіи порядка и благочинія въ засѣданіяхъ, и потому, ежели бы какой членъ замѣченъ былъ, что онъ строптивыми поступками или шумомъ рѣчей своихъ нарушаетъ должную тишину, спокойствіе и пристойную вѣжливость, то президентъ обязанъ ему напоминать о потребной въ разговорахъ и сужденіяхъ кротости, и ежели онъ, не взирая на то, будетъ и впредь поступать также, тогда президентъ, послѣ двукратнаго о томъ повторенія, приказываетъ записать оное въ дневныя записки; если же и сіе самое не послужитъ къ обузданію его, то президентъ имѣетъ право со вторичнымъ прописаніемъ въ запискахъ закрыть собраніе, послѣ чего членъ сей не можетъ уже пріѣхать въ оное безъ особливой къ нему отъ президента повѣстки.

§ 8.

Поелику президентъ извѣстенъ о способностяхъ каждаго члена академіи, то ему одному предоставляется право, при открытіи упразднившагося мѣста, избирать непремѣннаго секретаря, который во всѣхъ по академіи дѣлахъ долженъ имѣть непосредственное къ нему отношеніе, и токмо отъ него одного принимать всѣ приказанія, дабы въ дѣлахъ никакого помѣшательства воспослѣдовать не могло.

§ 9.

Казначей или домосмотритель избирается также президентомъ изъ членовъ академіи.

§ 10.

Всѣ принадлежащіе къ академіи люди, какъ-то: справщикъ, наборщики, писцы, швейцаръ и служители зависятъ отъ президента.

§ 11.

Домъ академическій, размѣщеніе въ немъ и всѣ къ нему принадлежности состоятъ въ единственномъ его распоряженіи.

§ 12.

Должностныхъ членовъ, то-есть непремѣннаго секретаря и казначея, или домосмотрителя, президентъ, за отличные ихъ труды или заслуги, имѣетъ право по общему правилу представлять къ повышенію чинами или къ награжденію орденами, или прибавкою жалованья.

§ 13.

Буде случится по высочайшему повелѣнію какое-либо порученіе, по которому изберутся члены для исполненія онаго, то, по совершеніи трудовъ ихъ, президентъ имѣетъ долгъ представлять ихъ къ наградамъ.

§ 14.

Каждое твореніе по словесности или переводъ, кѣмъ-либо въ академію представленный и собраніемъ по зрѣломъ разсмотрѣніи къ напечатанію удостоенный, президентъ утверждаетъ своимъ подписаніемъ, безъ коего академія никакихъ сочиненій издавать не можетъ.

Глава V.

О непремѣнномъ секретарѣ.

§ 1.

Непремѣнный секретарь избирается изъ членовъ академіи. Онъ сидитъ въ академическихъ собраніяхъ подлѣ президента.

§ 2.

Онъ въ вѣдѣніи своемъ имѣетъ библіотеку, архивъ и типографію. Содержитъ всѣмъ находящимся въ библіотекѣ книгамъ и въ архивѣ бумагамъ вѣрный списокъ.

§ 3.

Присылаемыя въ академію сочиненія и переводы подъ его смотрѣніемъ хранятся въ архивѣ. Онъ записываетъ ихъ по старшинству вступленія въ особую книгу, и отмѣчаетъ въ ней, когда и по какой причинѣ какое изъ нихъ выбыло изъ академіи.

§ 4.

Онъ ведетъ дневную записку каждаго академическаго собранія, внося въ оную все то̀, что̀ отъ президента, или отъ кого изъ членовъ, предложится или большинствомъ голосовъ опредѣлится. Сію записку подписываетъ президентъ и присутствующіе члены. Но всѣ выписки изъ сихъ опредѣленій или изъ статей подлинника, какъ для членовъ академіи и ея чиновниковъ, такъ и для тѣхъ, кому имѣть оныя нужно, подписываетъ одинъ секретарь.

§ 5.

Онъ, сверхъ справщика, имѣетъ надзоръ надъ печатаніемъ издаваемыхъ отъ академіи книгъ, наблюдая принятое академіею единообразное правописаніе, и хотя каждый членъ имѣетъ право пересматривать и поправлять свои сочиненія, однакожъ ежели

секретарь усмотритъ что-либо противное грамматическимъ правиламъ, или принятому правописанію, то непрежде пропускаетъ оное, какъ по донесеніи о томъ и разрѣшеніи отъ академіи.

§ 6.

Непремѣнный секретарь хранитъ у себя академическія печати.

§ 7.

Онъ по окончаніи года извлекаетъ изъ дневныхъ записокъ сокращеніе и представляетъ оное собранію, помѣщая въ семъ сокращеніи все то̀, что̀ въ семъ году примѣчанія достойнаго по академіи происходило.

§ 8.

Онъ по требованію членовъ долженъ показывать имъ книги, сочиненія, рукописи и проч., но отпускать на домъ никому безъ письменнаго отъ президента приказанія не можетъ.

§ 9.

Для отправленія письменныхъ по академіи дѣлъ и переписки разныхъ бумагъ, при секретарѣ нужно быть двумъ помощникамъ, которые бы, сверхъ русскаго исправнаго письма, умѣли писать и латинскими буквами.

§ 10.

Непремѣнный секретарь ведетъ переписку со всѣми относящимися въ академію мѣстами и лицами.

Глава VI.

О казначеѣ, или домосмотрителѣ.

§ 1.

Казначей, также какъ и непремѣнный секретарь, избирается изъ членовъ академіи.

§ 2.

Онъ имѣетъ на рукахъ своихъ академическую денежную казну, состоящую въ наличныхъ деньгахъ и ломбардныхъ или банковыхъ билетахъ, такожъ въ золотыхъ и серебряныхъ медаляхъ и раздаваемыхъ при всякомъ засѣданіи членамъ серебряныхъ дарикахъ.

§ 3.

Онъ содержитъ данныя ему приходныя и расходныя шнурованныя книги, скрѣпленныя президентомъ и секретаремъ академіи, съ приложеніемъ внизу на шнурахъ академической печати.

§ 4.

Онъ записываетъ въ нихъ приходъ и расходъ, отдѣляя въ приходѣ штатную сумму отъ экономической; принимаетъ, откуду слѣдуетъ, опредѣленные на содержаніе доходы, и производитъ изъ нихъ выдачи по назначеніямъ, съ которыхъ дается ему выписка изъ дневника академическихъ засѣданій за подписаніемъ самаго президента или секретаря академіи.

§ 5.

Президентъ избираетъ трехъ членовъ, подъ названіемъ домостроительнаго комитета, которому поручаются наблюденія за порядкомъ теченія дѣлъ по казначейской, или домостроительной части.

§ 6.

Казначей хранитъ денежную казну, медали и дарики въ самомъ домѣ академіи, въ особой кладовой, въ желѣзномъ сундукѣ за ключомъ и печатьми, какъ его собственной, такъ и домостроительнаго комитета. При сей кладовой долженъ безотлучно находиться одинъ сторожъ.

§ 7.

Казначей не можетъ самъ собою, безъ приказанія президента и безъ двухъ или по крайней мѣрѣ одного изъ членовъ домо-

строительнаго комитета, ходить въ кладовую ни для поклажи, ни для выниманія денегъ. Вынутую же на расходъ сумму хранитъ у себя подъ одною своею отвѣтственностію.

§ 8.

По прошествіи каждаго мѣсяца, казначей за своимъ подписаніемъ подаетъ президенту вѣдомость о приходѣ и расходѣ, такожъ и о наличности денежной казны. Президентъ отдаетъ сію вѣдомость домостроительному комитету, который вмѣстѣ съ казначеемъ свидѣтельствуетъ по оной казну, и за общимъ подписаніемъ доноситъ президенту о цѣлости ея и вѣрности прихода и расхода. Все сіе прочитывается въ засѣданіяхъ, и вносится въ академическія дневныя записки. Члены домостроительнаго комитета, смотря по исправности и долговременности сей возлагаемой на нихъ должности, могутъ за оную отъ академіи быть награждаемы.

§ 9.

По истеченіи года, казначей изъ всѣхъ сихъ вѣдомостей составляетъ общую вѣдомость годоваго прихода и расхода денегъ, такожъ медалей и дарпковъ. Онъ подаетъ сію вѣдомость въ домостроительный комитетъ, который, повѣряя оную съ дневными академическими записками, представляетъ за общимъ подписаніемъ президенту. Сей утверждаетъ ее вмѣстѣ со всѣми присутствующими членами, и отдаетъ секретарю для сохраненія.

§ 10.

Казначей имѣетъ смотрѣніе за безопасностію и чистотою академическаго дома, также за содержаніемъ и поведеніемъ находящихся при ономъ служителей. Впрочемъ во всѣхъ по части его дѣлахъ онъ относится къ президенту, и получаетъ отъ него приказанія.

§ 11.

Казначей, по напечатаніи при академіи какой-либо книги, при-

нимаетъ отъ непремѣннаго секретаря всѣ экземпляры оной; хранитъ ихъ въ особомъ, чистомъ и сухомъ, магазейнѣ; отпускаетъ потребное изъ нихъ число въ лавку для продажи по назначенной отъ академіи цѣнѣ; имѣетъ у себя книгу, въ которую записываетъ число принятыхъ имъ каждой книги экземпляровъ, и чрезъ каждые два мѣсяца подаетъ въ домостроительный комитетъ вѣдомость, сколько оныхъ продано, получая приказаніе записать сіи деньги въ приходъ.

Глава VII.

О собраніяхъ и засѣданіяхъ академическихъ.

§ 1.

Обыкновенныя академическія собранія, или засѣданія имѣютъ быть одинъ разъ въ недѣлю, по субботамъ отъ 10 часовъ утра до двухъ часовъ по полудни. Въ случаѣ какой-либо въ сей день неудобности, президентъ перемѣняетъ оный на другой; такожъ, когда потребуется, повѣщаетъ и два раза въ недѣлю быть собранію.

§ 2.

Каждый членъ да поставитъ себѣ непремѣнною обязанностію посѣщать сіи собранія, соучаствовать въ общихъ трудахъ и всѣми образами пещися о чести и достоинствѣ академіи. Да возлюбитъ онъ языкъ свой, съ коимъ сопряжена слава, просвѣщеніе и нравственность народная! Да будутъ намѣренія его полезны, писанія цѣломудренны, судъ безпристрастенъ!

§ 3.

Въ академическихъ засѣданіяхъ разсматривается все то̀, что̀ вступаетъ въ академію отъ членовъ ея или отъ постороннихъ писателей. Достойное или болѣе нужное пріемлется для изданія въ свѣтъ, прочее жъ или возвращается назадъ, или остается въ архивѣ до будущаго о то̀мъ разсмотрѣнія и рѣшенія.

§ 4.

Въ засѣданіяхъ разсуждается обо всемъ томъ, что̀ въ словесности нашей присовокупить, или что̀ для пользы языка и краснорѣчія сдѣлать должно. Всякое подобное предложеніе членъ представляетъ письменно президенту, а президентъ академіи. По достаточномъ о томъ разсмотрѣніи, секретарь какъ сіи предложенія, такъ и бывшія при томъ разсужденія, вноситъ въ дневныя записки, которыя время отъ времени вновь прочитываются, дабы напоминать себѣ о томъ, о чемъ прежде разсуждаемо было и стараться приводить оное въ исполненіе посредствомъ вызыванія на то̀ упражняющихся въ словесности.

§ 5.

Критическія сужденія должны со всею строгостію въ засѣданіяхъ разсматриваться, дабы цѣль ихъ была не простая похвала или хула, но здравое и безпристрастное и на доказательствахъ основанное разсужденіе, для единственной пользы языка предпріемлемое.

§ 6.

Во время засѣданія наблюдается слѣдующій порядокъ: 1) читается дневная записка предшествовавшаго собранія, которую подписываютъ президентъ, секретарь и присутствующіе члены; 2) разсматриваются присланныя сочиненія, или сдѣланныя предложенія, или разсуждается о чемъ-либо иномъ, обращающемъ на себя вниманіе академіи; 3) прочитываются всѣ тѣ изданныя въ свѣтъ книги, въ которыхъ говорится о правилахъ языка и словесности, и буде найдутся въ нихъ хорошія сужденія и примѣры, то оныя подкрѣплять, а буде худыя и неосновательныя, то оныя замѣчать, дабы при случаѣ показать ихъ неправость; 4) если поступившее въ академію какое-либо сочиненіе или переводъ требуетъ немалаго и тщательнаго разсмотрѣнія, то президентъ избираетъ и назначаетъ для сего особый отрядъ членовъ, которые, по прилежномъ прочтеніи сего сочиненія или пе-

ревода, представляютъ мнѣніе свое объ ономъ, и если найдутъ оное хорошимъ, но отчасти требующимъ исправленія, то означаютъ въ немъ тѣ мѣста, которыя, по ихъ мнѣнію, поправить, выпустить или перемѣнить должно.

§ 7.

Во время засѣданія члены обязаны мнѣнія свои предлагать, не перебивая другъ друга, съ пристойнымъ къ мѣсту уваженіемъ и безъ всякаго личнаго оскорбленія. Тожъ самое наблюдать должно и въ письменныхъ представленіяхъ.

§ 8.

Въ случаѣ возникшаго между членами о какомъ-либо предметѣ спора или состязанія, президентъ допускаетъ оное, доколѣ споръ продолжается съ хладнокровіемъ; буде же примѣтитъ, что обѣ стороны начинаютъ горячиться, то перерываетъ оный, объявя состязающимся, что каждый можетъ мнѣніе свое подать на письмѣ съ доказательствами, которыя прочтутся и запишутся, и тогда тотъ будетъ правъ, кто яснѣе докажетъ.

§ 9.

Во всякомъ засѣданіи присутствующіе члены записываются, равно какъ и тѣ, коимъ поручаются особыя должности. Сія записка при окончаніи года извлекается изъ дневника, и читается въ собраніи, дабы академія могла чрезъ то видѣть и помышлять о возмездіи тѣхъ, кои наиболѣе оказали ревности и трудовъ.

§ 10.

По окончаніи каждаго собранія казначей подноситъ президенту и всѣмъ присутствующимъ членамъ по одному серебряному академическому дарику.

§ 11.

Кромѣ обыкновенныхъ собраній, академія да празднуетъ торжественно всякій годъ октября 21 числа, день (въ 1783 году), въ который она, основанная Екатериною Великою, воспріяла

свое начало. Въ сей день, по произнесеніи приличнаго слова, секретарь читаетъ краткую выписку трудовъ и дѣйствій академіи, въ теченіе года совершенныхъ. Въ концѣ сего засѣданія, настоящимъ или почетнымъ членамъ, или постороннимъ писателямъ, удостоеннымъ за отличные труды и пользу наградами отъ академіи, вручаются золотыя или серебряныя медали, или опредѣляются денежныя единовременныя или ежегодныя награжденія; отсутственнымъ же особамъ доставляются оныя чрезъ секретаря при письменномъ увѣдомленіи. Буде случится, что награда въ теченіе года сдѣлана прежде сего торжественнаго дня, то объ оной въ сей день также упоминается.

§ 12.

Въ обыкновенныя академическія собранія никто, кромѣ настоящихъ членовъ, входа имѣть не можетъ, развѣ по приглашенію отъ президента. Напротивъ того, во время торжественнаго собранія можетъ отъ академіи приглашенъ быть всякій любитель россійской словесности.

Глава VIII.

О избраніи въ члены академіи.

§ 1.

Президентъ одинъ имѣетъ право, самъ собою или по представленію нѣкоторыхъ членовъ предлагать въ академическихъ засѣданіяхъ о избраніи особы, назначаемой на убылое мѣсто къ поступленію въ члены.

§ 2.

Всякій членъ можетъ представлять о томъ президенту. Сіе представленіе его должно быть письменное, съ прописаніемъ всѣхъ произведеній и трудовъ того, котораго онъ предлагаетъ.

§ 3.

Президентъ воленъ произвесть и не произвесть въ дѣйство сего представленія.

§ 4.

Но когда президентъ получитъ таковое представленіе объ одномъ и томъ же лицѣ отъ пяти членовъ, тогда уже онъ не въ правѣ медлить или удерживать онаго, но всѣ сіи представленія съ мнѣніемъ своимъ, буде какое имѣетъ, предлагаетъ академіи, которая приступаетъ къ избиранію помощію шаровъ.

§ 5.

Никто не можетъ иначе быть избранъ въ члены академіи, какъ двумя третями полнаго числа членовъ противъ одной трети неизбирающихъ.

§ 6.

Въ случаѣ неполнаго числа членовъ, недостающее число голосовъ президентъ оставляетъ у себя.

§ 7.

Онъ, имѣя два голоса, какъ членъ начинаетъ избираніе, и какъ президентъ оканчиваетъ оное послѣднимъ своимъ шаромъ.

§ 8.

Если случится, что будетъ сорокъ голосовъ избирающихъ противъ двадцати неизбирающихъ, тогда голосъ президента рѣшитъ перевѣсъ.

§ 9.

Когда назначится засѣданіе, въ которомъ будетъ происходить выборъ въ члены академіи, тогда всѣ присутствующіе въ городѣ члены о томъ извѣщаются.

§ 10.

Поелику въ засѣданіяхъ академическихъ никогда не бываетъ полнаго числа членовъ, того ради при избираніи поступать слѣдующимъ образомъ: 1) По открытіи засѣданія, наличное число членовъ установленнымъ порядкомъ кладутъ шары, которые, по

окончаніи дѣйствія, президентъ вынимаетъ и записываетъ, сколько избирательныхъ и сколько неизбирательныхъ. 2) На другой или на третій день непремѣнный секретарь пишетъ ко всѣмъ отсутствующимъ, или неприсутствовавшимъ, членамъ письма, извѣщая ихъ о происходившемъ выборѣ и прося, чтобы каждый изъ нихъ прислалъ свой голосъ. 3) Отсутствующій или неприсутствовавшій членъ отвѣтствуетъ только, что онъ голосъ свой посылаетъ въ письмѣ своемъ, но прилагаетъ оный въ особой запечатанной запискѣ. 4) Когда отъ всѣхъ членовъ получены будутъ отзывы, тогда непремѣнный секретарь извѣщаетъ о томъ президента, который назначаетъ вторично день окончательнаго избранія, съ повѣсткою всѣмъ членамъ. 5) Время для полученія отзывовъ полагается три мѣсяца, считая отъ перваго засѣданія. 6) Если въ теченіе сего времени кто изъ членовъ не пришлетъ голоса своего, то уже по прошествіи срока оный не пріемлется; недостающіе же въ день избранія голоса, какъ отъ неполнаго числа членовъ, такъ и отъ неприсылки отзывовъ оставшіеся, президентъ кладетъ самъ или раздаетъ ихъ присутствующимъ членамъ. 7) Присланныя отъ членовъ записки, президентъ при собраніи распечатываетъ, и когда предлагаемый въ члены будетъ избранъ, тогда президентъ объявляетъ сіе собранію, подписываетъ дипломъ и отсылаетъ къ нему оный, а непремѣнный секретарь читаетъ приготовленную о томъ въ вѣдомостяхъ записку. 8) Если же послѣдуетъ неизбраніе, то все оное остается въ академіи безгласнымъ.

Глава IX.

О почетныхъ членахъ.

§ 1.

Императорская россійская академія, по примѣру всѣхъ учрежденныхъ въ Европѣ ученыхъ обществъ, имѣетъ право принимать къ себѣ почетныхъ членовъ.

§ 2.

Почетными членами могутъ быть какъ соотечественники, такъ и чужестранцы.

§ 3.

Изъ числа почетныхъ членовъ не исключается и женскій полъ.

§ 4.

Число почетныхъ членовъ полагается вполовину противъ настоящихъ.

§ 5.

Они избираются безъ балотированія, по предложенію президента и подписанію не менѣе двадцати членовъ, что̀ и почитается за общее согласіе академіи.

§ 6.

Почетнымъ членамъ посылаются, за подписаніемъ президента и секретаря, особые на сіе дипломы.

§ 7.

Почетные члены не имѣютъ обязанности пріѣзжать въ обыкновенныя академическія собранія, развѣ по особымъ приглашеніямъ; но буде бы кто изъ нихъ самъ собою восхотѣлъ посѣщать оныя, то пріемлется, какъ гость, засѣдающій вмѣстѣ съ настоящими членами.

§ 8.

Тѣ почетные члены, кои, находясь въ чужихъ земляхъ при какихъ-либо ученыхъ обществахъ или заведеніяхъ, или книгохранилищахъ, могутъ сообщать въ академію нужныя для ея свѣдѣнія, выписки изъ славенскихъ нарѣчій или изъ древнихъ на иныхъ языкахъ писателей, о славенскихъ народахъ повѣствовавшихъ, или же и свои о томъ разсужденія, основанныя на доводахъ, изъ имѣющихся у нихъ книгъ почерпнутыхъ, — по мѣрѣ

усердія, труда и услугъ своихъ должны при званіи почетнаго члена получать и достойныя отъ академіи награды.

Что принадлежитъ до суммъ, ежегодно для содержанія академіи потребныхъ, тому прилагается здѣсь особый штатъ.

Президентъ академіи вице-адмиралъ

Александръ Шишковъ.

198) Записки россійской академіи. Собраніе 21 іюня 1802 года, ст. III, л. 169 об. Приложеніе, л. 175—176. —.

199) Записки россійской академіи. Собраніе 3 августа 1801 года, ст. II, л. 107 об.—108. Приложеніе, л. 110—111.

200) Записки россійской академіи. Собранія: 3 мая 1802 года, ст. VI, л. 118 об.—119 об.;—1 ноября 1802 года, ст. II, л. 297 об.—298;—10 ноября 1802 года, ст. II, л. 304.—

201) Журналъ засѣданій конференціи академіи наукъ; собраніе 16 февраля 1814 года.—

202) Рукопись россійской академіи. 1835 года, № 14: «Объ избраніи въ почетные члены князя Меншикова».—

203) Рукопись россійской академіи. 1837 года, № 6: «Объ избраніи въ почетные члены гг. Демидова и графа Протасова».

204) Рукопись россійской академіи, 1837 года, № 7: «Объ избраніи въ почетные члены графа Толя».—

205) Рукопись россійской академіи. 1839 года, № 13: «Объ избраніи въ почетные члены кардинала Меццофанти».—

206) Московскій Наблюдатель. 1835 года. Часть I, стр. 454—459.—

207) Рукопись россійской академіи. 1836 года, № 1: «О поднесеніи его императорскому высочеству государю наслѣднику цесаревичу и великому князю Александру Николаевичу диплома на званіе почетнаго члена академіи».—

208) Записки россійской академіи. Собранія: 5 іюня 1801 года, ст. II, л. 48 об.—49;—8 іюня 1801 года, ст. I, л. 53; Приложеніе, л. 56 об.—57.—

209) Записки россійской академіи. Собраніе 10 сентября 1804 года, ст. V, л. 220—221.

Одновременно съ утвержденіемъ министромъ народнаго просвѣщенія диплома для членовъ академіи послѣдовало высочайшее утвержденіе мундира для россійской академіи: «Кафтанъ темносиняго цвѣта съ краснымъ суконнымъ стоячимъ воротникомъ и таковаго же цвѣта обшлагами; подкладка синяя; камзолъ и исподнее платье бѣлые суконные; пуговицы гладкія бѣлыя; на воротникѣ, обшлагахъ и на карманахъ по клапанамъ серебряное шитье. Чиновники академіи носятъ мундиръ сей по примѣру академіи наукъ» (Отношеніе министра народнаго просвѣщенія графа Завадовскаго президенту россійской академіи А. А. Нартову, 3 сентября 1804 года, № 426). —

210) Исторія россійской академіи. 1874. Выпускъ первый, стр. 54—55. —

211) Записки россійской академіи. Собраніе 5 іюня 1801 года, ст. IV, л. 50—50 об. —

212) Сочиненія и переводы, издаваемые императорскою россійскою академіею. 1806. Часть II, стр. 6—7. Труды россійской академіи. 1840. Часть I, стр. 17 и 23. —

213) Записки россійской академіи. Собранія: 15-го іюня 1801 года, ст. I, л. 59 об.; — 3 іюля 1798 года, ст. II; — 10 декабря 1799 года, ст. I; — 11 августа 1800 года, ст. IV; — 14 февраля 1790 года, ст. II, л. 180 об.; — 28 августа 1798 года, ст. VI; — 3 декабря 1799 года, ст. I; — 17 ноября 1800 года, ст. III. —

214) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 644, № 11126. Отношеніе президента россійской академіи, 27 марта 1806 года. —

215) Записки россійской академіи. Собраніе 29 сентября 1804 года; ст. IV, л. 246 об. — 247 об. Приложеніе, л. 250—251. —

216) Записки россійской академіи. Собраніе 6 февраля 1837 года; ст. II, л. 40 об. — 41. —

Письмо Коллара къ непремѣнному секретарю россійской академіи Дмитрію Ивановичу Языкову:

Euer excellenz!

Die kais. russische akademie hatte die gnade mich mit einer goldenen medaille zu beehren, und euer excellenz waren so gütig, die sendung derselben an mich zu besorgen und solche mit einem, für mich schmeichelhaften schreiben, zu begleiten. Gleich beim empfang derselben von der k. russischen gesandtschaft in Wien schrieb ich zwar in der eile einige zeilen als den augenblicklichen ausdruck der fülle meines herzens für diese huld und auszeichnung. Doch mit blossen worten zu danken ist, vorzüglich in ähnlichen fällen, nicht genug: darum, wenigstens um zu zeigen wie gerne ich meine erkenntlichkeit dafür auch mit der that an den tag zu legen wünschte, schicke ich an die kais. russ. akademie die hier beiliegende abhandlung über die literarische wzaimnost der slawen, zum gefälligen gebrauch. Diese abhandlung ist zwar ursprünglich durch mich in der böhmisch-slawischen mundart verfasst und noch im vorigen jahre in mehreren slawischen zeitschriften z. b. der chorwatischen, serbischen, böhmischen gedruckt erschienen; ja eine abschrift davon schickte ich sogar nach Petersburg an meinen alten bekannten und freund, hofrath v. Köppen (der mich vor ohngefähr 15 jahren in Pest persönlich besuchte), in der absicht dass man sie etwa noch auch ins russische übersetzen und in irgend eine petersburger zeitschrift einrücken lassen könnte, damit sich so mit dieser idee alle slawenbrüder immer mehr bekannt machen und befreunden. Allein hofrath v. Köppen antwortete mir darauf «es sey niemand in St. Petersburg der im stande wäre aus dem böhmischen zu übersetzen und wolle darum zu seiner zeit diese abhandlung nach Moskau schicken».

Indessen dachte ich über dieses wichtige thema meiner abhandlung noch immer weiter nach, und eine menge neuer ansichten, gedanken und bemerkungen drangen sich mir unwillkührlich

auf, dass die abhandlung beinahe noch einmal so gross anwuchs, wie sie ursprünglich war, indem nicht bloss die vorigen §§ erweitert, sondern auch einige ganz neue hinzugekommen sind. Ich übersetzte nun solche, weil ich im russischen noch nicht so weit geübt bin, ins deutsche und schicke sie euer excellenz zur durchsicht. Euer excellenz werden gewiss eben so wie wir alle die wichtigkeit dieses fraglichen gegenstandes empfinden, und sollte ich so glücklich seyn durch diesen schwachen versuch diese idee wenigstens angeregt und etwas zur entfaltung und verbreitung dieser wechselseitigkeit beigetragen zu haben, so werde ich das unter allen meinen literarischen leistungen als die schönste und belohnendste betrachten.

Erlauben er. excellenz dass ich mich auch für die zukunft ihrem geneigten andenken empfehle der ich die ehre habe mit grösster hochachtung zu seyn

eure excellenz

ergebenster verehrer

Johann Kollar, slawischer prediger

der evangel. gemeinde zu Pest

Pest 1837 $\frac{\text{5 März}}{\text{21 Febr.}}$ in Ungarn.

Письмо Копитара къ Дм. Ив. Языкову.

Ew. excellenz

bittet der unterzeichnete um die gütige erlaubniss, auf hochdero amtliches verehrtes schreiben vom 22-ten juny 1836, № 124, in deutscher sprache antworten zu dürfen. Denn wiewohl er russisch, nebst einem dutzend anderer ihm als bibliothekar unentbehrlichen sprachen liest und versteht, so spricht und schreibt er doch nur eine oder ein paar derselben mit einiger sicherheit; und zwar von den slawischen nur seinen krainischen mutterdialekt, der zwar in manchen fällen einzig und auffallend russifirt, aber sonst so gut als ohne literatur, und daher nichtkrainern

dunkel ist. Anstatt sich also von einem russen *hier* helfen zu lassen, nimmt der unterzeichnete lieber zu ew. excellenz mithridatischen sprachgenie seine zuflucht; er könnte sich ja keinen trefflicheren dolmetsch wünchen als den ruhmgekrönten übersetzer der ausgezechnetsten abendländischen classiker aller fächer!

Aus der hier beiliegenden № 284 der Wiener Zeitung vom 13 X br. 1836 bitte ich die kais. russ. akademie geneigtest ersehen zu wollen, wie sehr mir an der von allem metallischen interesse gereinigten ehre ihrer medaille gelegen ist.

Sollte es ihr gefallen, die darin erwähnte widerlage (donatio propter nuptias) anzusehen als ein unterpfand seines wunsches, mit der erlauchten akademie in dauernden verband zu treten, so würde er darin nur den gipfel seiner slawistischen bestrebungen erblicken.

Jedenfalls hofft er, dass die erlauchte kais. russ. akademie selbst da, wo er etwa mit den in Russland gewissermassen hergebrachten ansichten, z. b. über herkunft und älteste form der kirchensprache, auf der oppositionsbank platz nimmt, ihm doch den beruf eines ordentlichen parlamentsgliedes nicht absprechen werde. Er denkt, wie jener engländer, dass s-r may. regierung, wie s-r may. opposition natürliche und nothwendige integrirende theile vom parlament des landes sind.

Ich bitte ew. excellenz sowohl meine ehrfurchtsvollen gesinnungen für des h-rn präsidenten exc. zu übernehmen, wie für hochdero verehrte person die vollkommenste hochachtung zu genehmigen, womit ich die ehre habe zu geharren

ew. excellenz

ergebenster diener

Barth. Kopitar.

Wien den 22-ten jan. 1837.
An den beständigen sekretär der kais. russ. akademie, s-r exc. dem wirklichen staatsrath Jazykow
in St. Petersburg.

Wissenschaftliche und Kunstnachrichten.

Seit einem vierteljahre lasen wir in ausländischen blättern wiederhohlt die nachricht, dass die kaiserl. russische akademie den drey österreichischen slawisten Kopitar, Hanka und Schaffarik goldene, 50 ducaten schwere medaillen als belohnungen ihrer gelehrten leistungen zuerkannt hatte.

Wiewohl wir an der thatsache nie gezweifelt haben, so sind wir doch erst jetzt im stande, darüber nach unserm wunsche authentisch zu berichten, nachdem uns hr. Kopitar die ihm selbst unlängst (am 5. november d. j.) zugekommene medaille sammt der № 160 der St. Petersburger Zeitung vom 17 (29) julius 1836 mittheilte, wo diese nachricht also lautet: Die kaiserlich-russische akademie hat den als sprachforscher rühmlichst bekannten slawischen gelehrten hrn. B. Kopitar, custos an der k. k. hofbibliothek, hrn. W. Hanka, bibliothekar des national-museums zu Prag und ritter des wladimir-ordens, und hrn. P. J. Schaffarik, privatgelehrten in Prag, für ihre ausgezeichneten leistungen im fache der slawischen philologie goldene, 50 ducaten schwere medaillen zuerkannt.

Die medaille ist ein schön geprägtes stück des feinsten goldes. Vorderseite: brustbild Catharinae II mit der russischen umschrift: «Von Gottes gnaden Ekaterina *) imperatorinn und selbsthalterinn aller Reussen». Rückseite: in einem inneren strahlenkreise die lorbeerbekränzte chiffre Е (Ekaterina II). Im zweiten, äusseren kreise die russische umschrift: «Dem verdienste um die russische sprache». Am fusse (evergue): «21 october 1783» (stifftungstag der kaiserl. russischen akademie der wissenschaften, die schon

*) Diese ägyptische heilige lautet in unseren abendländischen kalendern Catharina (als wäre sie von καθαρός, rein) in dem griechischen hingegen Αἰκατερίνα, und daher nach neugriechischer lesung im russischen Ekaterina, lies russisch Jekaterina. So ist auch der titel «Selhsthalterin» wörtlich aus dem griechischen Αντοκράτισσα, so wie die Imperatritza dem abendländischen Impératrice nachgebildet.

seit 1725 besteht; während die erstere, ausschliessend die pflege der russischen sprache zum zwecke hatte, wie die toscanische Crusca, oder noch genauer wie die Académie Française: hier Française, dort Russe, ohne nähere anzeige des gegenstandes. Auch haben die Académie Française und die Académie Russe das gemein mit einander, dass sie selbst ihren sprachen gesetze geben, während die Crusca an die italienischen classiker von anno 1300 (i Trecentisti) gewiesen ist.

Hr. Kopitar hat nun zwar die medaille als einen eben so unerwarteten als gewiss ehrenvoll gemeinten beweis der anerkennung seiner diessfälligen literarischen bestrebungen von seite der competenten kaiserl. russischen akademie in seinem schatzkästlein zu der von seinem angebornen monarchen erhaltenen tabatiere gelegt, aber zugleich den geldwerth der medaille unter zwey andere, ausschliesslichere und dazu mehr kinder- als geldreiche slawisten vertheilt, und so die belohnung der erlauchten akademie durch seine widerlage im geiste derselben verdoppelt.

(Österreichisch - kaiserliche privilegirte Wiener Zeitung. № 284. Dienstag, den 13. december. 1836. seite 1601).

217) Труды россійской академіи. 1840. Часть I, стр. 76—79.—

Исторія россійской академіи. VII, 396—397.—

218) Записки россійской академіи. 1801 года, л. 64. Рескриптъ 13 іюня 1801 года.—

219) Записки россійской академіи. Собраніе 24 октября 1836 года, ст. I, л. 161 об.—162 об.—

220) Описаніе россійско-императорскаго столичнаго города Санктпетербурга и достопамятностей въ окрестностяхъ онаго. Сочиненіе Г. Г. Георги. 1794; стр. 121—122, § 191.—

221) Записки россійской академіи. Собраніе 20 іюля 1799 года, ст. I и II, и Приложеніе. —

222) Записки россійской академіи. Собранія: 3 марта 1800 года, ст. I и Приложеніе;—12 мая 1800 года, ст. I и Приложеніе.—

223) Записки россійской академіи. Собраніе 9 іюня 1800 года, ст. I.—

224) Записки россійской академіи. Собраніе 7 іюля 1800 года, ст. I.—

Милостивый государь мой!

По поводу доклада россійской академіи, всеподданнѣйше мною государю императору поднесеннаго, коимъ она испрашиваетъ себѣ для собраній своихъ состоящее на Васильевскомъ острову въ первой линіи мѣсто, *Московскимъ подворьемъ* называемое, кое по ветхости его самъ преосвященный митрополитъ московскій продать желаетъ, высочайше повелѣть изволилъ спросить, сколько стоитъ помянутое подворье, о чемъ я и сообщалъ преосвященному архіепископу Амвросію; но какъ сія оцѣнка зависитъ и отъ россійской академіи, то прошу покорно васъ, милостивый государь мой, положа и со стороны вашей прописанному подворью примѣрную и для казны выгодную цѣну, меня увѣдомить о семъ для доклада его величеству. Впрочемъ имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ,

милостивый государь мой,

вашего высокородія

всепокорный слуга

Д: Неплюевъ.

Петергофъ
Іюня 25-го дня. 1800.
Его высокородію
Озерецковскому.

Милостивый государь мой!

Извѣстился чрезъ Якова Александровича Дружинина, что о Московскомъ подворьѣ и о цѣнѣ онаго есть у васъ письмо отъ его высокопреосвященства московскаго митрополита Платона, съ коего для доклада государю императору нужно мнѣ имѣть копію

или подлинное, которое и покорно прошу васъ доставить ко мнѣ. Впрочемъ честь имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ,

милостивый государь мой,

вашего высокородія

всепокорный слуга

Д. Неплюевъ.

Петергофъ
Іюля 5 дня 1800.

Его высокородію
Озерецковскому.

Преосвященнѣйшій владыко!

Любезный пріятель!

Подлинно я отзывался, чтобъ дозволено было продать Московское подворье. Мнѣ его вновь устраивать трудно, а охотники были купить, и давали до 10000 рублей. Ежели бъ торговать, надѣюсь, что дали бы и болѣе, ибо мѣсто выгодно. Оно по крайней мѣрѣ стоитъ десяти тысячъ рублей. Я съ него получаю по 450 рублей въ годъ. Чтобъ сей доходъ получать процентами, потребно 9000 рублей. Да строеніе конечно стоитъ 1000 рублей, ибо хотя оно и ветхо, но весьма немало; есть и каменное и лобазы. Ежели оно потребно въ казну, я могу быть доволенъ, ежели 10000 рублей будетъ пожаловано. Впрочемъ все то съ благодарностію приму, что высочайшая власть опредѣлитъ. Прошу ваше преосвященство стараніе о томъ употребить, и тѣмъ ко многимъ вашимъ одолженіямъ и сіе приложить; а я съ благодарностію и съ почтеніемъ пребуду

вашего преосвященства

усердный слуга

Платонъ митрополитъ московскій

1800 года
Іюня 28 дня
наканунѣ 64-го года.
Вифанія.

P. S. По написаніи уже сего получилъ я отъ вашего преосвященства и копію съ вашего письма къ г. Неплюеву о Московскомъ подворьѣ. Вы оцѣнили, кажется мнѣ, дешевенько по прописаннымъ выше отъ меня резонамъ. Однако я долженъ доволенъ быть тѣмъ, что свыше имѣетъ быть опредѣлено. Я продалъ на Троицкомъ подворьѣ конюшенное мѣсто меньше выгодное, однако взялъ 10000 рублей.

Милостивый государь.

Дмитрій Николаевичъ!

Россійская академія съ чувствительнѣйшею благодарностію пріемля отношеніе къ ней вашего превосходительства вразсужденіи примѣрной цѣны Московскаго подворья, поручила мнѣ донести вашему превосходительству, что она мѣсто, подъ симъ подворьемъ находящееся, не дороже оцѣнить можетъ, какъ въ три тысячи рублей, по причинѣ нынѣшней дороговизны оное застроить. Чтожъ касается до строенія, на ономъ мѣстѣ еще стоящаго, то ему всю цѣну полагаетъ въ тысячу сто пятьдесятъ рублей, и то единственно за старый матеріалъ, ветхое оное строеніе составляющій, а пользоваться тѣмъ строеніемъ въ теперешнемъ его видѣ совсѣмъ не можетъ. И такъ, мѣсто и домъ Московскаго подворья цѣнитъ въ 4150 рублей. О семъ донеся вашему превосходительству, съ глубочайшимъ моимъ почитаніемъ имѣю честь быть,

милостивый государь,
вашего превосходительства
всепокорнѣйшій слуга

Іюня 25 дня 1800. Н. О.

Милостивый государь

Дмитрій Николаевичъ!

Услыша, что ваше превосходительство желаете имѣть копію съ письма московскаго митрополита, которое писалъ онъ

къ г. военному губернатору графу фонъ-деръ-Палену, за долгъ себѣ почелъ препроводить оную копію къ вашему превосходительству. Сверхъ того присовокуплено и то̀, что митрополитъ московскій, послѣ онаго письма, писалъ къ с. петербургскому архіерею, и открылся, что ему хотѣлось бы взять за Московское подворье до десяти тысячъ рублей, о чемъ сказывалъ мнѣ братъ мой, оберъ-полевой священникъ Павелъ Озерецковскій. Сіе послѣднее митрополичье письмо можете ваше превосходительство истребовать у с. петербургскаго архіерея. Оно докажетъ вашему превосходительству, что россійская академія лишившаяся дому, почти собственными ея трудами нажитаго, гораздо умѣреннѣе въ своемъ всеподданнѣйшемъ прошеніи, нежели московскій митрополитъ. Возобновляя всепокорнѣйшее прошеніе академіи, съ глубочайшимъ почитаніемъ имѣю честь быть,

милостивый государь,

вашего превосходительства

всепокорнѣйшій слуга

Н. О.

Іюля 5 дня 1800.

Милостивый государь

Дмитрій Николаевичъ!

Услыша только волю вашего превосходительства, немедленно препроводилъ къ вамъ копію съ перваго письма московскаго митрополита, а сегодня получа отъ вашего превосходительства письмо, тотчасъ отправился я къ с. петербургскому архіерею, у котораго самъ читалъ другое письмо московскаго митрополита, и съ онаго копію здѣсь представляю, присовокупляя всепокорнѣйшую просьбу россійской академіи, которая почти упала, поднять ее въ понесенныхъ ею убыткахъ по ея дому, котораго лишилась, и привести ее въ состояніе продолжать свои

труды въ пользу настоящихъ и будущихъ россіянъ. Съ глубочайшимъ почитаніемъ имѣю честь быть,

милостивый государь,

вашего превосходительства

всепокорнѣйшій слуга

Н. О.

Іюля 6 дня 1800.

225) Записки россійской академіи. Собраніе 14 іюля 1800 года, ст. I и Приложеніе. —

226) Записки россійской академіи. Собраніе 27 октября 1800 года, ст. I—VI.—

227) Записки россійской академіи. Собраніе 29 марта 1802 года, ст. I и II, л. 59—63. —

228) Записки россійской академіи. Собраніе 12 іюля 1804 года, ст. I—VII, л. 155—159. —

229) Санктпетербургскія Вѣдомости. 28 октября 1841 года, № 245, стр. 1096—1097: «О зданіи Россійской Академіи».—

230) Сочиненія, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фонвизина. Редакція изданія П. А. Ефремова. 1866. стр. 249. —

231) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1784. Часть XI. стр. 7. —

232) Зритель. 1792. Часть III. Сентябрь. стр. 56. —

233) Собесѣдникъ любителей россійскаго слова. 1783. Часть VIII, стр. 39—62. —

234) Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. Пекарскаго (Приложеніе къ III-му тому Записокъ императорской академіи наукъ. № 6). 1863. стр. 21—26, 54—55. —

235) Записки россійской академіи. Собраніе 28 октября 1783 года, ст. I—III, л. 11—12, и др.—

236) Histoire de l'académie française par Pellisson et d'Oli-

vet, avec une introduction, des éclaircissements et notes, par M. Ch.—L. Livet. 1858. I, 405—467, 477—488.—

237) Московскій Журналъ. 1791. Часть первая. Книжка вторая. Мѣсяцъ Февраль. стр. 236—247. Всеобщая и частная естественная исторія, графа Бюффона. Часть I. Переведена академиками Ст. Румовскимъ и И. Лепехинымъ. 1789.—

238) Московскій Журналъ. 1791. Часть IV, стр. 112.

Любопытно, что въ томъ же самомъ журналѣ (Часть V. 1799. стр. 157), и притомъ въ такомъ произведеніи, какъ *Модная жена*, Дмитріева, встрѣчается слово: *колико*. Въ первомъ изданіи Московскаго Журнала *Модная жена* начинается стихами:

Колико я въ мой вѣкъ бумаги исписалъ:
Той—пѣсню, той—сонетъ, той—льстивый мадригалъ.

Во второмъ изданіи Журнала (1802. Часть. V. стр. 152) сдѣлано такое измѣненіе:

Ахъ! *сколько* я въ мой вѣкъ бумаги исписалъ, и т. д.

239) Словарь академіи россійской. 1790. Часть II. стр. 198.—

240) Взглядъ на мою жизнь. Записки Ивана Ивановича Дмитріева. 1866. стр. 84—86.—

241) Странствованія Телемака, сына Улиссова. Твореніе архіепископа Фенелона, вновь переведенное Иваномъ Захаровымъ. 1786. Двѣ части. Часть I, стр. 2, 6, 14 и др. Часть II, стр. 412 и др.—Обиліе славянизмовъ въ переводѣ Захарова объясняется тогдашними понятіями о важности эпической поэмы, на что̀ указываетъ и самъ переводчикъ. Важность содержанія требовала и важнаго слога, а важность, или возвышенность, придавали слогу, по тогдашней теоріи, славянизмы. Въ журналѣ *Зритель* (1792. Часть III, стр. 20) читаемъ: «По важности матеріи хотя слогъ трагедіи долженъ быть важенъ, однакожъ долженъ уступить *эпической поэмѣ*, въ которой чѣмъ сильнѣе вымыслы

стихотворческіе и чѣмъ блистательнѣе украшенія риторическія, тѣмъ больше *слогъ возвышенный* возводитъ на степень совершенства *поэму*. Въ трагедіи же возвышенный слогъ долженъ быть въ срединѣ между украшеніемъ витійства и самою простотою... Сколь ни великъ былъ нашъ Ломоносовъ, но онъ въ своихъ трагедіяхъ не наблюлъ сей средины. Если бы *Демофонтъ*, *Тамира и Селимъ* были меньше поэмы, тогда бы трагедіи сіи были вѣнцомъ россійскаго театра». —

242) Мелочи изъ запаса моей памяти. М. А. Дмитріева. Изданіе Русскаго Архива. 1869. стр. 71. —

243) Приключенія маркиза Г... перев. Ив. Елагина. 1780. Часть I, стр. 121, 163 и др. Часть II, стр. 22 и др.—

244) Разговоры Лукіана Самосатянина, преложенные съ греческаго языка на россійскій священникомъ и императорск. россійск. академіи членомъ Іоанномъ Сидоровскимъ. 1784. Часть III, стр. 335, 520, 485 и др. —

245) Вѣстникъ Европы. 1803. Апрѣль. № 7, стр. 200—212.

246) Записки россійской академіи. Собраніе 19 октября 1801 года, л. 180 об. —

247) Телескопъ. 1834. Часть XIX. Обозрѣніе русской словесности за 1833 годъ, стр. 13. —

248) Московскій Телеграфъ. 1831. Часть XXXVII, стр. 85.

249) Московскій Телеграфъ. 1833. № 8. Апрѣль, стр. 563—567. —

250) Московскій Телеграфъ. 1833. № 11. Іюнь, стр. 457—458. —

251) Московскій Телеграфъ. 1826. Часть VII, стр. 359—362. —

252) Московскій Телеграфъ. 1829. Часть XXV, стр. 236—237. —

253) Московскій Телеграфъ. 1829. Часть XXVIII, стр. 343—344. —

254) Московскій Телеграфъ. 1830. Часть XXXIII, стр. 105—106. —

255) Библіотека для чтенія. 1834. Томъ VII. Литературная лѣтопись, стр. 23—24. —

256) Библіотека для чтенія. 1839. Томъ XXXV. Литературная лѣтопись, стр. 39—45. —

257) Засѣданіе, бывшее въ императорской россійской академіи 18 января 1836 года, стр. 17—27. —

Труды россійской академіи. 1840. Часть III, стр. 89—97.

258) Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ редакціею и съ объяснительными примѣчаніями П. О. Морозова. 1887. Томъ V, стр. 299—306. —

259) Отечественныя Записки. 1841. Томъ XIV. Библіографическая хроника. Январь 1841 года, стр. 35—36. —

260) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 2801, № 76371:

О соединеніи Академіи Россійской съ Академіею наукъ.

По всеподданнѣйшей докладной запискѣ моей о кончинѣ президента императорской россійской академіи адмирала Шишкова, вашему императорскому величеству, въ 11-тый день апрѣля, благоугодно было высочайше повелѣть «представить проектъ «соединенія Россійской академіи съ Академіею наукъ». Въ исполненіе сей высочайшей воли, я входилъ въ подробное соображеніе основаній, на какихъ такое соединеніе могло бы быть приведено въ дѣйство. Главный предметъ, который я считалъ себя обязаннымъ имѣть при семъ въ виду, было то̀, чтобъ Россійской академіи, при соединеніи ея съ Академіею наукъ, дать направленіе, соотвѣтственное настоящему положенію отечественнаго языка и словесности, распространяя кругъ ея дѣятельности, и въ тоже время сохранить, по возможности, отдѣльное существованіе Академіи наукъ — заведенія, завѣщаннаго Россіи Петромъ Великимъ, и коего самое наименованіе принадлежитъ ему. Притомъ безраздѣльное сліяніе обѣихъ академій представило бы неизбѣжныя неудобства отъ разнородности ихъ занятій.

Однимъ изъ существеннѣйшихъ недостатковъ устава россійской академіи было то̀, что онъ предоставлялъ произволу и досугу членовъ труды по части языка и словесности. Академія должна остаться и впредь доступною для отличнѣйшихъ писателей, которыхъ имена, украшая отечественную словесность, украсятъ и сословіе членовъ академіи; но для отвращенія неудобства, показаннаго выше сего, необходимо назначить при ней опредѣленное число ординарныхъ академиковъ, съ жалованьемъ, какъ въ академіи наукъ, которые постоянно трудились бы по плану и для цѣли академической. Сверхъ того при нынѣшнемъ положеніи словеснаго нашего образованія, труды академіи должно, съ большею опредѣлительностію, чѣмъ въ уставѣ 1818 года, распространить на всю область нарѣчій и литературъ славянскихъ.

Для Академіи наукъ я полагаю оставить исключительнымъ предметомъ занятій преимущественно *науки точныя* (sciences exactes), которыхъ обработываніе поставлено ей въ обязанность волею великаго ея учредителя, а знанія филологическія и древности, въ послѣдствіи времени включенныя въ кругъ ея дѣятельности, сдѣлать предметомъ трудовъ особаго учрежденія. Такимъ образомъ каждое изъ этихъ учрежденій будетъ заниматься обработываніемъ особой вѣтви знаній, не препятствуя и не мѣшая другому, но дѣйствуя совокупными силами во всемъ, что̀ требуетъ усилій оединенныхъ и общихъ.

На этомъ основаніи, подъ однимъ наименованіемъ: *Императорскія Соединенныя Академіи*, будутъ состоять три учрежденія. *Академія наукъ*, занимающаяся, по первоначальному ея плану, чистою и прикладною математикой, астрономіей, физикой, химіей общею и приспособленною къ технологіи, минералогіей, ботанической зоологіей, сравнительной анатоміей и физіологіей, географіей и мореплаваніемъ. *Академія русской словесности* (котор. можно бы назвать и *Славяно-русскою академіею*) по прежнему главною обязанностію будетъ имѣть попеченіе объ успѣхахъ и усовершенствованіи отечественнаго языка и словесности, разработывая вмѣстѣ съ тѣмъ русскую исторію и древности; она

должна будетъ отнынѣ обращать свои изысканія и на прочія вѣтви славянскаго языка, на древне-церковное славянское нарѣчіе, нарѣчія польско-чешскія и сербо-словацкія, и на другія мѣстныя нарѣчія въ имперіи; на частную исторію, статистику и законодательство славянскихъ племенъ древнѣйшаго и новаго времени. *Академія исторіи и филологіи,* составленная изъ существующаго при академіи наукъ отдѣленія наукъ историческихъ, политическихъ и филологическихъ, будетъ имѣть предметомъ отрасли познаній, отдѣляемыя нынѣ отъ входившихъ въ кругъ дѣятельности академіи наукъ: исторію, статистику, политическую экономію, словесность и древности греческія и римскія; древности, исторію, географію и языки востока, именно языки: арабскій и персидскій, турецкій и татарскій, грузинскій и армянскій, монгольскій и калмыцкій, китайскій и манчжурскій, санскритскій и тибетскій. Здѣсь поименовано нѣсколько языковъ, невступившихъ еще въ кругъ занятій академіи наукъ, но при возрастающихъ средствахъ этотъ недостатокъ будетъ легко пополненъ.

Дѣйствительные члены сихъ трехъ академій въ совокупности образуютъ *Академическое собраніе императорскихъ соединенныхъ академій.* Всѣ три имѣютъ одного президента и одного вице-президента. Каждая академія будетъ имѣть свою особую конференцію и своего непремѣннаго секретаря. Въ отсутствіе президента, въ академіи наукъ предсѣдательствуетъ вице-президентъ; въ двухъ прочихъ академіяхъ президентъ назначаетъ каждогодно предсѣдательствующаго члена. Сей послѣдній руководствуетъ занятіями академіи, и служитъ по ученой части посредникомъ между академіею и начальствомъ. Я считалъ бы весьма полезнымъ, чтобъ назначеніе дѣйствительныхъ членовъ въ Академію словесности русской и непремѣнныхъ секретарей двухъ академій было бы на первый разъ предоставлено произвести мнѣ, по докладу вашему величеству, по примѣру того, что было постановлено при преобразованіи университетовъ. За симъ выборъ членовъ и непремѣнныхъ секре-

тарей слѣдуетъ возложить уже на конференцію каждой академіи, на основаніи существующаго порядка въ академіи наукъ. Въ комитетѣ правленія Соединенныхъ академій, къ нынѣшнему составу его присоединяется еще одинъ академикъ и одинъ совѣтникъ — такъ, чтобы отъ каждой академіи было по одному члену и совѣтнику. Вообще, въ отношеніи ко внутреннему управленію своему академій, долженъ быть принятъ въ руководство уставъ академіи наукъ, высочайше утвержденный въ 1836 г. Присоединеніе къ штатнымъ доходамъ Академіи наукъ суммъ Россійской академіи и свободное оными распоряженіе доставятъ возможность произвесть всѣ эти измѣненія въ устройствѣ академій безъ значительныхъ новыхъ издержекъ.

Позволяю себѣ думать, что *Императорскія Соединенныя Академіи*, какъ важнѣйшія ученыя учрежденія Царства Русскаго, не будутъ недостойны особеннаго и непосредственнаго покровительства Императорскаго Дома, въ которомъ Россія обыкла находить благотворное споспѣшествованіе всему благому и полезному. Ваше императорское величество нѣкогда осчастливили абовскій университетъ принятіемъ титла его канцлера; александровскій университетъ съ гордостію видитъ, что сіе званіе благоугодно было вашему величеству поручить государю наслѣднику цесаревичу. Принятіе его императорскимъ высочествомъ титла *Канцлера Императорскихъ Соединенныхъ Академій* возвысило бы сіе сословіе въ глазахъ отечества и Европы, и упрочило бы его дальнѣйшее преуспѣяніе, оживляя его дѣятельность на пользу наукъ и словесности русской.

Ежели эти основныя начала удостоятся высочайшаго соизволенія вашего императорскаго величества, то я не премину составить особый комитетъ, изъ членовъ обѣихъ академій, для подробнѣйшаго начертанія общаго устава Соединенныхъ академій.

Сергій Уваровъ.

11 іюня 1841 года.

261) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 87, № 128677.

262) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 2801, № 76371.

263) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 87, № 128677.

264) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 2801, № 76370.

Президентъ россійской академіи Шишковъ ходатайствовалъ о выбитіи медали въ память пятидесятилѣтія россійской академіи, по рисунку графа Ѳедора Петровича Толстаго. На докладѣ объ этомъ министра народнаго просвѣщенія государь написалъ: «Согласенъ въ томъ только случаѣ, ежели всегда при пятидесятилѣтіяхъ медали выбивались; казалось бы приличнѣе ждать ста лѣтъ». Оказалось, что по случаю пятидесятилѣтія академіи наукъ выбиты были двѣ золотыя медали, большая и малая, и на первой изъ нихъ надпись: «Юбилей академіи наукъ торжествованъ 1776 года». На этомъ основаніи были выбиты медали и въ «ознаменованіе» пятидесятилѣтія россійской академіи; но юбилей ея «торжествованъ» не былъ, и медали пришлось уничтожить. Всѣхъ медалей по поводу пятидесятилѣтія россійской академіи выбито 313; изъ нихъ 13 золотыхъ, 150 серебряныхъ и 150 бронзовыхъ. Черезъ восемь лѣтъ послѣ юбилейнаго года, именно въ 1841 году, послѣдовало распоряженіе: бронзовыя медали раздать дѣйствительнымъ и почетнымъ членамъ россійской академіи, а золотыя и серебряныя уничтожить переливомъ въ металлъ.

265) Histoire des quarante fauteuils de l'académie française, par M. Tyrtée Tastet. 1855. T. I, стр. 127—129.

266) Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, подъ редакціею П. О. Морозова. 1887. Томъ V, стр. 306.

267) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. 1883. Томъ VIII, стр. 453—454.